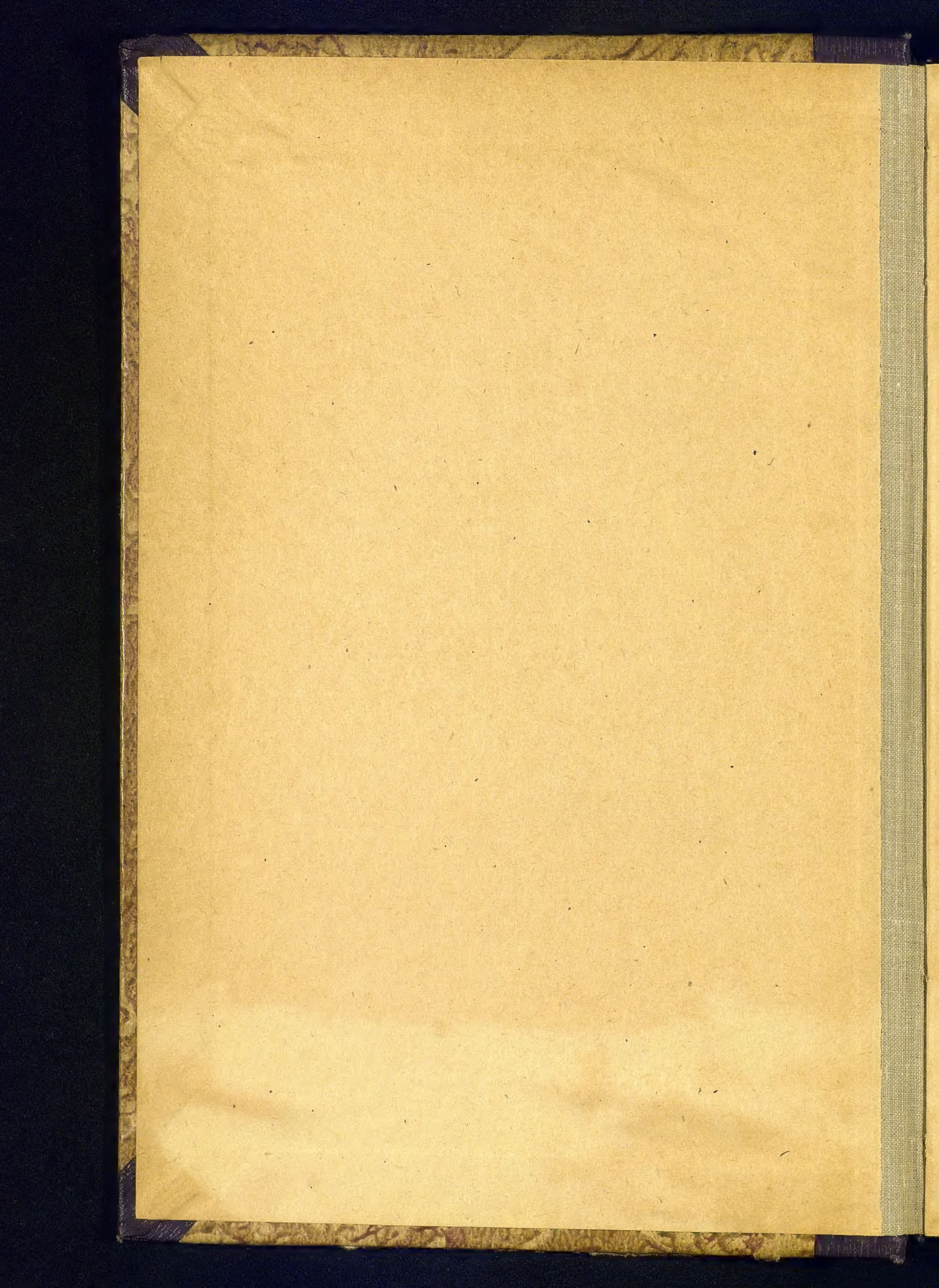
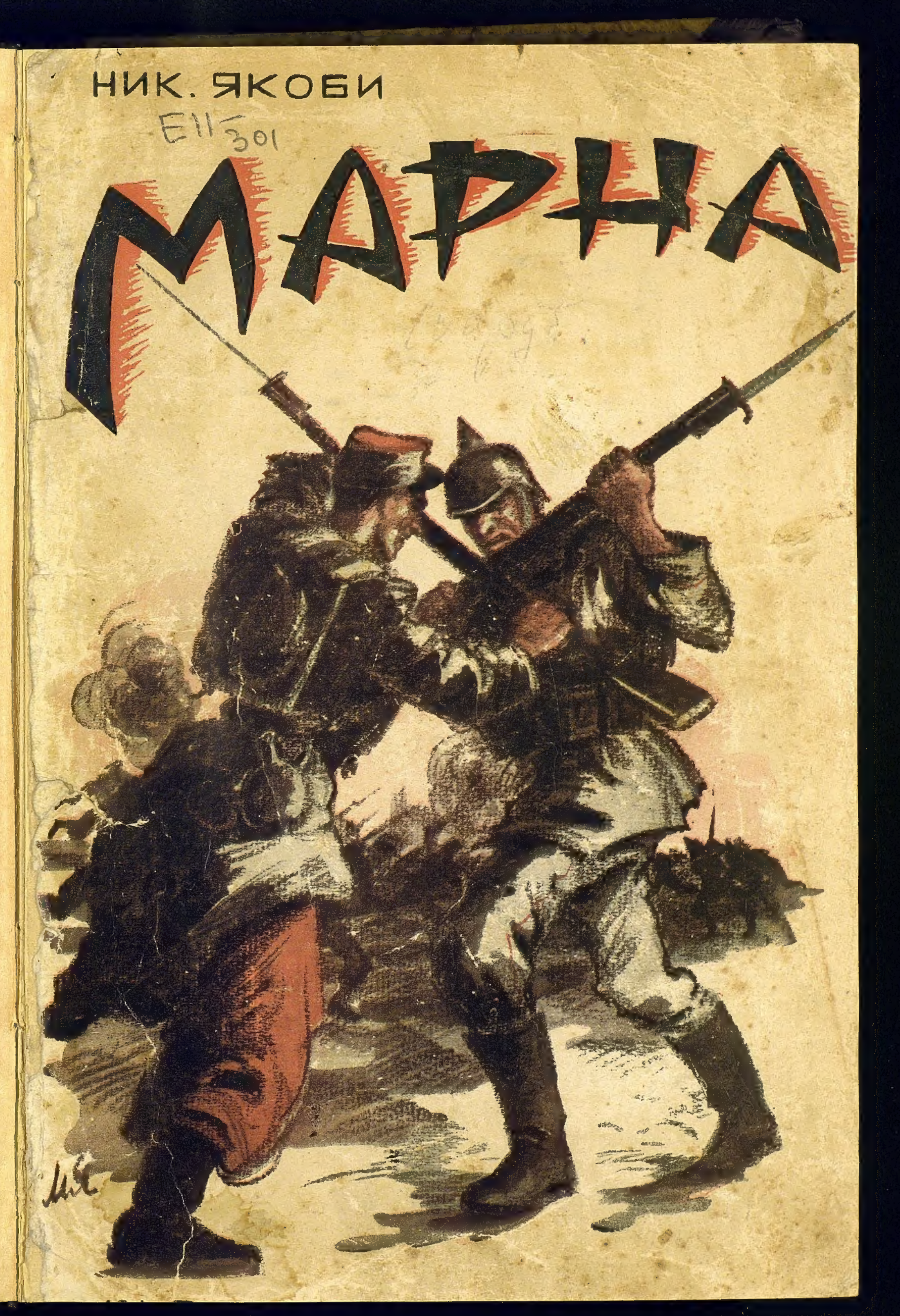

НИК. ЯКОБИ
МАРНА

Ник. Якоби

МАРНА

Трагическое крушеніе германскаго наступленія на Парижъ въ августѣ — сентябрѣ 1914 года

R I G Ā, 1938

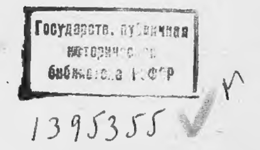
IZDEVNIECĪBA „DĻA VAS", ĪPAŠNIEKS R. RUBINŠTEINS

NIKOLAJS JAKOBI

MARNA

Tragičeskoe krušenie germanskago nastuplenija na Pariž v avguste — sentjabre 1914 goda

Iespiests akc. sab. „Riti“ spiestuvē, Rigā, Dzirnavu ielā 57

Отъ автора

Въ этой книгѣ читатель не долженъ искать романтической выдумки, орнаментовъ, батальныхъ картинъ, пристрастій сердца, желанія когонибудь выгородить, превознести, короновать или оправдать. Я не хотѣлъ писать «романтизированную біографію» войны. Но, конечно, эта книга не претендуетъ стать и научнымъ или историческимъ изслѣдованіемъ, не стремится освѣтить по новому причины войны или судьбы отдѣльныхъ ея сраженій.

Цѣль была одновременно и проще, и труднѣй.

Съ той поры, когда на берегахъ Марны разыгралась кровавая трагедія, прошло четверть вѣка. На европейскомъ книжномъ рынкѣ за это время появилось много книгъ. Ихъ авторы основательно анализировали причины, вслѣдствіе которыхъ Парижъ, это сердце Франціи, былъ избавлечъ отъ германской оккупаціи. Такія изслѣдованія появились на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ языкахъ, составили обширную литературу, — любознательность читателей самыхъ различныхъ слоевъ можетъ считать себя удовлетворенной.

Другая судьба постигла трагедію, разыгравшуюся на подступахъ къ Сольдау. О ней на международномъ книжномъ рынкѣ всего нѣсколько трудовъ. Въ большинствѣ случаевъ гибель арміи Самсонова нашла свое отраженіе въ послѣвоенной литературѣ, лишь какъ достойный вниманія эпизодъ. Не больше. Особенно бѣдна въ этомъ смыслѣ русская литература. За всѣ эти 25 лѣтъ появилось только нѣсколько научныхъ изслѣдованій, — изъ нихъ нужно прежде всего упомянуть превосходную книгу Н. Н. Головина «Изъ исторіи кампаніи 1914 года на Восточномъ фронтѣ». Эта книга — едва-ли не единственное изданіе, доступное русскому читателю за рубежомъ. Есть книги объ этомъ въ СССР, но оттуда доступъ печатныхъ произведеній очень затрудненъ.

Это обстоятельство и побудило издательство журнала «Для Васъ», — тамъ впервые и появилась «Марна», — обратиться ко мнѣ съ предложеніемъ написать т. наз. «историческій репортажъ». Мнѣ не хотѣлось, однако, ограничиться только «репортажемъ». Я стремился перенести читателя въ атмосферу тѣхъ мѣсяцевъ, когда свершались событія исторической важности и міровового значенія. Въ своей книгѣ я пытался возстановить психологическую атмосферу 1914 года, почувствовать ее одинаково во Франціи, Англіи и Россіи, какъ и въ Австро-Венгріи и на Балканахъ. Своимъ долгомъ я считалъ обратить вниманіе на изобразительность и образность изложенія.

Разумѣется, голосъ справедливости повелѣвалъ указать на ту услугу, которую русская армія оказала Франціи. Надо помнить, что этотъ жертвенный подвигъ русской арміи не всѣми, въ свое время, былъ оцѣненъ по достоинству. Но это хорошо извѣстно всѣмъ, хотя бы немного интересовавшимся исторіей великой войны.

Въ заключеніе долженъ сказать нѣсколько словъ объ одной характерной, при томъ общей, чертѣ книгъ, написанныхъ современниками. Когда я началъ готовить «Марну», мнѣ пришлось обратиться къ изученію га-

зетъ и журналовъ 1914 года, въ надеждѣ найти тамъ наиболѣе свѣжія впечатлѣнія участниковъ, наиболѣе правдивыя свидѣтельства и фотографіи. Къ сожалѣнію, часть этихъ источниковъ оказалась пронизанной тенденціей, освѣщала дѣла и вопросы односторонне. Но извѣстно, что полная правда открывается не современникамъ, а послѣдующимъ поколѣніямъ.

Выскажу одно сожалѣніе.

Многія воспоминанія участниковъ трагедіи подъ Сольдау до сихъ поръ не увидѣла свѣта. Между тѣмъ въ русскомъ Пражскомъ Архивѣ хранятся цѣнныя рукописи, къ сожалѣнію, доступныя лишь немногимъ. Извѣстно также, что воспоминанія генерала Мартоса, написанныя имъ въ германскомъ плѣну, находятся и сейчасъ въ частномъ владѣніи. Вотъ почему многія свѣдѣнія о трагедіи подъ Сольдау мнѣ пришлось черпать изъ германскихъ источниковъ. Къ счастью, они оказались достаточно авторитетными, хотя и страдаютъ, конечно, односторонностью.

Для полнаго освѣщенія этой трагедіи, этихъ сраженій, многаго изъ того, что такъ цѣнно было-бы каждому изслѣдователю, воспоминанія такихъ близкихъ и авторитетныхъ участниковъ этихъ историческихъ событій, какъ генералъ Мартосъ, представляютъ собой незамѣнимое подспорье. Это не только исторія, это еще и исповѣдь, свидѣтельства, признанія памяти и сердца. Такія свидѣтельства не лгутъ, а для такихъ книгъ, какъ, мой «историческій репортажъ», представляютъ собой исключительный источникъ, дарящій краски, оттѣнки, голоса живой, теперь давно уже погибшей, жизни.

НИК. ЯКОБИ.

Балдоне, 28 августа 1938 г.

Часть первая

Сѣрая лавина кайзера

Unis par la gloire
Réunis par la mort,
Des soldats c'est le dévoir
Des bravns c'est le sort

Часть первая

ЛѢТО 1914 Г.

ДИВНЫМЪ было лѣто 1914 года. Оно было жаркимъ, но безъ дождей. Солнце, казалось, не заходило надъ Европой. Угрожала засуха. Наиболѣе тревожныя свѣдѣнія поступали изъ Берлина. Въ началѣ іюля газеты разсказали, что Ландверъ-каналъ высохъ, въ немъ показались мели, что на Шпрее прекратилось всякое судоходство. Суевѣрные люди пророчествовали недоброе.

Люди мало обращали на это вниманія. Они были заняты безпечной жизнью на курортахъ, напѣвали модныя пѣсенки, танцовали изломанный и, пожалуй, немного, по тѣмъ временамъ, неприличный танго, слушали послѣдніе боевики английской музыки — «Амапу», «Сонъ негра» и «Саломею» Джойса.

По вечерамъ же, когда на землю спускались душные вечера, дамы затянутыя въ корсеты, и мужчины въ высокихъ крахмальныхъ воротничкахъ и необыкновенно узкихъ брюкахъ выходили на поляны, на побережья озеръ и морей и сквозь оперные бинокли старались разглядѣть туманную и далекую комету, едва замѣтно мерцавшую надъ темнымъ горизонтомъ.

Старики качали головой и говорили: «будетъ война». Молодежь смѣялась, называла это предразсудками. Продолжала флиртовать и соперничать въ хорошихъ манерахъ. Газеты читались рѣдко.

28 іюня 1914 года грянулъ выстрѣлъ. Онъ былъ громче взрыва самого большого заряда динамита. Звукъ его разнесся по міру съ быстротой электрической искры.

Почти одновременно въ Парижѣ, Петербургѣ, Берлинѣ и Лондонѣ вышли экстренныя газеты:

— Въ Сараевѣ убитъ австрійскій престолонаслѣдникъ!

— Убійца арестованъ! Онъ оказался сербскимъ террористомъ Гаврило Принципомъ!

Европа вздрагиваетъ. Дрожитъ сначала мелкой дрожью, содрагается, какъ въ лихорадкѣ, затѣмъ ее схватываютъ судороги, заставляющія дипломатію метаться въ бредовыхъ спазмахъ.

Листки календаря смѣняются. Грозныя событія все ближе и ближе подкатываются къ столицамъ Европы. Поютъ телеграфныя проволоки, звенятъ телефоны. Изъ посольства въ посольство, изъ министерства въ министерство торопливо переходятъ одѣтые то по парадному, то по скромному дипломаты, чиновники, военные, курьеры и шпіоны.

Исторія Европы набираетъ темпъ. Континентъ уже ощущаетъ первые приступы военнаго психоза. Въ главныхъ центрахъ политики раздаются первыя роковыя фразы.

— Не уступать, не уступать ни за что!

УГРОЗА ВОЙНЫ.

Потерявъ своего племянника и престолонаслѣдника, австрійскій императоръ Францъ Іосифъ былъ глубоко потрясенъ. Долгое время колебался онъ, не зная, какія мѣры необходимо принять противъ Сербіи.

Въ такомъ нерѣшительномъ настроеніи, онъ пишетъ письмо Вильгельму II, въ которомъ говоритъ, что Сербію нужно наказать, ограничить ея вліяніе, какъ политическаго фактора въ Европѣ и какъ центра панславянизма на Балканахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ прозрачно намекаетъ на желаніе подчинить себѣ Сербію, сдѣлать ее вассаломъ Австріи.

5 іюля графъ Берхтольдъ прилагаетъ къ этому письму обширный меморандумъ, уже заготовленный имъ за нѣсколько недѣль, и въ немъ обрисовываетъ трудное внѣшне-политическое положеніе Австріи.

Послѣ балканской войны 1912-1913 г.г. вліяніе Сербіи на Балканахъ сильно возросло. Слѣдствіемъ этого явилось колебаніе Румыніи, которая все больше и больше стремилась къ сближенію съ Россіей. Она, совмѣстно съ Франціей, игравшей въ этой интригѣ руководящую роль, занялась созданіемъ блока балканскихъ государствъ для того, чтобы съ одной стороны обезсилить Турцію, а съ другой — воспрепятствовать Австріи и Германіи усилить свои позиціи въ Малой и Средней Азіи, пользуясь балканскими государствами, какъ трамплиномъ.

Въ тотъ же день, 5 іюля, австрійскій посолъ въ Берлинѣ графъ Чеджени лично передаетъ письмо Франца Іосифа и приложенный къ нему меморандумъ Вильгельму II. Это происходитъ въ Потсдамскомъ дворцѣ. Кайзеръ, прочитавъ посланія, заявляетъ Чеджени, что Австрія въ правѣ разсчитывать на полную поддержку Германіи, хотя дѣйствія Австріи могутъ вызвать вмѣшательство Россіи. Но кайзеръ и этого не боится. Es wird auch nicht schaden, wenn daraus ein Krieg mit Russland entstehen wird. Вильгельмъ при этомъ отмѣчаетъ, что Россія совершенно неподготовлена къ войнѣ и, прежде чѣмъ рѣшиться на мобилизацію, сильно подумаетъ.

Едва затворились двери амштеттенскаго родового склепа, куда были опущены останки покойнаго Франца-Фердинанда Австрійскаго, какъ Вѣна уже открыто обвиняетъ Бѣлградъ въ сговорѣ съ террористами.

Пашичъ протестуетъ. Указываетъ, что его полиція предупредила вѣнскую. Берхтольдъ слушаетъ его въ полъ-уха:

— Нѣтъ, это неправда! Сербія давно уже ведетъ свою національную пропаганду въ Босніи и Герцоговинѣ!

Въ теченіе двухъ недѣль государственныя канцеляріи Сербіи и Австріи обмѣниваются ежедневно самыми рѣзкими нотами. На эту дипломатическую дуэль съ безпокойствомъ поглядываютъ остальныя государства міра, но... никто не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки вмѣшаться, урезонить, объяснить, успокоить.

16 іюля президентъ французской республики Раймондъ Пуанкарэ подымается на бортъ броненосца «Франсъ». Дюнкирхенъ разукрашенъ флагами, гремитъ марсельеза, стрѣляютъ пушки береговыхъ батарей и флота. Президентъ направляется въ Россію.

20 іюля. Осталось всего десять дней до начала войны, но Франція вѣрна своему легкомыслію. Интересъ къ процессу Кайо сильнѣе австро-сербскаго конфликта. Газеты, полныя скандальныхъ деталей, рвутъ изъ рукъ. «Танъ», «Журналь», «Пти Паризьенъ» и ихъ собратья увеличиваютъ число страницъ. Гдѣ-то на второмъ планѣ, — шрифтомъ помельче,

заголовкомъ поспокойнѣй, — печатаются извѣстія съ береговъ Савы и Дуная. Въ отдѣлѣ финансовъ кто-то пессимистически заикается объ экономическомъ кризисѣ.

Это въ 1914-томъ году!

Но дальше, дальше. —

Дни бѣгутъ.

Рѣзкій ультиматумъ Австріи, пересланный въ Бѣлградъ, призываетъ руководителей государственныхъ канцелярій на командные мостики, принуждаетъ стать рулевыхъ за штурвалы. Неожиданно похолодѣвшія руки хватаются за поручни, но — поздно. Грозный шквалъ налетѣлъ на крѣпкій корпусъ Европы, повалилъ его на бокъ. Европа всецѣло во власти бѣшенныхъ волнъ, начинающихъ трепать ея надстройки, разрушать десятилѣтіями налаживаемыя скрѣпы.

Вѣна требуетъ отъ Сербіи въ продолженіе сорока восьми часовъ роспуска всѣхъ національно-мыслящихъ союзовъ и организацій, преслѣдованія ихъ членовъ, какъ прямыхъ сообщниковъ сараевскаго покушенія.

Больше того!

Нота требуетъ «опубликовать въ сербскомъ правительственномъ вѣстникѣ офиціальную декларацію, въ которой правительство короля Петра осуждаетъ всякую анти-австрійскую пропаганду, выражаетъ свое сожалѣніе по поводу того, что сербскіе офицеры и чиновники принимали участіе въ подобной пропагандѣ, признаетъ наличіе попытковъ со стороны Сербіи вмѣшаться въ судьбу не подчиненныхъ ей народовъ и принимаетъ на себя обязательство начать юридическое преслѣдованіе всѣхъ причастныхъ къ террористическому акту лицъ, причемъ для проведенія слѣдствія выражаетъ свое согласіе на фактическое и прямое участіе въ немъ австрійскихъ чиновниковъ, а также на непосредственное руководство слѣдствія австрійскими экспертами.»

24 число. Правительство Сербіи сообщаетъ, что австрійскій ультиматумъ непріемлемъ для независимаго государства и предлагаетъ Австріи передать разсмотрѣніе конфликта международному суду въ Гаагѣ. Уже на слѣдующій день баронъ Гизлъ, австрійскій посланникъ въ Бѣлградѣ, ѣдетъ къ Пашичу и сообщаетъ, что отвѣтъ Сербіи признанъ Вѣной непріемлемымъ. Онъ требуетъ свой паспортъ.

Дипломатическій разрывъ налицо. Австрія мобилизуется. Сербія лихорадочно эвакуируетъ Бѣлградъ. Подъ сурдинку, незамѣтно, — эхо конфликта принимаетъ реальныя формы, — вдали отъ ощетинившихся государствъ, германскій флотъ концентрируется въ Килѣ.

Телеграфныя проволоки поютъ... Телеграммы летятъ...

Отъ Грэя къ германскому канцлеру, отъ Сазонова къ Извольскому, съ крейсера «Франсъ» къ французскому посланнику въ Петербургѣ.

Чечилль, морской министръ, телеграфируетъ тоже. Шифрованно, командирамъ флота:

«Политическое положеніе Европы, въ данный моментъ, весьма серьезно. Существуетъ возможность вооруженнаго столкновенія между державами согласія и среднеевропейскимъ союзомъ. Приведите флотъ въ боевую готовность. Временно эту мѣру надо разсматривать, какъ предосторожность. Сообщите объ этомъ только тѣмъ, которые для выполненія моего приказа необходимы. Отъ прочихъ же держите въ безусловной тайнѣ...»

Утромъ, въ пріемной русскаго министра иностранныхъ дѣлъ встрѣчаются двое посланниковъ: Графъ Пурталесъ и Палеологъ.

Палеологъ спрашиваетъ:

— Ну, рѣшились ли вы, наконецъ, воздѣйствовать на вашего союзника Австрію и успокоить его? Только Германія можетъ заставить ее вернуться къ разсудку.

А днемъ позже, 28 іюля, по всѣмъ городамъ Австро-Венгріи Берхтольдъ развѣшиваетъ манифесты, украшенные гордымъ австрійскимъ двуглавымъ орломъ:

— ... и такъ какъ королевское правительство Сербіи не отвѣтило въ удовлетворительной формѣ на ноту, переданную ему австрійскимъ министромъ 23 іюля, австрійское императорское и королевское правительство считаетъ для себя вынужденнымъ — для защиты своихъ интересовъ — прибѣгнуть къ помощи оружія...»

Такимъ образомъ, 28 іюля Австрія, въ полномъ согласіи съ Германіей, объявила войну.

Черезъ нѣсколько часовъ, ночью, австрійская артиллерія бомбардировала Бѣлградъ. Непоправимое совершилось.

...Не думая о тѣхъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ, которыя давно уже витали надъ ней, и воображая, что дерзкимъ ударомъ она можетъ совершить чудо и возродиться, дряхлая монархія Габсбурговъ бросаетъ послѣднюю карту...

ПЕРВЫЙ ВЫСТРѢЛЪ.

Когда рушится домъ, трудно сказать, какая балка упала первой. Еще труднѣе выяснить, кто первымъ выстрѣлилъ въ битвѣ, продолжавшейся четыре года, во время которой стрѣляло, въ общей сложности, свыше 50 милліоновъ вооруженныхъ людей.

У многихъ, однако, возникнетъ любопытный вопросъ:

— Какъ же фактически началась Великая война? Кто первый увидѣлъ врага, кто произвелъ первый выстрѣлъ?

И вотъ, послѣ войны, чтобы удовлетворить это любопытство, штабы различныхъ государствъ занялись отыскиваніемъ первыхъ «виновниковъ» войны.

Работа была чрезвычайно трудная. Отъ многихъ полковъ уцѣлѣло по нѣсколько человѣкъ. Показанія свидѣтелей были противорѣчивыми, единственно, что облегчило этотъ кропотливый трудъ, были данныя относительно времени первой стычки: она произошла на австро-сербской границѣ между Бѣлградомъ и Земуномъ.

■

Глухая, темная ночь. 28 іюля. Яркія звѣзды изрѣдка показываются изъ-за невидимыхъ облаковъ, быстрой чередой набѣгающихъ на нихъ. Молодой серпъ луны еще не показался.

По каменистому берегу Савы осторожно, крадучись, пробирается дозоръ Перваго сербскаго пѣхотнаго полка. Мягко ступающихъ стрѣлковъ почти не видно. Шаговъ не слышно. Опытные въ войнѣ и горныхъ переходахъ, сербы ходятъ, какъ кошки, какимъ-то особымъ чутьемъ угадываютъ невидимый камень, готовый покатиться, ополосканную водой вѣтку, которая можетъ хрустнуть.

Впереди дозора — бравый сержантъ Миланъ Милойковичъ. Онъ еще подтянутъ, сапоги его едва запачканы, кокарда защитнаго кепи сидитъ прямо надъ переносицей, — война еще не тронула его.

Уже далеко за полночь. Надъ рѣкой начинаетъ подыматься туманъ, предвѣстникъ грядущаго разсвѣта, разсвѣта перваго дня войны.

— Тссъ!

Милойковичъ настораживается. Протянутой назадъ рукой онъ останавливаетъ ближайшаго за нимъ стрѣлка. Прислушивается.

Откуда-то издалека, съ противоположнаго берега Савы, доносится ритмичный звукъ — ра-зъ, два! Ра-азъ, два! Ра-азъ...

Сомнѣнья нѣтъ. Кто-то гребетъ, кто-то плыветъ по рѣкѣ, по которой запрещено всякое движеніе. Ровно работаютъ весла въ уключинахъ, мягко отдается ударъ обмотаннаго войлокомъ дерева о тонкое, листовое желѣзо.

— Австріяки! Ложись!

Съ легкимъ бряцаніемъ манерокъ солдаты разсыпаются рѣдкой цѣпью, бросаются на камни, щелкаютъ предохранителями винтовокъ. Милойковичъ кому-то что-то приказываетъ. Кто-то бѣжитъ назадъ, вдоль берега, — несетъ донесеніе командиру роты: на серединѣ теченія Савы обнаружены непріятельскіе понтоны . . .

Милойковичъ всматривается въ туманъ. Старается подсчитать количество силъ приближающагося врага, но туманъ застилаетъ зрѣніе. Онъ чувствуетъ на водѣ движеніе, слышитъ уже приглушенные голоса, прикидываетъ даже разстояніе, но приближающагося десанта еще не въ состояніи различить.

— Прицѣлъ постоянный!

Вотъ! Милойковичъ увидѣлъ. Понтоны. Одинъ, два, шесть. Полные людьми. Австрійцами.

— Пачками справа, слѣва и съ середины... начинай!

Милойковичъ первымъ взбрасываетъ винтовку, и рѣзкій выстрѣлъ, какъ ударъ хлыста, сверкнувъ мгновенной молніей, пронзаетъ тишину ночи и многократнымъ эхомъ раскатывается по кампямъ, холмамъ и противоположному берегу. Въ ту же минуту слѣва отъ него нестройнымъ хоромъ вспыхиваютъ винтовки стрѣлковъ, покрывая грохотомъ и визгомъ первый вскрикъ перваго раненаго. Милойковичъ видитъ, какъ стоявшая на кормѣ головного понтона чья-то темная фигура, взметнувъ руки, падаетъ навзничъ, а выпущенное кормовое весло съ плескомъ шлепается въ воду.

Выстрѣли грохочутъ. Несмотря на огонь сербовъ, австрійцы поспѣшно гребутъ, ихъ понтоны въ свою очередь мечутъ огонь, тарахтятъ непрерывными выстрѣлами, но впередъ продвигаются медленно, очень медленно: то одинъ, то другой гребецъ падаетъ въ лодкѣ безжизненнымъ трупомъ...

Неожиданно становится ослѣпительно свѣтло. Милойковичъ машинально оборачивается и видитъ, какъ со стороны сербскихъ укрѣпленій красивой лиловато-бѣлой дугой подымается ракета. За ней другая, третья, и скоро Сава на цѣлые километры освѣщена мерцающимъ, мертвымъ, похожимъ на лунное освѣщеніе, свѣтомъ.

Приближаются шаги поспѣшно бѣгущихъ людей. Покосившись, Милойковичъ видитъ, что это спѣшатъ къ мѣсту первой стычки солдаты его роты. Онъ закидываетъ на ремень винтовку, спѣшитъ къ нимъ навстрѣчу, отыскиваетъ своего командира, чтобы отдать рапортъ, но тотъ отмахивается, показываетъ куда-то назадъ и высокимъ отъ волненій голосомъ отдаетъ солдатамъ команду разсыпаться по берегу.

Минута, — и на сербской сторонѣ грохотъ ружейнаго огня усиливается еще больше. Еще минута, и новая рота припадаетъ къ землѣ правѣе

первой. Милойковичъ ищетъ уже батальоннаго командира, но и это поздно, потому что вдоль берега Савы залегъ уже весь полкъ.

Сержантъ возвращается къ своему взводу. Кто-то изъ его ребятъ сдержанно стонетъ, сжимая рукой раненое плечо.

— Ничего, ничего, братушка, — ободряетъ раненаго Милойковичъ. — Гляди, австріяки уже удираютъ! Потерпи.

И дѣйствительно. Огонь сербовъ столь силенъ, что австрійскій десантъ не выдержалъ обстрѣла и повернулъ. Понтоны быстро удаляются. на нихъ видны замѣшательство, безпорядокъ. Одинъ изъ понтоновъ неожиданно начинаетъ крутиться вокругъ своей оси и безпомощно несется внизъ по стремительному теченію рѣки...

Это было на сербской сторонѣ.

А на австрійской, черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ сержантъ Милойковичъ замѣтилъ движеніе десанта, палъ первый раненый.

Въ понтоны погрузились саперы 7 венгерскаго полка. Вслѣдъ за ними, такъ же какъ и сербы, стараясь не шумѣть, размѣстились стрѣлки 68 австрійскаго пѣхотнаго полка. Солдаты нервно сжимали винтовки, офицеры револьверы. Каждый ожидалъ, что сербы ихъ вотъ - вотъ откроютъ, а годы муштры мирнаго времени еще не давали основаній знать, что именно можетъ въ дѣйствительности случиться въ этотъ моментъ.

На головномъ понтонѣ стоялъ во весь ростъ рулевой Францъ Балла. За спиной его былъ карабинъ, въ рукахъ длинное весло, которымъ онъ старался удержать перегруженный понтонъ поперекъ теченія.

Съ сербской стороны мелькнула молнія. Съ визгомъ ударила въ воду пуля Милойковича. Балла машинально сжалъ весло еще крѣпче. Вторая пуля ударила въ желѣзо. Съ понтона отвѣтили. Новая пуля вонзилась въ весло. Балла машинально присѣлъ.

— Не отпускай весла, дуракъ! — злобно крикнулъ лейтенантъ.

Балла пристыженно поднялся и почти въ тотъ же моментъ осѣлъ снова, слабо вскрикнувъ и схватившись за грудь.

Онъ былъ первымъ раненымъ Великой Войны. Его перевезли въ Вѣну. По дорогѣ въ госпиталь дѣвушки бѣжали рядомъ съ носилками и засыпали цвѣтами прикрывавшагося голубой шинелью молодого, красиваго венгра, улыбавшагося имъ изъ подъ тонкаго штриха подбритыхъ усовъ блестящими, какъ жемчугъ, зубами.

Францъ Балла и Миланъ Милойковичъ были первыми героями войны. Умерли они недавно, всего только лѣтомъ 1937 года, причемъ судьба снова отмѣтила ихъ своимъ перстомъ.

Въ іюлѣ, чуть ли не въ годовщину начала военныхъ дѣйствій, Балла умеръ отъ разрыва сердца. Двумя днями позже однополчане и родные, проводили прошедшаго черезъ всю войну подпрапорщика запаса Милана Милойковича до мѣста его послѣдняго успокоенія...

БУРЯ ПЕРЕХОДИТЪ ВЪ ШТОРМЪ.

29 іюля, за нѣсколько часовъ до того, какъ судъ присяжныхъ вынесетъ г-жѣ Кайо, взволновавшей Парижъ убійствомъ Кальмета, главнаго редактора «Фигаро», оправдательный приговоръ, на берегахъ Савы падаютъ первыя гранаты.

Россія, которая испоконъ вѣковъ считаетъ себя защитницей всѣхъ славянъ и своимъ отходомъ отъ Сербіи не желаетъ нарушать европейскаго равновѣсія, въ свою очередь объявляетъ мобилизацію.

На биржахъ начинается чехарда. Акціи пляшутъ вверхъ и внизъ. Маклеры богатѣютъ или пускаютъ пули въ головы. На парижской биржѣ семеро англичанъ кончаютъ счеты съ жизнью. 30-го іюля берлинская «Локалъ Анцейгеръ» пускаетъ ложный слухъ о мобилизаціи Германіи — пробный шаръ. Англія, какъ всегда, предлагаетъ свое посредничество. Пуанкарэ поспѣшно возвращается въ Парижъ, въ послѣдній моментъ успѣвъ закрѣпить франко-русскую дружбу.

Всеобщая война?!

О, нѣтъ! Въ Парижѣ и Лондонѣ мало дѣловыхъ людей, которые вѣрятъ въ эту возможность. Пусть бряцаніе оружіемъ останется удѣломъ молодежи, нѣсколькихъ горячихъ головъ и славянофильствующихъ русскихъ.

Война?! Кто же можетъ говорить о ней, если фонъ Шэнъ, германскій посолъ въ Парижѣ, открыто и убѣдительно заявляетъ, что Австро-Сербскій конфликтъ будетъ локализованъ, что Германія и не помышляетъ о мобилизаціи, что редакторъ «Локалъ Анцейгера» понесетъ заслуженную и суровую кару.

А между тѣмъ, въ полночь, съ эффектомъ взрыва бомбы, брошенной въ сонномъ городѣ, правительство Рейха объявляетъ «Кригсгефарцуштандъ» — «положеніе опасности войны». Телеграммой съ Вильгельмштрассе два желѣзнодорожныхъ пути перерѣзаются, какъ ножомъ. Французскія станціи Паньи-сюръ-Мозель и Аврикуръ напрасно ждутъ экспрессовъ и товарныхъ поѣздовъ.

То же самое, но двумя часами раньше, наблюдаютъ и чиновники желѣзнодорожныхъ станцій русско-австрійской границы.

Тамъ положеніе еще серьезнѣе. Вмѣсто поѣздовъ, въ десять часовъ вечера на станціи влетаютъ разъѣзды русской конницы и взвизгивающими шашками сносятъ головы рѣдкихъ отстрѣливающихся австрійскихъ жандармовъ. Въ то же время русская пѣхота выворачиваетъ пограничные столбы съ австрійскими двуглавыми орлами и мощными потоками начинаетъ вливаться черезъ границы двуединой имперіи.

...Божьей милостью мы, Николай Вторый, императоръ и самодержецъ всероссійскій, царь польскій, великій князь финляндскій и прочая, и прочая, и прочая —

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо непріемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вопреки нашимъ надеждамъ на вѣковое дружное сосѣдство и не внемля завѣренію

нашему, что принятыя мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ къ ней цѣлей, стала домогаться немедленной отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди великихъ державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту русской земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные наши подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще силѣе единеніе царя съ его народомъ, и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокой вѣрою въ правоту нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, мы молитвенно призываемъ на святую Русь и доблестныя войска наши Божье благословеніе.

Данъ въ Санктъ- Петербургѣ, въ двадцатый день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, царствованія же нашего въ двадцатое.

Николай.

«НАПРОТИВЪ ИМѢТЬ, НЕСМОТРЯ 10 ЗОНА ФРАНЦУЗЪ.»

Перваго августа Пуанкарэ и его министры думаютъ, что посолъ фонъ Шенъ помѣшался. Министръ Германіи является на Кэ д'Орсэ съ невѣроятнымъ требованіемъ, которое онъ излагаетъ въ самой категорической формѣ.

— По порученію своего правительства, имѣю честь просить правительство Франціи реально подтвердить свое стремленіе къ сохраненію нейтралитета въ настоящемъ конфликтѣ. Какъ фактическую мѣру подобнаго доказательства, Германія будетъ разсматривать немедленное очищеніе всѣхъ восточныхъ укрѣпленій Франціи отъ войскъ!

Шенъ уходитъ, не получивъ отвѣта. Надо ли говорить, насколько поражены и возмущены были министры Франціи подобнымъ циничнымъ требованіемъ? Надо ли упоминать, что эвакуація мощныхъ фортовъ, защищающихъ Францію съ востока, не могла даже подвергнуться обсужденію? Надо ли, наконецъ, подчеркивать, что подобное предложеніе фонъ Шена можно было разсматривать только, какъ явное желаніе Германіи спровоцировать войну?

И если таковое намѣреніе посла было, то оно осуществилось въ тотъ же день. Ровно въ пять часовъ 30 минутъ перваго августа, Шенъ, оставшійся безъ отвѣта на свой ультиматумъ, ѣдетъ въ Елисейскій дворецъ и передаетъ президенту Пуанкарэ объявленіе Германіей войны Франціи.

Да, въ этотъ первый и роковой день августа мира больше нельзя было спасти...

Государства, группирующіяся вокругъ Германіи, начали мобилизацію, и всякій государственный дѣятель отлично понималъ, что это означаетъ. Въ Берлинѣ, напримѣръ, думали, что если немедленно не схватиться за мечъ, то дни Германіи сочтены. Тамъ видѣли зло въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ: призракъ неизбѣжнаго и одновременнаго нападенія съ востока и запада, какъ галлюцинація, стоялъ передъ глазами политиковъ съ Вильгельмштрассе. Въ этомъ мрачномъ казенномъ зданіи не было ни одного человѣка, который сомнѣвался бы въ томъ, что наступилъ моментъ, когда Германія съ

оружіемъ въ рукахъ вынуждена вступиться за свои, якобы попираемыя, права.

Теперь даже сами нѣмцы признаютъ, что подобная паническая точка зрѣнія была заблужденіемъ, а выражалась она въ слѣдующемъ:

Если Германія хочетъ имѣть перевѣсъ, она должна дѣйствовать немедленно. Ея арміи должны прійти въ движеніе и стереть съ лица земли другія раньше, чѣмъ враждебныя по отношенію къ ней государства развернутъ во всей мощи свои рессурсы.

Далѣе: для того, чтобы полки Германіи начали маршировать, необходимо создать ясныя юридическія обстоятельства. Поэтому на Вильгельмштрассе было рѣшено объявить войну.

Послѣдній выводъ былъ юридически правиленъ, но полонъ роковыхъ послѣдствій. Нѣмецкіе дипломаты, принявшіе подобное рѣшеніе, руководствовались методомъ мышленія прошлыхъ столѣтій, когда международное право разсматривало объявленіе войны, какъ нѣчто весьма дозволенное и не противорѣчащее добрымъ нравамъ. Чиновники государственной канцеляріи не видѣли той огромной эволюціи, которая произошла въ массахъ и создала пропасть между политикой, ведомой верхами, и ея оцѣнкой народами. Они упустили изъ виду, что на землѣ началась эпоха вліянія массъ на государственныя дѣла, и эти массы всякую войну, которая не является оборонительной, осуждали, ее ненавидѣли: она была для нихъ очевиднымъ источникомъ всякихъ несчастій.

Массы не видятъ и не знаютъ истинныхъ причинъ конфликтовъ. Онѣ склонны дѣлать выводы по внѣшнимъ признакамъ. Этого дѣятели Вильгельмштрассе не приняли во вниманіе, и Германія въ настоящее время жестоко за эту слѣпоту расплачивается.

Въ довоенномъ Берлинѣ былъ только одинъ человѣкъ, который въ полной мѣрѣ предвидѣлъ роковыя послѣдствія принятаго Германіей рѣшенія. Это былъ Эрихъ фонъ Фальkenхайнъ, — военный министръ и прусскій генералъ. Ему было ясно, что политику нельзя поспѣшно мѣнять на стратегію, и въ этомъ смыслѣ онъ упрекалъ правившихъ судьбами родины штатскихъ государственныхъ дѣятелей. Едва только до его свѣдѣнія дошли извѣстія о принятомъ рѣшеніи объявить войну цѣлому ряду государствъ, Фалькенхейнъ спѣшитъ на Вильгельмштрассе, объясняетъ, проситъ, угрожаетъ, но получаетъ стереотипный отвѣтъ:

— Слишкомъ поздно!

Но было ли, дѣйствительно, поздно? Вѣдь въ этотъ день происходило событіе, которое, быть можетъ, могло бы повернуть роковой ходъ судьбы Европы и заставить одуматься отвѣтственныхъ за войну лицъ!...

...Когда разработанный на Вильгельмштрассе текстъ объявленія войны Франціи достигаетъ германскаго посла въ Парижѣ, фонъ Шена, оказывается, что шифрованная депеша самымъ безсмысленнымъ образомъ перепутана.

Кто виноватъ въ этомъ? Техническая ошибка телеграфа? Французское Второе бюро? Можетъ быть, французы сумѣли какимъ-либо таинственнымъ путемъ помѣшать офиціальному сношенію Берлина со своими представителями заграницей? Можетъ быть, кто-либо неизвѣстный умышленно хотѣлъ выиграть время?

Неизвѣстно. Фактъ тотъ, что телеграмма, которая оказалась въ рукахъ фонъ Шена, имѣла такой видъ, что воспользоваться ею въ оригина-

лѣ было немыслимо. Можно было только догадываться, что вопросъ идетъ объ объявленіи войны.

Вотъ, къ примѣру, одна изъ фразъ оригинала:

„Dagegen haben Trotz körperlich 10 Ihnen Zone Franzose Aneinander schon Elena bei alt mü Ansehen erob und Hipotek Gebirgsstrasse Uebereinknf t in in Ge sen ante Howard ultramontan und angesichts noch auf relativ."

По русски звучитъ она столь же безсмысленно:

«Напротивъ имѣтъ несмотря тѣлесное 10 вамъ зона французъ рядомъ уже Елена у старый мю вниманіе эроб и ипотека горная дорога соглашеніе въ ге зенъ анте говардъ ультрамонтанъ и ввиду еще на относительно...»

Послѣ слѣдуетъ связная фраза. Затѣмъ опять перепутанная и только конецъ депеши зашифрованъ совершенно правильно.

Подобный документъ, понятно, нельзя было передать главѣ великой державы. Но не даетъ ли судьба, благодаря этой перепутанной телеграммѣ, человѣчеству лишній шансъ? Не хочетъ ли она, чтобы фонъ Шенъ вступилъ въ телеграфныя объясненія съ Берлиномъ и невольно затянулъ переговоры съ Франціей? Можетъ быть, еще возможно желательное Фалькенхайну рѣшеніе?

Никто, однако, не понимаетъ перста судьбы. Запросы въ Берлинъ оказываются излишними. Посолъ фонъ Шенъ недаромъ занимаетъ столь отвѣтственный постъ — представителя Германіи въ Парижѣ. Ему не нужны берлинскіе костыли. Если извѣстны основныя линіи политики правительства кайзера, онъ можетъ передвигаться и самостоятельно!

И вотъ, герръ фонъ Шенъ беретъ съ задумчивымъ видомъ депешу, подходитъ къ своему письменному столу, садится и послѣ многочасовой, кропотливой работы заполняетъ пробѣлы текста такъ, какъ ему кажется логичнымъ.

А въ шесть часовъ пополудни, какъ уже было сказано, онъ передаетъ на Кэ д'Орсэ объявленіе войны Франціи, въ юридической правильности текста котораго не можетъ усомниться никто.

2-го августа, какъ нѣмцы, такъ и французы, лихорадочно мобилизуются. Каждое государство стремится въ минимумъ времени получить возможность перешагнуть первымъ границу своего врага. Правительство восточнаго берега Рейна оправдаетъ свои военныя мѣропріятія налетомъ французскихъ аэроплановъ на Нюренбергъ и бомбардировкой этого города.

Листки мирныхъ дней 1914 года подошли къ концу. Мы срываемъ дату 3-го августа и видимъ, какъ германскіе солдаты первыми переходятъ границу Франціи. Въ то же время правительство Бельгіи получаетъ отъ кайзера Вильгельма ультиматумъ «пропустить безоговорочно германскія войска». Это требованіе кайзера обосновываютъ присутствіемъ французскихъ войскъ въ Намюрѣ, что дѣлаетъ гарантію неприкосновенности Бельгіи со стороны Германіи «простымъ клочкомъ бумаги».

Рулевые Европы теряютъ власть надъ судномъ. Штурвалъ выскальзываетъ изъ ихъ рукъ, вращается произвольно, корпусъ судна, бросаемый волнами въ стороны, угодныя року, входитъ въ кроваво-красную зарю разсвѣта военныхъ лѣтъ двадцатаго столѣтія.

ПЛАНЪ XVII.

Францъ Фердинандъ убитъ, — и этотъ день принято считать началомъ великой войны, исковеркавшей географическую карту міра, измѣнившей лица ея народовъ, породившей невѣдомыя до тѣхъ поръ идеологіи и перевернувшей въ корнѣ человѣческую этику.

Дата, однако, неправильная.

Войны ждали, о ней знали, къ ней готовились, готовились лихорадочно. Уже за шесть мѣсяцевъ до начала военныхъ дѣйствій, утромъ 7 февраля 1914 года, Жоффръ, начальникъ французскаго генеральнаго штаба и будущій генералиссимусъ, собственноручно скрѣпилъ пятью сургучными печатями пять пакетовъ, адресованныхъ пяти командирамъ армій. Въ каждомъ изъ этихъ плотныхъ желтыхъ конвертовъ лежалъ объемистый документъ — глубочайшая тайна того времени, — новый планъ мобилизаціи, такъ называемый «Планъ Номеръ Семнадцать».

Теперь мы имѣемъ возможность читать выдержки изъ него на страницахъ многихъ книгъ, посвященныхъ великой войнѣ. Въ февралѣ же 1914 года его читали только семь французовъ, включая военнаго министра, и еще одинъ — единственный германскій шпіонъ. Всякій же, кто на территоріи Франціи попытался бы проникнуть въ эту тайну, былъ бы повѣшенъ, разстрѣлянъ, безжалостно стертъ съ лица земли.

Немудрено. Вотъ всего лишь два параграфа, свидѣтельствующіе о степени важности тайны, являвшейся четверть столѣтія тому назадъ вопросомъ жизни и смерти Франціи:

Секретно.

I. ·ПОЛОЖЕНІЯ ОБЩІЯ.

Собранныя развѣдкой свѣдѣнія и изученіе ихъ, путемъ сравненія и провѣрки, позволяютъ думать, что большая часть германскихъ вооруженныхъ силъ будетъ сконцентрирована въ видѣ непрерывнаго фронта. Весьма вѣроятно также, что германская армія попытается форсировать нашу границу раньше, чѣмъ къ ней подоспѣютъ наши силы.

НАМѢРЕНІЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

При всякомъ положеніи вещей намѣреніемъ главнокомандующаго является аттака объединенными силами арміи противника. Вмѣшательство нашихъ армій, такимъ образомъ, должно проявиться въ видѣ двухъ самостоятельныхъ маневровъ: первый, — вправо отъ Парижа, — продвиженіе въ лѣсные массивы Вогезъ и Мозеля, съ включеніемъ въ дѣйствующую армію крѣпости Туль, и второй, разворачиваніе армій влѣво, къ сѣверу отъ линіи Верденъ-Метцъ.

Оба эти маневра будутъ всемѣрно поддержаны войсками, оперирующими въ районѣ истоковъ рѣкъ Мэзъ и Вэвръ.

ЖОФФРЪ.

Командиры пяти основныхъ французскихъ армій лихорадочно принимаются за разрабатываніе деталей, уходятъ въ карты, разсчеты, предположенія. Тѣмъ временемъ въ канцеляріи военнаго министра столь же поспѣшно выковывается идеологическая основа сухихъ стратегическихъ выкладокъ плана № 17. 10-го іюля, когда надъ французскими границами

уже начинают сгущаться роковыя тучи, изъ военнаго министерства по арміи растекается скупой потокъ секретныхъ циркуляровъ:

1. Въ современной войнѣ характеръ и воля играютъ значительно большую роль, чѣмъ разумъ. Непоколебимая рѣшительность и безграничная выдержка являются лучшей гарантіей успѣха.

4. Принципы стратегіи не переходятъ рамки обычнаго здраваго смысла... ...Война является искусствомъ, а не наукой.

8. Никакихъ непреклонныхъ правилъ. Лишь общія указанія. Всякой войсковой части должна быть предоставлена самая широкая инициатива.

11. Встрѣча армій, размѣры которыхъ превзойдутъ все до сихъ поръ встрѣчавшееся въ военной исторіи, поизойдетъ немедленно по окончаніи стратегическаго развертыванія. Результатъ столкновенія будетъ имѣть вліяніе на весь ходъ дальнѣйшей кампаніи. Битва будетъ, по всей вѣроятности, состоять изъ ряда непрерывныхъ боевъ, исходъ которыхъ въ каждомъ случаѣ будетъ рѣшительнымъ.

18. Для битвы никогда не будетъ слишкомъ много войскъ и слишкомъ много вѣры въ побѣду. Вслѣдствіе этого необходимо бросать въ бой всѣ имѣющіяся въ наличіи силы. Много битвъ было выиграно благодаря свѣжимъ силамъ, введеннымъ въ послѣдній моментъ въ дѣло.

И такъ далѣе. Просто, сжато, наивно, какъ всякая аксіома, но необходимо, какъ опора для каждаго военачальника, какъ унифицирующее средство мышленія для каждаго командира. Каково бы ни было положеніе, любой начальникъ отнынѣ знаетъ методъ мышленія своихъ сосѣдей, знаетъ, чего онъ можетъ отъ нихъ ожидать и каковы могутъ быть ихъ рѣшенія и приказы.

СЛОВО ЗА АНГЛІЕЙ.

Мы въ Лондонѣ. Въ мрачномъ кирпичномъ домѣ на Доунингъ-стритъ, — въ цитадели и резиденціи англійскаго правительства. Безпокойно и удрученно бродитъ изъ угла въ уголъ своего кабинета министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей. Безпокойно и сумбурно толкутся въ его головѣ мысли, заполняютъ все его существо. Даже крики, которые все сильнѣе и сильнѣе доносятся съ улицы, не могутъ вернуть министра къ дѣйствительности.

Что за перемѣна въ продолженіе 24 часовъ! Развѣ не казалось еще третьяго дня, что большинство населенія Англіи настроено противъ войны? Развѣ не было пылкихъ митинговъ въ Гайдъ паркѣ и у подножья колонны Нельсона?

Было... А теперь...

Едва только поступили первыя сводки съ фронтовъ военныхъ дѣйствій на континентѣ, нація словно смѣнила свое лицо... Какой-то дурманъ охватилъ ея мозги, слово «война» оказалось пропитаннымъ страннымъ, притягивающимъ наркотикомъ.

Сомнѣнія больше быть не можетъ: какъ бы не думалъ и не предполагалъ кабинетъ, тотъ потокъ, который утопилъ Англію въ психозѣ, несом-

нѣнно присоединитъ Юніонъ Джекъ къ орошеннымъ уже кровью знаменахъ Франціи и Россіи.

Министръ подходитъ къ окну. Наблюдаетъ толпу, которая, широко раскрывая рты, кричитъ, волнуется и размахиваетъ безчисленными маленькими флажками. Онъ видитъ, какъ сквозь этотъ безграничный человѣческій муравейникъ, заполнившій всю улицу и выливающійся на сосѣднія площади, съ трудомъ прокладываетъ дорогу открытый автомобиль, въ которомъ сидитъ какой-то высшій офицеръ. Министръ не можетъ разобрать черты его лица, но онъ знаетъ: это лордъ Китченеръ, кумиръ толпы, самый популярный въ Англіи генералъ. Каждый разъ, когда автомобиль задерживается, Эдуардъ Грэй слышитъ оглушительные крики, которыми лондонцы привѣтствуютъ любимаго вождя ихъ арміи.

Неужели Грэй наблюдаетъ Англію, считающуюся самой антимилитаристической страной въ Европѣ?

Онъ бросаетъ въ окно критическій взглядъ.

Изъ кого состоитъ толпа? Изъ банкировъ? Молодежи? Женщинъ? Рабочихъ? Можетъ быть, только люди съ иностранными лицами хотятъ войну?

Нѣтъ! Тѣ люди, которые собрались передъ правительственными зданіями, всѣ — чистокровные англичане, и въ толпѣ этой представлены всѣ классы, отъ бѣднѣйшаго пролетарія до чваннаго лорда, отъ глубокаго старика до зеленаго юноши.

Юнцы!... Они вѣдь будутъ первыми, которые пойдутъ въ огонь! А между тѣмъ, посмотрите, какъ горятъ ихъ глаза, какъ громко кричатъ они, какимъ неподдѣльнымъ, сатанинскимъ восторгомъ объяты ихъ души! Это тѣ же самые люди, которые въ прошлую субботу демонстрировали противъ войны съ Германіей!

Сегодня газеты полны извѣстіями изъ Бельгіи. Онѣ разсказываютъ о героической борьбѣ маленькаго народа противъ сѣрыхъ фалангъ кайзера, онѣ повѣствуютъ о «бѣшенныхъ поѣздахъ», которые, летя на всѣхъ парахъ, вонзаются въ эшелоны съ германской пѣхотой, разсказываютъ о потокахъ бѣженцевъ, потерявшихъ все, о бояхъ на улицахъ, на окруженныхъ непріятелемъ бастіонахъ, фортахъ, въ отрѣзанныхъ отъ тыла мѣстностяхъ, туннеляхъ, разсказываютъ объ упорномъ сопротивленіи націи, которая отстаиваетъ только одно — свою независимость.

Министръ отходитъ отъ окна и возобновляетъ свою безпокойную прогулку по кабинету. Да... эти извѣстія съ фронта неожиданно оказались его союзниками. Теперь ему несомнѣнно удастся сдержать данное неоднократно обѣщаніе поддержать тѣхъ, кого англичане называютъ союзниками. Вѣдь не даромъ же въ теченіе многихъ лѣтъ онъ обмѣнивался съ министрами и правителями Парижа и Петербурга длинными завѣрительными письмами, велъ продолжительные переговоры, обѣщалъ, въ случаѣ вооруженнаго конфликта, мощную поддержку англійской имперіи. Его завѣренія, какъ и всѣ обѣщанія Англіи, были немного расплывчаты, чуть-чуть свободны отъ обязательствъ, снабжены нужнымъ количествомъ лазеекъ для отступленія, но все же достаточно категоричны для того, чтобы русскій царь и Раймондъ Пуанкарэ смогли рѣшиться поднять брошенную Германіей перчатку.

Война уже бушуетъ недѣлю. Исходъ ея зависитъ въ настоящій моментъ отъ той чаши вѣсовъ, равновѣсіе которыхъ регулируетъ Англія, и даже пожалуй, одинъ человѣкъ, онъ, — Эдуардъ Грэй. Въ продолженіи семи дней держитъ онъ въ своихъ рукахъ тѣ силы, вмѣшательство которыхъ съ на-

деждой, безпокойствомъ и нетерпѣніемъ ждутъ Бѣлградъ, Брюссель, Петербургъ и Парижъ, — гири, которыхъ опасаются и не хотятъ, безъ которыхъ обойтись надѣются Берлинъ и Вѣна.

Теперь, пожалуй, уже поздно, но были дни, — еще не такъ давно, почти наканунѣ, — когда одна только фраза; «мы вамъ не поможемъ», могла сохранить въ Европѣ миръ, могла заставить Петербургъ и Парижъ стать болѣе сговорчивыми, а другая фраза — «нашъ долгъ помочь вамъ, и мы дадимъ вамъ всю силу», могла бы заставить своевольнаго кайзера сбавить немного пыла.

Но могъ ли Грэй бросаться такими фразами?

Врядъ ли. Въ первомъ случаѣ Парижъ и Петербургъ, возможно, уклонились бы отъ войны съ Германіей, но тройственный союзъ лопнулъ, Англія изъ друга превратилась въ врага, и это означало бы грандіозный дипломатическій тріумфъ Германіи, которая получила бы возможность расправляться съ изолированной, никѣмъ нелюбимой Англіей. Но во второмъ случаѣ?...

Во второмъ случаѣ, увы, перевѣсъ все равно оказался бы на сторонѣ кайзера. Все говоритъ за то, что онъ, правда, надѣялся на англійскій нейтралитетъ, дѣлалъ допущенія адъ абсурдумъ, съ выступленіемъ Англіи, безусловно, считался, но увѣренности у него не было.

Сохранилъ бы кайзеръ хладнокровіе, если бы зналъ въ точности о намѣреніи Англіи присоединиться къ Парижу и Петербургу?

Мы, потомки, черезъ 25 лѣтъ говоримъ: да.

3 августа

ДВЕРЬ беззвучно открывается, и въ кабинетъ Грэя входитъ начальникъ бюро прессы. На его попытку заговорить Грэй устало отмахивается: только не доклады; ему надо еще многое продумать . . .

На столъ министра опускается плотная папка, полная аккуратныхъ газетныхъ вырѣзокъ. Начальникъ бюро деликатно отступаетъ.

Машинально перебираетъ министръ листы съ наклеенными на нихъ газетными колонками. Устало перелистываетъ ихъ, складываетъ германскіе прогнозы отдѣльно. Внезапно его взглядъ останавливается на очерченной траурной рамкой замѣткѣ. Тамъ, на необычномъ для покойниковъ мѣстѣ, нѣмцы печатаютъ списки своихъ первыхъ убитыхъ, первыхъ, павшихъ отъ русскихъ пуль, первыхъ умершихъ при защитѣ Сольдау.

...«Убиты: гренадеръ... драгунъ... унтеръ офицеръ...»

Двадцать одно имя.

Эдуадъ Грэй сжимаетъ губы, и едва замѣтная горькая улыбка скользитъ по нимъ.

Двадцать одно имя!... Нѣмцы не долго будутъ печатать списки своихъ потерь. Сегодня двадцать одно имя, завтра будутъ тысячи, десятки тысячъ, скоро не будетъ мѣста въ газетѣ, чтобы перечислить все, что будетъ искалѣчено, ранено, убито и сведено съ ума.

Какъ странно: если убить одинъ человѣкъ — всегда сенсація и подробности. Если погибло десять тысячъ сегодня, сто тысячъ завтра и столько же въ каждый слѣдующій день, то объ этомъ больше ни слова, — это будни, сама собой разумѣющаяся вещь.

За окномъ медленно и торжественно играетъ оркестръ. Сотни тысячъ

людей поютъ «Боже, храни короля». Мелодія мѣняется, вмѣсто англійскаго гимна раздается пламенная, тревожная Марсельеза, и Грэй прислушивается. Пѣнья меньше, — слова французскаго гимна знаютъ не всѣ, — но оркестру все же подпѣваютъ, и подпѣваютъ съ энтузіазмомъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи информированъ полностью. Жребій брошенъ, и народъ Англіи будетъ защищать тѣ тезисы, которые онъ сейчасъ изложитъ парламенту. Онъ звонитъ, принимаетъ отъ слуги шляпу и перчатки, беретъ трость и увѣренными шагами выходитъ изъ кабинета.

Около трехъ часовъ дня, 3 августа Эдуардъ Грэй говоритъ передъ депутатами народа. Въ своей рѣчи обосновываетъ ультиматумъ, переданный Германіи, и объясняетъ причины, на основаніи которыхъ германскому послу Лихновскому завтра будетъ вручена нота объ объявленіи войны. Рѣчь кончается тріумфомъ оратора. Грэю аплодируютъ всѣ, — либералы и консерваторы, аплодируютъ даже самые непримиримые, независимые, тѣ, кто, хотя и не убѣждены въ необходимости войны, но приведены къ энтузіазму логикой. Въ кулуарахъ къ Грэю подходятъ коллеги, жмутъ руки, поздравляютъ съ блестящей побѣдой. Они удивлены и не понимаютъ, когда Грэй искренне и неожиданно говоритъ:

— Я ненавижу войну... я презираю ее!

МАЛЕНЬКАЯ ОШИБКА БОЛЬШОГО ГОСУДАРСТВА.

Черезъ 24 часа Грей отсылаетъ князю Лихновскому текстъ объявленія войны. Этотъ документъ обоснованъ свѣдѣніями, полученными изъ авторитетныхъ берлинскихъ источниковъ, — «Германія уже объявила войну Англіи.»

Часомъ позже у Грэя холодѣютъ виски.

Допущена ошибка! Ужасная, возможно непоправимая, ошибка! Небывалый конфузъ и позоръ для англійской дипломатіи!

Германія войны еще не объявляла. «Авторитетный источникъ въ Берлинѣ» ошибся.

Боже, что за скандалъ! Что за карты въ руки чваннаго Вильгельма, который теперь съ основаніемъ сможетъ обвинять Англію въ подтасованной игрѣ, въ кампаніи лжи и интригъ!

Что дѣлать?

Спѣшно, несмотря на поздній часъ, вызываются чиновники и секретари. Текстъ объявленія войны и мотивировка его поспѣшно переписываются. Грэй зоветъ въ свой кабинетъ молодого, одареннаго чиновника, будущаго, можетъ быть, дипломата или важнаго дѣятеля Интеллидженсъ-Сервисъ — Никольсона. Онъ довѣрительно и тихо говоритъ:

— Никольсонъ, это порученіе исключительно деликатнаго характера, и отъ успѣха его зависитъ честь Англіи. Я полагаю, что вы вашей энергіей сумѣете вернуть мнѣ лично пакетъ съ нотой объявленія войны, который находится у Лихновскаго. Будемъ надѣяться, что текстъ еще не переданъ въ Берлинъ. Ступайте и возвращайтесь, какъ можно, быстрѣй, я буду ожидать васъ съ нетерпѣніемъ.

И Никольсонъ спѣшитъ. Онъ подъѣзжаетъ къ германскому посольству тогда, когда улицы уже погружены въ сонъ, когда заспанный швейцаръ не хочетъ впускать посланца къ князю. Требованіями и толчками Никольсонъ прокладываетъ себѣ путь во внутренніе апартаменты — англичане, если надо, изъ вѣжливыхъ людей могутъ превратиться въ тараны.

После краткаго стука онъ входитъ прямо въ спальню Лихновскаго Тотъ лежитъ на кровати апатичный, блѣдный, усталый, какъ человѣкъ, который пережилъ гибель міра. Рядомъ, на его ночномъ столикѣ лежитъ завѣтный пакетъ, запечатанный знакомыми печатями министерства иностранныхъ дѣлъ.

Никольсонъ не хочетъ вѣрить своимъ глазамъ. Пакетъ **не распечатанъ.**

Съ быстротой электрической искры онъ соображаетъ въ чемъ дѣло: князь, получивъ пакетъ, наощупь угадалъ присутствіе въ немъ паспортовъ и въ отчаяніи бросилъ конвертъ на столикъ, констатируя крушеніе всей своей политики. Оттягивая моментъ сообщенія печальнаго извѣстія въ Берлинъ, онъ остался въ кровати, соображая, какъ теперь надлежитъ поступать.

Съ сердца Никольсона падаетъ камень. Онъ немедленно приноситъ князю глубокія извиненія отъ имени своего начальника и даетъ деликатное, убѣдительное объясненіе причинъ своего поздняго визита. Онъ указываетъ на то, что въ документъ вкралась маленькая, формальная ошибка, по существу, конечно, не важная, но достаточно досадная, чтобы заставить министра просить князя о разрѣшеніи замѣнить ранѣе доставленный документъ новымъ.

Здѣсь Лихновскій дѣлаетъ ошибку самъ. Вмѣсто того, чтобы полюбопытствовать, въ чемъ эта маленькая ошибка заключается и использовать ее для пользы своей родины, онъ, истощенный переживаніями послѣднихъ дней, молча киваетъ и упускаетъ изъ рукъ большой козырь, — можетъ быть, роковой для Германіи шансъ.

Никольсонъ перекладываетъ паспорта изъ одного конверта въ другой и проситъ князя расписаться въ полученіи новаго пакета. Старый онъ беретъ себѣ для передачи Грэю.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ возникла война между двумя великими державами. Въ настоящее время кажется преступнымъ такое небрежное и легкомысленное отношеніе Лихновскаго къ государственнымъ документамъ. Посмотри онъ во время въ доставленный ему конвертъ, замѣтъ допущенную англійскимъ правительствомъ ошибку, укажи Грэю на то, что Германія войны Англіи еще не объявляла, и Грэй вынужденъ былъ бы взять свое объявленіе войны обратно. Врядъ ли было бы тогда для Англіи удобнымъ объявлять войну во второй разъ, находить вторую причину. Возможно, что она рѣшила бы не только самой не начинать войну, но и примирить Россію и Францію съ Германіей и Австріей, сдѣлавъ это, изъ одного только желанія — скрыть нависшій надъ ней дипломатическій скандалъ.

СѢРАЯ ЛАВИНА КАЙЗЕРА.

Фаланги сѣрыхъ войскъ кайзера затопили Бельгію. Льежъ — крѣпость, созданная по послѣднему слову военной техники, пала подъ ударами 42-сантиметровыхъ орудій, подъ натискомъ баварцевъ, саксонцевъ и пруссаковъ, боящихся фельдфебеля больше собственной смерти. А въ это время французская армія по всему фронту Эльзаса въ безпорядкѣ отступаетъ на Иль-де-Франсъ, — ничто, кажется, не можетъ остановить ея движенія, похожаго на ходъ тяжелаго шоссейнаго вала, потерявшаго своего машиниста. Колонны войскъ въ синихъ «капотахъ» и красныхъ штанахъ затопили всѣ просе-

лочныя и шоссейныя дороги и съ каждымъ днемъ все больше и больше приближаются къ Парижу, приближаются съ быстротой, которая внушаетъ опасенія не только министрамъ въ столицѣ Франціи, но и разбросаннымъ по Европѣ ихъ союзникамъ.

Французскій планъ кампаніи былъ основанъ на увѣренности, что Германія будетъ одновременно вести операціи на двухъ фронтахъ: на западномъ — противъ Франціи и восточномъ — противъ Россіи. Было очевиднымъ, что Германія сосредоточитъ противъ Франціи максимумъ своихъ силъ, чтобы покончить съ ней въ первую очередь, и тогда обрушиться желѣзнымъ кулакомъ объединенныхъ армій на Россію, которая, со своей слабо развитой желѣзнодорожной сѣтью, должна была, по предположеніямъ германскаго генеральнаго штаба, закончить свою мобилизацію значительно позднѣе Франціи.

Какъ показала дѣйствительность, Германія на самомъ дѣлѣ бросила противъ Франціи лучшія свои арміи и сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы покончить съ французской арміей, прежде чѣмъ армія царя могла обрушиться на Германію колоссальнымъ вѣсомъ многихъ милліоновъ солдатъ.

Франція, правильно оцѣнивая обстоятельства будущей войны, обвела себя сильнымъ поясомъ неприступныхъ фортовъ, закрывавшихъ будущему непріятелю путь съ запада на востокъ непосредственно. Даже великолѣпно снабженные артиллеріей и не ощущающіе недостатка въ военныхъ матеріалахъ, нѣмцы серьезно сомнѣвались въ томъ, что цѣпь этихъ фортовъ, можетъ быть прорвана съ достаточной быстротой.

Поэтому Германія все свое вниманіе сосредоточила на возможности встрѣтиться съ арміями Франціи на открытомъ полѣ, въ тылу этихъ укрѣпленій, стремясь разбить французовъ въ кратчайшій срокъ. Взглядъ на карту западной Европы доказываетъ, что для достиженія этой цѣли существовалъ только одинъ путь, и этотъ путь былъ — Бельгія.

Конечно, форсированіе территоріи независимаго государства создавало рядъ дипломатическихъ затрудненій и непріятностей, но здравый смыслъ стратегіи подсказывалъ, что, въ случаѣ удачи операціи, эти непріятности сторицей окупятся тѣми побѣдами, которыя нѣмцы съ несомнѣнностью должны были одержать надъ французами.

Кайзеръ приказалъ Бельгію форсировать, сѣрыя арміи черезъ нее прошли и, какъ показали событія, почти добились того, о чемъ мечталъ нѣмецкій генеральный штабъ.

Двадцатаго августа, черезъ три недѣли послѣ объявленія войны, три нѣмецкихъ арміи съ боемъ барабановъ и съ развернутыми знаменами двинулись неудержимымъ потокомъ къ сѣверной границѣ Франціи, гдѣ ихъ поджидали лѣвое крыло французской арміи и слабосильный англійскій экспедиціонный корпусъ подъ командой маршала Френча, только что перевезенный во Францію изъ Англіи.

Этотъ потокъ трехъ нѣмецкихъ армій, который шелъ сквозь Бельгію, не могъ быть остановленъ. И французы, и англичане оказались вынужденными поспѣшно отступить, отбиваясь отъ быстро наступавшаго непріятеля непрерывными арьергардными боями. Только въ столь поспѣшномъ отступленіи главнокомандующій вооруженными силами Франціи Жоффръ видѣлъ возможное избавленіе отъ надвигающейся катастрофы.

23 августа

РѢЗКО бьютъ часы. Тяжелымъ, темнымъ обелискомъ стоятъ они въ просторной комнатѣ, стѣны которой заставлены безконечными книжными полками. Въ этой комнатѣ горитъ одна единственная лампа подъ зеленымъ абажуромъ, бросающая снопъ матоваго свѣта на массивный дубовый письменный столъ. Въ моментъ, когда часы отбиваютъ удары, въ комнатѣ стоитъ такая тишина, что удары звучатъ какъ бой колоколовъ церковной башни.

Одиннадцать часовъ.

Рука сидящаго за письменнымъ столомъ человѣка задумчиво поглаживаетъ листъ бумаги, на которомъ жирными цифрами отпечатана дата: «23 августа». Этотъ листъ бумаги — сводка донесеній съ фронта, сводка печальная, полученная утромъ черезъ посредство офицера связи.

Человѣкъ, который въ задумчивости поглаживаетъ листъ — президентъ французской республики Раймондъ Пуанкарэ. Онъ встаетъ, комкаетъ сводку и бросаетъ ее въ корзину.

— Этого никто не пойметъ! — съ раздраженіемъ произноситъ онъ вслухъ и начинаетъ нервными и мелкими шагами ходить взадъ и впередъ мимо полокъ, которыя значительно выше, нежели могутъ достигать его руки. Пуанкарэ невысокъ, у него большая голова и глубоко сидящіе подъ насупленными бровями глаза, — умные и въ то же время добрые. Президентъ долго ходитъ по комнатѣ, время отъ времени приближаясь къ плотно задернутымъ занавѣскамъ и смотря черезъ окно на улицу. Прислушивается...

Тишина. Улицы Парижа мертвы и тихи, такъ же, какъ весь Елитейскій дворецъ, въ которомъ живетъ президентъ. Ни звука въ просторныхъ покояхъ, въ безконечныхъ коридорахъ, гдѣ на стульяхъ дремлютъ уставшіе за бурный день слуги. Всюду полутьма, притушенный свѣтъ, унылая безконечность тянущейся ночи, — ночи, когда президентъ съ нетерпѣніемъ ждетъ гонца изъ Витри ле Франсуа, ставки Жоффра.

Пуанкарэ возвращается къ корзинѣ. Нельзя бросать туда столь важные документы. Хотя всѣ выброшенныя бумаги ежедневно сжигаются подъ присмотромъ спеціальнаго чиновника, отвѣтственнаго за тайну государственной переписки, всегда можетъ случиться, что пытливый взоръ шпіона сумѣетъ проникнуть въ секреты страны.

А секреты печальны... вотъ уже нѣсколько дней, какъ ставка шлетъ въ Елисейскій дворецъ самыя неутѣшительныя свѣдѣнія.

Президентъ вынимаетъ изъ корзины нѣкоторыя бумаги и бросаетъ на столъ, намѣреваясь сжечь ихъ собственноручно въ каминѣ. Въ тотъ моментъ, когда на бюваръ, рядомъ съ другими комками, падаетъ раздражающая сводка штаба, Пуанкарэ неожиданно улыбается. Гибкимъ прыжкомъ на столъ беззвучно вскакиваетъ любимецъ президента — сіамскій котъ. Онъ, словно приглашенный къ этому, начинаетъ играть скомканными бумажками, гоняетъ ихъ изъ одного края стола въ другой. Этотъ котъ — самое довѣренное лицо президента, самый любимый другъ, самый сокровенный свидѣтель трудныхъ и отвѣтственныхъ размышленій.

Пуанкарэ наклоняется надъ столомъ, валитъ кота на спинку и начинаетъ щекотать рукой его шелковую грудку. Котъ урчитъ, потягивается, подставляетъ свою пушистую шею нѣжной рукѣ хозяина, мелко ударяя по пальцамъ выпущенными когтями.

Предчувствуя неизбѣжный роковой исходъ событій лѣта 1914 г., президентъ французской республики Раймондъ Пуанкарэ поспѣшилъ удостовѣриться въ прочности франко-русскихъ узъ. На броненосцѣ «Франсъ», въ сопровожденіи большой свиты и конвоя военныхъ судовъ, онъ отправился въ С.-Петербургъ для личнаго свиданія съ царемъ, изъ устъ котораго хотѣлъ услышать о томъ, что Россія поддержитъ Францію въ трудную для нея минуту. Президентъ былъ встрѣченъ русскими съ большой торжественностью и сердечностью, а многочисленныя манифестаціи населенія на улицахъ Петербурга убѣдили Пуанкарэ въ искреннихъ симпатіяхъ Россіи по отношеніи къ Франціи. Снимокъ изображаетъ моментъ, когда Николай II и Раймондъ Пуанкарэ покидаютъ шатеръ, установленный на красносельскомъ полѣ, гдѣ состоялся грандіозный парадъ 100.000 русскихъ войскъ всѣхъ родовъ оружія, произведшій на президента Франціи незабываемое впечатлѣніе.

Справа:

Предлогъ для начала великой войны. Жертва боснійскаго террориста Гаврилы Принципа, австрійскій престолонаслѣдникъ Францъ - Фердинандъ, убитый вмѣстѣ съ его супругой графиней Хоенбергъ выстрѣлами изъ револьвера 28 іюня 1914 г.

Слѣва:

Гаврило Принципъ, боснійскій террористъ, подосланный, какъ въ этомъ увѣряло австрійское правительство, сербскими націоналистами для расправы съ эрцгерцогомъ Францемъ - Фердинандомъ, извѣстнымъ славянофобомъ. Схваченный на мѣстѣ покушенія австрійскими жандармами, Принципъ, ставшій причиной австросербскихъ осложненій, былъ осужденъ на пожизненное заключеніе и умеръ во время войны въ австрійской тюрьмѣ.

Въ коридорѣ раздаются тяжелые шаги. Президентъ быстро снимаетъ со стола кота и опускаетъ его въ одно изъ креселъ.

— Войдите!

Въ кабинетѣ высокій, сухощавый офицеръ въ красныхъ галифэ. Сдержаннымъ наклоненіемъ головы привѣтствуетъ онъ президента, едва слышно щелкаетъ шпорами. Это полковникъ Пенелонъ, офицеръ связи между ставкой и Елисейскимъ дворцомъ. Онъ сегодня уже во второй разъ въ Парижѣ и стоитъ теперь усталый, запыленный, въ высокихъ сапогахъ, измазанныхъ синей глиной.

Не приглашая сѣсть, президентъ подходитъ вплотную къ гонцу. Пытливо всматривается въ его лицо. Онъ хорошо знаетъ полковника, любитъ его за его откровенность, прямодушіе, за его пониманіе долга солдата и офицера для отвѣтственныхъ порученій.

Одного взгляда достаточно. Президентъ понимаетъ все.

— Вы привезли мнѣ вѣсть о пораженіи, полковникъ? — безъ обиняковъ спрашиваетъ онъ.

Полковникъ, сдѣлавъ короткую паузу, ловитъ взглядомъ взоръ президента и такъ же прямо отвѣчаетъ:

— Да, господинъ президентъ, — я привезъ вамъ вѣсть о пораженіи.

Пуанкарэ дѣлаетъ знакъ, предлагая полковнику слѣдовать за нимъ. Онъ подходитъ къ столу, стоящему рядомъ съ письменнымъ, на которомъ приколоты карты различныхъ частей Франціи и спрашиваетъ:

— Въ какомъ мѣстѣ?

Полковникъ Пенелонъ, быстро оріентировавшись, опускаетъ палецъ сначала на одну точку вблизи сѣверной границы Франціи, затѣмъ на другую, третью...

— Не можетъ быть!

Полковникъ сокрушенно киваетъ. Увы, это такъ. Онъ бросаетъ свое кэпи на кресло и спугиваетъ этимъ кота. Опершись лѣвой рукой о край стола, онъ правой начинаетъ переставлять по картамъ разноцвѣтные деревянные кубики, означающіе корпуса, дивизіи, полки, батареи. Ровнымъ, немного рѣзкимъ голосомъ онъ объясняетъ президенту положеніе на фронтѣ, объясняетъ, почему пораженіе слѣдуетъ за пораженіемъ, почему французская армія неуклонно отступаетъ.

Докладъ Пенелона обстоятеленъ. Онъ говоритъ о томъ, что было бы, еслибъ Германія рѣшила уважать бельгійскій нейтралитетъ и не покусилась на ея территорію; что было бы, еслибъ Франція не считалась съ возможностью вооруженнаго выступленія Бельгіи противъ Германіи — и такъ далѣе. Въ общихъ чертахъ полковникъ напоминаетъ президенту, что желаніемъ германскаго генеральнаго штаба было выйти въ тылъ линіи французскихъ фортовъ и дать рѣшительный бой въ областяхъ, прилегающихъ къ сѣвернымъ французскимъ границамъ.

«Въ общемъ, господинъ президентъ, — говоритъ онъ, — положеніе таково: отъ Бельгіи до швейцарской границы, если слѣдовать съ сѣвера на югъ, германскія арміи расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1 армія фонъ Клука, затѣмъ 2-ая фонъ Бюлова, 3-я фонъ Хаузена, 4-ая герцога Вюртембергскаго, 5-я кронпринца Фридриха-Вильгельма или, какъ принято его называть, Вильгельма, 6-я принца Рупрехта Баварскаго и, наконецъ, 7-ая фонъ Хэрингена. Въ цифрахъ — совокупность германскихъ силъ выражается: 170.000 пѣхоты, 100.000 артиллеріи, 40.000 кавалеріи, 20.000 саперъ и инженеровъ и 50.000 резервовъ. Всего 680.000 человѣкъ.

«Расположенныя противъ нихъ французскія войска, — слѣдуя опять таки съ сѣвера на югъ, находятся подъ командованіемъ: 5-ая армія — Ланрезака, 4-ая — Лангля, 3-я — Сарайля, 2-я — Кастельно и, наконецъ, послѣдняя, 1-ая, — Дюбаля. Совокупная мощность: пѣхоты — 550.000. Артиллеріи — 90.000. Кавалеріи — 40.000. Саперъ и инженеровъ — 30.000. Резервовъ — 50.000, всего — 760.000 человѣкъ.

«На лѣвомъ крылѣ нашего фронта, сѣвернѣе ла Фэра, сконцентрирована армія англичанъ мощностью въ 50.000 пѣхотинцевъ, 13.000 артиллеристовъ, 8.000 кавалеристовъ, 5.000 саперъ и инженеровъ, и, наконецъ, 6.000 штыковъ въ резервѣ. Всего 82.000 человѣкъ.

«Такимъ образомъ, противъ 680.000 нѣмцевъ выставлено въ настоящій моментъ 842.000 союзныхъ войскъ, не считая блокированныхъ нѣмцами южнѣе Антверпена 100.000 бельгійцевъ. На западномъ фронтѣ въ настоящее время ведутъ бой 1.522.000 человѣкъ — количество, небывалое въ исторіи человѣчества, причемъ главная масса нѣмцевъ сконцентрирована на сѣверѣ.

«Все указываетъ на то, что нѣмцы, съ присущей имъ педантичностью, развиваютъ свой планъ, выработанный умершимъ въ прошломъ году долголѣтнимъ начальникомъ ихъ генеральнаго штаба фонъ Шлиффеномъ. Пользуясь огромнымъ перевѣсомъ своихъ войскъ на сѣверѣ нашего фронта, они, пройдя черезъ территорію Бельгіи, надѣются разбить наши арміи сѣвернаго фронта и завладѣть Парижемъ, игнорируя наши успѣхи на югѣ».

Пуанкарэ знаетъ, что планъ Шлиффена, измѣненный нынѣшнимъ начальникомъ главнаго штаба фонъ Мольтке, племянникомъ знаменитаго Мольтке, героя 1870 года, въ своихъ главныхъ чертахъ попрежнему существуетъ. Именно въ противовѣсъ ему и былъ созданъ знаменитый французскій планъ номеръ 17. Согласно этому плану, было рѣшено, что въ случаѣ, если Германія (на что не надѣялись) не нарушитъ нейтралитета Бельгіи, французская армія ограничится на сѣверѣ исключительно оборонительными операціями, пытаясь задержать продвиженіе нѣмецкихъ войскъ къ Парижу. На югѣ же, главныя силы французовъ должны были обрушиться сокрушительнымъ ударомъ на предусмотрѣнныя планомъ Шлиффена малочисленныя германскія войска въ Эльзасѣ и Лотарингіи, разбить ихъ и въ стремительномъ преслѣдованіи оккупировать Прирейнскую область Германіи, лишивъ ее, тѣмъ самымъ, основы своего снабженія, — крупныхъ металлургическихъ заводовъ.

Въ случаѣ же, если бы нѣмцы дѣйствительно прошли сквозь Бельгію, на сѣверѣ предполагалось задержать ихъ до тѣхъ поръ, пока ударъ на югѣ не принесетъ французскому оружію полной побѣды. Послѣ этого все вниманіе будетъ перенесено на сѣверъ.

— Дѣйствительность, однако, опрокинула наши предположенія, — продолжаетъ полковникъ Пенелонъ, отрываясь отъ карты и выпрямляясь. — Операціи нѣмцевъ, правда, развивались въ продолженіе первыхъ дней войны именно такъ, какъ было намѣчено во второмъ случаѣ, то есть, при проходѣ ихъ черезъ Бельгію, однако, насъ постигло тяжелое разочарованіе. Оказалось, что нашъ сѣверный заслонъ не въ силахъ былъ справиться съ лавиной войскъ кайзера, значительно превосходящихъ наши войска своей численностью. Съ другой стороны арміи Кастельно и Бюбаля, которыя по плану должны были тѣснить Рупрехта и Хэрингена, оказались безсильными разбить ихъ и, тѣмъ болѣе, выдѣлить часть своихъ силъ для оказанія помощи Сѣверной арміи. Чтобы поддержать наши первую и вторую арміи,

необходимы свѣжія крупныя силы, которыхъ дать невозможно. Между тѣмъ, даже усиленными, не предусмотрѣнными планомъ № 17, частями лѣвое крыло нашего фронта, поглотившее всѣ имѣвшіяся налицо силы метрополіи и восьмидесятишеститысячную армію англичанъ, не въ состояніи справиться съ возложенной на него задачей. Оно неуклонно загибается къ юго-западу, отступая подъ неослабѣвающимъ напоромъ нѣмцевъ.

Лицо Пуанкарэ становится еще сумрачнѣе. Для него ясно, что ничтожная побѣда въ Эльзасѣ и захватъ новыхъ территорій въ этой провинціи является единственнымъ успѣхомъ, тогда, какъ весь планъ № 17 оказывается совершенно негоднымъ.

Опасенія президента республики понятны. Продвиженіе нѣмцевъ къ Парижу протекаетъ съ необыкновенной быстротой. 18 и 19 августа ими была захвачена часть, смежная съ Лотарингіей, затопленъ войсками весь Люксембургъ, оккупирована половина Бельгіи. Намюръ, мощный современный фортъ этой страны, ея надежда, оказалась накана̀нѣ капитуляціи.

— Что же намѣревается дѣлать Жоффръ? — спрашиваетъ президентъ.

— Вы скоро получите подробно разработанный планъ операцій, господинъ президентъ, —отвѣчаетъ полковникъ Пенелонъ. — Я же со своей стороны могу сказать вамъ, — конечно, совершенно неофиціально, — что съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцами захвачена столица Бельгіи — Брюссель. и Шарлеруа оказался подъ напосредственной угрозой, нашъ главный штабъ совершенно измѣнилъ свои взгляды на планъ № 17 и отбросилъ мысль о продвиженіи въ Эльзасѣ. Уѣзжая, я слыхалъ даже, какъ генералъ Жоффръ отдавалъ приказаніе арміямъ Кастельно и Дюбаля спѣшно выдѣлить два корпуса для переброски ихъ по желѣзчой дорогѣ къ границамъ Бельгіи, для подкрѣпленія пятой арміи генерала Ланрезака...

Пуанкарэ со вздохомъ отходитъ отъ стола и опускается въ кресло. Ладонью руки онъ проводитъ по лицу и спрашиваетъ полковника:

— Знаете ли вы, Пенелонъ, что привезенная вами вѣсть ужасна? Вѣдь трое сутокъ мы дрались съ неослабѣвающимъ упорствомъ на территоріи Бельгіи, и я разсматривалъ эту битву, какъ рѣшающую, которая должна спасти Парижъ отъ нашествія бошей. Знаете ли вы, что именно сегодня утромъ наши сѣверныя арміи и англичане, должны были нанести изъ Арденнъ нѣмцамъ ударъ, въ результатѣ котораго они оказались бы отрѣзанными отъ своей родины, окружены и прижаты къ морю и Голландіи? Теперь же все это рухнуло...

Полковникъ Пенелонъ беретъ свое кэпи:

— Господинъ президентъ, — говоритъ онъ, — вы правы, наши планы не осуществились, наши арміи откатываются и въ ставку все время поступаютъ свѣдѣнія о паническомъ бѣгствѣ нашихъ частей, но отчаиваться мы все же не должны. Я вѣрю, что генералъ Жоффръ представитъ вамъ планъ, который приведетъ въ концѣ концовъ къ удачѣ, что онъ сумѣетъ пріостановить безпорядочное отступленіе, что онъ проведетъ планомѣрную перегруппировку частей и что на одной изъ нашихъ рѣкъ, — не знаю, на Марнѣ ли, или даже, можетъ быть, на Сенѣ, — но мы сможемъ оказать арміямъ кайзера такой отпоръ, который, возможно, станетъ для нихъ катастрофой. Франція не разъ выходила съ честью изъ подобныхъ положеній.

— На Сенѣ? — встревоженно спрашиваетъ Пуанкарэ, — Неужели вы хотите включить Парижъ въ сферу военныхъ дѣйствій? Знаете ли вы, какое впечатлѣніе произведетъ на населеніе Франціи бой подъ стѣнами сто-

лицы? Понимаете ли вы, что въ подобномъ случаѣ намъ можетъ грозить еще большая опасность, а именно, катастрофа изнутри, революція?

— Я больше ничего не могу прибавить къ тому, что только что сказалъ. Я прошу васъ, господинъ президентъ, не терять мужества и попрежнему оказывать полное довѣріе нашему главнокомандующему. До тѣхъ поръ, пока наше правительство дѣйствуетъ, нѣтъ ничего опаснаго, кромѣ потери части территоріи. Если же наши верхи поддадутся той же паникѣ, что и часть солдатъ, мы погибли. Разрѣшите идти?

Разсѣяннымъ наклоненіемъ головы президентъ отпускаетъ полковника.

Полковникъ Пенелонъ переспалъ короткую ночь на жесткой клеенчатой кушеткѣ для ординарцевъ. Въ пять часовъ утра онъ вышелъ на подернутыя разсвѣтной дымкой и легкимъ туманомъ улицы Парижа. У входа въ Елисейскій дворецъ его ожидалъ открытый автомобиль со значкомъ ставки Жоффра. Полковникъ сѣлъ, сильно хлопнувъ дверцой, и приказалъ шоферу ѣхать въ Витри ле Франсуа. Въ тотъ моментъ, когда машина тронулась, рядомъ съ шоферомъ, козырнувъ полковнику, сѣлъ унтеръ-офицеръ съ винтовкой, у которой былъ примкнутъ штыкъ.

— Въ чемъ дѣло? — недоумѣвающе спросилъ полковникъ Пенелонъ. — Почему такой эскортъ?

— На дорогахъ много дезертировъ, господинъ полковникъ, — отвѣтилъ, полуобернувшись, унтеръ-офицеръ. — Нѣкоторые изъ нихъ уже дѣлали попытки захватить автомобили.

— Гмъ... — буркнулъ полковникъ. — Ну, ладно. Шоферъ, мнѣ надо быть въ ставкѣ очень скоро.

— Понимаю, господинъ полковникъ.

Автомобиль сразу набираетъ скорость и мчится по просыпающемуся Парижу. Улицы необычно малолюдны. Не видно ни вереницъ спѣшащихъ на фабрики рабочихъ, ни фургоновъ съ овощами, мясомъ и фруктами, стремящихся, обычно, изъ провинціи на рынокъ, ни торопливыхъ велосипедистовъ. Навстрѣчу попадаются рѣдкія телѣги, управляемыя женщинами и подростками. То же самое наблюдается и въ первыхъ вышедшихъ на работу омнибусахъ, на которыхъ функціи кондукторовъ исполняютъ дѣвушки, одѣтыя въ домашнія платья вмѣсто формы.

Около Грандъ-Алль, — центральнаго рынка Парижа, — автомобилю приходится замедлить ходъ, такъ какъ улица запружена толпой бранящихся женщинъ. Какой-то пожилой человѣкъ стоитъ посреди возбужденной толпы и пытается что-то объяснить. Когда машина, безпрерывно вереща клаксономъ, наконецъ, осторожно прокладываетъ путь сквозь человѣческую гущу, полковникъ слышитъ надсаженный голосъ старика:

C'est la guerre, mesdames! Ничего не подѣлаешь, — это война! Запаситесь терпѣніемъ! Овощи, можетъ быть, прибудутъ изъ Нормандіи съ поѣздомъ, который, навѣрно, запоздалъ.

— Можетъ быть!... Можетъ быть!... — передразниваетъ старика всклокоченная женщина. — Можетъ быть вашъ поѣздъ привезетъ также и тюремщиковъ, которые засадятъ васъ, мошенниковъ. за взвинченныя цѣны?

Толпа хохочетъ. О-ла-ла, старикашкѣ не подъ силу будетъ тягаться съ острой на языкъ парижанкой, но его уже не видно. Кто-то оттолкнулъ его и онъ смѣшался съ толпой.

Полковникъ Пенелонъ невольно приподнимается въ автомобилѣ, опасаясь, что вотъ-вотъ начнется самосудъ, но положеніе спасаетъ мальчишка-газетчикъ.

— «Энформасьонъ»! «Пти Паризьенъ»! Наши войска гонятъ бошей изъ Эльзаса! Грандіозная побѣда Кастельно! Черезъ шесть недѣль мы будемъ въ Берлинѣ!

— Купите газету, — приказываетъ полковникъ шоферу, и мгновенно спустя пахнущій краской номеръ оказывается въ его рукахъ.

Побѣда... Полковникъ съ горькой улыбкой читаетъ извѣстія съ эльзасскаго фронта, гдѣ Кастельно, дѣйствительно, продвинулся на нѣсколько километровъ впередъ. Но что значитъ этотъ успѣхъ по сравненіи съ той лавиной, которая катится на Парижъ съ сѣвера, которая заливаетъ самыя плодородныя провинціи Франціи?

А между тѣмъ, объ успѣхахъ этой сѣрой лавины кайзера въ газетѣ ничего... Парижъ еще живетъ въ атмосферѣ спокойствія и увѣренности въ томъ, что его защищаетъ армія, которая, увы, пока можетъ только отстрѣливаться. Именно пока, потому что неизвѣстно даже, на сколько времени хватитъ снарядовъ и патроновъ...

Послѣ пораженія — крушеніе? — задаетъ себѣ вопросъ полковникъ Пенелонъ, и этотъ вопросъ, какъ показываетъ будущее, близокъ къ утвердительному отвѣту, потому, что съ первыхъ же дней войны обнаруживается, что Франція не готова къ войнѣ. Пусты склады, арсеналы, пороховые погреба... Все, что удается доставлять фронту, уже теперь является результатомъ геніальной импровизаціи... Только что начавшаяся война уже поглотила все, что было накоплено въ годы мира, и переложила всю тяжесть испытаній на живое мясо, на плечи отважныхъ, экспансивныхъ, подвижныхъ, но легко выдыхающихся французскихъ солдатъ.

Ужасныя цифры мелькаютъ въ головѣ полковника: вмѣсто ста тысячъ снарядовъ, артиллерія имѣетъ всего по 1.250 шрапнелей на 75-миллиметровое орудіе, которое можетъ выпускать до 20 выстрѣловъ въ минуту! Если быстроту огня уменьшить хотя бы до трехъ выстрѣловъ въ минуту, то всѣ запасы артиллерійскаго вѣдомства можно разстрѣлять въ продолженіи сутокъ, и французская полевая артиллерія замолчитъ...

— Поѣзжайте же! — внезапно раздраженнымъ голосомъ приказываетъ полковникъ шоферу.

Шоферъ молча киваетъ и даетъ газу. Онъ не знаетъ, что въ головѣ полковника роятся черныя мысли объ испорченныхъ халатностью интендантовъ 500.000 винтовокъ Лебеля и о почти полномъ отсутствіи тяжелой артиллеріи на фронтахъ...

ТРАГЕДІЯ СНАБЖЕНІЯ.

Мрачныя разсужденія полковника Пенелона стали реальностью весьма быстро. Открывшіеся теперь архивы сдѣлали доступными десятки тысячъ документовъ, которые тогда, осенью 1914 года, были недоступны и находились подъ покровомъ тайны. Изъ нихъ видно, что уже 9 сентября французская артиллерія ощущаетъ острый недостатокъ въ снарядахъ для полевыхъ орудій.

Это — 9 сентября, — черезъ четыре дня послѣ начала битвы на Марнѣ, когда успѣхъ только едва-едва началъ склоняться на сторону французскаго оружія, когда въ него не вѣрили еще, — если искренне признаться, — ни Жоффръ, ни Френчъ, ни одинъ изъ союзныхъ главнокомандующихъ и, меньше всего, командиръ I германской арміи фонъ Клукъ!

Въ это время вдоль всего 180 километроваго фронта кипитъ невѣроят-

ная по интенсивности битва, та битва, которая вошла въ исторію, какъ битва на Марнѣ, рѣшившая участь войны. Два милліона людей бросаются другъ на друга въ небываломъ озвѣрѣніи, земля дрожитъ отъ разрывовъ гранатъ, которыми засыпаютъ французскую землю нѣмцы, открывшіе шлюзы своихъ, казалось, неисчерпаемыхъ складовъ матеріаловъ. Вторая французская армія ген. Кастельно судорожно сдерживаетъ напоръ корпусовъ Рупрехта Баварскаго на юго-восточные форты Вердена, а первая армія генерала Дюделя отстаиваетъ отъ арміи фонъ Херингена подступы на Нанси и Туль, въ то время, какъ между Верденомъ и Уркомъ развивается ожесточенный бой, въ которомъ преимущество склоняется въ сторону германцевъ.

Франція переживаетъ напряженіе, равнаго которому не было со временъ Седана. Положеніе съ каждымъ часомъ ухудшается. 19 сентября въ 8 час. 30 мин. начальникъ управленія тыломъ срочно телеграфируетъ военному министру:

> № 4.289. Секретно. Лично.
>
> Маршевые эшелоны имѣютъ не болѣе 500 снарядовъ на орудіе. Склады на этапныхъ вокзалахъ пусты. Арсеналы пусты. Снабженіе производится съ большими перебоями, всѣ резервы артиллерійскихъ снарядовъ исчерпаны...

Это отчаянное посланіе подкрѣпляется на слѣдующій день письмомъ:

> Главнокомандущій — г-ну военному министру:
>
> № 6.284. Секретно. Главный штабъ, I бюро.
>
> Согласно съ собранными свѣдѣніями, о чемъ до Вашего свѣдѣнія доведено депешой № 4.289 отъ 19 сентября, арміи использовали уже свыше половины своихъ артиллерійскихъ запасовъ, развивая огонь въ среднемъ по 20 выстрѣловъ на орудіе въ сутки. Если потребленіе артиллеріи будетъ продолжаться тѣмъ же темпомъ, то всѣ запасы будутъ исчерпаны въ теченіе шести недѣль.
>
> Я неизмѣнно и самымъ категорическимъ образомъ напоминаю всѣмъ командирамъ частей о необходимости соблюдать строжайшую экономію, но мнѣ не представляется возможнымъ произвести какое-либо сокращеніе потребленія снарядовъ.
>
> Считаю необходимымъ поставить правительство лицомъ къ лицу съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, т. к. возникаютъ двѣ возможности:
>
> 1: либо изготовленіе снарядовъ будетъ значительно увеличено, либо —
>
> 2: начиная съ 1 ноября мы не будемъ больше въ состояніи продолжать войну.
>
> Мнѣ представляется, что для продолженія военныхъ операцій артиллерія будетъ нуждаться въ 50.000 снарядахъ ежедневно, что составляетъ примѣрно, 12 выстрѣловъ на орудіе. Интенсивность существующаго производства снарядовъ достигаетъ въ настоящее время 12.000 гранатъ въ день, при чемъ Отдѣлъ снабженія надѣется повысить черезъ мѣсяцъ это количество до 20 000 гранатъ...
>
> Если до сихъ поръ сдѣлано все возможное, чтобы усилить производство снарядовъ отечественной промышленностью, то пусть теперь послѣдуетъ призывъ къ иностранной промышленности: Америкѣ, Англіи, Италіи и т. д. Призывъ можетъ имѣть

положительные результаты, но долженъ быть сдѣланъ безъ принятія въ разсчетъ матеріальныхъ интересовъ и проведенъ въ жизнь цѣною любыхъ жертвъ.

Португалія уже предлагаетъ намъ батареи 75 м/м. артиллеріи, но она оказала бы намъ значительно большую услугу, если бы предложила свои запасы снарядовъ. Это замѣчаніе, между прочимъ, относится не только къ намъ однимъ.

Относительно союзныхъ армій, надо было бы запросить дипломатическимъ путемъ, какими запасами огнестрѣльныхъ припасовъ располагаетъ Англія и обезпечена ли она ими на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ мы. То же самое относится и къ Россіи, которая должна сообщить точныя данныя, касающіяся ея возможности продолжать войну.

Облегченію положенія смогло бы способствовать перенесеніе военныхъ дѣйствій на территорію Вестфаліи. Въ этомъ случаѣ Германія, лишенная своихъ главныхъ источниковъ артиллерійскаго имущества — заводовъ Круппа, — смогла бы быть принуждена къ миру. Интервенція японской арміи для осуществленія этого плана могла бы оказать существенную пользу

Всѣ высказанныя предположенія представляются мнѣ столь важными, что я счелъ за необходимое сообщить вамъ ихъ.

Жоффръ.

Можно себѣ представить тотъ эффектъ, который былъ произведенъ на французское правительство подобнымъ документомъ. Военный министръ немедленно обратился къ четыремъ главнымъ французскимъ заводамъ, изготовляющимъ снаряды. Директоры этихъ заводовъ заявили, что повысить продукцію выше указанныхъ генералиссимусомъ цифръ, — невозможно Въ результатѣ, въ продолженіе перваго квартала войны, 16 французскихъ оружейныхъ заводовъ, въ томъ числѣ упомянутые четыре, — Крезо, Фирмини, Монбаръ и Сенъ-Шамонъ, — всѣ взятые вмѣстѣ, не смогли изготовлять болѣе 10.000 снарядовъ въ сутки, т. е. поставляли артиллеріи отъ двухъ до трехъ выстрѣловъ въ сутки, въ то время, какъ въ среднемъ, требовалось двадцать.

По арміямъ сыпятся приказы:

Главнокомандующій — командующимъ арміями:

№ 6.999. Секретно. Лично.

Снабженіе затруднено. Если потребленіе останется въ тѣхъ же размѣрахъ, невозможно продолжать войну, т. к. черезъ двѣ недѣли запасы снарядовъ будутъ исчерпаны. Считаю своимъ долгомъ напомнить вамъ, что отъ проведенія мѣръ экономіи зависитъ честь родины. Подтвердите полученіе.

Жоффръ.

Что за ужасный приказъ, отданный какъ разъ тогда, когда военныя дѣйствія только начали разгораться! Увы, главнокомандующій былъ правъ: черезъ 15 дней зарядные ящики оказались пусты. Въ пятой арміи уже не хватало ручныхъ гранатъ и гранатъ для мортиръ...

Черезъ девять дней послѣ окончанія великой битвы на Марнѣ затрудненія достигаютъ кульминаціонной точки. 26 сентября Жоффръ въ десять часовъ вечера телефонируетъ командирамъ IV, V, VI и IX армій:

№ 7.497. Секретно. Лично.

Невозможно раньше двухъ или трехъ недѣль снабдить но-

выми запасами снарядовъ 75 м/м. артиллерію. Важно ограничить ваши операціи, избѣгая наступательныхъ, которыя требуютъ большого количества снарядовъ, давая малые результаты. Необходимо сохранять снаряды для отраженія атакъ или для преслѣдованія непріятеля. **Жоффръ.**

И вотъ, отъ Уазы до швейцарской границы французская армія, которая только что нанесла нѣмцамъ сокрушительный ударъ, оказывается парализованной, и тысячи людей вынуждены выносить на себѣ всю тяжесть нѣмецкаго артиллерійскаго огня, не имѣя возможности защищаться тѣмъ же оружіемъ. Въ результатѣ — безсмысленно гибнутъ десятки тысячъ жизней.

Въ то ужасное время даже самые большіе оптимисты, посвященные въ тайны дѣла снабженія арміи, задавали себѣ вопросъ:

26 сентября.... Неужели въ этотъ день Германія выиграла войну?

ТИГРЪ.

Жоржъ Клемансо, патріотъ и нѣмцененавистникъ, сидитъ за завтракомъ на своей частной квартирѣ на улицѣ Франколэнъ. Въ его рукахъ тотъ же номеръ газеты, который купилъ и полковникъ Пенелонъ, но мысли его иныя, а густыя брови насупливаются все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ умный политикъ умѣло вычитываетъ между строкъ правду.

Клемансо ѣстъ быстро и жадно. Онъ ѣстъ такъ же, какъ и говоритъ и думаетъ. Клемансо — воплощеніе порыва, олицетвореніе прямоты удара и мысли.

Пожалуй, во всей Франціи не было человѣка, такъ глубоко напряженнаго неудачами арміи, какъ Жоржъ Клемансо. Если президентъ республики былъ удрученъ, какъ глава государства; Жоффръ, какъ главнокомандующій, а министры, какъ члены правительства, то Клемансо былъ удрученъ, какъ человѣкъ, въ продолженіи сорока лѣтъ носившій въ своей душѣ мечту о реваншѣ, надежду на окончательную расплату съ Германіей за тѣ побѣды, которыя она одержала надъ Франціей въ 1870 и 1871 годахъ. Несмотря на свой семидесятитрехлѣтній возрастъ, Клемансо до послѣднихъ дней своего пребыванія въ числѣ парламентаріевъ не уставалъ выступать съ напоминаніями о Седанѣ, о плѣненіи императора, о потерянныхъ Эльзасѣ, Лотарингіи и о красотахъ Страсбурга, изъ года въ годъ становящагося все болѣе и болѣе нѣмецкимъ городомъ. До послѣднихъ дней онъ не переставалъ радоваться наступившему времени возмездія. Онъ привѣтствовалъ объявленіе войны и... какой ударъ постигъ его, когда правда о положеніи на сѣверномъ фронтѣ, передаваемая изъ устъ въ уста, достигла его ушей!

Жоржъ Клемансо происходилъ изъ Вандеи. Изъ той части Франціи, гдѣ крестьяне до сихъ поръ живутъ воспоминаніями о борьбѣ, которую они вели подъ знаменами Хуана противъ войскъ революціонеровъ. Вблизи дома, гдѣ Клемансо провелъ свое дѣтство, еще теперь стоитъ большой, старый дубъ, около котораго солдаты великой французской революціи разстрѣляли добровольцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ. Будучи мальчикомъ, Клемансо неоднократно приходилъ къ этому дубу и старымъ, разболтаннымъ перочиннымъ ножомъ выковыривалъ изъ его коры круглыя, свинцовыя пули.

Отецъ Клемансо былъ извѣстенъ, какъ заклятый врагъ Наполеона

Третьяго и столь же экспансивный, какъ и его сынъ, политикъ. Послѣ покушенія, совершеннаго Орсини на императора, отецъ Жоржа былъ схваченъ, заключенъ въ тюрьму и, въ концѣ концовъ, сосланъ. Въ то время, какъ отецъ томился въ тюрьмѣ, его семнадцатилѣтній сынъ добился свиданія, былъ допущенъ къ раздѣлявшей его отъ отца желѣзной рѣшеткѣ и во время пятиминутнаго трагическаго разговора поклялся ему:

— Я за тебя отомщу...

Часъ Жоржа Клемансо пробилъ послѣ низверженія Наполеона Третьяго и его плѣненія подъ Седаномъ. Онъ занялъ мѣсто на крайней лѣвой скамьѣ парламента, умѣя совмѣщать идеи радикализма съ идеей реванша...

■

Въ тотъ моментъ, когда Клемансо отодвигаетъ допитую чашку кофе, слуга докладываетъ о прибытіи предсѣдателя совѣта министровъ Вивіани.

Вивіани?

О, въ Дворцѣ Правосудія цѣнятъ этого оратора съ темпераментомъ алжирца и кровью итальянца. Когда Вивіани, одѣтый въ таларъ адвоката, произноситъ свои рѣчи, обширный и наполненный до предѣла залъ засѣданія суда погруженъ въ глубокую, напряженную тишину. Рѣчи Вивіани любятъ, его заступничества ищутъ.

Вмѣстѣ со своей супругой онъ сдѣлалъ въ обществѣ блестящую карьеру несмотря на то, что началъ ее, какъ соціалистъ и ученикъ Жореса. Въ день, который мы описываемъ, его учитель былъ уже мертвъ. Застрѣленъ человѣкъ по имени Вилэнъ, въ душную ночь 31 іюля, въ ту ночь, когда Парижъ былъ уже охваченъ истерической лихорадкой войны, когда раннимъ утромъ городъ увидѣлъ марширующія по бульварамъ безконечныя колонны войскъ въ красныхъ штанахъ, синихъ капотахъ и съ непомѣрно длинными для современныхъ армій ружьями Лебеля. Въ этотъ вечеръ Жоресъ путемъ грандіозныхъ митинговъ, можетъ быть, даже путемъ угрозы всеобщей забастовкой пытался сорвать мобилизацію...

Вивіани имѣлъ встрѣчу съ Жоресомъ за два часа до его смерти. Жоресъ умолялъ Вивіани проявить все свое вліяніе министра-президента и заставить Россію склониться къ болѣе уступчивой позиціи по отношенію къ требованіямъ Германіи. Онъ указывалъ Вивіани на то, что Франція стремится къ войнѣ только потому, что парижскіе и лондонскіе биржевики спекулируютъ на петербургской биржѣ...

Клемансо не любилъ мсье Вивіани. Для него этотъ адвокатъ былъ только элегантнымъ болтуномъ. Они другъ друга ненавидѣли.

А вотъ — гримаса судьбы. Вивіани сидитъ у Клемансо.

Но его краснорѣчіе обрывается быстро. На полуфразѣ. Въ тотъ моментъ, когда онъ заявляетъ, что пріѣхалъ прямо отъ Пуанкарэ, изъ Елисейскаго дворца.

Клемансо не даромъ зовутъ тигромъ. Онъ поспѣшенъ въ своихъ поступкахъ, прямолинеенъ, несдержанъ, злобливъ до хищности. Это — человѣкъ аксіомъ, не требующихъ доказательствъ и не терпящихъ сомнѣній.

— Господинъ министръ - президентъ! — отрывисто и громко говоритъ Клемансо. — Я отлично знаю, для чего вы пожаловали сюда. Для меня симптоматиченъ вашъ визитъ, тѣмъ болѣе, что онъ совпадаетъ съ извѣстіями о пораженіи нашихъ сѣверныхъ армій, которыя вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ неудержимо бѣгутъ къ Парижу.

— Мосье...

— Не противорѣчьте. Вы желаете побудить меня вступить въ вашъ кабинетъ. Вы хотите заманить меня приманкой — взвалить на мои плечи часть отвѣтственности за то, что начинаетъ происходить. Я же объявляю вамъ ясно и категорически: мнѣ и въ голову не приходитъ оказать вамъ такую услугу!

— Дорогой коллега...

— Черезъ двѣ недѣли вы и весь вашъ кабинетъ будете болтаться на фонарныхъ столбахъ!

Клемансо молчитъ нѣкоторое время и скулы его нервно ходятъ, словно тигръ пережевываетъ свою добычу. Внезапно онъ повышаетъ голосъ и говоритъ со сдерживаемой злобой:

— Я вовсе не желаю болтаться на одномъ столбѣ съ господиномъ Пуанкарэ!

ПАРИЖЪ НЕ МОЖЕТЪ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ.

Получасомъ позже Вивіани опять въ Елисейскомъ дворцѣ. Его проводятъ прямо въ кабинетъ президента республики.

— Онъ не желаетъ болтаться со мной на одномъ фонарѣ? — съ улыбкой переспрашиваетъ Пуанкарэ, — но вы вѣдь знаете нашего Тигра! Интересуетъ ли васъ вопросъ, каковы его желанія въ дѣйствительности?

Тигръ добивается вашего портфеля!.

Онъ патріотъ, онъ ставитъ Францію выше всего и не можетъ довѣрить рѣшеніе важныхъ вопросовъ компентенціи голосованія безъ возможности повліять на результатъ. Все, чѣмъ онъ меня пугаетъ — пустяки, но...

Вивіани вспыхиваетъ и, забывая тактъ, перебиваетъ президента республики:

— Господинъ президентъ, если вы считаете, что для блага родины лучше, если Клемансо станетъ министръ - президентомъ, мой портфель, конечно, въ вашемъ распоряженіи...

— Но, мой другъ, что за мысли приходятъ въ вашу голову!

Пуанкарэ беретъ Вивіани подъ руку и подводитъ къ столу съ картами. Нѣкоторое время онъ говоритъ о положеніи на фронтѣ, осторожно передвигаетъ цвѣтные кубики и снова аккуратно ставитъ ихъ на прежнее мѣсто. Вивіани съ величайшимъ интересомъ слѣдитъ за спокойнымъ, дѣловитымъ разсказомъ президента республики, въ словахъ котораго растущая опасность словно распыляется, становится меньше и уступаетъ мѣсто здравому разсужденію, лишенному налета истерики.

— Вы говорите, что въ палатѣ замѣчаются уже недовольные? — спрашиваетъ Пуанкарэ.

— Да, господинъ президентъ. Мнѣ кажется, что настало время привлечь къ работѣ въ правительствѣ по возможности больше людей изъ разныхъ лагерей. Кто знаетъ, во что выльются неудачи на фронтѣ? Неизвѣстно также, какъ будетъ реагировать народъ, если нѣмцы еще больше будутъ углубляться во Францію. Подготовленіе кадровъ новаго кабинета — вотъ, что кажется мнѣ самымъ актуальнымъ.

Пуанкарэ внимательно выслушиваетъ доводы Вивіани и не проходитъ часа, какъ въ кабинетѣ президента республики оказывается новое лицо — Аристидъ Бріанъ, низкорослый, немного сутулый, уже посѣдѣвшій, и съ постоянно движущимися руками. Бріанъ молчаливо поглядываетъ на президента республики и на Вивіани. Онъ уже былъ министръ - президентомъ,

человѣкомъ, перешедшимъ «на ту сторону баррикады», оставившимъ, какъ и Вивіани, ряды соціалистовъ и возглавляющимъ теперь фракцію соціалъ-республиканцевъ.

Черезъ десять минутъ президенту республики докладываютъ о новомъ посѣтителѣ, Теофилѣ Делькассэ. Въ дверяхъ появляется бывшій французскій посолъ въ Петербургѣ, близорукій, съ большими усами и ежикомъ сѣдоватыхъ волосъ, свидѣтель «Прыжка Пантеры» въ Марокко и встрѣчи царя съ Пуанкарэ и Вивіани въ Петергофѣ.

Немедленно вслѣдъ за нимъ появляется третій вызванный по телефону гость, Александръ Мильеранъ, тоже бывшій соціалистъ и военный министръ съ 1912 по 1913 годъ, — человѣкъ, имѣвшій большія заслуги въ дѣлѣ усиленія арміи, чѣмъ бывшій до него на томъ же посту генералъ.

Поздоровавшись съ собравшимися, онъ, послѣ предложенія Пуанкарэ сѣсть, беретъ стулъ, переворачиваетъ его и садится верхомъ, облокотившись руками на спинку и положивъ на нихъ подбородокъ. Внѣшне кажется, что Мильеранъ пришелъ только, чтобы послушать. На самомъ же дѣлѣ за стеклами пенсне горятъ умные глаза, готовые въ любой моментъ отвѣтить прямымъ непреклоннымъ взглядомъ, доказывающимъ волю и безстрашіе.

Говоритъ Делькассэ. Онъ бранитъ бездарныхъ дипломатовъ, критикуетъ военнаго министра Мессими и, когда его критика достигаетъ высшаго предѣла, Бріанъ молчаливо поддакиваетъ, кивая головой. Делькассэ оживляется. Онъ говоритъ все быстрѣе. Бріанъ, словно подчеркивая, обращаетъ вниманіе присутствующихъ на нѣкоторыя мѣста его фразъ опять таки нѣмымъ жестомъ, на этотъ разъ руками.

Для Пуанкарэ ясно, что военный министръ не пользуется популярностью бывшихъ членовъ правительства и депутатовъ.

Когда Мильеранъ обрушивается на Мессими рѣзкими нападками, въ которыхъ сквозятъ явныя обвиненія въ недобросовѣстности его образа дѣйствій, Пуанкарэ пытается что-то противорѣчить. Однако, его попытка защитить военнаго министра не встрѣчаетъ сочувствія.

Гмъ. Положеніе щекотливое. Если Пуанкарэ добивается новаго кабинета, то, очевидно, сотрудничество Мессими съ этими тремя лицами немыслимо. Придется выбирать: либо Мессими, либо они...

Въ то время, какъ вызванные имъ политики продолжаютъ разсуждать о создавшейся ситуаціи, Пуанкарэ неожиданно встаетъ и подходитъ къ окну. Мысли быстро смѣняются въ его головѣ, подсказывая разныя возможности. Одно время онъ думаетъ, — не лучше ли было отдать дѣло составленія новаго кабинета въ руки Клемансо.

Клемансо... Клемансо...

Одно мгновеніе кажется, что участь новаго кабинета рѣшена, какъ вдругъ передъ глазами Пуанкарэ встаетъ реальное затрудненіе: Клемансо немедленно смѣститъ Жоффра. Онъ замѣнитъ его маріонеткой. Будетъ въ дѣйствительности командовать арміями самъ и вести войну, какъ ему захочется.

Сумѣетъ ли Тигръ провести столь сложную и опасную игру?

Это рискованно.

Пуанкарэ возвращается къ своему креслу. Ему теперь ясно. Мессими надо удалить, дѣло управленія страной передать въ руки присутствующихъ лицъ. Это даже будетъ удачный тактическій ходъ, потому что скоро нельзя будетъ скрывать отъ населенія Франціи дѣйствительнаго положе-

нія дѣлъ на фронтѣ, и тогда взрывъ страстей неизбѣженъ. Если Мессими уйдетъ, всѣ неудачи падутъ на его голову, и новое правительство сможетъ работать, базируясь на надеждахъ парижанъ и французовъ.

Итакъ, рѣшено. Иначе могутъ вспыхнуть безпорядки... Раймондъ Пуанкарэ уже видитъ призракъ ихъ...

ВОЕННЫЙ МИНИСТРЪ ПОТРЯСЕНЪ.

Сейчасъ, въ 11 часовъ утра, военный министръ Франціи Мессими еще ничего не знаетъ о томъ, что президентъ Пуанкарэ въ душѣ своей рѣшился пожертвовать имъ. Въ это время министръ занятъ разговоромъ, который далекъ по своей темѣ отъ отставки, но отъ котораго все же холодный потъ выступаетъ на его лбу...

Въ рабочемъ кабинетѣ министра, передъ тяжелымъ дубовымъ столомъ, заваленнымъ планами, чертежами и томами книгъ, стоитъ столь же тяжелый и грузный генералъ инженерныхъ войскъ Гиршауеръ, замѣститель начальника штаба генерала Мишеля, коменданта крѣпости Парижъ. Такъ какъ авіація тѣхъ временъ еще находилась въ зачаточномъ состояніи, у Гиршауера двойной постъ: онъ въ то же время командующій воздушными силами Франціи.

Противъ него, во вращающемся креслѣ, сидитъ военный министръ Мессими. Вышедшій въ отставку на пенсію капитанъ генеральнаго штаба, полувоенный, полуштатскій, депутатъ радикаловъ, дѣятельный интриганъ кулуаровъ, бывшій уже однажды министромъ колоній. Въ тотъ моментъ, когда часы бьютъ одиннадцать, онъ упирается локтями въ хрустящіе планы и невнятно спрашиваетъ:

— Неужели это правда, что вы докладываете, генералъ? Можно ли принять всерьезъ заявленіе, что крѣпость Парижъ не можетъ обороняться, что форты не приведены въ порядокъ, орудія не имѣютъ бетонированныхъ площадокъ, рвы завалены мусоромъ — однимъ словомъ, что съ момента начала войны, никакихъ работъ не производилось?

— Вы повторяете мои слова, ваше превосходительство.

Вздрагиваетъ звонокъ телефона. Мессими съ раздраженіемъ прикладываетъ къ уху трубку и небрежно спрашиваетъ.

— Ну?

Мембрана квакаетъ голосомъ секретаря президента республики. Мессими слышитъ предложеніе немедленно явиться въ Елисейскій дворецъ. Важное совѣщаніе.

— Скажите господину президенту, что я не могу явиться. У меня тоже важное совѣщаніе.

Бросивъ трубку, онъ снова обращается къ Гиршауеру. Тотъ стоитъ неподвижно, закусивъ губу. Ему хочется говорить, говорить много и рѣзко, обвинять себя и Мишеля, обвинять отдѣлъ снабженія; но слова застреваютъ въ горлѣ. Гиршауеръ ограничивается полупоклономъ.

— Разрѣшите идти, ваше превосходительство?

Мессими устало машетъ рукой:

— До свиданія, генералъ

Шпоры Гиршауера едва слышно брядаютъ Онъ кланяется еще разъ и выходитъ, плотно притворивъ за собой дверь

Мессими, словно обмякнувъ, осѣдаетъ въ кресло

Это невозможно представить! Онъ вѣдь столько разъ спрашивалъ генерала Мишеля, какъ обстоитъ дѣло съ укрѣпленіями Парижа! Спраши-

валъ дѣйствительно часто и всегда получалъ отвѣтъ, что все въ порядкѣ: работы въ полномъ ходу и успѣшно приближаются къ окончанію

Министръ вздрагиваетъ. Тяжелымъ камнемъ ложится на его сердце упрекъ, что онъ ни разу не потрудился лично проѣхаться вдоль линіи фортовъ и на мѣстѣ убѣдиться въ ихъ состояніи.

Да развѣ это могло придти въ голову? Развѣ докладъ облеченнаго довѣріемъ лица не является достаточно компетентнымъ? Развѣ недовѣріе къ нему не было бы равносильно подозрѣнію Мишеля въ государственной измѣнѣ?

Но неужели Мишель всетаки...

Нѣтъ! Не можетъ быть! Мишель навѣрно былъ увѣренъ въ несокрушимости плана номера 17 и сдѣлалъ такую же оплошность, какъ и Мессими самъ: не бывалъ на мѣстѣ работъ, а слушалъ доклады подрядчиковъ и подчиненныхъ, которымъ хотѣлось показать все въ благополучномъ свѣтѣ.

Что же дѣлать теперь? Парижъ беззащитенъ...

Мессими сжимаетъ голову, и мучительный стонъ вырывается изъ его груди. Время бѣжитъ, опасность возрастаетъ съ каждымъ мгновеніемъ...

Какъ спасти Парижъ?...

Какъ спасти Парижъ... Въ ночь съ 22 на 23 августа послѣ кошмарныхъ ночныхъ боевъ, остатки шестого корпуса были отброшены нѣмцами на 30 километровъ къ югу отъ Билли-су-Мажіеннъ. Тысячи убитыхъ и раненыхъ. Въ 164 полку всѣ офицеры или ранены, или исчезли. 42 дивизія, захвачена врасплохъ на бивакѣ, буквально вырѣзана. Сороковая дивизія также сильно пострадала.

КАКЪ СПАСТИ ПАРИЖЪ?

Маленькая Бельгія имѣетъ въ своемъ гербѣ льва. И точно такъ же, какъ и левъ, защищается она противъ во сто кратъ сильнѣйшаго непріятеля. Героически дерется ея крошечная армія, такая забавная въ своихъ лакированныхъ цилиндрахъ, иногда украшенныхъ пѣтушиными перьями.

Страна пытается отстоять свою независимость. Бельгійцы взрываютъ туннели, жгутъ мосты, дома, города, открываютъ шлюзы, разрушаютъ плотины, затопляютъ водой сотни тысячъ гектаровъ плодородной земли. По желѣзнымъ дорогамъ несутся груженые баластомъ «бѣшеные поѣзда» — на которыхъ нѣтъ ни одного человѣка, нѣтъ даже машиниста. Эти поѣзда пускаются полнымъ ходомъ навстрѣчу нѣмецкимъ эшелонамъ и тамъ, гдѣ «бѣшеный поѣздъ» ударяется въ нѣмецкій паровозъ, происходитъ нѣчто ужасное: вагоны громоздятся одинъ на другой, котлы локомотивовъ разлетаются въ куски, люди, лошади, пушки и повозки перемѣшиваются въ кровавую кашу.

Нѣмцы борются съ «бѣшеными поѣздами», какъ могутъ. Они высылаютъ впередъ дозоры уланъ, за которыми черепашьимъ шагомъ ползутъ набитые солдатами и военнымъ имуществомъ эшелоны. При первыхъ признакахъ «бѣшенаго поѣзда», уланы динамитной шашкой вырываютъ кусокъ полотна и передъ остановившимся нѣмецкимъ эшелономъ нагромождается гора обломковъ «бѣшенаго поѣзда». Нѣмцы спасены, но и бельгійская цѣль достигнута. Путь загроможденъ на долгіе часы, и нѣмецкій генералъ не поспѣетъ въ урочное время къ мѣсту своего назначенія...

А въ рощицахъ, кустарникахъ, среди скалъ и утесовъ шевелятся безчисленные партизаны, — вооруженные правительствомъ крестьяне, рабочіе, присяжные повѣренные, школьники и артисты, — все мѣстные жители, прекрасно знающіе окрестность. Группами и въ одиночку подкарауливаютъ они нѣмцевъ, подстрѣливаютъ ихъ изъ - за угла, изъ оконъ домовъ, разстрѣливаютъ залпами въ горныхъ перевалахъ, спускаютъ на нихъ каменныя лавины и окружаютъ огненными кольцами горящихъ лѣсовъ. Этихъ партизанъ ловятъ, вѣшаютъ и разстрѣливаютъ, но на мѣсто погибшихъ, какъ изъ подъ земли, выростаютъ новыя тысячи патріотовъ, которые героически и безъ надежды на побѣду дѣйствуютъ въ глубокомъ тылу корпусовъ фонъ Клука.

Бельгія защищается съ отчаяніемъ погибающаго. Она не знаетъ больше антагонизма ,вѣчнаго между валлонами и фламандцами. Въ этотъ августъ она едина, полна самопожертвованія. Постоянно подходящіе новые и новые полки изъ Франціи дерутся съ бельгійцами плечо къ плечу, но усилія обѣихъ армій не планомѣрны, военныя операціи импровизируются на мѣстѣ, въ зависимости отъ обстановки. Въ штабахъ и въ строю царитъ растерянность, подавленность и усталость.

Пушки гремятъ все дальше и дальше къ западу, — огрызаясь на каждомъ шагу, и французы и бельгійцы отходятъ все ближе къ границѣ Франціи, все больше земли уступаютъ они врагу.

*

Маленькая французская станція Жемонъ. Расположена она на бельгійской границѣ, гдѣ разстояніе между таможенными пунктами не болѣе полукилометра. Обычно въ теченіе дня черезъ Жемонъ проходятъ четыре пары экспрессовъ: двѣ пары на Брюссель и Амстердамъ, и двѣ другія, — на Намюръ — Льежъ — Аахенъ — Кельнъ — Ганноверъ — Берлинъ. Послѣдній ночной экспрессъ полонъ богатыхъ пассажировъ, спѣшащихъ въ Варшаву, Ригу и Петербургъ. Этотъ поѣздъ-люксъ до сихъ поръ называется Нордъ-экспрессомъ и къ нему, по издавне заведенной привычкѣ, на всѣхъ станціяхъ Бельгіи и Германіи выходятъ продавцы винограда, дешевыхъ американскихъ сигаретъ, бургундскаго вина, запретной политической литературы и всевозможныхъ закусокъ, фруктовъ и напитковъ. Въ тотъ моментъ, когда экспрессъ останавливается на какой-нибудь пограничной станціи, около него образуется оживленная ярмарка.

Сегодня на станціи Жемонъ исключительно большое оживленіе, несмотря на то, что экспрессы изъ Берлина и Амстердама — вотъ уже больше недѣли — не останавливаются у ея перрона.

Всѣ пути этой маленькой станціи заняты пыхтящими паровозами и сцѣпленными на скорую руку поѣздными составами, въ которыхъ рядомъ съ роскошнымъ салонъ-вагономъ можно видѣть грязный, покрытый черной пылью, угольный вагонъ, открытыя платформы, цистерны и старые-престарые деревянные двухъэтажные вагоны французскаго образца.

Всѣ эти дома на колесахъ переполнены сверхъ всякой мѣры пожилыми мужчинами, женщинами, дѣтьми. Среди пассажировъ мелькаютъ сутаны католическихъ патеровъ и косынки сестеръ милосердія.

Платформы станціи такъ же, какъ и поѣзда, полны сидящей на чемоданахъ, баулахъ и ящикахъ толпой. Около поѣзда дымятся походныя кухни, какія-то организаціи раздаютъ горячую пищу и жидкій кофе тысячамъ бѣженцевъ, затопившихъ Жемонъ.

Странно видѣть людямъ 1914 года маркизовъ, стоящихъ въ очереди, рядомъ съ мѣщанкой — блестящую кокотку, тянущуюся съ пустой кружкой изъ-за спины священника...

Надъ станцiей стоитъ гулъ, непрерывное жужжанiе голосовъ. Сейчасъ всего одиннадцать часовъ утра, но солнце палитъ немилосердно, и люди сильно страдаютъ отъ жары, особенно тѣ, на которыхъ надѣто по два-три платья сразу, — все ихъ имущество. Изрѣдка раздается тревожный свистокъ паровоза, и тогда десятки людей, таща за собой дѣтей и вещи, устремляются къ вагонамъ, гдѣ уже и такъ нѣтъ мѣста, пытаясь, внѣ очереди и права, прицѣпиться къ буферу, лѣсенкѣ или стать на наружную ступеньку, бѣгущую вдоль наружной стѣны вагона. Этихъ людей сгоняютъ, спихиваютъ, стягиваютъ руками на полотно, многiе съ дикимъ воплемъ падаютъ подъ колеса, — хрустятъ кости, льется кровь — и когда послѣднiй вагонъ, мѣрно покачивающiй краснымъ фонарикомъ, быстро уносится на востокъ, между рельсъ корчатся человѣческiе обрубки, валяются окровавленныя дѣтскiя руки и головы съ закатившимися подъ орбиты глазами.

Труповъ убирать некому. Бѣженцамъ это дѣлать противно, а станцiонные санитары давно уже на фронтѣ, гдѣ имъ приходится подбирать еще болѣе искалѣченныхъ людей въ французской, бельгiйской и нѣмецкой формѣ. Изрѣдка, — когда трупъ ужъ слишкомъ изуродованъ, — нѣкто изъ толпы набросить на него кусокъ откуда-то стащеннаго брезента, иногда собственное одѣяло или просто вѣтки, наломанныя съ деревьевъ изъ станцiонной ограды.

*

Въ душномъ и накуренномъ помѣщенiи таможни, несмотря на распахнутыя настежь окна, стоитъ нестерпимая жара и непередаваемая толчея. Около стола, заваленнаго объѣдками, казенными бумагами и полупустыми бутылками вина, столпились потные, возбужденные люди, насѣдадающiе на измученнаго, позеленѣвшаго отъ безсонныхъ ночей коменданта, который постоянно отираетъ съ шеи струящiйся въ разстегнутый воротникъ мундира потъ.

— Алло! Алло! — надрывается въ телефонъ комендантъ. — Дайте же наконецъ Сенъ-Кантэнъ! Алло... Попробуйте кружнымъ путемъ, черезъ Валансьенъ. Мнѣ дѣйствительно нужно. Заявите priorité — предпочтенiе.

Онъ злобно бросаетъ трубку и третъ ладонью четырехдневную бороду.

— Вамъ что угодно?

— Мосье ле команданъ: меня зовутъ маркизъ Виллакоблэ. Неужели вы не найдете для моей супруги хотя бы одного сидячаго мѣста? Не можетъ же дама третьи сутки стоять въ уборной вагона!

— Мосье, я безсиленъ. Попытайтесь сдѣлать что-либо сами.

А вамъ что?

— Когда мы поѣдемъ дальше, мосье ле команданъ? Нашъ эшелонъ отцѣпленъ уже съ пятницы и стоитъ въ тупикѣ.

— Какой номеръ вашего эшелона?

— Я не знаю...

— Тогда не суйтесь; узнайте сначала номеръ. Слѣдующiй.

— Команданъ, я вамъ приказываю...

— Вы? Мнѣ?

— Да, я. Знаете ли вы, кто я?

— Хоть бы самъ дьяволъ. Алло... Алло... Дадите ли вы наконецъ Сенъ - Кантэнъ? Что? Вызовъ изъ Шарлеруа? Слушаю.

— Вы мнѣ отвѣтите, комендантъ! Ваше имя?

— Убирайтесь. Вы видите, — я занятъ. — Алло? Да. Жемонъ... Да. Комендантъ. Пріоритэ? Тише!!!!

Комендантъ злобно шипитъ на публику, машетъ рукой, беретъ карандашъ и быстро пишетъ:

— Сто двадцать крытыхъ вагоновъ.... могутъ быть и другіе... Да. Понимаю. Двѣсти платформъ... цистерны съ водой. Какъ? Суасантъ сисъ? Суасантъ дисъ? Суасантъ дисъ. ...Да, мой генералъ. Будетъ исполнено. Не позже, чѣмъ черезъ полъ часа.

Комендантъ устало поднимается, застегиваетъ воротникъ мундира и зоветъ:

— Жаспаръ!

— Мосье ле команданъ?

Вооруженный винтовкой жандармъ дѣлаетъ шагъ къ коменданту и замираетъ, вытянувшись смирно.

— Жаспаръ: позовите начальника станціи и разыщите лейтенанта Деллонэ. Постойте: скажите вашимъ товарищамъ въ дежурномъ взводѣ, чтобы немедленно согнали на первый перронъ всѣхъ спѣшщиковъ и позовите командира дежурной роты пѣхоты.

Жандармъ поспѣшно уходитъ, а комендантъ дѣлаетъ знакъ остальнымъ жандармамъ очистить помѣщеніе. Нѣсколькими минутами позже въ опустѣвшемъ помѣщеніи таможни около стола коменданта сидятъ пѣхотный офицеръ, лейтенантъ жандармеріи, и небритый, усталый такъ же, какъ и комендантъ, начальникъ станціи Жемонъ.

— Господа, — говоритъ комендантъ, — я только что имѣлъ срочный разговоръ съ Шарлеруа. Бельгійцы отдаютъ Намюръ, и Шарлеруа приходится эвакуировать въ самомъ спѣшномъ порядкѣ Вотъ, на этомъ листкѣ, я записалъ число вагоновъ, которое необходимо немедленно перегнать въ Шарлеруа. Позже мнѣ будутъ даны дальнѣйшія инструкціи.

Начальникъ станціи беретъ листокъ. Брови его поднимаются и застываютъ въ гримасѣ отчаянія.

— Но, мосье ле команданъ, у насъ нѣтъ даже и сотой части требуемыхъ комендантомъ Шарлеруа вагоновъ!

Комендантъ Жемона киваетъ.

— Я это знаю, и поэтому я пригласилъ сюда господина капитана и лейтенанта Деллонэ. Намъ придется очистить вагоны отъ бѣженцевъ.

Теперь отчаяніе отражается уже на лицѣ самого лейтенанта Деллонэ.

— Господинъ комендантъ! Это же будетъ настоящее побоище! Бѣженцы ни за что не согласятся покинуть вагоны! Вы не можете себѣ представить, какое нервное и напряженное настроеніе существуетъ въ ихъ средѣ!

— Что-жъ подѣлать, дорогой Деллонэ, — c'est la guerre, — это война. Вагоны должны быть пересланы въ Шарлеруа во что бы то ни стало. Боевой приказъ.

Деллонэ пожимаетъ плечами:

— Мнѣ придется дѣйствовать силой оружія...

— Я не могу вамъ въ этомъ помѣшать.

— Но я вовсе не желаю брать на себя отвѣтственность за кровь бельгійцевъ и соотечественниковъ!

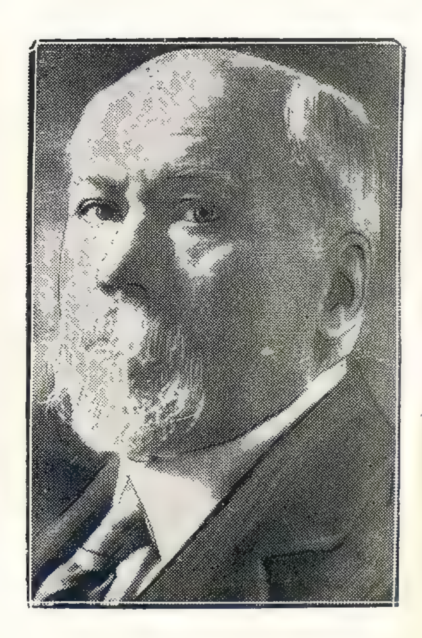
Слѣва:

ГРАФЪ ЛЕОПОЛЬДЪ ФОНЪ БЕРХТОЛЬДЪ (род. 18.IV 1863). Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Берхтольдъ, бывшій ярымъ приверженцемъ имперіалистической политики кайзера Вильгельма и тонкими интригами доведшій инцидентъ съ убійствомъ Франца - Фердинанда до размѣровъ всемірнаго конфликта. Стремясь укрѣпить гегемонію Австріи на Балканахъ, графъ Берхтольдъ не упускалъ ни одной представлявшейся возможности для того, чтобы расширить территорію имперіи.

Справа:

РАЙМОНДЪ ПУАНКАРЭ (1860—1934).

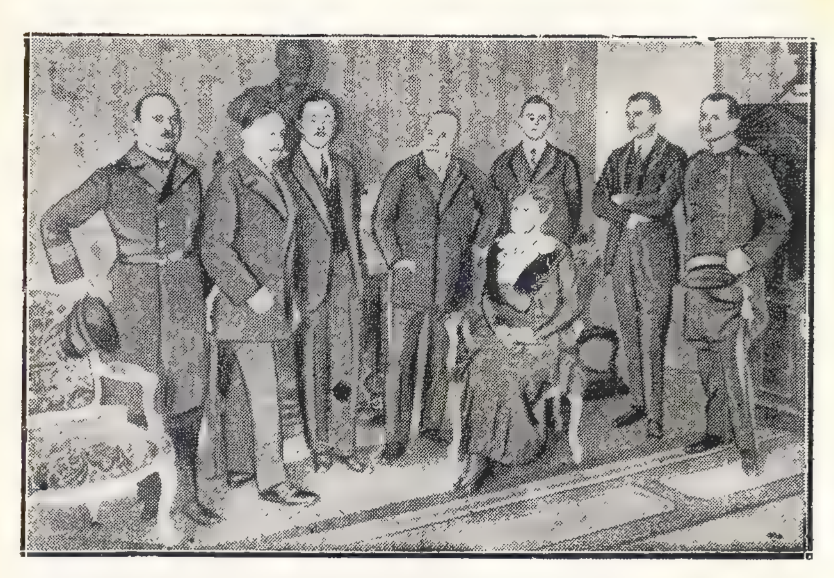
Президентъ французской республики. Неподкупность, упорство и тактъ Пуанкарэ сдѣлали его одной изъ самыхъ яркихъ личностей французской политики военныхъ лѣтъ. Несмотря на наличіе крайнихъ противорѣчій съ ярымъ патріотомъ и шовинистомъ Франціи — Клемансо, Пуанкарэ, самъ будучи германофобомъ, въ области внѣшней политики сумѣлъ достигнуть сотрудничества съ этимъ агрессивнымъ и умнымъ человѣкомъ, который, въ концѣ концовъ сталъ во главѣ стойкаго правительства, приведшаго Францію къ побѣдѣ.

МОЛЬТКЕ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

Начальникъ германскаго генеральнаго штаба Мольтке былъ личнымъ другомъ кайзера. Злые языки увѣряли, что Мольтке былъ назначенъ на столь высокій постъ изъ-за стремленія Вильгельма II имѣть рядомъ съ собой племянника и однофамильца талантливаго Мольтке, разбившаго французовъ во время войны 1870-71 г. г. Послѣ крушенія наступленія на Парижъ Мольтке былъ немедленно смѣщенъ и замѣненъ генераломъ Эрихомъ фонъ Фалькенхайномъ.

ЛЮДИ, ОТЪ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ КОТОРЫХЪ ЗАВИСѢЛА СУДЬБА МІРА.

Составъ германскаго посольства въ Петербургѣ въ 1914 г. Въ центрѣ группы германскій посолъ при русскомъ дворѣ графъ Пурталесъ. Въ креслѣ его супруга.

— Потребуйте у коменданта письменнаго приказа, — вставляетъ совѣтъ, молчавшій до сихъ поръ капитанъ пѣхоты. — Вся отвѣтственность тогда съ васъ будетъ снята.

— Но отвѣтственность передъ своей совѣстью?..

Комендантъ Жемона, внезапно покраснѣвъ, ударяетъ ладонью по столу.

— Довольно, Деллонэ! Если каждый офицеръ будетъ разсуждать подобно вамъ, мы не только проиграемъ войну, но доживемъ и до революціи. Вотъ вамъ письменный приказъ и потрудитесь исполнить его въ кратчайшій срокъ. Мѣры, къ которымъ вы прибѣгнете, меня не касаются. Ступайте. До свиданья, господинъ капитанъ.

Четверть часа спустя, на всѣхъ путяхъ станціи Жемонъ творится нѣчто невообразимое. Людей силой толкаютъ изъ вагоновъ, сгоняютъ на платформы, оттѣсняютъ оттуда на вокзальную площадь. Изъ оконъ и дверей вагоновъ летятъ подушки, корзины, чемоданы, оттуда передаютъ плачущихъ дѣтей, повсюду мелькаютъ кэпи военныхъ и жандармовъ, которые безжалостно очищаютъ одинъ вагонъ за другимъ.

— Аллэ, аллэ! Армія не ждетъ.

— Боже мой ,но куда мы пойдемъ?

— Это насъ не касается.

— Звѣри, изверги! Будьте вы прокляты!

Крикъ, вопли и брань висятъ въ душномъ воздухѣ. На платформѣ, подъ напоромъ толпы, переворачивается походная кухня, и кипящій кофе обливаетъ воющихъ отъ боли людей. Около одного изъ паровозовъ образовалась группа самозащиты, и какіе то штатскіе вступаютъ въ рукопашную съ солдатами. Тамъ трещатъ даже выстрѣлы, — пока правда, въ воздухъ, — но недалекъ тотъ моментъ, когда пули вонзятся въ самую гущу толпы. Цѣпи жандармовъ начинаютъ упорно, прикладами, очищать платформы.

— Месье, скажите, неужели нѣмцы близко? — въ отчаяніи спрашиваетъ тучный господинъ, по виду лавочникъ.

— Я не знаю... Повидимому, такъ.

Этотъ краткій діалогъ спасаетъ положеніе. Кто-то подхватываетъ конецъ первой фразы и, не уловивъ интонаціи, порождаетъ ложный слухъ:

— Нѣмцы близко...

Искра вспыхиваетъ. Какъ по пороховому шнуру бѣжитъ сначала тихая и, немедленно, громкая вѣсть:

— Нѣмцы близко!

— Нѣмцы близко!!!

— У—ла—ны!!!

Толпа, потерявъ голову, бросается въ сторону Франціи, бѣжитъ, теряя вещи и дѣтей, по дорогамъ, по колосящимся полямъ, растекаясь, какъ вѣтеръ по провинціи Валансьезъ... Забыты поѣзда, планы, надежды, забытъ разсудокъ, люди бѣгутъ въ паникѣ, помня только одно:

....Въ Льежѣ нѣмцы отрубили всѣмъ молодымъ бельгійцамъ указательные пальцы правыхъ рукъ, чтобы тѣ не могли стрѣлять...

...Въ Лувэнѣ нѣмцы разстрѣляли всѣхъ обитателей богадѣльни за шпіонажъ...

...Во всей южной Бельгіи нѣтъ ни одной женщины, которая не была бы обезчещена уланами Бюлова и Клука.

Потерявшіе голову бельгійцы бѣгутъ, видя предъ собой только заголовки послѣднихъ брюссельскихъ газетъ, помня послѣдніе разсказы очевидцевъ. Дѣйствительно ли это было такъ, никто не хочетъ думать. Бельгійцы бѣгутъ, пугая также французскихъ крестьянъ, сѣя страхъ и панику въ странѣ своей союзницы Франціи, порождая ужасъ, который начинаетъ расходиться по странѣ, какъ круги въ водѣ отъ брошеннаго камня.

ВОЕННЫЙ СОВѢТЪ.

— Я весьма сожалѣю, джентльмэны, но съ доводами маршала Френча согласиться не могу. Я не отрицаю, что передъ началомъ войны состоялись совѣщанія французскаго и англійскаго генеральныхъ штабовъ, въ результатѣ чего наша страна обѣщала поддержать Францію всѣми сухопутными силами, но Адмиралтейство съ этимъ соглашеніемъ ничего общаго не имѣетъ. Германскій флотъ за послѣдніе годы сталъ настолько мощнымъ, что мы не можемъ рисковать экспедиціями вплоть до Гельголанда, для того, чтобы драться съ ихъ военными кораблями вблизи ихъ базъ. Мнѣ кажется, что правильнѣе было бы обратить все вниманіе на парализованіе германскаго торговаго судоходства, и съ этой цѣлью сконцентрировать большинство силъ въ шотландскихъ водахъ. Принимая, однако, во вниманіе, что для учрежденія подобной блокады потребуются почти всѣ суда Отечественнаго флота, Англія оказывается подъ угрозой возможнаго германскаго десанта, которому оставшіяся свободными силы, возможно, не успѣютъ помѣшать высадиться. Поэтому я предлагаю, чтобы во Францію было отправлено не болѣе двухъ третей нашей арміи съ тѣмъ, чтобы оставшаяся треть могла въ любое время ликвидировать десантъ, если таковой состоится.

Эти слова произноситъ моложавый человѣкъ съ квадратной, волевой челюстью. Первый лордъ британскаго адмиралтейства. По континентальному понятію — морской министръ, Винстонъ Черчилль.

Объ этомъ человѣкѣ еще до сихъ поръ говорятъ, и выступаетъ онъ въ парламентѣ съ неизмѣннымъ темпераментомъ, выражая самыя смѣлыя, иногда овѣянныя фантастикой мысли. Но, благодаря именно этимъ качествамъ, Черчилль сдѣлалъ въ годы передъ войной быструю карьеру, выдвинувшись въ самые первые ряды руководителей англійской политики. Въ день, который мы описываемъ, онъ уже насчитывалъ третій годъ дѣятельности, какъ министръ одного изъ самыхъ отвѣтственныхъ органовъ англійскаго государственнаго организма, какъ руководитель жизнью мощнаго, разбросаннаго по всѣмъ семи морямъ, флота.

Да... Винстонъ Черчилль сдѣлалъ быструю карьеру, но консерваторы посматриваютъ на него съ опаской. Размахъ его идей великъ, но и эгоизмъ его, какъ защитника своего дѣтища, — флота — не меньшій.

Подумайте только: Винстонъ Черчилль говоритъ о десантѣ и не хочетъ выпустить свои стальные корабли на нѣмцевъ, чтобы заставить выйти ихъ, какъ крысъ, изъ базъ!

Неслыханно!

Консерваторы косятся на морского министра: война начинается недурно! Съ тѣмъ, что только что сказалъ Черчилль, считались меньше всего.

Съ какихъ поръ флотъ, надежда и гордость Англіи, не можетъ болѣе заботиться о безопасности ея береговъ? Неужели же Англія, которая постоянно увѣряетъ, что уважаетъ свою подпись подъ договорами, въ первый

же день войны должна будетъ отказываться отъ слова, даннаго своимъ союзникамъ?

Этого себѣ никто не представлялъ.

Но... ничего не подѣлаешь. У англичанъ первый девизъ — safety first — безопасность прежде всего, а Винстонъ Черчилль, почемъ знать, можетъ быть правъ.

Поэтому парламентъ рѣшаетъ: послать французамъ четыре дивизіи вмѣсто шести обѣщанныхъ. Остальныхъ двухъ французы могутъ подождать...

Но французы, увы, на эти шесть дивизій разсчитываютъ...

•

О, этотъ Винстонъ Черчилль! — офиціально вздыхаетъ англійская общественность, но втайнѣ одобряетъ его.

И вотъ почему:

Нѣкоторое время спустя, снова въ парламентѣ вмѣшивается онъ, охраняющій безопасность.

Престарѣлый лордъ Робертсъ предлагаетъ высадить англійскую армію въ Антверпенѣ. Тамъ, соединившись съ бельгійской арміей, она должна зайти во флангъ нѣмцамъ.

Великолѣпно! Нѣмцы, при наличіи подобной угрозы, будутъ лишены возможности передвигаться по Бельгіи съ той скоростью, съ которой имъ хотѣлось бы пересѣчь эту страну, и, слѣдовательно, лишатся возможности вторгнуться въ сѣверную Францію въ тотъ срокъ, который предусматриваетъ ихъ генеральный штабъ. Браво, сэръ Робертсъ, благодаря вашему плану, генералъ Жоффръ сможетъ вздохнуть и привести въ порядокъ свои разбросанныя арміи.

Но встаетъ Винстонъ Черчилль:

—Мнѣ очень жаль, джентльмены, но планъ лорда Робертса невыполнимъ. Нашъ флотъ, стаціонирующій уже у береговъ Шотландіи, не можетъ бросить начатую задачу блокады Германіи и посвятить себя конвоированію транспортовъ. Я предлагаю упростить перевозку войскъ тѣмъ, что наши войска будутъ высаживаться въ Гаврѣ или въ Калэ. Этимъ самымъ намъ представится возможность выдѣлить значительно меньшее число судовъ для конвоя.

Многіе министры облегченно вздыхаютъ. Имъ пріятно, что планъ лорда Робертса встрѣчаетъ препятствія, потому что уже за много лѣтъ до 1914 года было рѣшено, что въ случаѣ войны, англичане будутъ драться на лѣвомъ флангѣ французовъ, а не бельгійцевъ.

Вздохъ, однако, былъ немного преждевременемъ. Винстонъ Черчилль не выигралъ пока своей битвы.

— Чѣмъ можетъ обосновать достопочтимый первый лордъ Адмиралтейства свое предложеніе относительно Калэ и Гавра? — спрашиваетъ внезапно лордъ Китченеръ.

— Кромѣ высказанныхъ мною соображеній, всѣмъ извѣстенъ планъ нѣмцевъ, пройти только черезъ южную Бельгію. Контактъ съ ихъ арміей тѣмъ самымъ не будетъ столь простымъ маневромъ, — отвѣчаетъ Винстонъ Черчилль.

— А можетъ ли достопочтимый лордъ поручиться, что нѣмцы со свойственнымъ имъ «дрангомъ», не преминутъ использовать и сѣверную Бельгію?

— Разрѣшите мнѣ заявить, что я нѣмцевъ изучилъ, и утверждаю, что они воспользуются именно сѣвернымъ путемъ, чтобы обойти наши арміи съ фланга и, больше того, обогнать ихъ. Если наши арміи не воспользуются Антверпеномъ, то онѣ будутъ топтаться въ районахъ Калэ и Гавра, не имѣя никакого плана, полагаясь только на геніальность Жоффра, который, какъ мы видимъ, не всегда рѣшаетъ вопросы правильно.

Въ полемику вмѣшивается Асквитъ, премьеръ-министръ:

— Досточтимые ораторы касаются вопросовъ, которые, по моему мнѣнію, относятся къ компетенціи генеральнаго штаба. Я предлагаю уклониться отъ обсужденія ихъ, довѣривъ рѣшеніе нашему командованію, и перейти къ обсужденію общихъ мѣропріятій, связанныхъ съ веденіемъ войны (одобреніе на скамьяхъ депутатовъ).

Поскольку меня информировалъ генералъ Вильсонъ, война продолжится примѣрно три мѣсяца, и, насколько мнѣ извѣстно, этого мнѣнія придерживается большинство присутствующихъ (одобренія). Само собой разумѣется ,что намъ не удастся обойтись имѣющимися въ наличности шестью дивизіями и придется приступить къ формированію пополненій. Будемъ надѣяться, что при столь кратковременной войнѣ нашимъ резервнымъ дивизіямъ не придется принять участіе въ военныхъ операціяхъ. Однако, при заключеніи мира всегда полезно имѣть за собой силу, которой можно угрожать сломленному, но строптивому еще противнику. Въ силу этого, я былъ бы склоненъ просить лорда Китченера принять спѣшныя мѣры къ формированію дополнительныхъ семи дивизій, что будетъ означать болѣе чѣмъ удвоеніе мощи вооруженныхъ силъ нашей страны. Мы знаемъ, что, поручая эту задачу лорду Китченеру, мы возлагаемъ на него необыкновенный трудъ. Тѣмъ не менѣе, обстоятельства подсказываютъ, что онъ является единственнымъ лицомъ, которое сможетъ удовлетворительно и быстро разрѣшить выдвигаемую нами проблему...

Внезапно происходитъ нѣчто необыкновенное. Лордъ Китченеръ быстро поднимается со своего мѣста и, минуя обращеніе къ спикеру, заявляетъ премьеръ - министру:

— Сэръ. Война продолжится не три мѣсяца, а три года, и я сформирую не семь дивизій, а всѣ семьдесятъ!

Такъ же быстро, какъ всталъ, лордъ Китченеръ садится, немного покраснѣвъ отъ сдерживаемаго волненія. Въ залѣ на мгновеніе воцаряется гробовая тишина. Подобно шуму девятаго вала, она внезапно переходитъ въ нарастающій возбужденный шепотъ и превращается въ пылкій шумъ.

— Что сказалъ лордъ Китченеръ? Три года?

— Три года...

— Три года?... Три?...

И вдругъ шумъ спадаетъ. Всѣ депутаты, министры и публика проникаются страшной мыслью:

Дѣйствительно: если въ дѣйствія приведены колоссальные механизмы армій Германіи, Россіи, Австро-Венгріи, Франціи, Бельгіи, Сербіи, Черногоріи и, теперь Англіи, то взявшая разгонъ лавина не сможетъ остановиться передъ первымъ препятствіемъ, которымъ должно явиться первое пораженіе.

Въ души людей внезапно проникаетъ леденящій ужасъ. Всѣ, вдругъ, понимаютъ, что начата игра не на жизнь, а на смерть, на карту поставленъ уже не престижъ, а само существованіе Англіи, что испытанія

будутъ самыми трудными въ всей ея исторіи, что британскій левъ выйдетъ изъ нея съ тысячами ранъ, и потребуется наивысшее напряженіе націи. . . .

И поэтому, когда изъ Фолькстона отходятъ первые громадные транспорты, сплошь набитые солдатами въ хаки, командующій этими дивизіями маршалъ Френчъ стоитъ на палубѣ крейсера одиноко, задумчиво, и его взглядъ съ тревогой слѣдитъ за дымящими пароходами: онъ везетъ на вѣрную смерть авангардъ смѣльчаковъ будущей двухмилліонной арміи, изъ которой на родину вернется только три четверти.

Солнце медленно склоняется къ горизонту, съ трудомъ пронизывая красноватыми лучами черные, густые клубы дыма, которые валятъ изъ сѣрыхъ трубъ низкихъ военныхъ судовъ-конвоировъ. «Томми», — солдаты Англіи, — задумчиво смотрятъ на небо, словно наливающееся кровью, и предрекающее ихъ судьбу.

Но сержанты зорко слѣдятъ, чтобы настроеніе не падало, чтобы Томми не стали сантиментальными, и коротко приказываютъ:

— Запѣвай!

И на одномъ транспортѣ вспыхиваетъ пѣсенка о Типперери, которую поютъ ирландцы сѣвернаго Уэльса, вѣрные союзники Англіи, не измѣнившіе ей даже теперь, 25 лѣтъ спустя, при наличіи свободнаго государства де Валеры.

. . . Godbye Piccadilly, farewell Leicester square!
It's a long, long way to Tipperary
But my heart right there. . .

Молодые, задорные голоса. Они поютъ съ увлеченіемъ, во все горло, какъ гимнъ націи, словно зная, что «Типперери» скоро завоюетъ міръ.

И не безъ основанія. Не успѣлъ замолкнуть первый куплетъ на первомъ транспортѣ, какъ мелодію подхватываютъ солдаты второго парохода, третьяго, и черезъ мгновенье кажется, что весь Ла Маншъ поетъ пѣсенку, которую будутъ черезъ двѣ недѣли исполнять въ Петербургѣ, черезъ мѣсяцъ въ Бѣлградѣ, а въ магазинахъ Парижа и Лондона появятся рубашки «Типперери», воротнички «Типперери», конфеты «Типперери» . . .

Съ пѣсней и футбольными мячами, привязанными къ ранцамъ, вошли Томми Аткинсы въ ряды солдатъ, говорящихъ на гортанномъ языкѣ галловъ, — солдатъ, уже обтрепавшихся, усталыхъ и небритыхъ, солдатъ, уже проклинающихъ войну.

2.000 ВЕРСТЪ КЪ ВОСТОКУ.

Да . . . Франція въ опасности, въ большой, почти неотвратимой опасности, и сѣрыя фаланги пѣхотинцевъ кайзера почти безпрепятственно вливаются въ ея сѣверные департаменты. Въ Парижѣ смятеніе, но . . .

Не меньшее смятеніе царитъ въ Кенигсбергѣ, Торнѣ, Кюстринѣ и Позенѣ! Вся Восточная Пруссія объята паникой, все населеніе ея бѣжитъ вглубь Германіи при одномъ только паническомъ восклицаніи

— Козакенъ!!!!

«Козакенъ . . .» Съ Нѣмана на Кенигсбергъ ведетъ свою армію генералъ Ренненкампфъ. Съ Нарева, южнѣе его, къ Танненбергу, идетъ Самсоновъ.

Повалены пограничные столбы Лаузаргена и Эйдкунена. Пусты и пылаютъ Гумбиненъ и Сталюпененъ. Съ гиканьемъ и присвистомъ, поднимая непроглядную пыль и приминая сочные колосья золотящейся ржи,

движутся безконечныя колонны русской конницы. Лихо сдвинувъ оливковыя фуражки на затылки, разстегнувъ вороты защитныхъ гимнастерокъ, обливаясь потомъ отъ жары, бодрымъ шагомъ маршируютъ вглубь Пруссіи 500.000 лучшихъ солдатъ кадровой русской арміи. Безконечныя колонны пѣхоты, обозовъ, артиллеріи и санитарныхъ двуколокъ движутся по прекраснымъ шоссе, проселочнымъ дорогамъ и широкимъ, обсаженнымъ ветлами, липами или вѣковыми дубами аллеямъ, ведущимъ къ массивнымъ, каменнымъ помѣщичьимъ домамъ, родовымъ гнѣздамъ прусскаго дворянства, вотчинамъ владѣтелей огромныхъ латифундій, состоящихъ изъ десятковъ тысячъ гектаровъ плодородной земли.

Солдаты идутъ съ пѣснями. Они подбрасываютъ натирающія шеи скатки, бренчатъ мѣдными котелками, перекладываютъ съ плеча на плечо ставшія тяжелыми винтовки. Они идутъ весело, потому что разбитые еще на границѣ имперіи полки ландштурма откатываются передъ мощнымъ натискомъ пѣхоты почти безъ сопротивленія. Проходятъ по мѣстечкамъ и городкамъ, по опустѣвшимъ улицамъ, спятъ въ брошенныхъ опочивальняхъ помѣщиковъ... потому что почти все населеніе приграничной полосы бѣжало при первомъ возгласѣ «козакенъ».

Бѣгство было поспѣшное, сломя голову. Во многихъ домахъ пылалъ огонь въ плитахъ и на сковородкахъ подгорали яичницы. Нѣмцы бѣжали отъ страха передъ русскими, которые, какъ увѣряла пресса, ѣдятъ живьемъ дѣтей, рубятъ шашками головы стариковъ и насилуютъ всѣхъ, не щадя возраста.

**

Раннимъ утромъ 20 августа 1914 года командиръ XVII армейскаго корпуса фонъ Макензенъ оказался лицомъ къ лицу съ положеніемъ, которое было столь же затруднительнымъ, какъ и неожиданнымъ. Казалось, что весь планъ германской кампаніи на востокѣ опрокинутъ, карты штабовъ смѣшаны, и единственная характеристика результатовъ трехнедѣльныхъ боевъ можетъ быть выражена только словами — «полное пораженіе». Его корпусъ, блестящій XVII армейскій корпусъ, составленный изъ кадровыхъ полковъ Западной Пруссіи, откатывался неудержимо назадъ. Даже личное вмѣшательство высшихъ офицеровъ командованія не было въ силахъ остановить широкій потокъ отступающихъ.

20 августа Макензену было ясно: его ударъ по русскимъ былъ встрѣченъ еще болѣе жестокимъ контръ-ударомъ, атаки его пѣхоты растаяли въ безпощадномъ русскомъ ружейномъ огнѣ, оказалось, что иниціатива перешла въ руки противника, генерала Ренненкампфа, который теперь самъ велъ наступленіе, разбивая всѣ попытки Макензена парализовать неумолимое продвиженіе русской арміи.

Скрѣпя сердце и вынужденный къ тому необходимостью, Макензенъ неоднократно въ теченіе послѣднихъ часовъ отдавалъ приказъ:

— Корпусу отойти на новыя позиціи...

Критическое положеніе его и сильный напоръ превосходныхъ силъ русскихъ открыло для удара послѣднихъ все южное германское крыло XX корпуса, что повергло въ растерянность командованіе VIII германской арміи. Стало ясно, что, послѣ боя подъ Гумбиненомъ, русскихъ окружить не удастся и что, наоборотъ, если бой продолжится 21-го августа, — вся VIII германская армія можетъ оказаться подъ угрозой потерять связь съ тыломъ и быть уничтоженной. Эта опасность возростала съ часу на часъ.

Въ штабѣ арміи стали возникать планы, одинъ мрачнѣе другого. Пред-

лагалось отвести всю армію за Вислу. Высказывалась мысль, что этого недостаточно. Пессимисты предрекали, что даже за Вислой удержаться не удастся. Растерянность росла.

Въ 2 часа 30 мин. ночи 21-го августа въ германской штабъ-квартирѣ въ Кобленцѣ постепенно выкристаллизовалась картина: Восьмая германская армія потерпѣла подъ Гумбиненомъ полное пораженіе и уступила поле битвы войскамъ Ренненкампфа. Это была первая серьезно-ощутимая неудача нѣмецкаго оружія.

Мольтке, начальникъ германскаго генеральнаго штаба, который отдавалъ себѣ отчетъ въ зависимости успѣха надвигавшейся неизбѣжной битвы на Марнѣ отъ успѣха военныхъ операцій въ Восточной Пруссіи и Галиціи, пришелъ въ полное отчаяніе. Росчеркомъ пера онъ смѣстилъ командующаго VIII германской арміей генерала Приттвицъ ундъ Граффонъ и его начальника штаба. Вмѣсто этихъ неудачливыхъ военачальниковъ на должность командующаго былъ назначенъ генералъ отъ инфантеріи фонъ Гинденбургъ и, какъ начальникъ его штаба, генералъ-майоръ Людендорфъ.

Потрясенный извѣстіемъ объ отставкѣ, Приттвицъ, въ часы, предшествующіе сдачѣ командованія, окончательно потерялъ голову. Мольтке вынужденъ былъ самъ вступить въ связь съ командирами корпусовъ Восточной арміи, отдѣленной отъ него чуть ли не 2000 километрами. Лаконичными, безпощадными приказами онъ принялъ крайнія мѣры къ тому, чтобы VIII армія не развалилась окончательно. Генералу фонъ Шольцъ, противнику арміи Самсонова, было приказано сдерживать напоръ русскихъ во что бы то ни стало.

▪

Новое командованіе сѣвернымъ секторомъ Восточнаго фронта прибыло въ западно-прусскій городокъ Маріенбургъ 23 августа пополудни. Гинденбургъ и Людендорфъ вступили въ исполненіе своихъ обязанностей немедленно. Положеніе, которое они застали, было слѣдующее:

Послѣ гумбиненскаго сраженія германскіе полки, легче, чѣмъ это можно было ожидать, оторвались отъ преслѣдующихъ ихъ русскихъ. Первый армейскій корпусъ уже былъ погруженъ въ вагоны и мчался по желѣзнымъ дорогамъ въ тылъ праваго фланга XX корпуса. XVII корпусъ Макензена и первый резервный германскій корпусъ изъ стадіи безпорядочнаго отступленія перешли въ стадію планомѣрную, и отходили къ западу. Пытавшаяся произвести контръ-ударъ третья германская резервная дивизія была остановлена и готовилась къ переброскѣ въ тылъ желѣзнодорожными эшелонами.

Армія Ренненкампфа, разбившая нѣмцевъ подъ Гумбиненомъ, двигалась на западъ съ необъяснимой для нѣмцевъ медленностью. Съ этой арміей вела арьергардные бои первая германская кавалерійская дивизія. Главные резервы нѣмцевъ были сосредоточены въ крѣпости Кенигсбергъ.

Но что означали эти силы по сравненію съ тремя кадровыми корпусами Ренненкампфа? Гинденбургу было ясно, что русскихъ удержать будетъ невозможно, что Кенигсбергъ обреченъ.

Еще трагичнѣе положеніе было на южномъ отрѣзкѣ Восточнаго фронта. Тамъ вели планомѣрное наступленіе пять кадровыхъ корпусовъ и четыре кавалерійскихъ дивизіи Самсонова. Имъ противопоставлены были въ этотъ критическій день только потрепанный уже XX корпусъ и нѣсколько полковъ, стоявшихъ въ мирное время гарнизонами вдоль границы.

— Какія у насъ имѣются возможности? — задалъ Людендорфу вопросъ Гинденбургъ.

Выяснились четыре:

Отступленіе германской арміи за Вислу. Оборона подступовъ къ Вислѣ. Наступленіе южной группы войскъ, составленной изъ усиленнаго XX корпуса и приданныхъ ему частей, противъ арміи Самсонова, въ то время, какъ сѣверная группа будетъ только сдерживать напоръ Ренненкампфа. Наконецъ, — объединенная операція сѣверной и южной группъ германской арміи противъ арміи Самсонова.

Гинденбургъ остановился на послѣднемъ варіантѣ. Въ Кобленцъ полетѣла телеграмма: «Начата концентрація всѣхъ силъ VIII арміи въ районѣ расположенія XX корпуса. Маневръ долженъ окончиться къ 26 августа, послѣ чего предполагается начать фланговый охватъ русской Наревской арміи. . .»

Для командира XX германскаго корпуса генерала фонъ Шольца наступили три тревожныхъ дня. Три дня долженъ былъ продержаться онъ противъ силъ Самсонова, прежде чѣмъ первыя подкрѣпленія, — первый армейскій корпусъ и отступающіе съ береговъ Роминты полки, смогли бы оказать ему поддержку.

«Проникнемся взаимнымъ довѣріемъ и выполнимъ свой долгъ!» — заканчивалъ свой приказъ по арміи Гинденбургъ, — приказъ, при помощи котораго онъ пытался, пользуясь всѣми пріемами военнаго краснорѣчія, поднять духъ своихъ разметанныхъ полковъ.

23 августа пополудни начались ожидавшіяся нѣмцами атаки русскихъ на центръ и лѣвое крыло XX корпуса. Теперь, когда со дней героическихъ и кровопролитныхъ боевъ подъ Гумбиненомъ, Сольдау, Танненбергомъ и на Мазурскихъ болотахъ прошло четверть столѣтія, съ несомнѣнностью установлено, что русское командованіе предприняло энергичное, но преждевременное наступленіе, только внимая непрестаннымъ мольбамъ о помощи французскаго правительства и командованія. Пуанкарэ по радіо и черезъ своего посла въ Петербургѣ умолялъ русскаго царя о спасеніи Парижа. Жоффръ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисовалъ будущее союзниковъ, если русскіе не отвлекутъ вниманія Германіи мощнымъ ударомъ на востокѣ. Грей и Китченеръ всѣми силами поддерживали просьбы своихъ западныхъ союзниковъ. . .

И русскіе стали наступать. Славными и кровопролитными боями подъ Лааной и Орлау освятили они свои знамена, идя съ открытыми глазами на гибель, зная заранѣе, что только чудо можетъ дать имъ рѣшительную побѣду надъ нѣмцами, зная, что скорѣе пораженіе ждетъ ихъ, чѣмъ побѣдное шествіе на беззащитный Берлинъ.

Но они шли впередъ, шли во имя дѣла союзниковъ, во имя спасенія Парижа и Франціи, вѣрные договору, обѣщаніямъ и слову чести. Въ первый день наступленія лѣвое крыло XX германскаго корпуса было смято и вынуждено отступить къ Мюлену.

24 августа

Въ слѣдующую ночь послѣ полученія военнымъ министромъ Мессими страшной вѣсти о состояніи парижскихъ укрѣпленій, онъ осмотрѣлъ ихъ самъ. Увы, Гиршауеръ былъ правъ. Форты Парижа не являлись фортами . . . Въ этомъ смыслѣ придется доложить кабинету министровъ.

А генералъ Мишель?..

Боже мой! Въ настоящій моментъ это, правда, не важно! Мишеля, можетъ быть, отдадутъ подъ судъ, но даже если его разстрѣляютъ, на его крови не вырастутъ новые форты!

Входитъ офицеръ связи. Онъ произноситъ нѣсколько словъ, но министръ не слушаетъ. Офицеръ вынужденъ подойти къ столу и развернуть передъ нимъ бумаги.

Мессими разсѣянно читаетъ. Сводка изъ ставки Жоффра. Врагъ подходитъ къ Парижу все ближе и ближе. Можетъ быть, наступитъ моментъ, когда дозоры нѣмцевъ окажутся въ виду города...

Когда Мессими остается одинъ, онъ беретъ блокнотъ и пишетъ нѣсколько скупыхъ строкъ. Письмо своему старому другу, генералу для особыхъ порученій Гальени. Живетъ онъ поблизости. Ординарецъ, — нѣтъ, офицеръ, — долженъ съ возможной поспѣшностью доставить эту важную записку адресату. Гальени долженъ придти къ министру немедленно!

Генералъ Гальени...

Правительство оставило его въ Парижѣ, словно предчувствуя его, буквально, особое предназначеніе... Если съ Жоффромъ случится несчастье, Гальени, бывшій комендантъ Тонкина и Мадагаскара, долженъ стать его преемникомъ. Слава у Гальени хорошая: самый способный, спокойный и надежный французскій генералъ.

Пока Мессими ждетъ, его вызываютъ два раза по телефону. Въ первый разъ, — звонитъ Вивіани, министръ - президентъ, и, вскорѣ послѣ него, канцелярія президента республики.

Но военный министръ не желаетъ телефонныхъ вызововъ. Онъ ссылается на важные переговоры, проситъ извинить, обѣщаетъ самъ позвонить или пріѣхать.

Возвращается долгожданный офицеръ:

— Генералу Гальени сообщено, г-нъ министръ. Онъ пріѣдетъ черезъ часъ.

Немедленно вслѣдъ за офицеромъ появляется другое, незванное, лицо — чиновникъ канцеляріи президента республики. Пуанкарэ проситъ господина министра прервать свои переговоры и совѣщанія, хотя бы на одинъ часъ, и явиться въ Елисейскій дворецъ на засѣданіе кабинета.

Мессими встаетъ со вздохомъ. Онъ покидаетъ министерство. Выйдя на улицу, онъ нѣкоторое время смотритъ на шофера отсутствующимъ взоромъ и, наконецъ, словно преодолѣвая какую то внутреннюю силу, приказываетъ ѣхать во дворецъ. Тамъ онъ застаетъ своихъ коллегъ за совѣщаніемъ, прерваннымъ его появленіемъ.

Пуанкарэ говоритъ сразу:

— Вы, безъ сомнѣнія, знаете уже о послѣднихъ ужасныхъ новостяхъ, дорогой Мессими. Неужели мы дѣйствительно опять увидимъ прусскихъ уланъ подъ воротами Парижа?

Мессими пожимаетъ плечами.

— Видѣлись ли вы съ Мишелемъ? — продолжаетъ Пуанкарэ. — Въ полной ли готовности наши укрѣпленія?

— Я какъ разъ хотѣлъ говорить съ вами на эту тему, господинъ президентъ, — отвѣчаетъ военный министръ. — Мои свѣдѣнія, къ сожалѣнію, будутъ не менѣе ужасны, чѣмъ извѣстія съ фронта. Генерала Мишеля, повидимому, придется замѣнить другимъ лицомъ...

Вивіани, министръ-президентъ, вскакиваетъ:

— Что это означаетъ?

Мессими нѣкоторе время сидитъ потупясь, затѣмъ бросаетъ на Пуанкарэ пронизывающій взглядъ и говоритъ громко, рѣзко, словно отдавая боевой приказъ:

— Я долженъ сообщить вамъ, господа, что укрѣпленія Парижа вовсе не оправдываютъ тѣхъ надеждъ, которыя мы на нихъ возлагали. Парижъ, собственно говоря, вовсе не является крѣпостью...

Онъ обводитъ глазами внезапно поблѣднѣвшія лица коллегъ и продолжаетъ:

— Коротко говоря, налицо упущенія, которыя въ данный моментъ невозможно исправить. Во всѣхъ вашихъ разсужденіяхъ вы должны исключить, какъ факторъ сопротивленія, крѣпость Парижъ.

Въ залѣ засѣданія воцаряется гробовая тишина, которую нарушаетъ тихій голосъ Пуанкарэ:

— Не желаетъ ли кто-нибудь высказаться?

Слово беретъ Вивіани:

— Вношу предложеніе: кабинетъ долженъ постановить, что Парижъ обязанъ защищаться до послѣдняго... Чего бы это ни стоило!

ВЪ СТАНѢ ВРАГА.

До сихъ поръ мы говорили о надвигающейся на Францію опасности, но теперь намъ надо заглянуть въ центръ той паутины, которая эту опасность создаетъ. Перенесемся поэтому на правый берегъ Рейна, въ Кобленцъ, гдѣ въ день 24 августа еще находится главная квартира генерала отъ инфантеріи фонъ Мольтке, вершителя судьбы германской арміи.

Жаркій полдень смѣняется тихимъ, предвечернимъ тепломъ. По соннымъ волнамъ Рейна, какъ расплавленное серебро, перебѣгаютъ ослѣпительные блики. Какъ символъ германскаго упорства и тяжеловѣсности, противъ Кобленца, возвышается замокъ Эренбрейтштейнъ...

Въ прохладныхъ холлахъ отеля «Монополь» большое оживленіе. Гостиница полна офицеровъ. Пользуясь короткой передышкой, они обмѣниваются новостями и мнѣніями. Кайзеръ Вильгельмъ и графъ Гельмутъ фонъ Мольтке, племянникъ знаменитаго Мольтке, героя франко-прусской войны, предприняли быструю освѣжительную поѣздку на автомобилѣ. Есть еще нѣсколько свободныхъ минутъ.

Машина кайзера летитъ вверхъ по Рейну, переѣзжаетъ по мосту на другой берегъ, описываетъ петлю и возвращается къ Кобленцу. Когда она пересѣкаетъ Рейнъ, ходъ приходится убавить. Автомобиль перегоняетъ длинную колонну войскъ. Идутъ добровольцы расположеннаго въ Кобленцѣ 23 артиллерійскаго полка. Примѣрно 1000 человѣкъ. Только что принятыхъ. Свѣже экипированныхъ. Ведетъ ихъ молодой, подтянутый офицеръ, а за порядкомъ наблюдаютъ топорщащіеся усами строгіе унтеры, окружившіе колонну, какъ конвой.

Кайзера узнаютъ. Въ тотъ же мигъ порядокъ нарушается, и оглушительное ура гимназистовъ, студентовъ и молодыхъ представителей золотой молодежи сотрясаетъ стѣны стариннаго замка. Офицеръ, полусмущенный, полурастроганный проявленіемъ чувствъ патріотизма, пытается что-то рапортовать, въ чемъ то извиниться, но автомобиль кайзера скрывается въ

тучѣ пыли. Вслѣдъ ему несется экзальтированное пѣніе «Дейчландъ, Дейчландъ юберъ аллесъ!»

— Ахтунгъ!

Въ главномъ холлѣ «Монополя» офицеры замираютъ, какъ статуи.

— Вейтеръ махенъ, мейне херренъ! — продолжайте, — небрежно бросаетъ кайзеръ.

Двойная дверь закрывается за нимъ и Мольтке. На ней надпись «Операціонный отдѣлъ».

— Есть новости? — спрашиваетъ Вильгельмъ.

Полковникъ-лейтенантъ Таппенъ поспѣшно разворачиваетъ послѣднюю депешу съ сѣвернаго сектора западнаго фронта:

— Яволь, мажестетъ! Правое крыло непріятельской арміи на голову разбито нашей второй арміей. Захвачено много орудій. Первая армія, западнѣе Мобежа, вступила въ бой съ англичанами. Послѣдніе панически отступаютъ. Атака на Намюръ закончилась благополучно. Всѣ осаждавшія крѣпость войска, за исключеніемъ половины дивизіи, освободились для дальнѣйшихъ операцій. Третья армія успѣшно развиваетъ наступленіе!

Прекрасныя свѣдѣнія. Рѣшительный моментъ наступилъ. Въ германской ставкѣ въ теченіе послѣднихъ дней царило невѣроятное напряженіе. На правомъ флангѣ фронта вотъ уже нѣсколько дней шли рѣшительные бои, отъ которыхъ зависѣла вся дальнѣйшая операція. Если бы въ эти дни нѣмцы были разбиты, весь планъ войны оказался бы опрокинутымъ.

Но битва выиграна!

На западѣ.

А на востокѣ?

О, тамъ мало утѣшительнаго. Новый командующій фронтомъ. Новый начальникъ штаба. Людендорфъ только теперь познакомился съ Гинденбургомъ. Генералы раньше нигдѣ не работали вмѣстѣ, они не знаютъ еще взаимныхъ привычекъ и образа мышленія. Гмъ... на востокѣ, пока серьезно, очень серьезно.

Не послать ли туда помощь?

Мольтке докладываетъ свои соображенія кайзеру. Предлагаетъ не уклоняться отъ плана Шлиффена. Согласно съ этимъ планомъ, въ тотъ моментъ, когда на западѣ будетъ одержана рѣшительная побѣда, часть войскъ должна быть переброшена на востокъ. По мнѣнію Мольтке этотъ моментъ наступилъ.

Въ результатѣ — приказъ:

Начальнику Шлезвигскаго военнаго округа:

33 и 34 ландвернымъ бригадамъ немедленно приготовиться къ переброскѣ на Востокъ.

Командарму Второй:

«Второй гвардейскій резервный и одиннадцатый армейскій корпуса снять съ праваго фланга арміи и выдѣлить для особаго назначенія. Оба корпуса будутъ переброшены на востокъ».

Командарму Пятой:

«Въ случаѣ, если ввѣренная вамъ армія будетъ въ состояніи продолжать наступленіе, не исключается возможность выдѣленія для особаго назначенія пятаго армейскаго корпуса. Предстоитъ переброска упомянутаго корпуса на востокъ.»

Такимъ образомъ героическое наступленіе русскихъ армій Самсонова

и Ренненкампфа ослабило напоръ на Парижъ, оттянувъ къ себѣ двѣ дивизіи ландвера, два корпуса, получившихъ боевое крещеніе, и стѣснивъ свободу операцій пятаго корпуса.

Начальникъ оперативнаго отдѣла ставки германскаго главнокомандующаго полковникъ-лейтенантъ Таппенъ покидаетъ совѣщательную комнату въ приподнятомъ настроеніи. Въ холлѣ онъ подходитъ къ генералу отъ инфантеріи фонъ Плессенъ. Тотъ радостно говоритъ:

— Какъ дѣла? Недурненькія свѣдѣнія? Хмъ?

Таппенъ отвѣчаетъ:

— Черезъ шесть недѣль вся эта ерунда кончится.

*

Въ то же самое время, въ 2000 километрахъ къ востоку, Гинденбургъ и Люденлорфъ переѣзжаютъ изъ Маріенбурга въ Танненбергъ. Ихъ встрѣчаетъ командиръ XX корпуса фонъ Шольцъ. Немедленно собирается военный совѣтъ.

Линія Гильденбургъ — Мюленъ! Вотъ гдѣ должно начаться рѣшительное столкновеніе.

Но до рѣшительнаго дня еще далеко. 1 армейскій корпусъ не прибылъ на указанное ему мѣсто. 1 резервный и XVII корпусъ Макензена находятся на разстояніи нѣсколькихъ переходовъ отъ мѣста будущаго сраженія. Положеніе XX корпуса попрежнему отчаянное, и только то обстоятельство, что генералъ Ренненкампфъ съ неизмѣнной медлительностью идетъ на сближеніе съ Самсоновымъ, дѣлаетъ общее положеніе на сѣверномъ секторѣ восточнаго фронта сноснымъ. а не катастрофическимъ.

Вечеромъ Гинденбургу впервые улыбается счастье. На правомъ флангѣ арміи Самсонова оказывается идущій походомъ VI русскій корпусъ. Между нимъ и остальными корпусами не существуетъ связи. Вотъ гдѣ представляется случай напасть на русскихъ, пользуясь большимъ преимуществомъ силъ!

Но хотя въ танненбергской штабъ-квартирѣ существуетъ увѣренность въ организаціи удачнаго маневра, въ Кобленцъ поздно вечеромъ летитъ очередной рапортъ, который заканчивается не особенно оптимистическими словами:

«...Настроеніе рѣшительное, хотя неблагополучный исходъ операціи не исключенъ.»

ГАЛЬЕНИ СТАНОВИТСЯ ПРАВОЙ РУКОЙ ЖОФФРА.

Когда Мессими, еще взволнованный и полный отчаянія, возвращается въ свой кабинетъ, генералъ Гальени уже ждетъ. Военный министръ идетъ къ нему навстрѣчу съ протянутыми руками.

Гальени — другъ военнаго министра еще съ тѣхъ временъ, когда Мессими находился на дѣйствительной службѣ. Часто случалось, что Гальени давалъ своему товарищу цѣнные совѣты, — вотъ и теперь судьба свела ихъ вмѣстѣ.

Въ низкихъ клубныхъ креслахъ сидятъ они, и Мессими тихимъ голосомъ разсказываетъ своему гостю, который внимательно прислушивается къ словамъ министра и маленькими глотками пьетъ вино. Военный министръ обстоятельно разсказываетъ о положеніи дѣлъ на фронтѣ, передаетъ послѣднія печальныя извѣстія изъ ставки Жоффра и, наконецъ, однимъ духомъ, и въ рѣзкихъ тонахъ, посвящаетъ его въ то, что случилось на парижскихъ фортахъ, въ чемъ, по его мнѣнію, кругомъ виноватъ ген. Мишель.

— Скажите, Гальени, — взволнованно спрашиваетъ военный министръ. — Если я дамъ въ ваше распоряженіе армію инженеровъ, рабочихъ, саперъ и техниковъ, — возможно ли въ короткій срокъ наверстать упущенное?

Галеньи отвѣчаетъ не сразу. Онъ хочетъ знать, строили ли вообще что-либо, если строили, то гдѣ, затвердѣли ли бетонныя площадки для тяжелыхъ орудій, сколько проложено стратегическихъ подъѣздныхъ желѣзныхъ дорогъ, и каждый разъ Мессими даетъ ему искренній и исчерпывающій отвѣтъ, часто справляясь въ толстыхъ папкахъ бумагъ и на планахъ.

— Нѣтъ, — заявляетъ внезапно и рѣшительно Гальени, — невозможно. Разъ положеніе таково, какъ вы его описываете, нечего даже и думать привести Парижъ въ обороно-способное состояніе. Видите ли, мой другъ, — продолжаетъ онъ, — если бы дѣло шло объ укрѣпленіи нѣсколькихъ фортовъ съ восточной стороны города, то дѣло обстояло бы не такъ ужъ скверно. Но нѣмцы не преминутъ окружить Парижъ со всѣхъ сторонъ и, конечно, воспользуются для атаки самыми слабыми пунктами пояса укрѣпленій. Такимъ образомъ, приходится возстановлять все, а это немыслимо сдѣлать въ короткій срокъ.

— Но что же намъ предпринять? — въ отчаяніи спрашиваетъ Мессими.

Гальени даетъ отвѣтъ опять лишь по истеченіи нѣкоторой паузы. Онъ долго сидитъ передъ картами, — высокій, худощавый, со свисающими усами, съ глубоко впившимся въ переносицу пенсне, подъ сильными стеклами котораго поблескиваютъ умные, сѣрые глаза. Онъ долго взвѣшиваетъ всѣ обстоятельства за и противъ и, наконецъ, со вздохомъ произноситъ:

— Объ оборонѣ Парижа нечего и думать. Выходъ изъ положенія заключается только въ наступленіи.

Послѣ этой фразы разговоръ переходитъ въ стадію подлиннаго секретнаго совѣщанія. Гальени, указывая пальцемъ на многочисленные пункты, нанесенные на планахъ, обстоятельно рисуетъ, гдѣ и почему должны быть сосредоточены войска и какими дорогами надо ихъ доставлять туда, чтобы занять опасныя точки въ возможно кратчайшій срокъ.

Наступаетъ глубокая ночь, а Гальени и военный министръ все еще совѣщаются. Внезапно Мессими, изможденный и разнервничавшійся, вскакиваетъ и сжимаетъ голову.

— Но это вѣдь все теоріи, Гальени! — восклицаетъ онъ. — Вы говорите о войскахъ, манипулируете корпусами, но у насъ вѣдь нѣтъ ни корпусовъ, ни полковъ, которые не стояли бы на фронтѣ! Откуда вы возьмете солдатъ?

— А марокканскія дивизіи?

— На этихъ дняхъ въ Марселѣ будетъ высажена послѣдняя и большая часть ихъ съ тѣмъ, чтобы сразу отправиться на фронтъ...

— Тогда приказывайте! Вы вѣдь военный министръ! Марокканскія войска должны быть немедленно направлены въ Парижъ.

Ночь проходитъ. Слабые блики разсвѣта начинаютъ освѣщать плотно задернутыя занавѣси. Въ комнатѣ густыми полосами плаваетъ табачный дымъ. Оба, — военный министръ и генералъ, — нервно ходятъ изъ угла въ уголъ, останавливаются у стѣнъ, по которымъ развѣшаны гигантскія карты, водятъ пальцами по дорогамъ, очертаніямъ рѣкъ, переставляютъ разноцвѣтные флажки.

Въ кабинетъ ударяетъ первый лучъ пробившагося въ щель солнца. Гальени подходитъ къ окну, раздвигаетъ занавѣси. Съ улицы доносится громкое чириканье птицъ...

25 августа

Раннимъ утромъ 25 августа Парижъ ошеломленъ. Утреннія газеты, разнесенныя по подваламъ консьержекъ и квартирамъ и розданныя въ руки толпы, впервые за все время войны сообщили вѣсть о пораженіи французской арміи. Правительственное коммюнике, которое въ этомъ признавалось, было, правда, завуалировано цензурой, но съ достаточной ясностью давало понять, что о какомъ-либо побѣдоносномъ шествіи на Берлинъ не могло быть и рѣчи. Наоборотъ. Сѣверо-восточная Франція оказывалась затопленной полками враговъ.

Единственнымъ отраднымъ обстоятельствомъ было то, что правительство и командованіе приняли рѣшительныя мѣры къ пріостановленію наступленія нѣмцевъ, но все это было, однако, неубѣдительно.

Катастрофическое извѣстіе объ отступленіи поразило населеніе Парижа, какъ ударъ грома. До сихъ поръ газеты кричали только объ успѣхахъ въ Лотарингіи и Эльзасѣ и обѣщали скорое занятіе Берлина.

Парижскій корреспондентъ «Нейе Цюрихеръ Цейтунгъ», докторъ Максъ Мюллеръ, который жилъ въ Парижѣ именно въ эти тревожные дни пишетъ:

«Утро 25 августа было преисполнено отчаянія. На трудолюбивую толпу французовъ, которая стремилась въ бюро, на фабрики и въ мастерскія, со всей тяжестью опустился гнетъ унынія... Чувствовалось, что всѣ большія ожиданія, всѣ надежды въ одинъ мигъ разсыпались въ прахъ... Не слышно было больше голосовъ, говорящихъ о наступленіи въ Эльзасѣ, о бѣгствѣ перепуганнаго врага. Замолкли веселые анекдоты, почерпнутые изъ солдатскихъ писемъ и передававшіеся изъ устъ въ уста. Анекдоты эти создавали то веселое и легкомысленное отношеніе къ войнѣ, которое столь необходимо для здороваго духа націи. Война, которая до сихъ поръ являлась патріотическимъ событіемъ, полнымъ героическаго подъема, превратилась въ подлинную, пропитанную кровью правду, которая уже черезъ нѣсколько дней могла постучаться въ ворота Парижа. Сразу поблекли военные трофеи — нѣмецкія каски съ шишаками, ранцы, пики и почетныя сабли, — которые тысячами посылались въ Парижъ солдатами и офицерами фронта. Съ неприкрытымъ ужасомъ внезапно на бульварахъ Парижа появились первые признаки военнаго разгрома, — тысячами прибывающіе бѣженцы изъ Бельгіи и сѣверной Франціи. Бульвары оживились, какъ въ дни мобилизаціи: матери съ грудными дѣтьми, крестьянки въ странныхъ и красивыхъ нарядахъ и огромныхъ чепцахъ, полуголые пожилые рабочіе, бѣжавшіе прямо изъ шахтъ или рудниковъ, осиротѣвшія дѣти, которыя тащили на себѣ огромные узлы съ добромъ, — все это толпилось у дверей различныхъ учрежденій, ожидая помощи, вымаливая ее, разражаясь слезами отчаянія. Нужда перемѣшала всѣхъ: и бѣдныхъ, и богатыхъ, и всѣ съ одинаковымъ отчаяніемъ стучались въ двери тѣхъ людей, которыхъ завтра, можетъ быть, ожидала та же участь.»

ВЪ СТАВКѢ ЖОФФРА.

Витри де Франсуа, маленькій городокъ въ центрѣ Франціи. На главной площади города, которая зовется Ройе-Колларъ, стоитъ импозантный домъ. Онъ принадлежитъ какому-то крупному землевладѣльцу.

Передъ дверью дома парные часовые. Внутри дома, — главнокомандующій французской арміей генералъ Жоффръ, впослѣдствіи генералиссимусъ.

Въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ отъ этого дома, въ тѣни, отбрасываемой старинной церковью Божьей Матери, стоитъ небольшое зданіе школы. Парты вынесены изъ классовъ и свалены во дворѣ. Вмѣсто нихъ въ комнаты поставлены сколоченные изъ грубыхъ досокъ огромные столы, сплошь застланные склеенными и сколотыми картами. Сквозь окна и просверленныя двери протянуты сотни кабелей полевыхъ телефоновъ, всюду шныряютъ ординарцы, вѣстовые, шоферы и запыленные солдаты съ огромными мѣшками.

Въ школѣ кишитъ отъ офицеровъ въ кепи, въ каскахъ, киверахъ, красныхъ галифе, бѣлыхъ рейтузахъ, въ мундирахъ, кирассахъ и гусарскихъ доломанахъ. На площади передъ школой нѣсколько десятковъ автомобилей и мотоциклетовъ, время отъ времени поднимающихъ адскій шумъ, до тѣхъ поръ, пока на крыльцѣ не появляется офицеръ, который грозно кричитъ «силансъ!». Тогда на время воцаряется тишина, робко нарушаемая короткими гудками моторовъ.

Сейчасъ семь часовъ утра. Генералъ Жоффръ стоитъ посереди учительской комнаты, а вокругъ него группируются начальники отдѣловъ и командиры различныхъ частей. Стѣны учительской заставлены книжными полками, но во многихъ рядахъ книгъ виднѣются пробѣлы. Повидимому, еще до расквартированія штаба Жоффра въ этихъ помѣщеніяхъ кто-то хозяйничалъ.

Ставка устроена наскоро. Нерѣдко между картами попадается, вдругъ, ученическая тетрадь, а у столовъ, за которыми работаютъ офицеры Жоффра, стопками сложены личныя книги и пособія учителей.

Поодаль отъ Жоффра, съ папками въ рукахъ, стоятъ, готовые къ докладу, начальникъ генеральнаго штаба Бертело и его замѣститель генералъ Белэнъ, — самое довѣренное лицо французскаго главнокомандующаго.

Послѣднія свѣдѣнія съ фронта, попрежнему, неутѣшительны. Многія части опять не удержали своихъ позицій. Натискъ нѣмцевъ поистинѣ очень силенъ. Бой уже происходитъ западнѣе мощной крѣпости Мобежъ, далеко вглубь французской территоріи.

— Мы должны смотрѣть правдѣ въ глаза, — говоритъ Жоффръ. — Наше наступательное движеніе не удалось по всему фронту, Бельгія отдана нѣмцамъ, а Эльзасъ и Лотарингія нами очищены. Союзный планъ кампаніи, заключавшійся въ нанесеніи Германіи концентрированнаго удара одновременно съ запада, востока и юга, совершенно провалился. Я лично отдаю себѣ въ этомъ полный отчетъ.

Жоффръ на нѣкоторое время замолкаетъ, потирая подбородокъ и, немного растягивая слова, продолжаетъ:

— Мессими сообщилъ мнѣ вчера, что арміи западнаго фронта имѣютъ одну только цѣль — притянуть къ себѣ по возможности больше германскихъ войскъ, благодаря чему на русскомъ фронтѣ станетъ возможной большая и рѣшительная побѣда. Тамъ, однако, не все благополучно. Какъ

разъ теперь, когда съ востока на Берлинъ должна надвигаться все возрастающая опасность, генералъ Ренненкампфъ затоптался у Кенигсберга и Летцена, а его южный сосѣдъ Самсоновъ втянутъ въ тяжелый бой, исходъ котораго еще весьма сомнителенъ.

Жоффръ дѣлаетъ новую паузу. Его слушаютъ со вниманіемъ. Главнокомандующій правъ: Бельгія, дѣйствительно, въ нѣмецкихъ рукахъ, бельгійская армія оттѣснена къ Антверпену, а англо-французскія войска въ продолженіе пяти дней терпятъ пораженіе за пораженіемъ. Кампанія на Западѣ еще не проиграна, но во власти нѣмцевъ оказались огромныя территоріи, въ то время, какъ Франція лишилась своихъ важныхъ экономическихъ центровъ.

— Вы правы, генералиссимусъ, — соглашается Бертело, — но нѣмцы вмѣстѣ съ тѣмъ удалились отъ своихъ базъ, и численность ихъ войскъ, вслѣдствіе потерь во время боевъ и необходимости оставлять на пути своего наступленія, гарнизоны, постоянно уменьшается. Кромѣ того, нѣмцы такіе же люди, какъ и мы, они не менѣе устаютъ отъ маршей, нежели наши пуалю. Затѣмъ, мнѣ кажется, что ихъ командованіе опьянено безпрерывными успѣхами и видитъ положеніе вещей въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ. При такой атмосферѣ не трудно допустить большую ошибку!

— Вотъ именно! — подхватываетъ Белэнъ. — Мольтке и кайзеръ уже проглядѣли роковое предостереженіе, когда оказалось, что Россія уже на третью недѣлю войны явилась къ ея и австрійскимъ границамъ съ семью огромными арміями. Русскіе, вмѣсто того, чтобы мобилизоваться въ положенныя 40 дней, закончили эту труднѣйшую задачу въ 20 дней, — въ половину того срока, на который разсчитывали нѣмцы! Сегодня русскіе стоятъ уже у Кенигсберга, ими занятъ Алленштейнъ, авангарды подошли къ Бродамъ и Тарнополю, — солдаты Николая Николаевича, словомъ говоря, оказались тамъ, гдѣ они должны были быть только 15 сентября!

— И затѣмъ, — перебиваетъ Бертело, — еще не доказано, что нѣмцы выиграли битвы подъ Монсомъ, Шарлеруа, Динаномъ, Нешвато и Лонгви. Мы, правда, отступили, наши войска немного дрогнули, но мы не разбиты, и сила сопротивленія у насъ не испарилась.

— Господа, — предостерегаетъ Жоффръ, — не надо закрывать глаза на то, что нѣмцы, несмотря на необходимость послать на русскій фронтъ два боевыхъ корпуса, несмотря на нехватку резервовъ, продолжаютъ преслѣдовать по пятамъ наши сѣверныя арміи, а ихъ шестая и седьмая арміи угрожаютъ охватить съ фланговъ наши первую и вторую. Если допустить, что мысль вести войну противъ насъ путемъ непрекращающагося наступленія была правильной, то для Германіи ея прорывъ черезъ Бельгію замѣчательно оправдался. Изъ этого заключенія мы должны дѣлать всѣ наши дальнѣйшіе выводы.

Жоффръ вопросительно смотритъ на окружающихъ офицеровъ и обращается къ начальнику штаба:

— Что вы на это скажете, Бертело?

Тотъ отвѣчаетъ немедленно:

— Мы должны признать, что наша попытка захватить Мюльгаузенъ и переправиться черезъ Рейнъ, провалилась. Мы должны также признать, что было бы лучше использовать посланныя на Мюльгаузенъ войска въ другомъ мѣстѣ, подъ Лиллемъ, гдѣ отсутствіе резервовъ такъ остро ощущается. Мы должны признать, что, въ результатѣ боевъ подъ Шарлеруа, Нефшапо и Гонгви, арміи Ланрезака и Френча откатываются, но все же

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Необыкновенный энтузіазмъ охватилъ населеніе Германіи, едва только стало извѣстно, что кайзеръ Вильгельмъ объявилъ войну Россіи, а затѣмъ и Франціи. Въ Берлинѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней наблюдались сцены, когда можно было подумать, что страна вступила въ полосу великихъ праздниковъ, а не въ великую войну.

ПЕРВЫЕ НѢМЦЫ НА ФРАНЦУЗСКОЙ ЗЕМЛѢ.

На этой рѣдкой фотографіи, сдѣланной черезъ нѣсколько часовъ послѣ объявленія войны, зафиксированъ переходъ германскихъ войскъ черезъ французскую границу. На заднемъ планѣ виденъ еще не опрокинутый пограничный столбъ переходнаго пункта, оставленнаго безъ сопротивленія французскими таможенниками.

ЖОЗЕФЪ-ЖАКЪ-ЦЕЗАРЬ ЖОФФРЪ (1852—1931).

Главнокомандующій французсними арміями. Спокойный и уравновѣшенный полководецъ, не теряющій спокойствія при самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ. Въ періодъ битвы на Марнѣ, онъ сумѣль изжить изъ рядовъ французской арміи признаки моральнаго разложенія и паники, вызванные неизмѣнными пораженіями въ началѣ перваго періода войны 1914 г. Быстро разработаннымъ и умѣло проведеннымъ планомъ ликвидаціи наступленія германцевъ, онъ обратилъ безпорядочное отступленіе французовъ въ организованную операцію, сознательно завлекая рвущагося къ непрерывнему наступленію Мольтке въ умѣло разставленную ловушку. Ему удалосъ спрятать отъ бдительности германской развѣдки 100.000-ую армію, находившуюся подъ командой безстрашнаго генерала Монури. Въ нужный моментъ Жоффръ приказалъ этой арміи двинуться, вслѣдствіе чего Клукъ оказался вынужденнымъ повернуть на сѣверъ и оторваться отъ своего сосѣда Бюлова. Въ широкій прорывъ были брошены полки Френча и Франше д'Эспере, которые, въ сотрудничествѣ съ арміей Монури, поставили армію Клука передъ угрозой уничтоженія. Слѣдствіемъ этого клина явился приказъ начать отступленіе по всему фронту, отданный Мольтке въ тотъ моментъ, когда битва на Марнѣ еще не была проиграна германцами.

должны надѣяться, что положеніе будетъ возстановлено на Уазѣ и на французскомъ Маасѣ.

Жоффръ останавливаетъ начальника штаба движеніемъ руки:

— Нѣтъ, Бертело! Нѣтъ! — пылко возражаетъ онъ. — Вы неправильно выражаетесь. Не надѣяться должны мы, а быть увѣренными. Время полумѣръ прошло. Наши маневры, связанные со сковывающимъ насъ планомъ номеръ 17, должны быть оставлены. Повторяя ваше выраженіе, я говорю, что мы должны признать преимущество плана Шлиффена-Мольтке надъ нашимъ планомъ войны, признать это твердо, и разъ навсегда. Затѣмъ надо создать новый планъ, лучшій, чѣмъ нѣмецкій. Пусть кайзеръ и его начальникъ штаба раскладываютъ войну какъ пасьянсъ! Мы перейдемъ къ азарту, будемъ драться въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами, мы выдвинемъ неожиданныя для нѣмцевъ рѣшенія, собьемъ съ толку ихъ шпіоновъ, смѣшаемъ всѣ ихъ, разсчитанные на долгое время впередъ, планы. Посмотримъ, какъ они при ихъ методичности, работоспособности и исполнительности сумѣютъ справиться съ однимъ единственнымъ словомъ — импровизація!

— Вы хотите однимъ ударомъ отбросить предположенія, надъ которыми работали въ продолженіе многихъ лѣтъ лучшіе стратеги нашей страны? — недовѣрчиво спрашиваетъ Бертело. — Не рискованно ли это, съ вашей стороны, г-нъ генералиссимусъ?

— Если вы можете оправдать тотъ планъ, котораго мы до сихъ поръ придерживались и въ разработкѣ котораго я самъ принималъ участіе, то я васъ выслушаю со всѣмъ вниманіемъ, и отъ только что сказаннаго, можетъ быть, откажусь. Но увы, я вижу, что, съ одной стороны, вы приведете факты въ видѣ пораженій и отступленій, съ другой же, въ противовѣсъ, ничего! Я думаю, что вы со мной согласны, дорогой Бертело.

Минута колебанія. Начальникъ штаба упорно смотритъ на свои ногти, его голова медленно опускается въ утвердительномъ кивкѣ. Жоффръ съ удовлетвореніемъ улыбается, облегченно вздыхаетъ и говоритъ:

— Я радъ, что мы съ вами одного мнѣнія, Бертело. Работать противъ убѣжденій своего начальника штаба, было бы и трудно, и неразумно. Итакъ, за дѣло, господа офицеры. Прошу васъ сдѣлать сегодня особенно подробные доклады о положеніи дѣлъ на подчиненныхъ вамъ участкахъ фронта.

Начальники отдѣловъ докладываютъ о неудачныхъ бояхъ. Монотоннымъ голосомъ, словно боясь подчеркнуть глубину трагедіи, какой-то майоръ читаетъ рапортъ генерала д'Амадъ. Этотъ генералъ, который пять лѣтъ тому назадъ былъ отрѣшенъ отъ должности въ результатѣ интервенціи Жореса, обвинившаго генерала въ безграничномъ своеволіи, проявленномъ имъ во время его дѣятельности въ Марокко, теперь рветъ и мечетъ, негодуя на поведеніе подчиненныхъ ему войскъ. Онъ рапортуетъ во всѣхъ мелочахъ о случаяхъ, которые, по его мнѣнію, весьма типичны для настроенія, царящаго во французской арміи.

Одинъ изъ полковъ наступаетъ. Готовъ атаковать. Непріятеля, однако, не видно. По этому случаю полкъ движется впередъ походной колонной. Первая рота его разсыпалась, какъ дозоръ.

Когда эта рота выходитъ на опушку лѣса, она, внезапно, видитъ передъ собой пики и «шапки» нѣмецкихъ уланъ. Рота немедленно безъ боя поворачиваетъ и бѣжитъ. Своей паникой она заражаетъ остальныя ча-

сти, и, прежде чѣмъ офицеры успѣваютъ вмѣшаться, весь полкъ безпорядочно разбѣгается...

Кровь приливаетъ въ голову генерала Жоффра. Окружающіе его офицеры, потупясь, смотрятъ на носки своихъ ярко начищенныхъ сапогъ. Въ учительской воцаряется тишина, и ясно слышно, какъ къ крыльцу, тарахтя, подъѣзжаетъ мотоциклетка.

Минутой спустя передъ главнокомандующимъ стоитъ запыленный офицеръ связи при военномъ министрѣ. Онъ передаетъ запечатанный пакетъ. Жоффръ поспѣшно разрываетъ плотный конвертъ.

Мессими сообщаетъ то же, что и генералъ д'Амадъ, — о деморализаціи арміи.

«Для борьбы съ этимъ явленіемъ я не вижу другого исхода, какъ смертная казнь, — пишетъ Мессими. — Первыми, которыхъ надлежитъ разстрѣлять, должны быть офицеры, если таковые окажутся виновными. Единственнымъ закономъ, которымъ въ настоящее время можно управлять Франціей, долженъ быть лозунгъ: «побѣдить или умереть». Я предлагаю вамъ, самымъ офиціальнымъ образомъ, назначить на отвѣтственные посты молодыхъ офицеровъ, такихъ офицеровъ, которые готовы на все во имя побѣды. Выбросьте старыхъ, безъ всякаго сожалѣнія, вонъ! Въ настоящее время обстановка такая же, какъ во время великой революціи. Для неспособныхъ и трусовъ нѣтъ другого наказанія, кромѣ смерти.

Мессими.»

Жоффръ читаетъ это письмо вслухъ. Его офицеры блѣднѣютъ отъ сдерживаемаго озлобленія, но реагировать не успѣваютъ. Тѣмъ временемъ съ фронта поступаютъ все новыя извѣстія.

ГИБЕЛЬ ШТАТСКАГО ФРИЦА.

Оживленная улица въ Латинскомъ кварталѣ. Неподалеку отъ «Бульмиша» — бульвара Сенъ-Мишель. Передъ однимъ магазиномъ собралась толпа, которая вначалѣ громко разговариваетъ, затѣмъ кричитъ и, наконецъ, угрожаетъ.

Магазинъ довольно большой. Торгуетъ колоніальными товарами и деликатессами. У него двѣ зеркальныя витрины.

Надъ дверью рельефными, вычурными золотыми буквами, бѣжитъ:

«Фрицъ Ланге».

Ланге... По французски это имя можно прочитать и «Ланжъ», но Фрицъ . . . Фрицъ!..

И толпа кричитъ:

— Нѣмецкій шпіонъ!!!

Магазинъ запертъ. Хозяинъ его, навѣрно, спрятался въ темномъ углу и молится за себя и свой магазинъ. Парижъ разъяренъ полученными сегодня свѣдѣніями съ фронта и «Фрицами Ланге», даже если они въ третьемъ поколѣніи уже французскіе подданные. Ждать добра неоткуда.

Толпа августа 1914 года еще не привыкла къ эксцессамъ. Кое-кто дѣлаетъ мнимую попытку штурмовать магазинъ, но, не поддержанный остальными, ворча отступаетъ.

Откуда ни возьмись появляется элегантная дама. Пожилая, но еще интересная. Она поднимаетъ свой такой же вычурный, какъ и золотыя буквы Фрица Ланге зонтикъ, — шелковую игрушку цвѣта «шанжанъ», окаймленную мелкой бахромой и рюшками. Рукой, затянутой перчаткой

на пуговкахъ, она ударяетъ въ витрину и . . . хрупкій зонтикъ ломается о толстое стекло.

Но этого достаточно. Звѣриный ревъ потрясаетъ кварталъ, въ витрины летятъ камни, со звономъ и грохотомъ сыплется на асфальтъ стекло, люди, раздирая костюмы, устремляются черезъ пробоины во внутрь магазина.

— Атансьонъ! Вниманіе!

Изъ витринъ на улицу летятъ банки консервовъ, ящики, фрукты, полки, банки, подъ ногами хрустятъ коробки и овощи, съ потолка сыпется штукатурка, летящая вслѣдъ сорваннымъ тяжелымъ бронзовымъ люстрамъ.

Раздается улюлюканье. Изъ темнаго угла десятки рукъ вытаскиваютъ Фрица Ланге. За нимъ его полную супругу.

— Мессье! Медамъ!— въ отчаяніи кричитъ женщина. — Мы французы, самые настоящіе французы! Я изъ Бретани!

— Алле! Алле, саль бошъ! Ползите, грязныя свиньи!

Фрицъ Ланге, спотыкаясь, прикрываетъ руками толстый, розовый затылокъ. Градъ ударовъ палками и кулаками сыпется на него. Кровь извилистыми струйками течетъ по его верхней губѣ, глазъ запухъ, бѣлый китель изорванъ, весь въ грязныхъ красныхъ пятнахъ.

— О секуръ! На помощь!

Изъ-за угла появляется молодой, одѣтый въ караульную форму офицеръ. За нимъ взводъ солдатъ.

— Что здѣсь происходитъ?

— Вивъ л'армэ! Да здравствуетъ армія! — люди бросаются къ офицеру. — Мы поймали боша, шпіона, предателя! Вотъ онъ, мосье лейтенантъ! Разстрѣляйте его.

— Ладно... ладно...

Офицеръ проходитъ мимо. «Гардъ а ву! Смирно!» — приказываетъ онъ солдатамъ, когда тѣ изъ любопытства начинаютъ выходить изъ строя. Онъ проходитъ мимо и не вмѣшивается, потому что знаетъ, что толпѣ нужна жертва отпущенія. Пусть лучше она судитъ Фрица Ланге, чѣмъ правительство и генерала Жоффра...

Люди почувствовали кровь. Почувствовали безнаказанность. Магазинъ Ланге уже разбитъ, все сломано, выброшено, нагромождено въ полныя щепокъ кучи, но жажда разрушенія еще не удовлетворена.

Наоборотъ!

Толпа ищетъ отвѣтчика за страшные слухи, виновника высокихъ цѣнъ, виновника смертей, неудобствъ и надвигающихся лишеній.

Нѣмцы! Вотъ кто виноватъ во всемъ этомъ!

И толпа растетъ. Она рыщетъ по городу, читаетъ надписи, вывѣски, срываетъ ихъ, волочитъ по улицамъ дорогія матеріи, выплескиваетъ на камни ароматный кофе, ломаетъ пышныя пальмы, золотыя рамы, бьетъ аршинныя зеркала...

Изъ оконъ представительства Юлій Генрихъ Циммерманъ, изъ второго этажа помпезнаго дома, летятъ дорогія полированныя піанино. Со стономъ разбиваются они о камни мостовой; какъ брызги, летятъ во всѣ стороны клавиши, молоточки. Изъ витринъ конторы Шиммельпфеннига летятъ бумаги, и, какъ снѣгъ, покрываютъ улицу. За ними кувыркаются огромные гроссбухи, разбиваются чернильницы, арифмометры.

Нордъ-Дейтчеръ-Ллойдъ не сдается долго. Его зеркальныя двери защищены толстыми раздвижными рѣшетками, витрины закрыты вѣками стальныхъ, гофрированныхъ ставень.

Но руки толпы сильны, сильны, какъ мускулы сумасшедшаго. Кряхтитъ, гнется желѣзо, топорщатся прутья, по асфальту прыгаютъ гайки, винты, выворачиваются косяки дверей, по сейфамъ стучатъ ломы, оглобли, даже столбы вывернутыхъ фонарей, изъ которыхъ со свистомъ вырывается вонючій свѣтильный газъ.

— Бей нѣмцевъ!

Парижъ рычитъ, какъ взбѣсившійся звѣрь. Въ полицейскіе комиссаріаты уже прибѣгаютъ испуганные люди, французы, и требуютъ:

— Прекратите же это безобразіе, мсье ле комиссэръ! Они громятъ уже Румпельмайера, громятъ только за то, что его фамилія не звучитъ по французски.

И дѣйствительно; несмотря на то, что въ магазинахъ старинной фирмы вывѣшены плакаты «мы французы», несмотря на то, что даже дѣдъ владѣльца не говорилъ уже по нѣмецки, несмотря на то, что въ Парижѣ, Бордо и Марсели живетъ много разныхъ мосье Хэринговъ, Миллэровъ, Шиллэровъ и такъ далѣе. — Румпельмайеръ гибнетъ такъ же, какъ погибъ магазинъ Фрица Ланге.

Елисейскій дворецъ встревоженъ, но пока считаетъ за лишнее обуздывать толпу. Изъ префектуры внимательно наблюдаютъ за бѣснующимися кварталами, но наблюдаютъ безъ формы, безъ резиновыхъ дубинокъ, — въ обычныхъ канотье и куцыхъ пиджакахъ. Часъ другой, третій ломаетъ, рычитъ и бѣснуется Парижъ. Люди обливаются потомъ, работаютъ такъ, какъ не работали на заводахъ, расправляются съ каменными домами, какъ съ Бастиліей. Темпераментъ націи нашелъ отдушину.

Но подъ вечеръ, — стопъ!

Изъ префектуры, по всѣмъ комиссаріатамъ летятъ телефонограммы:

— Приведите въ готовность резервы полиціи. Соберите ихъ по дворамъ сильными группами. Вызовите пожарныя команды и попробуйте навести порядокъ водой. Если эти мѣры не помогутъ, то дѣйствуйте по усмотрѣнію, но, подчеркиваю, по возможности мягко. Арестованныхъ отпустите черезъ часъ, два, какъ только остынутъ. Поняли?

И вотъ, съ воемъ сиренъ по улицамъ Парижа разбѣгаются красные автомобили. Люди въ канотье внезапно выпячиваютъ грудь, начинаютъ командовать, приказывать. И тамъ, гдѣ этихъ словъ не слушаютъ, гдѣ дерево продолжаетъ трещать, а желѣзо стонать и гнуться, тамъ въ толпу устремляются ледяныя струи воды, раскалываютъ ее на части, валятъ съ ногъ людей, оглушаютъ и такъ уже помутившіяся головы.

Фрицъ Ланге былъ первымъ пострадавшимъ за войну штатскимъ нѣмцемъ. Много такихъ оказалось въ другихъ городахъ, за границей, — въ Петербургѣ, Москвѣ и Лондонѣ. Рѣдкій большой городъ отказался отъ наслажденія безнаказанно пограбить, побуянить и поломать. Много погибло невинныхъ, много пропало цѣнныхъ вещей, но арміи нѣмцевъ изъ-за этого не остановились...

«ТИГРЪ» РВЕТЪ И МЕЧЕТЪ.

Въ редакціи „L'homme libre" у Клемансо есть собственный кабинетъ. Въ немъ онъ пишетъ свои блестящія и полныя сарказма статьи. Сегодня

онъ пишетъ большую передовицу, хотя не знаетъ, возможно ли будетъ такую рѣзкую вещь опубликовать. Во всякомъ случаѣ, онъ увѣренъ въ одномъ: ему надо писать, писать много, для того, чтобы, хотя бы на бумагѣ, излить свое раздраженіе, пожалуй даже злобу, которая накопилась въ немъ по отношенію къ правительству и Жоффру.

Впрочемъ то, что статью нельзя напечатать, онъ понимаетъ только тогда, когда ставитъ послѣднюю точку. Въ моментъ же письма ему кажется, что такъ долженъ думать и чувствовать каждый французъ.

Углубленный въ работу, «Тигръ» не замѣчаетъ, какъ на стулъ, стоящій рядомъ съ его рабочимъ столомъ, опускается министръ внутреннихъ дѣлъ Мальви, радикалъ-соціалистъ. Ядовитый Леонъ Додэ травитъ его, да и самъ Клемансо не довѣряетъ этому политику, котораго онъ позже заклеймитъ, какъ предателя, и отправитъ въ ссылку.

Мальви не спроста у своего врага. Обстоятельствами вынужденъ онъ сдѣлать попытку примиренія между Клемансо и Пуанкарэ, потому что «Тигръ» никого не слушаетъ, никого не принимаетъ, хотя отлично знаетъ, что глотка министровъ уже сжимается отъ судорогъ страха передъ грядущей отвѣтственностью.

Клемансо бросаетъ перо:

— Ну? Зачѣмъ вы здѣсь?

Мальви:

— Буду кратокъ. Вы должны понять, что вмѣстѣ съ вашимъ согласіемъ вступить въ составъ кабинета вы устраняете опасности, которыя угрожаютъ не только членамъ правительства, но и родинѣ. При приближеніи нѣмцевъ улица не останется спокойной.

Клемансо:

— Отвѣтственность падетъ на васъ, только на васъ, — тѣхъ, которые совершенно неспособны, которые не имѣютъ никакого плана!

Мальви:

— А у васъ есть планъ, мосье Клемансо? Если есть, такъ подѣлитесь же имъ съ нами! Въ этотъ тяжелый для родины часъ каждый совѣтъ дорогъ.

Клемансо:

— Конечно у меня есть планъ, и я вамъ скажу: первое, что вы должны сдѣлать, это — каленымъ желѣзомъ выжечь ту деморализацію въ войскахъ, о которой трещатъ уже всѣ воробьи на заборахъ. Какъ вы сами говорите, улица не останется равнодушной, но это случиться тогда, когда зараза перебросится на нее изъ арміи. Поэтому въ первую очередь вы должны уничтожить очаги ея, очаги этой инфекціонной болѣзни. Безъ сомнѣнія, въ арміи имѣются люди, которые являются разсадниками ея, бациллами. Вы должны немедленно арестовать всѣхъ лицъ, имена которыхъ значатся въ досье «Б», всѣхъ тѣхъ, кто занимается антимилитаристической пропагандой. Если вы это сдѣлаете, — достигнуто будетъ многое.

Мальви, который вначалѣ со вниманіемъ слѣдилъ за словами Клемансо, отводитъ глаза въ сторону. Если въ этомъ заключается весь планъ Клемансо, то остается только распрощаться. На ходу онъ говоритъ:

— Вы же не говорили это серьезно, мосье Клемансо?! Въ противномъ случаѣ я долженъ въ первую очередь арестовать Лаваля, Эрве, Жуо и многихъ другихъ, въ общей сложности что - то около четырехъ тысячъ человѣкъ, и именно тѣхъ, государственныя заслуги которыхъ отмѣчены именно на поприщѣ борьбы съ военной пропагандой. Это для меня слишкомъ.

Мальви уже на улицѣ, за дверью, когда створка внезапно распахивается, и голова «Тигра» появляется вновь.

— Я говорю вамъ еще разъ, — кричитъ Клемансо, — арестуйте всю ту сволочь, которая значится въ досье «Б» и отправляйтесь сами ко всѣмъ чертямъ, потому что вы тоже преступникъ!

ОТСТУПЛЕНІЕ СТАНОВИТСЯ МАНЕВРОМЪ.

Опять школа въ Витри ле Франсуа, но теперь уже 9 часовъ вечера. За столиками кафе, разбросанныхъ по рыночной площади, не горитъ ни одна свѣча, ни лампа, — запретъ. Однако и въ темнотѣ сидятъ многочисленные притихшіе жители города и потягиваютъ вино. Изрѣдка какой-либо усталый военный спроситъ у нихъ дорогу, и они большимъ пальцемъ тычутъ черезъ плечо, на школу. Тамъ за плотно завѣшанными окнами, сидитъ «руководитель пораженія» какъ называютъ его доморощенные политики, — генералъ Жоффръ. Противъ него — генералы Бертело и Бэлэнъ.

Жоффръ взволнованъ. Онъ получилъ второе письмо отъ военнаго министра, который сообщаетъ, что марокканскимъ дивизіямъ приказано прибыть въ Парижъ, и предлагаетъ главнокомандующему отправить въ столицу два корпуса, въ случаѣ, если отступленіе не можетъ быть прекращено.

Главнокомандующій сердится. Судя по тону письма, его просто на просто вынуждаютъ вырвать изъ шатающагося фронта два корпуса, послать ихъ въ Парижъ только для того, чтобы торчащіе тамъ трусы могли спокойно спать въ своихъ мягкихъ кроватяхъ!

Жоффръ сначала крѣпится, затѣмъ разражается взрывомъ гнѣва. Бартело уговариваетъ его, проситъ успокоиться, указываетъ, что не безъ основанія отъ фронта требуютъ такой жертвы. То же говоритъ и Бэлэнъ: надо обдумать, взвѣсить, — можетъ быть, найдется какой-либо золотая середина...

Жоффръ сдается надломленнымъ голосомъ:

— Не могу же я изъ-за политическихъ причинъ дѣлать тактическія и стратегическія глупости! Мы можемъ проиграть войну, едва только начавъ ее!

Бертело, немного иронически высказываетъ предположеніе, какъ могло возникнуть подобное предположеніе военнаго министра: господа изъ Парижа уже видятъ фантомъ грядущей революціи и лязгающую на площади гильотину. Слова ген. Бертело вносятъ успокоеніе, и совѣщаніе входитъ въ обычныя, спокойныя рамки. Три генерала подходятъ къ картамъ и начинаютъ въ тысячный разъ изучать обстановку.

Внезапно у Жоффра возникаетъ дьявольскій планъ, который въ нѣкоторой степени идетъ навстрѣчу приказу военнаго министерства.

Отъ марокканскихъ дивизій приходится на первое время отказаться?

Хорошо.

Господа изъ Парижа втащутъ ихъ въ городъ, что само по себѣ является безсмыслицей?

Тоже хорошо.

Но двумя корпусами Жоффръ не пожертвуетъ! Чего бы это ни стоило! Зато...

Зато онъ всетаки вытащитъ ихъ изъ фронта, совсѣмъ, и броситъ на Амьенъ, къ морю!

А остальныя арміи начнутъ отступленіе. Именно. Не продолжать отступленіе, а начнутъ!

Отступленіе въ такихъ размѣрахъ, что у господъ изъ Парижъ глаза на лобъ вылѣзутъ! Армія оторвется отъ врага, который преслѣдуетъ ее по пятамъ и не даетъ возможности укрѣпиться на какой либо болѣе или менѣе выгодной позиціи, не позволяетъ свободной комбинаціи имѣющихся въ распоряженіи силъ.

Назадъ лѣвый флангъ! Отступленіе на Амъ. Тамъ должны быть англичане. Дальше. Какъ можно быстрѣе! Эта армія на Ла Фэръ, эта на Лаонъ, эта на Геймсъ. Такъ. Теперь фронтъ тянется прямой линіей отъ моря до Вердена и опирается на крѣпости.

Дальше.

Генералу Монури, который только что прибылъ въ Витри ле Франсуа съ войсками изъ Лотарингіи, немедленно перебросится въ Амьенъ. Пусть теперь попробуютъ нѣмцы приблизиться! Жоффръ ужъ удержитъ ихъ на прочерченной линіи. а Монури, съ большими силами, обрушится на правое крыло германской арміи, сомнетъ его и зайдетъ въ тылъ! Боши окажутся между двумя фронтами, они будутъ разгромлены.

Въ ставкѣ царитъ напряженная атмосфера и кипитъ непрерывная, лихорадочная работа. Тяжелое положеніе союзныхъ армій можетъ быть спасено только кореннымъ измѣненіемъ всѣхъ основныхъ плановъ. Именно въ то время, когда въ кабинетѣ военнаго министра въ Парижѣ, Гальени даетъ свои цѣнныя и рѣшительныя указанія, Жоффръ со своей стороны принимаетъ рядъ рѣшеній.

Первая и вторая французскія арміи должны остаться въ Лотарингіи, имѣя приказъ сопротивляться напору лѣваго германскаго крыла. Французскія арміи центра и сѣвернаго крыла, включая англійскую армію, должны отступить, не отрываясь своимъ правымъ флангомъ отъ Вердена. Ихъ слѣдующей позиціей намѣчена линія, идущая отъ Вердена къ Лаону и дальше, черезъ Ла Фэръ, вдоль долины Соммы.

ПРИКАЗЪ 25 АВГУСТА 1914 Г.

Планъ, утвержденный Жоффромъ 25 августа, предусматривалъ не только отходъ на линію Верденъ-Ла Фэръ, но и организацію дополнительной, совершенно новой французской арміи, которая должна была занять позицію слѣва и въ тылу отъ англичанъ. Повидимому, французское командованіе не особенно довѣряло военному искусству своихъ британскихъ союзниковъ. Эта армія получила наименованіе Шестой и командующимъ ея былъ назначенъ генералъ Монури. Какъ мы увидимъ позже, ему выпала честь сыграть рѣшительную роль въ битвѣ на Марнѣ. Шестая армія начала накапливаться уже 27 августа и составлялась она изъ частей, выдѣленныхъ изъ праваго фланга лотарингской арміи.

Задача, выпавшая на долю Монури, была нелегкая: воспрепятствовать обходному движенію нѣмцевъ съ сѣвера, защита лѣваго французскаго фланга и прикрытіе до послѣдней возможности подступовъ къ Парижу.

ОБЩІЙ ПРИКАЗЪ № 2.

1. Въ виду невозможности продолжать предположенное наступленіе, дальнѣйшія операціи будутъ вестись съ тѣмъ расчетомъ, чтобы получалась возможность возстановить силы нашего лѣваго крыла и возобновить

атаки. Это будетъ достигнуто объединеніемъ IV и V французскихъ армій, англійской арміи и новыхъ войскъ, прибывающихъ съ восточнаго сектора французскаго фронта. Въ продолженіе этого маневра остальныя арміи будутъ сдерживать непріятеля до тѣхъ поръ, пока это окажется необходимымъ.

2. Въ продолженіе отступленія III, IV и V арміи будутъ придерживаться направленія пути остальныхъ отступающихъ армій, постоянно поддерживая съ ними связь. Отступленіе будетъ прикрываться арьергардомъ, всегда оставляемымъ на выгодныхъ позиціяхъ. Арьергардъ обязанъ использовать каждое естественное препятствіе и пытаться сдерживать наступленіе непріятеля, производя короткія и энергичныя контръ-аттаки, въ которыхъ главную роль должна играть артиллерія.

3. Границы зонъ дѣйствія различныхъ армій:

Армія Дубльвэ (англійская армія): отходитъ на позицію къ сѣверо-западу отъ линіи Ле Като — Верманъ — Нэль.

Четвертая и пятая арміи: останавливаются между вышеупомянутой линіей (влючая ее) и линіей, проходящей къ востоку черезъ Стенэ — Гранпрэ — Кондэ сюръ Марнъ (включая ее также).

Третья армія, включая лотарингскую армію: останавливается между линіей, идущей къ западу черезъ Сассэ — Флевиль сюръ Турбъ — Витри ле Франсуа (включительно) и восточной линіей Виней — Вуа — Гондрекуръ (включительно).

4. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ, между Пикиньи и моремъ, территоріальныя силы образуютъ барьеръ вдоль Соммы. Онѣ будутъ поддержаны 61 и 62 резервными дивизіями.

5. Кавалерійскій корпусъ, расположенный въ районѣ Оти, долженъ быть въ готовности слѣдовать въ направленіи нашего наступленія, которое разовьется на крайнихъ пунктахъ нашего лѣваго крыла.

6. На подступахъ къ Амьену, между Домаръ анъ Понтье и Корби, или по лѣвому берегу Соммы между Пикиньи и Веллеръ-Бретонно, въ періодъ времени между 27 августа и 2 сентября будетъ образована новая боевая группа. Войска, состоящія изъ VII армейскаго корпуса, четырехъ резервныхъ дивизій и, можетъ быть, другихъ корпусовъ дѣйствующей арміи, будутъ перевезены по желѣзной дорогѣ. Эта группа должна быть готова произвести наступленіе въ общемъ направленіи Сентъ Поль — Аррасъ или Аррасъ — Бопомъ.

7. Армія Дубльвэ (англійская армія) занимаетъ позицію по лѣвому берегу Соммы отъ Бюэ сюръ Соммъ до Амъ, и должна быть въ готовности двигаться либо къ сѣверу въ направленіи Бертинкура, либо на востокъ къ ле Кателэ.

8. Пятая армія должна сосредоточить большинство своихъ силъ вдоль фронта наступленія въ раіонѣ Верманъ — Сенъ Кантэнъ — Мои, будучи въ готовности двинуться въ общемъ направленіи на Боэнъ. Правый флангъ этой арміи долженъ держаться на линіи Ла Фэръ — Лаонъ — Краоннъ — Сентъ Эрмэ.

9. Четвертая армія отходитъ за рѣку Эннъ вдоль фронта Гиникуръ Вузье или, въ случаѣ, если это невозможно, вдоль фронта Берри о Бакъ — Реймсъ — Монтань де Реймсъ, постоянно сохраняя, однако, возможность предпринять наступленіе на сѣверъ.

10. Третья армія упирается правымъ своимъ флангомъ на укрѣплен-

ный городъ Верденъ и своимъ лѣвымъ флангомъ на горный перевалъ Гранпре или на Вареннъ — Сентъ Менеульдъ.

11. Первая и вторая арміи продолжаютъ оказывать сопротивленіе расположеннымъ противъ нихъ непріятельскимъ силамъ. Въ случаѣ, если онѣ будутъ вынуждены къ отступленію, ихъ зонами дѣйствія будутъ: для второй арміи, — между дорогой Фруаръ — Туль — Ванкулэръ (включая послѣдній), а для первой арміи — къ югу отъ дороги Шатель — Домпэръ — Ламаншъ — Монтини де Руа (включая самую дорогу).

Генералъ и главнокомандующій
(подпись) **Жоффръ.**

Вѣрно, генералъ-майоръ
(подпись) **Беллэнъ.**

Этотъ приказъ появился въ результатѣ военнаго совѣта. Едва только заканчивается диктовка текста, Жоффръ составляетъ особый рапортъ объ общемъ положеніи на фронтѣ и отправляетъ копію въ Парижъ, присовокупляя, что имъ отданъ приказъ общаго отступленія. На линіи Амьенъ — Ла Феръ — Лаонъ — Реймсъ — Верденъ, пишетъ онъ, возможно будетъ не только задержаться, но и перейти въ наступленіе.

БОЙ ПОДЪ ЛАНДРЕСИ.

Засѣданіе военнаго совѣта, на которомъ возникъ новый планъ кампаніи, долженствующій замѣнить неудачный планъ № 17, протекало въ весьма горячихъ спорахъ. Собравшіеся вокругъ огромныхъ картъ генералы правильно оцѣнили и взвѣсили обстановку, но событія на фронтѣ развивались съ такой головокружительной быстротой, что опережали самыя смѣлыя предположенія. Въ тотъ моментъ, когда Жоффръ обмакивалъ перо, чтобы подписать историческій приказъ отъ 25 августа, восточнѣе Сенъ-Кантена произошло трагическое столкновеніе, въ результатѣ котораго англичане вынуждены были отступить къ юго-востоку раньше, чѣмъ это предусматривалъ послѣдній приказъ, раньше даже, чѣмъ онъ оказался въ рукахъ маршала Френча.

Сѣрая лавина кайзера, не отрываясь, насѣдала на арьергарды англичанъ и откатывающіяся арміи французовъ. Только на рѣкѣ Маасъ 4-ая и 5-ая германскія арміи наткнулись на упорное, прекрасно организованное сопротивленіе.

Здѣсь французы рѣшили держаться во что бы то ни стало. Жоффръ нуждался въ передышкѣ. Ему надо было выиграть время, чтобы привести въ порядокъ потрясенное лѣвое крыло. И, дѣйствительно, въ теченіе одного дня, отступившіе послѣ сраженія подъ Лонгви и Нефшателемъ французскіе полки были снова приведены въ боевую готовность и съ изумительнымъ упорствомъ встрѣтили натискъ германцевъ, героически задержавъ ихъ, но спасти положеніе на сѣверѣ, увы, не могли.

Тамъ, 1-ая, 2-ая и 3-я германскія арміи быстро и неудержимо продвигались въ направленіи Парижа. Особенно настойчиво преслѣдовалъ непріятеля фонъ Клукъ. Его полки шли буквально по пятамъ англичанъ, достигнувъ линіи Камбрэ — ле Като — Ландреси почти одновременно съ ними. Здѣсь, утомленныя бѣшеными переходами арміи остановились.

Маршалъ Френчъ приказалъ своимъ англичанамъ:

— Первому корпусу окопаться у Ландреси. Второму — у ле Като. Высадившаяся два дня тому назадъ въ ле Гаврѣ резервная дивизія зай-

метъ позиціи у Камбрэ и Серанвійе съ тѣмъ, чтобы прикрыть лѣвый флангъ своихъ товарищей.

Положеніе арміи маршала было тяжелое. Его кавалерійская дивизія и усиленная цѣлымъ корпусомъ французская конница Сордэ были совершенно истощены непрерывными маршами и боями. Разсчитывать на ихъ помощь было трудно. Затѣмъ, Френчу вообще не была извѣстна судьба Ланрезака, неизвѣстно, что дѣлается на правомъ флангѣ. Сбитый со своихъ позицій, французскій генералъ находился въ постоянномъ движеніи, подыскивая мѣсто, гдѣ можно было бы снова окопаться, при чемъ онъ очень скупо подавалъ о себѣ какія-либо вѣсти.

— Нѣтъ, — рѣшилъ Френчъ,— здѣсь намъ не удержаться. Линія Камбрэ — Ландреси можетъ быть только временной передышкой. Утромъ 26-го я отведу свои войска еще дальше къ западу . . .

Но судьбѣ было угодно поступить иначе. Дѣйствія Клука были быстрѣе намѣреній англичанина, желавшаго предоставить своимъ солдатамъ отдыхъ, хотя бы въ нѣсколько часовъ. Уже съ вечера Клукъ началъ подголовку къ неожиданному налету на лагерь англичанъ и послѣ того, какъ на колокольнѣ Ландреси часы медленно отсчитали десять ударовъ, а утомленные англичане заснули сномъ мертвыхъ, въ лѣсу Мормаль, началось движеніе крадущихся человѣческихъ фигуръ въ остроконечныхъ каскахъ и сѣрыхъ мундирахъ.

Девятый корпусъ Клука достигъ этого лѣса послѣ форсированнаго марша. Несмотря на смертельную усталость, запыленные германскіе солдаты ринулись на спящихъ. Завязался ночной бой со всѣми его ужасами и потерями. Германская головная бригада, ворвавшаяся въ Ландреси, попала подъ убійственный огонь британскихъ пулеметчиковъ. Десятками и сотнями повалились на землю скученные въ узкихъ улицахъ германскіе солдаты, но новыя волны живыхъ людей побѣжали по трупамъ и раненымъ, стрѣляя, разбрасывая гранаты, поджигая на ходу дома.

Ландреси запылалъ. Взметнувшееся пламя освѣтило жуткую картину рукопашнаго боя. Штыки вспарывали животы, приклады крошили черепа. Полуголые англичане дрались, какъ звѣри, со злобой закусивъ губы. Съ тѣмъ же упорствомъ тѣснили ихъ нѣмцы, перегоняя изъ дома въ домъ, взрывая подрывными патронами эти убѣжища вмѣстѣ съ ихъ истекающими кровью защитниками.

Сопротивленіе англичанъ было героическимъ. Отъ IX германскаго корпуса остались только жалкіе клочья. Клукъ бросилъ въ Ландреси новыя части, и новое громовое «хурра!» потрясло пылающій городъ. Цѣлое море остроконечныхъ касокъ въ чехлахъ затопило наскоро вырытыя за день траншеи англичанъ. Только послѣ часового боя послѣдніе оказались выбитыми изъ спасительныхъ окоповъ, выброшенными въ открытое поле на растерзаніе германской шрапнели.

Солдаты Френча смѣшались. Отступленіе перешло въ бѣгство. Въ полной темнотѣ ломились люди въ хаки сквозь заросли кустарниковъ, сквозь поваленныя гранатами деревья, но вездѣ натыкались на германскіе батальоны, встрѣчавшіе бѣгущихъ неожиданными, всесметающими залпами.

Англичане погибли бы всѣ, до единаго, если бы не подоспѣла неожиданная помощь. Искавшія ихъ въ продолженіе дня двѣ французскія дивизіи бѣгомъ явились на шумъ боя и зарево Ландреси. Усталые, какъ и ихъ англійскіе товарищи, бросились французы въ штыки на насѣдавшихъ

нѣмцевъ, остановили ихъ, прикрывъ, такимъ образомъ, отступленіе перваго англійскаго корпуса.

Здѣсь произошелъ эпизодъ, типичный для англійской арміи первыхъ мѣсяцевъ войны.

Остатки корпуса отходили на Вассинье, въ направленіи Сенъ-Кантена. У Этрэ арьергарды англичанъ были настигнуты 73 пѣхотнымъ германскимъ полкомъ. Въ отвѣтъ на стрѣльбу нѣмцевъ, англичане бросились въ атаку и были перебиты поголовно. Ихъ національная гордость не могла примириться съ мыслью о плѣнѣ.

ГОСПОДИНЪ ИЗЪ ЛИЛЛЯ.

Предсѣдатель палаты депутатовъ Дешанель имѣетъ прекрасную казенную квартиру, а размахъ домашняго уклада позволяетъ ему, чтобы навстрѣчу незванно пришедшимъ четыремъ господамъ, несмотря на полуночное время, вышли четыре горничныхъ. На дворѣ льетъ проливной дождь, и горничнымъ приходится снимать съ пришедшихъ насквозь промоченныя пальто.

Дешанель, какъ всегда, элегантный, сидитъ въ своемъ дорогомъ шелковомъ халатѣ въ одномъ изъ салоновъ и, глядя на огонь камина, барабанитъ отполированными ногтями по ручкѣ обитаго ярко-краснымъ шелкомъ кресла. Собственно, ему уже давно хочется отправиться спать, но какое-то инстинктивное чувство безпокойства, — предчувствіе неожиданнаго визита, заставляетъ отложить исполненіе благого намѣренія.

Между прочимъ Поль Дешанель, — Красавецъ Поль, — будущій кратковременный президентъ французской республики, выпавшій въ 1920 году при таинственныхъ обстоятельствахъ изъ окна довилльскаго экспресса и разбившійся на смерть, сегодня въ неважномъ настроеніи. Ни ему, ни его коллегамъ по парламенту никакъ не удается вмѣшаться въ судьбу родины и помочь ей выпутаться изъ навалившихся затрудненій. Правительство считаетъ, что только оно вправѣ въ данную минуту рѣшать всѣ вопросы, связанные съ управленіемъ страной.

Когда за дверью раздаются шаги и горничная докладываетъ, что нѣсколько господъ желаютъ видѣть господина предсѣдателя, Дешанель быстро встаетъ, чувствуя, что сейчасъ что-то произойдетъ. Весьма кстати, что онъ не пошелъ еще спать!

Первымъ входитъ Клемансо. Онъ начинаетъ говорить еще на порогѣ:

— Дешанель! Вы должны послушать, что разсказываетъ вотъ этотъ господинъ. Онъ гласный городской думы Лилля, очень отважный и патріотически настроенный человѣкъ.

«Тигръ» представляетъ маленькаго, издерганнаго, позеленѣвшаго отъ усталости человѣка. Сильно жестикулируя, тотъ немедленно начинаетъ разсказъ, который несомнѣнно повторяется имъ, по крайней мѣрѣ, въ десятый разъ.

— Я говорю, — дѣло было такъ, что мы спрашивали себя: командуетъ ли вообще кто-нибудь французской арміей? Мы искали какого-либо генерала, хотя бы майора, но не могли найти даже лейтенанта! И тогда...

Дешанель перебиваетъ говорящаго. Онъ съ первыхъ словъ понимаетъ, что человѣкъ собирается разсказать дѣйствительно важныя вещи, но что онъ на границѣ изнеможенія. Поэтому предсѣдатель палаты поспѣшно предлагаетъ:

— Да сядьте, сядьте же!

Одновременно Дешанель звонитъ и здоровается съ приведенными Клемансо сенаторами Дюбо и Рибо. Первый — предсѣдательствующій Сената, а Рибо — свергнутый два мѣсяца тому назадъ министръ - президентъ, специалистъ этого амплуа. Послѣднее сверженіе его было уже третьимъ по счету. Рибо рутинеръ и уже немного усталый политикъ, знатокъ финансоваго права, человѣкъ, пережившій Наполеона Третьяго и панамскій скандалъ.

Все общество разсаживается вокругъ низенькаго овальнаго стола. Появляются коньякъ, ликеры, содовая вода въ сифонахъ. Господинъ изъ Лилля, сенаторы и хозяинъ наливаютъ себѣ по рюмкѣ, а Клемансо, словно мучимый жаждой, жадно набрасывается на шипучую содовую. Залпомъ выпиваетъ онъ большой стаканъ и торопливо закуриваетъ сигаретку.

Затѣмъ, словно внезапно раздражившись, онъ полуприказываетъ господину изъ Лилля:

— Ну, разсказывайте, мой другъ. Въ коньякѣ вамъ и позже не откажутъ!

И господинъ разсказываетъ:

— . . . Нѣмцы приближались къ Лиллю. Мы слышали, какъ канонада становилась все явственнѣе. Въ городъ стали привозить все больше раненыхъ, и мы узнали, что врагъ стоитъ чуть ли не подъ самыми воротами. Но онъ еще не наступалъ, и тогда бургомистръ города отправился къ командиру нашихъ войскъ, которыхъ въ Лиллѣ было что-то около 14.000 человѣкъ. Командира звали генералъ д'Амадъ. Онъ разсказалъ генералу о той опасности, какой онъ подвергается, если онъ станетъ защищать Лилль, потому что наши укрѣпленія, какъ вы можетъ быть это знаете, господинъ предсѣдатель, ни черта не стоятъ. Уже съ 1911 года ни одинъ генералъ не смотритъ на Лилль, какъ на современную крѣпость.

«Генералъ д'Амадъ обѣщалъ подумать. Но нашъ бургомистръ вызвалъ по телефону господина военнаго министра Мессими и тогда генералъ д'Амадъ долженъ былъ подойти къ аппарату. Военный министръ приказалъ ему городъ не защищать.

«Все пошло очень быстро, но мы вдругъ вспомнили, что въ нашемъ городѣ находится масса снаряженія, амуниціи, снарядовъ, громадный паркъ военныхъ грузовиковъ и прочаго военнаго имущества.

«Месье! Вы можете себѣ, конечно, представить, что мы чуть не закричали отъ отчаянія, когда подумали, что все это добро можетъ попасть въ руки бошей. И какъ мы были рады, когда выяснилось, что врагъ не сразу намѣренъ войти въ городъ! Оставалось, стало быть, довольно времени, чтобы вывезти все.

«Стали искать генерала д'Амадъ. Онъ исчезъ. Стали искать полковниковъ, офицеровъ и, наконецъ, интендантскихъ чиновниковъ, но, — что вы скажите, — оказалось, что сразу послѣ телефоннаго разговора армія генерала д'Амадъ испарилась, и испарилась такимъ образомъ, что это нельзя назвать иначе, какъ бѣгствомъ. Они не подумали ни о ящикахъ съ патронами, ни о вывозѣ грузовиковъ, ни на что у нихъ не нашлось времени! Армія унеслась куда-то, какъ порывъ вѣтра!

«И, — вы можете отнестись къ моимъ словамъ, месье, какъ хотите, но это было позорно! Какъ можно оставлять такую добычу врагу, если къ этому ничто не принуждаетъ? Нѣмцы вѣдь, до сихъ поръ не вошли въ Лилль!

«Тогда мы сами взялись за дѣло. Вся городская дума. Навалили все на грузовики, нашли шоферовъ, кое какъ повезли. Но мы были возмущены и говорили: «то, что случилось въ Лиллѣ, можетъ, безъ сомнѣнія, произойти и въ другихъ городахъ!» А нашъ мэръ сказалъ: «Монъ шэръ,—дорогой мой, поѣзжайте въ Парижъ, пойдите къ Клемансо. Онъ патріотъ и будетъ ужъ знать, какъ и что надо сказать правительству, когда узнаетъ, что случилось въ нашемъ городѣ».

Господинъ изъ Лилля замолчалъ и залпомъ выпилъ вторую рюмку коньяку. Въ это время задребезжалъ фарфоръ и закачались статуэтки. «Тигръ», вскочивъ, толкнулъ хрупкую полочку и чуть не перебилъ драгоцѣнныя издѣлія Сэвра. Мощный ударъ кулака по овальному столику заставилъ заплясать бутылки.

— Въ этомъ вы можете не сомнѣваться, мосье! — воскликнулъ Клемансо. — Я то ужъ знаю, что скажу правительству! Я ему скажу, что главнокомандующаго Жоффра надо убрать! Немедленно! Больше того: я скажу, что нашъ военный министръ невозможенъ, что это возмутительно, какъ нашъ военный матерьялъ попадаетъ въ руки нѣмцевъ. Вашъ разсказъ — символъ. Вы видите, господа, какъ мы ведемъ войну? Довольно молчать. Теперь наша очередь, господа, вмѣшаться. Въ этотъ часъ Франція не можетъ сгибаться подъ скипетромъ Пуанкарэ, подъ властью человѣка, который въ своей жизни прочелъ, правда, не мало книгъ, но самой жизни никогда не понималъ, и понимать не будетъ. Я самъ составлю правительство! Бріанъ, Делькассэ и Мильеранъ будутъ моими министрами. Но почему вы сидите, господа? Вставайте! Надо работать!

26 августа

НА русскомъ фронтѣ истекшій день прошелъ безъ особыхъ событій. На южномъ секторѣ армія Самсонова все больше насѣдала на XX нѣмецкій корпусъ, а съ сѣвера на югъ, въ спѣшномъ порядкѣ, нѣмцами перебрасывались части, боровшіяся раньше съ Ренненкампфомъ.

Зато день 26 августа былъ непріятенъ какъ для Гинденбурга, такъ и для Людендорфа.

Прибылъ и выгрузился первый армейскій корпусъ, которымъ командовалъ генералъ фонъ Франсуа

— Вы будете наступать на правомъ флангѣ XX корпуса, — приказало ему командованіе въ лицѣ Гинденбурга.

— Нѣтъ.

— Вы обязаны занять высоты Уздау!

— Нѣтъ.

Между генераломъ Франсуа и ставкой Гинденбурга возникаетъ серьезный конфликтъ. Генералъ Франсуа доказываетъ невозможность наступленія, Гинденбургъ и Людендорфъ настаиваютъ на немъ и, болѣе того, требуютъ отъ Франсуа рѣшительнаго успѣха. До тѣхъ поръ, пока обсужденіе предстоящей операціи идетъ въ порядкѣ совѣщанія, преимущество оказывается на сторонѣ Франсуа. Поэтому Гинденбургу ничего другого не остается, какъ приказать строптивому генералу въ порядкѣ дисциплины повиноваться.

Но назначенная на 26 число операція запаздываетъ и, какъ показали событія, генералъ Франсуа былъ правъ. Высотъ Уздау взять не удалось.

Больше того: генералъ фонъ Шольцъ, командиръ XX корпуса, оказался въ еще большемъ затрудненіи, чѣмъ раньше.

Единственнымъ успѣхомъ Гинденбурга въ этотъ день была побѣда XVII корпуса Макензена надъ оторвавшимся отъ главныхъ русскихъ силъ шестымъ корпусомъ Самсонова. Въ руки нѣмцевъ попало большое число плѣнныхъ и нѣсколько батарей.

Но каковъ бы не былъ достигнутый въ районѣ VI корпуса успѣхъ, положеніе VIII германской арміи, какъ и въ предыдущіе дни, оставалось тяжелымъ. Развѣдчики донесли о появленіи у Млавы новыхъ сильныхъ русскихъ частей. У Сольдау въ ожесточенный бой съ нѣмцами вступила усиленная пополненіями русская бригада. На лѣвомъ флангѣ сѣвернаго сектора армія Ренненкампфа шла походомъ на Гердауенъ, а второй русскій корпусъ заканчивалъ маршъ отъ Ангербурга на Дренгфуртъ.

Позже, Гинденбургъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что 26 августа наступилъ кризисъ, и въ этотъ день возникъ вопросъ: продлится ли этотъ кризисъ нѣсколько дней, или разрѣшится сразу въ пользу той или иной стороны. Насколько тяжело было положеніе нѣмцевъ свидѣтельствуютъ его слова:

«Развѣ есть въ этомъ что - нибудь странное, если серьезныя мысли наполняютъ все существо, когда колебанія начинаютъ угрожать тамъ, гдѣ раньше замѣчалась твердая воля, когда сомнѣнія возникаютъ тамъ, гдѣ раньше властвовала ясная мысль?.. Мы, однако, преодолѣли возникшій въ нашихъ душахъ кризисъ, остались вѣрными разъ принятому рѣшенію и попрежнему искали выхода въ наступленіи...»

Тяготу положенія подтверждаетъ и авторъ „Fürstenhöfe und Hauptquartiere“.

«Какъ рядовой читатель, такъ и ретроспективный военный обозрѣватель врядъ ли сумѣетъ прочувствовать, подъ какимъ гнетомъ находился главнокомандующій на востокѣ и какимъ героическимъ искусствомъ руководства онъ долженъ былъ обладать, для того чтобы поддержать въ окружающихъ вѣру въ побѣду».

БОИ ПОДЪ ЛЕ КАТО.

Второй англійскій корпусъ, расположившійся на отдыхъ между Ле Като и Камбрэ, узналъ о пораженіи и отступленіи перваго корпуса слишкомъ поздно для того, чтобы имѣть возможность отступить къ югу безъ боя. Утромъ 26 августа, едва только прозвучали рожки горнистовъ, призывавшихъ солдатъ въ ружье, какъ на корпусъ обрушились съ лѣваго фланга и съ фронта поммернскіе полки и части IV германскаго резервнаго корпуса.

Англичане оказались лицомъ къ лицу съ труднѣйшей задачей: начать отступленіе въ то время, какъ атака нѣмцевъ находилась въ полномъ разгарѣ.

Какъ быть?

Полевая артиллерія вынеслась на открытыя позиціи. Орудія развили огонь, быстрота котораго соперничала съ ружейнымъ. Сбросившіе мундиры артиллеристы работали, обливаясь потомъ. Около срывающихся съ сошниковъ лафетовъ выростали груды дымящихся гильзъ...

Картечь! Картечь! Еще разъ картечь!

Давно уже перебито батарейное прикрытіе, давно уже артиллеристамъ

приходится хвататься за карабины и револьверы, чтобы отбивать бѣшеныя атаки поммерццевъ, бѣгущихъ во весь ростъ на гремящія орудія. Офицеры стоятъ на мѣстахъ бомбардировъ, фейерверкеры подносятъ снаряды — все перепуталось, перемѣшалось на англійскихъ батареяхъ, трупы лежатъ вперемежку съ опустошенными зарядными ящиками, но артиллерія стрѣляетъ, стрѣляетъ...

И вотъ, когда добрая половина батарей уже обезлюдѣла, когда отдѣльныя орудія заряжаются, наводятся и стрѣляютъ волей одного единственнаго уцѣлѣвшаго человѣка, когда кажется, что нѣмцы вотъ-вотъ прорвутъ смертельную стѣну картечи, преграждающую путь къ англійскимъ арьергардамъ, изъ-за спины артиллеристовъ внезапно слышится наростающій гулъ конскихъ копытъ, раздается ревъ сотенъ охрипшихъ глотокъ. Съ палашами въ вытянутыхъ рукахъ, на германскія цѣпи устремляются англійскіе и французскіе конные полки.

Лобовая атака...

Всадники еле держатся въ сѣдлахъ отъ усталости. Лица ихъ, несмотря на напряженіе, сѣровато-желтыя, кони несутся спотыкающимся галопомъ, часто черезъ головы ихъ перелетаютъ безпомощныя фигуры, но...

— En avant!

— Go ahead!

И волны конницы несутся навстрѣчу дрогнувшимъ германцамъ.

Увы...

Въ отвѣтъ французскимъ и англійскимъ боевымъ кликамъ выростаетъ новый, еще болѣе мощный, болѣе свѣжій:

— Хурра! Готтъ митъ унсъ!

Отъ опушки лѣса отдѣляются развернутые тамъ эскадроны фонъ деръ Марвица и Рихтгофена. Съ пиками наперевѣсъ, съ высоко поднятыми кривыми саблями устремляются германскіе кавалеристы на французскихъ и англійскихъ. Двѣ мощныя волны разбиваются другъ о друга, перемѣшиваются. Крикъ, стоны, скрежетъ стали, ржанье лошадей и вопли давимыхъ копытами покрываютъ шумъ боя. Всадники рубятся какъ въ средніе вѣка, колятъ пиками, вертятъ древки надъ головами, разбиваютъ лица, черепа, разсѣкаютъ плечи тяжелыми клинками.

Нѣмцы свѣжѣе. Ихъ кони выносливѣе. Не долго длится ожесточенный бой, и по полю уже несутся кони, потерявшіе сѣдоковъ, скачутъ вонъ изъ схватки рѣдкіе спасшіеся французы и англичане. Поле битвы остается за фонъ деръ Марвицемъ, вѣрнѣе за его сбереженными во время переходовъ силами...

Но дѣло сдѣлано. Время выиграно. Англичанамъ удается оторваться отъ насѣдающихъ солдатъ IV-го корпуса. Бѣглымъ шагомъ на мѣсто боя прибываетъ свѣжая англійская дивизія. Только съ большими трудами удается нѣмцамъ отбить ея отчаянную контръ-атаку и оттѣснить къ Сенъ-Кантену, гдѣ ихъ ждетъ непріятный сюрпризъ.

Генералъ д'Амадъ привелъ туда форсированнымъ маршемъ двѣ французскихъ дивизіи. Онъ, какъ коршунъ, спустился на нѣмцевъ, направившись изъ Арраса къ мѣсту финальной фазы боя. Такимъ образомъ, онъ прикрылъ лѣвое крыло англичанъ и спасъ остатки арміи Френча отъ полнаго истребленія, отъ участи быть сброшенными въ море...

Англійскій штабъ облегченно вздохнулъ. Потрясеннымъ корпусамъ были указаны новыя позиціи между Верманомъ, Сенъ-Кантеномъ и Рибемономъ. Тамъ уцѣлѣвшіе отъ боевъ офицеры начали въ четвертый разъ

приводить въ порядокъ истерзанные полки, готовиться къ новому сопротивленію. Только такая великолѣпно вымуштрованная боевая единица, какъ англійская профессіональная армія, могла сохранить вѣру въ свои силы, въ своего главнокомандующаго. Потери англичанъ въ людяхъ, артиллеріи ,обозахъ и амуниціи были настолько велики, что англійская армія въ сущности, перестала существовать, и требовался довольно продолжительный срокъ, чтобы возстановить ея боеспособность. Къ счастью пополненія уже начали устремляться мощными потоками черезъ Фолькстонъ — Гавръ во Францію.

Два дня спустя 3-я, 4-ая и 5-ая англійскія дивизіи достигли Ама и Нойона. Первый корпусъ Хэга занялъ было позиціи на лѣвомъ флангѣ Ланрезака, который перестраивалъ свою армію вблизи Сенъ-Кантена, но вскорѣ былъ выведенъ изъ линіи фронта, потому что его корпусъ нуждался въ длительномъ отдыхѣ и переформированіи.

ПОЛУПОБѢДА КЛЕМАНСО.

Вечеромъ описываемаго нами дня президентъ французской республики Пуанкарэ сидитъ на томъ же самомъ мѣстѣ за своимъ письменнымъ столомъ, гдѣ мы его застали въ началѣ повѣствованія. На этотъ разъ онъ сидитъ, ссутулившись, потому что событія истекшаго дня потребовали напряженія всей нервной системы.

Не стоитъ говорить, что президента въ первую очередь угнетаетъ сознаніе того, что на фронтѣ льется кровь его лучшихъ соотечественниковъ, посланныхъ на смерть однимъ роковымъ росчеркомъ пера. Въ подобномъ же душевномъ состояніи находятся сегодня и другіе. Всѣ сознаютъ, что въ данномъ случаѣ именно со стороны правительства должны послѣдовать какія-то важныя и рѣшающія дѣйствія.

Пуанкарэ морщится, вспоминая противную торговлю, которую ему приходилось наблюдать въ продолженіе дня, когда составлялся новый кабинетъ. Какіе-то люди ставили ему условія. Кто-то тащилъ въ правительство своихъ родственниковъ, друзей, знакомыхъ и политическихъ единомышленниковъ. Въ кулуарахъ палаты депутатовъ и пріемныхъ Елисейскаго дворца разыгрывались сцены, которые меньше всего можно было назвать героическими и патріотическими.

Однимъ изъ непріятныхъ эпизодовъ былъ визитъ военнаго министра Мессими, министра, которымъ Пуанкарэ рѣшилъ пожертвовать. Единственной свѣтлой фразой въ происшедшемъ разговорѣ было сообщеніе Мессими, что генералъ Мишель уволенъ и на мѣсто его назначенъ энергичный и умный Гальени. Когда Мессими разсказывалъ о той встрѣчѣ, которую онъ имѣлъ съ бывшимъ комендантомъ Парижа, онъ упомянулъ, что «это былъ самый печальный разговоръ за всю его жизнь.» Можно себѣ представить, какъ себя велъ и о чемъ говорилъ Мишель, разжалованный генералъ, человѣкъ, котораго ждалъ военно-полевой судъ!

Затѣмъ съ Мессими говорилъ Вивіани. Это была серьезная дискуссія. Вивіани объяснялъ почему онъ, Мессими, долженъ подать въ отставку. Только благодаря тому, что военный министръ было окончательно издерганъ и угнетенъ заботами, удалось вручить ему перо для подписи подъ прошеніемъ. Дорога для Мильерана, какъ будущаго военнаго министра, была такимъ образомъ освобождена отъ препятствій.

Позже президента осадили парламентаріи, на него навалились совѣща-

«ТИГРЪ».

Такъ прозвали великаго французскаго патріота и поборника идеи реванша, Жоржа Клемансо (1841—1929), бывшаго дважды министромъ-президентомъ (1906—9 и 1917—1920). Клемансо сумѣлъ добиться побѣды, постоянно поддерживая на должномъ патріотическомъ уровнѣ падающее настроеніе населенія страны. Въ своихъ мирныхъ требованіяхъ Клемансо шелъ очень далеко, желая отомстить Германіи за захватъ въ 1871 году Эльзаса и Лотарингіи. Онъ считалъ, что миръ надо заключать въ зеркальномъ залѣ Версальскаго дворца только тогда, когда французскіе полки наводнятъ Германію и будутъ диктовать французскую волю Берлину. Въ противоположность поборнику идеи Лиги Націй, теоретику-идеалисту Вудро Вильсону, стремившемуся построить Версальскій мирный договоръ на основѣ равноправія, то-есть, не признавая ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, Клемансо считалъ, что расчлененіе Германіи на рядъ мелкихъ независимыхъ государствъ и подчиненіе большей части германской территоріи вліянію союзниковъ, можетъ быть единственной и здоровой основой для сохраненія длительнаго мира въ Европѣ. Въ наши дни, когда Версаль умеръ, точки зрѣнія Вудро Вильсона и Клемансо пріобрѣтаютъ особенно злободневное значеніе.

КАРЛЪ, КНЯЗЬ ЛИХНОВСКІЙ (1860—1928).

германскій посолъ въ Лондонѣ. Въ августѣ 1914 года былъ поставленъ передъ лицомъ чрезвычайно трудной задачи — удержать Англію отъ военнаго вмѣшательства въ европейскую войну. Какъ Мольтке при битвѣ на Марнѣ упустилъ дарованный ему судьбой случай захватить при помощи арміи фонъ Клука Парижъ, такъ и Лихновскій сдѣлалъ роковую ошибку, допустивъ выступленіе Англіи на сторонѣ союзниковъ. Снимокъ изображаетъ германскаго посла, въ глубокомъ раздумьи покидающаго англійское министерство иностранныхъ дѣлъ. Нѣсколькими часами позже онъ констатировалъ крушеніе своей политики. Англія объявила Германіи войну.

ПЕРВЫЯ ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ.

Разъѣздъ бельгійскихъ кавалеристовъ, сметенный огнемъ германскихъ пулеметовъ.

нія, вызванныя по большей части пустяковыми и личными претензіями. Тянулось все это до поздняго вечера, пока президентъ не остался, наконецъ, одинъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ съ ощущеніемъ ужасной пустоты въ головѣ и сердцѣ.

Переформированіе кабинета, наконецъ, удалось. Бріанъ сталъ министромъ юстиціи. Думергъ, министръ - президентъ начала 1914 года, — министромъ колоній. Рибо, преемникъ этого безцвѣтнаго Нуланса, — министромъ финансовъ, тѣхъ финансовъ, отъ которыхъ отказался Кайо, германофилъ, чья жена, потерявшая надъ собой власть изъ-за нависшей надъ ней угрозы опубликовать ея интимныя письма, застрѣлила Кальметта, главнаго редактора «Фигаро». Процессъ Кайо, окончившійся 28 іюля, и убійство Жореса были самыми большими сенсаціями послѣднихъ дней передъ началомъ великой войны.

Время близится къ полуночи, когда въ комнату Пуанкарэ явился новый кабинетъ. Его возглавляетъ, какъ и предыдущій, Вивіани.

Новое правительство совѣщается весьма короткое время. Для президента республики программа дня исчерпана. Вивіани совершенно изнеможденъ. Новые министры охрипли отъ безконечныхъ рѣчей, и Кабинетъ Національной Защиты, — такъ онъ прозвалъ себя, — немедленно расходится по домамъ.

Передъ Пуанкарэ лежитъ протоколъ: Мильеранъ настаиваетъ, чтобы кабинетъ министровъ немедленно отправилъ его въ ставку для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ.

Надъ Парижемъ разстилается двадцать седьмая ночь войны...

27 Августа

НѢМЦЫ, по существу своему, великолѣпные шпіоны, и великая война доказала многія ихъ достиженія на этомъ поприщѣ. Однако, въ дни битвы на Марнѣ ихъ контръ-развѣдка работала изъ рукъ вонъ плохо, да и служба связи не находилась на должной высотѣ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, что Мольтке, сидѣвшій въ Кобленцѣ и, позже, въ Люксембургѣ, былъ скверно информированъ. Отдавая приказы на разстояніи двухсотъ километровъ отъ ближайшей точки фронта, онъ часто дѣлалъ ошибочныя заключенія. Примѣромъ его неосвѣдомленности можетъ служить фактъ, что тремя днями позже описываемаго онъ былъ убѣжденъ въ существованіи гигантской битвы на всемъ протяженіи фронтовъ третьей, четвертой и пятой армій, въ то время, какъ ничего подобнаго на упомянутыхъ фронтахъ не происходило. Далѣе, Клукъ, наступавшій на Парижъ, изъ-за невѣдѣнія Мольтке вовсе не зналъ о существованіи созданной Жоффромъ шестой арміи Монури и нападеніе на него этого послѣдняго. Эти свѣдѣнія явились для командующаго первой германской арміи сущимъ и непріятнымъ сюрпризомъ.

Въ той же слабой мѣрѣ была освѣдомленность Мольтке въ описываемый нами день. Тогда, когда Жоффръ, постепенно оправившись отъ ряда катастрофическихъ неудачъ, сталъ отдавать приказанія съ цѣлью аттаковать вырвавшуюся впередъ германскую армію, Мольтке попрежнему былъ весь преисполненъ оптимизма, будучи увѣренъ въ безпрепятственномъ и побѣдоносномъ маршѣ ввѣренныхъ ему войскъ.

Позже, когда Мольтке уже поплатился должностью за свою халатную

неосвѣдомленность, онъ оправдывался тѣмъ, что подчиненные ему генералы, командующіе арміями и корпусами, слали рапорты о положеніи дѣлъ, составленные въ преувеличенно оптимистическомъ тонѣ. Странно, что командующій фронтомъ не воспользовался имѣющимся въ его распоряженіи аппаратомъ для того, чтобы произвести провѣрки, и не сдѣлалъ даже попытки приблизиться къ мѣсту рѣшительныхъ событій хотя бы на сто километровъ.

Какъ бы то ни было, а 27 августа Мольтке былъ убѣжденъ, что на фронтѣ все обстоитъ болѣе чѣмъ благополучно, хотя уже накакнунѣ французская армія добилась нѣкоторыхъ успѣховъ на различныхъ фронтахъ, а въ описываемый нами день четвертая армія генерала Лангль нанесла сильный и весьма ощутительный ударъ арміи герцога Вюртембергскаго.

Въ этой атмосферѣ неосвѣдомленности и самонадѣянности Мольтке отдалъ

ПРИКАЗЪ, ОПРЕДѢЛЯЮЩІЙ ВСѢ ДЕТАЛИ ПОХОДА НА ПАРИЖЪ.

Вотъ его полный текстъ:

«Непріятель, объединенный въ три группы, пытался остановить германское наступленіе.

На сѣверномъ крылѣ, противъ нашихъ второй и первой арміи, онъ вначалѣ придерживался оборонительной тактики. Въ этомъ мѣстѣ ему способствовали англійская армія и часть бельгійской. Его планъ, который заключался въ попыткѣ атаковать наше правое крыло, не удался, благодаря фланговому движенію нашей первой арміи.

Между Мезьеромъ и Верденомъ находится центральная группа непріятеля. Лѣвое крыло этой группы предприняло наступленіе и атаковало нашу четвертую армію. Наступленіе это не удалось*) и упомянутая группа произвела атаку, имѣя исходнымъ пунктомъ Верденъ, стремясь отрѣзать лѣвое крыло нашей пятой арміи отъ Метца. Здѣсь она также потерпѣла неудачу.

Третья мощная группа непріятеля попыталась проникнуть въ Лотарингію и верхнюю долину Рейна, стремясь достигнуть Страсбурга. Наши шестая и седьмая арміи, послѣ тяжелыхъ боевъ, сумѣли побѣдоносно отбить эту атаку.

Всѣ части французской дѣйствующей арміи, включая заново сформированныя дивизіи, — сорокъ четвертую и сорокъ пятую, — были введены въ дѣйствіе и понесли ощутительныя потери. Резервныя дивизіи также принимали участіе въ операціяхъ и вышли изъ нихъ значительно ослабленными. Въ данный моментъ нельзя, впрочемъ, судить о дѣйствительной способности къ сопротивленію со стороны англо-французской арміи.

Бельгійская армія разбита совершенно. Она не въ состояніи занять фронтовыя позиціи и принимать участіе въ наступленіи въ открытой мѣстности. Въ Антверпенѣ сосредоточено до 100.000 бельгійцевъ, какъ полевыхъ, такъ и крѣпостныхъ частей. Эти войска, въ большей своей части, выдохлись и едва ли способны на наступленіе вообще.

Французы, то есть ихъ арміи на сѣверѣ и въ центрѣ, находятся въ полномъ отступленіи къ сѣверу - западу и къ сѣверу - востоку — въ на-

*) Жоффръ въ своихъ воспоминаніяхъ утверждаетъ противное, что мы и отмѣтили во вступленіи къ этой главѣ (Ред.).

правленіи Парижа. Во время этого отступленія они, повидимому, попытаются оказать новое и отчаянное сопротивленіе. Всѣ свѣдѣнія изъ Франціи указываютъ на то, что непріятель старается вести войну со ставкой на время и стремится удерживать большинство германскихъ силъ на французскомъ фронтѣ съ цѣлью облегчить русскимъ ихъ наступленіе.

Англо-французскія силы, послѣ утраты оборонительной линіи вдоль рѣки Мэзъ, могутъ оказать новое сопротивленіе на лѣвомъ берегу рѣки Энъ. Ихъ крайнее лѣвое крыло достигнетъ, повидимому, Сенъ Кантена, Ла Фера и Лаона, а правое — западныхъ склоновъ Аргоннъ, вблизи Сентъ Менегульды. Слѣдующей линіей сопротивленія явится, несомнѣнно, рѣка Марна, причемъ флангъ будетъ опираться на Парижъ. Возможно, что въ то время французскія силы будутъ сконцентрированы въ районѣ рѣки Сены.

Обстановка на южномъ крылѣ французской арміи еще не ясна. Не исключено, что противникъ, съ цѣлью облегченія нажима на его лѣвое крыло и центръ, предприметъ новое наступленіе въ Лотарингіи. Если французское южное крыло будетъ отброшено, оно немедленно будетъ стремиться, опираясь на укрѣпленный треугольникъ Лангръ-Дижонъ-Безансонъ, — или обойти германскую южную группу или же — подготовить свои войска къ новому наступленію.

Необходимо принять во вниманіе, что французская армія увеличится въ численности, путемъ формированія новыхъ частей. Въ настоящее время она занята комплектованіемъ частей, уже существующихъ. Если теперь Франція располагаетъ призывомъ 1914 года, не считая нѣкоторыхъ слабыхъ гарнизонныхъ войскъ, то она не преминетъ воспользоваться призывомъ слѣдующихъ годовъ, а также используетъ всѣ свободныя войска сѣверной Африки и своего военнаго флота. Несомнѣнно также, что французское правительство въ самомъ ближайшемъ будущемъ отдастъ приказъ формировать партизанскіе отряды.

Англія лихорадочно организуетъ новую армію, но она врядъ ли можетъ разсчитывать на нее ранѣе, нежели черезъ шесть мѣсяцевъ.

Поэтому необходимо, ведя стремительное наступленіе, не давать французской арміи отдыха, чтобы воспрепятствовать организаціи ею новыхъ боевыхъ единицъ, а также лишить страну большей части ея боевыхъ рессурсовъ.

Въ Бельгіи будетъ организовано новое правительство, находящееся подъ германской властью. Бельгія-же должна служить базой для первой, второй и третьей нашихъ армій, чѣмъ достигается укороченіе путей сообщенія нашего праваго крыла.

Первая армія, съ приданнымъ къ ней вторымъ кавалерійскимъ корпусомъ, двинется къ западу отъ Уазы въ направленіи нижней Сены. Она должна быть готова вмѣшаться въ операціи второй арміи. Фланговое прикрытіе, такимъ образомъ, падаетъ на нее. Въ зонѣ своего дѣйствія она должна препятствовать образованію непріятелемъ новыхъ боевыхъ частей. Силы, оставленныя для осады Антверпена (третій и девятый армейскіе корпуса), переходятъ подъ непосредственное командованіе главнаго штаба. Четвертый резервный армейскій корпусъ снова переходитъ въ распоряженіе первой арміи.

Вторая армія, имѣя въ своемъ составѣ первый кавалерійскій корпусъ, двинется на Парижъ, пройдя между Ла Фэръ и Лаономъ. Она должна осадить и взять Мобежъ и, позже, Ла Фэръ и Лаонъ. Послѣдній

— въ сотрудничествѣ съ третьей арміей. Первый кавалерійскій корпусъ устанавливаетъ связь между второй и третьей арміями. Онъ-же будетъ информировать третью армію.

Третья армія, двинется на Шато Тьери и пройдетъ между Лаономъ и Гиникуромъ (къ западу отъ Нефшателя). Она возьметъ штурмомъ Ирзонъ, такъ же какъ и Лаонъ съ фортомъ Кондэ, — послѣдніе два пункта въ сотрудничествѣ со второй арміей. Первый кавалерійскій корпусъ, дѣйствующій впереди второй и третьей армій, будетъ информировать третью армію.

Четвертая армія двинется на Эпернэ по рейнской дорогѣ. Четвертый кавалерійскій корпусъ, приданный къ пятой арміи, будетъ также информировать и четвертую армію. Въ распоряженіе арміи будетъ предоставленъ необходимый для взятія Реймса осадный матеріалъ. Шестой армейскій корпусъ переходитъ въ распоряженіе четвертой арміи.

Пятая армія, къ которой приданъ шестой армейскій корпусъ, двинется по направленію линіи Шалонъ сюръ Марнъ-Витри ле Франсуа. Она перестроится походными колоннами влѣво и приблизится къ шестой арміи настолько, чтобы имѣть возможность охранять ея флангъ до тѣхъ поръ, пока та не завершитъ свою задачу къ западу отъ рѣки Мэзъ. Четвертый кавалерійскій корпусъ остается подчиненнымъ пятой арміи. Верденъ будетъ изолированъ. Въ дополненіе къ пяти бригадамъ ландвера, восьмая и девятая эрзацъ-дивизіи будутъ переведены въ пятую армію, какъ только шестая армія перестанетъ въ нихъ нуждаться.

Шестая армія, вмѣстѣ съ седьмой арміей и третьимъ кавалерійскимъ корпусомъ, поддерживая тѣсную связь съ Метцомъ, должны препятствовать вторженію непріятеля въ Лотарингію и нижній Эльзасъ. Укрѣпленный лагерь Метца включается въ нихъ. Если непріятель отступитъ, шестая армія, пользуясь третьимъ кавалерійскимъ корпусомъ, перейдетъ Мозель между Тулемъ и Эпиналемъ и направится въ общемъ направленіи на Нефшато.

Съ этого пункта шестая армія будетъ отвѣтственна за фланговое прикрытіе армій. Она изолируетъ Нанси и Туль и ограничится заслономъ противъ Эпиналя. Для этихъ операцій она будетъ усилена седьмой арміей (четырнадцатымъ и пятнадцатымъ армейскими корпусами и одной эрзацъ-дивизіей). Съ другой стороны она передастъ восьмую и десятую эрзацъ-дивизіи шестой арміи. Съ этого момента седьмая армія становится независимой.

Седьмая армія будетъ вначалѣ подчинена шестой арміи. Когда послѣдняя перейдетъ Мозель, седьмая армія снова пріобрѣтетъ независимость. Укрѣпленный лагерь Страсбурга и форты верхняго Рейна остаются въ ея вѣдѣніи. Предназначеніе седьмой арміи — воспрепятствовать прорыву непріятеля между Эпиналемъ и швейцарской границей.

Ей предлагается построить солидные окопы впереди Эпиналя и оттуда до горъ, а также въ долинѣ Рейна, примыкающей къ Нефъ Бризакъ, и перенести центръ тяжести своихъ силъ на тылъ своего праваго крыла. Четырнадцатый и пятнадцатый корпусы, а также эрзацъ-дивизія перейдутъ въ этотъ моментъ въ распоряженіе шестой арміи.

Всѣ арміи должны дѣйствовать въ безупречной согласованности и помогать другъ другу при взятіи различныхъ географическихъ препятствій. Сильное сопротивленіе, которое предполагается встрѣтить на Энѣ и, позже,

на Марнѣ, можетъ вынудить къ повороту армій съ юго-западнаго направленія на южное.

Требуется немедленное и быстрое наступленіе, чтобы воспрепятствовать французамъ реорганизоваться и оказать серьезное сопротивленіе.

Арміи, поэтому, обязаны сообщить время, когда онѣ будутъ въ состояніи начать наступленіе.

Всякое противодѣйствіе со стороны населенія должно подавляться въ зародышѣ.

Подпись: **Мольтке.**

ПАРТИЗАНЫ.

Доблестное сопротивленіе 4-ой и 3-ей французскихъ армій на Маасѣ не могло спасти отъ крушенія задуманные Жоффромъ фланговые маневры. Но чѣмъ дальше углублялись германцы во Францію, тѣмъ отчаяннѣе становилось сопротивленіе французской арміи. Тамъ, гдѣ Маасъ вьется причудливыми извилинами, мѣстность сильно пресѣчена и изобилуетъ лѣсами, что сильно затрудняло дѣйствія вражескихъ полковъ.

Фонъ Хаузенъ, не дожидаясь, пока арміи кронпринца и герцога Вюртембергскаго остановятъ наступленіе солдатъ Лангля и Сарайля, быстро двигался впередъ. Внезапно, въ долинѣ между Маасомъ и истоками Уазы, онъ наткнулся на неожиданное и упорное сопротивленіе.

Цвѣтныя войска!

Впервые за исторію войны въ воздухѣ заблестѣли кривые, остро отточенные ножи сенегальцевъ, черные пальцы которыхъ впились въ хрипящія глотки европейцевъ. Ударъ цвѣтныхъ войскъ былъ настолько силенъ и безудерженъ, что германскіе корпуса невольно попятились. Нужна была безжалостная работа германской артиллеріи, чтобы расчистить дальнѣйшій путь къ югу и смести съ пути неожиданный цвѣтной препонъ.

Партизаны!

Уже наканунѣ саксонцы XII корпуса напоролись подъ Роли на безчисленные отряды вольныхъ стрѣлковъ, разсыпавшіеся по лѣсамъ. На пути къ Виллеръ анъ Фань изъ кустовъ также посыпались залпы и отдѣльные выстрѣлы невидимыхъ стрѣлковъ, прекрасныхъ охотниковъ, первымъ выстрѣломъ выбивавшихъ офицера изъ сѣдла и открывавшихъ затѣмъ поспѣшный огонь по растерявшимся солдатамъ.

Но труднѣе всего пришлось саксонцамъ въ самомъ городѣ. Въ каждомъ слуховомъ окнѣ, за каждымъ угломъ каждаго квартала, прижимался притаившійся партизанъ. Словно по уговору дозоры германскаго авангарда пропускались безпрепятственно по улицамъ и, едва только появлялась осторожно идущая колонна, съ крышъ и изъ оконъ домовъ на вторгшихся завоевателей сыпались оглушительные залпы, косившіе людей сотнями, валившіе людей въ упоръ, производившіе неописуемую панику, часто превращавшуюся въ безпорядочное бѣгство.

Мѣстность унылаго бельгійскаго Фенна между Филиппвиллемъ и Живэ буквально кишѣла вооруженнымъ штатскимъ населеніемъ. Это были все мѣстные жители, прекрасно знавшіе дороги, пользующіеся каждой канавой, каждой выемкой, посылавшіе мѣткіе выстрѣлы и скрывавшіеся прежде, чѣмъ опомнившійся врагъ пускался въ преслѣдованіе.

Три дня, съ 26-го августа по 29-ое солдаты XII германскаго корпуса вынуждены были вести бой съ этими вооруженными людьми, пробивая себѣ

путь отъ Маріембурга черезъ Кувэнъ на Рокруа. Корпусъ чуть не былъ разбитъ у Веннса, гдѣ наравнѣ съ партизанами-штатскими, великолѣпно дѣйствовали партизаны изъ регулярной арміи. Въ вѣковыхъ дубовыхъ, поросшихъ кустарникомъ, лѣсахъ, разыгрались кровопролитныя схватки, не допускавшія ни построенія войскъ, ни примѣненія окоповъ. Въ листвѣ дубовъ, въ мелкой поросли молодняка таились тысячи снайперовъ, чернокожихъ зуавовъ, мулатовъ и дикихъ берберовъ. Съ неба и тверди на германцевъ лились потоки пуль, а съ деревьевъ строчили умѣло разставленные пулеметы. Попорнымъ субалтеръ-офицерамъ съ револьверами въ рукахъ приходилось удерживать своихъ бравыхъ саксонцевъ отъ бѣгства передъ лицомъ невидимаго врага, который, казалось, не несъ потерь.

Мрачный Феннъ сталъ центромъ крупнаго столкновенія. XII корпусъ увязъ въ его болотахъ и взывалъ о помощи. XII резервный и XIX германскіе корпуса поспѣшили на мѣсто необычной битвы. Со стороны французовъ стали прибывать резервы. Въ грохотъ ружейныхъ выстрѣловъ и трескотню митральезъ влили свой голосъ полевыя орудія, по лѣсу покатился ѣдкій дымъ, которымъ врагъ пытался выкурить упорныхъ защитниковъ.

Положеніе французовъ, казалось, улучшилось. Арміи Лангля и Сарайля быстро оправились отъ понесеннаго на берегахъ Семуа и Шіэра пораженія и теперь стояли, крѣпко упершись у Мааса и поджидая пруссаковъ кронпринца и вюртембержцевъ. Въ Феннѣ саксонцы деморализовались, ихъ полки раскололись, участилось дезертирство отдѣльныхъ солдатъ и цѣлыхъ частей, не выдержавшихъ такого неожиданнаго нападенія изъ-за угла.

Но воля Хаузена была сильнѣе страха солдатъ передъ смертью. Шагъ за шагомъ очищали его саксонцы лѣса Синьи л'Аббайе, Лонуа и Новьонъ — Порсьена. Все больше приближалась къ нимъ равнина, которая была привычна жителямъ Саксоніи.

Желанный моментъ, наконецъ, наступилъ. Французы оказались вытѣсненными изъ спасительныхъ лѣсовъ. Хаузенъ могъ спокойно вздохнуть. Теперь не требовалось больше бдительности, внезапныхъ рѣшеній, продвиженія впередъ безъ опредѣленной оперативной цѣли, осмотра каждаго ствола, каждаго бугра, въ которомъ могъ свить себѣ гнѣздо пулеметчикъ или снайперъ. Можно было отказаться отъ поисковъ въ листвѣ деревьевъ черныхъ сенегальцевъ, которые съ ножемъ въ зубахъ, какъ кошки, прыгали на спину верхового и однимъ взмахомъ клинка перерѣзали глотку врага.

Французы въ партизанской войнѣ показали себя съ самой хорошей стороны. Тамъ, гдѣ не надо было воевать съ часами въ рукахъ, гдѣ не было необходимости сидѣть въ окопахъ, они дрались съ упорствомъ, въ то время, какъ методическій германскій солдатъ дрался, какъ въ дурманѣ, сбитый съ толку неожиданными нападеніями съ тыла.

ПЕРВАЯ ВЫЛАЗКА БЕЛЬГІЙЦЕВЪ.

Крошечная бельгійская армія, насчитывавшая всего-навсего 100.000 солдатъ, спасшись отъ германскаго вторженія, потеряла территорію, но не потеряла своего духа и вѣры въ командировъ. Осажденная въ Антверпенѣ, она притянула къ себѣ полныхъ два корпуса германскихъ войскъ, которые караулили ее, не имѣя, однако, возможности разбить въ открытомъ полѣ. Германцы ждали момента, когда, послѣ предполагаемой

гибели французской арміи, къ нимъ подойдутъ подкрѣпленія и помогутъ расправиться съ послѣдними защитниками страны валлоновъ и фламандцевъ.

Въ то время, какъ французскія войска, стиснувъ зубы, дрались широкимъ фронтомъ отъ Сенъ Кантена до Вердена, растрепанные, но не разбитые полки Бельгіи спѣшно, подъ защитой антверпенскихъ фортовъ, приводились въ порядокъ. Ихъ по возможности заново экипировали, снабдили прибывшимъ изъ за границы оружіемъ и пополняли запасными.

Удивителенъ былъ патріотизмъ маленькаго народа! Несмотря на строгія полицейскія мѣры, принятыя германскими оккупантами противъ завоеваннаго населенія, тысячи молодыхъ бельгійцевъ умудрялись пробираться черезъ строго охраняемую голландскую границу и, вмѣсто того, чтобы пользоваться безопаснымъ гостепріимствомъ нейтральной страны, нелегально перебирались обратно на родину съ тѣмъ, чтобы опять сражаться въ рядахъ родной бельгійской арміи. Тѣмъ временемъ организація арміи крѣпла, численность ея возрастала, и когда со стороны союзниковъ западнаго фронта въ Антверпенъ прибыла радіограмма съ просьбой о диверсіи съ цѣлью облегченія положенія сѣвернаго крыла французской арміи, король бельгійцевъ Альбертъ или, какъ его уже тогда начали называть Король-Солдатъ, — немедленно изъявилъ готовность произвести ударъ въ тылъ германскаго фронта, хотя армія его была слаба, а численность ея недостаточна.

24-го августа начались спѣшныя приготовленія къ вылазкѣ изъ Антверпена. Уже на слѣдующій день на оба сторожевыхъ германскихъ корпуса обрушились пять бельгійскихъ дивизій, — весь наличный составъ арміи.

Колонны бельгійской пѣхоты двинулись въ южномъ направленіи черезъ Мешельнъ и Вельвроде къ укрѣпленнымъ позиціямъ III и IX германскихъ резервныхъ корпусовъ, поджидавшихъ ихъ и преграждавшихъ доступъ къ Лувену и Брюсселю. До линіи германскихъ окоповъ дошло только четыре бельгійскихъ дивизіи. Самъ Король-Солдатъ привелъ ихъ.

Третья дивизія и кавалерія были оставлены въ Мешельнѣ, какъ резервъ, а пятая дивизія ударила по германскому правому крылу въ районѣ Эппегхема. Въ то же самое время первая и шестая бельгійскія дивизіи начали неудержимую атаку германскаго центра въ пяти километрахъ къ югу отъ Мешельна, смяли германскія линіи защитниковъ и съ налета захватили Земпстъ, Вэрде и Хоффтаде.

И не успѣли германскіе командиры очнуться отъ двухъ неожиданныхъ ударовъ, какъ съ лѣваго фланга ихъ появилась вторая бельгійская дивизія, двинувшаяся вдоль лувенскаго шоссе.

Германцы были поражены. Такого удара они не ожидали. Сѣрые полки дрогнули, стали отступать. Вынесшаяся изъ-за бельгійской пѣхоты спрятанная въ Мешельнѣ кавалерія обратила начавшееся отступленіе германцевъ въ бѣгство. На разгоряченныхъ коняхъ ворвались бельгійскіе всадники въ Хэхтъ, пронеслись по улицамъ его и достигли чуть ли не пригородовъ Лувена.

Бельгійское командованіе само не разсчитывало на столь быстрый успѣхъ. Большая площадь отбитой отъ германцевъ территоріи требовала новой организаціи подвоза снарядовъ и доставки продовольствія и пополненій. Необходимо было немедленно остановиться, чтобы не потерять связь съ тыломъ и отдѣльными, маршировавшими на отлетѣ, полками.

Остановка оказалась на сей разъ роковой: во первыхъ германцы быстро пришли въ себя, затребовали резервы и начали дѣятельно готовиться къ контръ-атакѣ, — недобитая армія быстро возстанавливаетъ свои силы, — а во вторыхъ, — лувенцы, услышавъ залпы артиллеріи и ружейную трескотню, подумали, что близокъ часъ, когда ихъ собратья ворвутся въ городъ. Въ Лувенѣ вспыхнуло возстаніе.

Плохо вооруженные и разрозненные горожане яростно бросились на слабый германскій гарнизонъ. Первая радость успѣха быстро потухла. Расположенные вокругъ города германскія войска двинулись къ центру и потопили возстаніе въ крови...

Тѣмъ временемъ германское командованіе начало контръ - наступленіе. Лѣвое крыло бельгійцевъ оказалось прижатымъ къ каналу Лувенъ-Мешельнъ, центръ бельгійцевъ, вслѣдствіе неподготовленныхъ маневровъ, смѣшался, а правое крыло оказалось отброшеннымъ къ Гримбергхену и Вильвроде. Появились признаки двойного окруженія, развиваемаго германцами въ обѣ стороны отъ Вильвроде.

СИМПТОМЫ ПОЗИЦІОННОЙ ВОЙНЫ.

Когда разрозненные остатки корпуса англичанъ достигли Компьеня, всадники фонъ деръ Марвица уже рыскали въ долинѣ между Соммой и Уазой. Авангарды Клука не давали покоя Френчу, шли за нимъ по пятамъ, а ядро германской первой арміи тѣмъ временемъ грозило раздавить французскія дивизіи, прикрывавшія англійскіе корпуса.

Поэтому генералъ д'Амадъ, тотъ самый, на кого наклеветалъ «господинъ изъ Лилля», оторвался отъ Френча и пошелъ на соединеніе съ Монури, части котораго накапливались у Амьена. Драться, вѣдь, противъ цѣлой арміи, имѣя всего двѣ дивизіи, было бы безуміемъ!

Первые эшелоны арміи Монури уже были на мѣстѣ сбора и стояли въ полной боевой готовности, ожидая прибытія дополнительныхъ войскъ. VII-ой корпусъ, собранный генераломъ въ мощный кулакъ, могъ выступить въ любой моментъ, когда изъ Витри ле Франсуа прибыла спѣшная телеграмма:

«Нашъ сѣверный флангъ въ опасности. Примите рѣшительныя мѣры и помѣшайте Клуку двигаться съ подобной быстротой.»

Генералъ Монури мѣры принялъ. Рѣшительный и отважный, онъ не сталъ дожидаться подкрѣпленій и отдалъ VII корпусу приказъ во что бы то ни стало, преградить путь первой германской арміи.

— Вы ударите Клуку во флангъ, — приказалъ Монури корпусному командиру. — Германцы, даже если и отгонятъ васъ, должны будутъ оторваться отъ авангарда, бросить противъ васъ находящіяся въ наступленіи части, и авангардъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ, остановится. Тѣмъ временемъ, пока вы будете вести безнадежный бой, Клукъ не сможетъ двинуться съ мѣста.

— Понимаю, монъ женераль.

И VII-ой корпусъ двинулся. Какъ ощетинившаяся штыками человѣческая засѣка, остановился онъ на пути пыльныхъ, подбитыхъ гвоздями, германскихъ сапогъ, разлился къ сѣверу, показалъ, что длинноствольные лебели могутъ трещать и въ тылу непобѣдимой пѣхоты кайзера!

Маневръ закончился въ самый послѣдній моментъ. Германскіе самокатчики и кавалеристы Рихтгофена уже добрались до предмѣстій Лилля.

а французскія территоріальныя войска, — по нашему понятію ополченіе, — были настолько скверно вооружены, что командиръ ихъ, генералъ Персэнъ, даже и думать не могъ объ организаціи сколько нибудь серьезнаго сопротивленія. При первой же попыткѣ атаковать, его бородачи были разсѣяны германской армейской кавалеріей. Въ день 27 августа, на сѣверномъ отрѣзкѣ западнаго фронта судьба попрежнему была благосклонна къ германцамъ.

Иначе обстояло дѣло на югѣ.

Тамъ VI и VII германскія арміи увязли между Нанси и Сенъ Діэ. Надежды на прорывъ въ районѣ Шарма оказались миражемъ. Кастельно и Дюбайль въѣлись въ землю, а гарнизонъ Нанси только теперь во всей своей силѣ показалъ свои острые зубы. Баварцы шестой арміи, выгнувшись дугой, напрасно бросались своимъ центромъ на охватывающій ихъ фронтъ противника, упиравшагося на Туль и Эпиналь. Напрасно стремились они сбросить Кастельно въ Мозель, овладѣть переправой подъ Шармомъ! Ихъ правое крыло было пригвождено къ мѣсту, а лѣвое безуспѣшно пыталось пробиться къ Сенъ Діэ.

Клинъ нѣмцевъ въ центрѣ этого фронта непрестанно билъ, какъ таранъ, но французы съ неменьшимъ упорствомъ всякій разъ возстанавливали положеніе.

Больше того!

Инициатива постепенно начала переходить въ руки Кастельно и Дюбайля. Оба генерала все сильнѣе нажимали на германскіе фланги, стремясь сдвинуть ихъ съ мѣста и прижать одинъ къ другому. Былъ моментъ когда казалось, что германскій клинъ будетъ отрѣзанъ отъ тыла, лишенъ снабженія и уничтоженъ.

Въ ураганѣ желѣза и пламени, между Маасомъ и Мозелемъ, впервые обозначились признаки позиціонной войны. Арміи оказались прикованными къ окопамъ, на которые и днемъ, и ночью не прекращались атаки. Подъ Люневилемъ, тамъ, гдѣ армія Дюбайля смыкалась съ арміей Кастельно, баварцы особенно упорно старались прорваться. Цѣной ужасныхъ жертвъ имъ удалось захватить лѣсъ Фрискати, въ которомъ они, совершенно измученные, зарылись въ землю, надѣясь тамъ отдохнуть и набраться свѣжихъ силъ. Ихъ правое крыло пошло сапой на все возвышающуюся мѣстность, на отроги Монтъ Куроннэ, сильно укрѣпленные въ годы мира. Имъ удалось подойти вплотную къ окопамъ французовъ, но тутъ лопаты наткнулись на бетонъ и сталь бронированныхъ куполовъ пулеметныхъ гнѣздъ.

Позиціи Монтъ Куроннэ оказались неприступными. Нѣмецкіе окопы опутались непролазной колючей проволокой. Двѣ арміи уперлись въ тупикъ, наступленіе пріостановилось.

Та же участь постигла и наступленіе Херингена. Напрягая всю силу, нѣмцы вскарабкались до гребня Вогезъ, сверхчеловѣческими усиліями сбили съ него французовъ ,оттѣснили ихъ на лѣвый берегъ Мортани и ушли въ землю по другую сторону воднаго потока. Единственное, чего имъ удалось добиться въ день 27 августа, это — занять послѣ кровопролитнаго боя Сенъ-Діэ.

Четыре арміи остановились другъ противъ друга. Истощенныя непрерывными атаками, онѣ едва дышали, блуждающими глазами отыскивая въ линіи фронта уязвимое мѣсто. Время отъ времени изъ окоповъ вырывалась кучка атакующихъ, пыталась прорвать тотъ или иной участокъ, но на-

дала, скошенная пулеметнымъ огнемъ. Нѣкоторыя же увязали въ проволокѣ или откатывались назадъ, оставляя за собой трупы атакующихъ солдатъ.

Обозначились новые штрихи войны, долженствующіе впослѣдствіи стать основными линіями ея: перевѣсъ техники надъ живой силой. — Лучше всего свидѣтельствуетъ объ этомъ вспомогательный фортъ Манувійеръ. Защита Люневиля съ востока, послѣдній барьеръ на пути къ Аврикуру.

Влекомыя пыхтящими тракторами, оставляющіе въ землѣ глубокіе отпечатки лапчатыхъ колесъ, къ нему подползли тяжелыя 42-хъ сантиметровыя гаубицы Круппа. На разстояніи въ 13 километровъ стали онѣ на позиціи. Огромныя жерла поднялись къ небу.

— Feuer!

158 выстрѣловъ. Только 158 выстрѣловъ, и форта Манувійеръ не стало. Его казематы оказались пронзенными, какъ иглой, бастіоны сравненными съ землей, бронированныя, вращающіяся башни вывернутыми съ корнемъ. Фортъ превратился въ хаосъ обломковъ и развороченнаго кирпича.

Трехметровыя бетонныя перекрытія лопались, какъ яичная скорлупа. Тридцатисантиметровая броня свернулась какъ картонъ. Нѣмцы не хотѣли вѣрить, что въ дымящихся развалинахъ можетъ уцѣлѣть жизнь и переисполнились уваженіемъ къ защитникамъ, когда навстрѣчу штурмующимъ поднялись полуобгорѣлыя фигуры французовъ. Дымъ и пламя дѣлали всякое существованіе въ разбитомъ фортѣ невозможнымъ, но тѣмъ не менѣе изъ какихъ то невѣроятныхъ закоулковъ на первыхъ оккупантовъ форта летѣли пули, изъ подъ нависшихъ, обрушившихся потолковъ гремѣли рѣдкіе уцѣлѣвшіе пулеметы.

Мало плѣнныхъ увели въ этотъ день германскіе солдаты. Фортъ палъ, но съ нимъ пали и его защитники. . .

РАЗЪЯРЕННЫЙ «ТИГРЪ», МИЛЬЕРАНЪ И ЖОФФРЪ.

Въ утро 27 августа президенту Пуанкарэ пришлось пережить нѣсколько непріятныхъ часовъ. Въ его кабинетѣ стоитъ Клемансо, который еще ночью узналъ о составленіи новаго кабинета.

Безъ него!

Даже не пригласили для совѣщанія!

— Вы снова создали кабинетъ изъ нулей, господинъ президентъ! — говоритъ онъ. — Вы привлекли къ сотрудничеству такихъ лицъ, при наличіи которыхъ вы сможете управлять такъ, какъ вамъ заблагоразсудится. Вы жертвуете судьбой Франціи во имя интересовъ самолюбія!

Пуанкарэ, который такъ же, какъ и Клемансо, до сихъ поръ сдерживалъ свои чувства, вскакиваетъ и бросаетъ своему собесѣднику въ лицо:

— Это ложь!

Клемансо саркастически парируетъ:

— Противъ того, кто говоритъ о лжи, не трудно повернуть это слово.

И Тигръ разражается бранью.

Позже, въ своихъ воспоминаніяхъ Пуанкарэ пишетъ:

. . . Я смотрѣлъ, остолбенѣвъ и пораженный, на бѣснующагося старика, который освобождался отъ обуревавшихъ его чувствъ тѣмъ, что изливалъ на меня потокъ оскорбленій. Я позволилъ ему говорить дальше, не отвѣчая, однако, ни однимъ словомъ. Взрывъ его злобы продолжался

даже тогда, когда онъ рѣшилъ, наконецъ, покинуть меня. Уходя онъ повторилъ, что я, вмѣстѣ съ правящими соціалистами, толкаю Францію въ пропасть. На прощаніе онъ крикнулъ:

— Я радъ, что могу уйти!

Видя, что возмущеніе Клемансо достигло самой высшей точки, я отвѣтилъ:

— Вы, въ полномъ смыслѣ этого слова, сумасбродны!

Чѣмъ больше я теперь думаю, тѣмъ больше прихожу къ выводу, что до тѣхъ поръ, пока побѣда была возможна, Клемансо былъ въ состояніи все испортить.»

Какъ ошибался Пуанкарэ!.. Четыре года спустя Клемансо поставилъ Германію на колѣни.

*

Тѣни, которыя падаютъ съ фронта на школьный домикъ въ Витри ле Франсуа, сегодня чернѣе, чѣмъ обыкновенно. Скверныя извѣстія обгоняютъ одно другое.

Французскія войска не смогли оторваться отъ непріятеля, несмотря на то, что для отступленія былъ приказанъ самый быстрый темпъ. Значительные трофеи и много плѣнныхъ попало въ руки нѣмцевъ.

Поэтому, чтобы хоть немного затормозить отступленіе, которое, въ сущности, можно было назвать бѣгствомъ, Жоффръ отдалъ генералу Ланрезаку приказъ не только остановиться, но и атаковать. Этимъ маневромъ Жоффръ надѣялся, хотя бы на нѣсколько дней, облегчить положеніе фронта.

Когда офицеръ связи, полковникъ Александръ, передалъ этотъ приказъ, начальникъ штаба Ланрезака разсмѣялся:

— Что за глупости творите вы тамъ? Я должен ъ наступать съ такими войсками? Чепуха.

На общей картѣ флажки, обозначавшіе продвиженіе арміи Клука, приближались все больше къ Парижу, и, несмотря на приказъ 25 августа, было трудно предусмотрѣть когда отступленіе французовъ пріостановится. Къ этому печальному обстоятельству прибавлялось еще и то, что англичане, вѣрнѣе ихъ армія, подъ командой Френча, дѣйствовали, руководствуясь традиціоннымъ принципомъ safety first.

Френчъ, гордый британскій маршалъ, кавалерійскій генералъ бурской войны, имѣлъ заданіе прикрывать лѣвый флангъ французской арміи. Онъ, однако ,и не думалъ исполнять приказы, посылаемые Жоффромъ, и направлялся со своей арміей туда, куда ему казалось благоразумнымъ. При этомъ онъ вовсе не заботился о томъ, защищенъ ли флангъ французовъ, послѣдуетъ ли прорывъ и вслѣдъ за нимъ окруженіе французскаго крыла. Онъ заботился только о благополучіи своей арміи.

Гонимый отчаяніемъ, Жоффръ лично отправился въ ставку англійскаго главнокомандующаго, прося его не дѣйствовать самостоятельно и указывая на смыслъ отдаваемыхъ имъ, Жоффромъ, приказаній. Къ своему еще большему отчаянію Жоффръ узнаетъ, что Френчъ не только не исполняетъ его приказы, но даже не читаетъ ихъ!

Днемъ 27 августа прибыло извѣстіе, которое грозило лишить Жоффра послѣдней надежды остановить отступленіе арміи. Это извѣстіе прибыло въ тотъ моментъ, когда въ кабинетѣ Жоффра въ Витри ле Франсуа сидѣлъ новый военный министръ Мильеранъ.

*

Мильеранъ обязанъ своей карьерой только самому себѣ. Еще ра-

ботая въ конторѣ адвоката, онъ пришелъ къ заключенію, что въ средѣ буржуазныхъ политическихъ партій ему нельзя ожидать большого успѣха. Зато соціалистическое рабочее движеніе, которое тогда какъ разъ вступило на путь политики массъ, сразу увлекло его. Онъ всецѣло и съ пыломъ отдался этому движенію.

Оказалось, однако, что и въ средѣ соціалистовъ надо быть величиной, чтобы выдвинуться. Мильерану помогъ случай.

Въ 1890 году въ Парижѣ былъ арестованъ рядъ русскихъ политическихъ эмигрантовъ. У нѣкоторыхъ нашли бомбы. Мильеранъ принялъ на себя защиту обвиняемыхъ, которая ему блестяще удалась. Молодой адвокатъ сумѣлъ доказать фактъ провокаціи, защитительная рѣчь стала злобой дня. Послѣ этого успѣха карьера его оказалась обезпеченной, какъ въ обществѣ, такъ и въ партіи.

Но Мильеранъ не остался вѣрнымъ своимъ политическимъ идеаламъ на всю жизнь. Въ описываемый нами моментъ, когда онъ готовился принять военное министерство и этимъ достигнуть зенита своей славы, мы видимъ его порвавшимъ съ соціалистами, въ которыхъ онъ разочаровался.

Мильеранъ — человѣкъ, знающій и предвидящій многое, человѣкъ безукоризненно честный и гибкій. Знаетъ онъ, между прочимъ, и то, что на бренной землѣ благополучіе можно строить только опираясь на сильную власть. Ставка его была поэтому на военныхъ и, какъ показало время, эта точка зрѣнія была совершенно правильной.

Совсѣмъ другимъ характеромъ обладалъ Жоффръ, который въ настоящій моментъ стоитъ передъ Мильераномъ, протягивая руку для привѣтствія. Онъ спеціалистъ. Военный инженеръ. Большую часть своей службы провелъ въ Африкѣ. Генералъ Гальени продолжительное время былъ тамъ его командиромъ. Видвинулся Жоффръ, главнымъ образомъ, благодаря своей разсудительности и умному пессимизму.

Когда въ 1911 г. произошелъ знаменитый Агадирскій инцидентъ, прозванный «Прыжкомъ пантеры», когда Европа заволоклась призракомъ возможной войны, тогдашній министръ-президентъ Франціи Кайо пригласилъ Жоффра къ себѣ, чтобы узнать, какіе шансы имѣетъ Франція въ случаѣ войны съ Германіей.

Кайо сказалъ:

— Генералъ, утверждаютъ, что Наполеонъ только тогда начиналъ войну, когда былъ убѣжденъ, что по крайней мѣрѣ 70 процентовъ шансовъ обѣщаютъ побѣду. Можемъ ли мы, въ случаѣ военнаго столкновенія съ Германіей разсчитывать на эти 70 процентовъ?

«Я почувствовалъ замѣшательство, — разсказываетъ позже Жоффръ, — и послѣ нѣкотораго размышленія отвѣтилъ:

— Нѣтъ, г-нъ президентъ, я не думаю, чтобы мы эти шансы имѣли.

— Ну-съ, — заключилъ Кайо, — въ такомъ случаѣ мы будемъ продолжать переговоры».

Почти ту же самую фразу Жоффру пришлось услышать три года спустя, уже тогда, когда онъ стоялъ во главѣ арміи. Въ критическіе дни передъ войной, вечеромъ 24 іюля изъ среды правительства ему сказали:

— Существуетъ серьезная опасность войны съ Германіей. Можетъ ли армія рѣшиться на подобное столкновеніе?

И въ этотъ день Жоффръ отвѣтилъ безъ колебаній.

— Да.

На этотъ разъ ему казалось, что всѣ 70 процентовъ Наполеона налицо.

НАДЕЖДЫ, АНГЛИЧАНЕ И ЗАГОВОРЪ.

— Я радъ васъ видѣть, господинъ министръ, — говоритъ Жоффръ садясь, — и, понятно, самымъ добросовѣстнымъ образомъ удовлетворю вашу законную любознательность.

— Скажите, генералъ, — спрашиваетъ Мильеранъ, — Дѣйствительно ли такъ катастрофически скверно обстоятъ дѣла, какъ объ этомъ говорятъ въ Парижѣ?

— Намъ въ данный моментъ, дѣйствительно, очень трудно, но парижскіе слухи, какъ всякіе слухи, конечно, преувеличены. Тамъ, у васъ, напримѣръ, только и говорятъ, что командованіе ничего не дѣлаетъ, армія только и знаетъ, что отступаетъ, а между тѣмъ я могу вамъ со всей убѣдительностью заявить, что, по моему мнѣнію, худшее миновало. Изъ стадіи дѣйствительной паники мы вышли на путь планомѣрной войны и, надѣюсь. будущее покажетъ, что тѣ мѣры, которыя мы приняли, окажутся въ нашу пользу.

— Что же вы предприняли, конкретно говоря?

— Вотъ копія приказа отъ 25 числа, съ которымъ вы, можетъ быть, еще не успѣли ознакомиться. — Жоффръ протягиваетъ развернутую папку съ подшитыми бумагами. — Этотъ приказъ подтверждаетъ мое утвержденіе, что наши операціи стали систематическими.

Мильеранъ бѣгло просматриваетъ приказъ и съ легкимъ вздохомъ откладываетъ папку въ сторону.

— Я желалъ бы, чтобъ ваши расчеты оправдались, генералъ, — говоритъ онъ, — но этотъ приказъ, увы, пока только теорія. Событія на фронтѣ могутъ опять все перевернуть.

— Я этого не отрицаю, господинъ министръ, но фактъ налицо: каждая армія, каждый полкъ теперь знаетъ, къ чему онъ долженъ стремиться и что, отступая, онъ исполняетъ задуманный маневръ верховнаго командованія. Это уже очень много значитъ для морали войскъ. Затѣмъ, если вы желаете не теоріи, а практики, то я могу вамъ сказать, что время, потраченное на первый періодъ отступленія, все-таки не ушло безполезно. Потери, понесенныя частями, были пополнены. Произведена частичная перегруппировка боевыхъ силъ, какъ, напримѣръ, переброска войскъ съ нашего праваго крыла на лѣвое. Кавалерійская связь между арміями значительно усилена, и такъ далѣе.

Мильеранъ:

— Я не хочу входить въ обсужденія принятыхъ вами мѣръ, генералъ, но желалъ бы указать на то, что постоянное отступленіе полно опасностей. Я указываю въ данномъ случаѣ на нервность гражданскаго населенія. Кромѣ того мы отдаемъ непріятелю все новыя и новыя территоріи, которыя, по ироніи судьбы, являются самыми богатыми и плодородными провинціями Франціи. Затѣмъ мы знаемъ, что на этихъ территоріяхъ разыгрывается совершенно та же трагедія, что и на территоріи оккупированной нѣмцами Бельгіи, которые, — это общеизвѣстно, — не щадятъ ни имущества, ни жизни гражданъ. Мнѣ кажется, что нѣмцы сознательно стараются придать войнѣ невыносимый и ужасный для гражданскаго населенія характеръ. Это дѣлается изъ желанія быстро и рѣшительно покончить съ войной вообще. Но это второстепенныя соображенія. Главное же, что меня озабочиваетъ, это то, что Парижъ, столица и сердце Франціи, можетъ оказаться вскорѣ въ зонѣ военныхъ операцій.

Жоффръ киваетъ.

— Къ вашимъ словамъ, г-нъ министръ, я могу прибавить больше: извѣстно, что Франція обладаетъ несравненными военными традиціями. Общепризнанъ также фактъ, что французскій солдатъ, являющійся буквально ремесленникомъ побѣдъ, (Жоффръ улыбается), не имѣетъ себѣ равнаго, какъ въ смыслѣ развитія, такъ и въ храбрости и въ энергіи. Наравнѣ съ этимъ часто приходится слышать, что французскому солдату не хватаетъ выдержки и терпѣнія, и что онъ врядъ ли можетъ выносить безъ увиливаній угнетающія, ослабляющія и, по внѣшней видимости, безнадежныя, продолжительныя отступленія. Вотъ почему у васъ въ Парижѣ люди боятся, что армія, потрясенная въ самомъ началѣ неудачами, развалится раньше, чѣмъ достигнетъ береговъ Сены.

— Надо полагать, что на это дѣлается и главная ставка нѣмцевъ?

Жоффръ:

— Мнѣ кажется. Но я знаю солдатъ, какъ отецъ знаетъ своихъ любимыхъ сыновей, и преисполненъ вѣры въ нихъ. Въ то время, какъ мы методически осуществляемъ свой планъ, Мольтке, дѣлающій одну изъ ставокъ на слабость французскаго солдата, готовитъ себѣ пораженіе.

— Вы оптимистъ, генералъ, а когда-то слыли человѣкомъ противоположныхъ качествъ!

— Тогда я не былъ командующимъ арміями Франціи. Всякій главнокомандующій долженъ быть оптимистомъ, иначе онъ погибъ. Но если васъ не удовлетворяетъ мое утвержденіе относительно Мольтке, я могу прибавить слѣдующее: нѣмцы достигли большихъ успѣховъ на западномъ фронтѣ, но въ восточной Пруссіи они получили столь жестокій ударъ, что ихъ «Оберкомандо Ахтъ» рѣшило спѣшно эвакуировать всѣ территоріи восточнѣе Вислы! Побѣды русскихъ объясняются тѣмъ, что ихъ армія мобилизовалась скорѣе, чѣмъ нѣмецкая. Мнѣ извѣстно, между прочимъ, что Мольтке ужасно взволнованъ событіями на восточномъ фронтѣ и хочетъ сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы не позволить казакамъ добраться до самой колыбели прусской монархіи. Повѣрьте, господинъ министръ, у Мольтке такія же заботы, какъ и у насъ. Берлинское населеніе волнуется и сплетничаетъ не меньше, чѣмъ парижское.

Мильеранъ въ первый разъ за всю бесѣду улыбается тоже и спрашиваетъ:

— Правда ли, что нѣмцы перевозятъ уже на русскій фронтъ войска, снятыя съ нашего?

Жоффръ:

— Да. Два дня тому назадъ они отобрали корпусъ отъ Бюлова и одинъ отъ третьей арміи Хаузена. Ихъ армія теперь вообще не такъ сильна, какъ въ началѣ наступленія. Сопротивляющіеся бельгійцы притягиваютъ къ себѣ два корпуса, а полтора корпуса заняты осадой Мобежа. Въ то время, какъ я усиливаю свой лѣвый флангъ и создаю тамъ цѣлую новую армію подъ командой Монури, нѣмцы снимаютъ войска со своего праваго крыла цѣлыми корпусами!

— Что же, по вашему мнѣнію, заставляетъ нѣмцевъ быть такими легкомысленными, генералъ?

— Видите ли, 26 августа, днемъ позже послѣ отправки на русскій фронтъ двухъ корпусовъ, они нанесли англичанамъ ужасный ударъ подъ Ле Като. Это обстоятельство, повидимому, дало Мольтке абсолютную увѣренность въ побѣдѣ. Насколько мнѣ извѣстно, сегодня онъ отдаетъ приказъ, организующій тріумфальный маршъ нѣмцевъ на Парижъ!

Мильеранъ чувствуетъ, что вмѣстѣ со словами Жоффра въ его душу закрадывается чувство надежды и увѣренности въ успѣхѣ. Онъ съ облегченіемъ вздыхаетъ и закуриваетъ коротенькую сигару, но его хорошее самочувствіе кратковременно.

Начальникъ штаба передаетъ Жоффру телеграфную ленту. Жоффръ пробѣгаетъ лиловыя буквы юза и, сжавъ губы, передаетъ ленту Мильерану,

— Вотъ что доставляетъ мнѣ дѣйствительныя заботы! — съ горечью говоритъ онъ.

Мильеранъ внимательно прочитываетъ телеграмму и видитъ, что маршалъ Френчъ вовсе не намѣренъ слушаться приказа Жоффра, задержаться на линіи Амьенъ - Ла - Фэръ и тамъ окопаться, а отходитъ дальше, въ направленіи Нсйона. Въ телеграммѣ значится также, что англичане предприняли подобное отступленіе потому, что на подступахъ къ Пероннъ появилась германская кавалерія...

— Это ужасно, — скрушенно замѣчаетъ Бертело, начальникъ штаба, указывая на карту.

Жоффръ проситъ Мильерапа подойти къ стѣнѣ и показываетъ: Пероннъ находится на огромномъ разстояніи отъ Ама.

— Трудно, — говоритъ Жоффръ, — работать съ арміей, которая отказывается исполнять приказы и отступаетъ, едва только на горизонтѣ показывается непріятель...

Бертело открываетъ дверь и зоветъ ординарца.

— Попробуйте получить соединеніе съ Перонномъ, — приказываетъ онъ и, обращаясь къ Мильерану, прибавляетъ. — Сейчасъ мы узнаемъ, занятъ ли Пероннъ нѣмцами.

Мильеранъ садится у одного изъ столовъ, а Жоффръ ходитъ по комнатѣ, какъ раздраженный левъ. Бертело тихимъ голосомъ, словно боясь помѣшать мыслямъ главнокомандующаго, посвящаетъ Мильерана въ то, что ему вѣдать надлежитъ на посту военнаго министра.

На столѣ Жоффра гудитъ телефонный вызовъ. Быстро повернувшись, главнокомандующій беретъ трубку самъ.

— Что? Пероннъ? Мэрія? Позовите мэра.

Жоффръ передаетъ трубку Бертело и, горько улыбаясь, обращается къ Мильерану.

— Вотъ вамъ и нѣмцы въ Пероннѣ, господинъ министръ!!!

Мильеранъ пораженъ. Нѣмцевъ въ Пероннѣ нѣтъ, а Френчъ, — союзникъ, отступаетъ. Немного растерявшись, онъ третъ рукой подбородокъ, поглядывая то на Жоффра, то на говорящаго съ мэромъ Перонна, Бертело. Входитъ Белэнъ.

— Мосье ле министръ...

Мильеранъ пожимаетъ вошедшему генералу руку.

— Я вижу у васъ много бумагъ, генералъ. Работа?

— Да, въ этотъ часъ у насъ обычно совѣщаніе.

— Надѣюсь, я не помѣшаю?

— Наоборотъ, — вмѣшивается Жоффръ, — я очень прошу васъ остаться, мы не переговорили еще и о половинѣ того, что надо рѣшить.

Бертело кладетъ трубку и подходитъ къ столу и съ этого момента начинается часъ, который глубоко врѣзался въ воспоминанія Мильерана, — часъ, во время котораго рѣшалась судьба родины, судьба войны, побѣды или пораженія.

Три генерала, — Жоффръ, Бертело и Белэнъ, — стоятъ противъ него

по другую сторону стола. Между ними и министромъ карты, карандаши, фишки и масштабныя линейки. Жоффръ говоритъ теперь совсѣмъ другимъ тономъ, рѣзкимъ, немного непріятнымъ и непривычнымъ для вѣжливаго парламентарія. Онъ говоритъ, что необыкновенные поступки англичанъ, можетъ быть, вынудятъ его измѣнить выработанный имъ планъ, что его намѣреніе было и остается задержаться, по крайней мѣрѣ, на Марнѣ, если поведеніе англичанъ не позволитъ удержаться на предусмотрѣнной линіи Амьенъ — Ла Феръ — Реймсъ. Нѣмцы появились не съ востока, а, описавъ большую дугу, съ сѣвера, и поэтому рѣшительный бой былъ бы выгоднѣе всего на Марнѣ. Тамъ и мѣстность подходящая и рѣка обладаетъ такими берегами и теченіемъ, которые, несомнѣнно, затруднятъ нѣмцамъ переправу. Однако, въ такомъ случаѣ большимъ неудобствомъ является — Парижъ! Конечно, верховное командованіе попытается произвести искусное вмѣшательство, сконцентрируетъ сѣвернѣе Парижа сильныя группы войскъ и постарается смять правое крыло нѣмцевъ, но удастся ли этотъ маневръ и, самое главное, удастся ли поднять духъ войскъ на высоту, необходимую для успѣшнаго наступленія, — вотъ вопросъ, который всецѣло зависитъ отъ каприза судьбы.

Мильеранъ слушаетъ съ большимъ вниманіемъ и рискуетъ осторожнымъ вопросомъ:

— Скажите, генералъ, а нельзя ли было бы произвести атаку на нѣмцевъ, исходя изъ нынѣшнихъ позицій?

— Конечно, — г-нъ министръ. Приказы даже уже отданы, — заявляетъ Бертело. — Армія Ланрезака, которая находится между Ла Феромъ и Реймсомъ, должна произвести сильный ударъ, но эта атака будетъ фронтовой, — я хотѣлъ бы выразиться — примитивной. Сомнѣваюсь, будетъ ли она удачной, но мы этимъ маневромъ надѣемся облегчить остальнымъ арміямъ отступленіе.

Жоффръ дѣлаетъ паузу и, послѣ минутнаго колебанія, продолжаетъ:

— Надо быть откровеннымъ. Я долженъ предупредить васъ, г-нъ министръ: у меня очень большія сомнѣнія, удастся ли вообще задержаться на Марнѣ. Въ такомъ случаѣ рѣшительный бой разыграется на plateau neotral, къ юго-востоку отъ Парижа.

Мильеранъ:

— Это было бы ужасно.

Жоффръ:

— Да, но у насъ имѣется еще одна надежда.

— Какая?

— Русскіе наступаютъ очень быстро. Если Мольтке будетъ и дальше столь безпокоиться за судьбу Восточной Пруссіи, то ему придется и въ дальнѣйшемъ перебрасывать войска съ запада на востокъ, и тогда наступленіе на Парижъ, безусловно, должно пріостановиться.

Мильеранъ барабанитъ пальцами по столу:

— А если ваша надежда не оправдается, если бой придется дать на Центральномъ Плато, что будетъ съ Парижемъ? Съ правительствомъ Франціи?

Жоффръ невольно опускаетъ глаза и говоритъ тихо, но увѣренно:

— Правительство, во всякомъ случаѣ, не можетъ оставаться въ Парижѣ. Ни подъ какимъ видомъ. Оно должно работать въ спокойной об-

Справа:

ГЕРБЕРТЪ, ЛОРДЪ КИТЧЕНЕРЪ ОФЪ КАРТУМЪ.
(1850—1916).

Военный министръ Англіи во время первыхъ лѣтъ войны. Китченеръ мобилизовалъ промышленность, наладилъ вербовку добровольцевъ и принималъ дѣятельное участіе въ разрѣшеніи различныхъ политическихъ конфликтовъ. Приглашенный въ 1916 году въ Петербургъ, лордъ Китченеръ выѣхалъ на крейсерѣ «Гемпшайръ» съ цѣлью координировать дѣйствія русской арміи съ англо - французской и наладить снабженіе русской арміи иностраннымъ оружіемъ. Будучи подкарауленъ германской подводной лодкой крейсеръ «Гемпшайръ» былъ торпедированъ и потопленъ у Оркнейскихъ острововъ. Лордъ Китченеръ отказался покинуть погружающееся судно и погибъ вмѣстѣ съ экипажемъ военнаго корабля.

Слѣва:

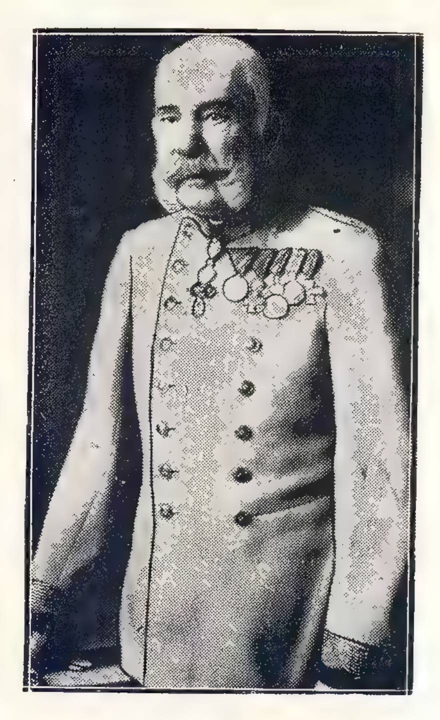
ГЕНЕРАЛЪ ГАЛЬЕНИ.

Военный губернаторъ Парижа. Съ того момента, какъ французское правительство покинуло столицу Франціи и переѣхало въ Бордо, вся исполнительная власть перешла къ генералу Гальени, который одновременно вѣдалъ также всѣми операціями арміи Монури, оставленной Жоффромъ для защиты подступовъ къ Парижу. Въ то время, какъ армія Клука неудержимымъ потокомъ стремилась на западъ, Гальени, несмотря на отчаянное настроеніе, существовавшее въ Парижѣ послѣ отъѣзда правительства, сумѣлъ привести въ обороноспособное состояніе устарѣвшія укрѣпленія и, кромѣ того, благодаря своему организаціонному таланту, перебросить на помощь истекающей кровью арміи Монури цѣлую дивизію, воспользовавшись для этого реквизированными въ Парижѣ такси и автобусами. Этотъ маневръ Гальени вошелъ въ военную исторію, какъ въ тѣ времена непревзойденный.

Справа:

ФРАНЦЪ - ІОСИФЪ (1830—1916).

Императоръ Австро - Венгріи, благодаря своему преклонному возрасту ставшій жертвой политическихъ интригъ и въ частности давленія Германіи во время роковыхъ дней іюля 1914 г. Среди своихъ подданныхъ Францъ - Іосифъ пользовался большой любовью, какъ весьма отзывчивый человѣкъ, но какъ политикъ былъ ненавидимъ славянами, населявшими его государство. Оккупація въ 1908 году Босніи и Герцоговины, возстановила противъ него и славянъ, жившихъ за рубежомъ, въ частности Сербіи, которая считала, что эти двѣ находившіяся долгое время подъ турецкимъ игомъ провинціи, должны по праву принадлежать ей. Вопросъ объ аннексіи Босніи и Герцоговины уже тогда чуть н[illegible] вызвалъ вооруженнаго столкновенія и [illegible]ишь чрезвычайныя усилія англійской ди[illegible]іи предотвратили конфликтъ, которому, [illegible]вы, въ 1914 году суждено было разразиться въ еще большихъ формахъ.

Слѣва.

СЭРЪ ЭДВАРДЪ ГРЕЙ (1862—1933).

Позже лордъ офъ Фалладонъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи съ 1905 по 1916 г. Э. Грэй весьма способствовалъ заключенію союза между Франціей и Россіей, связавшимъ оба государства роковыми обязательствами. По окончаніи великой войны, Грэя обвиняли въ томъ, что онъ не произнесъ рѣшительнаго слова наканунѣ возникновенія вооруженнаго столкновенія между Германіей, Франціей и Россіей. Историки считаютъ, что, заяви Англія открыто, что она выступитъ противъ Германіи, кайзеръ Вильгельмъ предпочелъ бы миролюбивое разрѣшеніе австро - сербскаго конфликта. Англія, однако, въ продолженіе десяти дней хранила полное молчаніе. Она объявила войну Германіи тогда, когда непоправимое совершилось.

становкѣ, вдали отъ слуховъ и броженій населенія. Какимъ бы ни было положеніе на фронтѣ, Парижъ слишкомъ близокъ къ нему.

Мильеранъ встаетъ и начинаетъ въ задумчивости прохаживаться, заложивъ руки за спину. Гнетущая тишина воцаряется въ комнатѣ, и изъ-за оконъ ясно слышно, какъ о булыжники стучатъ сапоги рѣдко проходящихъ солдатъ и раздается гулъ моторовъ. Вернувшись къ столу, Мильеранъ начинаетъ внимательно разсматривать баночку съ тушью и крутить ее за пробку.

— Но представляете ли вы, г. г. генералы, какое ужасное и въ то же время угнетающее впечатлѣніе произведетъ на населеніе внезапный отъѣздъ правительства? — спрашиваетъ онъ, переводя взоръ съ одного генерала на другого. — Знаете ли вы, что это можетъ имѣть очень печальныя послѣдствія для всей страны?

Громкимъ голосомъ вмѣшивается Жоффръ:

— Мнимое геройство работающаго у самаго фронта правительства неумѣстно. Дѣло вашихъ политиковъ и дипломатовъ приготовить пріемлемыя объясненія отъѣзда и подготовить къ этому шагу общественное мнѣніе. Если вы согласны со мной, г-нъ министръ, что сп[illegible]ная обстановка для работы правительства лучше, то примите на с[illegible] это, признаюсь, трудное заданіе.

Мильеранъ утвердительно киваетъ и, поставивъ на мѣсто баночку съ тушью, говоритъ:

— Спорить на эту тему было бы неразумнымъ. Но для облегченія моей задачи, не могли бы вы, г-нъ главнокомандующій, дать мнѣ общія указанія для моей работы въ Парижѣ? Я хочу, чтобы между мной и вами существовала полная согласованность.

— Конечно! Во-первыхъ, я не сталъ бы говорить о томъ, что упоминалось въ этой комнатѣ, ни съ кѣмъ, кромѣ генерала Гальени. Если депутаты и населеніе узнаютъ истинную правду, они истолкуютъ ее превратно и раздуютъ и безъ того уже существующую панику. Никому ни слова, г-нъ министръ! Въ Парижѣ болтаютъ слишкомъ много, а у нѣмцевъ ужасно длинныя уши, которыми они, къ счастью, не всегда умѣло пользуются. Итакъ: Гальени, и больше никто.

Глубоко за полночь продолжается совѣщаніе трехъ генераловъ и военнаго министра. Когда Мильеранъ покидаетъ зданіе школы, онъ впервые физически чувствуетъ всю тяжесть военной обстановки. Ему хочется спать, онъ истощенъ морально и физически, но у подъѣзда ждетъ автомобиль, который долженъ унести министра съ предѣльной скоростью въ столицу.

Генералы прощаются молча. Три ладони взлетаютъ къ лакированнымъ козырькамъ подъ золотымъ галунами кэпи. Парные часовые, какъ статуи, стоятъ по бокамъ двери, вскинувъ въ салютѣ лебели, часовые, такіе странные въ своей устарѣвшей формѣ, въ добротныхъ синихъ шинеляхъ съ полами, отвернутыми надъ колѣнями красныхъ панталонъ.

Хлопаетъ дверца. Скрежещатъ рычаги скоростей.

— До свиданія, господа, и... желаю удачи!

— До свиданія и счастливаго пути, г-нъ министръ.

Часовые не знаютъ, что въ этотъ часъ закончился разговоръ, который рѣшилъ судьбу ихъ родины.

28 августа

Двѣ чашки чернаго кофе съ лимономъ, чуть-чуть платяной щетки, и Мильеранъ, осунувшійся и похудѣвшій за одну ночь, спѣшитъ къ парикмахеру.

— Побрейте меня скорѣе и освѣжите по возможности лицо.

Нѣсколькими минутами позже военный министръ опять въ автомобилѣ, который мчитъ его по улицамъ утренняго Парижа на квартиру Гальени. Тотъ уже давно всталъ и складываетъ прочитанную груду бумагъ, торопясь въ свой штабъ, помѣщавшійся въ Домѣ Инвалидовъ.

— Господинъ министръ?

— Я васъ задержу не на долго, генералъ.

И Мильеранъ сжато, но въ то же самое время не утаивая ни одного важнаго штриха, разсказываетъ все, что услышалъ отъ Жоффра. Онъ откровененъ. Гальени это чувствуетъ и цѣнитъ. Крѣпко пожимаетъ руку, прощаясь.

— А ваше мнѣніе, генералъ? — спрашиваетъ Мильеранъ. — Возможно ли будетъ воспрепятствовать врагу окружить Парижъ?

Отвѣтъ Гальени кратокъ:

— Будемъ надѣяться, г-нъ министръ, что дѣло до этого не дойдетъ. Но если бы это и случилось, то мы сумѣемъ и это перенести. Не будемъ терять вѣры въ доблесть французскаго оружія.

Короткое время спустя Мильеранъ сидитъ въ кабинетѣ Пуанкарэ. Здѣсь разговоръ столь же кратокъ, но Мильеранъ тутъ менѣе откровененъ. Его рѣчь осторожна, медленна, а слова тщательно взвѣшены.

Мильеранъ разсказываетъ:

— Жоффръ и его сотрудники Бертело и Беленъ попрежнему полны рѣшительности и на нихъ можно положиться. Вмѣсто неудачнаго плана номеръ семнадцать они создали новый, который уже приводится въ дѣйствіе: арміи отводятся назадъ, и новый фронтъ протянется отъ Вогезъ до Соммы. Обсуждается, кромѣ того, возможность загнуть лѣвое крыло къ югу. Когда настанетъ время, наступленіе будетъ возобновлено. Съ этой цѣлью къ Амьену посылаются войска, перебрасываемыя изъ Лотарингіи. Эти войска имѣютъ приказъ защищать Парижъ. Но едва только разгорится битва, они немедленно примутъ въ ней участіе. Прорыва германской кавалеріи къ Парижу въ настоящее время опасаться не приходится.

Пуанкарэ:

— А если и новый планъ Жоффра не удастся?

Мильеранъ:

— Тогда весь фронтъ будетъ оттянутъ еще болѣе назадъ, но создаваемая подъ Амьеномъ армія будетъ защищать Парижъ. Жоффръ предусмотрѣлъ всѣ возможности.

Лицо Пуанкарэ проясняется.

■

Часомъ позже, ровно въ полдень собирается совѣтъ министровъ. Всѣ члены правительства въ сборѣ и съ нетерпѣніемъ ждутъ появленія Мильерана, который, какъ уже всѣмъ извѣстно, привезъ изъ Витри ле Франсуа утѣшительныя извѣстія. Военный министръ не заставляетъ себя долго ждать и появляется въ залѣ засѣданія бодрый, слегка пахнущій духами, улыбающійся, какъ если бы онъ вовсе не ѣздилъ въ ставку и не имѣлъ позади безсонной ночи.

Вопросы обрушиваются на него градомъ. Министры еще полны скептицизма, тревоги. Какъ обстоятъ въ дѣйствительности дѣла?

Мильеранъ стоитъ посерединѣ комнаты. Онъ не перестаетъ улыбаться. Шелковымъ платкомъ протираетъ стекла пенснэ. Серебряной щеткой проводитъ по чернымъ усамъ и тронутымъ сѣдиной вискамъ. Внезапно лицо его становится серьезнымъ и онъ, чуть чуть рѣзко, говоритъ:

— Успокойтесь, господа. Никакой нависшей опасности нѣтъ. Конечно, налицо большія затрудненія, но мы съ ними справимся и, поэтому, поговоримъ обо всемъ спокойно.

День 28 августа для Мильерана сплошное напряженіе воли. Едва только заканчивается засѣданіе кабинета министровъ, какъ начинается пріемъ представителей прессы. Мильеранъ не даетъ интервью. Нѣтъ. Онъ попросту диктуетъ и предупреждаетъ журналистовъ, что за своевольное обращеніе съ его словами они будутъ отвѣчать. Официальное заявленіе, два часа спустя появляется на страницахъ всѣхъ парижскихъ газетахъ, передается по всей Франціи и вноситъ большое успокоеніе въ настроеніе массъ.

Вотъ заголовки:

«Первый день въ должности министра, — и уже ревизія ставки!»

«Военный министръ въ ставкѣ Жоффра! Детальные переговоры съ главнокомандующимъ!»

«Мильеранъ вернулся изъ ставки весьма удовлетворенный положеніемъ дѣлъ на фронтѣ!»

*

Да... Мильеранъ «вернулся удовлетвореннымъ», но генералъ Жоффръ, который ѣдетъ въ Лаонъ, въ штабъ генерала Ланрезака, не можетъ похвастаться подобными чувствами. Жоффръ переутомленъ, раздраженъ и непрерывно подгоняетъ шофера. Автомобиль подлетаетъ къ штабу, расположенному у самаго лаонскаго вокзала, какъ вихрь. Навстрѣчу главнокомандующему выходитъ Ланрезакъ, такой же сумрачный, какъ и Жоффръ, немного недружелюбный. На его армію возлагались самыя отвѣтственныя порученія. Потери колоссальны, войска истощены, нѣкоторые приказы оказались невыполнимыми.

Жоффръ требуетъ объясненій. Начальникъ штаба быстро перебрасываетъ на картѣ фишки. Едва только наступаетъ пауза, Жоффръ говоритъ:

— Генералъ, вы немедленно начнете новое наступленіе.

Онъ беретъ фишки самъ и отрывистыми словами объясняетъ, какъ представляетъ себѣ будущую операцію.

— Ваше общее направленіе будетъ, слѣдовательно, на сѣверо-западъ, имѣя цѣлью Сенъ Кантенъ, — заканчиваетъ главнокомандующій.

Ланрезакъ смотритъ на Жоффръ въ замѣшательствѣ. Начальникъ штаба потрясенъ. Обходный маневръ сопряженъ съ гигантскими утомительными маршами, а войска настолько вымотаны, что всякая послѣдующая атака представляется заранѣе обреченной на провалъ.

Жоффръ спокойно заявляетъ, что фразы «это осуществить невозможно» онъ не признаетъ. Какъ бы для успокоенія Ланрезака онъ добавляетъ:

— Англичане тоже перейдутъ въ наступленіе, такъ что вамъ придется прикрывать ихъ правый флангъ. Вы сами видите, что вашъ ударъ будетъ произведенъ не по фронту стоявшаго до сихъ поръ противъ васъ непріятеля Бюлова, а по арміи Клука, надвигающейся на Парижъ съ

сѣвера.. Ваша операція обезпечена успѣхомъ, потому что армія Монури, которая концентрируется у Амьена, тоже получила приказъ къ наступленію. Не вы, а Клукъ долженъ думать, какъ выйти изъ положенія.

Ланрезакъ колеблется:

— Но пока я буду драться съ Клукомъ, армія Бюлова ударитъ по моему флангу!

— Оставьте противъ нея слабый заслонъ.

— Слабымъ заслономъ я не остановлю цѣлой арміи. Нѣтъ, генералъ, я не представляю себѣ, какъ провести предлагаемый вами планъ.

Жоффръ блѣднѣетъ, вскакиваетъ и, вздрагивая отъ гнѣва, подходитъ къ Ланрезаку. Тотъ, взволнованный до предѣла, поднимается тоже.

— Господинъ генералъ, — кричитъ Жоффръ, — если вы не исполните моего приказа, я предамъ васъ военно-полевому суду и вы будете разстрѣляны. Я прикажу арестовать васъ!

Присутствующіе офицеры штаба невольно отступаютъ къ стѣнѣ. Два генерала стоятъ другъ передъ другомъ съ мечущими молніями взоромъ, ихъ кулаки сжаты, лица блѣдны, воли обоихъ скрещиваются, какъ стальные клинки рапиръ. Внезапно Ланрезакъ слабо брящаетъ шпорами, дѣлаетъ сухой, короткій поклонъ и громко произноситъ:

— Экселлансъ, я обращаю ваше вниманіе, что въ подобныхъ случаяхъ уставъ даетъ мнѣ право требовать отъ васъ приказа въ письменной формѣ.

Жоффръ едва слышно вздыхаетъ. Слава Богу, авторитетъ главнокомандующаго побѣдилъ.

Онъ съ готовностью диктуетъ прибывшему съ нимъ офицеру приказъ. Этотъ офицеръ, Гамеленъ, нынѣшный глава французской арміи, садится у стола и записываетъ. Жоффръ каракулей подмахиваетъ приказъ, изложенный карандашомъ на бланкѣ полевой книжки, и передаетъ его Ланрезаку. Тотъ принимаетъ бумагу съ новымъ офиціальнымъ поклономъ.

— Я отдалъ соотвѣтствующія распоряженія, генералъ, — упавшимъ голосомъ заканчиваетъ онъ свиданіе съ главнокомандующимъ.

БИТВА ПОДЪ ГИЗЪ.

Да.. Тяжелое порученіе выпало на долю Ланрезака. Послѣ отъѣзда Жоффра генералъ долгое время стоялъ, склонившись надъ картой и упершись руками о столъ, упорно смотрѣлъ на извивающуюся по бумагѣ линію Уазы.

Держаться?

Гмъ... Это, пожалуй, было бы осуществимо. Но идти впередъ?

Нѣтъ. Генералъ совершенно не представлялъ себѣ, какъ можно провести подобную операцію...

Въ безчисленный разъ его взоръ изслѣдуетъ извилины рѣки, которая течетъ къ юго-западу, описывая широкую, открытую къ югу, дугу. Онъ смотритъ на многочисленные холмы, бѣгущіе справа и слѣва, ищетъ мѣсто для подходящихъ позицій, гдѣ можно будетъ задержаться, когда германцы (а это несомнѣнно) остановятъ бѣшеную атаку его войскъ.

127 метровъ... 130... 165... 183 метра... Чѣмъ больше къ востоку отъ Гиза, тѣмъ выше становятся холмы, пріобрѣтающіе мѣстами характеръ горъ.

Генералъ беретъ толстый красный карандашъ и увѣреннымъ движеніемъ прочерчиваетъ вправо отъ Гиза два жирныхъ смыкающихся угла: Гизъ — Колонфэ — Ла Сурдъ и Ла Сурдъ — Ла Валэ — Осьонъ. Получается позиція въ видѣ двадцатикилометроваго «дубльвэ», раскрывающагося, какъ двойные клещи, въ сторону сѣверо-востока.

Такъ... На лѣвомъ берегу Уазы его армія будетъ обезпечена убѣжищемъ въ случаѣ краха операціи. Теперь — правый берегъ. Гизъ. Мосты...

Привычнымъ движеніемъ генералъ начинаетъ переставлять на картѣ разноцвѣтные флажки, образуетъ защиту предмостныхъ укрѣпленій, посылаетъ туда роты саперъ, подрывниковъ, отряды пулеметчиковъ, перебрасываетъ пѣхоту.

Четыре корпуса размѣщены. Сколько противъ нихъ непріятеля?

Ланрезакъ сносится по телефону съ генералъ-квартирмейстеромъ. Узнаетъ, что ударъ VII корпуса арміи Монури притянулъ къ себѣ два корпуса германцевъ, участвовавшихъ раньше въ операціяхъ противъ его арміи. Силы, слѣдовательно, равны. Четыре корпуса Бюлова противъ его четырехъ.

Чортъ возьми! Жоффръ все-таки, значитъ, правъ! Наступать оказывается возможнымъ, но только не на Клука, а на Бюлова!

Ланрезакъ вызываетъ къ себѣ начальника оперативнаго отдѣла, сносится съ командирами корпусовъ, дополняетъ радіограммами уже отданные приказы.

Въ штабѣ начинается оживленіе. Въ рабочей комнатѣ Ланрезака полно офицеровъ, ординарцевъ, телефонистовъ. Все новыя и новыя линіи проводовъ протягиваются къ его столу, все больше аппаратовъ начинаютъ тревожно гудѣть, призывая вниманіе командующаго арміи.

Поступаютъ свѣжія свѣдѣнія съ фронта. Небольшой бой у Комбль, начатый VII корпусомъ Монури, развился постепенно въ большое сраженіе. Германцы концентрируютъ у Комбль крупныя силы. Фланги первой и второй германскихъ армій сомкнулись. Полки Бюлова дерутся бокъ о бокъ съ солдатами Клука.

Клукъ... Опять Клукъ!... Онъ стоитъ преградой, непоколебимой линіей запирая проходъ между Бопомомъ и Перонnъ; его фронтъ проходитъ подъ угломъ въ 120 градусовъ по отношенію къ арміи Бюлова, растянувшейся пятидесятикилометровой линіей сѣвернѣе Гизъ, съ запада на востокъ.

Уголъ въ 120 градусовъ...

Почему не имѣетъ онъ вершины? Почему IX корпусъ Клука дерется на отлетѣ? Почему между Перонномъ и Сенъ Кантеномъ нѣтъ германскихъ войскъ? Развѣ они не боятся прорыва, въ который могутъ устремиться англичане?

Свѣжія свѣдѣнія изъ Перонна объясняютъ: да, Бюловъ и Клукъ не боятся. Англичане поспѣшно отступаютъ къ югу на Амъ, и IV-го корпуса Клука совершенно достаточно, чтобы не позволить Френчу остановиться и передохнуть.

Скверно... На помощь англичанъ надѣяться нельзя. Лѣвый флангъ Ланрезака, такимъ образомъ, открытъ.

А правый?

Sacre Dieu! Тамъ еще хуже. Тамъ разрывъ между его арміей и

арміей де Лангля достигъ такой величины, что могъ бы вмѣстить цѣлый корпусъ.

Связь съ Ланглемъ?

Ея нѣтъ...

Ланрезакъ беретъ трубку телефона прямого сообщенія.

— Витри ле Франсуа? Прошу къ аппарату главнокомандующаго.

Нервно и поспѣшно Ланрезакъ докладываетъ о своихъ опасеніяхъ относительно состоянія праваго фланга его арміи. Жоффръ даетъ успокоительное обѣщаніе выдѣлить особую боевую группу и заткнуть ею зіяющую дыру. Но поспѣютъ ли эти части во время?

Въ то же время съ центральнаго участка фронта, изъ Гиза, поступила тревожная телеграмма: «Бюловъ перешелъ въ наступленіе. На правомъ флангѣ его четырехъ корпусовъ движется IX корпусъ Клука: На лѣвомъ — прусская гвардія.»

Ланрезакъ бросаетъ короткій приказъ:

— Впередъ!

И обѣ арміи сталкиваются. На правомъ берегу Уазы закипаетъ ожесточенный бой за обладаніе Гизомъ. Тяжелая французская артиллерія, установленная на лѣвомъ берегу рѣки, посылаетъ на германскія цѣпи ливень гранатъ, а полевыя орудія сметаютъ цѣлыя германскія роты шрапнелью. На 50 километровъ вдоль Уазы воздухъ дрожитъ отъ гула орудій и треска десятковъ тысячъ винтовокъ.

Но полки Бюлова, какъ огромныя клещи, спускаются на обреченный городъ. Справа и слѣва отъ Гизъ они ведутъ отчаянныя атаки, стремясь вогнуть фланги Ланрезака и пытаясь, во что бы то ни стало, окружить его армію, пока та не перешла Уазы, отрѣзавъ ее отъ переправъ, уничтожить, разбить, забрать въ плѣнъ.

Напрасно! Ланрезакъ защищается съ искусствомъ. Его главный ударъ направленъ на лѣвый флангъ противника, на его лучшія части и его надежду — гвардію. Маленькіе, юркіе солдаты въ синихъ капотахъ, наносятъ стойкимъ прусскимъ гигантамъ ударъ за ударомъ, упорно бьютъ французы во фронтъ короткими, отрывистыми атаками, сбиваютъ гвардейцевъ съ позицій, тѣснятъ ихъ...

Первая фаза битвы подъ Гизъ была благопріятна для Ланрезака. Его солдаты не только остановили смыкающееся движеніе клещей Бюлова, но оттѣснили его гвардейцевъ, и казалось, что еще немного, и Бюловъ окончательно остановится передъ непреодолимой преградой. Особенно отличились въ бояхъ противъ гвардіи I и III французскіе корпуса, такъ сильно пострадавшіе въ бояхъ подъ Шарлеруа и Форсеномъ.

Увы, успѣхъ былъ временнымъ. Въ гулъ французской артиллеріи влила свой голосъ артиллерія германская. Подоспѣвъ на помощь изнемогающей пѣхотѣ, она успѣла стать на позиціи и, задравъ жерла до предѣла, дотянулась снарядами до французскихъ батарей. Началась артиллерійская дуэль, которая облегчила положеніе германской пѣхоты. Въ полдень отъ Бироифосса оторвались густыя цѣпи прусской гвардіи, которая перешла въ стремительную контръ-аттаку. Французы, отчаянно защищались, цѣпляясь за каждый холмъ, за каждую кочку, но гвардейцы катились, какъ неудержимый валъ, методически сбивали съ позиціи французскія части, и въ полдень они пробились къ берегамъ Уазы. Съ наступленіемъ темноты гвардейцы перешли ее. Битва подъ Гизъ перенеслась на подготовленную Лан-

резакомъ позицію «дубльвэ» — Гизъ — Колонфэ — Ла Сурдъ — Ла Валэ — Осьонъ. . . .

КАПИТУЛЯЦІЯ ФОРТОВЪ.

Кровавымъ былъ день 28 августа.

Бои шли почти по всему западному фронту. Армія Лангля, сбитая со своихъ позицій, стремилась выиграть время, чтобы обезпечить переправу черезъ Маасъ и во время взорвать мосты. Съ этой цѣлью въ пограничныхъ лѣсахъ и въ долинѣ, простирающейся отъ Стенэ до Шарлевилля, она оказывала упорное сопротивленіе, и ея артиллерія, ставшая на позицію вдоль лѣваго берега Мааса, засыпала дороги, по которымъ продвигались германскія колонны, смертоубійственнымъ огнемъ.

Несмотря на это, авангарды герцога Вюртембергскаго сбили французскіе арьергарды и переправились на лѣвый берегъ, но изъ лѣсовъ и трехсотметровыхъ горъ французскихъ Арденнъ низринулись новые полки, отбросили германцевъ въ рѣку и далеко за нее.

Три дня, съ 25 по 28 августа на этомъ отрѣзѣ Мааса гремѣли орудія и не переставая перекатывался ружейный огонь. Французы стягивали къ мѣсту сраженія все больше и больше батарей, все новыя орудія устанавливались на вершинахъ Рокура, Бильзона и Нойе, все оживленнѣе дѣлались атаки арміи де Лангля.

28-го августа армія герцога Вюртембергскаго, окончательно развернувшись, предприняла рѣшительное наступленіе. Армія Лангля до самой ночи оказывала ожесточенное сопротивленіе, и когда, съ наступленіемъ темноты, получила приказъ къ отступленію, она вовсе не чувствовала себя побѣжденной.

На этотъ разъ германцы окончательно перешли Маасъ, занявъ позиціи французовъ, расположенныя на отрогахъ горъ. Особенно тяжелые бои произошли въ средней части фронта арміи. Высоты Нойе, южнѣе Седана, неоднократно переходили изъ рукъ въ руки. XII корпусъ Лангля понесъ большія потери. II-ой и XVII-ый начали поддаваться назадъ. Увы, всѣ жертвы были напрасны, и Лангль вынужденъ былъ открыть вюртембержцамъ доступъ къ Арденнамъ. Слѣдующей позиціей французовъ должны были стать рѣки Эннъ и Вузье.

Столь же доблестно дралась южнѣе Лангля и III армія французовъ, удерживавшая напоръ солдатъ кронпринца. На Маасѣ V германская армія наткнулась на столь же упорное сопротивленіе, какъ и армія герцога Вюртембергскаго. Здѣсь такъ же, какъ и на участкѣ арміи Лангля, чувствовалась новая непреклонная воля французовъ во что бы то ни стало сдержать напоръ вторгшагося врага. Только съ большимъ трудомъ арміи кронпринца удалось преодолѣть огонь французской артиллеріи и оттѣснить армію Сарайля на линію Гузанси — Бувеллемонъ.

У Монтфокона и Монтиньи образовался фронтъ длиной въ 30 километровъ, имѣющій цѣлью защитить ущелья Аргонъ. V германская армія казалась передъ лицомъ тяжелой задачи.

Нужно было во что бы то ни стало пробиться черезъ Аргонскіе лѣса и, если возможно, оттѣснить французовъ въ промежутокъ между Верденомъ и Тулемъ, разбить ихъ по частямъ и постепенно сбросить къ югу. Но чѣмъ больше Верденъ оказывался сбоку армій кронпринца, тѣмъ серьезнѣе становилось положеніе германцевъ, потому что эта крѣпость посте-

пенно освобождалась отъ опасности полной осады и, имѣя въ своемъ гарнизонѣ значительныя силы, могла свободно использовать ихъ въ операціяхъ на западѣ, другими словами, угрожать арміи кронпринца съ тыла.

Въ лѣсистой мѣстности между Вареннъ и Монфоконъ армія кронпринца встрѣтила новое сопротивленіе. У Сэтсаржъ ее отбросили чернокожія войска, которые были только съ большимъ трудомъ принуждены къ отступленію. По необозримымъ, уже блекнущимъ, полямъ, засѣяннымъ овсомъ, черные и пестро одѣтые трупы сенегаловъ лежали сотнями, когда атака нѣмцевъ остановила ихъ волну.

Надо признать: въ этотъ день напоръ германскихъ армій былъ неудержимъ. Крѣпость Лонгви, осажденная 22-го августа, капитулировала Оборона ея была героической, но въ то время, какъ для уничтоженія Намюра, германцамъ потребовалась артиллерія самыхъ тяжелыхъ калибровъ. Лонгви былъ разрушенъ обыкновенной полевой артиллеріей кронпринца.

Комендантъ Лонгви, полковникъ-лейтенантъ Даржъ, оказывалъ сопротивленіе до тѣхъ поръ, пока не замолчало его послѣднее орудіе и не были разрушены валы и казематы. 28-августа, въ виду предстоящаго штурма, онъ послалъ нѣмцамъ предложеніе капитулировать. Капитуляція была принята на почетныхъ условіяхъ. Когда германцы вошли въ Лонгви, Верхній Городъ и цитадель представляли груду обломковъ.

Въ тотъ же день пробилъ роковой часъ для устарѣлой крѣпости Монтмеди. Она избавилась отъ артиллерійскаго обстрѣла, но капитуляція ея была трагической. Комендантъ крѣпости попытался пробиться сквозь наступающія германскія цѣпи, но, потерявъ направленіе, попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 700 солдатами. 1800 французскихъ солдатъ съ офицерами, которые не могли пробиться къ переправѣ черезъ Маасъ, устремились въ лѣса Брандевилль и Мурво, гдѣ погибли подъ саблями преслѣдующихъ ихъ драгунъ.

Еще болѣе трагичная судьба постигла фортъ Ле Айвель. Такъ какъ этотъ фортъ не въ достаточной степени защищалъ стратегическую дорогу между Шарлевиллемъ и Донштери, комендантъ его распорядился вывезти крѣпостную артиллерію на полевыя позиціи. Эта позиція, однако послѣ первыхъ же выстрѣловъ германской артиллеріи оказалась непригодной, въ то время какъ самъ фортъ больше уже не могъ выпустить ни одного снаряда. Германцы разстрѣляли его съ большого разстоянія и черезъ нѣсколько часовъ отъ Ле Айвеля остались только обломки.

Гарнизонъ же этого форта пробился. Только комендантъ отказался покинуть ввѣренный ему фортъ и застрѣлился. Германскіе солдаты нашли его въ одномъ изъ казематовъ и на слѣдующій день торжественно похоронили передъ разрушеннымъ фортомъ.

Маленькій фортъ Ирзоннъ былъ взорванъ гарнизономъ, прежде чѣмъ Ланрезакъ подошелъ къ Гизъ и, такимъ образомъ, кромѣ Мобежа и Антверпена, цѣпь укрѣпленій вдоль западнаго фронта перестала существовать. Въ Мобежѣ были осаждены 45.000 человѣкъ, въ томъ числѣ полки, оторвавшіеся во время битвъ между Самбръ и Маасомъ, и разбитые отряды англичанъ. Чтобы осадить Антверпенъ, у нѣмцевъ не хватало силъ. Для осады же Мобежа генералъ Бюловъ отправилъ части VII резервнаго корпуса, находившіяся подъ командой генерала фонъ Цвэль.

ПОЛКОВНИКЪ ХЕНЧЪ.

Сѣро-голубой предвечерній сумракъ медленно опускается на Кобленцъ. На улицахъ еще достаточно свѣтло, но окна гостиницы «Мо-

нополь» уже ярко освѣщены. Занавѣси ихъ, однако, тщательно задернуты, и на фонѣ окна время отъ времени отчетливо вырисовывается силуэтъ какого-нибудь человѣка, затянутаго въ узкую прусскую форму.

Въ холлѣ гостиницы, этой временной штабъ-квартиры Мольтке, царитъ оживленіе. Входныя двери безпрестанно вращаются, пропуская входящихъ и выходящихъ офицеровъ въ походной или выходной формѣ. Нѣкоторые изъ офицеровъ озабоченно снуютъ съ большими портфелями въ рукахъ, остальная же часть заняла всѣ разставленныя подъ пальмами клубныя кресла. Медленно плавающій въ воздухѣ сизый сигарный дымъ дѣлаетъ электрическій свѣтъ люстръ расплывчатымъ, слабымъ.

Изъ-за стеклянныхъ дверей ресторана доносятся заглушенные звуки вальса Вальдтейфеля. Оркестръ состоитъ теперь только изъ женщинъ, смѣнившихъ музыкантовъ ансамбля. Онѣ съ особеннымъ стараніемъ выводятъ томныя мелодіи, и чувствуется, что въ нихъ еще живъ диллетантизмъ, что онѣ еще не пропитались рутиной ежедневнаго исполненія однихъ и тѣхъ же музыкальныхъ вещей.

Здѣсь, за столами, покрытыми свѣже накрахмаленными скатертями, сидятъ опять офицеры, но обслуживаютъ ихъ не лакеи, а кельнерши и вѣстовые, вѣрнѣе тѣ же кельнера, но смѣнившіе фракъ на походный мундиръ а лакированныя туфли на тяжелую солдатскую обувь. На лицахъ ихъ выраженіе удовлетворенія: отъ войны пока удалось открутиться. Но не долго суждено имъ наслаждаться тыловой жизнью, такъ какъ кайзеру вскорѣ понадобится много, очень много свѣжихъ солдатъ... Генералъ-инспекторъ арміи желѣзной метлой выгонитъ на фронтъ всѣхъ пристроившихся въ теплыхъ штабныхъ уголкахъ и при высокопоставленныхъ особахъ.

За однимъ изъ столовъ сидитъ моложавый бѣлобрысый офицеръ съ погонами полковника-лейтенанта. На немъ долгополый двубортный мундиръ съ высокимъ тугимъ воротникомъ, подпирающимъ упрямый подбородокъ. Ноги его въ узкихъ брюкахъ на штрипкахъ; изъ подъ сѣраго сукна съ узкимъ лампасомъ виднѣются тупоносые, узкіе лакированные штиблеты, чуть-чуть покрытые пылью. Видно, что полковникъ вернулся изъ поѣздки. Онъ необыкновенно жадно и торопливо ѣстъ, утоляя мучающій его голодъ

Этотъ офицеръ — начальникъ развѣдки западнаго фронта, полковникъ-лейтенантъ Хенчъ. Затылокъ его гладко выстриженъ, а оставленные парикмахеромъ бѣлобрысые волосы зачесаны въ аккуратный проборъ. Въ кругломъ, немного по-дѣтски очерченномъ лицѣ таится вкрадчивость кошки и упрямство. Движенія полковника тоже кошачьи, но каждый жестъ строго разсчитанъ: вначалѣ мягокъ, а затѣмъ рѣзокъ.

— Хэрръ оберстъ-лейтнантъ!

Полковникъ поднимаетъ на вытянувшагося передъ нимъ ординарца вопросительный взглядъ.

— Господинъ начальникъ штаба приказалъ доложить, что онъ васъ, хэрръ оберстъ-лейтенантъ, можетъ теперь принять.

— Благодарю. Можете идти.

Полковникъ Хенчъ поспѣшно поднимается, заглядываетъ въ большой желтый, перехваченный ремнями, портфель, успѣвая проглотить при этомъ нѣсколько послѣднихъ кусковъ жаркого. Допивъ залпомъ бокалъ пива и вытирая на ходу носовымъ платкомъ черные усики, онъ спѣшитъ къ устланной мягкими коврами лѣстницѣ.

Бель-этажъ. Передъ лакированными дверьми апартаментовъ — пар-

ные часовые. На узенькомъ диванчикѣ, установленномъ въ коридорѣ, сидитъ длинный рядъ дежурныхъ ординарцевъ, которые вскакиваютъ и вытягиваются при появленіи полковника. За дверью, — салонъ, въ которомъ ждутъ офицеры, пріѣхавшіе для доклада Мольтке. Тутъ и пожилые генералы, и молодые лейтенанты въ наспѣхъ обтертыхъ сапогахъ и пропотѣвшихъ мундирахъ.

Щелкаютъ каблуки. Рѣзко наклоняются головы и снова вздергиваются кверху. Подчеркнутая офиціальная вѣжливость и тщательно сохраняемая тишина царствуетъ въ этой обширной комнатѣ, затянутой шелковыми обоями.

— Васъ проситъ начальникъ штаба.

Поправивъ воротникъ мундира, полковникъ Хенчъ быстро доходитъ до порога и, едва переступивъ его, замираетъ, вытянувшись за безшумно закрывшейся за нимъ дверью. Передъ нимъ, за заваленнымъ бумагами столомъ стоитъ пожилой генералъ съ лицомъ, изборожденнымъ морщинами.

Мольтке.

— Экселленцъ, habe die Ehre...

— Здравствуйте, полковникъ!

— Добрый вечеръ, экселленцъ!

Мольтке протягиваетъ руку, пожимаетъ ладонь Хенча и жестомъ предлагаетъ занять мѣсто въ креслѣ.

— Сигару? — сухая рука протягиваетъ черезъ столъ раскрытый портсигаръ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, экселленцъ.

— Какъ угодно. — Мольтке закуриваетъ, аккуратно срѣзавъ серебряной гильотинкой кончикъ сигары. — Интересныя новости?

Хенчъ предупредительно протягиваетъ Мольтке толстую папку аккуратно сложенныхъ бумагъ.

— Послѣднія агентурныя свѣдѣнія, экселленцъ.

— Благодарю. Разскажите вкратцѣ.

Хенчъ дѣлаетъ маленькую паузу, словно собираясь поразить эффектной новостью, говоритъ:

— Жоффръ вчера имѣлъ встрѣчу съ Френчемъ.

— Вотъ какъ? О чемъ же они говорили? — съ напускнымъ безразличіемъ спрашиваетъ Мольтке.

— Не говорили, экселленцъ, а спорили, если вы разрѣшите эту поправку, — отвѣчаетъ Хенчъ. — Жоффръ настаивалъ на большей согласованности дѣйствій между его арміей и арміей англичанъ.

— А Френчъ?

— Френчъ, указывалъ, что его дивизіи совершенно обезкровлены и должны быть выведены изъ линіи фронта.

— Такъ... такъ... Чѣмъ же этотъ споръ кончился?

— Когда Жоффръ покинулъ Компьенъ, онъ увезъ съ собой убѣжденіе, что англійская армія дѣйствительно небоеспособна. По крайней мѣрѣ, на восемь дней.

Мольтке удобнѣе садится въ кресло, закидывая голову и выпуская изъ угла рта тонкую струйку дыма. Нѣкоторое время онъ пристально смотритъ на лѣпку потолка. Затѣмъ, не отрывая взора отъ позолоченнаго орнамента, медленно, словно преодолѣвая лѣнь, произноситъ:

— Это неудивительно. Странно было бы, если Френчъ сумѣлъ

безболѣзненно перенести ту встрепку, которую онъ получилъ подъ Ле Като. Могу вамъ сказать больше, полковникъ: положеніе лѣваго фланга Жоффра вообще отчаянное. Клукъ уже осадилъ вырвавшійся впередъ VII французскій корпусъ: его полки наступаютъ на каблуки англичанъ и, еще день, два, и наша первая армія прорвется въ сдѣланную брешь и доберется до линіи Эрейль - Санлисъ, вклинившись, такимъ образомъ, между Парижемъ и застрявшими сѣвернѣе его французскими войсками. Мнѣ кажется, полковникъ, что Жоффръ долженъ разочароваться не только въ боеспособности англичанъ, но и въ выработанномъ имъ лично стратегическомъ планѣ кампаніи, который потерпѣлъ полное крушеніе.

Хенчъ предупредительно улыбается:

— Да, это такъ, экселленцъ, и я могу прибавить, что въ Витри ле Франсуа уже поговариваютъ о потрясенныхъ государственныхъ и моральныхъ устояхъ Франціи.

— Уже? — глаза Мольтке радостно вспыхиваютъ. — Однако, не на долго у французовъ хватило выдержки!

— Какъ вы увидите изъ бумагъ, экселленцъ, въ Витри вырабатываются операціи, которыя по своему характеру больше всего походятъ на джіу-джитцу.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ...

— Джіу-джитцу, это система японской борьбы, дающая слабому противнику возможность восторжествовать надъ сильнымъ. Принципъ этой борьбы базируется на физической возможности обратить развиваемую противникомъ силу противъ него же самого.

— Ахъ, такъ! Какой же вашъ выводъ?

— Жоффръ отнынѣ будетъ драться, исходя изъ того, что наша артиллерія лучше, что наши походы стремительнѣе, что наша инціатива таитъ больше опасности.

— Что же изъ этого?

— Онъ позволитъ намъ до поры, до времени пользоваться этими преимуществами безпрепятственно.

— До какихъ же поръ?

— Пока наше наступленіе не докатится до новой оборонительной линіи.

— Но, дорогой полковникъ! Вы же не сообщаете ничего новаго! О новой этой линіи обороны я уже знаю давно!

Глаза Хенча хитро прищуриваются, онъ достаетъ изъ портфеля новый листъ и кладетъ его передъ Мольтке.

— Въ Витри говорятъ уже о третьей линіи сопротивленія, экселленцъ.

— Не можетъ быть! Вѣдь, французы еще не испытали прочности второй!

— Это фактъ, экселленцъ. Третья линія будетъ проходить у самаго Парижа или, можетъ быть, даже позади столицы.

— Mein Gott. Это довольно радикально и, я бы сказалъ, — съ точки зрѣнія стратегической, даже похвально. Но какъ смотритъ на подобное перемѣщеніе фронта рядовое населеніе Франціи?

— Вотъ тутъ то и возникаютъ новыя обстоятельства, передъ которыми французскій командующій можетъ оказаться безсильнымъ. Военныя дѣйствія на третьей линіи обороны глубоко затрагиваютъ политическіе интересы страны, и ни одинъ главнокомандующій, до тѣхъ поръ, пока онъ подчиненъ военному министру и правительству, не можетъ самостоятельно

отдать подобный приказъ. Жоффру поэтому придется потратить не мало усилій, чтобы путемъ компромиссовъ добиться отъ правительства согласія на столь глубокое отступленіе. До тѣхъ поръ, пока этого согласія нѣтъ, онъ вынужденъ будетъ драться, опираясь на свою морально-разложившуюся армію тамъ, гдѣ мы этого захотимъ.

Мольтке удовлетворенно улыбается и осторожно, чтобы не уронить пепелъ, кладетъ сигару на золотую ложечку хрустальной пепельницы. Переплетя пальцы рукъ, облокотившихся о столъ, онъ спрашиваетъ:

— Имѣются ли у васъ факты, подтверждающіе моральное разложеніе французовъ?

— Вотъ донесенія изъ Парижа, — кладя на столъ новыя бумаги, говоритъ Хенчъ,—Вотъ изъ Лилля, а вотъ, что говорилъ гласный лилльской думы, въ присутствіи Дешанеля и Клемансо. Что же касается самой арміи, то существуютъ неопровержимыя свидѣтельства, что французскіе солдаты и офицеры начинаютъ ворчать и выражать сомнѣніе: дѣйствительно ли главное командованіе находится въ правильныхъ рукахъ? Въ бумагахъ вы найдете факты, экселленцъ, доказывающіе, что нѣкоторые французскіе корпусные командиры и даже командующіе арміями не всегда правильно исполняли приказы, отданные Жоффромъ, а иногда намѣренно поступали наоборотъ.

— Саботажъ?

— Нѣтъ. Явное недовольство.

— Причина?

— Во-первыхъ, постоянныя отступленія, а затѣмъ состояніе матеріальной части французской арміи, которая находится далеко не на должной высотѣ. Тяжелой артиллеріи у Жоффра не хватаетъ, пулеметовъ мало, да и вообще вся техника арміи мало способствуетъ веденію наступательныхъ операцій.

Кривая улыбка снова бороздитъ морщины Мольтке:

— Хмъ... Мой противникъ, до сихъ поръ, впрочемъ, наступательной техникой вообще не пользовался. Мнѣ кажется, что не только оружіе и снабженіе, но и его генералы не вполнѣ оправдали себя. Многіе генералы и полковники Жоффра не доросли до возложенной на нихъ задачи.

— Не будетъ ли этотъ приговоръ слишкомъ строгимъ, экселленцъ? Надо принять во вниманіе, что резервныя части французской арміи весьма различны въ смыслѣ ихъ боевыхъ качествъ. Бываетъ, что хорошему генералу выпадаетъ честь командовать скверной частью.

— Не напоминайте мнѣ объ истинахъ. Скажите лучше, каковы ваши общіе выводы относительно способности Франціи продолжать сопротивленіе.

Полковникъ Хенчъ быстро встаетъ. Изъ своего неистощимаго портфеля онъ извлекаетъ стопку новыхъ бумагъ разныхъ размѣровъ. Нѣкоторые листы помяты, другіе наспѣхъ набросаны карандашемъ, третьи написаны мелкимъ почеркомъ, исключительно яркими лиловыми чернилами. Все — сводки, донесенія, рапорты. Плоды трудной, опасной работы, результатъ предательства родины, силы денегъ и отчаянной храбрости незамѣтныхъ въ жизни людей.

— Докладъ номеръ двадцать восемь, — произноситъ пунктуальный Хенчъ. — Общее внутреннее и внѣшне-политическое положеніе Франціи. Франція стоитъ передъ дилеммой: продолжать ли войну или начать переговоры.

Первый листъ плавно опускается передъ глазами Мольтке.

— Если Францiя будетъ войну продолжать, ей придется перенести театръ военныхъ дѣйствiй далеко вглубь страны. Въ такомъ случаѣ военное командованiе получитъ расширенныя права.

Мольтке перехватываетъ второй листъ и пробѣгаетъ глазами первыя строки.

— Ахъ такъ, — говоритъ онъ. — Протестъ правительства? Какъ же отнесся къ этому предложенiю Жоффръ?

— Это уже въ прошломъ, экселленцъ. Жоффръ хотѣлъ отказаться отъ командованiя, обратившись къ тому правительству, подъ которымъ уже колебалась почва. Но правительство это уже больше не существуетъ. Теперь положенiе совершенно иное.

— Укрѣпилось или же . . . ?

— Укрѣпилось.

— А неизвѣстно ли о какихъ-либо другихъ причинахъ, кромѣ конфликта съ правительствомъ, по которымъ рѣшился было отказаться отъ командованiя Жоффръ?

— Извѣстно, экселленцъ. Жоффръ чувствовалъ, что другiе генералы его плохо понимаютъ, что военное министерство отшатнулось отъ него и валитъ всю вину на неудачи на фронтѣ исключительно на ставку.

— Понимаю: значитъ Жоффръ сказалъ правительству «или — или»? Другими словами, онъ свалилъ правительство? Добился большей власти?

— Нѣтъ, экселленцъ. Въ паденiи французскаго правительства повинна Англiя. Въ конфликтъ рѣшительно вмѣшался Доунингъ стритъ. Пораженiе корпуса Френча, потеря Бельгiи и непрерывный побѣдный маршъ нашихъ войскъ встряхнули господъ изъ Доунингъ стрита. Имъ уже мерещилась англо-французская армiя, отрѣзанная нашими войсками отъ Ла Манша. Имъ стало понятно, что на поляхъ Францiи развивается война, въ которой Англiя не участвуетъ, какъ простой жандармъ морей, какъ поставщикъ и ростовщикъ. Ихъ армiя перестала существовать. Созданная съ большими трудами коалицiя начала давать трещины. И въ то же время выяснилось, что отступленiя нѣтъ... Наши храбрые солдаты уже твердо укрѣпились на одномъ изъ европейскихъ форпостовъ Англiи — Бельгiи, угрожая крушенiемъ ея мiрового могущества.

— Дальше?

— Серьезность положенiя пробудила въ англичанахъ небывалое упорство и силу воли. Всѣ, отъ мала до велика, пошли на помощь Китченеру. Необъятныя владѣнiя этой имперiи предоставили свои ресурсы въ распоряженiе военнаго министерства, а дипломаты рѣшительнымъ вмѣшательствомъ обязали Францiю къ координированной борьбѣ за общее дѣло.

— Результатъ?

— Правительство подало въ отставку.

— Это вы уже говорили. Я имѣю въ виду, что за люди стали во главѣ Францiи?

— Изъ новыхъ, наиболѣе значительные — Мильеранъ, принявшiй портфель военнаго министра, и Делькассэ — министръ иностранныхъ дѣлъ. Вивiани остался премьеромъ. Они назвали свой кабинетъ правительствомъ Нацiональной защиты и сразу же согласились заключить съ Англiей крѣпкiй договоръ. Отнынѣ Францiя обязывается вести войну сообща съ про-

чими союзниками и не заключать сепаратнаго мира. То же обѣщаютъ со своей стороны и союзники.

Мольтке снова беретъ сигару и, замѣтивъ, что она потухла, начинаетъ внимательно разсматривать пепелъ, словно разсуждая, нельзя ли зажечь сигару безъ того, чтобы пепелъ упалъ. На сухихъ губахъ его змѣится ехидная усмѣшка и еще не высказанная мысль заставляетъ слегка покачиваться морщинистую голову. Чиркнувъ спичкой и держа ее на отлетѣ, Мольтке говоритъ:

— Договоры — глупости. Когда галлы станутъ на колѣни, имъ будетъ не до пустыхъ бумажекъ.

— Надѣюсь, что мы будемъ вскорѣ имѣть подтвержденіе вашимъ словамъ, экселленцъ? — внимательно и напряженно вглядываясь въ лицо начальника штаба, говоритъ Хенчъ. Глаза его медленно суживаются. Какая-то загадочная искра вспыхиваетъ подъ его насупившимися бровями. — Надо только идти впередъ, все впередъ...

— Да, именно, — оживляется Мольтке. — Ни минуты передышки. Впередъ! Вы правильно замѣтили это, г-нъ полковникъ.

Хенчъ опускаетъ рѣсницы и начинаетъ укладывать оставшіяся въ его рукахъ бумаги въ портфель.

— Что у васъ тамъ еще есть? — раскуривая сигару, спрашиваетъ Мольтке.

— Второстепенное, экселленцъ, — безразличнымъ тономъ отвѣчаетъ Хенчъ. — Воззваніе Вивіани къ французамъ. Пламенное воззваніе...

Да, оно было пламенное и сумѣло зажечь сердца уже отчаивавшихся французовъ. Вивіани сумѣлъ объяснить, что нѣмцы, только нѣмцы, хотѣли войны, рѣшивъ раздавить и поработить Францію. Французы эти слова приняли близко къ сердцу. Мощная волна патріотизма начала подниматься среди гражданскаго населенія, оказывая, такимъ образомъ, моральную поддержку арміи. Хенчъ, однако, считалъ это явленіе второстепеннымъ и утаилъ его отъ Мольтке. Начальникъ генеральнаго штаба лишился возможности учесть въ большой игрѣ всѣ козыри противника, и въ его памяти твердо засѣла только одна мысль:

«Впередъ, только впередъ, только не терять иниціативы!»

Добивался ли этого впечатлѣнія Хенчъ, — неизвѣстно. Но кронпринцъ, позже, въ своихъ воспоминаніяхъ, прямо указываетъ на то, что Мольтке находился подъ какимъ-то гипнотическимъ вліяніемъ своего начальника развѣдки и, въ сущности, мало зналъ о томъ, что дѣлается на фронтѣ и во Франціи.

А между тѣмъ, во Франціи въ этотъ день произошелъ психологическій переломъ, и страна вернулась къ войнѣ съ чувствомъ самосохраненія, со стремленіемъ отбить, во что бы то ни стало, отъ врага потерянныя земли.

Мольтке встаетъ. Докладъ оконченъ. Палецъ начальника генеральнаго штаба нажимаетъ кнопку звонка, предлагая слѣдующему посѣтителю явиться.

— Хенчъ быстро застегиваетъ ремни портфеля, затѣмъ крѣпко беретъ его въ руки и, вытянувшись по солдатски, спрашиваетъ:

— Разрѣшите итти, экселленцъ?

— 'tnabend, Herr Oberst-Leutnant!

Передъ щелкнувшимъ каблуками рѣзко повернувшимся начальникомъ развѣдки беззвучно распахивается бѣлая полированная дверь.

29 августа

Въ раннія утреннія часы 29 августа Парижъ началъ волноваться. Если декларація Мильерана наканунѣ этого дня внесла нѣкоторое успокоеніе, а декреты правительства и комментаріи прессы еще больше способствовали умиротворенію умовъ, то сцены, которыя пришлось наблюдать населенію на улицахъ въ это утро, оказывали обратное дѣйствіе.

Въ это утро до столицы Франціи докатилась первая волна неорганизованныхъ бѣженцевъ. Это не были люди пріѣхавшіе въ городъ на собственныхъ автомобиляхъ или въ вагонахъ перваго класса. Нѣтъ, это были жалкіе владѣльцы жалкаго скарба, которые везли все свое имущество на крестьянскихъ телѣгахъ или же несли его въ большихъ узлахъ. Десятки тысячъ людей изъ различныхъ департаментовъ подошли къ Парижу и начали заливать его роскошные бульвары. Съ разсвѣта потянулись также телѣги въ одиночку и колоннами, а полиція, имѣвшая инструкціи зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы порядокъ нигдѣ не нарушался и ничто не способствовало возбужденію умовъ, задерживала эти волны людей, и вѣжливо, но настойчиво сгоняла къ вокзаламъ. Тамъ ихъ грузила въ поѣзда, шедшіе на Марсель, Бордо и Ліонъ, быстро сплавляя массы въ распоряженіе мэровъ этихъ городовъ.

Хуже обстояло съ бѣженцами, которые имѣли родственниковъ въ самомъ Парижѣ. Эти люди сѣяли всюду страхъ и панику, несли съ собой нужду, сообщали полные трагедій разсказы очевидцевъ. Зернышко страха, заброшенное въ квартиры, быстро принимало формы паники: людская молва рисовала событія на фронтѣ и во Франціи въ самомъ черномъ свѣтѣ, — чернѣе, чѣмъ это было въ дѣйствительности.

Парижъ задумался:

Дѣйствительно ли дѣло обстояло такъ, какъ объ этомъ разсказывали газеты и правительство? Можетъ быть главное и самое опасное замалчивалось?

Въ душу парижанъ закрадывалось сомнѣніе.

У Елисейскаго дворца время отъ времени собирались толпы бѣженцевъ. Онѣ желали говорить съ президентомъ. Лично разсказать ему, какъ далеко вглубь страны проникъ врагъ. Однако, полиція была на чеку. Какіе - то люди быстро окружали толпу, давали поясненія, дѣлали предложенія, засыпали совѣтами и обѣщаніями, и толпа, не дождавшись президента, направлялась на вокзалъ, гдѣ всѣхъ усаживали въ товарные вагоны и везли либо на югъ, либо на западъ.

Только лица съ положеніемъ могли добиться свиданія съ Пуанкарэ. Къ нимъ принадлежалъ и мосье Туронъ, сенаторъ одного изъ сѣверныхъ департаментовъ. Онъ бѣжалъ при приближеніи нѣмцевъ, задерживался во многихъ попутныхъ городахъ и думалъ, что все видѣлъ и все узналъ.

Вопли сенатора были громкими. Онъ кричалъ, что правительство и командованіе обманываютъ президента, что лѣвое крыло французской арміи давно обойдено. и нѣмцы стоятъ уже за Ла-Феромъ.

Президентъ пытается получить соединеніе съ Жоффромъ, но главнокомандующій при войскахъ. Президентъ смущенъ, сбитъ съ толку, не въ состояніи представить себѣ дѣйствительной картины.

И въ этотъ моментъ появляется другое сановное лицо, депутатъ Маньодэ, вносящій еще большій сумбуръ.

Является онъ изъ своего округа, съ береговъ Эна. Въ дорожномъ костюмѣ, съ значкомъ парламентарія въ петлицѣ.

Но главное, самое главное, — онъ опоясенъ шарфомъ, трехцвѣтнымъ шарфомъ республики, и опоясанъ такъ, какъ это дѣлали въ дни великой революціи комиссары конвента!

Пуанкарэ это не нравится. Неужели этотъ господинъ является вѣстникомъ грядущихъ событій? Каково же должно быть настроеніе въ самомъ департаментѣ?

Маньодэ повѣствуетъ о бездѣйствіи генераловъ, даетъ совѣты, дѣлаетъ предупрежденія, рисуетъ картину небывалой разрухи, безпорядка и катастрофы. Когда онъ уходитъ, Пуанкарэ остается въ атмосферѣ неподдѣльнаго безпокойства. Онъ не знаетъ уже, — вѣрить ли словамъ своихъ офиціальныхъ помощниковъ или экзальтированнымъ фразамъ сбѣжавшихся отовсюду, тоже въ концѣ концовъ офиціальныхъ, лицъ?

Сотни, нѣтъ, тысячи писемъ прибываютъ ежедневно въ Елисейскій дворецъ. Граждане пишутъ президенту, умоляютъ его вмѣшаться въ веденіе военныхъ операцій. Многія письма указываютъ на то, что происходящее съ Франціей является ничѣмъ инымъ, какъ возмездіемъ Всевышняго, ниспосланнымъ на страну, потерявшую вѣру въ Бога.

Кому вѣрить? Мильерану, привезшему изъ Витри успокоительныя свѣдѣнія? Или письмамъ вѣрующихъ католиковъ? Пуанкарэ давно не зналъ такого ощущенія неувѣренности, такихъ колебаній и сомнѣній...

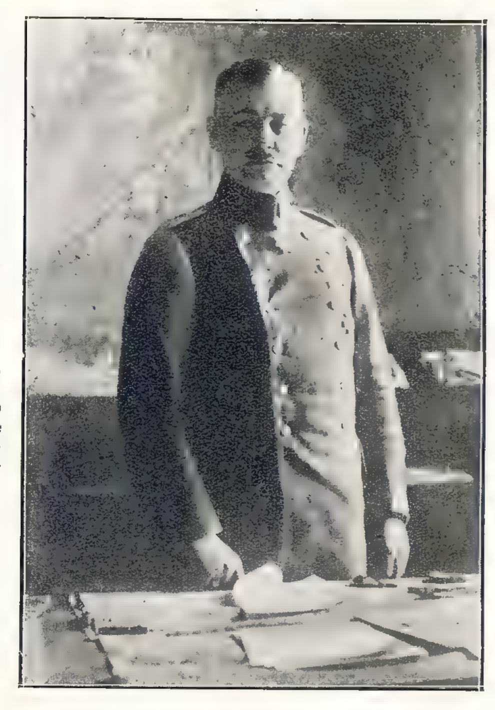
СПАСАЙТЕ БАНКЪ ДЕ ФРАНСЪ!

Паника въ Парижѣ съ каждымъ часомъ все растетъ. Никто больше не вѣритъ въ то, что армія удержитъ нѣмецкую лавину. Въ городѣ рубятъ уже пятидесятилѣтніе платаны, строятъ баррикады, вскапываютъ мостовыя. По асфальту гонятъ десятки тысячъ головъ рогатаго скота, — запасъ живого мяса на случай осады города. По широкимъ аллеямъ Булонскаго лѣса тянутся безконечныя колонны возовъ съ сѣномъ и соломой — пища и подстилка для этого скота. На ипподромахъ Лоншанъ и Отей склады фуража, овечьи загоны и бѣлые халаты ветеринаровъ. Школьники слоняются безъ дѣла, смотрятъ какъ рабочіе и солдаты лихорадочно расчищаютъ крѣпостные рвы, устраиваютъ засѣки, опутываютъ городъ колючей проволокой, тянутъ полевые телефоны.

Офиціальныя сферы считаются съ возможностью временной оккупаціи Парижа нѣмцами. Надо поспѣшить со спасеніемъ денегъ. Ни сантима не должно попасть въ руки врага! Уже нѣсколько дней подрядъ изъ Парижа на югъ уходятъ вагоны подъ охраной вооруженныхъ жандармовъ и чиновниковъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ изъ кладовыхъ Банка Франціи незамѣтно, подъ покровомъ тайны, утекаетъ золото, вывозимое на югъ.

Спасено за это время много: 36 милліоновъ франковъ въ серебряныхъ монетахъ, 4 милліарда въ золотыхъ и 8.000 мѣшковъ крупныхъ банкнотъ, въ спѣшкѣ даже не считанныхъ. Для однѣхъ только бумажныхъ денегъ понадобилось 49 товарныхъ вагоновъ!

Большая часть рессурсовъ Франціи въ безопасности. Но возникаетъ новая забота, о которой раньше никто не подумалъ. Оккупировавъ Парижъ, врагъ не замедлилъ бы захватить немедленно зданіе Банка Франціи, а тамъ прессы, машины, формы, клише — коротко говоря, все, въ чемъ нуждается страна для изготовленія бумажныхъ денегъ. Врагъ по-

ПОЛКОВНИКЪ - ЛЕЙТЕНАНТЪ РИХАРДЪ ХЕНЧЪ.
(1869—1918).

Начальникъ развѣдки германскаго западнаго фронта. Дѣятельность этого лица во время битвы на Марнѣ до сихъ поръ еще подернута дымкой таинственности и вокругъ его распоряженій роятся самые разнообразные слухи. Облеченный исключительнымъ довѣріемъ Мольтке, Хенчъ получилъ широкія полномочія и командировку для провѣрки положенія дѣлъ на фронтѣ. Прибывъ къ Бюлову и затѣмъ къ Клуку, Хенчъ, предположивъ надвигающуюся катастрофу, отдалъ этимъ двумъ арміямъ приказъ начать немедленное отступленіе.

ПОДБИТАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ БАТАРЕЯ.

Артиллерія, прикрывая отступленіе арміи Жоффра, понесла жестокій уронъ. На снимкѣ — брошенные зарядные ящики.

ПОДБИТАЯ АНГЛІЙСКАЯ БАТАРЕЯ.

Экспедиціонному корпусу маршала Френча пришлось выдержать рядъ кровопролитныхъ боевъ, вслѣдствіе чего его армія быстро растаяла и вынуждена была предпринять утомительное отступленіе, сопровождавшееся арьергардными боями. Только непосредственно передъ заключительнымъ этапомъ битвы на Марнѣ Френчу удалось привести въ порядокъ и пополнить свою армію, и стремительнымъ наступленіемъ помочь французамъ отбросить подошедшаго къ Парижу врага.

КЛУКЪ У МАРНЫ.

На снимкѣ — пѣхота Клука, движущаяся на фронтъ вдоль берега Марны. Навстрѣчу тянутся безконечныя вереницы санитарныхъ повозокъ, въ которыхъ стонуть раненые.

лучитъ возможность печатать такое количество настоящихъ банкнотъ, что сорвать курсъ франка будетъ сущимъ пустякомъ.

А развѣ это не будетъ новой катастрофой?

И вотъ директоръ «Банкъ - де - Франсъ» спѣшитъ въ Домъ Инвалидовъ, гдѣ разбилъ свой лагерь штабъ генерала Гальени. Тамъ царитъ нервная, лихорадочная дѣятельность. Директора, — такую высокопоставленную особу,—заставляютъ ждать. Генералъ Гальени занятъ, очень занятъ, ему приходится рѣшать не меньшіе по важности вопросы.

Директоръ въ волненіи прохаживается по мрачнымъ полутемнымъ коридорамъ казеннаго зданія, гдѣ все дышетъ кровавой военной исторіей Франціи. Здѣсь, въ этой милитаристической обстановкѣ, ему кажется очень труднымъ растолковать, почему нужно эвакуировать прессы и машины, почему нѣмцы не должны узнать секрета изготовленія бумажныхъ франковъ.

Внезапно въ дали коридора появляется одѣтый въ походную форму Клоцъ, бывшій министръ финансовъ, до послѣднихъ дней мира депутатъ. Директоръ бросается къ нему. Рукопожатія. Клоцъ оказывается прикомандированнымъ къ штабу Гальени. Онъ приглашаетъ обрадованнаго директора въ свою комнату. Проситъ выйти оттуда постороннихъ.

Нѣсколько словъ информаціи, и Клоцъ, понимая, киваетъ головой, беретъ трубку телефона. Еще нѣсколько скупыхъ словъ — предложеніе:

— Пойдемте къ Гальени!

Но разговоръ въ кабинетѣ военнаго губернатора Парижа носитъ совсѣмъ не тотъ характеръ, какъ это предполагалъ директоръ «Банка де Франсъ». У Гальени очень много работы, въ финансовыхъ комбинаціяхъ онъ, честно признаваясь, мало разбирается, — пусть подвернувшійся Клоцъ, знатокъ дѣла, возьметъ его на себя.

Краткое удостовѣреніе, — и Клоцъ становится офицеромъ связи между банкомъ Франціи и комендантурой Парижа.

— Мы еще не вступили въ полосу крайней опасности, — говоритъ на прощаніе Гальени, протягивая руку, но не вставая. — Поэтому не слишкомъ торопитесь, и не принимайте истерическихъ мѣръ. Помните, что всякая огласка и всякое замѣтное движеніе внутри Банка вызоветъ лишнее смущеніе въ кругахъ населенія. Прощайте!

Клоцъ съ головой уходитъ въ знакомое ему дѣло. Нѣсколькими минутами позже онъ въ роскошномъ кабинетѣ директора Банка, гдѣ налицо всѣ малочисленные пайщики дореформеннаго банка Франціи. Директоръ нервничаетъ, торопится, ведетъ засѣданіе диктаторскими пріемами. Онъ не допускаетъ никакихъ преній. Можно только голосовать, но и въ этомъ случаѣ результатъ голосованія не обязателенъ для Клоца. Онъ можетъ принять желанія пайщиковъ ко вниманію, но и только.

Черезъ часъ резолюція готова, протоколъ засѣданія подписанъ, и директоръ выпроваживаетъ необходимыхъ, но нежелательныхъ гостей, плотно прикрывая за ними двери. Начинается самая отвѣтственная часть засѣданія, — выработка мѣръ эвакуаціи банка.

Сигналъ долженъ послѣдовать изъ Дома Инвалидовъ. Говорить будетъ самъ Клоцъ.

— Атансьонъ — вниманіе — значитъ: «мобилизовать весь персоналъ».

— Шаржэ — грузите, — «грузите не эвакуированныя еще суммы на автомобили».

— Партэ — уѣзжайте!

— По сигналу «брюлэ, — жгите», — уничтожаются всѣ бумаги и архивы, которые вывезти было бы невозможно.

— Но, — спрашиваетъ директоръ, — что будетъ съ печатными станками и машинами? Нѣкоторыя машины такъ тяжелы, что вообще не поддаются перевозкѣ. Чтобы доставить ихъ на улицу придется ломать стѣны! Какъ же быть, когда прозвучитъ слово «брюлэ»?

Послѣ долгихъ совѣщаній Клоцъ и директоръ вызываютъ эксперта, пожилого химика, профессора съ міровымъ именемъ.

— Уничтожить сталь, чугунъ, мѣдь и латунь немедленно?

— Да, но только конечно не путемъ взрыва. Такой взрывъ не только всполошитъ весь Парижъ, но и разнесетъ всѣ дома на три километра въ окружности.

— Гмъ!... Имѣются конечно кислоты... различные составы... Господа: вашъ вопросъ почти не разрѣшимъ. Мы можемъ испортить клише и матрицы, но литыя части машинъ...

Клоцъ рѣшаетъ: профессоръ беретъ на себя отвѣтственность за своевременное уничтоженіе клише и тонкихъ механизмовъ. Со станинами же машинъ въ послѣднюю минуту раздѣлаются его подрывники. Въ концѣ концовъ безразлично, будетъ ли въ Парижѣ однимъ взрывомъ больше или меньше, разъ въ городъ вступаетъ врагъ.

ТРАГЕДІЯ АРМІИ ЛАНРЕЗАКА.

Вечеръ 29 августа застаетъ насъ въ штабъ-квартирѣ генерала Ланрезака въ Лаонѣ. Событія тяжелаго боевого дня заставила генерала позабыть усталость, удержать его у многочисленныхъ исчерченныхъ карандашами и заставленныхъ фишками картъ.

Положеніе невыносимое. Все, что Ланрезакъ предсказывалъ, осуществилось. Пока его корпуса производили фланговый маневръ на Сенъ-Кантенъ, Бюловъ смялъ и опрокинулъ заслонъ, обрушившись на марширующіе на отлетѣ полки. Мало того. Къ своему отчаянію, Ланрезакъ узналъ, что англичане вовсе не поступили такъ, какъ обѣщалъ Жоффръ. Вмѣсто того, чтобы наступать, они, наоборотъ, отошли еще больше къ западу.

Но это еще не все. Когда Ланрезакъ вызвалъ къ телефону Монури, оказалось, что тотъ не въ состояніи исполнить приказа Жоффра. Въ Витри ле Франсуа предполагали, что Монури получилъ уже всѣ войска изъ Лотарингіи и Эльзаса, на практикѣ же оказалось, что добрая половина эшелоновъ находится еще въ пути.

Въ полдень, не имѣя связи со ставкой, Ланрезакъ на свою отвѣтственность поворачиваетъ всю массу своей арміи. Онъ прекращаетъ продвиженіе къ сѣверо - западу, движется на сѣверо-востокъ и нападаетъ на Бюлова.

Неожиданный маневръ имѣетъ столь же неожиданный эффектъ. Нѣмцы бѣгутъ,—бѣгутъ въ первый разъ. Армія Ланрезака оказывается въ состояніи не только отбросить ихъ, но и приступить къ энергичному преслѣдованію!

Несмотря на успѣхъ, положеніе Ланрезака, однако, оказывается критическимъ. Бюловъ можетъ подтянуть войска и перейти въ контръ - наступленіе, Клукъ въ это же время....

Да, Клукъ. Что предприметъ новый противникъ Ланрезака?

Объ этомъ пока знаютъ только небеса...

Вечеромъ Ланрезаку удается связаться съ Витри - ле - Франсуа, но Жоффра нѣтъ. Онъ еще не вернулся съ фронта. У телефона генералъ Белэнъ.

Ланрезакъ докладываетъ о положенiи:

— Мое лѣвое крыло буквально въ воздухѣ. Куда дѣвались англичане, я не знаю. Каждое мгновенiе я ожидаю появленiя авангардовъ Клука.

Затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы, онъ съ уничтожающей иронiей прибавляетъ:

— Что прикажетъ ставка главнокомандующаго? Прикажетъ ли она продолжать наступленiе съ тѣмъ, чтобы оказаться въ плѣну, или же разрѣшитъ задержаться, если не отступить?

Генералъ Белэнъ, стоящiй на другомъ концѣ провода, говоритъ:

— Что за абсурдныя вещи говорите вы, генералъ!

Ланрезакъ, спокойно, съ той же иронiей:

— Я просилъ васъ не о критикѣ моихъ словъ, а о приказахъ.

Белэнъ:

— Главнокомандующаго нѣтъ, а въ его отсутствiе я не имѣю права отдавать приказы цѣлымъ армiямъ.

Ланрезакъ, раздражаясь:

— Въ такомъ случаѣ я останавливаюсь на достигнутыхъ позицiяхъ и ожидаю вашихъ приказовъ. Вся отвѣтственность падаетъ на васъ.

И трубка разсерженнаго Ланрезака падаетъ на ящикъ, въ микрофонѣ Белэна гудитъ только токъ и слышны индуктивные шопоты побочныхъ разговоровъ.

Нѣсколькими минутами позже налаживается связь съ Жоффромъ. Белэнъ и Бертело сообщаютъ о вызовахъ Парижа, о докладѣ Ланрезака, даютъ общiй обзоръ положенiя. Теперь Жоффръ знаетъ, что задуманный имъ планъ уничтоженiя армiи Клука невозможно провести въ жизнь. Армiи Монури еще не существуетъ, а англичане попрежнему своевольничаютъ и поклоняются своему эгоистическому сэфти - фэрстъ!

ДВА ПОЛКОВОДЦА.

По забитымъ военными фургонами, артиллерiей, обозами и пѣхотой шоссе, по ужаснымъ проселочнымъ дорогамъ, автомобиль Жоффра несется, какъ вихрь, въ Компьенъ. Рѣзко звучитъ рожокъ, съ трескомъ трепыхаетъ на правомъ крылѣ автомобиля значокъ главнокомандующаго. Обгоняемая пѣхота шарахается въ канавы, колонны грузовиковъ жмутся къ придорожнымъ столбамъ.

Гонка поистинѣ головоломная. Черезъ неполныхъ четыре часа Жоффръ уже въ Компьенѣ и входитъ въ штабъ - квартиру маршала Френча. Оба главнокомандующихъ обмѣниваются сухими привѣтствiями. Жоффръ апеллируетъ къ чувству боевого товарища, указываетъ, что армiя Ланрезака предприняла наступленiе по его указанiю и въ надеждѣ на поддержку дивизiй Френча, но изъ-за англичанъ, она вынуждена была измѣнить планъ и теперь находится въ опасности.

— Лѣвый флангъ Ланрезака, — говоритъ Жоффръ черезъ переводчика, — виситъ въ воздухѣ и каждую минуту можетъ быть окруженъ. Гибель нависнетъ надъ этой армiей, маршалъ, если вы не откажетесь отъ примѣнявшейся до сихъ поръ вами тактики и не перейдете въ наступленiе.

Въ комнатѣ, гдѣ происходитъ разговоръ, находятся трое: маршалъ Френчъ, Жоффръ и начальникъ штаба англійской арміи генералъ Мюррэй. Френчъ быстро оцѣниваетъ создавшуюся обстановку, но колебанія его очевидны. Онъ склоняется надъ картой, внимательно изучаетъ каждую извилину фронта, каждый пробѣлъ между союзными и германскими арміями. Наконецъ онъ говоритъ:

— Мои войска утомлены.

Жоффръ начинаетъ съ пыломъ отстаивать свои требованія. Наконецъ Френчъ соглашается на уговоры Жоффра. Послѣдній видитъ, какъ маршалъ все чаще и чаще склоняется надъ картой, какъ его рука машинально начинаетъ переставлять фишки, обозначающія англійскія дивизіи, какъ эти фишки выдвигаются все больше и больше впередъ, къ востоку. Сомнѣнія нѣтъ. Нерѣшительность Френча сломлена. Жоффръ хочетъ уже съ облегченіемъ вздохнуть, какъ въ то же мгновеніе замѣчаетъ, что генералъ Мюррэй осторожно, боясь быть замѣченнымъ, тянетъ за рукавъ мундира Френча.

Рука маршала отдергивается отъ фишекъ, словно тѣ накалены. Въ теченіе сотой доли секунды онъ успѣваетъ обмѣняться нѣмымъ взглядомъ со своимъ начальникомъ штаба и сжимаетъ губы.

— Нѣтъ, генералъ, — говоритъ онъ.—Мнѣ очень жаль, но мои войска нуждаются въ сорокавосьмичасовомъ отдыхѣ. Послѣ этого срока, — пожалуйста, — они въ вашемъ распоряженіи. Можете дѣлать съ ними что хотите, но раньше этого срока — ничего!

Жоффръ, закусивъ губы, молча смотритъ на маршала. Человѣка не узнать. Когда Френчъ прибылъ во Францію, это былъ бодрый, немного кокетливо - одѣтый генералъ, создатель форменнаго мундира, получившаго всемірное распространеніе. Теперь передъ нимъ стоитъ сѣдоусый старикъ, смятый и окончательно сломленный событіями послѣднихъ двухъ недѣль.

Молчитъ и Френчъ. Онъ вспоминаетъ, какъ еще въ теченіе вчерашняго дня объѣзжалъ свои войска, какъ Мюррэй тихо, сквозь зубы, но съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ процѣдилъ:

— Когда мы прибыли во Францію, маршалъ, вы командовали войскомъ молодыхъ, здоровыхъ и хорошо тренированныхъ людей. Гдѣ они? А прошло-то всего 14 дней!

Френчъ продолжаетъ эти воспоминанія вслухъ:

— Я видѣлъ роты, генералъ, гдѣ изъ 125 человѣкъ осталось десять. Наши потери колоссальны. Если это будетъ продолжаться дальше, я вернусь въ Англію одинъ, и меня спросятъ: «гдѣ ваша армія?» — Что я смогу сказать? Я смогу тогда, можетъ быть, показать на пару калѣкъ, опирающихся о стѣны домовъ, и это будетъ все. Нѣтъ, генералъ, повторяю вамъ, мои войска нуждаются въ отдыхѣ, и я ихъ никуда не пошлю.

Жоффръ молчитъ. Развѣ мыслимо произнести вслухъ тѣ мысли, которыя съ бѣшеной быстротой смѣняются въ его головѣ? Развѣ остался бы тогда Френчъ во Франціи? Вѣдь, можетъ быть, можетъ быть, онъ все-таки... когда нибудь...

И Жоффръ продолжаетъ молчать. Френчъ, желая смягчить эффектъ послѣднихъ своихъ словъ, добавляетъ:

— Было бы гораздо лучше, генералъ, вмѣсто того, чтобы наступать, отойти назадъ, значительно больше назадъ, чѣмъ вы въ настоящее время предполагаете. Непріятель тѣмъ самымъ еще больше удалится отъ

своихъ базъ, и мы пріобрѣтемъ возможность удачнаго флангового охвата. Тогда все будетъ въ порядкѣ.

Но подобное предложеніе Френча въ данный моментъ не можетъ быть даже обсуждено. Ланрезакъ, несмотря на побѣду, на границѣ гибели. Двѣ арміи угрожаютъ его флангамъ, двойной ударъ можетъ послѣдовать каждую минуту, а потерять одну армію изъ шести, одну шестую часть сѣвернаго фронта... о, это больше, чѣмъ катастрофа. Это генеральное пораженіе!

И Жоффръ сухо откланивается. Пусть съ Френчемъ расправляются дипломаты. Онъ, Жоффръ, слишкомъ солдатъ, чтобы тратить время на уговоры. Англичане не хотятъ? Не могутъ?

Ладно.

Французы попытаются найти выходъ сами.

ОЧИСТИТЬ ВИТРИ ЛЕ ФРАНСУА!

На обратномъ пути Жоффръ слышетъ сильную канонаду.

Что могъ предпринять Ланрезакъ?

Ѣхать къ нему? Ознакомиться съ обстановкой на мѣстѣ?

Невозможно! Вѣдь положеніе и у остальныхъ армій не многимъ лучше, чѣмъ у войскъ Ланрезака.

Скорѣй въ Витри Ле Франсуа.

И автомобиль командующаго несется, какъ молнія, поднимая тучу пыли, яростно давая сигналы гудкомъ, разгоняя обозы, колонны и батареи.

Опять четыре часа пути — и передъ Жоффромъ Бертело.

— Какъ съ Ланрезакомъ?

— Онъ звонилъ часа два тому назадъ. Требовалъ приказовъ.

— Какъ его настроеніе?

— Ужасное. Онъ прямо издѣвался надъ нами. Белэнъ внѣ себя. Требуя приказовъ, Ланрезакъ грозилъ не двинуться съ мѣста даже въ томъ случаѣ, если ему будетъ угрожать гибель.

— Я понимаю его, Бертело... Отдайте немедленно телеграфный приказъ отступить... И... вы, конечно согласны, что успѣхъ Ланрезака не облегчилъ положенія фронта?..

— Къ сожалѣнію это такъ, экселансъ.

— Да... Въ такомъ случаѣ... Въ такомъ случаѣ, Бертело, ставкѣ придется тоже «отступить». Что вы предложите?

Бертело отвѣчаетъ незамедлительно. Онъ, вѣдь, начальникъ штаба.

— Экселансъ, диспозиція мною уже разработана. Кажется, что Баръ сюръ Объ будетъ самымъ подходящимъ мѣстомъ для ставки главнокомандующаго.

— Хорошо. — Голосъ Жоффра надломленъ.—Распорядитесь, чтобы квартирьеры выѣхали туда немедленно. Баръ сюръ Объ... Прекрасно. Имя, какъ имя. Но,—я вамъ одно могу сказать, генералъ: въ Баръ сюръ Объ мы войны не кончимъ. Пусть нѣмцы на это не надѣются! Я буду драться, даже если меня загонятъ на побережье Атлантическаго океана.

Жоффръ впервые за все время войны потерялъ самообладаніе. Впервые его нервы, нервы человѣка, повелѣвающаго милліонной арміей, сдали. Онъ устало опускается въ кресло, закрываетъ глаза рукой.

Сегодня суббота. На колокольнѣ церкви Божьей Матери монотонно звонитъ колоколъ. Вечерѣетъ. Площадь передъ школьнымъ домикомъ тиха, заполнившіе ее автомобили словно дремлютъ, убаюкивая свернув-

шихся въ нихъ шоферовъ. Миръ и тишина царствуютъ въ городкѣ, это впечатлѣніе подчеркивается легкимъ ароматомъ ладана, который доносится вѣтромъ изъ открытыхъ дверей скупо-освѣщенной церкви.

Внезапно внутри школьнаго домика нарушается тишина. Правда, Жоффръ отдалъ квартирьерамъ строгое приказаніе хранить глубочайшее молчаніе, но о томъ, что ставка переѣзжаетъ въ Баръ сюръ Объ, знаютъ уже всѣ. Поднимается суматоха, жужжанье возбужденныхъ голосовъ, перешептыванія, сплетни. О работѣ больше никто не думаетъ. Повсюду видны группы офицеровъ, совѣщающихся, высказывающихъ всякаго рода предположенія, смущающихъ другъ друга.

Генералъ Эрбійонъ, офицеръ связи между правительствомъ и ставкой, входитъ въ одну изъ комнатъ, гдѣ собралась особенно многочисленная группа офицеровъ съ полковникомъ Александеромъ во главѣ. Въ моментъ, когда Эрбіонъ прикрываетъ за собой дверь, одинъ изъ офицеровъ говоритъ:

— Да, но гдѣ теперь Жоффръ найдетъ новую линію, такую удобную для сооруженія укрѣпленій?

Одинъ офицеръ авторитетно заявляетъ «Марна». Другой: Марна? Нѣтъ. Сена!

Протестуетъ третій. Ни Марна, ни Сена. Йонна.

Четвертый: Плато Сентраль.

Линія обороны волей фантазіи офицеровъ отодвигается все больше на востокъ и, когда это доходитъ до абсурда, изъ угла раздается ироническій голосъ Эрбійона:

— Господа офицеры. Вы забыли Пиренеи!

— Что такое?

— Пиренеи, говорю я. Если вы, господа, будете заниматься пустой болтовней вмѣсто того, чтобы работать, мы, дѣйствительно, докатимся до Пиренеевъ.

Но чтобы эта фраза не звучала оскорбительно, полковникъ улыбнувшись обращаетъ все въ шутку:

— Маршъ по мѣстамъ, новое отступленіе разрабатывать!

Вмѣшательство Эрбійона самое своевременное. Три фразы, брошенныя во время, тушатъ зародившіяся искры растерянности. Офицеры невольно смѣются надъ своими разсужденіями, еще пять минутъ тому назадъ казавшимися такими важными, а теперь смѣшными. Они занимаютъ мѣста у своихъ столовъ. Черезъ минуту въ комнатѣ водворяется тишина, нарушаемая только шуршаньемъ картъ и бумагъ, скрипѣніемъ рейсфедеровъ и рѣдкими гудками полевыхъ телефоновъ.

Такая же тишина и въ комнатѣ Жоффра. Главнокомандующій сидитъ, уйдя глубоко въ кресло и задумчиво смотря въ пространство. Планы одинъ смѣлѣе другого смѣняются въ его мозгу, но ни одинъ не заставляетъ сосредоточиться. Жоффръ переживаетъ такой моментъ, когда разумъ человѣка рождаетъ внезапное, инстинктивное вдохновеніе, изъ котораго кристаллизуется непоколебимое рѣшеніе.

Уже почти полночь, а Жоффръ все еще въ своемъ креслѣ. Теперь онъ ждетъ вызова изъ Парижа. Мильеранъ предупредилъ, что будетъ разговаривать ровно въ 24 часа.

— Да, это я. Добрый вечеръ, г-нъ министръ.

Жофръ докладываетъ Мильерану, что ставка вынуждена эвакуироваться. Указываетъ на то, что Парижъ отнынѣ оказывается въ зонѣ не-

посредственной опасности. Повторяетъ свое желаніе, чтобы правительство немедленно покинуло столицу.

— Неужели же нѣтъ никакой надежды, генералъ? — спрашиваетъ Мильеранъ.

— Есть, конечно, но эта надежда за 2.000 километровъ отсюда, и я не знаю еще, какъ справились русскіе со своей смѣлой задачей.

— Будемъ надѣяться...

Жоффръ кладетъ трубку. Онъ чувствуетъ страшную усталость, потягивается и рѣшаетъ отдохнуть.

Въ коридорѣ, по которому онъ идетъ размѣренными шагами, его догоняетъ офицеръ радіо - связи.

— Монъ женераль...

— Въ чемъ дѣло?

— Мы только что перехватили радіограмму бошей...

Жофръ беретъ исписанный чернильнымъ карандашомъ листокъ.

«Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ! — читаетъ онъ. — Вторая русская армія силою въ три корпуса была окружена и полностью уничтожена. Всѣмъ, всѣмъ всѣмъ! Вторая русская армія...»

Жестомъ отчаянія Жоффръ суетъ листокъ обратно въ руки офицера, кашляетъ, и, рѣзко повернувшись, быстрыми шагами достигаетъ своей спальни.

Часть вторая

Трагедія подъ Сольдау

Шли войска на войну... Колыхались цвѣтныя знамена
Колебались штыки загорѣлыхъ и пыльныхъ солдатъ,
И звучали шаги подъ аккорды звона,
И за рядомъ солдатъ проходилъ наступающій рядъ...

ПЛАНЪ ВОЙНЫ «А» И ПЛАНЪ «Г».

Мы подошли къ самому трагическому эпизоду великой войны — гибели арміи Самсонова въ трясинахъ и лѣсахъ Восточной Пруссіи. Спаситель Варшавы и руководитель «чуда на Вислѣ» генералъ Вейганъ называетъ этотъ драматическій актъ великой войны «германской Марной».

Пораженіе второй русской арміи нанесло Россіи смертельную рану, отъ которой она не могла оправиться въ продолженіе всей войны. Если бы русскіе въ августѣ 1914 г. отбросили германцевъ къ Вислѣ, они добились бы огромнаго стратегическаго преимущества, благодаря которому сѣверный флангъ арміи избавился отъ опасности быть обойденнымъ, а австрійская армія оказалась бы вынужденной прекратить начатое наступленіе и поспѣшно отступить вглубь страны. Кромѣ того, пораженіе подъ Сольдау явилось причиной ряда внутреннихъ процессовъ, которыхъ, при наличіи побѣды, могъ избѣжать организмъ арміи. Нѣмцы называютъ гибель арміи Самсонова битвой подъ Таненбергомъ, въ то время какъ русскіе — битвой подъ Сольдау. Такъ же, какъ и Марна, битва подъ Сольдау нашла откликъ въ многочисленныхъ трудахъ военныхъ обозрѣвателей и породила оживленную полемику, причемъ до сихъ поръ не выяснено съ достовѣрностью, — почему гибель самсоновской арміи вылилась въ столь грандіозныя формы: были ли въ этомъ случаѣ налицо предательство и неспособность генераловъ, или же просто несчастный случай.

Большинство военныхъ авторитетовъ оправдываетъ Самсонова и считаетъ, что этотъ генералъ поступилъ совершенно правильно и въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами. Другое дѣло — командующій первой русской арміей, Ренненкампфъ, дѣйствія котораго какъ въ русской, такъ и въ нѣмецкой и французской литературѣ встрѣчаютъ самое жестокое осужденіе.

Битва подъ Сольдау насыщена столь сильнымъ драматическимъ элементомъ, что мы не сочли возможнымъ раздробить ее и привести въ хронологическомъ порядкѣ. Вслѣдствіе этого мы оказываемся вынужденными вернуться на нѣсколько дней назадъ и начать повѣствованіе съ того момента, когда русскія арміи перешли границу Германіи.

*

Еще до начала войны русскимъ генеральнымъ штабомъ было разработано два плана стратегическаго развертыванія армій:

Планъ «А» (Австрія) предусматривалъ сосредоточеніе главныхъ германскихъ силъ съ самаго начала войны противъ Франціи, въ то время какъ австро-венгерская армія, за исключеніемъ незначительнаго заслона противъ Балканъ, предполагалась обрушившейся на Россію. Въ этомъ случаѣ главныя силы русскихъ армій должны были быть брошены противъ австрійцевъ, въ то время какъ на германской границѣ предполагалось проведеніе лишь оборонительныхъ операцій.

Другой планъ, «Г» (Германія), былъ намѣченъ на тотъ случай, если бы главныя германскія силы съ самаго начала войны оказались двинутыми противъ Россіи, на которую съ юга двигалась бы австрійская армія.

Въ этомъ случаѣ центръ опасности переносился къ сѣверу. Главная масса русскихъ войскъ должна была быть двинута противъ германцевъ, въ то время какъ австрійская армія сдерживалась бы только заслономъ.

Въ первые же дни войны поступившія въ русскій главный штабъ свѣдѣнія выяснили, что германскіе корпуса, расположенные въ Силезіи и Познани, начали передвигаться къ границамъ Франціи. Первыя сраженія, развернувшіяся въ Бельгіи, и вступленіе въ войну Англіи не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что Россіи надо воспользоваться планомъ «А.»

По свѣдѣніямъ, полученнымъ русскимъ генеральнымъ штабомъ раньше, общая численность германскихъ войскъ, находящихся въ Восточной Пруссіи достигала 2—3 кавалерійскихъ дивизій и отъ 15-ти до 19-ти пѣхотныхъ дивизій. Что же касается даты, когда непріятель могъ начать осуществленіе задуманныхъ имъ операцій, то предполагалось, что нѣмцы будутъ готовы на десятый день мобилизаціи, а австрійцы, располагавшіе 10 кавалерійскими дивизіями, и отъ 43 до 47 пѣхотныхъ дивизій, на пятнадцатый день.

Противъ этихъ силъ Россія была въ состояніи развернуть въ продолженіе перваго мѣсяца войны 31 кавалерійскую дивизію и 28 корпусовъ, состоящихъ изъ 57 дивизій. Въ тотъ же срокъ должны были быть сформированы еще около 30 резервныхъ дивизій, но недостаточное снабженіе и слабая подготовка позволяли пользоваться ими только въ смыслѣ оборонительныхъ дѣйствій и, главнымъ образомъ, въ качествѣ крѣпостныхъ гарнизоновъ.

Центръ тяжести плана «А» состоялъ въ томъ, чтобы въ наикратчайшій срокъ и наилучшимъ образомъ произвести перегруппировку армій. Всѣ вооруженныя силы Россіи дѣлились на двѣ группы дѣйствующей арміи и двѣ группы особыхъ армій.

Группа армій сѣверо-запада находилась подъ командованіемъ генерала Жилинскаго и состояла изъ двухъ армій: Первая армія генерала Ренненкампфа, — 4 армейскихъ корпуса и 5 съ половиной кавалерійскихъ дивизій, и вторая армія генерала Самсонова, — 5 корпусовъ и 3 кавалерійскихъ дивизіи.

Эта сѣверо-западная группа образовывала фронтъ. Ея цѣлью было — разбить нѣмцевъ въ Восточной Пруссіи и оккупировать эту провинцію вплоть до Вислы, использовавъ послѣднюю, какъ базу для развитія дальнѣйшихъ операцій.

Другая группа, юго западная, находилась подъ командованіемъ генерала Иванова и состояла изъ третьей, четвертой, пятой и шестой армій, общей силой въ 16 корпусовъ и 18 съ половиной кавалерійскихъ дивизій. Назначеніе этой группы было — разбить австро-венгерскія войска и помѣшать имъ развернуться за Днѣстромъ, а также на плацдармѣ Кракова. Въ распоряженіи обѣихъ группъ имѣлось отъ 11 до 12 резервныхъ дивизій, распредѣленныхъ гарнизонами по крѣпостямъ.

Что же касается особыхъ армій, то одна была размѣщена въ районѣ Петрограда и Финляндіи, на случай непріятельскаго десанта въ этой зонѣ, а также вмѣшательства въ войну Швеціи на сторонѣ центральныхъ державъ. Другая же держалась въ резервѣ на случай неожиданностей со стороны Румыніи и Турціи.

Едва только разразилась война, какъ планъ «А» претерпѣлъ значительныя измѣненія. Съ одной стороны, международная обстановка быстро обрисовалась; опасность выступленія Швеціи отпала и главнокомандую-

щій русской арміей великій князь Николай Николаевичъ изъялъ изъ со-состава Сѣверной Особой арміи два корпуса. Кромѣ того, въ виду наличія слабыхъ германскихъ силъ въ Восточной Пруссіи, онъ счелъ возможнымъ ослабить первую армію Ренненкампфа на цѣлый корпусъ.

Выдѣленныя части были сконцентрированы вокругъ Варшавы, составивъ ядро для новой группы — 9-ой и 10-ой армій, которыя должны были вторгнуться: одна въ направленіи Познани, другая же — въ сторону Бреславля. Дѣйствуя подобнымъ образомъ, великій князь шелъ навстрѣчу желаніямъ французскаго генералиссимуса, просившаго немедленнаго и энергичнаго вторженія русскихъ войскъ въ направленіи сердца Германіи.

▪

Со дня заключенія въ 1892 году военнаго соглашенія между Франціей и Россіей между штабами обоихъ государствъ происходили многочисленныя совѣщанія. Къ сожалѣнію, никогда не возникалъ вопросъ объ организаціи единаго командованія и координированіи военныхъ операцій обѣихъ армій. Во время послѣдней конференціи въ 1913 году Жоффръ заявилъ, что концентрація французской арміи на сѣверо-восточномъ отрѣзкѣ французской границы будетъ закончена на десятый день мобилизаціи, и что на одиннадцатый день французы перейдутъ въ наступленіе. Россія же могла закончить разворачиваніе своихъ силъ не раньше, чѣмъ на 28-ой или 29-ой день мобилизаціи.

Тѣмъ не менѣе, генералъ Жилинскій, бывшій тогда начальникомъ генеральнаго штаба, отдававшій отчетъ въ важности быстраго начала операцій со стороны русской арміи, принялъ обязательство начать наступленіе противъ Германіи уже на пятнадцатый день. Предполагалось, что для образованія фронта будутъ использованы войсковыя части, расположенныя въ зонѣ, прилегающей къ Восточной Пруссіи. Уже тогда предвидѣли, что тылъ полностью не можетъ быть организованъ. Тѣмъ не менѣе послѣднее обстоятельство русскій штабъ не пугало: было рѣшено, что снабженіе армій будетъ налажено впослѣдствіи.

Такимъ образомъ, Россія должна была начать поспѣшное наступленіе на Германію ,двинувъ противъ нея 8 корпусовъ, и противъ Австріи — выставивъ 16 корпусовъ. Третья группа, какъ уже было сказано, концентрировавшаяся у Варшавы, готовилась для похода на Познань и Бреславль.

Русскій генеральный штабъ оказывался передъ трудной задачей, такъ какъ западныя границы Россіи не позволяли русской арміи зарваться глубоко въ территорію противника. Слишкомъ быстрое продвиженіе армій на этомъ отрѣзкѣ фронта, при наличіи германскихъ силъ съ сѣвера и крупныхъ австрійскихъ силъ въ Галиціи, создавало опасность быть обойденными и больше того, — отрѣзанными отъ тыла.

Выражаясь графически, австрійская и германская арміи представлялись русскому штабу въ видѣ расположенныхъ справа и слѣва устоевъ, на которыхъ держался весь германскій планъ войны на восточномъ фронтѣ. Прежде чѣмъ двинуться на Берлинъ или Вѣну, надо было одинъ изъ этихъ устоевъ выбить.

Но возникалъ вопросъ: какой устой слѣдуетъ уничтожить въ первую очередь? И не представляется ли возможнымъ выбить оба сразу?

Русскій штабъ пришелъ къ правильному заключенію, что если дѣло идетъ о выборѣ, то жребій долженъ пасть на Германію. Кромѣ того, какъ

въ штабѣ, такъ и въ общественности, существовало убѣжденіе, что Россіи необходимо честно исполнить обязательства, взятыя страно по отношенію къ Франціи, и облегчить ея положеніе, пользуясь самыми существенными мѣрами. Германія же угрожала Франціи прямо, въ то время, какъ Австро - Венгрія представляла второстепенную опасность.

Могутъ спросить: почему же въ такомъ случаѣ Россія не сосредоточила главную силу своихъ армій противъ Германіи, оставивъ противъ Австріи только слабый заслонъ?

На это офицеры русскаго генеральнаго штаба давали три отвѣта: во первыхъ надо было считаться съ австро - венгерской арміей, такъ какъ, она все же связывала свободу дѣйствій остальныхъ русскихъ армій. Во вторыхъ, Россія рѣшила воспрепятствовать Австріи раздавить Сербію, и, наконецъ, въ случаѣ достиженія рѣшительнаго успѣха надъ Дунайской монархіей, могли возникнуть неожиданныя возможности, вродѣ распада этого государства на отдѣльныя образованія, что вообще вывело бы Австро-Венгрію изъ игры.

Итакъ, надо было спѣшно сдѣлать выборъ. Надо было концентрировать противъ одного изъ двухъ противниковъ силы, елико возможно большія, и нанести ему съ самаго начала такой ударъ, который вывелъ бы его на долгое время изъ строя и позволилъ русскимъ арміямъ вторгнуться вглубь страны. Для того, чтобы фиксировать выборъ, Россіи надо было остановиться на своей конечной цѣли, отбрасывая въ сторону всѣ второстепенныя разсужденія политическаго характера. Возможно, что Австрія могла быть разбита на равнинахъ Венгріи, но этотъ маневръ оправдалъ бы себя только въ томъ случаѣ, если бы Франція не оказалась побѣжденной Германіей. Въ противномъ случаѣ слѣдующій ударъ Германіи былъ бы направленъ по Россіи, и тогда побѣда надъ Австріей явилась бы проблематичной, а провалъ войны — неминуемымъ.

Поэтому именно противъ Германіи, противъ этого мозга коалиціи Центральныхъ державъ, слѣдовало направить русскій ударъ. Въ Восточной Пруссіи были только слабые контингенты непріятельскихъ войскъ, и для уничтоженія ихъ Россія сконцентрировала силу, которую германцы образно прозвали «дампфвальце». Надъ Восточной Пруссіей былъ занесенъ молотъ, стремящійся раздавить насѣкомое.

Но даже если бы этотъ молотъ не справился съ возложенной на него задачей, цѣль союзниковъ была бы все таки достигнута. Русскимъ достаточно было перейти Вислу, достигнуть Одера, протекающаго лишь въ ста километрахъ отъ Берлина, и паника поднялась бы въ столицѣ Германіи. Съ какой поспѣшностью сталъ бы штабъ Мольтке перебрасывать съ западнаго фронта на восточный подкрѣпленія, дабы избѣжать смертельнаго удара! Въ этотъ моментъ пробилъ бы роковой часъ войны, онъ долженъ былъ стать ужаснымъ для Германіи, потому что французы не замедлили бы использовать ослабленіе нѣмецкаго западнаго фронта и прорваться на территорію своего врага.

Поскольку это утвержденіе оказывается вѣрнымъ, свидѣтельствуетъ та тревога, которая поднялась въ Кобленцѣ, едва только прибыли первые свѣдѣнія объ успѣхахъ русскихъ въ Восточной Пруссіи. Уже 22-го августа германское верховное командованіе стало готовить для переброски на русскій фронтъ пять корпусовъ, изъ которыхъ два корпуса и одна дивизія кавалеріи были отправлены въ помощь Гинденбургу. Остальные не по-

слѣдовали на востокъ только потому, что армія Рэнненкампфа топталась на мѣстѣ, представляя собой исключительно теоретическую угрозу для плановъ руководителей 8-ой германской арміи.

РУССКІЯ АРМІИ ПЕРЕХОДЯТЪ ГРАНИЦЫ.

Личный поѣздъ великаго князя Николая Николаевича, поблескибая зеркальными окнами, медленно движется во главѣ девяти другихъ поѣздовъ, перевозящихъ въ зону военныхъ дѣйствій персоналъ ставки верховнаго главнокомандующаго. Мощно вздыхаетъ блестящій «коломенскій» паровозъ, густыми клубами выбрасывая черный дымъ, перемѣшанный съ паромъ. Огромныя, съ человѣческій ростъ, колеса локомотива, вращаются медленно, потому что великій князь приказалъ по линіи давать всѣмъ воинскимъ эшелонамъ предпочтеніе.

Въ Псковѣ остановка на нѣсколько часовъ. Въ буфетѣ необычное оживленіе, небывалое скопленіе высшихъ чиновъ арміи, толпящихся въ вокзальныхъ помѣщеніяхъ и на забитыхъ пассажирами платформахъ.

Свистокъ, и поѣздъ трогается дальше. Онъ пропускаетъ мимо себя воинскіе эшелоны, изъ теплушекъ которыхъ торчатъ ноги въ высокихъ сапогахъ, виднѣются защитныя гимнастерки, раздаются залихватскія пѣсни тысячъ и тысячъ молодыхъ солдатъ.

Въ Двинскѣ опять остановка. Всѣ подъѣздные пути забиты вагонами, комендантъ и начальникъ станціи потеряли голову, у закрытыхъ семафоровъ нетерпѣливо ревутъ паровозы, на эстокадахъ копошатся артиллеристы, грузящіе на платформы огромныя тяжелыя орудія.

Свистокъ, — поѣздъ главнокомандующаго идетъ дальше. На вокзалѣ Вильны его встрѣчаетъ импозантный генералъ Ренненкампфъ, окруженный своимъ штабомъ. Великій князь съ удовлетвореніемъ принимаетъ рапортъ, что первая русская армія уже перешла германскую границу и побѣдоносно движется къ Кенигсбергу. Съ нескрываемой гордостью Николай Николаевичъ говоритъ стоящему рядомъ съ нимъ англійскому военному представителю генералу Вильямсу:

— Какъ видите, генералъ, наша мобилизація протекала съ точностью часового механизма. Мы нанесли первый ударъ врагу, точно, какъ по секундной стрѣлкѣ!

Поѣздка продолжается. Поѣздъ, гремя на стыкахъ, влетаетъ на вокзалъ Лиды вечеромъ. Здѣсь верховнаго главнокомандующаго ожидаетъ часть офицеровъ штаба генерала Жилинскаго, командующаго сѣверо-западнымъ фронтомъ. Самъ ген. Жилинскій еще въ пути. Онъ спѣшитъ навстрѣчу главнокомандующему въ экстренномъ поѣздѣ, несущемся изъ Волковыска, гдѣ расположилась его штабъ-квартира. Въ полночь Жилинскій прибываетъ въ Лиду и идетъ представляться великому князю въ сопровожденіи французскаго представителя генерала де Лагишъ.

Николай Николаевичъ въ наилучшемъ настроеніи. Онъ сердечно жметъ руку француза и говоритъ:

— Я только что телеграфировалъ вашему послу въ Петербургъ, что, согласно полученнымъ свѣдѣніямъ, можно увѣренно смотрѣть на будущее. Концентрація нашихъ войскъ протекаетъ значительно быстрѣе, нежели я могъ надѣяться. Наступленіе въ полномъ ходу.

Великій князь жестомъ приглашаетъ Жилинскаго въ свой вагонъ на совѣщаніе, которое длится до самаго разсвѣта. Во время совѣщанія, въ которомъ принимаетъ участіе и французъ де Лагишъ, великій князь нѣ-

сколько разъ сносится по телефону съ Волковыскомъ. Опираясь на крѣпкія, длинныя руки, онъ смотритъ на развернутыя передъ нимъ карты, на очертанія Восточной Пруссіи, въ большей своей части покрытой длинной лентой врѣзающихся другъ въ друга холмовъ.

Эта лента тянется отъ востока къ западу, образуя горную цѣпь шириною примѣрно въ 80 километровъ, и извѣстна подъ названіемъ «Балтійскихъ холмовъ».

Въ общемъ, холмы эти невысоки, и рѣдкій изъ нихъ выше полутораста метровъ, но имѣются отдѣльныя возвышенности, достигающія 250 и даже 300 метровъ. Эта часть Восточной Пруссіи можетъ быть сравнена съ полемъ, взрытымъ кротами, причемъ каждая кротовая куча покрыта густымъ лѣсомъ, разбѣгающимся во всѣ стороны.

Къ югу и къ востоку отъ этой ленты холмовъ, покрытыхъ непроходимымъ лѣсомъ, начинается районъ озеръ. Мѣстность здѣсь очень пересѣченная, и водные бассейны всѣхъ размѣровъ заливаютъ овраги. Въ промежутки между озерами втискиваются перешейки, либо зыбуче-песчаные, либо болотистые. Кое-гдѣ тянутся рѣдкія проселочныя дороги, плохія и почти непроходимыя. Населеніе въ этой мѣстности очень малочисленно и разбросанно.

Вотъ съ какими препятствіями приходилось столкнуться арміи Самсонова.

А сѣвернѣе, ближе къ морю, неподалеку отъ восточной границы Пруссіи, безчисленныя озера образуютъ непрерывную цѣпь, тянущуюся съ юга на сѣверъ, между Іоганнисбургомъ и Ангербургомъ. Тамъ озера соединяются и вливаются въ Инстеръ посредствомъ небольшой рѣчки Ангераппъ. Знаменитыя Мазурскія озера...

Эту естественную преграду, о которую не разъ уже разбивались непріятельскія арміи, защищаетъ маленькая крѣпость Лэтценъ, прикрытая съ юга вспомогательнымъ фортомъ Бойенъ. Въ тотъ моментъ, когда вниманіе руководителей русскими арміями приковано къ картѣ, эту созданную въ дни мира линію укрѣпленій германцы, лихорадочно работая днемъ и ночью, успѣли продолжить до Инстера. Вдоль Ангераппа уже вьются глубокіе окопы, за которыми тутъ и тамъ разбросаны лисьи норы и позиціи артиллеріи. Такіе же окопы, но законченные незадолго до начала великой войны, тянутся и между Іоганнисбургомъ и Ортельсбургомъ.

Здѣсь населеніе болѣе густое и селенія встрѣчаются чаще. И тамъ, гдѣ протекаетъ Прегель съ его притоками, должна была развернуться операція арміи Ренненкампфа.

Армія этого генерала находится не въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ самсоновская. Мѣстность слегка волнистая и усѣяна обширными помѣстьями, мызами и хуторами, по границамъ которыхъ бѣгутъ жилки желѣзныхъ дорогъ. Здѣсь часто встрѣчаются широкія аллеи, обсаженныя высокими тополями, разбѣгаются группы кустарниковъ, между которыми вьются дороги, обсаженныя ветлами и старыми ивами.

Въ этой мѣстности переходы войскъ сильно затруднительны. Артиллеріи трудно развернуться. Районъ дѣйствій Ренненкампфа обрывается на сѣверѣ Кенигсбергомъ, который нѣмцы въ послѣвоенной литературѣ называютъ «срытой крѣпостью». На самомъ же дѣлѣ онъ являлся тогда мощной преградой на пути русскихъ полковъ.

Но вотъ еще одинъ участокъ, игравшій большую роль въ операціяхъ арміи Ренненкампфа, — пустошь Роминты. Эта равнина, перерѣзанная

ручьями, въ большей своей части болотиста. Роминта примыкаетъ къ озерному району и придаетъ Восточной Пруссіи ея специфическій характеръ. На ней находятся личныя имѣнія кайзера Вильгельма, съ огромными охотничьими угодьями, расположенными у самой русской границы въ какихъ-нибудь 30 километрахъ къ юго-востоку отъ Гумбинена. Это охотничье угодье обнимаетъ мѣстность, простирающуюся съ востока на западъ на 25 километровъ, и съ сѣвера на югъ на 15. По угодью проходитъ только одна дорога съ запада на востокъ, съ сѣвера же на югъ нѣтъ ни одной. Пустошь Роминты является трудно преодолимымъ препятствіемъ для арміи, задавшейся цѣлью спуститься къ югу.

Николай Николаевичъ проводитъ длиннымъ ногтемъ по линіямъ дорогъ и говоритъ:

— Ренненкампфъ долженъ атаковать здѣсь и здѣсь. Ему необходимо во что бы то ни стало отрѣзать германскія войска отъ Кенигсберга, преградивъ имъ путь къ Вислѣ. Скажите, каково тактическое положеніе нашихъ войскъ сейчасъ? — обращается онъ къ Жилинскому.

Командующій юго-западнымъ фронтомъ въ свою очередь склоняется надъ картой.

— Отданные до сихъ поръ приказы исполняются точно, ваше высочество,—говоритъ онъ.—Армія Ренненкампфа перешла границу на участкѣ Владиславовъ-Сувалки. За кавалеріей послѣдуютъ главныя силы, имѣя главной цѣлью достиженіе фронта Инстербургъ-Ангербургъ. Едва только войска перейдутъ Ангераппъ, они постараются обойти сѣверный флангъ непріятеля, дабы отрѣзать его отъ Кенигсберга. Я распорядился, чтобы кавалерія фланговыми маневрами зашла въ тылъ непріятеля съ цѣлью захвата желѣзнодорожнаго подвижного состава.

Николай Николаевичъ одобрительно наклоняетъ голову.

— А какъ обстоитъ дѣло съ Самсоновымъ?

— Вторая армія перешла границу на линіи Августово-Граево-Хоржеле. Въ настоящее время она стремится развернуться за цѣпью озеръ и въ первую очередь достигнуть фронта Рудчаны-Пассенхеймъ, а затѣмъ линіи Растенбургъ-Зебургъ. Правое крыло самсоновской арміи должно войти въ соприкосновеніе съ южнымъ флангомъ Ренненкампфа на высотѣ Растенбурга.

— Такъ. Но не опасаетесь ли вы, что со стороны Алленштейна нѣмцы могутъ произвести ударъ, который поставитъ тылъ Самсонова подъ угрозу?

— Всѣ мѣры предосторожности приняты, ваше высочество.

— Хорошо. Но что предпринято для установленія связи между первой и второй арміями до тѣхъ поръ, пока они не войдутъ въ соприкосновеніе?

— Второй корпусъ имѣетъ приказъ двигаться по линіи Августово-Лыкъ и сбить германцевъ, защищающихъ фронтъ Арисъ-Лэтценъ. Какъ только эта цѣль будетъ достигнута, второй корпусъ присоединится къ арміи Самсонова, либо пробившись черезъ цѣпь озеръ, либо обойдя ихъ черезъ Іоганнисбургъ.

— Но, мой дорогой! — восклицаетъ Николай Николаевичъ, — вѣдь этотъ маневръ мало угрожаетъ германскому тылу!

— Совершенно вѣрно, ваше высочество, и я уже внесъ коррективъ. Пять дней тому назадъ XIII корпусъ, который до тѣхъ поръ накапливался

ВЕЛ. КН. НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ (1856—1929).

Верховный главнокомандующій русской арміей, весьма преданный военному дѣлу человѣкъ, строгій и требовательный по отношенію къ офицерскому корпусу. Вел. князь былъ искреннимъ другомъ Франціи и въ то же самое время заклятымъ врагомъ всего германскаго. Возглавляя съ первыхъ же дней войны руководство военными операціями, онъ считалъ, что заключенные Россіей договоры съ Франціей и Англіей являются въ первую очередь дѣломъ чести и, когда французское правительство обратилось къ царю Николаю II съ настоятельной просьбой спасти Парижъ отъ германской оккупаціи, вел. князь сразу же поддержалъ эту просьбу, хотя отлично понималъ, что Россія еще не готова, мобилизація еще не закончена и арміи Ренненкампфа и Самсонова еще не могутъ успѣшно наступать. Вслѣдствіе этого обстоятельства наступленіе на Восточную Пруссію, имѣвшее цѣлью оттянуть германскія войска отъ Парижа, приняло характеръ подлинной жертвы.

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ КЛУКЪ (1846—1934).

Генералъ - отъ - инфантеріи. Командующій первой германской арміей. Осуществилъ сложный маневръ провода черезъ Аахенъ всей своей 200-тысячной арміи единовременно. Форсировавъ путь черезъ Бельгію и сѣверную Францію, остановился всего въ 10 километрахъ отъ Парижа. Клукъ былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и рѣшительныхъ нѣмецкихъ генераловъ. Два изумительно искусно исполненныхъ маневра вблизи Парижа до сихъ поръ вызываютъ острую полемику военныхъ спеціалистовъ.

НА ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ.

Командующій 1-ой германской арміей ген. фонъ Клукъ (въ шинели съ мѣховымъ воротникомъ) слѣдитъ за выгрузкой прибывшей изъ Германіи тяжелой артиллеріи.

у Бѣлостока, былъ двинутъ въ Остроленку, а XV корпусъ, концентрировавшійся въ Ломжѣ, былъ переброшенъ въ Праснышъ. Кромѣ того, XXIII корпусъ двинется на сѣверо-востокъ. Этимъ я надѣюсь значительно усилить фланговый ударъ, который Самсонову предстоитъ нанести германцамъ.

— А какія послѣднія свѣдѣнія съ фронта? Что творится у нѣмцевъ?

Жилинскій сносится по телефону съ Волковыскомъ и докладываетъ о томъ, что удалось разузнать при посредствѣ плѣнныхъ и агентовъ развѣдки.

— Теперь можно съ увѣренностью утверждать, ваше высочество, что съ нарушеніемъ бельгійскаго нейтралитета главная масса германскихъ войскъ устремилась къ французскому фронту. Намъ поэтому не приходится опасаться какихъ-либо десантовъ на Балтійскомъ побережьи, и Петербургъ оказывается въ безопасности. На наше счастье, среди нѣмцевъ нашлись предатели, сообщившіе намъ, что Штеттинскій и Познанскій корпуса отправлены на французскій фронтъ. Такимъ образомъ, противъ насъ стоятъ только I-ый, XVII-ый и XX-ый корпуса. Численный перевѣсъ нашихъ войскъ очевиденъ.

— Ну, я надѣюсь, что вы справитесь съ возложенной на васъ задачей, — одобрительно говоритъ великій князь, протягивая Жилинскому руку. — Россія послала на вашъ фронтъ лучшіе полки, лучшихъ генераловъ. Будетъ позорно, если нашъ ударъ по Восточной Пруссіи не удастся.

За зеркальными окнами салонъ-вагона уже совсѣмъ свѣтло. Ступающіе на цыпочкахъ дежурные вѣстовые осторожно, стараясь не мѣшать, раздергиваютъ шелковыя занавѣски, и утреннее солнце яркими, почти горизонтальными лучами заливаетъ салонъ-вагонъ. Лица большинства участниковъ совѣщанія успѣли осунуться послѣ безсонной ночи ,но обрамленное остроконечной бородой породистое лицо великаго князя не выдаетъ никакихъ признаковъ усталости.

Онъ — солдатъ. Всю жизнь посвятилъ служенію арміи, блестяще начавъ карьеру корнета въ турецкую кампанію 1877 года. Съ тѣхъ поръ великій князь не переставалъ увеличивать свои знанія въ военномъ дѣлѣ и серьезно заниматься многочисленными спеціальными вопросами. Въ описываемый нами день онъ уже опытный стратегъ, и даже его враги нѣмцы отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ, который «обладаетъ качествомъ давать здравыя оцѣнки, и притомъ въ смыслѣ энергіи имѣетъ огромное преимущество передъ большей частью русскихъ командировъ». Для Германіи это былъ серьезный противникъ, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо зналъ бытъ и возможности французской арміи.

Являясь искреннимъ другомъ Франціи, Николай Николаевичъ неоднократно присутствовалъ на французскихъ маневрахъ, и въ послѣдній разъ былъ тамъ въ 1913 году. Въ августѣ 1914 г. ему было 58 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ онъ отличался необычайной бодростью. Онъ былъ строенъ, какъ всякій истый кавалеристъ, и не по лѣтамъ энергиченъ. Строгій въ службѣ, онъ былъ многими нелюбимъ, въ особенности генералами на высокихъ постахъ, которыхъ онъ разносилъ, какъ молодыхъ юнкеровъ. Придирчивый въ смыслѣ соблюденія устава, онъ охотнѣе прощалъ солдату, чѣмъ офицеру. Благодаря этому, верховный главнокомандующій былъ очень популяренъ въ солдатской массѣ, которая слѣпо довѣряла ему.

Схема расположенія русскихъ и германскихъ войскъ

ПЕРВАЯ РУССКАЯ АРМІЯ ГЕН. РЕННЕНКАМПФА, послѣ объявленія Германіей войны Россіи, начала сосредотачиваться между Ковно и Гродно. XX корпусъ (ген. Смирнова) въ Ковно. III корпусъ (ген. Епанчина) въ Олитѣ. IV корпусъ (ген. Аліева) южнѣе Олиты. 5-ая стрѣлковая бригада немного впереди IV корпуса, въ сторону Сувалокъ. Сильная кавалерія первой арміи состояла изъ 5-ти дивизій и одной отдѣльной бригады. Она перешла границу двумя группами, расположенными на флангахъ арміи. Впереди лѣваго крыла Ренненкампфа шла 1-ая кавалерійская дивизія (ген. Ромейко-Гурко). Съ праваго же — сильный кавалерійскій корпусъ хана Гуссейна Нахичеванскаго, состоявшій изъ 1-ой и 2-ой гвардейскихъ кавалерійскихъ бригадъ, 2-ой и 3-ей кав. дивизій и 1-ой особой кав. бригады Штабъ-квартира Ренненкампфа была въ Вильнѣ, позже въ Инстербургѣ. Его начальникомъ штаба былъ ген. Милеанъ.

ВТОРАЯ РУССКАЯ АРМІЯ (ГЕН. САМСОНОВА). сосредотачивалась вдоль ук-

рѣпленныхъ береговъ рѣкъ Бобръ и Наревъ. II корпусъ (ген. Шейдемана) къ юго-западу отъ Гродно. VI корпусъ (ген. Благовѣщенскаго) въ Осовцѣ. XV корпусъ (ген. Мартоса) въ Ломжѣ. XIII корпусъ (ген. Клюева) вокругъ Бѣлостока. XXIII корпусъ (ген. Кондратовича), часть котораго входила въ составъ 2-й арміи, въ моментъ начала движенія русскихъ армій выдѣлилъ двѣ дивизіи: одну для гарнизона Ново-Георгіевска и другую для Гродно. Кавалерія 2-ой арміи состояла изъ трехъ дивизій, которыя вторглись въ Восточную Пруссію, такъ же какъ и кавалерія первой арміи, находясь на флангахъ. Справа 4-ая дивизія, начавшая походъ сѣвернѣе Осовца, слѣва — 5-ая и 6-ая дивизіи изъ района Млавы и западнѣе ея. Штабъ-квартира ген. Самсонова была въ Волковыскѣ, позже, — въ Остроленкѣ и Нейденбургѣ. Его начальникомъ штаба былъ ген. Постовскій.

Главныя силы армій сѣв.-западнаго фронта сосредоточился въ 3—5 дняхъ марша отъ границы. Онъ состоялъ изъ 264 батальоновъ, 196 эскадроновъ, 1068 орудій, всего — 515.000 чел., изъ коихъ въ строю находилось 400.000.

ВОСЬМАЯ ГЕРМАНСКАЯ АРМІЯ СОСРЕДОТОЧИЛАСЬ: 2-ая бригада ландвера въ Тильзитѣ. 1-ый кенигсбергскій активный корпусъ (ген. ф. Франсуа) въ Гумбинненѣ. 1-ый резервный корпусъ (ген. ф. Белоу) въ Норденбургѣ. 20-ый алленштейнскій активный корпусъ (ген. отъ артиллеріи ф. Шольцъ) къ югу отъ Алленштейна. 17 данцигскій активный корпусъ (ген. ф. Макензенъ) въ Дейчъ Эйлау. 70 бригада ландвера въ Госслерхаузенѣ. 3-я резервная дивизія (ген. ф. Моргенъ) въ Хоэнзальцѣ. 6-ая бригада ландвера въ Гнезенѣ. Всего — 10 съ половиной пѣхотныхъ дивизій, насчитывающихъ 250.000 чел., изъ нихъ 170.000 въ строю. Прикрытіе отъ Балтійскаго моря и сѣвернѣе Лыка — 1-ая кав. дивизія (ген. Брехтъ) и части, выдѣленныя изъ 1-го армейскаго корпуса. Отъ Лыка до къ западу отъ Сольдау — части 20-го корпуса. Отъ Сольдау до Торна — части 17-го корпуса.

Армія находилась подъ командой генералъ - полковника ф. Приттвицъ и Граффонъ. Въ качествѣ начальника штаба бригадный генералъ ф. Вальдерзэ. Штабъ квартира (съ 8 августа) — въ Маріенбургѣ.

ВЪ СТАВКѢ ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

Около полудня 16-го августа поѣздъ Николая Николаевича прибываетъ въ Барановичи. Такъ же, какъ и Волковыскъ, это мѣстечко незамѣтное и имѣетъ значеніе только потому, что въ немъ пересѣкаются двѣ важныя желѣзнодорожныя линіи: изъ Варшавы на Вильну, Бѣлостокъ и Ровно, и изъ Варшавы въ Москву. Поэтому еще задолго до войны, русскими въ Барановичахъ были произведены большія работы. Въ густомъ сосновомъ лѣсу прорублены просѣки, построены просторныя и комфортабельныя помѣщенія для желѣзнодорожныхъ батальоновъ, проложены многочисленные подъѣздные пути и устроены разъѣзды. Отсюда главнокомандующій можетъ, не покидая своего вагона, посѣщать различные участки обширнаго русскаго фронта.

Неподалеку отъ поѣзда, который останавливается за вокзаломъ, расположенъ просторный домъ. Въ немъ до начала войны жилъ командиръ желѣзнодорожной бригады, стоявшей гарнизономъ въ Барановичахъ. Этотъ домъ теперь очищенъ отъ прежнихъ жителей, и здѣсь устроены канцеляріи ставки. Поодаль — небольшой массивный домъ въ шведскомъ стилѣ. Въ немъ всего пять комнатъ, и въ нихъ помѣстился генералъ-квартирмейстеръ Даниловъ. Въ самой просторной изъ этихъ комнатъ стоитъ огромный столъ, занимающій почти все помѣщеніе такъ, что между нимъ и стѣнами остается только узкій проходъ. Къ этой виллѣ пристроенъ флигель, гдѣ сосредоточилась телефонная и телеграфная связь ставки.

Для защиты ставки отъ воздушныхъ налетовъ примѣнена искусная маскировка. Надъ многими постройками протянута размалеванная желтыми и коричневыми пятнами парусина, поѣзда скрыты сѣнью лѣсовъ, повсюду разставлены дозорные посты, а спеціальную охрану несутъ гвардей-

скій кавалерійскій полкъ и особо спрятанная въ гущѣ лѣса батарея, неустанно наблюдающая за небомъ.

Аэроплановъ нѣтъ. Каждый свободный аппаратъ посланъ въ распоряженіе дѣйствующей арміи. Великій князь не желаетъ, чтобы генералы получили основанія для жалобъ: онъ отдаетъ арміи все, что можетъ, но не забываетъ и личнаго комфорта. Изъ Крыма вызванъ лучшій садовникъ Ливадіи, который долженъ разбить передъ домами и поѣздами цвѣтники, скрасить своимъ искусствомъ тяжелую работу руководителя арміи. То, что этотъ садовникъ нѣмецъ и многіе видѣли въ немъ одного изъ многихъ агентовъ Вильгельма, главнокомандующему нисколько не мѣшало.

Въ ставкѣ живутъ, кромѣ великаго князя Николая Николаевича, генералъ Даниловъ, тринадцать офицеровъ генеральнаго штаба, два топографа, дежурный генералъ, начальникъ управленія военныхъ сообщеній, начальникъ морского управленія, члены гражданской канцеляріи и, наконецъ, дипломаты. Франція представлена маркизомъ де Лагишъ, Англія — генералами Вильямсомъ и Ноксомъ, Бельгія — генераломъ барономъ де Рикель, Японія — генераломъ Оба, Сербія — полковникомъ Лонткевичемъ. Для дипломатовъ отведены особые вагоны.

Расписаніе дня слѣдующее: въ 9 часовъ утра великій князь направляется въ шведскій домикъ, гдѣ изучаетъ карты. Къ этому времени должны быть готовы всѣ рапорты и обработаны всѣ донесенія, поступившія за ночь. На картахъ должны быть отмѣчены послѣднія перемѣщенія корпусовъ и всѣ заново сосредоточенныя въ тылу части. Масштабъ карты — въ одномъ дюймѣ 10 верстъ. Кромѣ нихъ, употребляются и германскія карты.

Въ 10 часовъ начинаются совѣщанія съ начальникомъ штаба Янушкевичемъ, въ которыхъ принимаетъ участіе также генералъ-квартирмейстеръ Даниловъ. Въ полдень диктуются приказы и составляется сводка военныхъ дѣйствій для прессы, десять представителей которой размѣщены въ городѣ. Утренняя работа продолжается до 4 часовъ дня съ короткимъ перерывомъ для завтрака.

Время отъ 4 до 6 часовъ разсматривается какъ отдыхъ. Въ эти часы въ прекрасномъ лѣсу Барановичей становится весьма оживленно. Часто слышна французская рѣчь, мелькаютъ офицеры верхомъ и коляски, въ которыхъ любящіе поохотиться направляются въ богатые дичью районы.

Въ 8 часовъ вечера въ салонъ-вагонѣ сервируется ужинъ, на который по очереди приглашаются высшіе офицеры и дипломаты. Часто, однако, бываетъ, что изъ Москвы или Петербурга пріѣзжаютъ гости, и поэтому для нихъ всегда держится въ резервѣ нѣсколько запасныхъ мѣстъ. Особенно часто навѣдывается въ ставку принцъ Александръ Ольденбургскій, являющійся начальникомъ санитарнаго и эвакуаціоннаго вѣдомства. Его намѣренно назначили на этотъ постъ, такъ какъ дѣятельность принца въ качествѣ командира гвардейскими частями иногда граничила съ крайностями. Говорятъ, что переводъ принца на другую должность состоялся по просьбѣ великаго князя Александра Михайловича, который совѣтовалъ государю не допускать принца Ольденбургскаго въ дѣйствующую армію. Александру Михайловичу приписываютъ даже слова, что «у принца неоспоримая способность запутывать все, что попадаетъ въ его руки». Принца поэтому въ Барановичахъ зовутъ «Сумбуръ-пашой».

Понятно, что лицо съ такой репутаціей не могло долго удержаться въ присутствіи прямого и рѣзкаго верховнаго главнокомандующаго. Принцъ

Ольденбургскій въ концѣ концовъ получилъ командировку на Кавказъ, гдѣ могъ безобидно для руководителей фронтомъ давать выходъ своимъ настроеніямъ.

Военный министръ Сухомлиновъ появлялся на ужинахъ рѣже, потому что съ его стороны, какъ и со стороны вел. князя, существовало опасеніе взаимнаго вмѣшательства въ дѣла. Великій князь прямо заявилъ, что онъ не желаетъ видѣть въ ставкѣ Сухомлинова. Онъ даже не ограничился этимъ, а довелъ до свѣдѣнія министра о своемъ рѣшеніи и узналъ, что Сухомлиновъ рѣшилъ жаловаться на него государю.

Антипатія великаго князя по отношенію къ Сухомлинову была хорошо извѣстна. Очень симптоматична характеристика русскаго военнаго министра, данная французскимъ посломъ при русскомъ дворѣ Морисомъ Палеологомъ.

«Шестидесятилѣтній, находящійся подъ вліяніемъ своей жены, достаточно красивой женщины, бывшей на 32 года моложе его. Образованный, способный, лукавый, приторно-вѣжливый и услужливый по отношенію къ императору. Другъ Распутина, окруженный канальями, служащими ему прекраснымъ кабелемъ для проведенія своихъ интригъ и вѣроломства. Потерявшій привычку къ труду, онъ сосредоточилъ всѣ свои силы на супружескихъ радостяхъ. Замкнутый, онъ всегда насторожѣ, и глаза его скрыты подъ тяжелыми, морщинистыми вѣками. Я знаю очень мало людей, которые съ перваго-же взгляда внушали такъ мало довѣрія».

Портретъ, нарисованный Палеологомъ, нельзя признать преувеличеннымъ, и чтобы провѣрить эти утвержденія, проникнемъ на нѣкоторое время въ большое изъ сѣраго камня зданіе, расположенное на Адмиралтейской площади противъ величественныхъ куполовъ Исакіевскаго собора.

31-е августа. Сухомлиновъ сидитъ за столомъ изъ чернаго дерева. Рядомъ — его первый адъютантъ, который предлагаетъ вниманію военнаго министра объемистую папку бумагъ, ждущихъ подписей. Немного дальше съ карандашомъ и блокнотомъ въ рукѣ въ почтительной позѣ стоитъ одинъ изъ секретарей министра. Онъ готовъ каждую минуту записать новое распоряженіе.

— Ну что, все въ порядкѣ Сергѣй Петровичъ? Хорошія новости съ фронта?

— Наши арміи продолжаютъ наступленіе, ваше превосходительство. Битва въ Галиціи въ скоромъ времени превратится въ побѣду. — Въ Восточной Пруссіи наши первые успѣхи подъ Гумбиненомъ завершатся окруженіемъ 8-й германской арміи или ея генеральнымъ отступленіемъ.

Раздается звонокъ телефона.

— Опять, — раздраженно восклицаетъ Сухомлиновъ. — Я же распорядился, чтобы мнѣ не мѣшали.

— Это главный штабъ, ваше превосходительство. Говорятъ, что хотятъ сдѣлать важное сообщеніе.

— Разъедините.

Но звонки возобновляются снова, настойчивѣе, громче.

— Неужели-же вы не будете въ состояніи заставить ихъ замолчать?

Секретарь беретъ трубку и записываетъ донесеніе. Нѣсколькими минутами позже, поблѣднѣвшій, онъ дрожащей рукой передаетъ министру листокъ:

«Ставка — военному министру. Петроградъ. (Дешифровка.) Командующій сѣверо-западнымъ фронтомъ доноситъ: вторая армія окружена

сильными германскими частями въ лѣсахъ Хоэнштейна и Нейденбурга. Она вначалѣ отбросила ихъ, но на лѣвомъ флангѣ поддался одинъ корпусъ, благодаря чему непріятель получилъ доступъ къ тылу. Въ то же самое время значительные контингенты германскихъ войскъ, прибывшіе съ сѣвера, обошли правое крыло. Три нашихъ корпуса находятся въ безвыходномъ положеніи на сѣверо-востокѣ отъ Нейденбурга. Штаба арміи больше не существуетъ. Самсоновъ покончилъ самоубійствомъ. Сохраняйте сообщеніе въ полной тайнѣ до тѣхъ поръ, пока въ Галиціи не будетъ одержана значительная побѣда.»

Морщинистыя вѣки Сухомлинова суживаются и между ними прорывается недобрый взглядъ. Вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ ворчанье:

— Я самъ доложу государю императору объ этомъ.

На слѣдующій день весь Петроградъ говоритъ о страшномъ пораженіи арміи Самсонова. Сухомлиновъ не сумѣлъ скрыть секрета...

Въ общемъ, отношенія между генералами ставки главнокомандующаго были зачастую острыми. Ревность и интриги теплились подъ покровомъ работъ. Убѣленный сѣдинами предсѣдатель совѣта министровъ Горемыкинъ писалъ въ Петербургъ, что въ Барановичахъ происходитъ то же, что и въ «Войнѣ и Мирѣ» Толстого.

Въ первый вечеръ пребыванія ставки въ Барановичахъ маркизъ де Лагишъ былъ приглашенъ къ столу. Во время сладкаго принесли извѣстіе, что германскія войска оказываютъ у Сталюпенена серьезное сопротивленіе. Великій князь съ раздраженіемъ ударилъ кулакомъ:

— Это чортъ знаетъ, что такое. Не понимаю, какъ Ренненкампфъ не можетъ справиться съ этой горсточкой полковъ! — и, обернувшись къ маркизу, натянуто улыбнувшись, прибавилъ: — Cet animal est bien méchant, quand on l'attaque il se défend! *)

БИТВА НАЧИНАЕТСЯ.

Еще задолго до войны, въ казенныхъ помѣщеніяхъ Кенигсплатца было рѣшено, что генералъ - инспекторъ данцигскаго округа Притвицъ ундъ Граффонъ будетъ защищать Восточную Пруссію, если на эту провинцію ринутся русскіе полки. Въ день принятія этого рѣшенія Притвицъ еще не имѣлъ возможности доказать свои стратегическія способности, но, по всѣмъ даннымъ, германскій главный штабъ предполагалъ, что это лицо больше всего подходитъ для дѣла защиты Восточной Пруссіи.

Нельзя сказать, что задача, возложенная на плечи этого генерала, была легкой. Шлиффенъ, тотъ самый, который разработалъ знаменитый планъ двухсторонней обороны, прямо сказалъ:

— Передъ вами, Притвицъ, труднѣйшая, но прекрасная задача. Помните одно: думайте не о тылѣ, а только о побѣдѣ! Если вы будете поступать такъ, а военное счастье все-таки обманетъ васъ, тогда въ этомъ буду виноватъ только одинъ я.

Увы, Притвицъ не былъ Шлиффеномъ и, хотя помнилъ завѣщаніе великаго стратега, но пользоваться имъ не умѣлъ. Все могло кончиться сравнительно не такъ плохо, если бы Шлиффенъ стоялъ за его спиной, но великій стратегъ умеръ за годъ до начала войны, и на его мѣсто всту-

*) Этотъ звѣрь довольно злой: когда на него нападаютъ, онъ защищается.

пилъ колеблющійся, неувѣренный, больной и пессимистически настроенный Мольтке, постоянно дававшій противорѣчивыя директивы.

«Вы должны во что бы то ни стало перейти въ наступленіе, но... существованіе арміи не должно быть поставлено на карту.»

Или:

«Дѣйствуйте по усмотрѣнію.»

Или:

«Продолжительность наступательнаго движенія должна вытекать изъ общаго положенія.»

8-го августа 1914 года командующій 8-й германской арміей прибываетъ въ Маріенбургъ. Онъ не знакомъ офицерамъ штаба. Впервые пожимаетъ руки. Производитъ импонирующее впечатлѣніе, подавляетъ высокомѣріемъ, такъ ярко выраженнымъ въ нафабренныхъ и вытянутыхъ въ ниточку усахъ. Кажется, что онъ уменъ, но рѣзокъ, рѣзокъ до безграничности, — однимъ словомъ, очень непріятный начальникъ.

Впечатлѣніе офицеровъ штаба не ошибочно. Предыдущая дѣятельность Притвица породила по отношенію къ нему много враговъ изъ среды германскаго генералитета. Притвица называютъ эпикурейцемъ, карьеристомъ, который сумѣлъ опутать кайзера своей ловкостью. Единственно, что генералы не могутъ опровергнуть и должны признать въ немъ — съ военной точки зрѣнія это одинъ изъ самыхъ способныхъ офицеровъ германской арміи.

Въ помощь генералу, отъ котораго зависитъ участь Восточной Пруссіи, прикомандированъ генералъ-майоръ графъ фонъ Вальдерзэ, исполняющій обязанности начальника штаба Притвица. До сихъ поръ Вальдерзэ былъ оберквартирмейстеромъ генеральнаго штаба.

Вальдерзэ считается очень образованнымъ, расторопнымъ офицеромъ, избраннымъ изъ избранныхъ. Нѣкоторыя неудачи, допущенныя имъ въ августѣ 1914 года, объясняются послѣдствіями тяжелой операціи, сдѣлавшей этого офицера нервнымъ. Какъ бы то ни было, своимъ присутствіемъ и ровнымъ, спокойнымъ характеромъ Вальдерзэ уравновѣшивалъ отрицательныя стороны Притвица.

Такъ же, какъ и въ русской ставкѣ, въ штабѣ 8-й германской арміи наблюдались тренія между генералами. Иллюстраціей можетъ быть слѣдующее:

По прибытіи въ Маріенбургъ Притвицъ находитъ письменный приказъ, повтореніе директивъ, данныхъ ему Мольтке въ свое время устно:

«Командующій 8-й арміей дѣйствуетъ сообразно личному убѣжденію. Для арміи предусматривается продолжительный походъ, имѣющій цѣлью защиту границы. Желѣзная дорога въ вашемъ распоряженіи.»

Около 5 часовъ пополудни поступаетъ первый телефонный вызовъ отъ 1-го корпуса. Генералъ фонъ Франсуа лично у аппарата. Онъ сообщаетъ, что продвигается впередъ.

На этотъ рапортъ Притвицъ приказываетъ наступленіе пріостановить. Франсуа, незадолго до начала войны давшій торжественное обѣщаніе кенигсбержцамъ въ томъ, что до тѣхъ поръ, пока онъ на посту, ни одинъ русскій солдатъ не проникнетъ на германскую территорію, и ни одно германское селеніе не сгоритъ, горячо протестуетъ. Онъ указываетъ, что въ случаѣ остановки его корпуса, часть провинціи восточнѣе Инстербурга будетъ потеряна.

На это Притвицъ отвѣчаетъ:

— Потеря части провинціи должна разсматриваться, какъ неизбѣжная жертва.

Чтобы избѣжать какихъ-либо сомнѣній, Притвицъ приказомъ № 2 въ 6 ч. 30 м. веч. повторяетъ свою директиву:

«Приказываю ядру перваго армейскаго корпуса, впредь до дальнѣйшихъ приказаній, обязательно остановиться на берегу Ангераппъ. Если представляется необходимымъ, обезпечить защиту мѣстности между Ангераппомъ и границей. Приказываю произвести это при посредствѣ имѣющейся въ вашемъ распоряженіи кавалерійской дивизіи, усиленной нѣкоторыми отрядами пѣхоты и артиллеріи. Оберкомандо Ахтъ.»

Ген. фонъ Франсуа получаетъ эту телеграмму во время ужина. Продолжая жевать, онъ засовываетъ ее за обшлагъ. Никто изъ присутствующихъ не знаетъ, что происходитъ въ эти минуты въ душѣ боевого генерала и никто не предполагаетъ, что Франсуа будетъ на утро игнорировать этотъ приказъ.

14-го августа Оберкомандо Ахтъ, желая быть ближе къ фронту, перенесло свою штабъ-квартиру въ Бартенштейнъ. Скромный провинціальный отель «Бартенштейнеръ Хофъ», расположенный на рыночной площади, неожиданно пріобрѣлъ блескъ и извѣстность.

Всюду тугіе прусскіе мундиры, ярко начищенные сапоги, остроконечныя каски въ чехлахъ, поскрипывающіе ремни новенькихъ портупей. Подъѣзжаютъ и съ шумомъ уносятся съ порученіями перекрашенные въ защитный цвѣтъ открытые автомобили съ нарисованными на дверцахъ одноглавыми орлами, съ двумя карабинами въ зажимахъ рядомъ съ мѣстомъ шофера. Конные ординарцы, пѣшіе, звонки телефоновъ, перебѣгающіе черезъ площадь солдаты и офицеры со сложенными бумагами за обшлагомъ рукава, — однимъ словомъ, маленькій Бартенштейнъ превратился въ сердце 8-й германской арміи, которая должна сдержать напоръ «дампфвальце» Ренненкампфа и Самсонова.

Въ центрѣ этой кипящей жизни устроился, какъ паукъ, тучный генералъ-полковникъ фонъ Притвицъ үндъ Граффонъ, который окончательно останавливается на планѣ операціи, соотвѣтствующемъ ранѣе разработаннымъ директивамъ, согласно которымъ VIII армія, въ первую очередь, нанесетъ ударъ по приближающемуся Ренненкампфу.

Притвицъ диктуетъ слова Шлиффена:

— Операціи на внутренней оборонительной линіи требуютъ рѣшительности, храбрости и воинскаго духа. Наступающіе русскіе будутъ въ силу географическихъ условій раздѣлены Мазурскими озерами. Мы используемъ это обстоятельство для того, чтобы разбить одну изъ русскихъ армій прежде, чѣмъ приблизится другая. При наличіи малаго количества войскъ, которымъ должно обойтись Оберкомандо, будетъ легче оказаться въ перевѣсѣ въ отношеніи центра непріятельскаго фронта, нежели какого-либо его фланга. Мазурскія озера представляютъ собой хорошую защиту на время сосредотачиванія арміи. Тамъ можно находиться какъ въ засадѣ и поджидать то непріятельское крыло, которое раньше поспѣетъ.

ТРИ КОМАНДИРА.

Передъ началомъ наступленія на сѣверо-западномъ фронтѣ, русское командованіе оказалось лицомъ къ лицу съ трудной задачей: надо было во что бы то ни стало примирить двухъ генераловъ, вражда которыхъ возникла давно, еще во время русско-японской войны. Этими генералами

были — Самсоновъ и Ренненкампфъ. Причина возникновенія антагонизма зародилась еще въ 1904 году, когда Ренненкампфъ при битвѣ подъ Ляояномъ командовалъ группой войскъ. Ему было поручено руководство отвѣтственнымъ наступленіемъ на восточный флангъ японскихъ войскъ, защищавшій горный хребетъ Да-Линъ.

Извѣстно, что уже тогда Ренненкампфъ проявилъ большую нерѣшительность. Въ результатѣ этой нерѣшительности сильный русскій ударъ пришелся впустую, и операція закончилась неудачей. Судьба словно предостерегала русское командованіе отъ порученія въ будущемъ сложныхъ и отвѣтственныхъ задачъ этому генералу. Увы, это предостереженіе не было принято во вниманіе, и Ренненкампфъ снова получилъ возможность повредить ходу военныхъ операцій. 10 лѣтъ спустя на поляхъ Восточной Пруссіи и, годомъ позже, при выполненіи сложно задуманной операціи окруженія цѣлой германской арміи подъ Лодзью, гдѣ, весмотря на превосходное положеніе русскихъ войскъ, онъ выпустилъ изъ желѣзнаго кольца обреченныхъ нѣмцевъ.

Этотъ блестящій фаворитъ императорскаго двора былъ во время операціи подъ Да-Линомъ непосредственнымъ начальникомъ ген. Самсонова, командовавшаго сибирской казачьей дивизіей. 11-го октября 1904 года японцы начали переправу черезъ Тай-Тзе-Хо и, перейдя рѣку у Бенъ-Си-Хо, атаковали лѣвое крыло русской арміи. Ренненкампфъ, чтобы ликвидировать этотъ маневръ японцевъ, посылаетъ на опасный участокъ одну единственную дивизію Самсонова, которая съ отчаяніемъ дерется въ продолженіи всей ночи 11-го октября и слѣдующаго за ней дня, сдерживая напоръ втрое сильнѣйшаго противника. Въ то же время ядро арміи Ренненкампфа находится въ полномъ бездѣйствіи, занимая позиціи въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу.

Самсоновъ, чьи просьбы о присылкѣ подкрѣпленій остаются напрасными, умудряется, однако, удержаться у Бенъ-Си-Хо, причемъ, какъ это выясняется позже, отражаетъ натискъ японцевъ только благодаря своей исключительной энергіи и упорству. Дивизія его несетъ страшныя потери и выходитъ изъ боя въ совершенно истерзанномъ состояніи. Ренненкампфъ-же только въ ночь съ 12 на 13 октября рѣшаетъ послать на усиленіе Самсонова пѣхотную бригаду, которая, однако, прибываетъ слишкомъ поздно, чтобы спасти положеніе.

Когда позиція на Тай-Тзе-Хо переходитъ въ руки японцевъ, Ренненкампфъ продолжаетъ расточать свои войска, бросая ихъ маленькими группами въ ущелья, гдѣ они погибаютъ, вмѣсто того, чтобы атаковать главными силами своей арміи флангъ противника, хотя это и было ему предписано и могло поставить японцевъ въ весьма затруднительное положеніе.

Нѣсколько дней спустя, оба генерала встрѣчаются на перронѣ вокзала въ Мукденѣ. Самсоновъ не можетъ удержаться отъ рѣзкостей по адресу своего начальника, упрекая его за то, что былъ оставленъ на произволъ судьбы подъ Бенъ-Си-Хо. Въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей происходитъ некрасивая сцена объясненія, во время которой Ренненкампфъ теряетъ всякое самообладаніе и даетъ волю площадной брани. Только вмѣшательство адъютантовъ предотвращаетъ драку.

Эта непріятная сцена глубоко запала въ сердце Самсонова, особенно послѣ того, какъ Куропаткинъ, несмотря на общепризнанную инертность Ренненкампфа, далъ послѣднему новое назначеніе и при битвѣ подъ Мук

деномъ возложилъ на него отвѣтственную задачу прикрывать лѣвое крыло русской арміи. И въ этомъ случаѣ Ренненкампфъ проявилъ свою нерѣшительность, не оказавъ русской арміи никакой пользы, но, несмотря на это, по окончаніи манчжурской кампаніи, получилъ третій армейскій корпусъ и нѣсколько лѣтъ спустя назначеніе на отвѣтственный постъ командующаго Виленскимъ военнымъ округомъ. Это назначеніе дѣлало его автоматически командующимъ первой русской арміи въ случаѣ войны противъ Германіи.

Самсоновъ-же, по окончаніи русско-японской войны, былъ назначенъ начальникомъ штаба Варшавскаго военнаго округа, а затѣмъ, позже, — командующимъ войсками Туркестана. Тамъ, въ 2000 километрахъ отъ германской границы, его засталъ приказъ о всеобщей мобилизаціи. Выѣхавъ немедленно къ мѣсту новаго назначенія, Самсоновъ прибылъ 4-го августа въ Варшаву, и день спустя принялъ уже руководство своей штабъ-квартирой въ Волковыскѣ, гдѣ оставался до 19-го августа, послѣ чего перенесъ свою ставку въ Остроленку.

Вел. князь Николай Николаевичъ, послѣ совѣщанія съ Жилинскимъ, согласился, что существующій между Ренненкампфомъ и Самсоновымъ антагонизмъ нельзя упускать изъ вида. Необходимо устроить встрѣчу, чтобы генералы могли примириться. Поэтому въ послѣдній моментъ передъ началомъ операцій обоихъ генераловъ приглашаютъ къ великому князю въ Знаменку, гдѣ имъ приказываютъ до отъѣзда на фронтъ помириться. Передъ этой встрѣчей, какъ великій князь, такъ и ген. Жилинскій были убѣждены, что со стороны благороднаго и добродушнаго Самсонова не встрѣтится никакихъ затрудненій. Между прочимъ, и верховный главнокомандующій, и командующій сѣверо-западнымъ фронтомъ внутренне симпатизируютъ Самсонову и считаютъ его правымъ въ операціи подъ Бенъ-Си-Хо.

Зато Ренненкампфъ, извѣстный своимъ рѣзкимъ и упрямымъ нравомъ, заставляетъ сомнѣваться въ успѣхѣ примиренія. Поэтому Жилинскій предварительно посѣщаетъ Ренненкампфа, и, заставъ его въ хорошемъ расположеніи духа, убѣждаетъ помириться съ Самсоновымъ.

Посредничество Жилинскаго замѣтно волнуетъ Ренненкампфа. Многочисленные ордена на его груди подрагиваютъ, когда онъ говоритъ:

— Въ этотъ тяжелый для родины часъ недопустимы никакіе личные счеты. Мы должны думать только о Россіи и о побѣдѣ нашихъ армій.

При свиданіи въ Знаменкѣ Жилинскій пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ Ренненкампфомъ, въ то время, какъ Николай Николаевичъ принимаетъ Самсонова. Дверь открывается, и въ залъ входитъ главнокомандующій, за которымъ слѣдуетъ Самсоновъ. Предупрежденный заранѣе, онъ рѣшительными шагами приближается къ Ренненкампфу, протягиваетъ руку и молча пожимаетъ ее.

Великій князь приглашаетъ обоихъ командировъ къ столу, но даже за рюмкой водки разговоръ не вяжется. Едва только наступаетъ подходящій моментъ, Самсоновъ откланивается и спѣшитъ на вокзалъ, чтобы поспѣть въ Варшаву. Нѣкоторое время спустя уѣзжаетъ въ Вильну и Ренненкампфъ.

Сумѣли ли генералы изжить взаимную непріязнь — неизвѣстно, но при прощаніи съ Жилинскимъ, великій князь особенно сердечно пожимаетъ руку командующаго фронта и говоритъ:

— Я думаю, что мы можемъ вытравить Ляоянъ изъ нашихъ воспоминаній.

*

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ желѣзнодорожная линія Бѣлостокъ—Барановичи пересѣкаетъ путь Сѣдлецъ—Полоцкъ, расположенъ маленькій уѣздный городъ Волковыскъ, извѣстный только тѣмъ, что въ 1386 году Ягелло принялъ тамъ польскую корону. Но значеніе Волковыска большое. Онъ является желѣзнодорожнымъ узломъ.

Это обстоятельство явилось причиной, почему ген. Жилинскій, командующій сѣверо-западнымъ фронтомъ, разбилъ тамъ свою ставку. Изъ Волковыска было легко сноситься съ любымъ пунктомъ фронта, а также со ставкой главнокомандующаго въ Барановичахъ.

Генералъ Жилинскій, наравнѣ съ обоими командирами арміи Ренненкампфомъ и Самсоновымъ, считался однимъ изъ самыхъ способныхъ офицеровъ русской арміи. Вплоть до марта 1914 года онъ въ продолженіи трехъ лѣтъ занималъ должность начальника главнаго штаба. Офицеры, служившіе подъ его начальствомъ, признавали въ Жилинскомъ большія способности, но осуждали его за нѣкоторую склонность къ нерѣшительности.

Въ качествѣ начальника штаба Жилинскаго былъ назначенъ генералъ Орановскій, бывшій до тѣхъ поръ начальникомъ штаба Варшавскаго военнаго округа. Относительно Орановскаго говорили, что онъ является большимъ знатокомъ германской арміи, въ особенности въ смыслѣ положенія дѣлъ въ германскихъ пограничныхъ корпусахъ и крѣпостяхъ. Еще въ годы мира Орановскій имѣлъ возможность совершить нѣсколько поѣздокъ по Германіи и «осмотрѣться».

Заданіе Жилинскаго было обрисовано великимъ княземъ въ общихъ чертахъ:

— Сдѣлать движеніе армій Самсонова и Ренненкампфа согласованными возможно только при наличіи точныхъ и ясныхъ приказовъ. Въ этомъ смыслѣ я представляю себѣ вашу задачу слѣдующимъ образомъ: стянутыя въ Восточной Пруссіи германскія войска должны быть разбиты, и послѣ того, какъ это произойдетъ, должно быть начато наступленіе на Вислу. Въ соотвѣтствіи съ указанной цѣлью, армія Ренненкампфа должна обойти Мазурскія озера съ сѣвера, а армія Самсонова съ юга и произвести маневръ такимъ образомъ, чтобы указанныя озера остались къ востоку отъ нея. Такъ какъ армія Самсонова, въ силу своего расположенія вдоль Бобра и Нарева, разсматривается, какъ арьергардное прикрытіе наступающихъ на Австрію армій, она должна во что бы то ни стало удерживать свои позиціи на этихъ рѣкахъ.

По прибытіи въ Волковыскъ, Жилинскій оцѣниваетъ германскія силы въ Восточной Пруссіи въ 4 корпуса, и это оказывается правильнымъ. Столь-же близко отвѣчаютъ истинѣ его предположенія относительно концентраціи германскихъ армій: германскіе авангарды будутъ продвинуты къ самой границѣ, въ то время, какъ главныя силы развернутся за Мазурскими озерами. Изъ этимъ соображеній вырисовывается цѣль: отрѣзать германскія войска отъ Кенигсберга, занять пути отступленія къ Вислѣ и начать организацію похода на Берлинъ.

СТРОПТИВЫЙ ГЕНЕРАЛЪ.

Вечеромъ 16-го августа армія Ренненкампфа начинаетъ разворачиваться. Три корпуса, стрѣлковая бригада и 5 съ половиной кавалерійскихъ дивизій, какъ огромная буква «П» вонзаются въ германскую границу фронтомъ Владиславовъ—Мерзункенъ. Выдвинутая въ качествѣ подпорокъ этого «П» русская кавалерія на рысяхъ идетъ впереди, топотомъ своихъ копытъ вспугивая бѣгущихъ жителей. Великая кампанія въ Восточной Пруссіи началась, но планъ ген. Притвица уже съ самаго начала наткнулся на своеволіе умнаго и рѣшительнаго фонъ Франсуа, который попрежнему остается вѣрнымъ своему укоренившемуся убѣжденію, что онъ, какъ командиръ Кенигсбергскаго корпуса, призванъ защищать каждую германскую деревню, не позволивъ ни одной русской спичкѣ прикоснуться къ занавѣскамъ домовъ. Поэтому онъ рвется впередъ, не обращая вниманія на то, что подобное поведеніе выдвигаетъ его корпусъ изъ фронта арміи, что онъ является магнитомъ, могущимъ притянуть къ себѣ полки Ренненкампфа, и тогда битва можетъ перенестись изъ зоны болотъ въ зону, болѣе выгодную для русскаго командованія.

Отношенія между Оберкомандо и строптивымъ генераломъ ухудшаются изо дня въ день. Главнымъ образомъ потому, что съ начала операціи Франсуа утаиваетъ отъ Притвица дѣйствительное расположеніе своихъ войскъ.

Хуже всего, однако, чувствуетъ себя начальникъ штаба корпуса Франсуа — полковникъ Шмидтъ фонъ Шмидсекъ, подчиненный не только Франсуа, но и начальнику штаба 8-й германской арміи графу Вальдерзэ. По долгу службы онъ обязанъ постоянно и честно доносить о мѣстонахожденіи корпуса. Какъ между двумя командирами, такъ и между обоими начальниками штаба возникаютъ сначала холодныя, а позже крайне натянутыя отношенія.

Вотъ, при какихъ условіяхъ первый германскій корпусъ вступаетъ въ бой. Ренненкампфъ установилъ черезъ плѣнныхъ, что Пилкалленъ занятъ сильной германской кавалеріей. Кромѣ того, на хорошія позиціи стали артиллерійскія батареи. Выясняется также, что южнѣе расположенія перваго корпуса окопались части ландвера. Командующій первой русской арміей поэтому увѣренъ, что именно около Пилкаллена начнется бой.

Утромъ, 17-го августа, Франсуа ѣдетъ въ деревню Бильдервейченъ, расположенную на самой границѣ, чуть-чуть къ сѣверо-востоку отъ Сталлюпенена. Глазамъ его представляется первая картина войны, — густой дымъ, въ которомъ мелькаютъ кроваво-красные знаки пламени. Утренній туманъ только усиливаетъ впечатлѣніе этого жуткаго зрѣлища.

— Повидимому, горитъ Йонкенъ, — думаетъ генералъ, на щетинистыхъ усахъ котораго, какъ роса, осѣли капельки сырости.

Доносится ожесточенная ружейная перестрѣлка. Сопровождающіе генерала офицеры нервничаютъ, застегиваютъ и растегиваютъ пуговицы шинелей, жадно курятъ сигаретки. Они еще не привыкли къ войнѣ.

Появляется старательно нажимающій на педали самокатчикъ.

— Куда? — задерживаетъ его Франсуа.

— Въ Сталлюпененъ, экселенцъ, — отвѣчаетъ, соскакивая съ сѣдла и, вытягиваясь, усталый солдатъ.

— Въ чемъ дѣло?

Самокатчикъ рапортуетъ, что русскіе уже ворвались въ Меккенъ.

— Можешь ѣхать обратно въ часть, — приказываетъ Франсуа, и дѣлаетъ отмѣтку на полевомъ пакетѣ.

— Слѣдуйте за мной, господа, — предлагаетъ онъ офицерамъ и по расхлябанной лѣстницѣ поднимается на черепитчатую крышу близлежащаго зданія.

Оттуда поле перваго сраженія видно хорошо. Франсуа во всѣхъ деталяхъ можетъ наблюдать растянувшіяся русскія цѣпи, виднѣющіяся силуэтами въ подымающемся туманѣ. Они настолько близки къ деревни, что даже безъ бинокля можно опредѣлить направленіе наступленія на Шуггернъ.

— Гмъ... — бормочетъ про себя Франсуа, — они слѣдовательно хотятъ пройти южнѣе Бельдервейчена. Ладно...

Задумавшись, генералъ медленно спускается, садится въ автомобиль и, выждавъ, пока сопутствующіе ему офицеры займутъ мѣста, приказываетъ шоферу ѣхать обратно въ Сталлюпененъ.

Около половины 12-аго генералъ Франсуа снова подымается, но на этотъ разъ на колокольню. Онъ опять ясно видитъ, какъ по залитымъ солнечнымъ свѣтомъ полямъ вправо и влѣво отъ шоссе Сталлюпененъ—Эйдткуненъ движутся цѣпи русской пѣхоты, за которыми расположены батареи артилеріи. Масса русскихъ наступаетъ широкимъ фронтомъ, развернувшись, примѣрно, на 14 километровъ. Солдаты устанавливаютъ на колокольню дальномѣръ, и въ тотъ моментъ, когда генералъ Франсуа приникаетъ къ его оккулярамъ, вся колокольня начинаетъ дрожать отъ оглушительнаго колокольнаго звона. Отцы города приказали бить въ набатъ, оповѣщая населеніе о приближеніи русскихъ, еще болѣе пугая и безъ того потерявшихъ голову людей.

Рвутся первыя шрапнели. Круглая сталь начинаетъ градомъ прыгать какъ разъ по камнямъ того мѣста, гдѣ комендантъ Сталлюпенена майоръ фонъ-Лангенъ распредѣляетъ артиллерійскіе снаряды.

Бѣшеннымъ темпомъ подлетаетъ запыленный автомобиль изъ Скрудчена. Какой-то свѣже-загорѣвшій офицеръ, стоя въ машинѣ и держась за плечо шофера, надрываясь кричитъ:

— Гдѣ генералъ?

Нѣсколько рукъ поспѣшно тычутъ въ сторону южной околицы Сталлюпенена. Генералъ Франсуа уже тамъ.

— Скрудченъ взятъ, — торопливо и немного испуганно докладываетъ офицеръ, какъ если бы отъ этого донесенія зависѣла участь великой войны.

— Ну и что-же? — спокойно и немного иронически спрашиваетъ Франсуа. — Я ихъ выгоню оттуда.

Генералъ знаетъ, что говоритъ. Онъ ожидаетъ, что съ минуты на минуту должно начаться наступленіе второй германской пѣхотной дивизіи, которое должно обезпечить побѣду надъ вторгшимися русскими.

— Не въ томъ дѣло, экселленцъ, — поспѣшно добавляетъ офицеръ, майоръ фонъ Массоу, исполняющій должность старшаго офицера штаба перваго корпуса. — Командующій арміей приказываетъ немедленно прервать бой и отступать на Гумбиненъ.

Франсуа возмущенъ.

— Это же невозможно, майоръ Массоу! Мы находимся какъ разъ посерединѣ операцій!

Фонъ Массоу пожимаетъ плечами:

— Мы ничего не можемъ подѣлать, экселленцъ, въ телефонограммѣ ясно сказано: «Если налицо бой, его надлежитъ оборвать.»

Франсуа, горячась:

— Я повторяю, что это невозможно. Это абсурдъ. Моя первая дивизія какъ разъ вступила въ бой. Какъ представляете вы себѣ отступленіе? Вѣдь, русскіе перестрѣляютъ моихъ солдатъ, какъ куропатокъ!

Фонъ Массоу упорно, — онъ всего лишь второе колесико въ механизмѣ штаба, — угрюмо бормочетъ:

— Корпусъ во всякомъ случаѣ долженъ отойти къ Гумбинену.

Разразившись проклятіемъ, генералъ Франсуа въ раздраженіи бросаетъ на землю скомканный платокъ, которымъ отиралъ выступившій потъ и кричитъ:

— Доложите генералу фонъ Притвицу, что генералъ фонъ Франсуа прервѣтъ бой только тогда, когда русскіе будутъ разбиты.

Массоу, въ свою очередь, вытеревъ потъ, отдаетъ честь и, опустившись на сидѣнье автомобиля, приказываетъ ѣхать въ Бартенштейнъ. Здѣсь ему приходится встрѣтить другого, мечущаго молніи генерала, — самого Притвица. Помѣщеніе штаба дрожитъ отъ изступленнаго крика, грозящаго физически уничтожить строптиваго фонъ Франсуа. Притвицъ рветъ и мечетъ. Его офицеры съ ужасомъ и недоброжелательствомъ поглядываютъ на своего неистовствующаго начальника.

— Послать ко мнѣ генерала Грюнерта! — кричитъ Притвицъ, какъ если бы требовалъ къ себѣ лакея. — Вы немедленно поѣдете къ этому Франсуа, генералъ, и заставите его подчиниться моему приказу!

Грюнертъ, довольный, что можетъ вырваться изъ накаленной атмосферы штаба, поспѣшно садится въ автомобиль, ѣдетъ въ Сталлюпененъ, но нигдѣ Франсуа найти не можетъ. Онъ оставляетъ въ штабѣ перваго корпуса письменный приказъ, въ которомъ Притвицъ предлагаетъ Франсуа «прекратить бой при всѣхъ обстоятельствахъ, даже при наличіи возможной побѣды». Нервно исписанная бумажка остается лежать, аккуратно положенной на столѣ находящагося на фронтѣ боевого генерала.

Вечеромъ рядомъ съ этой бумажкой Франсуа находитъ другую. Телефонограмму: «Командующій арміей ожидаетъ рапорта. Почему ваше превосходительство вопреки приказу, отданному по арміи, ввели ваши войска въ бой?. Грюнертъ.»

Ворча, фонъ Франсуа приказываетъ соединить себя съ Бартенштейномъ. Въ отвѣтъ на его объясненія изъ трубки несется брань и рѣзкіе упреки. Притвицъ доходитъ до истерики и визгливымъ, дрожащимъ голосомъ приказываетъ немедленно отступить къ Гумбинену.

Неудовлетворенный разносомъ генерала, Притвицъ докладываетъ въ Кобленцъ, въ О. Х. Л., что первый армейскій корпусъ, вопреки отданному приказу, предпринялъ наступленіе. Правда, корпусъ захватилъ нѣсколько плѣнныхъ, но зато потерялъ нѣсколько орудій. Онъ, Притвицъ, приказалъ корпусу немедленно отойти на Гумбиненъ.

— Что дѣлать? — покачивая голово й, говоритъ Франсуа. Если я не Притвицъ пріѣдетъ сюда послушаюсь, то вмѣстѣ со своимъ полевымъ судомъ.

БОЙ ПОДЪ СТАЛЮПЕНЕНОМЪ.

Былъ ли правъ генералъ Франсуа, когда восклицалъ: «я прерву бой только тогда, когда русскіе будутъ разбиты»?

Врядъ-ли. Бой пришлось прервать не потому, что генералъ такъ хотѣлъ, а потому, что обстоятельства вынудили къ тому.

И вотъ почему:

Ночь съ 16 на 17 августа.. Ночь тихая, теплая, звѣздная, — такая, какими былъ полонъ первый кровавый мѣсяцъ войны.

На фронтѣ спокойно. Лишь изрѣдка то тутъ, то тамъ въ цѣпи развернувшихся вдоль границы сторожевыхъ охраненій русскихъ корпусовъ, вспыхиваютъ небольшія перестрѣлки. Корпусъ Ренненкампфа на бивакахъ.

Солдаты спятъ мертвымъ сномъ. Только часовые зорко слѣдятъ — не появится ли гдѣ-нибудь германскій дозоръ, германскій развѣдчикъ.

Но едва лишь начинаетъ клубиться предразсвѣтный туманъ, по всему фронту уже переливаются мѣдныя глотки русскихъ горновъ: пѣхотныя дивизіи первой русской арміи пробуждаются, строятся и двигаются впередъ, переходятъ государственную границу.

На правомъ флангѣ — 20-ый корпусъ: 28-ая и 29-ая дивизіи. Въ центрѣ — третій корпусъ: 25-ая и 27-ая. На лѣвомъ флангѣ — 4-ый: 40-ая и 30-ая дивизіи. Пятая стрѣлковая бригада, временно подчиненная начальнику первой кавалерійской диризіи Гурко, идетъ южнѣе...

Общій фронтъ наступленія — 70 верстъ. Въ 8 часовъ утра третій корпусъ уже ступаетъ по германской землѣ, а въ 11 часовъ граница остается за авангардами 4-го корпуса. Въ полдень же колонны 20-го корпуса съ криками ура выворачиваютъ пограничные столбы Германіи.

Въ 11 час. утра на фронтѣ третьяго корпуса завязывается бой. Обѣ дивизіи разворачиваются на линіи Эйдткуненъ — Будвейценъ и сразу переходятъ въ энергичное наступленіе.

Оливковыя цѣпи русскихъ войскъ съ трудомъ продвигаются впередъ. Со стороны германцевъ начинаетъ грохотать артиллерія, сильнѣйшій огонь тяжелыхъ орудій взметываетъ колоссальными столбами землю, выхватываетъ изъ рядовъ бойцовъ цѣлые взводы.

Русская пѣхота припадаетъ къ землѣ. Она еще не привыкла къ моральной встряскѣ, — оглушительный грохотъ гранатъ и визгъ шрапнельныхъ пуль заставляютъ людей прижиматься къ травѣ, покрытой утренней росой.

Но лежать долго не приходится. Рѣзкіе свистки офицеровъ подымаютъ цѣпи то тутъ, то тамъ, бросаютъ ихъ впередъ перебѣжками. Низко пригибаясь, придерживая лѣвой рукой шанцевый инструментъ, потѣя подъ натирающими шею скатками, солдаты рывками бросаются впередъ, нащупываютъ глазами прикрытія и, какъ снопъ, падаютъ за ними, начиная поспѣшно опустошать магазины винтовокъ.

— Ура!..

Цѣпь за цѣпью устремляются впередъ, словно игнорируя вражескій артиллерійскій огонь и захлебывающіяся очереди многочисленныхъ пулеметовъ. Рубежъ германскаго расположенія опоясывается лихорадочнымъ ружейнымъ огнемъ, сливающимся въ непрестанный гулъ. Однако, усилія обороняющихся напрасны. Около 4 часовъ дня солдаты 3-го корпуса овладѣваютъ линіей Малиссенъ — Допененъ.

Но успѣхъ не былъ полнымъ. Въ опасномъ положеніи находилась 25-ая дивизія.

Уже съ начала боя командиръ ея замѣтилъ движеніе отъ Сталюпене-

на къ Билдервейчену германской пѣхоты и артиллеріи, спѣшившихъ охватить дивизію съ ея праваго фланга.

Минуты волненія, лихорадочной дѣятельности въ русскомъ штабѣ. Спѣшно принимаются рѣшенія для ликвидаціи нѣмецкаго намѣренія. Но прежде, чѣмъ это рѣшеніе вынесено, начальникъ 29-ой дивизіи генералъ Розеншильдъ-Паулинъ рѣшаетъ по собственной инцiативѣ двинуться въ тылъ нѣмцамъ, охватывающимъ правый флангъ сосѣда.

— Направляю всѣ силы, чтобы поддержать 25-ую дивизію, — доноситъ онъ своему командиру корпуса, генералу Смирнову.

И солдаты Розеншильда, воодушевленные своимъ отважнымъ командиромъ, знающіе, что спѣшатъ на помощь боевымъ товарищамъ 25-й дивизіи, неудержимо устремляются на германцевъ. Дѣйствія ихъ блестящи. Разгромъ нѣмцевъ у Билдервейчена полный. 115-ый Вяземскій полкъ захватываетъ много плѣнныхъ и 8 орудій. Громовое ура, возвѣщающее побѣду, провожаетъ поспѣшно отступающихъ солдатъ Притвица.

Побѣда, однако, не общая. На лѣвомъ флангѣ 3-го корпуса обстановка складывается иначе.

40-ая дивизія оказалась оторванной отъ 27-ой дивизіи на 12—18 верстъ. Она вступила въ бой съ нѣмцами у Мелькенена, оттѣснивъ ихъ, но, вслѣдствіе отсутствія дивизіонной конницы, между ней и сосѣдней 27-й дивизіей оказался совершенно неохраняемый промежутокъ. Въ него проникла часть 2-ой германской дивизіи, — 4 батальона при 5 батареяхъ, — которая совершенно неожиданно атаковала въ тылъ 105-ый Оренбургскій полкъ, находившійся на лѣвомъ флангѣ.

Въ этой фазѣ боя положеніе было весьма запутанное. Въ то время, какъ нѣмцы охватывали оренбуржцевъ, тѣ, въ свою очередь, охватили правый флангъ сталюпененской германской группы.

Ударъ нѣмцевъ по оренбуржцамъ былъ неожиданнымъ и ужаснымъ. 105-ый полкъ былъ буквально разстрѣлянъ. Убитъ командиръ полка полковникъ Комаровъ и выбыли изъ строя 31 офицеръ и 2.989 солдатъ.

27-ая русская дивизія дрогнула. Ея части, неся большія потери, отошли назадъ.

■

Бой у Сталюпенена сталъ первымъ крупнымъ столкновеніемъ между русскими и нѣмцами. Для нѣмцевъ онъ явился развѣдочнымъ боемъ: Притвицу хотѣлось выяснить, двигаются-ли главныя силы первой русской арміи въ районъ къ сѣверу отъ Роминтенскаго лѣса. Когда этотъ вопросъ выяснился, онъ приказалъ командиру 1-го корпуса Франсуа оттянуть войска къ Гумбинену. Вотъ это-то приказаніе и было привезено майоромъ Массоу на автомобилѣ, около часу дня.

Генералъ Франсуа впослѣдствіи очень кичился своимъ отвѣтомъ, въ которомъ онъ обѣщалъ прервать бой только послѣ того, какъ побьетъ русскихъ. Послѣ этой фразы онъ продолжалъ подтягивать подкрѣпленія и ввелъ къ концу боя всю первую пѣхотную дивизію и часть второй.

Но результатъ?

Если Франсуа и билъ русскихъ на своемъ правомъ флангѣ, то зато онъ былъ еще сильнѣе побитъ русскими на своемъ лѣвомъ, гдѣ потерялъ даже пушки. Вечеромъ онъ уже начиналъ отходъ отъ Сталюпенена.

Притвицъ остался недоволенъ дѣйствіями Франсуа, но тотъ, для свое-

ВЪ БАРАНОВИЧАХЪ.

Снимокъ сдѣланъ въ августѣ 1914 года, незадолго до битвы подъ Сольдау, во время посѣщенія императоромъ Николаемъ II ставки верховнаго главнокомандующаго. Сидятъ (слѣва направо): императоръ Николай II и великій князь Николай Николаевичъ. Стоятъ (слѣва направо): начальникъ штаба верховнаго главнокомандующаго ген. Янушкевичъ и генералъ-квартирмейстеръ Даниловъ.

Слѣва:

П. ф. РЕННЕНКАМПФЪ
(1854—1918).

Генералъ - отъ - кавалеріи, командующій 1-ой русской арміей, награжденный орденомъ св. Владиміра съ мечами за бой подъ Гумбинненомъ. Разстрѣлянъ на Кавказѣ большевиками.

Справа:

А. В. САМСОНОВЪ
(1859—1914).

Генералъ - отъ - кавалеріи, командующій 2-ой русской арміей во время перваго наступленія на Восточную Пруссію. Въ 1877 году А. В. Самсоновъ поступилъ въ 12-ый гусарскій полкъ, съ которымъ продѣлалъ турецкую кампанію. Въ 1884 году окончилъ военную академію. Во время русско-японской войны отличился, командуя казачьей бригадой, неоднократно находясь во главѣ аттакующихъ въ конномъ строю сотенъ. По окончаніи войны былъ назначенъ командующимъ Варшавскимъ военнымъ округомъ. Въ 1909 г. назначенъ командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа, гдѣ его засталъ приказъ о всеобщей мобилизаціи. Въ результатѣ пораженія второй русской арміи подъ Сольдау, покончилъ самоубійствомъ въ лѣсу вблизи дер. Каролиненхофъ.

го обѣленія, составилъ донесеніе, изображающее бой у Сталюпенена, какъ свою большую побѣду.

Это важно. Ложь Франсуа впослѣдствіи играетъ роль и вызываетъ у Притвица и другихъ германскихъ командировъ преувеличенное представленіе о своемъ качественномъ превосходствѣ надъ русскими. За это имъ приходится расплачиваться черезъ нѣсколько дней у Гумбинена.

Какъ бы то ни было, но нѣмцы были вынуждены отступить, открывая русскимъ доступъ въ Восточную Пруссію. Въ бою подъ Сталюпененомъ съ ихъ стороны участвовало 5 съ половиной пѣхотныхъ полковъ и 20 тяжелыхъ и легкихъ батарей. На сторонѣ русскихъ было 10 съ половиной пѣхотныхъ полковъ и 19 легкихъ батарей. Ошибочно, однако, думать, что русскіе всегда находились въ численномъ преимуществѣ. Изъ желанія увеличить блескъ своихъ побѣдъ въ Восточной Пруссіи, нѣмцы съ легкой руки Людендорфа старательно затушевывали численность своихъ силъ, которыя въ дѣйствительности находились противъ Россіи.

ЦАРЬ ВЪ БАРАНОВИЧАХЪ.

Со временъ Петра I Москва не переставала ворчать, обиженная перенесеніемъ столицы въ Петербургъ. Русскіе цари поэтому при всякомъ удобномъ случаѣ старались подчеркнуть, что въ этомъ ничего обиднаго нѣтъ и, посѣщая развѣнчанную златоглавую столицу, доказывали, что она попрежнему является центромъ націи, а блистательный Санктъ-Петербургъ всего на всего продуктъ политической необходимости.

Такъ было и въ 1914 году. Николай II, въ сопровожденіи Александры Федоровны и наслѣдника, отправился къ стѣнамъ Кремля для того, чтобы вмѣстѣ съ москвичами вознести молитву о дарованіи побѣды надъ врагами. Эта поѣздка вылилась въ грандіозную манифестацію національнаго подъема, и улицы Москвы гудѣли отъ милліонныхъ толпъ,шедшихъ къ Грановитой палатѣ засвидѣтельствовать царю свою лойяльность.

По окончаніи московскихъ торжествъ, Николай II отправился въ ставку. Отказавшись временно отъ поста главнокомандующаго вооруженными силами Россіи, онъ тѣмъ не менѣе сохранилъ твердое намѣреніе не упускать изъ вида руководства военными операціями. Поэтому царь, не удовлетворяясь подробными докладами, желалъ на мѣстѣ контролировать механизмъ управленія войсками.

Свое намѣреніе царь исполнялъ часто. Ѣздилъ въ ставку одинъ, безъ государыни и цесаревича. Его сопровождала маленькая свита, причемъ неизмѣнными спутниками были министръ двора графъ Фредериксъ, начальникъ полевой канцеляріи князь Орловъ, командиръ конвоя графъ Граббе и лейбъ-хирургъ профессоръ Федоровъ. Кромѣ того, при царѣ неотлучно находились два флигель-адъютанта, обычно Дрентельнъ и Саблинъ.

Для поѣздокъ царя по Россіи имѣлись два «литерныхъ» поѣзда, вагоны которыхъ были приспособлены для дальнихъ путешествій, а колеса могли быть переставляемы сообразно ширинѣ колеи. Такъ же, какъ и кайзеръ Вильгельмъ, Николай II могъ переѣзжать черезъ границы, не мѣняя вагона.

Литерные поѣзда назывались «А» и «Б». Никогда не было извѣстно, въ какомъ изъ поѣздовъ находится царь. «Б» шелъ иногда впереди «А», иногда позади, и, бывало, перегонялъ въ пути. Какъ паровозы, такъ и

вагоны этихъ двухъ поѣздовъ были совершенно одинаковыми, и посторонній наблюдатель никогда не смогъ-бы отличить одного поѣзда отъ другого.

Обычно царь являлся въ ставку безъ Сухомлинова, чему многіе генералы удивлялись. Однако, отсутствіе военнаго министра объяснялось не личной къ нему непріязнью государя, а просто уваженіемъ къ великому князю Николаю Николаевичу, который не скрывалъ своихъ чувствъ къ Сухомлинову. При упоминаніи одного только его имени, главнокомандующій приходилъ въ ярость.

То же самое можно сказать и по отношенію къ генералу Куропаткину, командовавшему русской арміей во время русско-японской войны. Николай Николаевичъ о немъ и слышать не хотѣлъ, и когда Куропаткинъ подалъ на высочайшее имя прошеніе о зачисленіи его въ дѣйствующую армію на любую должность, Николай II по поводу этого прошенія сказалъ:

— Я лично ничего не имѣю противъ того, чтобы Куропаткину была предоставлена какая-либо должность, но великій князь и слышать не желаетъ объ этомъ.

Въ ставкѣ, въ присутствіи великаго князя, имя Куропаткина опасались называть.

*

Программа дня во время пребыванія государя въ Барановичахъ обычно повторялась: вставъ рано утромъ, Николай II отправлялся въ сопровожденіи одного изъ своихъ лейбъ-казаковъ либо на охоту, либо на прогулку, во время которой дѣлалъ много фотографическихъ снимковъ. Это занятіе очень интересовало царя. Рѣдкое письмо къ государынѣ не содержитъ примѣчанія, сообщавшаго, что «добыча сегодня была обильной, я снова сдѣлалъ нѣсколько прекрасныхъ снимковъ».

Писалъ царь въ Царское Село часто, и письма его занимали много страницъ, на которыхъ были подробно изложены всѣ личныя и государственныя событія. Императрица отвѣчала ему ежедневно и съ большимъ вниманіемъ и любовью слѣдила за пребываніемъ царя въ Барановичахъ. Нѣкоторыя письма ея были пропитаны исключительной нѣжностью и часто были наполнены поэзіей. Такъ, напримѣръ, однажды императрица писала: «Я твоя, а ты мой. Я заперла тебя въ своемъ сердцѣ, но потеряла ключъ, и теперь Ты будешь всегда тамъ». Это письмо является, собственно, вольнымъ переводомъ самаго стараго изъ всѣхъ извѣстныхъ нѣмецкихъ стихотвореній XI вѣка, которое буквально звучитъ такъ:

Ich bin din, bu bist min.
Dass musst du gewiss sin.
Du bist verschlossen in meinen Herzen,
verloren ist der Schlüsselin,
da musst du immer drinne sin!...

Царь перечитывалъ письма императрицы по нѣсколько разъ. Онъ вскрывалъ ихъ въ устроенномъ нѣмецкимъ садовникомъ изъ Ливадіи саду. Затѣмъ долго прохаживался по дорожкамъ, обдумывая прочитанное.

Если въ ставкѣ не было никакихъ спѣшныхъ дѣлъ, то государь проводилъ время до обѣда за физической работой: кололъ дрова, что очень любилъ, или сажалъ деревья. Но если и выпадало такое свободное утро, то вечеръ былъ насыщенъ государственной работой. Царь выслушалъ доклады, предсѣдательствовалъ на совѣщаніяхъ, которыя часто затягивались до разсвѣта.

Обычно, пріѣзжая въ ставку, Николай II привозилъ какія-либо директивы для великаго князя. Иногда на этой почвѣ между императоромъ и главнокомандующимъ возникали споры. Часто эти директивы являлись напоминаніемъ объ обѣщаніи, данномъ Франціи, быстро проводить начатое наступленіе. Эти напоминанія государь подкрѣплялъ телеграммами, полученными отъ русскаго посла въ Парижѣ Извольскаго. Въ нихъ указывалось на лихорадочное нетерпѣніе, съ которымъ Франція ждетъ результатовъ русскаго наступленія. Подобныя телеграммы поступали также отъ русскаго военнаго представителя во Франціи, полковника графа Игнатьева, который отъ имени французскаго военнаго министерства настоятельно просилъ сосредоточить всѣ силы противъ Германіи и разсматривать Австрію, какъ quantité négligeable.

Эти напоминанія раздражаютъ великаго князя и въ присутствіи маркиза де Лагишъ онъ заявляетъ, что Россія исполняетъ свои обязательства и проводитъ походъ на Кенигсбергъ въ самомъ ускоренномъ темпѣ. Большаго отъ Россіи ожидать нельзя.

Между тѣмъ, уже въ самомъ началѣ наступленія вскрываются тревожные признаки. Чувствуется недостатокъ снарядовъ. Уже тогда, въ августовскіе дни 1914 года, обсуждалось предложеніе фирмы Морганъ и Компанія о поставкѣ военнаго снаряженія изъ Америки.

Уже тогда...

А между тѣмъ всего только въ февралѣ того-же года военный министръ Сухомлиновъ разразился на страницахъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» самонадѣянной статьей «Россія хочетъ мира, но готова къ войнѣ», надѣлавшей много шума въ политическихъ кругахъ и безъ того уже тревожно бурлящей Европы.

— Россія готова! — писалъ Сухомлиновъ. — За послѣднія пять лѣтъ въ печати всего міра время отъ времени появлялись отрывочныя свѣдѣнія о разнаго рода мѣропріятіяхъ военнаго вѣдомства въ отношеніи боевой подготовки войскъ... Не составляетъ также секрета, что упраздняется цѣлый рядъ крѣпостей, служившихъ базой по прежнимъ планамъ войны, но зато существуютъ оборонительныя линіи, съ весьма серьезнымъ фортификаціоннымъ значеніемъ. Оставшіяся крѣпости у Россіи есть полная возможность усилить и довести ихъ оборонительныя средства до высшаго предѣла... Русская полевая артиллерія снабжена прекрасными орудіями, не только не уступающими образцовымъ французскимъ и нѣмецкимъ орудіямъ, но во многихъ отношеніяхъ ихъ превосходящими... Уроки прошлаго не прошли даромъ. Въ будущихъ бояхъ русской артиллеріи никогда не придется жаловаться на недостатокъ снарядовъ. Артиллерія и снабжена большимъ комплектомъ и обезпечена правильно организованнымъ подвозомъ снарядовъ... Военно-автомобильная часть поставлена въ Россіи весьма высоко... Военный телеграфъ сталъ достояніемъ всѣхъ родовъ оружія... Не забыто и воздухоплаваніе. Въ русской арміи, какъ и въ большинствѣ европейскихъ, наибольшее значеніе придается аэропланамъ, а не дирижаблямъ, требующимъ весьма многаго, въ особенности въ военное время... Русская армія — мы имѣемъ право на это надѣяться — явится, если бы обстоятельства къ этому привели, не только громадной, но и хорошо обученной, хорошо вооруженной, снабженной всѣмъ, что дала новая техника военнаго дѣла...

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Трудно повѣрить, что военный министръ такой обширной страны,

какъ Россія, могъ быть способнымъ на столь необоснованное фанфаронство. Однако, уже на второмъ мѣсяцѣ войны русскія арміи начинаютъ ощущать недостатокъ снарядовъ. Въ 1915 году этотъ недостатокъ становится катастрофическимъ, распространяется на ружейные патроны, и русская армія, отступающая съ Карпатъ, оказывается вынужденной отбиваться отъ австрійскихъ войскъ камнями. Вмѣсто сапогъ она носитъ лапти, или попросту ходитъ босикомъ, а вмѣсто винтовокъ запаснымъ выдаются палки.

Сухомлиновъ, срывъ крѣпости, не создалъ новыхъ, а изъ обвинительнаго акта по дѣлу о позорной сдачѣ ковенской крѣпости, продержавшейся всего только 11 дней, мы узнаемъ, что всѣ батареи были слабой профили и заплывали въ дождливое время грязью и водой. Порты были ниже всякой критики, казармы и убѣжища и капониры изъ кирпича, бруствера во многихъ мѣстахъ обвалились и сползли внизъ. Во рвахъ имѣлись желѣзныя рѣшетки, затрудняющія ихъ обстрѣлъ. Въ головномъ капонирѣ форта № 4, отъ ветхости постройки кирпичъ самъ вываливался изъ потолка, а вслѣдствіе оползней земли съ валовъ изъ шести орудій капонира могли стрѣлять только два, да и то послѣ того, какъ своими же снарядами разбита была-бы рѣшетка передъ амбразурами. Проволочныя загражденія были рѣдки и такъ низки, что черезъ нихъ люди шагали свободно, колья въ нихъ шатались. Козырки на форту были такъ низки, что изъ подъ нихъ нельзя было стрѣлять, а бетонныя доски на нихъ поломаны и треснуты во многихъ мѣстахъ.

За подобное состояніе крѣпости отвѣтственность понесъ генералъ-отъ-кавалеріи Григорьевъ, преданный военному суду и приговоренный къ 15 годамъ каторжныхъ работъ. Въ письменныхъ оправданіяхъ Григорьевъ негодуетъ: «почему же я одинъ долженъ нести отвѣтственность, разъ я этой крѣпости не строилъ?»

Григорьевъ, конечно, оправдывается неубѣдительно: будучи комендантомъ Ковно въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ, тѣмъ самымъ, несъ полную отвѣтственность за техническое состояніе ея, и если не добился улучшеній, то только изъ-за недостатка энергіи, такъ какъ не сумѣлъ обратить вниманіе высшихъ военныхъ круговъ на крупные дефекты укрѣпленій. Если онъ видѣлъ, что крѣпость находится въ плачевномъ состояніи, онъ могъ ея вовсе не принимать.

*

Въ ставкѣ государь замѣчаетъ, что великій князь нервнѣе и суетливѣе, чѣмъ обычно. Даже рѣчь стала болѣе безпокойной. Все больше проявляется контрастъ между скрытыми въ характерѣ главнокомандующаго противоположностями, — Азіей и Западной Европой.

Его любовь къ Россіи граничитъ съ религіозностью и даже превосходитъ ее, но въ то же время великій князь очарованъ Франціей, — очарованъ такъ же, какъ и большинство петербургскаго общества.

Своимъ обязанностямъ великій князь предается самоотверженно и съ полнымъ сознаніемъ чувства долга. Онъ рѣдко покидаетъ ставку и, если приходится это дѣлать, то старается, чтобы отсутствіе было самымъ краткимъ. По большей части онъ назначаетъ свиданіе съ какимъ-либо командиромъ въ опредѣленномъ пунктѣ, куда тотъ обязанъ выѣхать. Для своихъ поѣздокъ великій князь пользуется спеціальнымъ поѣздомъ, который состоитъ всего лишь изъ паровоза и салонъ-вагона.

Такъ какъ личность великаго князя въ солдатской средѣ была почти легендарной, многіе командиры неоднократно просили главнокомандующаго

объѣхать войска, что, по ихъ мнѣнію, должно было произвести исключительное впечатлѣніе и вызвать новый подъемъ. Великій князь, однако, уклонялся отъ исполненія этихъ просьбъ, ссылаясь на обиліе работы.

Интересна маленькая деталь сложной работы, возложенной на плечи этого высокаго, прямого и уже сѣдѣющаго человѣка, котораго многіе недоброжелатели называли деспотомъ: великій князь никогда не отдавалъ приказовъ на мѣстѣ, а всегда диктовалъ ихъ по возвращеніи въ ставку.

Великолѣпенъ былъ видъ главнокомандующаго верхомъ. Какъ гусаръ, онъ былъ прекраснымъ и выносливымъ всадникомъ. Въ его распоряженіи находились отборныя высокія породистыя лошади, которыя вмѣстѣ со всадникомъ производили незабываемое впечатлѣніе.

Недоброжелателей у великаго князя много. Его подчеркнутое презрѣніе къ тѣмъ, кого онъ не любитъ, и желаніе унизить того, кого слѣдуетъ наказать, кажутся многимъ преувеличенными. Кромѣ того, Николая Николаевичъ весьма любилъ выставить провинившагося въ смѣшномъ видѣ, причемъ это дѣлалось такъ, что несчастная жертва этого никогда не забывала.

Даже государь высказывалъ свое недоумѣніе передъ нѣкоторыми поступками великаго князя и старался подчасъ держаться отъ него на извѣстномъ разстояніи. Правда, онъ высказывалъ свои чувства только въ самомъ тѣсномъ кругу, причемъ императрица вполнѣ раздѣляла эту точку зрѣнія государя.

Николай II былъ очень наблюдателенъ. Въ своихъ письмахъ къ императрицѣ онъ очень образно описываетъ, какъ великій князь, прохаживаясь быстрыми и большими шагами по помѣщенію, набрасываетъ планы, какъ всегда въ новой, съ иголочки, формѣ, появляется среди офицеровъ штаба, являясь образцомъ тщательности и устава, какъ онъ повелительно, рѣзкимъ, отрывистымъ голосомъ отдаетъ приказы.

Въ день перваго пріѣзда государя въ ставку, Николай Николаевичъ за ужиномъ говоритъ:

— Ренненкампфъ уже приближается къ Гумбинену. Самсоновъ перешелъ границу. Мои клещи черезъ нѣсколько дней начнутъ работать такъ, что у нѣмцевъ перехватитъ дыханіе. Имъ не останется ничего другого, какъ сдаться, или пустить пузыри въ Балтійскомъ морѣ.

20 АВГУСТА.

ДВАДЦАТАГО августа — день главнаго столкновенія первой русской арміи съ восьмой германской. Этотъ боевой день вошелъ въ исторію какъ сраженіе подъ Гумбиненомъ.

Еще до разсвѣта начинается наступленіе германцевъ. Въ половинѣ четвертаго утра непріятель открываетъ массовый артиллерійскій огонь по всему фронту русской 28-ой пѣхотной дивизіи. Въ глубокой темнотѣ вспыхиваютъ ослѣпительные разрывы гранатъ, за лѣсистыми холмами полыхаютъ зарницы выстрѣловъ.

Это стрѣляютъ 12 батарей 1-ой германской пѣхотной дивизіи, усиленныя 4-мя батареями тяжелыхъ гаубицъ. 28-ой дивизіи приходится сразу-же бороться съ тройнымъ превосходствомъ противника въ артиллерійскомъ огнѣ.

Трудно. Непріятельскія батареи расположились въ окопахъ, и дѣйствіе русскихъ легкихъ орудій оказывается недостаточнымъ.

7 часовъ 10 минутъ утра.

Начальникъ штаба дивизіи доноситъ въ штабъ 20-го корпуса:

«Артиллерія противника въ превосходныхъ глубокихъ окопахъ. Наши батареи не могутъ ихъ разбить. Прошу распоряженія прислать гаубичную батарею, а также прошу содѣйствія 29-ой пѣхотной дивизіи».

Въ штабѣ корпуса лихорадочная дѣятельность. Въ колеблющемся свѣтѣ реквизированныхъ керосиновыхъ лампъ и свѣчей, задуваемыхъ сквознякомъ, склоняются надъ картами одѣтые по походному офицеры. Циркули движутся отъ селенія къ селенію ,шагаютъ по извилинамъ рѣкъ, по опушкамъ лѣсовъ.

Поспѣшно входятъ и выходятъ ординарцы. За окнами, подернутыми пеленой ночи, раздается ржаніе лошадей, тарахтѣнье мотоциклетовъ, слышенъ тяжелый шагъ проходящей пѣхоты, звонъ и дребезжаніе идущей на рысяхъ артиллеріи.

Гудятъ полевые телефоны:

— Дайте штабъ 29-ой дивизіи!

— Соедините съ гаубичной батареей!

— Батарея, батарея слышите ли вы меня?

Связь прерывается, возстанавливается снова, телефонисты надрываются надъ трубками, а издали все растетъ и надвигается все ближе и ближе гулъ выстрѣловъ, — вздохи большой битвы.

За окнами штаба разливается ультрамаринъ разсвѣта, смѣняющійся постепенно розовымъ заревомъ восходящаго солнца, гаснутъ одна за другой лампы. Лица штабныхъ офицеровъ внезапно становятся сѣрыми, осунувшимися, подъ лихорадочно горящими глазами обозначаются усталыя тѣни.

Утро...

Косые лучи солнца падаютъ черезъ распахнутыя настежь окна па карты, на усталыхъ людей, уснувшихъ тутъ-же на полу. Все чаще и чаще гудятъ телефоны, все больше линій, какъ нитей паутины, расходится изъ штаба къ быстро мѣняющимъ положеніе частямъ.

Восемь часовъ утра.

Пѣхота первой германской дивизіи начинаетъ атаку. Цѣпи стрѣлковъ русской 28-ой дивизіи развиваютъ бѣшеный огонь. Въ то же время вторая германская дивизія, занявшая своимъ правымъ флангомъ Мальвишкенъ, начинаетъ энергичную атаку на Мингштимменъ.

Опять работаютъ двѣнадцать германскихъ батарей. Гранаты и шрапнель прострѣливаютъ правый флангъ русской дивизіи. Положеніе ея становится катастрофическимъ, она несетъ громадныя потери, ее атакуютъ съ фронта, фланга и тыла, — дивизія начинаетъ отходить.

Но въ этомъ она неповинна. На нее обрушился ударъ германскаго корпуса, подкрѣпленнаго частями кенигсбергскаго гарнизона. Долго и упорно держалась пѣхота. Въ этой битвѣ не слышно было отдѣльныхъ выстрѣловъ. Казалось, все кипѣло въ гигантскомъ котлѣ...

Надъ батареей второго дивизіона 28-ой артиллерійской бригады уже стали свистать ружейныя пули. Подъ страшнымъ огнемъ, наполовину растаявшая и потерявшая почти всѣхъ офицеровъ, медленно отходила русская пѣхота. Бѣшенно стрѣляли орудія четвертой, пятой и шестой батарей. Бой кипѣлъ съ небывалой силой. Колоссальныя потери несли и наступающіе, и обороняющіеся. Тянущееся передъ линіей артиллеріи шоссе уже покрыто несчетными трупами. Русская пѣхота постепенно отходитъ,

огонь ея слабѣетъ, и... черезъ шоссе хлынула сѣрая волна густыхъ нѣмецкихъ колоннъ.

— Бѣглый огонь!

Русскіе артиллеристы работаютъ, какъ сумасшедшіе. Не успѣваетъ стволъ вернуться въ исходное положеніе, какъ уже новый снарядъ съ лязгомъ оказывается въ казенной части орудія.

— Бѣглый огонь! Быстрѣе! Быстрѣе! Меньше интерваловъ!

Совсѣмъ низко надъ замлей рвется шрапнель... По бѣлой полосѣ шоссе бьютъ, разметывая щебень, гранаты.. Минута, вторая, — и шоссе становится сѣрымъ отъ массы германскихъ труповъ.

Но передышки нѣтъ. Вторая волна людей въ остроконечныхъ каскахъ пытается перебѣжать черезъ опасную зону. Снова бѣглый огонь и снова отважные пѣхотинцы кайзера оказываются скошенными.

И тогда, до дерзости смѣло, вылетаетъ на открытую позицію германская батарея. Въ то же самое время надъ русскими батареями появляется аэропланъ съ черными крестами.

Вокругъ русскихъ орудій царитъ адъ. Германскій летчикъ корректируетъ стрѣльбу своихъ батарей. Надъ русскими орудіями низко, совсѣмъ низко, рвутся германскія шрапнели, поражая изнемогающую прислугу.

Выдержитъ-ли второй дивизіонъ?

Едва ли... Нѣмецкая пѣхота надвигается на батареи, обходитъ четвертую, которая уже бьетъ на картечь. Въ тылу русскихъ артиллеристовъ трещатъ непріятельскіе пулеметы. Одинъ за другимъ взмахиваютъ руками и падаютъ пробитые сразу нѣсколькими пулями русскіе фейерверкеры, бомбардиры, офицеры.

Съ криками «хурра» на четвертую батарею врываются разгоряченные германцы.

Батарея гибнетъ... Пятая и шестая усиливаютъ ослабѣвшій огонь, — нѣтъ снарядовъ... Онѣ бьютъ по нѣмцамъ, которые подошли уже на 500 шаговъ и залегли.

Держаться больше нельзя. По батареямъ раздается удручающій приказъ: «отходить!». Къ орудіямъ подаютъ передки, и батареи, снявшись съ позицій, галопомъ нагоняютъ отошедшую пѣхоту.

Кончился бой. На участкѣ 28-й дивизіи, отбившей впослѣдствіи потерянныя ею утромъ позиціи, лежатъ сплошными рядами подкошенные пулеметнымъ огнемъ цѣпи пѣхоты вмѣстѣ съ ротными и батальонными командирами.

Въ одной только братской могилѣ у Бракупенена полковой священникъ благословилъ на вѣчный покой десять офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ 112-го Уральскаго полка. Всего же дивизія потеряла 104 офицера и 6.945 нижнихъ чиновъ. Потери достигли 60 проц. наличнаго боевого состава... Все это свидѣтельствуетъ о кровопролитности сраженія и героической борьбѣ за каждую пядь земли.

Одиннадцать часовъ.

Отходъ частей принимаетъ стихійный характеръ. Начальникъ штаба 28-ой пѣх. дивизіи доноситъ:

— Разстроенные потерями 109-ый Волжскій, 110-ый Камскій, 111-ый Донской и 112-ый Уральскій полки отходятъ въ различныхъ направленіяхъ.

Въ этой короткой реляціи таится глубокая трагедія. Въ конечномъ результатѣ оказалось, что рота Камскаго полка съ командиромъ полка

оказалась въ Владиславовѣ. Разрозненныя части Донского полка направились къ Вержболову, причемъ знамя было увезено въ Ковно и сдано коменданту крѣпости. Уральскій полкъ остановился около Салюпенена, а Волжскій съ двумя сводными ротами Донского полка и одной ротой Уральскаго занялъ позицію на линіи Колбасенъ-Тутшенъ. Эти ничтожные остатки, пристроившіеся къ правому флангу 29-ой дивизіи, помогли остановить дальнѣйшее наступленіе первой и второй германскихъ дивизій.

Но жертвы были не напрасными! Остатки разбитыхъ полковъ приковали германскую боевую линію у Бракупенена, лишивъ ее возможности двигаться дальше впередъ.

Разгромъ 28-ой пѣхотной дивизіи поставилъ ея сосѣда, 29-ю дивизію, въ критическое положеніе. Противъ нея съ ожесточеніемъ дрались правофланговыя части первой германской дивизіи и часть дивизіи генерала Бродрюка.

Генералъ Розеншильдъ-Паулинъ, начальникъ 29-ой дивизіи, который такъ отличился въ бою подъ Салюпененомъ, и въ этотъ день упорно держится на занимаемой имъ позиціи, гдѣ онъ окопался еще наканунѣ. Всѣ атаки дивизіи Бродрюка Розеншильдъ-Паулинъ отбиваетъ, но постоянно растущая угроза правому флангу заставляетъ его отодвинуть свой центръ и правый флангъ назадъ.

Это осаживаніе, впрочемъ, не является его маневромъ. Онъ только подчиняется приказу, исходящему свыше. Къ вечеру фронтъ 29-ой дивизіи закрѣпляется на линіи Тутшенъ-Шоршиненъ. Искусное и спокойное веденіе боя 29-ой пѣхотной дивизіей спасло первую армію, ограничивъ разгромъ ея праваго фланга райономъ одной 28-ой пѣхотной дивизіи.

ДОНЕСЕНІЕ СОЛДАТА.

Въ штабѣ третьяго корпуса въ продолженіи всего дня кипитъ напряженная лихорадочная работа. Гулъ орудій то приближается, то удаляется, свидѣтельствуя о томъ, что сосѣдній съ 3-мъ корпусомъ, двадцатый, ведетъ ожесточенный бой.

На взмыленной лошади къ двери штаба подлетаетъ казакъ и устремляется во внутрь штаба.

— Куда? — останавливаетъ его часовой.

— Къ генералу.

— До генерала не можно.

—Пусти, дубовая голова! Важное донесеніе.

Казакъ ломится. Часовой злится, хочетъ примѣнить силу, но къ счастью на шумъ появляется дежурный офицеръ.

— Пропусти его, — приказываетъ онъ часовому.

Запыленный казакъ входитъ въ оперативную комнату и вытягивается въ струнку.

— Что у тебя? — спрашиваетъ командиръ корпуса, Епанчинъ.

Казакъ молча протягиваетъ скомканную записку, испещренную каракулями. Генералъ внимательно читаетъ ее, и усталая улыбка невольно кривитъ его губы.

— Въ чемъ дѣло, ваше превосходительство? — спрашиваетъ начальникъ штаба.

— Слушайте, что разузнали наши развѣдчики, — отвѣчаетъ Епанчинъ, читая вслухъ записку:

«Доношу вамъ, что Австрійскія войска вчера слѣзли съ вагона и направились на мѣсто Голубое, такъ что на Голубое стоитъ артиллерія германская и уланы, и австрійскія войска. На сѣверѣ также непріятельская артиллерія, кавалерія и пѣхота. Прошу дать знать нашей дивизіи и нашему полку, въ которомъ я существую, Имеретинскій 157-ой пѣхотный полкъ, 7-я рота, развѣдчикъ запасный Даніилъ Рябининъ».

— Откуда это у тебя? — спрашиваетъ Епанчинъ казака. — Ты же не Рябининъ, не пѣхотинецъ, а казакъ!

— Точно такъ, казакъ, ваше превосходительство. Сію записку мнѣ какой-то запасной далъ.

— Гдѣ?

— На рѣкѣ.

— На какой рѣкѣ?

— А кто ее знаетъ? Широкая такая, вьется.

— По долинѣ вьется, или лѣсомъ течетъ?

— По долинѣ... А дальше и лѣса есть.

— Вы понимаете что-нибудь? — спрашиваетъ Епанчинъ начальника штаба.

Тотъ, углубившись въ изученіе карты, отвѣчаетъ:

— Имеретинскій полкъ стоитъ тутъ (тонкій палецъ начальника штаба опускается на точку, изображавшую германское селеніе). Повидимому, рѣчь идетъ о рѣкѣ Роминте. Однако... Голубое... — я такого селенія найти не могу!

Епанчинъ самъ подходитъ къ картѣ.

— Роминте? Да, можетъ быть. Но неужели-же наши развѣдчики проникли такъ далеко?

— Точно такъ, ваше превосходительство, ходили! — бодро отвѣчаетъ казакъ. — Той запасный, котораго встрѣтилъ, весь мокрый былъ. Говоритъ, черезъ рѣку плавалъ. По позаду нѣмцевъ ходилъ.

— Это здорово! — съ нескрываемымъ восхищеніемъ восклицаетъ Епанчинъ, — молодецъ развѣдчикъ! ! Ей Богу, молодецъ! Можешь идти, — приказываетъ онъ казаку.

Щелкнувъ каблуками, казакъ еще разъ вытягивается и затѣмъ покидаетъ оперативную комнату. Черезъ минуту поканье копытъ его маленькаго маштака замираетъ въ отдаленіи.

— Бѣдный Рябининъ, — покачивая головой, говоритъ начальникъ штаба. — Старался, промокъ, прислалъ донесенье, много видѣлъ, но ничего донести не смогъ.

Онъ комкаетъ записку и бросаетъ его подъ столъ.

— Да, — соглашается Епанчинъ. — Развѣдчикъ проявилъ мужество и находчивость, жаль, что малограмотность оказалась неодолимымъ препятствіемъ. Вся работа сводится къ нулю. Однако, — несомнѣнно, что развѣдывательныя партіи корпуса уже проникли за сторожевую завѣсу противника, устроенную имъ на Роминте. Повидимому, Рябининъ пробрался въ районъ высадки нѣмцевъ, гдѣ могъ наблюдать важнѣйшія въ стратегическомъ отношеніи событія. Надо будетъ принять во вниманіе, что на ближайшей къ Роминте желѣзнодорожной станціи происходитъ высадка германской пѣхоты и кавалеріи. Сдѣлайте, пожалуйста, отмѣтку, — говоритъ онъ начальнику штаба.

НА УЧАСТКѢ 25-Й ДИВИЗІИ.

Къ ночи на 20-е августа сторожевое охраненіе 25-ой дивизіи третьяго русскаго корпуса выдвинулось на линію Ласдинененъ - Аугуступененъ, но въ 6 часовъ утра центръ и лѣвый флангъ этого центра были оттѣснены нѣмцами. Наступала 35-я дивизія 17-го герм. корпуса подъ командованіемъ генерала отъ кавалеріи фонъ Макензена, столь прославившагося при дальнѣйшемъ теченіи войны на русскомъ фронтѣ и своими операціями на Балканахъ.

Разгорѣлся бой. Нѣмцы сразу-же развернули всю артиллерію, начавъ атаку противъ частей 25-й дивизіи, центръ которой поддался сразу назадъ, но правофланговый полкъ, 97-й Лифляндскій, упорно продолжалъ держаться на мѣстѣ.

Съ 10 до 12 часовъ дня Макензенъ продолжаетъ энергично давить. Онъ осаживаетъ русскихъ до линіи Гудинъ - Іонсталь и одновременно рѣшительно атакуетъ лѣвый флангъ сосѣдней 27-ой русской дивизіи. Послѣдняя загибается нѣсколько назадъ, первая же образуетъ новый фронтъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Въ результатѣ бригада Макензена оказывается въ мѣшкѣ.

Этимъ пользуется русская артиллерія. Она прострѣливаетъ мѣшокъ двумя батареями 25-ой артиллерійской бригады, причемъ съ юга на поддержку сосѣда работаютъ двѣ батареи 27-ой артиллерійской бригады. Нѣмцы залегаютъ, и ихъ давленіе на центръ дивизіи Булгакова прекращается.

Русскимъ ясно. Макензенъ попалъ въ критическое положеніе. Булгаковъ отдаетъ приказъ:

— Правому флангу перейти въ самое рѣшительное наступленіе!

И не успѣваетъ еще приказъ распространиться по частямъ, какъ начальникъ 27-ой пѣхотной дивизіи генералъ Адариди бросаетъ 2 батальона 107-го Троицкаго полка въ контръ-атаку противъ нѣмцевъ, попавшихъ въ мѣшокъ, въ ихъ правый флангъ.

Дивизія Адариди уже съ ранняго утра вела тяжелый бой. Она выступила раньше 25-ой и къ 7 часамъ утра уже успѣла развернуться, но часомъ позже все охраненіе ея было оттѣснено непріятелемъ. Тяжелая нѣмецкая артиллерія стрѣляла непрерывно изъ-за рѣки Роминте, а въ 9 часовъ Макензенъ бросилъ въ наступленіе свою пѣхоту, надѣясь сбить русскихъ однимъ ударомъ.

Сначала нѣмцы передвигались впередъ перебѣжками, по отдѣленіямъ. Они искусно пользовались холмистой мѣстностью, но русская артиллерія выкашивала ихъ густыя цѣпи, причиняя большія потери. Тѣмъ не менѣе нѣмцы сумѣли подобраться ближе, чѣмъ на тысячу шаговъ къ русскимъ позиціямъ, но здѣсь ихъ встрѣтилъ ураганъ ружейнаго и пулеметнаго огня. Бросившіяся было съ большимъ порывомъ впередъ, цѣпи ихъ могли пробѣжать только 200—300 шаговъ, послѣ чего залегли.

Потери нѣмцевъ были огромны. Мѣстами ихъ линіи были скошены полностью вмѣстѣ съ офицерами. Когда кончился бой, и русскіе заняли районъ расположенія нѣмцевъ, то оказалось, что большинство убитыхъ въ этой полосѣ было поражено въ голову и грудь. Здѣсь сказались плоды отличной постановки стрѣлковаго обученія въ русской арміи послѣ опыта японской войны.

Командиръ взвода 7-ой роты 5-го германскаго гренадерскаго полка Куртъ Хессе, самъ принимавшій участіе въ атакѣ, разсказываетъ:

— Едва мы перешли долину рѣки Швентишке, какъ попали подъ русскій огонь. Передъ нами какъ бы разверзся адъ.

Огонь отъ деревни Варшлегенъ...

Съ праваго фланга отъ вѣтряной мельницы...

Отъ деревни Соденenъ...

Слѣва, — со всѣхъ сторонъ!...

Русскихъ не видно. Только огонь тысячи ружей, пулеметовъ и артиллеріи. Справа и слѣва, какъ подкошенные, падаютъ солдаты. Цѣ-

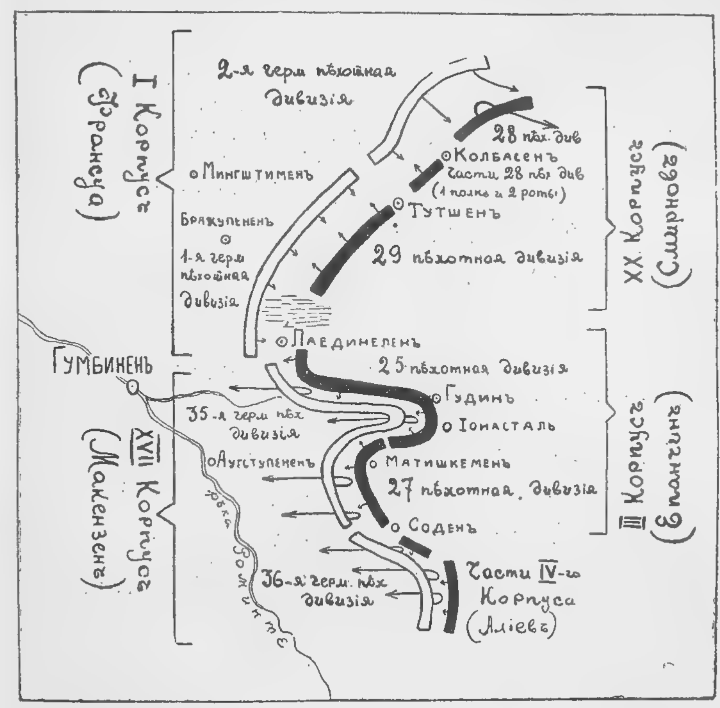

СХЕМА СЪВЕРНАГО ОТРЪЗКА ФРОНТА АРМІИ РЕННЕНКАМПФА.

Рѣшительная фаза боя, во время которой дивизіи Макензена попали въ мѣшокъ и были разбиты наголову.

пи быстро рѣдѣютъ. Убитые лежатъ уже цѣлыми рядами. Стонъ и крики раздаются по всему полю...

А артиллерія?... — Чортъ возьми, она запаздываетъ съ открытіемъ огня! Мы посылаемъ настойчивыя просьбы, умоляемъ нашихъ артиллеристовъ выѣхать на позиціи, — мгновенія кажутся вѣчностью.

Наконецъ-то! Нѣсколько батарей выѣзжаютъ на открытую позицію. Мы видимъ, какъ орудія выстраиваются на высотахъ, но почти немедленно между ними рвутся русскіе снаряды. Ѣздовые уносятся во всѣ стороны, по полю скачутъ отдѣльныя лошади безъ всадниковъ,

На батареяхъ взлетаютъ на воздухъ зарядные ящики.

Ужасъ!... Наша пѣхота прижата русскимъ огнемъ къ землѣ. Ничкомъ лежатъ люди, никто не смѣетъ даже приподнять головы. Гдѣ ужъ тутъ стрѣлять!»

Послѣ неудачной попытки молніеноснаго удара, германцы перешли на другую систему боя. Ихъ части повели подготовку огнемъ всѣхъ видовъ и, подъ прикрытіемъ его, стали накапливать силы для новой атаки. Бой достигъ кульминаціонной точки. Развиваемый германцами артиллерійскій огонь по всему фронту дивизіи Адариди и сосѣднихъ дивизій достигъ чрезвычайнаго напряженія. Земля словно кипѣла отъ разрыва снарядовъ. Стоялъ непрерывный оглушительный гулъ, — въ воздухѣ, покрывая одна другую, бѣлыми облаками разрывались шрапнели.

Послѣ 11 час. дня нѣмцы повели новое стремительное наступленіе противъ праваго фланга Адариди. Макензенъ стремился этимъ путемъ расширить тотъ мѣшокъ, въ который его полки попали на фронтѣ дивизіи Булгакова. Правый флангъ Адариди долженъ былъ немного осадить назадъ, но его дивизія прочно въѣлась въ землю. Ударъ германцевъ не смогъ поколебать ея.

Между двумя и тремя часами дня германцы вновь пытались атаковать Адариди, двѣ германскія батареи рискнули даже выѣхать на открытую позицію въ 1200 шагахъ отъ русскихъ цѣпей но жестоко заплатили за эту дерзость. Онѣ успѣли сдѣлать всего лишь одинъ выстрѣлъ, послѣ чего буквально погибли подъ ураганнымъ огнемъ русскихъ орудій.

Всего нѣсколько минутъ, — и расположеніе германскихъ батарей и зарядныхъ ящиковъ представляетъ собой сплошную кашу людей и лошадей. И когда раздается громовое ура солдатъ 108-го пѣхотнаго Саратовскаго полка, въ ихъ руки попадаетъ 12 германскихъ орудій и 24 зарядныхъ ящика.

Разгромъ этихъ батарей сразу-же прекратилъ нѣмецкое наступленіе противъ центра дивизіи Адариди, но противъ лѣваго фланга оно продолжалось.

Здѣсь нѣмцы произвели третью попытку. Ихъ пѣхота пошла въ атаку густыми цѣпями. Стройность движенія была поразительной. Видно было, какъ соблюдалось равненіе, нѣкоторые начальники ѣхали верхомъ среди войскъ.

Русская артиллерія и здѣсь показала себя на должной высотѣ. Она подпустила германцевъ на близкую дистанцію и затѣмъ покрыла ихъ ураганнымъ огнемъ. Стройность движенія исчезла. Нѣмецкая пѣхота разбилась на кучки и залегла.

Объ этомъ эпизодѣ боя участникъ сраженія капитанъ Хессе разсказываетъ:

— Резервъ Макензена, — 21-ый пѣхотный полкъ, — брошенъ для поддержки захлебнувшагося наступленія. Молча и напористо идутъ его цѣпи, крѣпко сжимаютъ солдаты въ побѣлѣвшихъ рукахъ винтовки. Мимо этого полка бѣгутъ солдаты съ боевой линіи.

— Куда вы, камераденъ? — кричатъ они наступающимъ. — Оттуда никто не вернется! Тамъ сильный врагъ!

Двѣ — три перебѣжки и германскій полкъ уже вынужденъ лечь. Огонь русскихъ вноситъ смятеніе въ ихъ ряды.

Между тремя и четырьмя часами начался отходъ нѣмецкой пѣхоты. Сначала позиціи покидали отдѣльные люди, а затѣмъ неудержимой

волной хлынула назадъ вся боевая линія. Напрасно бригадные генералы и ихъ начальники штаба бросаются въ самую гущу отступающихъ германскихъ войскъ, грозятъ револьверами, приказывая остановиться. Напрасно Макензенъ шлетъ свои послѣдніе резервы, — его корпусъ обращается въ бѣгство.

«Стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ, — пишетъ «Рейхсархивъ», — заставило потерять самообладаніе войска, великолѣпно обученныя, войска, которыя впослѣдствіи доказали свою стойкость и боеспособность. Корпусъ Макензена сильно пострадалъ. Одна только пѣхота потеряла 8.000 человѣкъ — треть своего состава. Въ средѣ офицеровъ 200 человѣкъ были или убиты, или ранены. Русскіе захватили въ плѣнъ 1000 человѣкъ и 12 орудій. Одинъ изъ полковъ корпуса Макензена, 141-ый пѣхотный, получилъ съ этого дня трагическое наименованіе «Полка Мертвецовъ».

XVII германскій корпусъ Макензена былъ однимъ изъ лучшихъ германскихъ корпусовъ. Онъ былъ укомплектованъ нѣмцами изъ Восточной Пруссіи, поммерцами ,нѣмцами изъ Западной Пруссіи, гамбуржцами и очень много было въ немъ поляковъ. Всѣ они дошли до предѣла своихъ моральныхъ силъ послѣ того. какъ всего лишь нѣсколько часовъ пробыли въ бою, не видя противника и лишь чувствуя его огонь.

А что огонь былъ убійственный, свидѣтельствуетъ примѣръ 108-го Саратовскаго полка, который изъ своихъ 3.000 ружей и 8 пулеметовъ разстрѣлялъ за день болѣе 800.000 патроновъ, а первый дивизіонъ 27-ой русской артиллерійской бригады выпустилъ болѣе 10.000 снарядовъ.

Въ результатѣ Гумбиненскаго сраженія къ вечеру, 20-го августа, несмотря на гибель корпуса Макензена, всѣ выгоды находились на сторонѣ германцевъ. Ожидать рѣшительнаго перехода русскихъ въ наступленіе въ центрѣ они не могли, ибо находящійся на ихъ лѣвомъ флангѣ корпусъ генерала Франсуа угрожалъ на слѣдующій же день выйти въ тылъ не только правому флангу русской арміи, но и ея центру, отрѣзавъ русскихъ при этомъ отъ важнѣйшихъ ихъ коммуникаціонныхъ путей.

Но въ стратегической работѣ, такъ же, какъ и въ тактической, встрѣчается одна и та же трудность психологическаго характера. Расчеты производятся подъ сильнымъ вліяніемъ душевнаго настроенія. Встрѣча съ русскими войсками подъ Гумбиненомъ совершенно лишила командованіе 8-ой германской арміи душевнаго равновѣсія. Оно начинаетъ видѣть русскіе корпуса тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и въ то же время каждый изъ русскихъ корпусовъ считаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Сраженіе подъ Гумбиненомъ было типичнымъ для военной исторіи новѣйшей эпохи, когда многіе изъ боевъ проигрывались вслѣдствіе того, что высшее командованіе одной изъ сторонъ само признавало себя побѣжденнымъ.

Гулъ Гумбиненской битвы затихаетъ. Въ ночь на 21-е августа главныя силы нѣмецкой арміи ускользаютъ изъ подъ ударовъ русскихъ войскъ.

Какимъ образомъ выпустилъ ихъ Ренненкампфъ?

Вотъ вопросъ, который очень часто ставится при описаніи операціи въ Восточной Пруссіи въ 1914 году. Генералъ Н. Н. Головинъ въ своемъ трудѣ «Изъ исторіи кампаніи 1914 года на русскомъ фронтѣ» считаетъ, что Ренненкампфъ не могъ предпринять преслѣдованія въ виду существующей опасности оторваться отъ базъ снабженія, лишиться хлѣба и снарядовъ. Но въ европейской прессѣ поведеніе Ренненкампфа встрѣчаетъ по-

всемѣстное осужденіе, и французскій полковникъ Аргейроль въ книгѣ „Le coup de Tannenberg", снабженной предисловіемъ генерала Вейгана, прямо называетъ Ренненкампфа «Командующимъ Арміей, Разбитой Параличомъ».

Какъ бы ни было, но около трехъ часовъ дня нѣмецкая пѣхота дрогнула и стала отходить, очищая поле битвы.

Вслѣдъ ей несется приказъ Булгакова.

— Приказываю всѣмъ русскимъ частямъ перейти въ наступленіе на всемъ фронтѣ.

Но потери, понесенныя дивизіей Булгакова, мѣшаютъ развитію этого наступленія. Кромѣ того нѣмецкая артиллерія, взявшая на себя прикрытіе отступленія полковъ Макензена, наноситъ русскимъ частямъ сильный уронъ. Въ 6 часовъ вечера Булгаковъ получаетъ распоряженіе Епанчина ограничить преслѣдованіе противника огнемъ, но успѣхъ уже налицо. Въ руки дивизіи Булгакова попало нѣсколько сотъ плѣнныхъ и на брошенномъ нѣмцами полѣ битвы русскими было зарыто болѣе тысячи нѣмецкихъ труповъ.

Побѣда далась, однако, не дешево. Одна только 25-я дивизія потеряла убитыми и ранеными 35 офицеровъ и 3.145 нижнихъ чиновъ.

Нѣмцы честно признаютъ постигшую ихъ катастрофу. Они указываютъ, что когда русскія передовыя части были отброшены, въ 35-ой дивизіи считали побѣду уже обезпеченной. Но неожиданно эта дивизія наткнулась на «невидимую огневую стѣну», пройти которую было немыслимо. Огонь русской артиллеріи былъ здѣсь болѣе губительнымъ, чѣмъ на какомъ-либо другомъ участкѣ.

ПРИТВИЦЪ ТЕРЯЕТЪ ГОЛОВУ.

Норденбургъ — большая деревня. Она расположена въ 40 километрахъ къ югу отъ Инстербурга — и туда Притвицъ перенесъ свою штабъ-квартиру, чтобы быть вблизи сферы дѣйствій своей арміи. Штабъ устроился въ скромномъ домикѣ на главной улицѣ. Внутри его лихорадочная дѣятельность большого дня. Офицеры связи безпрестанно входятъ и выходятъ, на столахъ лежатъ послѣднія сообщенія съ фронта и копіи разосланныхъ приказовъ. Въ воздухѣ тяжело плаваетъ сигарный дымъ.

До полудня новости, стекающіяся въ маленькій городокъ, наполняютъ души офицеровъ Притвица энтузіазмомъ и гордостью. Самъ Притвицъ, который на нѣкоторое время покидаетъ оперативную комнату для того, чтобы немного пройтись, наталкивается на группу офицеровъ, обсуждающихъ событія на фронтѣ.

— Поздравляемъ васъ, экселленцъ, поздравляемъ! — не могутъ удержаться отъ выраженія своихъ чувствъ радостные офицеры.

Притвицъ съ самодовольной улыбкой пожимаетъ руки. Онъ гордъ самъ. Блестящая побѣда увѣнчаетъ лавровыми вѣнками знамена побѣдоносной 8-ой арміи!

Но чѣмъ больше солнце переваливаетъ за полдень, тѣмъ сильнѣе проникаетъ во всѣ щели штаба смущенное молчаніе. Тяжелая туча удрученности опускается на офицеровъ штаба.

Въ 2 часа дня прибываютъ первыя свѣдѣнія о движеніи арміи Самсонова, которая перешла границу между Мышенцомъ и Хоржеле и о томъ, что новыя силы русскихъ обнаружены въ районѣ Прасныша.

Въ половинѣ пятаго вечера пріятная и радостная атмосфера, царив-

шая утромъ надъ Норденбургомъ, превращается въ нервное безпокойство, переходящее постепенно даже въ страхъ. Въ штабъ арміи поступаетъ извѣстіе, что генералъ фонъ Франсуа вынужденъ прекратить атаки до тѣхъ поръ, пока ему не вышлютъ новыхъ подкрѣпленій.

Съ каждымъ часомъ эти извѣстія становятся еще болѣе ужасными. 17-ый корпусъ Макензена разбитъ и обращенъ въ бѣгство.

Притвицъ уже больше не гуляетъ по улицѣ. Тучное тѣло его склонилось надъ огромными листами картъ, испещренныхъ нервными полосами цвѣтныхъ карандашей, передающими картину того, какъ изъ часа въ часъ мѣнялось расположеніе его войскъ.

Только полчаса занятъ Притвицъ внимательнымъ изученіемъ карты, но и этотъ срокъ оказался достаточнымъ, чтобы заставить его потерять душевное равновѣсіе. Онъ покидаетъ штабъ, торопясь на свою частную квартиру, расположенную нѣсколько домами дальше. Въ тишинѣ комнатъ, залитыхъ солнцемъ и наполненныхъ соннымъ жужжаніемъ мухъ, онъ, бросившись на перину кровати, надѣется найти покой, столь необходимый для принятія рѣшеній.

Мысли Притвица крутятся вокругъ мѣста боя, — передъ его глазами развертывается обагренный кровью ландшафтъ, онъ видитъ горящія селенія, взорванные мосты, дороги, залитыя бѣженцами и отступающими гренадерами, — его мысли тянутся все дальше и дальше на западъ, достигаютъ Вислы, переходятъ пересохшее русло ея...

Размышленія внезапно обрываются. Костистый стукъ въ дверь возвращаетъ командующаго 8-ой германской арміи къ дѣйствительности.

— Херейнъ!

Входитъ начальникъ его штаба, баронъ Вальдерзэ.

Отдавъ честь, онъ безсильно опускаетъ руку и нѣкоторое время переминается у порога. Блѣдное лицо его нервно поддергивается, — видно, что чувство долга борется съ разсудкомъ.

Наконецъ, рѣшившись, Вальдерзэ, громко стуча каблуками, быстро подходитъ къ кровати Притвица и передаетъ командующему арміей листъ бумаги.

Донесеніе отъ генерала фонъ Унгеръ, командующаго войсками, размѣщенными восточнѣе Сольдау. Унгеръ доноситъ о появленіи длинныхъ колоннъ русскихъ, идущихъ отъ Млавы на западъ.

— Вотъ вамъ! — спустивъ ноги съ кровати и застегивая мундиръ, растерянно говоритъ Притвицъ. — Наревская армія, слѣдовательно наваливается на нашъ несчастный 20-ый корпусъ всѣми своими 5-ю корпусами!

— Но вѣдь тамъ въ вашемъ распоряженіи имѣется ландштурмъ, экселленцъ, — подбадриваетъ его Вальдерзэ.

— Ландштурмъ? — насмѣшливо парируетъ Притвицъ, — что могутъ сдѣлать эти бородачи, если Самсоновъ развернетъ свое лѣвое крыло въ направленіи, угрожающемъ сообщеніямъ 20-го корпуса съ Вислой?

— Не надо отчаиваться, экселленцъ. Вы вѣдь сами нѣкоторое время тому назадъ лично говорили по телефону съ полковникомъ Хеллемъ, начальникомъ штаба 20-го корпуса.

— Ну, и? — вопросительно поднимаетъ брови Притвицъ.

— Полковникъ Хелль, вѣдь, отвѣтилъ, что главное — выдержать сраженіе подъ Гумбиненомъ, а онъ то ужъ справится со своей задачей.

— Ба, глупая бравада! Хеллъ, когда разговаривалъ со мной, не отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что передъ нимъ не два корпуса, какъ пред-

полагалось раньше, а цѣлыхъ пять. Что значитъ его кучка стрѣлковъ по сравненію съ тройными силами Самсонова? Было-бы безуміемъ надѣяться, что онъ въ состояніи сопротивляться до тѣхъ поръ, пока армія Ренненкампфа будетъ выведена изъ игры. Нѣтъ, скажите мнѣ прямо, баронъ, можете ли вы опредѣлить, сколько дней понадобится намъ, чтобы расправиться съ Ренненкампфомъ? Говорите же!

— Этого вамъ никто не можетъ сказать, экселленцъ, — отвѣчаетъ Вальдерзэ.

Притвицъ подымается кряхтя и надѣваетъ каску.

— Пойдемте въ штабъ, — предлагаетъ онъ барону.

СУДЬБА ВОСТОЧНОЙ ПРУССІИ НА ВОЛОСКѢ.

На главной улицѣ поселка стоятъ генералъ - майоръ Грюнертъ и майоръ Гофманъ. Въ оживленномъ разговорѣ они обсуждаютъ обстоятельства боя подъ Гумбиненомъ, который долженъ завтра вспыхнуть съ новой силой. Въ тотъ моментъ, когда разговоръ пріобрѣтаетъ особо оживленныя формы и мнѣнія отдѣльныхъ участниковъ его сильно расходятся, къ нимъ подходитъ австрійскій офицеръ-наблюдатель, личный адъютантъ главнокомандующаго австрійскими войсками Конрада, капитанъ Флейшменъ фонъ Гисрукъ.

— Извините, господа, — прерываетъ онъ спорящихъ, — но я только что получилъ по телеграфу важныя указанія, проведеніе которыхъ мнѣ бы хотѣлось обезпечить успѣхомъ...

— Что вы подъ этимъ подразумѣваете, господинъ капитанъ? — спрашиваетъ Гофманъ.

— Я желалъ бы имѣть вашу поддержку, когда придется говорить съ Притвицомъ. Вы же знаете, какой онъ нерѣшительный.

— Въ чемъ же заключается ваша просьба?

— Мое командованіе снова и снова обращается съ просьбой о томъ, чтобы дать Ренненкампфу подъ Гумбиненомъ рѣшительное сраженіе. Оно добивается того, чтобы наша 8-ая армія развязала руки, освободилась отъ арміи этого генерала и со всей силой могла бы обрушиться на Самсонова. Вашъ ударъ по Ренненкампфу очень важенъ для австрійскаго командованія, такъ какъ послѣдующее блокированіе Самсонова весьма облегчило бы наше положеніе на галиційскомъ фронтѣ.

Германскіе офицеры обѣщаютъ своему австрійскому товарищу поддержку. Въ эту минуту передъ ними вытягивается ординарецъ.

— Что у тебя? — спрашиваетъ Грюнертъ.

— Русская депеша, экселленцъ.

Грюнертъ беретъ запечатанный пакетъ, вспарываетъ конвертъ и извлекаетъ изъ него переводъ нешифрованной русской депеши..

— Посмотрите Гофманъ, — говоритъ онъ, — свѣдѣнія, полученныя отъ населенія, всетаки оказались правильными. Изъ депеши видно, что Самсоновъ выступилъ, имѣя въ своемъ распоряженіи 5 корпусовъ, не считая кавалеріи. Справиться съ нимъ будетъ не легко.

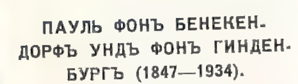
— Хотѣлъ-бы я знать, — усмѣхаясь говоритъ Гофманъ, — какъ вывернется Притвицъ, если эта депеша не окажется фальсифицированной, и данныя о силѣ арміи Самсонова окажутся правильными.

Гофману не приходится долго сомнѣваться. Перехваченная русская депеша нѣсколькими минутами позже подтверждается телефонограммой командира 20-го германскаго корпуса фонъ Шольца, который доноситъ, что

ЭРИХЪ ЛЮДЕНДОРФЪ (1865—1937).

Генералъ-лейтенантъ, начальникъ штаба 8 германской арміи, которой командовалъ Гинденбургъ во время знаменитаго сраженія подъ Танненбергомъ, гдѣ погибъ вмѣстѣ со своей арміей отважный русскій генералъ Самсоновъ. Съ 1916 г. Людендорфъ состоялъ въ должности генералъ-квартирмейстера германской арміи.

ПАУЛЬ ФОНЪ БЕНЕКЕНДОРФЪ УНДЪ ФОНЪ ГИНДЕНБУРГЪ (1847—1934).

Генералъ отъ инфантеріи фонъ Гинденбургъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ и президентъ германской республики, назначенный кайзеромъ командующимъ 8 арміей въ тотъ критическій моментъ, когда изъ-за безпорядочнаго отступленія германцевъ походъ русскихъ на Берлинъ сталъ очевидной возможностью. Въ 1915 г. Гинденбургъ былъ назначенъ командующимъ Восточнымъ фронтомъ, а въ 1916 г. начальникомъ Главнаго Штаба всей германской арміи.

КОМАНДУЮЩІЙ РУССКИМЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНЫМЪ ФРОНТОМЪ ЖИЛИНСКІЙ.

Ему были подчинены арміи Самсонова и Ренненкампфа.

Н. Н. МАРТОСЪ († 1933 г.).

генераль - отъ - инфантеріи, доблестный командиръ XV корпуса Самсоновской арміи, дѣйствія котораго отличались исключительной выдержкой и распорядительностью. Окруженный германцами, онъ былъ взятъ въ плѣнъ лишь послѣ того, какъ подъ нимъ была убита лошадь.

БАРАНОВИЧИ. СТАВКА.

На снимкѣ — поѣздъ верховнаго главнокомандующаго русскими арміями вел. кн. Николая Николаевича. Мѣстонахожденіе Ставки хранилось въ большой тайнѣ. Только во время революціи большинство русскихъ круговъ узнало, что первая ставка была въ Барановичахъ, вторая въ Смоленскѣ, и, наконецъ, послѣдняя — въ Могилевѣ.

5 русскихъ корпусовъ движутся фронтомъ въ направленіи Сольдау — Ортельсбургъ и что ихъ авангарды уже перешли границу.

Гофманъ складываетъ депешу и угнетеннымъ голосомъ говоритъ:

— Боюсь, что нервы нашего командующаго не выдержатъ такихъ извѣстій. Правильнѣе было-бы довести битву подъ Гумбиненомъ до конца

— Боюсь, что нервы нашего командующаго не выдержатъ такихъ илъ отъ него эти свѣдѣнія.

Грюнертъ испуганъ подобнымъ намѣреніемъ Гофмана.

— Вы же не говорите это серьезно, дорогой Гофманъ? Нельзя же скрывать отъ главнокомандующаго столь важное сообщеніе!

Въ этотъ моментъ изъ дверей своей квартиры выходятъ Притвицъ и Вальдерзэ. По лицамъ обоихъ видно, что они уже знаютъ о свѣдѣніяхъ, хранящихся за обшлагомъ Гофмана. Притвицъ показываетъ толстымъ пальцемъ на краешекъ бумаги, торчащій изъ подъ сѣраго сукна, и говоритъ:

— Я вижу, что вы уже получили сообщеніе о приближеніи Самсонова, который собирается отрѣзать насъ отъ Вислы?

— Точно такъ, экселленцъ.

— Ну, тогда вамъ будетъ понятно, что мы должны прервать бои и отступить за Вислу. Будьте любезны послѣдовать за мной въ оперативную.

Тамъ, за картами, Притвицъ начинаетъ объяснять выработанный имъ планъ. Гофманъ высказывается противъ этого маневра, указывая, что, по его мнѣнію, Вислу переходить не надо, а нужно обрушиться всѣми имѣющимися силами на лѣвое крыло арміи Самсонова и разбить ее.

— Намъ нельзя уклоняться отъ боя, экселленцъ, — говоритъ Гофманъ. — Нужно драться.

Притвицъ съ сомнѣніемъ покачиваетъ головой, не зная, что высказанная маіоромъ Гофманомъ мысль въ недалекомъ будущемъ ляжетъ въ основу германскаго плана кампаніи на русскомъ фронтѣ.

— Нѣтъ, — рѣшительно говоритъ Притвицъ. — Мы очистимъ Восточную Пруссію вплоть до Вислы. Только тамъ я представляю себѣ возможнымъ упорное сопротивленіе.

— Но, экселленцъ! — вмѣшивается Флейшманъ фонъ Тейсрукъ, — въ такомъ случаѣ сѣверный флангъ австрійской арміи оказывается въ воздухѣ! Русскіе, обойдя Карпаты, могутъ затопить Венгрію и, кромѣ того, если вы не сдержите напора Ренненкампфа и Самсонова, путь на Берлинъ будетъ открытъ. Тогда войну можно будетъ разсматривать, какъ проигранную!

— Дорогой капитанъ! — Въ раздраженіи обрываетъ австрійца Притвицъ. — Всйной руковожу я, а не вы!

И безцеремонно повернувъ присутствующимъ тучную спину, Притвицъ уходитъ въ свою частную квартиру.

МОЛЬТКЕ ПОКАЧИВАЕТЪ ГОЛОВОЙ.

Верховное германское командованіе все еще въ Кобленцѣ. Тамъ же находится и кайзеръ Вильгельмъ.

Свѣдѣнія съ бельгійскаго театра военныхъ дѣйствій весьма благопріятны. Правый флангъ германскихъ армій достигъ Брюсселя и собирается двинуться на Антверпенъ. Предстоитъ штурмъ Намюра. Подобныя же свѣ-

дѣнія поступаютъ и отъ остальныхъ армій, которыя быстро продвигаются къ центру Франціи.

Вниманіе Мольтке переносится на русскій фронтъ, на Восточную Пруссію, на мѣропріятія генералъ-полковника фонъ Притвица, которому вплоть до вечера 21 августа Мольтке довѣрялъ вполнѣ.

Телефонная связь между Кобленцомъ и Мюльгаузеномъ, городкомъ восточнѣе Эльбинга, куда переѣхало Оберъ-командо Ахтъ, ненадежна. Разговоры должны идти черезъ Берлинъ, гдѣ устроена передаточная станція. Благодаря этому О. Х. Л. только съ большимъ трудомъ можетъ судить о правильности приказовъ, отдаваемыхъ Притвицомъ.

А между тѣмъ, въ полутора тысячахъ километровъ отъ Кобленца, Притвицъ и Вальдерзэ совѣщаются одни, безъ того, чтобы пригласить къ совѣщанію остальныхъ офицеровъ штаба.

Вечеромъ Притвицъ вызываетъ Мольтке и сообщаетъ, что его войска постепенно отрываются отъ войскъ Ренненкампфа.

— Почему? — коротко спрашиваетъ Мольтке.

— Потому, что свѣдѣнія о приближеніи большихъ непріятельскихъ силъ со стороны Млавы подтверждаются, экселленцъ, — отвѣчаетъ Притвицъ. — Кромѣ того, мой 17-ый корпусъ совершенно разбитъ. Онъ больше не представляетъ изъ себя никакой боевой силы.

— Что же дальше?

— Мнѣ кажется, что отступленіе будетъ въ высшей степени труднымъ и произойдетъ только въ обстановкѣ тяжелыхъ боевъ. Вокругъ моей арміи кишитъ русская кавалерія.

На это донесеніе Притвица Мольтке реагируетъ раздраженно.

— Соберите же ваши три корпуса въ кулакъ и отправляйтесь, если вы вообще ходить можете ,на югъ, западнѣе линіи озэръ, на соединеніе съ 20-мъ корпусомъ.

— Это совершенно невозможно, экселленцъ! Я уже приказалъ, чтобы первый корпусъ былъ переброшенъ по желѣзной дорогѣ изъ Кенигсберга въ Грауденцъ, 17-корпусъ продвигался бы по возможности сѣвернѣе, а первый резервный корпусъ остановился для прикрытія отступленія. Я настоятельно прошу подкрѣпленій.

Мольтке повелѣваетъ категорически:

— Этого мы сдѣлать не можемъ, по крайней мѣрѣ, теперь. Всѣ наши силы заняты на Западномъ фронтѣ.

— У меня нѣтъ кавалеріи, потому что цѣлая кавалерійская дивизія въ продолженіи двухъ дней гдѣ-то пропадаетъ. Повидимому, она уничтожена.

Мольтке удивленно, повышая голосъ:

— Исчезла? Цѣлая кавалерійская дивизія? Но вѣдь это же — —

Мольтке съ раздраженіемъ бросаетъ трубку, оборачивается къ присутствующимъ и, не скрывая своихъ чувствъ, выражаетъ свое возмущеніе. Онъ рветъ и мечетъ, отказываясь понимать, что происходитъ на Восточномъ фронтѣ. Онъ грозитъ немедленно смѣстить Притвица, — генерала, который теряетъ цѣлыя дивизіи, ему не надо.

Тѣмъ временемъ Притвицъ отдаетъ приказъ объ эвакуаціи крупнаго рогатаго скота и многочисленныхъ табуновъ лошадей изъ Восточной Пруссіи вглубь Германіи. Онъ увѣренъ, что въ противномъ случаѣ все достанется русскимъ.

Этотъ приказъ Притвица имѣлъ трагическія для германской арміи по-

слѣдствія. Гуртами скота и табунами лошадей оказались запруженными всѣ дороги, а десятки тысячъ бѣженцевъ, слѣдовавшихъ за ними, сдѣлали пути сообщенія совершенно непроходимыя для войскъ. На желѣзныхъ дорогахъ наблюдалась та же картина. Въ атмосферѣ, насыщенной криками людей, ревомъ скота и ржаніемъ лошадей, метались растерянные жандармы, стараясь водворить подобіе порядка.

А ставка Притвица тѣмъ временемъ уже собирается перенести свою резиденцію въ Диршау, разсматриваетъ предложеніе инженеровъ затопить низменность, по которой протекаетъ Ногатъ.

Противъ послѣдняго плана со всей пылкостью возстаетъ инспекторъ этапа, генералъ-лейтенантъ фонъ Хайдукъ. Сильно жестикулируя и краснѣя, онъ кричитъ:

— Я отказываюсь исполнить подобный приказъ! Я не затоплю низменности! Подумайте, какія тяжелыя послѣдствія будетъ имѣть подобное наводненіе и что за безграничное волненіе возникаетъ у населенія!

Пылкія слова генерала заглушаетъ сильный телефонный звонокъ. Вызываетъ Кобленцъ. Притвицъ поспѣшно подходитъ къ аппарату. — на другомъ концѣ провода Мольтке.

— Что у васъ тамъ новаго? — затаивъ раздраженіе, спрашиваетъ начальникъ штаба кайзера.

Притвицъ отвѣчаетъ, что управленіе этапомъ, то есть штабъ генерала Хайдукъ, будетъ переведено въ Коницъ. Въ отвѣтъ на это заявленіе изъ мембраны звучитъ ироническій вопросъ:

— Почему же не сразу въ Берлинъ?

Притвицъ открываетъ ротъ, чтобы отвѣчать, но въ этотъ моментъ ему суютъ въ руку донесеніе, изъ котораго видно, что потерявшаяся кавалерійская дивизія нашлась и даже привела съ собой 50 плѣнныхъ. Отсутствіе свѣдѣній отъ дивизіи объяснялось тѣмъ, что она должна была обойти Ангербургъ, такъ какъ улицы города были блокированы бѣженцами.

Когда Мольтке узнаетъ о содержаніи донесенія, ему становится яснымъ, что командованіе 8-ой германской арміи, и, главнымъ образомъ, самъ Притвицъ, совершенно потеряли голову. Ему не остается ничего другого ,какъ примириться съ планомъ отступленія.

— Если уже вы желаете отступить во что бы то ни стало, то вашей задачей должно остаться — удержать линію укрѣпленія вдоль Вислы. Чего бы это ни стоило.

— Но экселленцъ, — заявляетъ Притвицъ, — вѣдь русскіе могутъ перейти Вислу въ бродъ! Рѣка изъ-за засухи пересохла и не является больше естественнымъ препятствіемъ!

Подобное заявленіе растеряннаго генерала переполняетъ чашу терпѣнія Мольтке. Телефонная трубка въ Кобленцѣ снова шлепается на вилку, и начальникъ штаба кайзера, несмотря на поздній часъ, спѣшитъ къ своему суверену для экстреннаго доклада о мѣропріятіяхъ Притвица.

Кайзеръ Вильгельмъ вначалѣ сдержанъ. Онъ не хочетъ сразу вѣрить, что въ числѣ тщательно отобранныхъ за годы мира генераловъ можетъ оказаться черная овца.

Мольтке предлагаетъ кайзеру подойти къ картѣ, водитъ указкой по извилинамъ рѣкъ, по артеріямъ желѣзныхъ дорогъ, объясняетъ, что въ настоящее время въ Восточной Пруссіи происходитъ, и что тамъ можетъ случиться, если приказы Притвица будутъ проведены въ жизнь.

Лицо кайзера становится все сумрачнѣе. Его вздернутые кверху усы

начинають топорщиться и, наконецъ, слѣдуетъ раздраженная фраза, выпаленная единымъ духомъ:

— Но вѣдь въ такомъ случаѣ Притвицъ вообще не имѣетъ никакой связи со своими войсками!

— Точно такъ, ваше величество, — поддакиваетъ Мольтке. — Если бы я не зналъ, что Притвицъ сталъ жертвой полной растерянности, я бросилъ-бы ему самый тяжелый упрекъ, какой можетъ быть брошенъ солдату, — дезертирство изъ арміи, когда та находится въ тяжеломъ положеніи.

Офицеры О. Х. Л. пожимаютъ плечами. Кто же, въ концѣ концовъ, побѣдилъ подъ Гумбиненомъ? Сѣверное крыло 28-ой русской дивизіи разбито и обстановка тамъ благопріятствуетъ нѣмцамъ. Въ центрѣ зато кенигсбергская дивизія Франсуа сильно потрепана, а корпусъ Макензена обращенъ русскими въ бѣгство. Наконецъ, на югѣ положеніе колеблется, и третья германская резервная дивизія, явившаяся въ продолженіе ночи на поле битвы, имѣетъ всѣ данныя къ тому, чтобы на утро начать бой съ русскими при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Скверно обстояло дѣло съ резервомъ. У Притвица, дѣйствительно, не было больше ни одного батальона, ни одного орудія, которое онъ могъ-бы послать на фронтъ. Съ другой стороны, къ русскимъ прибыли подкрѣпленія и цѣлая дивизія выгрузилась вечеромъ 20-го августа въ Вержболовѣ, причемъ вмѣстѣ съ ней прибыла бригада тяжелой артиллеріи. Эти подкрѣпленія могли быть введены въ дѣло въ самый кратчайшій срокъ.

— Генералъ Ренненкампфъ не сумѣлъ поймать руки, которую ему протягивала побѣда, — воскликнулъ Мольтке. — Но побѣда изъ-за Притвица сама вынуждена броситься въ его объятія!

ПРИТВИЦЪ ОТОЗВАНЪ.

Къ своему удивленію Притвицъ долженъ констатировать, что страхи оказываются необоснованными, и Ренненкампфъ, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать его отступающую армію, остается, какъ пригвожденный къ своимъ позиціямъ. Офицеры штаба Притвица дѣлаютъ попытки склонить его къ отмѣнѣ приказа объ отступленіи, указывая, что имѣющіеся въ распоряженіи Оберкомандо Ахтъ три съ половиной корпуса должны быть переброшены на югъ, соединиться тамъ съ 20-мъ корпусомъ фонъ Шольца и образовать преграду противъ арміи Самсонова.

Послѣ долгихъ колебаній Притвицъ соглашается, но его рѣшеніе созрѣваетъ слишкомъ поздно.

Въ полдень, 22-го августа, майоръ Гофманъ вызываетъ по телефону начальника штаба 1-го корпуса фонъ Шмидсека, чтобы сообщить ему планъ переброски войскъ по желѣзной дорогѣ. То, что онъ слышитъ, заставляетъ его изумленно поднять брови.

— Отъ чьего имени, собственно, вы распоряжаетесь? — спрашиваетъ Шмидсекъ. — Развѣ вы не знаете, что произошло?

— Нѣтъ, — растерянно отвѣчаетъ Гофманъ. — Можетъ быть, вы объясните?

Чувствуется, что Шмидсекъ нѣкоторое время колеблется, затѣмъ говоритъ:

— Если вы ничего не знаете, дорогой Гофманъ, то я не считаю себя вправѣ что-нибудь сообщать. Потерпите. Скоро узнаете.

Передавъ Шмидсеку все, что надо, Гофманъ идетъ въ канцелярію

штаба 8-ой арміи. Тамъ онъ надѣется найти разъясненіе загадочнымъ словамъ Шмидсека.

Гофманъ не ошибается. На лѣстницѣ онъ встрѣчаетъ начальника полевыхъ желѣзныхъ дорогъ Восточной Пруссіи майора Керстена, который показываетъ ему телеграмму. Гофманъ читаетъ, что 23-го августа по желѣзнодорожному пути Берлинъ-Кенигсбергъ прослѣдуетъ экстренный поѣздъ съ новымъ командующимъ 8-ой арміи и новымъ начальникомъ штаба.

— Что вы будете дѣлать съ этой телеграммой? — спрашиваетъ Гофманъ.

— Въ первую очередь, передамъ ее тому, кого это больше всего можетъ интересовать.

И распрощавшись съ Гофманомъ, Керстенъ идетъ къ Вальдерзэ и отдаетъ ему телеграмму. Тотъ, покраснѣвъ и криво усмѣхнувшись, надѣваетъ каску и идетъ съ непріятнымъ документомъ къ Притвицу.

...Когда за Вальдерзэ закрывается дверь, и онъ остается съ Притвицомъ наединѣ, въ комнатѣ царитъ полная тишина. Притвицъ, прочитавъ содержаніе телеграммы, безсильно опускается въ кресло. Ни онъ, ни Вальдерзэ не могутъ понять, почему они, — главные потерпѣвшіе, — узнаютъ послѣдними о своемъ смѣщеніи.

Ихъ изумленіе и обида остаются безъ объясненія. Только вечеромъ того-же дня изъ Кобленца поступаетъ офиціальное телеграфное подтвержденіе:

«Его Величество освобождаетъ генералъ-полковника фонъ Притвицъ ундъ Граффонъ отъ исполняемыхъ обязанностей. Новый командующій арміей прибудетъ въ районъ военныхъ дѣйствій завтра. Начальникъ кабинета по военнымъ дѣламъ при канцеляріи Его Величества фрейхерръ фонъ Линкеръ».

НОВЫЙ НАЧАЛЬНИКЪ ШТАБА.

Кто же долженъ вступить на мѣсто обиженнаго Вальдерзэ?

Мольтке, который закончилъ докладъ кайзеру, произноситъ:

— Людендорфъ. Я могу посовѣтовать вашему величеству только этого офицера.

— Людендорфъ?

Кайзеръ Вильгельмъ его лично не знаетъ, но много о немъ слыхалъ. Людендорфъ занимаетъ теперь постъ генералъ-квартирмейстера 2-ой арміи Бюлова, дѣйствующей въ настоящее время въ Бельгіи.

Энергичный человѣкъ. Съ прекраснымъ образованіемъ. По своему характеру не всегда пріятный, иногда колкій и придирчивый, — человѣкъ, котораго побаиваются изъ-за его рѣзкости и требовательности въ дѣлахъ службы.

Имя Людендорфа очень часто упоминалось въ германскихъ военныхъ кругахъ еще въ мирное время. Это онъ добивался организаціи большихъ артиллерійскихъ парковъ. Мольтке это знаетъ лучше всѣхъ. До весны 1913 года Людендорфъ работалъ въ германскомъ Большомъ штабѣ, — сначала, какъ офицеръ мобилизаціоннаго отдѣла, а затѣмъ, какъ начальникъ его.

Въ первые-же дни войны Людендорфъ отличается при взятіи Льежа. Онъ наступаетъ во главѣ 14-ой пѣхотной бригады и, когда командиръ этой бригады фонъ Вуссоу падаетъ, сраженный бельгійскимъ ружейнымъ огнемъ, принимаетъ на себя командованіе этой частью. Благодаря личной храб-

рости, ему удается захватить самые важные форты Льежа и этотъ поступокъ вызываетъ восхищенiе въ Кобленцѣ. Мольтке, который долженъ согласовать военныя операцiи на Марнѣ, въ Галицiи и въ Восточной Пруссiи, знаетъ, что для замѣны Вальдерзэ нѣтъ болѣе подходящаго лица, чѣмъ Людендорфъ.

И вотъ, Мольтке садится къ своему письменному столу и пишетъ:

«Вы будете поставлены передъ новой задачей, можетъ быть, болѣе трудной, чѣмъ штурмъ Льежа. Я не знаю другого человѣка, по отношенiю къ которому чувствовалъ-бы больше довѣрiя, чѣмъ къ вамъ. Можетъ быть вы спасете положенiе на востокѣ. Не сердитесь на меня за то, что отзываю васъ съ поста какъ разъ въ то время, когда вы находитесь наканунѣ рѣшительной операцiи, которая, если этого захочетъ Богъ, закончится благополучно. Вы должны принести эту жертву во имя родины. Кайзеръ тоже полонъ довѣрiя къ вамъ. Вы, конечно, не будете нести отвѣтственности за то, что произошло до вашего прибытiя въ Восточную Пруссiю, но вы сможете, благодаря вашей энергiи, предотвратить худшее. Слѣдуйте, поэтому, своему новому назначенiю, которое является самымъ почетнымъ для васъ. Вѣрю, что вы не обманете оказаннаго вамъ довѣрiя».

Это письмо спѣшной эстафетой достигаетъ района расположенiя второй германской армiи. Въ этотъ моментъ тамъ кипитъ генеральное сраженiе, развернувшееся отъ Шарлеруа до Брiэ. Вторая армiя сконцентрировалась на рѣкѣ Самбръ, готовясь къ удару противъ армiи Ланрезака. Командующiй ея, Бюловъ, покинулъ свою ставку въ Вье-Саръ, чтобы поднять свой значокъ на холмахъ Флери, какъ это сдѣлалъ сто лѣтъ тому назадъ Наполеонъ.

Съ этимъ намѣренiемъ онъ, окруженный старшими офицерами своего штаба, несется во главѣ многочисленныхъ автомобилей, по историческому шоссе, отъ Вавра въ Генблу. Посреди пути его настигаетъ покрытый пылью автомобиль со значкомъ О. Х. Л., въ которомъ, держась за плечо шофера, стоитъ покрытый пылью офицеръ связи. Этотъ офицеръ передаетъ Бюлову немного помятый, запечатанный пятью сургучными печатями, пакетъ, надписанный рукою самого Мольтке.

Четверть часа спустя Людендорфъ уже несся въ обратномъ направленiи, торопясь въ Кобленцъ. Его автомобиль пролетѣлъ, какъ стрѣла, черезъ Вавръ, когда-то красивый городокъ, сегодня же — окутанный чернымъ дымомъ костеръ.

Прощай, Бельгiя!

Въ 6 часовъ вечера Людендорфъ, не успѣвъ даже переодѣться, спѣшитъ по лѣстницѣ отеля «Монополь» представляться Мольтке. Онъ стоитъ передъ начальникомъ штаба О. Х. Л., загорѣлый, покрытый пылью, страшно усталый. Мольтке сердечно пожимаетъ ему руку, выражая сожалѣнiе, что не можетъ предоставить нужнаго отдыха, приказываетъ вѣстовому подать коньякъ и подводитъ Людендорфа къ картѣ Восточнаго фронта, сразу начиная объяснять создавшееся тамъ положенiе.

СТАРЫЙ ПАУЛЬ.

Ганноверъ, — бывшая резиденцiя Гвельфовъ. Прекрасный городъ съ дивными англiйскими парками, богатыми домами, со стариннымъ внутреннимъ городомъ, сохранившимъ всю прелесть средневѣковья. Большiя фабрики сосредоточены тамъ, 450.000 жителей черпаютъ свое богат-

ство изъ горновъ заводовъ «Ханномагъ», «Континенталь» и многихъ другихъ. Мощные трамваи дальняго слѣдованія, — такіе, какихъ мало въ прочихъ городахъ. Съ громомъ проносятся они по чистымъ улицамъ, устремляясь въ Хильдесхеймъ или Штекенъ.

Юго-восточная сторона города опоясана прекраснымъ паркомъ, похожимъ на Булонскій лѣсъ. Эйленриде. Вокругъ этого парка расположились утопающіе въ зелени прелестные особняки коммерсантовъ, офицеровъ въ отставкѣ. Въ этой части города, похожей на дачное мѣсто, — царятъ тишина и покой, тамъ много свѣжаго воздуха.

Прогуливающіеся по улицамъ ганноверцы часто видятъ на террасѣ, обращенной въ садъ, пожилого, сѣдоусаго генерала. Волосы его подстрижены бобрикомъ, онъ немного похожъ на бульдога. Въ сѣрой тужуркѣ офицера въ отставкѣ онъ сидитъ въ поскрипывающемъ плетенномъ креслѣ на мягкой пестрой подушкѣ и, помѣщивая маленькой ложечкой кофе, внимательно читаетъ свѣжія газеты. Этотъ сѣдоусый генералъ — Пауль фонъ Гинденбургъ УНДЪ Бенкендорфъ, — «Нашъ старый Пауль», какъ его зовутъ сограждане, — большой знатокъ Восточной Пруссіи, человѣкъ еще въ молодые годы пересѣкавшій въ юнкерскомъ мундирѣ Мазурскія озера верхомъ и вбродъ по всѣмъ ихъ направленіямъ.

Гинденбургъ живетъ на покоѣ вотъ уже три года. Въ 1911 году онъ подалъ въ отставку изъ-за разныхъ несогласій съ верховнымъ командованіемъ, но теперь, когда весь германскій народъ ринулся въ небывалую въ исторіи войну, онъ ждетъ назначенія, ждетъ отвѣта на то письмо, которое послалъ вотъ уже три недѣли тому назадъ Мольтке, излагая свою просьбу о назначеніи на любой постъ.

Пауль фонъ Гинденбургъ патріотъ, онъ хочетъ исполнить свой долгъ передъ родиной, но родина, повидимому, не нуждается въ немъ, и это очень огорчаетъ пожилого генерала.

У калитки появляется безкозырка ординарца военно-телеграфнаго управленія. Рѣзкій звонокъ раздается въ прохладномъ холлѣ виллы Гинденбурга и вѣрный денщикъ генерала, исполняющій теперь обязанности дворецкаго, застегивая на ходу полувоенную тужурку, открываетъ дверь, пересѣкаетъ хрустящую гравіемъ дорожку, подходитъ къ калиткѣ и принимаетъ телеграмму.

Гинденбургъ, снявъ очки и отложивъ газету, съ нетерпѣніемъ слѣдитъ за дѣйствіями вѣрнаго слуги.

Неужели наконецъ?..

Да, наконецъ. Телеграмма отъ кайзера!

«Предлагаю вступить въ командованіе 8-ой арміей. Телеграфируйте.
Вильгельмъ».

Рука Гинденбурга дрожитъ, когда онъ беретъ перо, чтобы написать отвѣтъ. — «Я готовъ».

Ординарецъ, принявъ отвѣтъ, быстро исчезаетъ, а въ сонной до сихъ поръ виллѣ внезапно зарождается жизнь. Комнаты наполняются топотомъ торопливыхъ шаговъ, звучитъ громкій голосъ генерала, скрежещатъ по полу тяжелые чемоданы, со скрипомъ открываются двери шкафовъ, выдвигаются ящики комодовъ, а на заднемъ дворѣ горничныя чистятъ пахнущіе нафталиномъ мундиры и сюртуки.

Времени для сборовъ очень мало, — всего нѣсколько часовъ, — а тутъ еще очередная работа, — отвѣчать! Телеграммы изъ Кобленца поступаютъ все чаще и чаще, все новыя инструкціи наполняютъ карманы

тужурки Гинденбурга, все должно быть готово къ тремъ часамъ ночи, когда экстренный поѣздъ, состоящій всего изъ паровоза и двухъ вагоновъ, приметъ новаго командующаго 8-ой германской арміи.

Вечеромъ Гинденбургъ уже въ формѣ дѣйствительной службы. Это не защитный мундиръ дѣйствующей арміи, это обычная выходная форма мирнаго времени, — у Гинденбурга нѣтъ даже времени, чтобы экипироваться.

Съ наступленіемъ темноты, лихорадочная дѣятельность въ виллѣ достигаетъ апогея. Изъ магазиновъ присылаютъ срочно заказанныя вещи и остро пахнущіе ремни кожаной амуниціи. Поступаетъ послѣдняя телеграмма, въ которой Кобленцъ сообщаетъ, что въ экстренномъ поѣздѣ будетъ находиться данный Гинденбургу въ помощь новый начальникъ штаба Людендорфъ.

Въ 2 часа ночи къ ярко освѣщенной виллѣ Гинденбурга подаютъ парный экипажъ. Краткое прощаніе съ родными, и ландо устремляется къ вокзалу. Въ 3 часа ночи Гинденбургъ вступаетъ подъ гулкіе своды зала ожиданія, гдѣ между огромными досками съ расписаніями поѣздовъ толпятся взволнованные люди, одѣтые преимущественно по военному.

Гинденбургъ, предшествуемый нагруженнымъ вещами денщикомъ, вступаетъ на лѣстницу, ведущую къ перрону.

Мощный паровозъ съ грохотомъ и лязгомъ влетаетъ подъ стеклянный куполъ ганноверскаго вокзала. Скрежещутъ тормоза, выбрасывая ослѣпительныя искры. Мимо Гинденбурга, одиноко ожидающаго прибытія поѣзда изъ Кобленца, проносятся ярко освѣщенныя окна.

Одно, второе, третье, десятое...

Въ дверяхъ задней площадки перваго вагона стоитъ высокій офицеръ въ немного помятой походной формѣ, въ остроконечной каскѣ, затянутой сѣрымъ чехломъ , — Людендорфъ

Поѣздъ останавливается. Пружинистымъ шагомъ Людендорфъ подходитъ къ Гинденбургу, вытягивается, замираетъ, щелкнувъ шпорами и подчеркнуто вѣжливо отдаетъ честь.

— Являюсь по пазначенію, экселленцъ...

И едва только оба генерала входятъ въ салонъ-вагонъ, гдѣ на большомъ столѣ уже наколоты карты, усѣянныя разноцвѣтными флажками, поѣздъ безъ свистка трогается съ мѣста и, быстро набравъ скорости, летитъ въ сторону Целле-Берлинъ-Шнейдемюль-Торнъ.

Всю ночь въ ярко освѣщенныхъ вагонахъ идетъ совѣщаніе, мимо экстреннаго поѣзда, не останавливающагося нигдѣ, проносятся города, поселки, черезъ Берлинъ паровозъ летитъ, оглушая людей, собравшихся на перронахъ Цоо и Фридрихштрассе, пронзительнымъ свисткомъ. И, когда на слѣдующій день стрѣлки часовъ подходятъ къ двумъ, изъ оконъ салонъ-вагоновъ видны уже Маріенбургъ и Ногатъ.

Съ шумомъ проносится поѣздъ по широкому мосту. Командующій 8-ой арміей и его начальникъ штаба стоятъ рядомъ и смотрятъ черезъ зеркальное стекло на холмистую равнину. Отъ нихъ отнынѣ зависитъ судьба Восточной Пруссіи...

НА ПОМОЩЬ ФРАНЦІИ.

И вотъ, въ серединѣ августа, на Восточную Пруссію катится 2-ая русская армія... Полки маршируютъ съ востока, идутъ безконечными колоннами съ юга, надвигаются, какъ туча, съ двухъ сторонъ горизонта въ колосссальной силѣ, — свыше двухсотъ тысячъ человѣкъ.

Солнце угнетающе выжигаетъ поля. Ни капли дождя не падаетъ въ эти насыщенные нервами дни. Раскаленный воздухъ, мерцая, переливается по широкимъ равнинамъ, по которымъ скудно разбросаны деревни, рѣки и колодцы, но гдѣ много колосящихся полей, много необъятныхъ лѣсовъ.

Русская пѣхота идетъ не только по главнымъ дорогамъ, а топчетъ пыль многочисленныхъ проселковъ, маршируетъ все впередъ и впередъ, подгоняемая приказами штаба фронта. Походъ начинается съ ранняго утра, продолжается весь день, и сотни тысячъ сапогъ тяжело ступаютъ по пыли до поздней ночи, пока наступившая темнота не позволитъ немного передохнуть.

А на слѣдующій день та же картина... Съ утра безжалостный сигналъ горниста подымаетъ не успѣвшихъ выспаться солдатъ, раздается повелительная команда, тяжело подымаются истомленные люди, и армія катится дальше, все дальше и дальше на западъ...

Весь организмъ управленія русскимъ войскомъ сосредоточенъ на одномъ словѣ — впередъ! Начальникъ штаба ставки верховнаго главнокомандующаго Янушкевичъ понукаетъ подчиненныхъ ему генераловъ. Тѣ, въ свою очередь, нажимаютъ на низшихъ. Изъ арміи въ корпусъ, изъ корпуса въ дивизію, изъ дивизіи въ бригаду, изъ бригады въ полкъ, изъ полка въ батальонъ и роту, каждую ночь поступаютъ приказанія:

— Впередъ, во что бы то ни стало! Франція въ опасности.

Дневокъ нѣтъ. Войска обязаны маршировать. Если какой-нибудь дивизіонный командиръ заявляетъ своему начальнику, — «Ваше высокопревосходительство. мои войска больше не могутъ», — тогда начальникъ кричитъ: «Ваши войска не могутъ? Это ничего не значитъ. Въ настоящій моментъ ваши войска только для того, чтобы маршировать. Впередъ, ваше превосходительство, впередъ».

Обозы не поспѣваютъ. Почва песчанна. повозки, двуколки, автомобили уходятъ въ мелкій, поднимающійся тучей, песокъ. Обозные отпрягаютъ лошадей, переводятъ ихъ въ головную, застрявшую колонну повозокъ, припрягаютъ дополнительныя упряжки, хватаются за спицы колесъ, и съ гиканіемъ, понуканіемъ, свистомъ и взмахами кнутовъ гонятъ надрывающихся лошадей, которыя съ трудомъ вытягиваютъ повозку изъ песка. И когда головныя повозки оттащены впередъ на 1—2 километра, лошадей выпрягаютъ снова, берутся за слѣдующую партію повозокъ и снова, надрываясь, гонятъ взмыленныхъ лошадей впередъ.

Обозы оторвались отъ войскъ. Войска, въ свою очередь, остались безъ провіанта, безъ дополнительныхъ снарядовъ. Сказались послѣдствія перерыва въ снабженіи. Въ 6-мъ корпусѣ, послѣ 7 дней непрерывныхъ маршей, когда переутомленные солдаты въ продолженіе всего этого времени питались только неприкосновеннымъ запасомъ, стали замѣчаться признаки деморализаціи.

Начальникъ штаба арміи Самсонова Постовскій жаловался вслухъ:

— Времени, отведеннаго на мобилизацію, не хватило. Наступленіе надо было начать 20-го августа вмѣсто 16-го!

Въ арміи Ренненкампфа еще до того, какъ она вступила въ большой бой, переутомленіе войскъ было такъ велико, что генералъ вынужденъ былъ смѣстить значительное число офицеровъ 28-й дивизіи, только за то, что тѣ не могли больше подгонять своихъ солдатъ...

Особенно страдала, однако, армія Самсонова. Согласно съ планомъ Жилинскаго, она должна была продвигаться быстрѣе, чѣмъ армія Ренненкампфа. Послѣдній долженъ привлечь на себя всю силу удара германскихъ войскъ, удержать ихъ нѣкоторое время на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока армія Самсонова, обходящая Мазурскія озера съ юга, не получитъ возможности ударить германцамъ во флангъ и отрѣзать ихъ отъ Вислы. Въ случаѣ удачи этого плана, объединеннымъ силамъ Самсонова и Ренненкампфа не должно было составить труда бросить германскую 8-ю армію въ Балтійское море. Понятно, поэтому, что командованіе фронтомъ не разрѣшало полкамъ Самсонова ни минуты передышки.

Несмотря на форсированные марши, вторая русская армія не удовлетворяла Жилинскаго. Самсоновъ, по его мнѣнію, недостаточно быстро шелъ впередъ. Жилинскій подгонялъ его, хотя Самсоновъ телеграфировалъ:

«Дороги въ высшей степени непроходимы. Я не могу продвигаться быстрѣе.»

Въ отвѣтъ неслись телеграммы:

«Задержка въ наступленіи второй арміи ставитъ въ тяжелое положеніе первую армію, которая два дня уже ведетъ бой у Сталюпенена. Поэтому ускорьте наступленіе второй арміи и возможно энергичнѣе развейте операціи, выдвинувъ, если для сего потребуется, первый корпусъ.»

Раздраженный Самсоновъ отвѣчаетъ:

«Армія наступаетъ со времени вашего приказанія безостановочно, дѣлая переходы свыше 20 верстъ по пескамъ, почему ускорить не могу.»

ЗАТРУДНЕНІЯ.

Но не только утомительные переходы затрудняли операціи армій сѣверо-западнаго фронта. Служба связи была налажена плохо.

Примѣръ:

При началѣ операцій Самсоновской арміи капитанъ генеральнаго штаба Пехливановъ явился по дѣламъ службы на варшавскій почтамтъ. Къ своему ужасу онъ обнаружилъ тамъ огромную кипу служебныхъ телеграммъ, адресованныхъ штабу Самсонова, въ Остроленку. Эти телеграммы были посланы Жилинскимъ и, по предположенію штаба фронта, уже находились въ рукахъ Самсонова.

Пехливановъ потребовалъ отъ директора почтамта объясненій:

— Почему эти телеграммы не были отправлены?

Отвѣтъ:

— Между Варшавой и арміей Самсонова еще не установлено ни телеграфнаго, ни телефоннаго сообщенія. Что же касается окольныхъ линій, то онѣ слишкомъ перегружены для того, чтобы ими можно было бы пользоваться.

Капитанъ поспѣшно собралъ всѣ телеграммы, бросилъ весь тюкъ въ свой автомобиль и доставилъ ихъ лично генералу Самсонову. Увы, нѣкоторыя телеграммы пролежали въ варшавскомъ почтамтѣ нѣсколько дней и помощи Самсонову уже оказать не могли...

Дальше:

Командиръ 13-го армейскаго корпуса, Клюевъ, разсказывалъ, что при началѣ военныхъ дѣйствій многія части не умѣли устраивать телеграфныхъ линій. Вслѣдствіе этого командованіе было вынуждено прибѣгать къ по-

мощи радіотелеграфовъ, что вызвало при быстромъ продвиженіи войскъ большую неразбериху.

Больше того:

Телеграммы посылались шифрованными, но нѣкоторыя части, напримѣръ 13-ый корпусъ, не имѣли даже секретнаго кода, вслѣдствіе чего не могли расшифровать телеграммъ. Не оставалось ничего другого, какъ посылать даже самыя важныя оперативныя директивы безпроволочнымъ и нешифрованнымъ путемъ...

Но несмотря на все, русскій паровой валъ углублялся все больше и больше въ равнины Восточной Пруссіи. За головными частями не поспѣвали не только положенныя по штату батареи, колонны съ амуницией и обозы, но были дивизіи, какъ, напримѣръ, вторая пѣхотная, которыя вообще не располагали никакимъ имуществомъ. Тяжелая артиллерія 23-го корпуса не имѣла обозныхъ повозокъ вообще, а снаряды и патроны перевозились упакованными въ соломѣ, на реквизированныхъ крестьянскихъ подводахъ.

Офицеры дѣйствующей арміи умоляли высшее командованіе замедлить темпъ марша. Они указывали на то, что походъ нѣкоторыхъ частей, какъ, напримѣръ, 13-го корпуса, уже похожъ скорѣе на процессію паломниковъ, чѣмъ на наступленіе войскъ, но эти мольбы оставались безъ отвѣта со стороны Жилинскаго.

Ко всему сказанному прибавлялось еще одно обстоятельство, — наличіе у германцевъ военныхъ аэроплановъ. Хотя авіація того времени и находилась въ зачаточномъ состояніи, тѣмъ не менѣе въ Восточной Пруссіи нѣмцы располагали значительнымъ числомъ аппаратовъ. Самсоновъ сообщалъ Жилинскому, что германскіе летчики неотступно слѣдятъ за движеніями его арміи и германское командованіе, слѣдовательно, во всѣхъ подробностяхъ освѣдомлено о развиваемыхъ имъ операціяхъ.

Въ русской же арміи, авіаціонное дѣло, о которомъ съ такой гордостью говорилъ Сухомлиновъ въ своей статьѣ «Россія готова», оставляло желать лучшаго, несмотря на великолѣпный составъ летчиковъ: аппаратовъ было мало, и эти немногія машины находились въ такомъ состояніи, что послѣ одного-двухъ полетовъ ломались или ихъ приходилось разбирать. Поэтому правъ былъ генералъ-квартирмейстеръ ставки верховнаго главнокомандующаго Даниловъ, который утверждалъ, что «вслѣдствіе отсутствія аэроплановъ, отъ насъ было скрыто все, что творилось за линіей германскихъ заставъ».

Появленіе аэроплановъ въ небѣ производило на русскихъ солдатъ, въ особенности на запасныхъ, удручающее впечатлѣніе. Генералъ Гурко разсказывалъ, что запасные, въ особенности тѣ, которые пришли на фронтъ изъ центральныхъ губерній, вообще видѣли аэропланы впервые. Достаточно было появиться въ небѣ какому-либо аппарату, — все равно, русскому или германскому, — его обстрѣливали, какъ сумасшедшіе. Генералъ Ренненкампфъ вынужденъ былъ даже отдать жестокій приказъ, согласно которому стрѣлявшіе по аэроплану должны быть разстрѣляны, такъ какъ благодаря безразсудной пальбѣ было сбито много русскихъ летчиковъ, что грозило свести русскую авіацію вообще на нѣтъ.

И вопреки всему — какъ это парадоксально ни звучитъ, — то, что въ русской арміи многія части не имѣли полнаго комплекта, это оказывалось облегченіемъ. 6-й корпусъ, напримѣръ, вмѣсто положенныхъ

32-хъ батальоновъ, имѣлъ только 24 съ половиной, при 15 процентовъ офицерскаго состава. Это обстоятельство облегчало снабженіе войскъ продовольствіемъ и амуниціей.

Но несмотря на отрицательныя стороны снабженія арміи и отсутствіе связи, такъ остро проявившіяся въ наступленіи на Восточную Пруссію, было-бы ошибочно предполагать, что обѣ русскія арміи, которыя наступали въ двухъ направленіяхъ, не представляли бы собой никакой опасности для Германіи. Русскій солдатъ тѣхъ временъ былъ храбръ и на него можно было положиться. Всѣ данныя говорили за то, что, по окончаніи маршей, едва только арміи вступятъ въ бой, весь налетъ временной деморализаціи слетитъ. Каждая армія, даже самая лучшая европейская, начинаетъ морально разлагаться, если ее слишкомъ сильно гонятъ.

23 августа

Въ тотъ день, когда закончилось гумбиненское сраженіе, странный свѣтъ спустился на окровавленную землю. Казалось, что судьба внезапно распростерла сѣрую пелену надъ русскими и германскими арміями, какъ бы предупреждая о грядущихъ годахъ лишеній, нужды, отчаянія и смерти.

Солнечное затменіе, происшедшее въ этотъ день, не было похоже на затменіе въ апрѣлѣ 1913 года съ кровавыми отблесками въ рѣкахъ и озерахъ. На этотъ разъ оно было какимъ - то страннымъ, мутнымъ, сѣрымъ, и даже люди были похожи на мертвецовъ.

Вторая русская армія Самсонова находилась какъ разъ въ походѣ. — Безконечныя колонны солдатъ угрюмо тащились по дорогамъ и пескамъ. Когда началось затменіе, кони испуганно заметались. Солдаты сперва замедлили шагъ, а затѣмъ остановились. Даже на офицеровъ оно произвело гнетущее впечатлѣніе. Бодрость смѣнилась плохими предчувствіями.

Безпокойство забралось также и въ германскія позиціи. Передовые отряды русской арміи были еще далеко, и нѣмцы, поспѣшно работая, заканчивали возведеніе укрѣпленій... Такъ же, какъ и шаги русскихъ солдатъ, работа германскихъ лопатъ пріостановилась, глаза людей поднялись къ небу...

Два дня прошло съ момента этого предзнаменованія. Въ душный полдень 23-го августа германскіе солдаты вновь перестали копать землю. Они притихли, какъ бы желая уловить стукъ приближающихся шаговъ противника. Далеко, гдѣ - то на лѣвомъ флангѣ, тамъ, гдѣ стояла сосѣдняя дивизія, глухо ударило орудіе. За нимъ еще и еще.

И внезапно за линіей горизонта, скрывающей мѣсто перваго столкновенія авангардовъ Самсонова съ германцами, загремѣлъ артиллерійскій бой, выстрѣлы орудій слились въ непрерывный, сотрясающій землю гулъ.

Движенія людей не видно; только мягкіе комки шрапнельныхъ дымковъ вспыхиваютъ, расплываются въ залитомъ солнцемъ небѣ. Это отсутствіе живыхъ людей въ панорамѣ зарождающагося боя дѣйствуетъ угнетающе на германскихъ солдатъ.

Съ напряженными нервами слѣдятъ они за трагедіей, развивающейся на ихъ лѣвомъ флангѣ, — до самыхъ вечернихъ сумерокъ ихъ руки работаютъ лѣнивѣе, чѣмъ обыкновенно, — постройка окоповъ идетъ медленнѣе.

Угнетаетъ ихъ, однако, не столько гулъ невидимой битвы, сколько то обстоятельство, что полки Самсонова глубоко проникли на территорію Во-

сточной Пруссіи, что на горизонтѣ выростаютъ дымы пожаровъ, пожирающихъ родныя села. Угнетаетъ и то, что въ верхахъ арміи творится что-то нездоровое и изъ устъ въ уста шопотомъ передается имя новаго командующаго, — генерала фонъ Бенкендорфъ ундъ фонъ Гинденбургъ.

ОСТРОЛЕНКА.

Ночью наканунѣ генералъ Самсоновъ сидитъ на грубомъ деревянномъ стулѣ въ оперативной комнатѣ своего штаба. Его душа наполнена и радостью и досадой. Радостью — потому, что онъ гордъ за успѣхи своихъ войскъ, занявшихъ уже 4 германскихъ города, досадой же — изъ за того, что его начальникъ, командующій сѣверо-западнымъ фронтомъ, Жилинскій, опять чѣмъ-то недоволенъ.

Ни проволока телеграфа, ни искра, пронзившая эфиръ, не выбросила на столъ Самсонова ни одного листка бумаги со словомъ признательности! Это было-бы, впрочемъ, пустякомъ, если бы вмѣсто ожидаемаго поощренія поступали, по крайней мѣрѣ, бумаги съ исчерпывающими директивами, съ указаніемъ на то, какія части стоятъ противъ его арміи. Но эти директивы отсутствуютъ. Неизвѣстно, что происходитъ на лѣвомъ флангѣ. Неизвѣстно также, что творится въ разрывѣ, отдѣляющимъ Вторую армію отъ Ренненкампфа. Въ центрѣ количество плѣнныхъ незначительно, и по нимъ нельзя судить, какія части германцевъ преграждаютъ путь наступленія.

Словомъ, о врагѣ извѣстно очень мало, а, между тѣмъ, необходимо приступить къ составленію очередного боевого приказа... Начальникъ штаба, Постовскій, вотъ уже больше часа стоитъ надъ картами, посѣрѣвшій, согнувшійся, подточенный безсонными ночами, нервно теребящій черный шнурокъ пенснэ.

Армейская развѣдка приноситъ нѣсколько донесеній. Кажется, что все въ порядкѣ. Самсоновъ внимательно перечитываетъ помятыя бумаги и въ дымкѣ наступающаго разсвѣта диктуетъ приказъ на 23-е августа.

— Шестой корпусъ остается въ районѣ Отельсбурга, тринадцатый занимаетъ линію Едвабно — Омулефсферъ — Дембенхофенъ.
Пятнадцатый — продвигается до линіи Лыкузенъ — Зелесенъ... Первый корпусъ остается въ Сольдау, вторая пѣхотная дивизія идетъ походомъ на Кослау.

Генералъ — квартирмейстеръ Самсонова, генералъ Филимоновъ, входитъ въ комнату. Молча передаетъ ему Постовскій приказъ, подписанный нервными каракулями Самсонова. Генералъ - квартирмейстеръ подходитъ къ лампѣ, горящей на сосѣднемъ столѣ, наклоняется и читаетъ. Отъ взглядовъ Самсонова и Постовскаго не скрывается, что Филимоновъ испытываетъ замѣшательство. Внимательно слѣдятъ они за измѣненіемъ выраженія лица и настораживаются еще больше, когда Филимоновъ, полуобернувшись къ нимъ, говоритъ:

— Подумайте, ваше превосходительство!—Изъ этого приказа видно, что ваша армія, въ общемъ, движется на западъ, въ то время, какъ директива Жилинскаго предписываетъ продвиженіе на сѣверъ. Мы слѣдовательно уклоняемся отъ желаній командующаго фронтомъ, утверждающаго, что побѣда Ренненкампфа несомнѣнна, что германцы поспѣшно отступаютъ, и намъ, поэтому, необходимо зайти имъ во флангъ.

— Мой другъ! — рокочущимъ баскомъ говоритъ Самсоновъ, — планы нельзя строить на столь отдаленное будущее. Кромѣ того, посудите

сами, можемъ - ли мы перепрыгнуть черезъ отступающія передъ фронтомъ нашей арміи германскія части? Вамъ, вѣдь, самому ясно, что въ случаѣ движенія на сѣверъ весь мой лѣвый флангъ оказывается подъ угрозой свѣжихъ германскихъ войскъ. Даже самая примитивная стратегія требуетъ уничтоженія врага, прежде, чѣмъ можетъ быть начато какое - либо сложное движеніе. Скажите по совѣсти; — хватило - ли бы у васъ смѣлости придерживаться приказа и попросту оставить сильнаго непріятеля сначала сбоку, а потомъ въ тылу?

По лицу видно, что Филимоновъ согласенъ съ доводами Самсонова. Тѣмъ не менѣе приказъ свыше остается приказомъ, и генералъ - квартирмейстеръ пытается возразить. Самсоновъ, однако, упоренъ. Рѣшительнымъ жестомъ руки онъ отклоняетъ всякую попытку измѣненія приказа и, взявъ подъ руку Постовскаго, отводитъ его къ окну. Тамъ, вполголоса происходитъ послѣднее совѣщаніе, укрѣпляющее Самсонова въ его намѣреніи двигаться на западъ.

— Разошлите приказъ, — приказываетъ Самсоновъ дежурному офицеру и, опускаясь на стулъ, отхлебываетъ жадными глотками остывшій чай.

Наступаетъ день, — генералъ еще не сомкнулъ глазъ. Мысли его работаютъ лихорадочно. Передъ нимъ мелькаютъ воспоминанія прошлаго, рождая досаду. Самсоновъ думаетъ о войнѣ въ Манчжуріи, протекавшей на просторныхъ открытыхъ равнинахъ, вспоминаетъ себя на горячемъ конѣ. Передъ его глазами скачутъ ординарцы, разворачиваются кавалерійскіе полки, получаютъ приказы, а онъ, Самсоновъ, слѣдитъ за маневрами въ большой бинокль, видитъ, какъ смыкаются войска, обозначаются позиціи японцевъ, — онъ видитъ поле битвы передъ своими глазами.

А здѣсь, въ Остроленкѣ? Что это за война? Онъ сидитъ въ душной комнатѣ, заваленъ бумагами, получаетъ донесенія слишкомъ поздно. Глаза не видятъ ничего, кромѣ картъ и посѣрѣвшихъ стѣнъ... На всѣ просьбы разрѣшить поѣхать въ районъ расположенія войскъ штабъ арміи отвѣчаетъ отказомъ, приходится сидѣть въ этой проклятой комнатѣ, а на всѣ телефонные вызовы отвѣчаетъ ген. Жилинскій, всегда невидимый и раздраженный, грозящій царской немилостью въ случаѣ, если будетъ сдѣлано что - либо своевольное.

А между тѣмъ, какъ не быть своевольнымъ, когда всѣ приказы, которые исходятъ отъ него, должны привести къ пораженію арміи. А отвѣчать за это будетъ не командующій фронтомъ, а онъ, Самсоновъ?

Генералъ устало поднимается. Опирается о столъ и снова склоняется надъ картами.. Молча, почти съ сожалѣніемъ, стоятъ поодаль офицеры штаба и наблюдаютъ, какъ ихъ командиръ водитъ сомкнутымъ циркулемъ по линіямъ сильно пересѣченной мѣстности, старается на основаніи отрывочныхъ донесеній нарисовать въ воображеніи дѣйствительную картину своего фронта.

— Приказы по корпусамъ! — отрывисто говоритъ Самсоновъ и быстро диктуетъ одинъ за другимъ распоряженія.

Филимоновъ снова пытается вмѣшаться, предлагая предварительно переговорить съ Жилинскимъ, но Самсоновъ только отмахивается. Тамъ все равно не поймутъ!

Тогда Филимоновъ самъ отправляется къ телефонистамъ, добивается соединенія съ Волковыскомъ, требуя къ аппарату самого Жилинскаго.

Голосъ командующаго фронтомъ хриплый. Чувствуется, что Жилинскій за ночь сильно усталъ.

—Что у васъ опять тамъ такое? — раздраженно спрашиваетъ онъ.

Филимоновъ докладываетъ: согласно со свѣдѣніями, доставленными развѣдкой второй арміи, германскія части, защищающія южную часть Восточной Пруссіи, укрѣпились въ районѣ сѣвернѣе Нейденбурга. Представляется немыслимымъ игнорировать ихъ присутствіе и продолжать дальнѣйшій походъ въ сѣверномъ направленіи. Онъ, Филимоновъ, предлагаетъ измѣненіе въ сторону фронта Алленштейнъ-Остероде. Что скажетъ на это его превосходительство?

Жилинскій нѣкоторое время молчитъ и въ трубкѣ слышно, какъ онъ шелеститъ перекладываемыми листами картъ. Затѣмъ раздается его недовольный голосъ.

— Передайте трубку телеграфисту. Я на основаніи вашего представленія отдамъ соотвѣтствующій приказъ.

Телеграфистъ записываетъ:

«Номеръ 3004. Общее положеніе: германскія войска послѣ тяжелыхъ боевъ, закончившихся побѣдой Ренненкампфа, поспѣшно отступаютъ, взрывая за собой мосты. Непріятель, находящійся передъ второй арміей, располагаетъ, повидимому, незначительными силами. Приказываю второй арміи оставить заслонъ у Сольдау и двинуться главными силами на линію Зенбургъ - Алленштейнъ, которую надлежитъ занять не позже 25-го августа. Наступленіе второй арміи не имѣетъ никакой иной цѣли, кромѣ уничтоженія отступающихъ передъ арміей Ренненкампфа германскихъ частей. Эти войска необходимо отрѣзать отъ Вислы».

Съ приказомъ Жилинскаго въ рукахъ, Филимоновъ спѣшитъ въ оперативную комнату, чтобы сообщить о результатахъ своихъ переговоровъ съ Жилинскимъ. На полпути онъ сталкивается съ Самсоновымъ, выходящимъ на улицу. Самсоновъ внимательно читаетъ приказъ командующаго фронтомъ, возвращаетъ депешу Филимонову и хочетъ пройти дальше.

— Какъ же будетъ, ваше превосходительство? — спрашиваетъ Филимоновъ.

— Никакъ, — криво улыбнувшись, отвѣчаетъ Самсоновъ. — Мои приказы остаются въ силѣ. Я еще не сошелъ съ ума.

УДАРЪ КОРПУСА МАРТОСА.

15-ый корпусъ второй арміи находился подъ командой маленькаго, какъ изъ желѣза выкованнаго, черноволосаго генерала съ курчавой бородкой — Мартоса. Его части, занявшія Нейденбургъ, первыми вошли въ соприкосновеніе съ главными германскими силами и развивали наступленіе въ направленіи Лыкузенъ - Зелезенъ. Для достиженія этой цѣли корпусу надо было продвинуться черезъ укрѣпленную позицію Орлау-Франкенау.

Развѣдка донесла, что на этой позиціи сосредоточены большія силы 20-го германскаго корпуса. Эти свѣдѣнія быстро подтвердились. Черниговскій пѣхотный полкъ, продвигавшійся въ качествѣ авангарда праваго фланга корпуса, внезапно оказался въ тяжеломъ положеніи. Германцы взяли его подъ перекрестный огонь. Однимъ изъ первыхъ палъ командиръ полка, полковникъ Алексѣевъ.

Времени для колебаній не было. Мартосъ рѣшилъ энергично атаковать противника, приказавъ Оренбургскому казачьему полку ринуться противъ лѣваго крыла непріятеля, смять его, загнуть и даже обойти. Увы,

оренбуржцы, хотя и были казаками, но находились подъ командой чрезвычайно нерѣшительнаго начальника, уже раньше не осуществлявшаго возлагаемыхъ на него боевыхъ заданій. Мартосъ и на этотъ разъ весьма сомнѣвался, что атака будетъ проведена со всей силой и надѣялся только на моральный эффектъ, долженствующій породить среди нѣмцевъ панику при видѣ несущейся лавины казачьихъ сотенъ.

Бой разгорѣлся, развиваясь въ стремительномъ темпѣ. Правое крыло корпуса Мартоса оказалось въ опасномъ положеніи. Генералу пришлось даже быстро набросать на листкѣ полевой книжки просьбу о помощи. Эту записку конный ординарецъ карьеромъ умчалъ въ штабъ сосѣдняго 13-го корпуса генерала Клюева.

Трудная обстановка была на полѣ битвы 15-го корпуса. Холмы, смѣшанный лѣсъ, болота, зыбучіе пески. Въ долинѣ, промятой природой на добрыхъ 30 метровъ въ глубину ландшафта, вьется причудливо изгибающаяся рѣченка Алле, съ берегами, мѣстами похожими на трясину. И за этими природными препятствіями, въ хорошихъ неторопливо построенныхъ окопахъ, вьющихся по гребню холмовъ, залегли германскіе солдаты 37-ой пѣхотной дивизіи и ландштурмисты 70-ой бригады.

Но несмотря на всѣ препятствія, Мартосъ подымаетъ въ атаку двѣ свои дивизіи, приказываетъ артиллеріи развить интенсивный огонь. Съ крикомъ ура массы русскихъ войскъ устремляются по пересѣченной мѣстности черезъ плато, возвышающееся передъ Франкенау, сметая передъ собой линіи германскихъ защитниковъ.

Положеніе нѣмцевъ становится отчаяннымъ. Необстрѣлянныя войска поддаются паникѣ. Рота за ротой обращается въ повальное бѣгство. Начальники принимаютъ крайнія мѣры для спасенія положенія, каждый дѣйствуетъ на свою отвѣтственность, общей директивы нѣтъ. Полубатарея полевой артиллеріи несется галопомъ черезъ Франкенау. Ея командиръ, лейтенантъ Хейзе скачетъ впереди. Его оба орудія съ оглушительнымъ грохотомъ проносятся по булыжникамъ главной улицы и на южной околицѣ правая рука лейтенанта взлетаетъ въ воздухъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда русскіе поднимаются для послѣдней атаки. Съ лихорадочной поспѣшностью германскіе артиллеристы соскакиваютъ съ передковъ, ставятъ орудія на позицію и открываютъ огонь.

Граната, шрапнель... Граната, шрапнель...

Артиллеристы работаютъ, обливаясь потомъ. Вокругъ нихъ вырастаютъ кучи гильзъ, — скорострѣльныя орудія Круппа бьютъ, если надо, какъ огромные пулеметы и, о чудо, техника торжествуетъ надъ массами храброй пѣхоты. Русскія цѣпи должны залечь.

Моментъ выигранъ. Германская артиллерія усиливается резервами. Все больше и больше гранатъ и шрапнелей рвется надъ поспѣшно набрасывающими передъ собой горсти земли русскими солдатами. Адъ творится надъ песчаннымъ плато. Земля, взрытая снарядами, покрываетъ поле битвы непрогляднымъ туманомъ, и когда солнце начинаетъ приближаться къ закату, русскія цѣпи, толчками продвигающіяся впередъ, успѣваютъ пройти ничтожное разстояніе, приблизившись къ нѣмцамъ на 600 метровъ.

Но еще ожесточеннѣе и горячѣе развивается драматическій бой на лѣвомъ германскомъ флангѣ у Орлау, защищающемъ деревушку Лана-Аллендорфъ. Тамъ на окопы съ дикимъ визгомъ устремляются казачьи сотни, не обращая вниманія на ливень шрапнельныхъ пуль. Раскаленныя германскія орудія производятъ страшныя опустошенія въ рядахъ оренбурж-

СПАСИ И СОХРАНИ...

Лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ передъ отправкой на фронтъ преклонилъ колѣна.

ПЕРЕДЪ ПЕРВЫМЪ БОЕМЪ.

14-ый пѣхотный, Его Величества Короля Сербскаго Петра Перваго полкъ на позиціи въ Восточной Пруссіи у дер. Клейнъ-Бессау. За цѣпью слѣва — поручикъ Ефимовъ. Справа — капитанъ Жаховскій.

НА ФРОНТЪ.

Во время битвы на Марнѣ успѣхъ или катастрофа зависили подчасъ отъ часовъ и даже минутъ. Чтобы перебросить во время войска, французы, впервые за исторію военнаго дѣла, использовали автобусы.

КАВАЛЕРИСТЫ ВЪ ОКОПАХЪ.

Спѣшенные казаки, влитые въ спѣшно вырытые окопы, какъ пополненіе, ведутъ перестрѣлку въ залегшимъ непріятелемъ.

ГЛАЗА И УШИ АРТИЛЛЕРІИ.

Телефонисты принимаютъ передаваемую съ расположеннаго впереди позиціи наблюдательнаго пункта корректуру стрѣльбы.

РЕННЕНКАМПФЪ ВЪ ИНСТЕРБУРГѢ.

Снимокъ сдѣланъ за ужиномъ въ гостиницѣ «Дессауеръ Хофъ». Второй слѣва — генералъ-отъ-кавалеріи Ренненкампфъ.

цевъ, которые, увлекшись атакой, не обращаютъ вниманія на тормозящія распоряженія своего осторожнаго командира. Только тогда, когда изъ сѣдла выбито огромное число всадниковъ, слова команды удерживаютъ увлекшихся казаковъ, и полкъ удается вывести изъ линіи огня.

Обѣ стороны дерутся съ небывалымъ ожесточеніемъ. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ германскихъ позицій, гдѣ отстрѣливается германская 73-я пѣхотная бригада подъ командой генералъ - майора Вильгельми, фронтъ оказывается въ отчаянномъ положеніи. Русскіе оттѣсняютъ бригаду отъ главныхъ силъ и устремляются въ прорывъ. Еще немного, и 73-я бригада будетъ разметана, отброшена въ густой лѣсъ, переловлена по частямъ, взята въ плѣнъ...

Вильгельми, чтобы спасти положеніе, долженъ самъ выѣхать на позиціи. Шаря цейсомъ по холмамъ, онъ ищетъ выхода изъ положенія и не находитъ его. Въ окулярахъ бинокля встаютъ все новыя и новыя русскія части, сжимающія его фронтъ, грозящія уничтожить дивизію даже раньше, чѣмъ она успѣетъ добраться до лѣса.

Справа и слѣва начинаютъ работать русскіе пулеметы. Вильгельми ложится, не отрывая голубыхъ глазъ отъ бинокля, и вдругъ, несмотря на сильный огонь русскихъ, встаетъ во весь ростъ и кричитъ срывающимся голосомъ.

— Лошадь!

Движенія генерала нервны. Его бинокль открылъ страшную опасность, — обнаженный лѣвый флангъ, который каждую минуту можетъ оказаться обойденнымъ русскими.

И вотъ на своемъ высокомъ бѣломъ конѣ онъ несется во весь опоръ назадъ, къ своимъ резервамъ, собираетъ вокругъ себя четыре съ половиной батальона, приказываетъ командирамъ и субалтернамъ обнажить шпаги.

— Форвертсъ!

Батальоны въ остроконечныхъ каскахъ выходятъ на поле битвы, какъ въ старыя времена, подъ звуки горнистовъ, и бой барабановъ. Они идутъ съ винтовками на руку, плотно сжавъ ряды, отбивая кованными сапогами шагъ.

— Форвертсъ!

Проклятая рѣка Алле портитъ все начинаніе. Выравненные батальоны германцевъ, спустившіеся съ холмовъ, начинаютъ топтаться у извилистой болотистой рѣчки, часть солдатъ и офицеровъ бросается вбродъ, другая безпомощно бѣгаетъ вдоль берега, отыскивая удобное мѣсто для переправы.

А русскіе пулеметы и тысячи винтовокъ оглушительными ударами хлыста раскалываютъ воздухъ, выбиваютъ десятками германскихъ солдатъ, пригибаютъ пѣхоту кайзера къ землѣ.

Батальоны Вильгельми должны залечь... По нимъ бьютъ выѣхавшія на открытыя позиціи русскія батареи.

Положеніе ужасное. Вильгельми крутится позади своихъ войскъ на бѣломъ конѣ, не зная, что предпринять. Его адъютантъ, капитанъ Аппунъ, неожиданно натягиваетъ со всѣхъ силъ поводья своего коня, поднимаетъ его свѣчкой, поворачиваетъ кругомъ, вонзаетъ шпоры въ дрожащее конское тѣло, затѣмъ пригибается къ гривѣ и несется во весь опоръ назадъ.

Вильгельми растерянно смотритъ ему вслѣдъ. Что такое? Неужели Аппунъ трусъ?

Но Аппунъ не трусъ. Онъ взлетаетъ на вершину холма, скачетъ къ ближайшей батареѣ.

— Гдѣ вашъ командиръ? — кричитъ онъ солдатамъ срывающимся голосомъ.

Десятки взволнованныхъ глотокъ одновременно отвѣчаютъ, но отъ этого галдежа понять ничего нельзя.

Терять времени невозможно.

— Дивизіонъ... бригада! — еще громче кричитъ Аппунъ, — слушай мою команду: ѣздовые по конямъ, бригада маршъ - маршъ! Галопъ!

И вотъ въ головокружительной скачкѣ съ вершины холма къ берегамъ Алле несутся германскія полевыя орудія. Одинъ, другой номеръ не можетъ уже удержаться на мѣстѣ, встряска отрываетъ руки отъ поручней, и корчащіяся тѣла, раздавленныя копытами, остаются на разрытомъ пути, пройденномъ батареями.

Артиллерія дошла...

Лихорадочно снимаются орудія съ передковъ, и едва только сошники успѣваютъ впиться въ землю, какъ уже гремятъ первые выстрѣлы, и гранаты начинаютъ нащупывать русскія артиллерійскія позиціи.

Разражается ожесточенный артиллерійскій бой. На германскихъ и русскихъ батареяхъ взрываются зарядные ящики, взметнувъ руками падаютъ офицеры, канониры. Русскія орудія окутываются дымомъ и пламенемъ, ихъ огонь стихаетъ, возобновляется и снова стихаетъ, а генералъ Вильгельми уже вспарываетъ грудью своей лошади струи Алле и, вытягивая впередъ саблю, снова кричитъ:

— Форвертсъ!

Около него образуется группа офицеровъ. Полтора десятка лошадей пересѣкаютъ рѣку и бросаются на русскихъ. Цѣпи германскихъ стрѣлковъ слѣдуютъ за ними.

— Хурра!

— Ура-а-а!

Двѣ лавины сталкиваются на чавкающемъ водой болотѣ. Ржавая вода смѣшивается съ кровью. Штыки скрещиваются, — русскіе и германцы, тѣсно обнявшись въ смертельной хваткѣ, падаютъ въ засасывающія бездонныя трясины.

...Въ русской гущѣ лѣниво полощется на слабомъ вѣтру полковое знамя. Егерь Авэ бросается къ нему, прокладывая штыкомъ дорогу. За нимъ устремляются егеря батальона Іоркъ фонъ Бранденбургъ. Поднятый на полдюжины штыковъ русскій знаменосецъ обезсиленно выпускаетъ древко, полотнище на мгновеніе оказывается подъ ногами дерущихся, но въ слѣдующій моментъ снова поднимается надъ головами, порванное и запачканное. Группа русскихъ офицеровъ окружаетъ полковую святыню, шашки рубятъ ложа германскихъ винтовокъ, раскалываютъ остроконечныя каски, сносятъ голову егеря Авэ...

Новые егеря устремляются къ знамени. Все меньше офицеровъ защищаетъ его. Десятки русскихъ солдатъ окружаютъ древко, вокругъ нихъ сжимается кольцо сѣрыхъ мундировъ, оттираетъ отъ массы остальныхъ войскъ.

И тогда опять взмахиваетъ шашка. Она срубаетъ на этотъ разъ не голову, — нѣтъ, — не перерубаетъ ложа винтовки, — двумя взмахами клинка чья - то рука срѣзаетъ парчевое полотнище, прижимаетъ его къ

груди, и молодой офицеръ, опустошая барабанъ нагана въ егерей, низко пригнувшись, пытается пробиться въ тылъ своихъ войскъ.

Увы... нѣсколько штыковъ одновременно вонзается въ его бока и спину, протыкаютъ тѣло насквозь, продолжаютъ колоть, когда хрипящее тѣло уже лежитъ на землѣ.

И когда позже русскіе отходятъ, чтобы собраться для новой атаки, германскіе офицеры проходятъ мимо распростершагося тѣла русскаго офицера, салютуютъ шпагами проколотому и окровавленному полотнищу знамени Черниговскаго пѣхотнаго полка...

...День 23 августа смѣнился синимъ вечеромъ. На полѣ боя всю ночь кричали и стонали люди. Часть ихъ на слѣдующій день должна была стать плѣнными, другая — мертвыми. Успѣхъ былъ временнымъ, т. к. на утро русскіе полки прошли по тому же мѣсту, гдѣ было потеряно знамя,отгоняя на западъ и Вильгельми, и егерей, и германскихъ артиллеристовъ, потерявшихъ свои орудія...

НАСТРОЕНІЕ ВЪ БАРАНОВИЧАХЪ.

Салонъ - вагонъ великаго князя Николая Николаевича ярко освѣщенъ. Въ немъ, кромѣ самого верховнаго главнокомандующаго, находится генералъ Янушкевичъ. Оба ожидаютъ Сазонова, который долженъ съ минуты на минуту пріѣхать изъ Петрограда для очередного доклада о международномъ политическомъ положеніи. Великій князь раздраженъ и большими шагами прохаживается по ковру:

— Я никогда не любилъ нѣмцевъ, — говоритъ онъ. — Они внушаютъ мнѣ отвращеніе, однако, надо признать, что они хорошіе солдаты. Что же касается австрійцевъ, то они прямо невыносимы, а ихъ командиры являются паркетными генералами. Таковъ же и весь ихъ правящій домъ съ выпяченными губами, ничего не тащими за собой, — воплощеніе самолюбія, самомнѣнія и самовлюбленности.

Дежурный офицеръ докладываетъ о прибытіи министра иностранныхъ дѣлъ.

— Прошу, — говоритъ ему Николай Николаевичъ и продолжаетъ: — Вотъ, сейчасъ явится Сазоновъ и будетъ опять требовать усиленнаго наступленія. Что я скажу ему? Въ Восточной Пруссіи мы топчемся на мѣстѣ, а съ этими бездарными австрійцами до сихъ поръ не удается справиться. Впрочемъ это не удивительно: Ренненкампфъ попрежнему опасается Кенигсберга, Самсоновъ заявляетъ, что его войска едва держатся на ногахъ отъ усталости, а этапы доносятъ, что ихъ склады пусты, не хватаетъ хлѣба, нѣту овса. И этотъ Сухомлиновъ, который гордо расхаживаетъ по Петербургу еще можетъ заявлять, что все предусмотрѣно на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ! Пустомеля! Ничего не предусмотрѣно! Повсюду расшатанная дисциплина, врачи торгуютъ спиртомъ, — я чувствую, что мнѣ придется начать вѣшать каждаго, кто согрѣшитъ противъ законовъ военнаго времени.

Снова появляется дежурный офицеръ, на этотъ разъ сопровождающій Сазонова. Краткій обмѣнъ привѣтствіями. Чувствуется, что великій князь не особенно расположенъ къ министру иностранныхъ дѣлъ.

— Ну, какъ тамъ на западѣ? — спрашиваетъ Николай Николаевичъ.

— Большая битва въ полномъ разгарѣ, ваше высочество. Французы

отчаянно сопротивляются между Монсомъ и Шарлеруа, но сѣрая лавина кайзера грозитъ сломить это сопротивленіе. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петрограда ко мнѣ опять пріѣзжалъ Палеологъ и умолялъ, чтобы наши войска энергичнымъ наступленіемъ облегчили положеніе западнаго фронта. Ноксъ, англійскій военный агентъ, который встрѣтилъ меня здѣсь, тоже настаивалъ на этомъ.

— Ноксъ? — съ изумленіемъ спрашиваетъ великій князь. — Почему же онъ такъ взволновался? Онъ, вѣдь, до сихъ поръ былъ такимъ сдержаннымъ.

— Долженъ вамъ сообщить, ваше высочество, что его волненіе вполнѣ обосновано. Первая изъ прибывшихъ во Францію англійскихъ дивизій была уничтожена германскими войсками близъ Ватерлоо.

— Что за иронія судьбы! — восклицаетъ Николай Николаевичъ. — Ватерлоо! Какъ разъ тамъ, гдѣ Велингтонъ разбилъ французовъ. Садитесь, Димитрій Сергѣевичъ.

Сазоновъ садится въ указанное кресло и закуриваетъ предложенную папиросу. Николай Николаевичъ съ шумомъ захлопываетъ массивный золотой портсигаръ и выбираетъ для себя большую сигару. Обстоятельно раскуривая ее, онъ разсказываетъ Сазонову объ общемъ положеніи дѣлъ на фронтѣ.

— Въ данный моментъ Ренненкампфъ занимаетъ Инстербургъ, — говоритъ онъ. — Это, кажется, должно наконецъ хоть немного удовлетворить нашихъ союзниковъ. Долженъ, однако, конфиденціально сообщить вамъ, что Самсоновъ продвигается весьма медленно.

— Ваше высочество, — осторожно вставляетъ Сазоновъ. — Операціи Самсонова являются отчасти цѣлью моего визита къ вамъ. Въ столичныхъ кругахъ очень много говорятъ о задуманныхъ вами желѣзныхъ клещахъ двухъ армій, однако, до сихъ поръ констатируется, что только сѣверная половина этихъ клещей, — Ренненкампфъ, — нанесла чувствительное пораженіе германскому фронту. Было бы хорошо, ваше высочество, если бы могли произвести давленіе на Самсонова и побудить его къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Я, конечно, профанъ въ военныхъ дѣлахъ. Но все же, мнѣ кажется, что давленіе Самсонова на нѣмцевъ облегчило бы положеніе нашихъ войскъ на австрійскомъ фронтѣ. Это обстоятельство въ свою очередь, — здѣсь я говорю какъ дипломатъ, — произвело бы на Румынію огромное впечатлѣніе и повернуло симпатіи этой страны къ намъ.

Николай Николаевичъ неожиданно рѣзко отталкиваетъ кресло, разминаетъ сигару въ пепельницу и встаетъ. Плохо скрытое раздраженіе звучитъ въ его рѣзкомъ голосѣ.

— Я такъ и зналъ! — говоритъ онъ, засовывая руки въ карманы чакчиръ, и начинаетъ прохаживаться вдоль вагона. — Я ждалъ момента, Димитрій Сергѣевичъ, когда и вы насядете на меня, но посудите сами: я дѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы подогнать 2-ую армію. Однако, летать она все-таки не можетъ. Вотъ, посмотрите, это. Послѣднее донесеніе. Войска Самсонова буквально валятся съ ногъ отъ усталости. Самсоновъ требуетъ дневки, мы этой дневки не разрѣшаемъ. Я знаю, что многіе Самсонова не любятъ, но это происки Ренненкампфа. Я лично въ Самсонова вѣрю и помню его заслуги во время русско-японской войны. Опытъ этого печальнаго эпизода не прошелъ даромъ. Самсоновъ осторожный генералъ.

— И медлительный... — вставляетъ Сазоновъ.

— Петербургскіе толки! — съ презрѣніемъ парируетъ великій князь. — Самсоновъ знаетъ, что дѣлать. Долженъ признаться, что я не понимаю Жилинскаго, который вѣчно находитъ что-нибудь идущее въ ущербъ репутаціи Самсонова. Это — генералъ-рубака. Помните, какъ незадолго до Ляояна... кстати: какъ обстоятъ дѣла съ Японіей?

— Японія, на-дняхъ, объявитъ Германіи войну.

— Вотъ такъ фунтъ! — раскатываясь оглушительнымъ смѣхомъ и, ударяя себя по жгуту чакчиръ, восклицаетъ великій князь. — Ловкая штука выкинута нѣмецкими дипломатами! Навязать намъ Японію въ качествѣ союзника! Ха-ха! Не понимаю, чѣмъ могутъ намъ помочь эти желтомазые, кромѣ какъ организаціей собственнаго шпіонажа въ нашей странѣ! Впрочемъ, не стоитъ о нихъ говорить. Что сдѣлано, то сдѣлано. Разскажите лучше, что болтаютъ въ вашихъ прославленныхъ дипломатическихъ кругахъ, какимъ образомъ представляютъ себѣ союзники конечную цѣль войны, и какъ собираются они дѣлить шкуру германскаго медвѣдя.

— Конечная цѣль, ваше высочество, вырисовывается въ данное время довольно опредѣленно. Въ политическихъ кругахъ считаютъ, что германскій имперіализмъ и націонализмъ должны быть раздавлены до основанія. Это будетъ не легко. Нѣкоторые военные предсказываютъ продолжительную и ожесточенную войну. Его величество по всѣмъ даннымъ тоже не упускаетъ изъ виду этой возможности, причемъ считаетъ, что гегемоніи Гогенполлерновъ въ Европѣ долженъ быть положенъ рѣшительный конецъ.

— Эти теоретическія разсужденія меня мало интересуютъ. Разскажите лучше, что вы знаете о территоріальномъ передѣлѣ будущаго.

— Эльзасъ и Лотарингія, конечно, должны быть возвращены Франціи. Польша реставрирована. Бельгія увеличена. Желательно возстановить Ганноверское королевство подъ скипетромъ англичанъ. Шлезвигъ несомнѣнно вернуть датчанамъ. Освободить чеховъ. Всѣ германскія колоніи раздѣлить между союзниками. И для того, чтобы германскій юнкерскій духъ не могъ возродиться, въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Хемницѣ и Бреслау должны быть устроены административные контрольные пункты союзниковъ.

— Такъ, такъ... все это очень хорошо; а скажите, какъ обстоитъ дѣло съ Константинополемъ? Будутъ ли, наконецъ, Дарданеллы нашими? Получитъ ли Россія долгожданный выходъ въ Средиземное море?

— На этотъ вопросъ, ваше высочество, я вамъ ничего отвѣтить не могу. Англичане отвѣчаютъ уклончиво, считаютъ, что время для обсужденія этого вопроса еще не наступило.

— Ну, конечно! Въ данный моментъ важно только, чтобы мы спасли Парижъ и вмѣстѣ съ нимъ англійскій престижъ! — съ сарказмомъ говоритъ великій князь. — А то, что Россія въ продолженіи столѣтій кровью добивается Константинополя, это не актуально. Я вижу, дорогой Дмитрій Сергѣевичъ, что мы ввязались въ игру съ шулерами. Колоніи раздѣлены, Эльзасъ и Лотарингія возвращены, комиссіи въ Берлинѣ и Хемницѣ устроены, а мои арміи должны вязнуть въ болотахъ и пескахъ неизвѣстно за что! Съ точки зрѣнія Англіи, это можетъ быть справедливо, но съ моей...

Великій князь раздраженно отмахивается рукой и возвращается къ письменному столу, собираясь выбрать новую сигару.

— Впрочемъ, — заканчиваетъ онъ, — я солдатъ и мое дѣло воевать, а не разсуждать. Я далъ французамъ слово помочь и помогу, чѣмъ возможно, какихъ бы тяжелыхъ жертвъ ни стоило моей родинѣ спасеніе Франціи.

■

Тихая ночь окутываетъ Барановичи. Полоски свѣта, пробивающіяся изъ-за занавѣсокъ вагоновъ, тухнутъ одна за другой. Только въ послѣднемъ вагонѣ штабного поѣзда горитъ еще яркій свѣтъ. Часовой замѣчаетъ это и осторожно стучитъ штыкомъ въ окно. Изнутри вагона быстро спускаютъ занавѣску. Внутри вагона знаютъ: стукъ въ окно означаетъ предупрежденіе о возможномъ налетѣ цеппелиновъ.

Тамъ, гдѣ горитъ свѣтъ, за столомъ, сидятъ генералъ Янушкевичъ и его сотрудникъ генералъ квартирмейстеръ ставки Даниловъ. Лѣниво помѣшивая остывшій чай, генералы вполголоса обсуждаютъ послѣднія событія.

— Странно, что мы получаемъ отъ Самсонова такъ мало извѣстій, — говоритъ Янушкевичъ. — Жилинскій совершенно правъ когда утверждаетъ, что 2-ая армія продвигается слишкомъ медленно. Сегодня Самсоновъ долженъ былъ быть въ Алленштейнѣ, но даже его дозоры не добрались до этого города.

— Мнѣ кажется, вы напрасно осуждаете Самсонова, — говоритъ Янушкевичъ. — Онъ выжалъ изъ своихъ войскъ все, что могъ. Если эта гонка будетъ продолжаться, — неизвѣстно какое разочарованіе ожидаетъ насъ. Самсоновъ слишкомъ самолюбивъ для того, чтобы поставить на карту судьбу своей дальнѣйшей карьеры. Узнавъ о побѣдахъ Ренненкампфа, онъ, несомнѣнно, сдѣлаетъ все оюъ него зависящее, чтобы добиться для своей арміи не меньшихъ успѣховъ.

— Вотъ этого то я и опасаюсь, — замѣчаетъ Янушкевичъ. — Мнѣ понятно, что если Самсоновъ не нападаетъ и оттягиваетъ рѣшительное сраженіе, у него имѣется на это достаточно основанія. Онъ желаетъ быть вполнѣ увѣреннымъ въ успѣхѣ, стремится обратить его въ наиболѣе крупную побѣду и, — я бы хотѣлъ это подчеркнуть, — поставить Ренненкампфа съ его успѣхомъ подъ Гумбиненомъ въ тѣнь. Я не вѣрю въ ихъ примиреніе, которое состоялось въ Знаменкѣ. Соперничество между обоими генералами слишкомъ далеко уходитъ въ прошлое. Я не вѣрю, что простымъ обмѣномъ рукопожатій можно смыть давнишнюю обиду.

— Какъ вы характеризуете Самсонова вообще? — спрашиваетъ Даниловъ.

— Самсоновъ не такъ эгоцентриченъ, какъ Ренненкампфъ. Онъ самолюбивѣе и трудолюбивѣе. Сейчасъ ему 53 года, но это ничего не значитъ. Ему можетъ открыться большая карьера. Государь любитъ его, великій князь, во всей видимости, тоже, а дѣятельность Самсонова въ качествѣ генералъ-губернатора Туркестана встрѣчала повсюду самое большое одобреніе.

— Между Туркестаномъ и Восточной Пруссіей, увы, большая разница, — съ сокрушеніемъ покачивая головой, замѣчаетъ Даниловъ. — Если Самсоновъ благополучно справлялся съ азіатами, этимъ еще не сказано, что онъ справится со врагомъ, выставившимъ противъ насъ лучшихъ солдатъ континента. Я, впрочемъ, признаю, что Самсоновъ и Рен-

ненкампфъ являются командирами большого масштаба, лучшими, которыми мы располагаемъ. Если походъ не удастся, въ этомъ будемъ виноваты отчасти мы сами.

— Почему же онъ долженъ не удаться? — спрашиваетъ Янушкевичъ. — Все обстоитъ до сихъ поръ благополучно.

— Я бы этого не сказалъ, — возражаетъ Даниловъ. — Мы должны обратить большое вниманіе на контроль маневровъ, не должны допускать распыленія нашихъ силъ, зорче слѣдить за Жилинскимъ. Въ дѣйствіяхъ обѣихъ армій должно появиться больше гармоніи, что, повидимому, командующимъ сѣверо-западнымъ фронтомъ упускается изъ виду.

Постучавшись, въ вагонъ входитъ ординарецъ. Онъ приноситъ посланную топографическимъ отдѣломъ карту съ послѣдними отмѣтками. Изъ карты видно, что 6-ой корпусъ Самсонова стоитъ уже у Ортельсбурга, 13-ый неподалеку отъ Омуленфофена, а 15-ый между Нейденбургомъ и Сольдау. Даниловъ беретъ циркуль и измѣряетъ разстояніе между 13 и 15 корпусами.

— Клюевъ и Мартосъ правы, — говоритъ Даниловъ, — утверждая, что между ихъ корпусами прерывается связь. Если движеніе будутъ продолжаться въ направленіи, указанномъ Жилинскимъ, связь вообще перестанетъ существовать и корпусамъ придется сноситься черезъ штабъ фронта. Необходимо предпринять что-либо въ этомъ смыслѣ.

— Вы подразумѣваете давленіе на Жилинскаго?

— Да, — съ увѣренностью отвѣчаетъ Даниловъ. — Вамъ необходимо склонить его къ тому, чтобы онъ обращалъ больше вниманія на требованія, выдвигаемыя Самсоновымъ. Вѣчно осуждать медлительность легко, но надо понимать и обстановку. Считаю, что вамъ надо было бы переговорить съ нимъ какъ можно скорѣе, потому что, по моему мнѣнію, затрашній день долженъ явиться началомъ рѣшительныхъ боевъ.

Въ этотъ моментъ съ вагономъ происходитъ что-то странное. Генералы ощущаютъ толчекъ, слышатъ лязгъ буферовъ, а затѣмъ наступаетъ опять тишина. Даниловъ тушитъ свѣтъ, осторожно вздергиваетъ занавѣску, опускаетъ окно и высовывается въ темноту ночи. Стоящій подъ окномъ часовой замираетъ смирно и поворачиваетъ лицо направо.

— Что случилось? — спрашиваетъ Даниловъ.

— Вагонъ вашего превосходительства отцѣпленъ отъ вагоновъ его высочества.

— Отцѣпленъ? Сейчасъ? Ночью?

Даниловъ ничего не понимаетъ. Раздается поскрипываніе гравія, и къ открытому окну поспѣшно подходитъ дежурный адъютантъ. Отдавъ честь, онъ рапортуетъ:

— Его высочество приказали доложить, что они отбыли въ Волковыскъ для свиданія съ генераломъ Жилинскимъ. Его высочество желаетъ лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на Сѣверо-западномъ фронтѣ.

— Безъ насъ? — непроизвольно вырывается у Данилова и, привлеченный удивленной интонаціей этого возгласа, къ окну подходитъ Янушкевичъ.

— Безъ васъ, ваше превосходительство, — вторично козыряя, отвѣчаетъ адъютантъ. — Его высочество заявили, что они не желаютъ нарушать работы ставки.

— Опустите руку, — говоритъ Янушкевичъ адъютанту. — Скажите, Павелъ Николаевичъ: какія нибудь важныя новости?

— Повидимому да, ваше превосходительство. Вотъ послѣдняя депеша. Его высочество уже вскрылъ ее прежде, чѣмъ я доставилъ ее вамъ.

— Благодарю васъ, — отпускаетъ адъютанта Янушкевичъ и, обращаясь къ Данилову, вполголоса говоритъ: — Сраженіе подъ Сольдау, повидимому, началось.

24 августа

ЛОЖНЫМЪ былъ успѣхъ германцевъ на фронтѣ Орлау Франкенау... Отошедшія русскія войска, словно намѣренно завлекли ихъ на востокъ, отрывая отъ базы, создавая въ тылу непредвидѣнную германскимъ командованіемъ опасность.

Эта опасность, — результатъ тонко задуманнаго маневра, — заключалась въ цѣломъ корпусѣ русскихъ войскъ, незамѣтно обходящемъ флангъ германцевъ и пробиравшемся въ тылъ. Опасность усугублялась еще тѣмъ безпорядкомъ, который возникъ въ рядахъ германскихъ войскъ съ наступленіемъ темноты. Части перемѣшались; офицеры растеряли своихъ солдатъ; нѣкоторые батальоны представляли изъ себя сборище самыхъ разнообразныхъ отрядовъ. Приглушенными голосами, — чтобы русскіе не услышали, — командиры старались привести въ боевой порядокъ роты и батальоны, но работа затруднялась тѣмъ, что русскіе могли каждую минуту перейти въ контръ-атаку. Германскимъ солдатамъ приходилось лежать въ наскоро вырытыхъ окопахъ съ ружьями въ рукахъ.

Но самая большая забота лежала на плечахъ трехъ германскихъ офицеровъ, склонившихся надъ картами, расположенными на столахъ ихъ временной штабъ-квартиры въ Мюленѣ. Эти три офицера были — ген. фонъ Шольцъ, командующій 20-мъ армейскимъ корпусомъ, его начальникъ штаба полк. Хелль и майоръ Кунхардтъ фонъ Шмидтъ. Рѣзкая складка заботы обозначилась на ихъ губахъ. Медленно двигались цвѣтные карандаши по извилинамъ рѣкъ и дорогъ, глаза внимательно слѣдили за предполагаемымъ движеніемъ войскъ, точные расчеты многочисленными колонками покрывали листы блокнотовъ.

Фонъ Шольцъ былъ убѣжденъ въ побѣдѣ. Контръ-атака русскихъ была обречена на неудачу, но эта побѣда представлялась ему какой-то трагической, — чувствовалось, что рокъ ужъ занесъ руку надъ сильно пострадавшимъ 20-мъ корпусомъ.

И ген. фонъ Шольцъ былъ правъ. Что значили его прекрасныя войска, если послѣднее донесеніе, полученное отъ развѣдки, высланной сѣвернымъ флангомъ его корпуса, съ несомнѣнностью обнаруживало наступленіе новыхъ русскихъ силъ. Бригада Вильгельми, которая такъ эффектно атаковала русскихъ, каждую минуту могла оказаться окруженной, смятой и взятой въ плѣнъ быстро приближающимся тринадцатымъ русскимъ корпусомъ.

Долго разсуждать не приходилось. Назадъ! Назадъ, какъ можно скорѣе! Въ первую очередь оттянуть лѣвый флангъ, всю 37-ю дивизію! Занять линію Бровиненъ — Сайтенъ — Гансхорнъ — Дюктенъ!.. Дивизіи предстоитъ форсированный маршъ, она утомлена, но это ничего не значитъ. Надо спасать положеніе.

Безпрерывно работаютъ походныя радіо-станціи. Жужжатъ телефоны. Во всѣ стороны, въ темноту ночи уносятся ординарцы.

— 37-я дивизія — отступать!

Позади фронта германскихъ войскъ появляются темныя фигуры всадниковъ, которые тревожно спрашиваютъ, гдѣ командиръ полка, батальона, роты, но навстрѣчу имъ несутся не менѣе встревоженные отвѣты:

— Мы ничего не знаемъ. Наши войска перемѣшаны, офицеры сами не могутъ разобраться въ расположенiи частей.

Какой-то офицеръ штаба принимаетъ отъ ординарцевъ приказы, расписывается, дѣлая помѣтки о царящей неразберихѣ. Онъ группируетъ вокругъ себя строевыхъ офицеровъ, приказываетъ имъ разбить солдатъ на боевыя единицы, внѣ зависимости отъ того, къ какой части они принадлежатъ, раздаются слова команды, людей отсчитываютъ по рядамъ, составляются взводы, роты и батальоны, которые принимаютъ названіе имени перваго подвернувшагося подъ руку офицера.

И пока въ ночной темнотѣ, бряцая оружіемъ, строится пѣхота, въ тылу ея уже раздается ржаніе лошадей, скрипятъ втулки колесъ, дребезжитъ желѣзо, — германская артиллерія снимается съ позицій и уходитъ въ тылъ.

Отходъ германскихъ войскъ съ позицій происходитъ съ наибольшей поспѣшностью, но ночь уже смѣняется разсвѣтомъ, а части пѣхоты еще не тронулись съ мѣстъ. И тогда, когда раздается команда «маршъ», съ русской стороны внезапно доносится свистъ снарядовъ. Воздухъ наполняется грохотомъ, и надъ колоннами германской пѣхоты начинаетъ рваться шрапнель. Неожиданное вмѣшательство артиллеріи производитъ страшное смятеніе въ германскихъ войскахъ. Офицерамъ лишь съ большимъ трудомъ удается сдержать стремящіеся разбѣжаться сводные отряды.

Въ качествѣ арьергарда на позиціяхъ остается второй батальонъ 150-го германскаго пѣх. полка. Солдаты его зарываютъ лица въ землю, пригнутые ливнемъ гранатъ. Каждый съ радостью поднялся-бы и бросился назадъ, вслѣдъ уходящимъ товарищамъ, — страхъ виденъ на лицахъ людей, — но приказъ остается приказомъ, — необходимо создать видимость присутствія непріятеля на позиціяхъ, и жиденькая цѣпь батальоновъ, растянутая по окопамъ, остается.

Командиръ батальона въ растерянности. Онъ не знаетъ, кто является начальникомъ арьергарда. Въ головѣ его толчется назойливая мысль, — «забыли!»

Отпустить на свою отвѣтственность?

Сопротивляться?

Командиръ батальона вспоминаетъ, что на южной околицѣ Франкенау должна находиться полубатарея лейтенанта Хейзе, того самаго, который наканунѣ такъ лихо вынесся на позицію. Онъ посылаетъ ему записку, проситъ отвѣтить русскимъ на ихъ артиллерійскій огонь.

Въ это сырое утро лейтенентъ Хейзе стоитъ около своихъ орудій, глубоко засунувъ руки въ карманы шинели и поднявъ воротникъ. Онъ разстроенъ. У него тоже нѣтъ приказа отступать, его прислуга нервничаетъ у орудій, угрюмо переговариваясь, повторяя: «мы забыты...»

И когда запыхавшійся пѣхотинецъ приноситъ ему измятую записку съ просьбой о помощи, наспѣхъ набросанныя буквы дѣйствуютъ, какъ облегченіе. Думать теперь не надо, можно дѣйствовать, и лейтенантъ, рѣзко выкрикивая слова команды, приказываетъ открыть огонь.

Но едва только ударяетъ первое орудіе, какъ одинъ изъ канонировъ толкаетъ его въ локоть.

— Посмотрите, херръ лейтенантъ, — испуганно показываетъ рукой артиллеристъ на приближающіяся къ батареѣ фигуры.

Русскіе! Уже!

Мурашки пробѣгаютъ по спинѣ лейтенанта. Срывающимся голосомъ онъ приказываетъ перемѣнить направленіе огня, поднимаетъ интенсивность выстрѣловъ до предѣла, перемѣшиваетъ гранаты со шрапнелью, но русскіе приближаются съ ужасающей быстротой, и кажется, что даже слышны крики, вырывающіеся изъ ихъ широко раскрытыхъ ртовъ.

Артиллеристы понимаютъ, что спасеніе только въ быстротѣ. Сбросивъ шинели и даже мундиры, они работаютъ лихорадочно. Оба раскаленныхъ орудія безъ конца выбрасываютъ выстрѣлянныя гильзы, — работать становится все труднѣе, — латунные цилиндры путаются между ногъ, выростаютъ горами слѣва и сзади, подносящіе снаряды номера спотыкаются и падаютъ, но полубатарея стрѣляетъ, стрѣляетъ безъ конца, и въ разгоряченномъ мозгу лейтенанта трепещетъ только одна назойливая мысль — хватитъ-ли снарядовъ?

На мгновеніе русскіе задерживаются. Лейтенантъ Хейзе видитъ въ бинокль, какъ просившій его помощи командиръ пѣхотнаго батальона поднимаетъ своихъ солдатъ и, пользуясь заминкой въ наступленіи русскихъ, начинаетъ поспѣшно отходить.

— Пора и мнѣ, — мелькаетъ въ головѣ лейтенанта.

Онъ посылаетъ одного изъ артиллеристовъ назадъ въ Франкенау за передками. Съ тревогой слѣдитъ онъ за согнувшейся фигурой солдата, который поспѣшно и неуклюже бѣжитъ, перепрыгивая кочки. Лейтенантъ думаетъ: — «добѣжитъ-ли онъ, не сразитъ-ли его пуля, поспѣютъ-ли во время передки.»

А на батареѣ уже свищутъ пули, какъ злыя осы впиваются въ щиты, отскакиваютъ рикошетомъ и, визжа, уносятся во всѣ стороны. То на одномъ, то на другомъ орудіи вскрикиваетъ какой-нибудь раненый или, какъ мѣшокъ, осѣдаетъ на землю убитый наповалъ. Четвертый и пятый номера перваго орудія, подносившіе снаряды, оба сразу, какъ по командѣ, падаютъ на землю и больше не встаютъ. Вправо отъ нихъ взметывается по землѣ уходящій пунктиръ пулеметной очереди... Русскіе уже обстрѣливаютъ батарею съ фланга, и спасательные щиты больше ничего не стоятъ.

— Картечь! — приказываетъ лейтенантъ и поворачиваетъ бинокль къ деревушкѣ.

Гдѣ же передки, чортъ бы ихъ побралъ? Онъ видитъ, какъ изъ-за домовъ появляются первые уносы, какъ ѣздовые, низко пригнувшись къ гривамъ, нахлестываютъ справа и слѣва лошадей и въ ту же минуту шесть конскихъ тѣлъ взлетаютъ въ пламени кверху, разрывъ русской гранаты перемѣшиваетъ конскую кровь съ кровью человѣческой, въ воздухъ взметываются щепки, куски исковерканнаго желѣза, обрывки амуниціи и сбруи — и отъ перваго передка не остается ничего. Второй ударъ, снова вскипаетъ земля, лошади второго передка несутся съ оборванными постромками по взрываемому гранатами полю, изчезаетъ надежда и на второй...

Конецъ...

Лейтенантъ Хейзе стаскиваетъ за плечи убитаго наводчика и самъ садится на его мѣсто.

Картечь!.. Картечь!..

Мощное ура уже слышно въ дѣйствительности. Въ прорѣзы щита лейтенантъ Хейзе видитъ первыхъ русскихъ солдатъ, бѣгущихъ съ винтовками на перевѣсъ. Снова отскакиваетъ стволъ орудія, — солдатъ нѣтъ, но и нѣтъ больше лейтенанта. Тупой ударъ приклада въ затылокъ сбрасываетъ его съ желѣзнаго сидѣнія, и въ мутнѣющихъ голубыхъ глазахъ запечатлѣвается послѣдняя картина: замолчавшая батарея, тишина штыковаго боя, и отчаянно отбивающіеся лопатами отъ наступающихъ русскихъ германскіе артиллеристы.

МИРАЖЪ УСПѢХА.

Въ 4 часа утра Остроленка похожа на пчелиный улей. Передъ домомъ, въ которомъ расположился штабъ ген. Самсонова, толкутся повозки, автомобили, между которыми съ трудомъ протискиваются верховые. Изъ штаба поспѣшно выходятъ одѣтые по походному офицеры, ординарцы, разбѣгаются солдаты со скатками черезъ плечо, спѣшащіе къ своимъ частямъ. Самъ генералъ въ это утро необыкновенно бодръ, онъ не сидитъ больше, понурившись на стулѣ, какъ наканунѣ, а ходитъ по комнатѣ увѣренными шагами, заложивъ руки за спину, высоко поднявъ голову.

Это понятно. Только что прибыли свѣдѣнія о безпорядочномъ отступленіи германцевъ, объ успѣхѣ пянадцатаго корпуса.

Самсоновъ подходитъ къ окну и широко распахиваетъ его. Ароматный воздухъ утра врывается вмѣстѣ съ первыми солнечными лучами въ накуренную комнату.

— Что за день! — произноситъ Самсоновъ, вдыхая, всей грудью свѣжій воздухъ.

Подъ окномъ проходитъ направляющійся на фронтъ полкъ.

— Смирно, равненіе направо!.. Господа офицеры...

Самсоновъ отдаетъ честь и не можетъ не удержаться отъ искушенія сдѣлать привѣтственный жестъ командиру полка. Тотъ въ свою очередь машетъ рукой и улыбается. Извѣстіе объ успѣхѣ надъ германцами быстро распространилось въ тылу второй арміи.

Когда послѣдніе ряды уходящаго полка скрываются за поворотомъ, Самсоновъ подходитъ къ столу, у котораго уже собралось нѣсколько офицеровъ. Поступаютъ дополнительныя извѣстія объ успѣхѣ русскихъ. — успѣхѣ, правда, не дешевомъ. Около 3.000 солдатъ заплатили жизнью за честь вынудить двадцатый германскій корпусъ къ отступленію.

Входитъ новый офицеръ. Изъ корпуса генерала Мартоса. Онъ привозитъ съ собой запечатанный конвертъ, — письмо Самсонову. Пальцы генерала нетерпѣливо разрываютъ бумагу и глаза пробѣгаютъ строки.

— Послушайте, господа, что пишетъ Мартосъ, — говоритъ онъ и читаетъ вслухъ:

«Наша атака была совершенно неожиданной для нѣмцевъ. Они даже не оказали сильнаго сопротивленія и сразу стали отступать. Даже своихъ раненыхъ они не подобрали. Все поле битвы было усѣяно убитыми солдатами, лошадиными трупами, разбросанной амуниціей, брошеными винтовками и обозными повозками. Мы захватили нѣсколько автомобилей, два орудія, много пулеметовъ, нѣсколько германскихъ офицеровъ и большое количество плѣнныхъ. Германская позиція была очень сильно укрѣплена и защищалась нѣсколькими полками, располагавшими большимъ коли-

чествомъ полевой и тяжелой артиллеріи. Непріятель отступилъ съ такой поспѣшностью, что мои части, утомленныя до предѣла боемъ, не могли догнать его. Къ сожалѣнію, потери и на нашей сторонѣ велики. Убиты три полковыхъ командира, лучшіе батальонные выведены изъ строя. Кромѣ того, убито много офицеровъ и свыше 3.000 человѣкъ рядовыхъ.»

Генералъ Самсоновъ обводитъ присутствующихъ пытливымъ взоромъ, затѣмъ, немного нерѣшительно, говоритъ:

— Надо сообщить объ этомъ Жилинскому...

И какъ бы еще колеблясь, онъ приказываетъ соединить себя со штабомъ фронта. Въ комнатѣ становится совершенно тихо. Генералъ Постовскій, который держитъ въ рукѣ телефонную трубку, косится на Самсонова, а тотъ, въ свою очередь, на него. Оба генерала не знаютъ, какъ будетъ принято извѣстіе на другомъ концѣ провода.

Соединеніе получено. Жилинскій у аппарата. Генералъ Самсоновъ неторопливо докладываетъ о положеніи дѣлъ на участкѣ 15-го корпуса, сообщаетъ о побѣдѣ. Его докладъ кратокъ и, когда затихаютъ послѣднія слова, наступаетъ мгновеніе напряженнаго ожиданія. Другой конецъ провода молчитъ...

— Вы слышите меня, ваше превосходительство? — спрашиваетъ Самсоновъ.

Молчаніе.

— Ну, а что дальше? — неожиданно спрашиваетъ Жилинскій.

Лицо Самсонова вспыхиваетъ. На мгновеніе у него появляется неудержимое желаніе разбить аппаратъ. Ему стоитъ огромнаго труда, чтобы сдержаться и не бросить въ трубку потокъ оскорбительныхъ мнѣній. Но воля генерала большая, и уваженіе къ дисциплинѣ еще большее. Овладѣвъ собой, онъ спокойно докладываетъ Жилинскому о своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Онъ указываетъ, что теперь невозможно больше слѣдовать первоначальнымъ директивамъ, отданнымъ штабомъ фронта, объ упорномъ наступленіи въ сѣверномъ направленіи. Указываетъ онъ также, — и на этотъ разъ исключительно настойчиво, — что второй арміи необходимо перемѣнить направленіе и разворачивать операціи, исходя изъ фронта Алленштейнъ — Остероде. Въ заключеніе ген. Самсоновъ проситъ незамедлительнаго утвержденія его предложенія.

И пока продолжается новая пауза, въ головѣ Самсонова нервно бьется мысль, — что будетъ, если Жилинскій отвергнетъ его предложеніе? Какая судьба постигнетъ его армію, если корпусамъ придется попрежнему двигаться на сѣверъ? Къ его радости, Жилинскій на этотъ разъ оказывается уступчивымъ и отвѣчаетъ, соглашаясь на компромиссную полумѣру.

— Хорошо, я согласенъ съ вашими доводами. Двигайтесь въ направленіи Алленштейнъ — Остероде, но я ставлю условіе, которое прошу запомнить: вы обезпечите районъ между Алленштейномъ и Мазурскими озерами, находящимися на вашемъ правомъ флангѣ, — шестымъ корпусомъ и кавалеріей.

Пауза наступаетъ на этотъ разъ въ Остроленкѣ. Самсоновъ нѣкоторое время находится въ замѣшательствѣ. Ему не хочется дробить своихъ силъ, отправлять въ ненужныя, какъ ему кажется, прогулки цѣлый корпусъ и выдѣлять для охраны неугрожаемаго района кавалерію, которой при арміи и такъ ужъ мало. Однако, всѣ доводы остаются безуспѣшными. Жилинскій повторяетъ свой приказъ и, когда Самсоновъ вновь пы-

тается возразить, онъ чувствуетъ, что проводъ уже мертвъ, — Жилинскій положилъ трубку.

«Ладно, — думаетъ про себя Самсоновъ, — если Жилинскій не расположенъ ко мнѣ, то тутъ ничего не подѣлаешь. Онъ будетъ дуться если я даже пройду во главѣ своихъ побѣдоносныхъ войскъ подъ Бранденбургскими воротами Берлина. Не стоитъ портить настроеніе изъ-за такихъ пустяковъ».

Генералъ проводитъ ладонью по лбу, отгоняя назойливую мысль о непріятномъ раздробленіи силъ, и предлагаетъ офицерамъ ознакомиться съ положеніемъ.

— Сегодня обстановка сравнительно ясна, господа, — говоритъ онъ. — Пятнадцатый корпусъ преслѣдуетъ непріятеля въ направленіи Остероде. Тринадцатый загибаетъ на западъ съ цѣлью, если это необходимо, оказать 15-му корпусу фланговую поддержку. Шестой корпусъ сохраняетъ первоначальное направленіе и движется на Бишофсбургъ. За нашъ лѣвый флангъ опасаться не приходится. Онъ хорошо обезпеченъ первымъ корпусомъ, расположеннымъ въ районѣ Сольдау. Кромѣ того, западнѣе этого корпуса мы располагаемъ еще двумя кавалерійскими дивизіями. Будемъ надѣяться, что выводъ шестого корпуса изъ общей операціи не повліяетъ на успѣхъ ея. Что вы скажете на это? — обращается онъ къ Постовскому.

— Будемъ надѣяться, ваше превосходительство, на то, что ослабленіе силы удара второй арміи, въ виду отдѣленія шестого корпуса, будетъ компенсировано приближающимися подкрѣпленіями. Я имѣю въ виду 3-ю гвардейскую дивизію и первую стрѣлковую бригаду, которыя съ минуты на минуту должны прибыть въ Сольдау.

ВЪ ДРУГОМЪ ШТАБѢ.

Солнце приближается къ зениту. Командующій двадцатымъ германскимъ корпусомъ, генералъ отъ артиллеріи фонъ Шольцъ, находится на одномъ изъ холмовъ въ окрестностяхъ Танненберга. Здѣсь онъ поднялъ свой значокъ.

Въ дальномѣрѣ развертывается широкая панорама мѣстности, тянущаяся къ югу и юго-востоку. Полдневная тишина царитъ надъ перелѣсками и водными гладями. Гдѣ-то вдали изрѣдка стегнетъ одинъ-другой выстрѣлъ, и снова тишина воцаряется надъ холмами Восточной Пруссіи.

Войска Шольца оторвались отъ русскихъ, но заботы, омрачающія настроеніе генерала, далеко не разсѣялись. Онъ еще не увѣренъ въ томъ, что ему удалось вывести свои полки изъ образующагося мѣшка.

— Васъ вызываютъ, экселленцъ, —докладываетъ телефонистъ.

Шольцъ устало отрывается отъ окуляровъ дальномѣра и медленно подходитъ къ полированному ящику.

— Въ чемъ дѣло? — спрашиваетъ онъ, — здѣсь Шольцъ.

Въ мембранѣ раздается искаженный голосъ офицера, доносящійся откуда-то издалека.

— Говоритъ радіо-станція вашего корпуса, экселленцъ. Мы только что приняли телеграмму, исходящую, несомнѣнно, отъ непріятеля.

— Вы увѣрены въ этомъ? — спрашиваетъ Шольцъ.

— Да, экселленцъ. Чтобы принять ее, пришлось мѣнять катушки пріемника. Кромѣ того, она на русскомъ языкѣ.

— А телеграмма переведена уже?

— Да, экселленцъ. Изъ текста видно, что донесеніе послано командиромъ русскаго тринадцатаго корпуса его начальнику, генералу Самсонову.

— Оно зашифровано?

— Нѣтъ. На обыкновенномъ русскомъ языкѣ.

— Прочтите переводъ.

Радистъ передаетъ текстъ донесенія, посланнаго генераломъ Клюевымъ, изъ котораго явствуетъ, что тринадцатый русскій корпусъ уже занялъ селеніе Куркенъ и оказывается, такимъ образомъ, во флангѣ корпуса Шольца. Смутныя предчувствія германскаго генерала внезапно становятся реальностью. Онъ получаетъ возможность во всѣхъ деталяхъ оцѣнить создавшуюся угрозу... Благодаря попавшей въ его руки телеграммѣ, повязка спадаетъ съ его глазъ, и Шольцъ можетъ теперь спасти свой корпусъ отъ неизбѣжной гибели!

Но что дѣлать? Нельзя же въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сотворить пополненіе! Остается поэтому одинъ выходъ — назадъ, еще больше назадъ, — оттянуть всю 37 дивизію.

Едва только соотвѣтствующій приказъ разсылается по частямъ, какъ на холмѣ появляется новая фигура, генералъ съ бульдожьимъ лицомъ, новый командующій 8-ой арміей, — Гинденбургъ. Медленно, тяжело ступая и опираясь на трость, онъ достигаетъ вершины холма, подходитъ къ вытянувшемуся фонъ Шольцу. Нѣкоторое время глаза обоихъ генераловъ напряженно буравятъ другъ друга, затѣмъ рука Гинденбурга медленно поднимается и сжимаетъ ладонь фонъ Шольца.

Крѣпкое рукопожатіе располагаетъ къ дружелюбному сотрудничеству. Гинденбургъ внимательно выслушиваетъ докладъ фонъ Шольца объ общемъ положеніи и, подойдя къ дальномѣру, внимательно изучаетъ ландшафтъ. Затѣмъ отрывисто и, словно ворчливо, разъясняетъ Шольцу общее положеніе на фронтѣ. Лицо его нахмуривается, когда приходится разсказывать о положеніи растрепаннаго 17-го корпуса, о томъ, что этотъ корпусъ приходится снять съ фронта Рененкампфа и перебросить на югъ для того, чтобы усилить преграду, долженствующую остановить наступленіе Самсонова.

— Вы должны сдѣлать здѣсь все отъ васъ зависящее, генералъ, — говоритъ Гинденбургъ. — Я могъ оставить противъ Ренненкампфа только ландштурмъ и одну единственную кавалерійскую дивизія. Мнѣ совершенно ясно, что такое положеніе вещей ненормально, но у меня другого выхода нѣтъ. Драться съ обоими противниками одновременно невозможно, — надо выбирать, и выбирать сильнѣйшаго. Самсоновъ долженъ быть разбитъ, хотя бы Рененкампфъ самымъ серьезнымъ образомъ угрожалъ нашему тылу.

— Но, экселленцъ, — возражаетъ полный сомнѣнія Шольцъ,—даже при наличіи помощи въ видѣ остатковъ корпуса Макензена, мы ничего сдѣлать не можемъ!

— Къ вамъ на помощь спѣшитъ Франсуа, но онъ не можетъ прибыть на мѣсто раньше чѣмъ послѣзавтра. Увѣряю васъ, что Людендорфъ и я сдѣлаемъ все возможное, чтобы усилить вашъ участокъ фронта. Желѣзныя дороги предоставлены въ исключительное пользованіе арміи, поѣзда несутся на югъ одинъ за другимъ. Всѣ шоссе полны реквизированными

крестьянскими подводами, на которыхъ ѣдутъ сюда солдаты. Помните, что ваша обязанность — выиграть время, и на это я и мой начальникъ штаба разсчитываемъ безоговорочно. Желаю удачи.

Когда высокая фигура Гинденбурга скрывается за склономъ холма, генералъ фонъ Шольцъ опять склоняется надъ картами. Но сколько ни изучаетъ онъ положенiе, оно представляется ему ужаснымъ, безысходнымъ, катастрофическимъ. Даже прибытiе подкрѣпленiй не можетъ разгладить морщинъ на лбу озабоченнаго генерала, и его начальникъ штаба полковникъ Хеллъ оказывается безсильнымъ въ смыслѣ подбадриванiя совѣтами.

Тѣмъ не менѣе новые приказы диктуются. Усиленный прибывающими подкрѣпленiями двадцатый корпусъ занимаетъ новыя позицiи. На правомъ флангѣ дивизiя Унгерна разворачивается передъ Гильгенбургомъ, двѣ центральныя дивизiи производятъ поворотъ въ сорокъ пять градусовъ и выстраиваются фронтомъ, обращеннымъ на сѣверо-востокъ. Ось этого вращательнаго движенiя образуетъ сорокъ первая дивизiя, окопавшаяся на южномъ берегу озера Гросъ-Дамерау. Лѣвый флангъ тридцать седьмой дивизiи останавливается у Мюлена, а дальше, у Грислинена, размѣщается третья резервная дивизiя, прибывшая туда сразу послѣ битвы подъ Гумбиненомъ на экстренныхъ поѣздахъ и выгруженная въ Алленштейнѣ.

25 августа

ЕЩЕ темно... Задолго до разсвѣта. Начальникъ штаба тринадцатаго русскаго корпуса генерала Клюева, Пестичъ, вздрягивая отъ холода и потирая руки, спускается по лѣстницѣ маленькаго домика. Онъ крѣпко спалъ, когда денщикъ разбудилъ его, доложивъ, что генерала желаютъ видѣть въ комнатѣ службы связи.

Задержавшись посерединѣ лѣстницы, Пестичъ закуриваетъ первую папиросу и въ раздраженномъ настроенiи духа входитъ въ комнату, забитую столами, полную ящиковъ полевыхъ телефоновъ и невыспавшихся солдатъ. Бросивъ на столъ для телефонистовъ распечатанную коробку папиросъ, Пестичъ, позѣвывая, спрашиваетъ въ чемъ дѣло. Ему докладываютъ, что удалось наладить соединенiе съ пятнадцатымъ корпусомъ генерала Мартоса.

И какъ - бы въ подтвержденiи этихъ словъ на одномъ изъ столовъ начинаетъ отрывисто жужжать телефонъ. Пестичъ беретъ трубку, но на другомъ концѣ провода оказывается не генералъ Мачуговскiй, начальникъ штаба Мартоса, а самъ Мартосъ.

— Пестичъ? — спрашиваетъ Мартосъ. — Жалѣю, что васъ потревожилъ. Я желаю говорить съ генераломъ Клюевымъ непосредственно.

— Сейчасъ, ваше превосходительство. — отвѣчаетъ Пестичъ и приказываетъ одному изъ телефонистовъ разбудить отдыхающаго въ сосѣдней комнатѣ Клюева. Разбуженный генералъ спѣшитъ къ аппарату, не успѣвъ надѣть мундиръ, съ растрепанными волосами, шлепая туфлями по холодному полу.

— Мартосъ? — спрашиваетъ онъ на ходу солдата команды связи, — какъ же вамъ удалось добиться соединенiя, чортъ возьми?

Телефонисты самодовольно улыбаются:

— Удалось, ваше превосходительство. Ежели надо, все удастся...

— Молодцы! — поощрительно восклицаетъ Клюевъ и, потеревъ глазъ, беретъ трубку.

— Поздравляю васъ съ побѣдой подъ Орлау, — говоритъ онъ Мартосу. — Долженъ признаться, что мы здѣсь завидуемъ вамъ, потому что, какъ мнѣ кажется, нашъ удѣлъ по прежнему маршировать безъ конца.

На короткое время въ комнатѣ наступаетъ тишина и слышно только какъ квакаетъ мембрана, передающая голосъ сосѣда-командира. Затѣмъ инціатива разговора переходитъ опять къ Клюеву.

— Вотъ что я хочу вамъ на это сказать, мой другъ, — говоритъ онъ. — Какъ посмотрите вы на то, если я предложу совмѣстное дѣйствіе? Нѣтъ, конечно, нѣтъ, не противъ непріятеля, а дѣйствіе по отношенію къ Самсонову. У васъ вѣдь нѣтъ съ нимъ связи? Зато она у меня имѣется. Что я хочу предложить? Видите-ли, я несусь со своими войсками бѣшенымъ темпомъ впередъ, правда, съ надеждой, что когда-нибудь наткнусь на непріятеля, но когда это случится — передъ нѣмцами окажутся совершенно усталыя войска, которыя не выдержатъ даже самаго пустяковаго боя. У васъ тоже самое? Ну, такъ вотъ, если вы согласны предоставить инціативу переговоровъ мнѣ, то я доложу Самсонову, что мы просимъ для обоихъ корпусовъ обязательной дневки. Я объясню ему тотъ рискъ, съ которымъ связанъ безостановочный походъ. Вы согласны? Прекрасно, но не откажите повторить ваше согласіе моему начальнику штаба.

И чтобы имѣть свидѣтеля, Клюевъ передаетъ трубку Пестичу, который выслушиваетъ утвердительныя фразы, несущіяся съ другого конца провода.

ГЕРМАНСКАЯ АРМІЯ СТАНОВИТСЯ ЗРЯЧЕЙ.

Около сарая, полуразвалиной умѣстившагося на околинѣ Остроленки, стоятъ странная повозка, грузовикъ и легковая машина. Нѣсколько отпряженныхъ лошадей пасутся неподалеку и лѣниво пережевываютъ еще покрытыя росой травинки.

Изъ странной повозки торчитъ высокая, желѣзная мачта, отъ вершины которой къ крышѣ сарая протянута антенна. Отъ этой проволоки въ сарай протягивается другая и тамъ между вилами, граблями, сѣнокосилками и прочей сельскохозяйственной утварью неожиданнымъ диссонансомъ блестятъ радіо-пріемники, катушки, лампы, провода и телеграфные ключи.

За однимъ изъ такихъ аппаратовъ, съ наушниками на головѣ, сидитъ сосредоточенный офицеръ и быстро набрасываетъ текстъ принимаемой телеграммы. Въ сараѣ царитъ полная тишина, нарушаемая только воемъ динамомашины и гудящимъ потрескиваніемъ срывающихся въ эфиръ искръ.

Офицеръ очень усталъ. День и ночь приходится ему принимать радіограммы, расшифровать которыя не является легкой задачей. На первыхъ порахъ нагрузка станціи была такой, что казалось, нѣтъ той человѣческой воли, которая можетъ одолѣть непосильную работу.

Но теперь — рутина взяла свое, сверхчеловѣческая работа стала явленіемъ обычнымъ, офицеръ къ ней привыкъ и работаетъ, какъ автоматъ, едва понимая и запоминая то, что приходится принимать и отправ-

Внизу:

ВЕЛ. КН. НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ БАРАНОВИЧАХЪ.

Верховный главнокомандующій русской арміей въ разговорѣ съ комендантомъ царскосельскаго дворца Воейковымъ, прибывшимъ для очередного доклада въ Барановичи.

ПАРИЖЪ РАЗБѢГАЕТСЯ.

Приближеніе арміи Клука къ Парижу породило въ городѣ невѣроятную панику. Жители, не пожелавшіе очутиться подъ вражеской оккупаціей, спѣшно покидали столицу, пользуясь любыми средствами передвиженія. Въ продолженіе пяти дней изъ Парижа выѣхало около 800.000 человѣкъ.

ПЕРВАГО СЕНТЯБРЯ...

Французская армія отступаетъ. Къ зрѣлищу безконечныхъ колоннъ пѣхоты, идущихъ съ фронта и на фронтъ, населеніе уже привыкло. Мы видимъ, что винодѣлы Шампани уже равнодушно смотрятъ на проходящій батальонъ въ то время, какъ женщины продолжаютъ свою работу.

ВЫЛЪЗАЙТЕ!

Для спасенія Парижа генералъ Гальени долженъ былъ въ спѣшномъ порядкѣ перебросить на фронтъ прибывшія изъ Эльзаса подкрѣпленія. Въ поискахъ перевозочныхъ средствъ, онъ распорядился реквизировать всѣ парижскіе таксомоторы, пользуясь которыми, успѣлъ во время доставить солдатъ на угрожаемый участокъ. На снимкѣ — солдаты французской территоріальной арміи (ратники ополченія) высаживаютъ пассажировъ и направляютъ автомобили на сборный пунктъ.

РАЗБѢГАЮЩІЙСЯ ПАРИЖЪ.

Въ дни битвы на Марнѣ, чтобы не увеличивать паники, Банкъ Франціи не стѣснялъ гражданъ въ размѣнѣ монетъ до тѣхъ поръ, пока самъ не вынужденъ былъ переѣхать въ Бордо. На снимкѣ — временныя размѣнныя кассы, устроенныя въ разныхъ частяхъ Парижа, гдѣ жители могли получить мелкую монету.

лять. Его мозгъ достигъ той границы переутомленія, когда человѣкъ, дѣйствуя инстинктивно, ошибокъ не допускаетъ. Сознаніе же витаетъ гдѣ-то вдалекѣ, а обостренныя чувства настолько притуплены, что человѣкъ совершенно не ощущаетъ больше своихъ нервовъ.

Телеграмма, которую принимаетъ офицеръ, предназначена не для его станціи. Это — радіограмма, которую Ренненкампфъ посылаетъ въ штабъ фронта, генералу Жилинскому. Въ ней, въ пять часовъ утра, Ренненкампфъ указываетъ маршевыя цѣли своихъ войсковыхъ частей на слѣдующій день, на 26-ое августа. Онъ сообщаетъ, что его войска достигнутъ линіи Гердауэнъ — Велау и, хотя эта телеграмма оказывается всего навсего перехваченной, офицеръ, не вдумываясь въ значительность ея, на всякій случай подзываетъ ординарца-казака. Онъ отдаетъ ему пакетъ. Казакъ выходитъ изъ сарая, вкладываетъ въ ротъ два сложенныхъ колечкомъ пальца, издаетъ пронзительный свистъ, и къ нему подбѣгаетъ осѣдланный маштакъ. Минута — и казакъ скрывается за домами, несясь галопомъ по плохо вымощенной улицѣ къ штабъ-квартирѣ Самсонова.

Офицеръ поворачиваетъ конденсаторы, ощупываетъ эфиръ, — нѣтъ ли въ немъ еще какихъ либо новостей, — но въ эфирѣ тишина, и онъ снимаетъ наушники. Потянувшись, онъ выходитъ изъ сарая и приказываетъ подать крѣпкій чай.

Такъ, сидя на заваленкѣ и нѣжась въ начинающихъ пригрѣвать лучахъ солнца, офицеръ лѣниво потягиваетъ чай, радуясь передышкѣ и тому, что черезъ часъ его смѣнитъ успѣвшій отдохнуть товарищъ.

Удастся ли побездѣльничать до конца дежурства? Ночь выдалась очень безпокойной, и было бы не плохо, если бы теперь не подвалило новой работы. Увы, надежда напрасна. Не проходитъ и четверти часа, какъ посланный съ донесеніемъ казакъ возвращается и, спрыгнувъ съ сѣдла, протягиваетъ офицеру конвертъ со штемпелемъ штаба арміи. Офицеръ, поморщившись вскрываетъ конвертъ и вздохъ облегченія вырывается изъ его пересохшихъ губъ. Онъ видитъ всего лишь четвертушку листа, исписанную нѣсколькими строками, къ счастью нешифрованными.

Подойдя къ аппарату, и даже не садясь, онъ посылаетъ позывные Волковыску и какъ только принимаетъ отзывъ, шлетъ одинъ за другимъ роковыя слова:

«Вторая армія въ продолженіи 25-го августа продвигается на линію Алленштейнъ — Остероде. Тринадцатый корпусъ занимаетъ линію Гиммендорфъ — Куркенъ. Пятнадцатый Надрау — Паульсгутъ; двадцать третій — Михалкенъ — Гросъ-Гардининъ. Первый корпусъ остается въ районѣ Уздау.»

И когда ключъ аппарата выстукиваетъ «конецъ . . . конецъ . . .» офицеръ снова потягивается, снова возвращается на заваленку и спокойно допиваетъ свой чай, не представляя даже, что эти слова услышалъ непріятель и что означаютъ для него эти роковыя, скупыя свѣдѣнія.

*

Гинденбургъ и Людендорфъ ѣдутъ въ автомобилѣ. Ихъ машина несется къ Монтову. на одномъ изъ холмовъ котораго генералъ фонъ Франсуа разбилъ свой полевой штабъ. За автомобилемъ командующаго восьмой германской арміей несется второй автомобиль, въ которомъ сидитъ офицеръ штаба О. Х. Л. полковникъ-лейтенантъ Гофманъ.

Обѣ машины оставляютъ за собой густые клубы пыли, окутывающіе сидящихъ густой пеленой, но офицеры не обращаютъ вниманія на

этотъ пустяковый покровъ. Съ ихъ глазъ спадаетъ гораздо болѣе значительная пелена, что позволяетъ дѣйствовать увѣренно въ то время, какъ русскіе будутъ обречены на маневры вслѣпую.

Да... Оберлейтенантъ фонъ Рихтхофенъ, дежурящій сегодня на радіо-станціи Оберкомандо Ахтъ долженъ былъ бы, собственно говоря, получить желѣзный крестъ! Вѣдь это онъ въ это утро уловилъ депешу, посланную Ренненкампфомъ генералу Жилинскому.

«...моя армія достигнетъ 26-го августа линіи Гердауэнъ — Алленбургъ — Велау...»

Откровеніе! Отнынѣ Оберкомандо Ахтъ получало возможность комбинировать съ увѣренностью. До сихъ поръ оно колебалось между страхомъ и ужасомъ, полагая, что Ренненкампфъ внезапно, рѣшительно и быстро двинется со своими войсками впередъ, на западъ!

Это грозило бы катастрофой. Весь планъ Людендорфа построенъ именно на томъ, чтобы быстро, очень быстро, — прежде чѣмъ Ренненкампфъ двинется на западъ или на помощь Самсонову, — сцѣпиться со второй арміей и разбить ее на голову. Всѣ силы германцевъ были устремлены теперь противъ Самсонова, а за Ренненкампфомъ слѣдила только жиденькая цѣпь ландштурма и всадниковъ первой кавалерійской дивизіи. Смять эту преграду Ренненкампфу ничего не стоило, но русскій генералъ боялся потерять связь съ тыломъ больше, чѣмъ ничтожнаго риска, ожидавшаго первую армію въ случаѣ попытки продвинуться впередъ.

А теперь изъ телеграммы, перехваченной Рихтхофеномъ, выяснилось, что Ренненкампфа бояться не надо, что онъ увязъ гдѣ-то далеко позади и вовсе не собирается возобновить форсированные марши. Теперь Людендорфъ и Гинденбургъ могли не торопясь и увѣренно осуществлять задуманныя операціи, могли не опасаться за участь своего тыла.

Оба автомобиля пробиваются сквозь песокъ и пыль. Они приближаются къ городку Розенбергъ, гдѣ въ данный моментъ обозные впрягаютъ лошадей въ безконечную колонну повозокъ, а кирасиры сѣдлаютъ своихъ коней. Въ этомъ городкѣ передъ зданіемъ почтамта стоятъ нѣсколько офицеровъ, обсуждающихъ мѣры, которыя необходимо принять для реквизиціи сѣна и овса. Неожиданно, рядомъ съ ними, какой-то почтовый чиновникъ рывкомъ распахиваетъ дверь и, выскочивъ на улицу, кричитъ:

— Оберкомандо Ахтъ требуетъ къ аппарату старшаго офицера!

Одинъ изъ офицеровъ, ротмистръ, бросаетъ поспѣшный взглядъ вокругъ себя, и, констатируя, что онъ старшій, быстро спѣшитъ на почту.

Проходитъ всего двѣ-три минуты, какъ офицеръ уже снова на улицѣ, кричитъ, мечется, подзываетъ къ себѣ нѣсколькихъ кирасиръ, офицеровъ, обозныхъ и приказываетъ имъ преградить улицу. Отъ дома къ дому выстраивается цѣпь ничего не понимающихъ людей, ротмистръ отдаетъ второй приказъ: «не пропускать никого», бѣжитъ опять къ почтѣ, но оттуда ему навстрѣчу торопится тотъ же чиновникъ, который передаетъ запечатанную телеграмму.

Издали раздается шумъ приближающихся автомобилей. Ротмистръ уже передъ цѣпью людей, стоитъ посреди улицы и широко раскидываетъ руки.

— Хальтъ!!! — кричитъ онъ во всю силу легкихъ.

Но первый автомобиль, разгоняя людей, проносится мимо, — Гинденбургъ и Людендорфъ даже не замѣтили, что ихъ пытались задержать.

Ротмистръ бранится, какъ фельдфебель. Онъ снова выстраиваетъ

людей, приказывая задержать второй автомобиль во что бы то ни стало, и когда, нѣсколькими секундами позже, появляется автомобиль Гофмана, шоферъ видитъ передъ собой улицу, запруженную солдатами и офицерами, размахивающими руками. Сильный рывокъ за ручной тормазъ, и автомобиль останавливается.

Съ сидѣнья поднимается разъяренный Гофманъ.

— Съ чего вамъ взбрело на умъ задерживать меня?! — кричитъ онъ.

Ротмистръ не отвѣчаетъ ничего и протягиваетъ телеграмму. Гофманъ замолкаетъ, вскрываетъ депешу, читаетъ и, не поблагодаривъ даже ротмистра, толкаетъ шофера въ плечо.

— Гоните, Menschenskind во всю! Вы должны, во чтобы то ни стало, нагнать автомобиль командующаго! Выжимайте изъ вашей таратайки все, что она можетъ дать!

Оглушительно скрежещатъ скорости. Запыленный автомобиль срывается съ мѣста и, наполняя городокъ ревомъ сирены, проносится по главной улицѣ. Мелькаютъ послѣдніе дома. Широкое шоссе послѣ нѣсколькихъ извилинъ вытягивается въ прямую стрѣлу и тамъ, на горизонтѣ, виднѣется черная точка, — автомобиль командующаго.

— Гоните, скорѣе!

Гофманъ понукаетъ шофера. Автомобиль идетъ на полномъ газѣ, несется, какъ стрѣла. Кузовъ автомобиля Гинденбурга становится все больше и больше, Гофманъ уже можетъ различить каски сѣдоковъ, —

— Быстрѣе!

Гофманъ встаетъ. Хватаясь одной рукой за плечо шофера, онъ другой размахиваетъ, показывая телеграмму, — все напрасно: ни Гинденбургъ, ни Людендорфъ, ни ихъ шоферъ не оборачиваются, попытки обратить вниманіе остаются безуспѣшными.

— Используйте поворотъ! — приказываетъ шоферу Гофманъ.

И только тогда, когда машина Гинденбурга вынуждена взять крутой изгибъ, шоферъ Гофмана со всѣхъ силъ нажимаетъ на акселераторъ, включаетъ сирену и съ дикимъ воемъ нагоняетъ автомобиль.

Поворотъ законченъ. Машины несутся рядомъ. Гинденбургъ и Людендорфъ съ удивленіемъ смотрятъ на взволнованнаго Гофмана, размахивающаго телеграммой. Людендорфъ протягиваетъ руку. Беретъ депешу, машина Гофмана отстаетъ. Не задерживая ни на минуту автомобиля. Людендорфъ вскрываетъ депешу и видитъ, что оберлейтенантъ фонъ Рихтхофенъ опять перехватилъ русскую радіограмму.

— Посмотрите, экселленцъ, — говоритъ онъ Гинденбургу, — теперь мы совсѣмъ прозрѣли. Даже о Самсоновѣ сообщаетъ намъ неизвѣстная рука доброжелателя!

И Гинденбургъ читаетъ:

«Вторая армія въ продолженіе дня 25-го августа продвинется на линію Алленштейнъ — Остероде. Тринадцатый корпусъ занимаетъ линію... Пятнадцатый... Двадцать третій...»

— Слава Богу! — вырывается у Гинденбурга. — Русскіе сегодня не атакуютъ фонъ Шольца!

— Да, — соглашается Людендорфъ. — Нашимъ планамъ, кажется, ничто не угрожаетъ.

И когда оба генерала поднимаются на холмъ, гдѣ окруженный офицерами, стоитъ вытянувшійся строптивый генералъ фонъ Франсуа, Гин-

денбургъ уже можетъ отдать точныя приказанія и предложить ему атаковать русскихъ. Но происходитъ нѣчто удивительное. Франсуа, который всегда рвался въ бой, вдругъ заявляетъ, что его корпусъ къ завтрашнему утру еще не будетъ въ состояніи боевой готовности, что его артиллерія только въ своей малой части будетъ выгружена. Однако, Гинденбургъ съ мнѣніемъ генерала считаться не желаетъ и приказываетъ ему наступать.

— Вы атакуете высоты Уздау!

— Нѣтъ!

— Помните?

Дисциплина, однако, дѣлаетъ свое дѣло. Франсуа получаетъ категорическое приказаніе и обязанъ подчиниться. Ворча, онъ склоняется передъ волей Гинденбурга, утѣшая себя тѣмъ, что изъ Шлезвигъ-Гольштейна на помощь ему катится дивизія фонъ деръ Гольца. Эта дивизія, которая должна построиться на его правомъ флангѣ, уже два дня спустя, можетъ быть пущена въ дѣло. — Гинденбургъ стягиваетъ на восточный фронтъ все, что имѣется свободнаго въ Германіи, бросаетъ противъ Самсонова силу, заставляющую впослѣдствіи оровергнуть распространенную въ міровой печати ложь, что Самсоновъ погибъ отъ горсточки нѣмецкихъ полковъ, численность которыхъ будто была въ пять разъ слабѣе, чѣмъ его армія.

НА СѢВЕРЪ? НА ЗАПАДЪ?

Солнце поднялось уже къ зениту и горячими лучами заливаетъ вымершую площадь Остроленки. Багажъ штаба Самсонова уже покинулъ городъ, направляясь въ Нейденбургъ, и только высшіе офицеры, въ томъ числѣ и самъ Самсоновъ, остались въ помѣщеніи.

Гнетущая озабоченность смѣнила мимолетную радость. Находится ли непріятель тамъ, гдѣ его опасались, на западѣ, или же правъ Жилинскій, утверждающій, что германцы надвигаются съ сѣвера?

Самсоновъ этого не знаетъ. День былъ насыщенъ напряженной работой, и онъ страшно усталъ. Когда солнце склоняется къ горизонту, генералъ выходитъ на рыночную площадь и прогуливается взадъ и впередъ, желая, чтобы этотъ день, наконецъ, прошелъ, чтобы спустилась ночь, чтобы прибыла новая информація и вмѣстѣ съ ней разрѣшеніе отъ штаба арміи покинуть Остроленку и присоединиться къ войскамъ.

Самсоновъ страстно желаетъ этой возможности. Ему кажется, что послѣ объѣзда фронта выяснится вся картина, станетъ извѣстно, гдѣ жъ въ концѣ концовъ находятся главныя силы непріятеля?...

Долго прогуливаться по площади генералу не приходится. Его настигаетъ ординарецъ, сообщающій, что получены телефонограммы отъ Клюева и Мартоса, и содержаніе ихъ, по всей видимости, весьма важное.

Самсоновъ быстро возвращается въ штабъ. Неужели эта стычка сорветъ, наконецъ, повязку съ глазъ арміи, которая продвигается вслѣпую?

Телефонограммы... Клюевъ сообщаетъ, что онъ, согласно предварительному сговору съ Мартосомъ, настойчиво проситъ разрѣшить его войскамъ отдохнуть.

Самсоновъ покачиваетъ головой, когда читаетъ эти фразы. Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ начато наступленіе, онъ и его коллега Мартосъ чуть ли не ежедневно требовали дневокъ! Еще не позже, какъ утромъ сегодняш-

няго дня, было получено идентичное требованіе, которое штабъ арміи вынужденъ былъ отклонить!

Самсоновъ хочетъ уже отложить телефонограмму и оставить ее безъ послѣдствія, когда его взоръ останавливается на строчкахъ, наполняющихъ его волненіемъ. Клюевъ пространно и дѣловито доказываетъ, что походъ его корпуса и корпуса Мартоса является безсмысленнымъ предпріятіемъ. Онъ настаиваетъ на томъ, что непріятеля на сѣверѣ нѣтъ, и что только съ запада можно ожидать германскаго удара. Если генералъ Самсоновъ и дальше будетъ настаивать на томъ, чтобы его корпусъ и корпусъ Мартоса продолжали движеніе въ сѣверномъ направленіи, то русская армія обречена на неизбѣжную и, въ то же самое время добровольно принимаемую, опасность флангового удара со стороны Гинденбурга. Можетъ создаться положеніе, которое будетъ для русской арміи катастрофическимъ.

Въ концѣ своей телефонограммы Клюевъ снова останавливается на состояніи своихъ войскъ, напоминая, что въ продолженіе восьми дней ими пройдено свыше 250 километровъ, что обозы не поспѣваютъ, а снарядовъ и патроновъ остается столь незначительное количество, что ихъ едва можетъ хватить на одинъ единственный бой.

Когда Самсоновъ дочитываетъ телеграмму, его душу наполняетъ новое смущеніе. Онъ нервно прохаживается по комнатѣ изъ угла въ уголъ, склоняется надъ картами, сразу оцѣниваетъ положеніе, представляетъ его себѣ такъ, какъ оно представляется Клюеву и Мартосу, и тихій ужасъ охватываетъ все существо, когда его мозгъ пронизаетъ мысль: — что случится, если оба генерала правы?

Первая мысль — дѣйствовать рѣшительно и немедленно: пятнадцатый корпусъ остановить, тринадцатый завернуть къ юго-западу. Но въ тотъ же моментъ другая парализующая мысль сводитъ на нѣтъ это благое рѣшеніе. Что скажетъ Жилинскій? Какъ поступить послѣ полученія вечерняго рапорта объ отданномъ приказѣ?

Генералъ обезсиленно падаетъ въ кресло и продолжительное время взвѣшиваетъ всякія возможности. Уже смеркается, когда ему начинаетъ казаться, что выходъ найденъ, и тогда онъ становится необыкновенно энергичнымъ. Его голосъ раскатывается по всѣмъ комнатамъ штаба: онъ зоветъ, приказываетъ, распоряжается, требуетъ къ себѣ немедленно своего генералъ - кватирмейстера, Филимонова. И когда Филимоновъ приходитъ, Самсоновъ въ лаконическихъ, немного раздраженныхъ словахъ обрисовываетъ сложившуюся обстановку.

— Чего же придерживаться? — съ горечью спрашиваетъ онъ. — Офиціальнаго и упорнаго плана войны, или же донесенія съ мѣстъ, свѣдѣній изъ тѣхъ корпусовъ, которые своими глазами видятъ врага? Скажу вамъ по совѣсти, что я былъ бы счастливъ, если бы получилъ возможность немедленно сѣсть въ автомобиль и проѣхать къ своимъ войскамъ. Эта слѣпая война можетъ довести меня до безумія!

Самсоновъ подзываетъ дежурнаго офицера и предлагаетъ ему распорядиться, чтобы былъ заготовленъ аэропланъ. Генералъ-квартирмейстеръ долженъ немедленно отправиться въ Волковыскъ, къ Жилинскому.

Подаютъ автомобиль, и когда огромный «Русско - Балтійскій», подрагивая, останавливается передъ крыльцомъ дома, Самсоновъ лично провожаетъ Филимонова до дверцы машины. Машина отъѣзжаетъ, но онъ долгое время стоитъ на ступенькахъ лѣстницы, часто покачивая головой,

снимая фуражку и проводя рукой по лбу. Только тогда, когда ноги машинально начинаютъ переступать, и Самсоновъ замѣчаетъ, что снова прогуливается по рыночной площади, мысли его успокаиваются, принимаютъ обычное теченіе.

Ген. Самсоновъ настораживается. Не слышно ли рокота мотора? Не летитъ ли уже аэропланъ? Летитъ... Съ большого заливного луга, раскинувшагося за городомъ, поднимается маленькій, чихающій моторомъ Ньюпоръ, который уноситъ въ Волковыскъ его посланца — Филимонова.

ИЗВѢСТІЙ НѢТЪ, — НЕОБХОДИМО СОВѢЩАНІЕ.

Уже совсѣмъ темно въ Остроленкѣ, и многіе офицеры спятъ. Самсоновъ одинъ, озабоченный и нервно курящій, ходитъ по своей комнатѣ. Ему кажется почти невыносимымъ оставаться въ этомъ домѣ, гдѣ онъ представляетъ себя на положеніи какого то арестанта, онъ раздраженъ тѣмъ, что событія фронта снова отрѣзаны отъ него. А когда приходится проходить по темнымъ коридорамъ, то чудится, что изъ всѣхъ угловъ, изъ за всѣхъ дверей, ему шепчутъ какія-то таинственныя силы, что тяжелый черный рокъ нависъ надъ его головой, надъ головами сотенъ тысячъ солдатъ...

Это невыносимо. Самсоновъ бросаетъ папиросу въ пепельницу, пересѣкаетъ коридоръ и входитъ въ ярко освѣщенную оперативную. Нѣсколько офицеровъ, столпившихся въ углу и о чемъ то оживленно разговаривавшихъ, моментально замолкаютъ. Руки вытягиваются по швамъ, папиросы оказываются дымящимися въ стеклянной мисочкѣ, замѣняющей пепельницу.

Кто правъ? Жилинскій или Самсоновъ? Мартосъ и Клюевъ или штабъ арміи? Куда идетъ армія вообще?

Тяжелыя мысли угнетаютъ офицеровъ, и Самсоновъ это отлично понимаетъ. Ему теперь, впрочемъ, все равно. Все зависитъ отъ того, успѣлъ ли Филимоновъ покрыть 150 верстъ, отдѣляющихъ Остроленку отъ Волковыска, сумѣлъ ли пилотъ благополучно спуститься и доставить генералъ-квартирмейстера здравымъ и невредимымъ?

Не позвонить ли въ Волковыскъ?

Нѣтъ. Не стоитъ. Филимоновъ все равно ничего не сможетъ сказать по телефону. Каждое слово его будетъ подъ контролемъ Жилинскаго и истины все равно не добьешься.

А между тѣмъ время идетъ. Клюевъ и Мартосъ ждутъ рѣшенія. Надо же, наконецъ, чортъ возьми, показать, что они обратились къ командующему арміей, а не къ человѣку, представляющему собой пустое мѣсто! Надо же, наконецъ, распорядиться такъ, чтобы войска чувствовали, что ихъ судьба находится въ рукахъ человѣка, блестяще окончившаго академію генеральнаго штаба, — человѣка, на котораго можно положиться!

Время бѣжитъ, бѣжитъ, два часа уже истекли, два съ половиной, три, — но изъ Волковыска ни звука.

Колебаться не стоитъ. Нѣтъ смысла предполагать, что будетъ услышано изъ Остроленки. Дѣйствовать!

И Самсоновъ беретъ телефонную трубку, самъ вызываетъ Волковыскъ и рѣзкимъ голосомъ спрашиваетъ:

— Прибылъ ли генералъ - квартирмейстеръ Филимоновъ? Что дѣлаетъ онъ въ этотъ моментъ? Собирается ли онъ летѣть обратно?

Съ другого конца провода несется облегчающій отвѣтъ:

— Генералъ - квартирмейстеръ Филимоновъ только что вылетѣлъ обратно въ Остроленку.

Рука Самсонова медленно опускаетъ трубку на аппаратъ. Въ тотъ же моментъ начинаетъ жужжать сосѣдній ящикъ и рядомъ съ нимъ еще одинъ.

Клюевъ и Мартосъ!

Самсоновъ съ раздраженіемъ отмахивается рукой. Пусть разговариваетъ съ ними дежурный адъютантъ. Ясно, что генералы желаютъ получить, наконецъ, отвѣтъ на поставленные вопросы...

Филимонова все еще нѣтъ... Большіе стоячіе часы въ углу медленно отбиваютъ секунды, минуты. Время течетъ, уже далеко за полночь, цѣнное время бѣжитъ напрасно. Наконецъ, когда часы отбиваютъ три, Самсоновъ неожиданно ударяетъ ладонью по картѣ и объявляетъ:

— Военный совѣтъ!

Немедленно разбужены всѣ офицеры. Протирая пенснэ, появляется начальникъ штаба Постовскій. Вслѣдъ за нимъ начальникъ оперативнаго отдѣла полковникъ Вяловъ, — такой подтянутый, непріятный и даже.. сомнительный, — за нимъ начальникъ развѣдки, полковникъ Лебедевъ, и, наконецъ, цѣлый рядъ офицеровъ оперативнаго отдѣленія.

Всѣ угнетены. Правда, извѣстно, что Филимоновъ отправился къ Жилинскому, но неизвѣстно, какія директивы везетъ онъ съ собой, неизвѣстно, что можно предпринять и будетъ ли вынесенное рѣшеніе правильнымъ.

Самсоновъ говоритъ первымъ. Онъ разсказываетъ о событіяхъ въ хронологическомъ порядкѣ, показываетъ донесенія Клюева и Мартоса, предлагаетъ адъютанту прочитать ихъ запросъ.

Молчаливо и съ противорѣчивыми чувствами выслушиваютъ его офицеры штаба. Рѣдкія слова и предложенія несутся съ разныхъ концовъ стола, и Самсонову приходится подчеркнуть, что въ столь важный моментъ, конечно, нельзя ожидать, чтобы военный совѣтъ вынесъ какое-либо непреклонное рѣшеніе. Ясно, что имѣются двѣ возможности: непріятель на сѣверѣ, или непріятель на западѣ, — вотъ что важно взвѣсить, обсудить и предположить, вотъ что нужно рѣшить....

Какъ дѣйствовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ?

ШТАБЪ ФРОНТА УГРОЖАЕТЪ.

Самсоновъ говоритъ горячо и убѣжденно. Его голосъ отчетливо раздается въ глухомъ молчаніи, которое царитъ вокругъ стола. Генералъ предлагаетъ присутствующимъ встать на точку зрѣнія Мартоса и Клюева и представить, что случится, если непріятель дѣйствительно окажется на западѣ, а вторая армія въ это время будетъ продвигаться на сѣверъ.

— А почему, въ концѣ концовъ, должны Клюевъ и Мартосъ ошибаться?—восклицаетъ Самсоновъ.—Почему они не могутъ правильно оцѣнить положеніе, разъ они находятся въ непосредственномъ контактѣ съ непріятелемъ? Это мои послѣднія слова. Прошу теперь желающихъ высказаться.

Самсоновъ обводитъ испытующимъ взоромъ членовъ военнаго совѣта. Ища поддержки, онъ вопросительно смотритъ всѣмъ въ лицо, наблюдаетъ за движеніями Постовскаго, который рисуетъ на листѣ бумаги одну и ту же фигуру, замѣчаетъ, что начальникъ штаба машинально киваетъ, затѣмъ переводитъ взоръ на лицо полковника Вялова.

Здѣсь внутренняя дрожь и чувство непріязни охватываютъ генерала. Полковникъ Вяловъ, стройный, высокій, одѣтый съ элегантностью петербургскаго гвардейца, производитъ отталкивающее впечатлѣніе холоднымъ, каменнымъ выраженіемъ лица. Его побаиваются, на него смотрятъ, какъ на соглядатая Жилинскаго... Въ свое время, когда еще формировался штабъ второй арміи, Самсоновъ не имѣлъ ни малѣйшаго касательства къ составу его. По прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій, онъ засталъ уже всѣхъ офицеровъ въ сборѣ, въ томъ числѣ и Вялова, начальника оперативнаго отдѣленія.

Медленно, словно съ лѣнцой, подымается этотъ непріятный офицеръ и глаза его остаются опущенными во все время рѣчи. Онъ разглаживаетъ передъ собой испещренный листъ карты, прикладываетъ надушенный платокъ къ губамъ, немного нагибается впередъ и говоритъ голосомъ, который разсыпается, какъ кристаллы льда. Онъ указываетъ, что случаи, когда фронтовые офицеры разсуждаютъ о мѣропріятіяхъ армейскаго командованія, заслуживаютъ похвалы, однако, такое положеніе вещей можетъ создать невыносимую обстановку. По его мнѣнію, всѣ офицеры — фронтовики видятъ и думаютъ въ шорахъ, видятъ событія только на маленькомъ отрѣзкѣ фронта и оцѣниваютъ положеніе иначе, чѣмъ поставленный надъ ними командующій. Генералъ Клюевъ и Мартосъ — оба достойные офицеры, которыхъ онъ цѣнитъ очень высоко, но и они, по всей видимости, подвержены общефронтовой болѣзни. Не можетъ быть сомнѣній, что эти генералы совершенно забыли обширный и геніальный планъ командующаго, его превосходительства генерала Жилинскаго. Необходимо разсматривать событія въ ихъ непосредственной связи: генералъ Ренненкампфъ, двигаясь съ востока на западъ, гонитъ передъ собой волну отступающихъ германскихъ войскъ, и вторая армія обязана дѣйствовать въ соотвѣтствіи съ операціями арміи Ренненкампфа. Всякое самовольное и, — полковникъ проситъ извинить его выраженіе, — самолюбивое дѣйствіе можетъ привести только къ частичнымъ успѣхамъ, которые, однако, закончатся крахомъ общей оперативной идеи. задуманной битвы.

Вяловъ начинаетъ водить пальцемъ по картѣ, разъясняя какое, по его мнѣнію, существуетъ положеніе на фронтѣ обѣихъ армій.

— Конечно, непріятель не стоитъ на западѣ, — говоритъ онъ. — Главныя силы Гинденбурга отступаютъ передъ Ренненкампфомъ и, если онѣ попытаются уклониться къ югу, то обязанностью второй арміи будетъ погнать ихъ обратно на Ренненкампфа. Мнѣ кажется, что я смотрю на положеніе глазами штаба фронта. Лично я придерживаюсь той точки зрѣнія, что генераламъ Мартосу и Клюеву необходимо указать, что всѣ рѣшенія и указанія могутъ находиться только въ компетенціи штаба фронта, а отнюдь не подчиненныхъ командировъ!

Когда полковникъ замолчалъ, въ комнатѣ воцарилась полная тишина. Самсоновъ снова обвелъ взоромъ присутствующихъ и, замѣтивъ на лицахъ всѣхъ нерѣшительность, поблѣднѣлъ. Мелкія капли пота выступили на его лбу, — случилось то, чего онъ больше всего опасался.

Могъ-ли онъ, дѣйствительно, дѣйствовать наперекоръ Жилинскому? Изъ словъ Вялова ясно обрисовывался намекъ на то, что не только корпусные командиры, но даже командиры армій обязаны слѣпо повиноваться высшему командованію. Чувствуя себя въ полной безпомощности, Самсоновъ опускаетъ глаза и самъ начинаетъ рисовать фитурки, надѣясь, что случится нѣчто отъ него не зависящее и поможетъ найти выходъ изъ положенія.

И это независящее случается. Подъ окнами внезапно раздается шумъ приближающагося автомобиля, скрежетъ тормозовъ, громкіе голоса. Самсоновъ быстро встаетъ, подходитъ къ окну, отбрасываетъ занавѣску и видитъ, какъ въ свѣтѣ кадящей лампы, висящей передъ входомъ, обрисовывается фигура выходящаго изъ автомобиля его генералъ-квартирмейстера Филимонова.

Самсоновъ съ облегченіемъ вздыхаетъ. Можетъ быть Филимоновъ сумѣлъ переубѣдить Жилинскаго?..

Короткая пауза ожиданія, — и Филимоновъ въ комнатѣ. Онъ выглядитъ страшно усталымъ, блѣднымъ, обводитъ горящимъ взоромъ присутствующихъ и спрашиваетъ Самсонова:

— Не могу-ли я переговорить съ вами съ глазу на глазъ, ваше превосходительство?

— Нѣтъ, — нетерпѣливо обрываетъ его Самсоновъ. — Здѣсь все свои. Разсказывайте, что творится тамъ, наверху.

Филимоновъ нѣкоторое время въ нерѣшительности мнется на мѣстѣ, затѣмъ вынимаетъ тяжелый серебряный портсигаръ, усѣянный монограммами, достаетъ толстую папиросу, но, не закуривая ее, долго стучитъ мундштукомъ по крышкѣ. Онъ начинаетъ говорить глухо, офиціальнымъ языкомъ, словно передавая выученное наизусть приказаніе.

— Его высокопревосходительство генералъ Жилинскій проситъ доложить: командующій сѣверо-западнымъ фронтомъ приказываетъ продвигаться, согласно съ прежде отданными директивами, дальше, на линію Алленштейнъ-Остероде. Въ случаѣ, если ваше превосходительство придетъ къ мысли не исполнить приказъ его высокопревосходительства, командующій сѣверо-западнымъ фронтомъ, къ его великому сожалѣнію, будетъ вынужденъ иначе распорядиться постомъ командующаго второй арміи. Его высокопревосходительство не вѣритъ въ то, что къ западу отъ второй арміи находятся значительныя силы непріятеля...

Въ гнетущей тишинѣ Филимоновъ закуриваетъ папиросу, ищетъ пепельницу, чтобы бросить въ нее обгорѣлую спичку и, не найдя, подходитъ къ столу. Внезапно раздражившись, онъ мѣняетъ тонъ и добавляетъ:

— Жилинскій буквально сказалъ слѣдующее: «Вы, тамъ, во второй арміи, видите непріятеля въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его нѣтъ. Вы просто трусите. Я, однако, не позволю Самсонову быть трусомъ, и потребую продолженія наступленія».

ЭКЗАМЕНЪ ВОЛИ.

Въ эту ночь генералъ Самсоновъ лежитъ на походной койкѣ въ полной формѣ, заложивъ руки за голову. Сонъ бѣжитъ отъ его глазъ, тяжелыя сомнѣнія и противорѣчивыя чувства обуреваютъ его. Генералъ смотритъ на потолокъ комнаты, на которомъ отражается бликъ свѣта улич-

наго фонаря, и замѣчаетъ, что рама окна отбрасываетъ тѣнь, похожую на большой, черный крестъ. Не отрываясь смотритъ онъ на это предзнаменованіе и, чѣмъ больше смотритъ, тѣмъ фантастичнѣе становятся свѣтовые блики, пріобрѣтающіе различныя причудливыя формы, наполняющіе души еще большимъ сомнѣніемъ.

Самсоновъ закрываетъ глаза. Въ его воображеніи встаетъ карта, на которой помѣчены корпуса, дивизіи, полки, — нѣмцы и русскіе. Онъ представляетъ себѣ позиціи отдѣльныхъ частей, старается проникнуть мыслью въ будущее, — оно представляется ему ужаснымъ, — и одно мгновеніе неодержимое желаніе обуреваетъ генерала, — вскочить съ койки, отмѣнить всѣ приказы Жилинскаго и отдать новые,—такіе, какіе подсказываютъ ему Клюевъ и Мартосъ.

Но суровый законъ войны и дисциплины сильнѣе личныхъ чувствъ... Самсоновъ со стономъ откидывается на подушку, представляетъ себѣ, съ какимъ злорадствомъ восприметъ Жилинскій извѣстіе о его непослушаніи, какъ будетъ говорить, что онъ это могъ предвидѣть, что онъ никогда Самсонова не любилъ...

На мгновеніе генерала охватываетъ раздраженіе. Муки порождаютъ новую, острую, какъ ножъ, мысль:

Жилинскій не принялъ во вниманіе, что командиръ арміи посылаетъ своего генералъ-квартирмейстера на аэропланѣ, въ темнотѣ, когда состояніе авіаціи подобныхъ полетовъ еще не позволяетъ? Жилинскій считаетъ, что всѣ опасенія его, Самсонова, являются трусостью?

Ладно!

Въ бояхъ на Дальнемъ Востокѣ всѣ знали, что Самсоновъ не былъ трусомъ. Теперь онъ докажетъ, что не боится и людей, стоящихъ выше его и опирающихся только на свой авторитетъ.

Жилинскій распорядился только относительно корпусовъ Клюева и Мартоса и Филимоновъ этотъ приказъ привезъ. Но на правомъ флангѣ арміи маршируетъ шестой корпусъ Благовѣщенскаго, и никто не можетъ запретить Самсонову дать этому корпусу другое маршевое направленіе!

Непріятель на западѣ?

Хорошо. Въ такомъ случаѣ, этотъ корпусъ вмѣсто того, чтобы продолжать безсмысленное продвиженіе на сѣверъ, повернетъ на западъ. Если онъ поспѣетъ во время, армія будетъ имѣть надежный заслонъ. Правда, это будетъ полумѣрой и было-бы лучше повернуть на западъ и корпуса Клюева и Мартоса, но ничего не подѣлаешь...

Самсоновъ вскакиваетъ. Такъ и будетъ. Корпусъ Благовѣщенскаго долженъ немедленно повернуть на западъ. Немедленно. Можетъ быть еще можно предупредить опасность.

И Самсоновъ спѣшитъ по темному коридору, громкимъ голосомъ зоветъ дежурнаго офицера и диктуетъ ему приказъ. Короткое время спустя другой офицеръ на радіостанціи Остроленки начинаетъ выстукивать:

— Шестому корпусу... Шестому корпусу... Корпусъ сразу по полученіи этого приказа сворачиваетъ къ западу точка Направленіе на Алленштейнъ точка Четвертая кавалерійская дивизія этого корпуса должна продвинуться въ направленіи Зензбурга точка Она обезпечитъ правый флангъ арміи. Конецъ.... Конецъ...

26 августа

ПОЛОЖИТЕ вашу руку на нижній уголъ этой страницы. Растопырьте пальцы такъ, чтобы большой палецъ шелъ по низу страницы, а мизинецъ — къ верхнему ея углу.

Получится расположеніе частей второй арміи въ тотъ періодъ, когда она вступила въ начальную фазу битвы подъ Сольдау.

На кончикѣ большого пальца находится первый корпусъ генерала Артамонова. Указательный, средній и безымянный образуютъ направленіе, по которому продвигаются вторая дивизія 23-го корпуса, 15-ый корпусъ и 13-ый. На кончикѣ мизинца будетъ драться шестой корпусъ.

26-го и 27-го августа вашъ большой палецъ и мизинецъ будутъ сначала раздавлены, а затѣмъ ампутированы. Вслѣдъ за тѣмъ нѣмцы начнутъ безпрепятственно продвигаться по занимаемымъ этими пальцами раньше мѣстамъ въ направленіи вашего запястья.

И въ продолженіи этого времени на кончикахъ вашихъ трехъ среднихъ пальцевъ, образующихъ центръ второй русской арміи, развернется ожесточенный бой, который будетъ продолжаться до вечера 28-го августа, причемъ до самой послѣдней фазы его командованіе второй арміи будетъ надѣяться охватить съ сѣвера центръ непріятельскихъ силъ. Этотъ планъ не удается и, когда командованіе рѣшитъ слишкомъ поздно отступать, части арміи, приведенныя въ безпорядокъ, соберутся подъ вашей ладонью. Вамъ будетъ достаточно сжать руку въ кулакъ и вторая армія окажется раздавленной.

Вотъ картина битвы подъ Хоенштейнъ-Сольдау, которую нѣмцы записали въ свою исторію, какъ побѣду подъ Танненбергомъ.

Зной, который наканунѣ царилъ надъ Восточной Пруссіей, былъ настолько невыносимымъ, что даже въ ночь на 26-ое августа духота не смѣнилась ни однимъ освѣжающимъ потокомъ воздуха. Только дождь могъ охладить раскаленный воздухъ, или прибить непроглядную пыль, въ которой задыхались марширующія войска.

Ночь, — недругъ полководцевъ, — покрыла все, друга и врага, какъ-бы притаилась для мистически страшнаго прыжка, который навсегда будетъ живъ въ памяти потомковъ. Но эта ночь, тихая и безвѣтренная, на русской сторонѣ была наполнена топотомъ копытъ, на германской, бряцаніемъ оружія и шумомъ сотенъ тысячъ ногъ двигающейся пѣхоты. Казалось, что какая-то невидимая рука дергала за невидимыя нити, на концахъ которыхъ были привязаны роты, батальоны, полки, дивизіи, и корпуса.

Корпусъ Франсуа выгружался изъ эшелоновъ. Больше половины его уже шло походомъ, а по сосѣдней дорогѣ, чуть-ли не вплотную, двигалась приданная ему пятая бригада ландвера. Эта бригада была вырвана Гинденбургомъ изъ крѣпости Торнъ, потому что въ эти часы у нѣмцевъ были на счету каждый солдатъ, каждый офицеръ.

Солдаты фонъ Франсуа двинулись на русскихъ въ 4 ч. утра. Въ предразсвѣтной мглѣ, по пыли дорогъ, по жесткой высохшей травѣ покатились пѣхота его корпуса и ландштурмисты, которые имѣли за собой долгій утомительный походъ отъ Торна до линіи огня. Германцы наткнулись на русскихъ, едва солнце начало заливать карминомъ проснувшіяся

облака. Рванули первые выстрѣлы, раскололи тишину, днями лежавшую надъ равниной.

Что за роковая случайность! Если бы Артамоновъ, стоявшій противъ наступавшаго Франсуа, двинулся первымъ, онъ встрѣтилъ-бы только половину его силъ, только меньшую часть артиллеріи и смялъ-бы первую половину лавины кайзера безъ всякаго труда. Въ будущемъ выяснилось, что Франсуа не напрасно былъ упорнымъ, не напрасно отказывался съ ранняго утра начинать наступленіе. Только въ половинѣ одиннадцатаго утра онъ могъ разсчитывать на то, что его боевая группа будетъ полностью укомплектована, артиллерія и обозы будутъ подтянуты и онъ сможетъ противопоставить Артамонову равноцѣнную силу.

Увы, Артамоновъ бездѣйствовалъ, — онъ предпочиталъ поджидать непріятеля на своихъ хорошо укрѣпленныхъ позиціяхъ, тянувшихся по гребнямъ холмовъ.

Но упрекать Артамонова за подобную нерѣшительность было-бы слишкомъ строго. Въ сердцахъ всѣхъ русскихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ второй русской арміи парило смущеніе, смутное напряженіе въ ожиданіи грядущихъ событій, размѣры и результатъ которыхъ никто не могъ предусмотрѣть. «Мы шли впередъ съ завязанными глазами», сказалъ одинъ изъ русскихъ генераловъ, и онъ былъ правъ, потому что въ этотъ день русскій фронтъ былъ слѣпъ и ждалъ врага, изнывая въ новой волнѣ зноя.

И когда загремѣли первые выстрѣлы изъ нѣмецкихъ ружей, русскіе знали только: «нѣмцы наступаютъ», — но не больше. Поэтому понятно, что хорошо окопавшійся корпусъ Артамонова предпочелъ поджидать приближенія неизвѣстныхъ по численности силъ врага, оттянувъ свои охраненія на 8 килом. назадъ, на надежныя позиціи. Тамъ солдаты Артамонова встрѣтили солдатъ фонъ Франсуа убійственнымъ огнемъ, полные рѣшимости защищать позиціи до послѣдняго.

Правые сосѣди Артамонова, — вторая дивизія, 15-ый корпусъ и одна изъ дивизій 23-го корпуса, — всѣ подчиненные Мартосу, — двигались тѣмъ временемъ попрежнему въ сѣверномъ направленіи, двигались такъ, какъ это приказалъ Жилинскій. Маршевая цѣль этихъ частей была — Хоенштейнъ и, хотя всѣмъ командирамъ была ясна безцѣльность этой операціи, они, стиснувъ зубы, устало и упорно исполняли приказъ.

— Куда? — спрашивали себя командиры. Куда? — вопросительно поднимали на нихъ глаза изнуренные солдаты.

Отвѣта не было. Ни отъ ближайшаго начальства, ни изъ штаба фронта. Понуро брели безконечныя колонны войскъ, косясь налѣво, на юго-западъ, настораживая уши, чувствуя неизбѣжную опасность съ запада. Непосредственное командованіе, въ томъ числѣ и Мартосъ, не сомнѣвались, что въ противоположность директивамъ сверху, нѣмцы день и ночь накапливаютъ силы на ихъ лѣвомъ флангѣ.

А дальше, еще дальше къ сѣверу, бредетъ одиноко потерянный въ обширной мѣстности, завязшій въ дебряхъ лѣсовъ корпусъ Клюева, еще болѣе усталый, еще болѣе слѣпой.

— Передъ фронтомъ — никакого слѣда непріятеля, — думаетъ генералъ. — Чертовское положеніе...

Думаютъ такъ и его солдаты и офицеры. — Куда мы стремимся? Наткнемся ли мы, наконецъ, на непріятеля? Сможемъ-ли мы опрокинуть его прежде, чѣмъ наши подметки будутъ протоптаны, прежде,

чѣмъ окончательно истощится провіантъ и колонны развалятся отъ голода?

Единственнымъ маленькимъ утѣшеніемъ этой боевой группы является маршевая цѣль, сравнительно большой нѣмецкій городъ — Аленштейнъ, который необходимо занять, можетъ быть, послѣ тяжелаго боя, но зато это обѣщаетъ удобныя квартиры, много провіанта и, можетъ быть, даже кружку пива для пересохшей глотки.

Туда же стремится и часть шестого корпуса Благовѣщенскаго, въ то время, какъ другая часть — 4-я дивизія — описываетъ дугу съ тѣмъ, чтобы позже тоже устремиться на эту географическую точку, обѣщающую отдыхъ и новый запасъ силъ.

Первый главный ударъ сраженія подъ Сольдау произошелъ на участкѣ корпусовъ Франсуа и Артамонова. Съ ранняго утра прокладывали нѣмецкіе полки дорогу къ русскимъ позиціямъ. Твердо и непоколебимо стояли русскіе широкимъ фронтомъ отъ Хейнриксдорфа до Гроссъ-Кошлау — Зебена. Мѣстность, по которой продвигались германцы, была неудобной для операцій. Заболоченный районъ, опоясанный предательской рѣченкой Велле, надо было пройти подъ убійственнымъ огнемъ русской артиллеріи. Глухія дебри лѣсовъ таили хорошо замаскированныя русскія засады, за холмами прятались русскія цѣпи и батареи артиллеріи, которымъ Франсуа не могъ еще противопоставить соотвѣтствующія силы, такъ какъ только половина ихъ могла быть введена въ дѣло во время первой фазы боя.

Первая германская атака увязаетъ въ болотахъ и лѣсахъ. Что дѣлать? Франсуа отчаянно взываетъ о помощи, его радіо-станціи искрятъ во всѣ стороны, и Оберкомандо Ахтъ рѣшаетъ подвозить эшелоны съ пополненіями вплоть до самой линіи огня, до Рыбнова. Только германская артиллерія и обозы выгружаются на эстокадахъ Монтова. Въ непосредственной близости другъ отъ друга летятъ на угрожаемый участокъ фронта поѣздъ за поѣздомъ. Холодный потъ выступаетъ на лбу Людендорфа, когда онъ думаетъ о томъ, что можетъ произойти, если равномѣрное движеніе нарушится, если какой-нибудь тормазъ дастъ отказъ, какая-нибудь стрѣлка не будетъ переставлена правильно. Тогда случится нѣчто ужасное. Желѣзнодорожнее полотно будетъ завалено обломками вагоновъ, стонущими солдатами, изломанными лафетами орудій, но что еще хуже — вся желѣзнодорожная артерія будетъ выведена изъ строя, блокирована застрявшими эшелонами, маршевыя группы которыхъ не поспѣютъ во время на мѣсто. Франсуа будетъ разбитъ, и битва подъ Сольдау, вмѣсто того, чтобы статъ побѣдой подъ Танненбергомъ, станетъ могилой всей восьмой германской арміи...

Оберъ-лейтенантъ фонъ Стефани, откомандированный штабомъ Гинденбурга для регулированія выгрузокъ войскъ, съ трудомъ справляется съ возложенной на него задачей. Въ тотъ моментъ, когда его распоряженія буквально тонутъ въ волнѣ вопросовъ и всѣ эстокады Рыбнова кишатъ отъ солдатъ въ сѣрыхъ мундирахъ, ржущихъ лошадей, гремящихъ колесами повозокъ и лафетовъ артиллеріи, прибываетъ письменный вопль Франсуа о томъ, что бой въ полномъ разгарѣ, что его корпусъ нуждается въ каждомъ солдатѣ, въ каждомъ орудіи, въ каждомъ патронѣ, которые еще находятся въ вагонѣ. Франсуа требуетъ рѣшительно, безпрекословно, указывая, что побѣда или пораженіе зависятъ всецѣло отъ того, поспѣютъ-ли пополненія во время на линію огня.

Что дѣлать? Оберъ-лейтенантъ Стефани прекращаетъ выгрузку эшелоновъ въ Рыбновѣ, пускаетъ поѣзда сквозь это мѣстечко, и германская пѣхота несется сквозь убійственный русскій артиллерійскій огонь къ самымъ позиціямъ. Справа и слѣва отъ вагоновъ рвутся гранаты, на крыши ихъ съ грохотомъ падаютъ сосновыя вѣтки, сгѣны пробиваются осколками гранатъ, вокругъ эшелоновъ кипитъ земля, визжатъ осколки, ѣдкій дымъ пробивается въ окна, но машинисты, не взирая ни на что, отважно ведутъ несущіеся локомотивы до тѣхъ поръ, пока комендантъ поѣзда не дергаетъ за веревку.

— Хальтъ!

Тормаза Кнорра въ мертвую зажимаютъ колеса. Какъ вкопанный останавливается главный транспортъ, за нимъ остальные. Бѣшено плюются пулями русскіе пулеметы, шрапнель прыгаетъ стальнымъ горохомъ по крышамъ вагоновъ.

— Вонъ изъ вагоновъ! Направленіе на Паппель!

И непосредственно изъ эшелоновъ германская пѣхота устремляется на русскихъ. На правомъ флангѣ германскаго фронта разгорается ожесточенный бой, первый непосредственный бой битвы подъ Сольдау.

Медленно и съ большимъ трудомъ продвигаются нѣмцы впередъ. Охраненіе Артамонова, умѣло пользуясь мѣстностью, планомѣрно отступаетъ, завлекая непріятеля къ неприступнымъ позиціямъ. Только около полудня первой германской дивизіи, образующей сѣверное крыло фронта Франсуа, удается добраться до Кошлау и Зэбена. Съ этого момента германскія силы наталкиваются на главныя массы войскъ Артамонова, на сильно укрѣпленную русскими деревню Уздау. Южнѣе, гдѣ наступаютъ вторая германская дивизія и пятая бригада ландвера, положеніе войскъ Франсуа еще затруднительнѣе и до главныхъ русскихъ силъ они добираются только далеко за полдень.

...Немного сѣвернѣе Уздау расположено мѣстечко Гроссъ-Грибенъ, рядомъ съ которымъ раскинулось большое имѣніе, носящее то же имя. На наблюдательномъ пунктѣ, устроенномъ нѣмцами у Фрегенау, стоитъ полковникъ Хеллъ, начальникъ штаба 20-го корпуса. Онъ принимаетъ донесеніе, изъ котораго видно, что русскіе только что заняли имѣніе. Хеллъ беретъ телефонную трубку и отдаетъ артиллеріи приказъ разгромить постройки Гроссъ-Грибена. Въ это время къ нему подходитъ старшій адъютантъ корпуснаго штаба майоръ фонъ Нотцъ. Хеллъ поднимаетъ лѣвую руку, двумя пальцами отодвигаетъ манжету и смотритъ на часы. Онъ говоритъ Нотцу:

— Въ эту минуту мой домъ становится жертвой пламени...

Имѣніе Гроссъ-Грибенъ принадлежало полковнику Хеллъ.

Корпусъ Франсуа долженъ былъ отвоевывать отъ русскихъ землю пядь за пядью. Положеніе его вначалѣ было незавидное, потому что справа, чуть-ли не на сто километровъ, до самаго Торна, тянулась мѣстность, занятая слабыми фланговыми охраненіями ландвера и ландштурма. Въ этомъ угрожаемомъ районѣ непрерывно зондировала русская кавалерія и послѣ полудня нащупала открывающійся шансъ.

И тогда, неожиданно для нѣмцевъ, какъ громъ среди яснаго неба, по направленію къ городку Лауенбургу, съ гиканьемъ и оглушительнымъ ура потекли волны русской кавалеріи. Онѣ ударили по обозамъ и пополненіямъ пятой ландверной бригады и изрубили смѣшавшіяся колонны нѣм-

цевъ. Нѣкоторые обозные пытались сопротивляться, но то были лишь отдѣльные эпизоды. Тылъ пятой бригады былъ фактически дезорганизованъ и по всѣмъ германскимъ телефонамъ понеслись вопли о помощи. Эти вопли были приняты комендантомъ крѣпости Торнъ, который выслалъ на помощь угрожаемому участку свой послѣдній резервъ — мощный круповскій блиндированный поѣздъ, полетѣвшій на всѣхъ парахъ къ мѣсту неожиданной стычки. Уже задолго до прибытія на мѣсто боя заговорили его скорострѣльныя орудія. Русская пѣхота, въ свою очередь, неожиданно оказалась въ ливнѣ пуль и осколковъ снарядовъ. Техника восторжествовала надъ порывомъ, и волны русской конницы отхлынули назадъ.

Но дѣло было сдѣлано, — по крайней мѣрѣ, на этотъ день. Когда спустился вечеръ, и зарево горящей Уздау ярко освѣтило позиціи русскихъ, командиры обѣихъ сторонъ могли подвести балансъ дня. Правда, первому германскому корпусу удалось продвинуться до главныхъ русскихъ укрѣпленій, но было уже слишкомъ поздно для того, чтобы ихъ атаковать. Русскіе скопились на высотахъ Уздау, отойдя туда въ полномъ порядкѣ и согласно разработанному Артамоновымъ плану. Они остановились въ окопахъ, спокойно поджидая непріятеля, готовые встрѣтить убійственнымъ огнемъ первую - же атаку. Франсуа не могъ въ этотъ день исполнить боевой задачи, поставленной ему Гинденбургомъ.

Сѣвернѣе его корпуса накапливался двадцатый корпусъ Шольца, усиленный 70-ой бригадой ландвера и дивизіей Унгера, которая въ продолженіи всего прошлаго дня лежала съ ружьями въ рукахъ въ засадѣ, выжидая моментъ, когда продвиженіе корпуса Франсуа дастъ ей возможность принять участіе въ операціи. Около половины четвертаго пополудни расположенная на правомъ флангѣ 41-я пѣхотная дивизія, считая, что корпусъ Франсуа уже выбилъ русскихъ изъ Уздау, бросается въ атаку и оттѣсняетъ вторую русскую дивизію на линію Гансхорнъ — Гроссъ-Гардиненъ. Этотъ частный успѣхъ обходится 41-ой дивизіи очень дорого. Русскія пули выбиваютъ германскихъ солдатъ цѣлыми ротами, и весь путь продвиженія нѣмцевъ на Гроссъ-Гардиненъ усѣянъ кучами труповъ.

День 26-го августа былъ кровавымъ для германцевъ. Дивизія Унгера часами лежала въ бездѣятельности подъ тяжелымъ огнемъ русской артиллеріи. Въ результатѣ боя корпусъ Шольца только на правомъ флангѣ могъ оттѣснить русскихъ, въ остальномъ же тоже не сумѣлъ исполнить боевой задачи, поставленной Гинденбургомъ.

Но грядущій день обѣщалъ быть болѣе выгоднымъ для германцевъ. Силы ихъ возрастали съ каждымъ часомъ. На лѣвомъ флангѣ ихъ фронта накапливались корпуса Макензена и Белова, покинувшіе гумбиненское поле битвы и форсированными маршами спѣшившіе теперь на югъ. Имъ навстрѣчу, правда, двигался корпусъ Благовѣщенскаго, но этотъ корпусъ даже не предполагалъ, что противъ него собираются столь большія силы. Радіо-телеграмма, полученная отъ Самсонова, приказывала Благовѣщенскому свернуть на западъ и остановиться въ Аленштейнѣ, и вслѣдствіе этого приказа 16-я русская пѣхотная дивизія двигалась отъ Бишофсбурга туда, а другая дивизія, разыскивающая удобныя для похода дороги, продолжала движеніе на сѣверъ, съ тѣмъ, чтобы позже повернуть тоже на западъ, на Аленштейнъ. Кавалерійское фланговое прикрытіе корпуса Благовѣщенскаго было оставлено у Зензбурга.

Несчастный Благовѣщенскій! Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что противъ его раздѣленныхъ дивизій находится цѣлыхъ два корпуса, причемъ эти корпуса не только приближаются къ нему, а уже стоятъ въ непосредственной близости и боевой готовности. Поэтому и случилось, что его 16-я дивизія, шедшая походомъ сѣвернѣе Бишофсбурга, внезапно напоролась на противника. Командиръ дивизіи, однако, не растерялся. Онъ во время и планомѣрно развернулъ свои полки и бросился на Макензена, причемъ русскія войска, несмотря на страшное утомленіе, провели атаку съ необыкновеннымъ порывомъ. Къ своему удивленію, Макензенъ долженъ былъ констатировать, что подготовленная въ этомъ мѣстѣ ловушка не удалась.

Бой, который пришлось выдержать 16-ой дивизіи, развернулся на участкѣ, представлявшемъ собой холмистый ландшафтъ, покрытый большими лѣсами и рощами. Луга, низины и болота втискиваются въ эти лѣса. Къ западу ландшафтъ, на которомъ разыгрался бой, граничитъ съ цѣпью озеръ. Здѣсь, раздѣленныя, сравнительно узкими перешейками, растекаются озера Лаутернзе, Боссауерзе и Дадезе.

Корпусъ Макензена, истомленный продолжительными переходами и имѣвшій только короткій отдыхъ во время истекшей ночи, тѣмъ не менѣе съ упорствомъ встрѣтилъ русскую атаку. Онъ словно пытался расквитаться съ русскими за тотъ ударъ, который получилъ подъ Гумбиненомъ, гдѣ осталась добрая треть его солдатъ.

НАЧАЛО КАТАСТРОФЫ.

Около трехъ часовъ дня Шольцъ бросилъ свои полки въ наступленіе. 41-я дивизія и одна бригада 37-ой дивизіи устремились во флангъ обѣихъ колоннъ второй русской дивизіи. Лѣвая колонна русскихъ была застигнута врасплохъ, отброшена къ востоку въ полномъ безпорядкѣ, несмотря на героическое сопротивленіе 7-го пѣхотнаго ревельскаго полка, который потерялъ 51 офицера и 2.800 солдатъ. Правая же колонна, двигавшаяся немного впереди своего сосѣда и также атакованная во флангъ, въ тотъ моментъ, когда подходила къ Мюлену, вынуждена была немедленно отступить...

И пока въ районѣ Хоенштейнъ-Уздау развивались эти событія, драма, чреватая послѣдствіями, разыгралась къ сѣверу отъ Бишофсбурга, позади праваго крыла арміи Самсонова...

Шестой корпусъ Благовѣщенскаго имѣлъ задачей прикрывать армію въ направленіи Летцена. Четвертая и шестнадцатая дивизія этого корпуса наступали фронтомъ, образующимъ полумѣсяцъ, сѣверное остріе котораго, — правый флангъ 4-ой дивизіи, — касался озера Клейнъ Бэссау, а южное остріе, — 16-я дивизія, — приближалось къ Бишофсбургу. Кавалерія производила развѣдку въ направленіи Зензбурга и Растенбурга, но никто не изслѣдовалъ мѣстности, разстилающейся къ сѣверу! Никто съ русской стороны не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, что именно оттуда надвигается опасность!

Въ шесть часовъ утра части дивизіоннаго охраненія оказались внезапно атакованными съ тыла. Начальникъ русской дивизіи, однако, не растерялся и рѣшился немедленно на контръ-атаку. Къ 8 часамъ утра ожесточенный бой закипѣлъ между русскими и 36-ой дивизіей корпуса Макензена.

ОБЕРКОМАНДО АХТЪ НА ХОЛМѢ ПОДЪ ФРЕГЕНАУ.

Слѣва направо: полковникъ - лейтенантъ Гофманъ (позже генералъ, заставившій въ 1918 году Троцкаго согласиться на всѣ условія Брестскаго мирнаго договора). За нимъ — австрійскій наблюдатель майоръ фонъ Трейсукъ. Третій отъ Трейсука — Гинденбургъ. Въ плащѣ — Людендорфъ.

ПОДБИТАЯ У ПУХАЛОФЕНА ГЕРМАНСКАЯ БАТАРЕЯ.

Первый періодъ великой войны былъ богатъ красочными эпизодами, когда пѣхота или кавалерія неоднократно аттаковали непріятельскія батареи, стрѣлявшія на картечь. Подъ командой ротмистра П. Н. Врангеля (впослѣдствіи главнокомандующаго противобольшевицкими вооруженными силами Юга Россіи) лихой аттакой въ конномъ строю была захвачена въ плѣнъ одна изъ батарей корпуса Франсуа.

Справа:

МАКСЪ ФОНЪ ПРИТТВИЦЪ УНДЪ ГРАФФОНЪ (1848—1917).

Командующій германскимъ восточнымъ фронтомъ, весьма вспыльчивый но нерѣшительный генералъ, растерявшійся передъ лицомъ наступавшихъ на Восточную Пруссію войскъ Самсонова и Ренненкампфа. При попыткѣ отвести германскія войска за Вислу онъ былъ признанъ германскимъ Большимъ Штабомъ неспособнымъ военачальникомъ и 22 августа 1914 года замѣненъ Гинденбургомъ.

Слѣва:

ГЕРМАНЪ ФОНЪ ФРАНСУА (1856—1933).

Командиръ 1-го Кенигсбергскаго корпуса. Своевольный и энергичный генералъ, получившій прозвище «Строптиваго», вслѣдствіи того, что его дѣйствія часто шли вразрѣзъ съ приказами Приттвица. Поклявшись жителямъ Восточной Пруссіи, что ни одинъ русскій солдатъ не вступитъ на ихъ землю, Франсуа проявлялъ во время битвы подъ Сольдау исключительную иниціативу и весьма успѣшно маневрировалъ, удивляя противника исключительной выдержкой своихъ войскъ и разумными распоряженіями, часто принимаемыми во время разгара боя.

Въ этотъ моментъ положеніе русскихъ было сравнительно сноснымъ, потому что 36-я дивизія Макензена значительно опередила 35-ю, которая застряла гдѣ-то далеко къ сѣверу у Бишофштейна, а другая часть подкрѣпленій, — первый резервный корпусъ, — изъ-за переутомленія еще не покинулъ бивуака, разбитаго около Зебурга. Въ силу этого Макензенъ рѣшилъ затягивать бой, поджидая подкрѣпленій, и на первыхъ порахъ русскимъ удалось даже потѣснить его авангардъ.

Но что суждено рокомъ, то неизбѣжно. Командиръ 6-го корпуса, генералъ Благовѣщенскій, проведя ночь въ Бишофсбургѣ, былъ спокоенъ и не ожидалъ никакой агрессивности со стороны непріятеля. Генералъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что на слѣдующій день предстоитъ обычный походъ, такой, какой былъ и вчера, и позавчера и нѣсколько дней тому назадъ. Связь между Благовѣщенскимъ и Самсоновымъ была весьма слабая, радіо-станція работала плохо, въ обмѣнѣ сообщеніями замѣчались перебои. Можно сказать, что Благовѣщенскій фактически былъ предоставленъ самому себѣ, но въ тотъ моментъ, когда онъ проснулся, онъ былъ далекъ отъ мрачныхъ предчувствій. Онъ намѣревался около пополудни отправиться на автомобилѣ вслѣдъ за своими дивизіями и вечеромъ, когда онѣ закончатъ переходъ, устроить новую квартиру гдѣ-нибудь дальше къ западу, можетъ быть въ Вартенбургѣ.

Раннимъ утромъ онъ явился въ оперативную, окна которой были открыты настежь. Офицеры штаба вполголоса совѣщались, изучая карты. Благовѣщенскій, какъ обычно, раздраженный и непріятный, приблизился къ столу и принялъ участіе въ обсужденіи положенія. Внезапно онъ поднялъ голову и прислушался. Офицеры насторожились тоже.

Что-бы это могло быть?

Откуда-то издалека доносилось глухое перекатываніе, ревъ многихъ орудій.

Кто, во имя неба, могъ стрѣлять тамъ, на сѣверѣ? Неужели четвертая дивизія наткнулась на непріятеля?

Благовѣщенскій бѣгомъ покидаетъ домъ. Офицеры штаба слѣдуютъ за нимъ. Всѣ останавливаются на улицѣ. Прислушиваются. Благовѣщенскій, въ силу своего характера, постоянно нервничавшій и торопящійся, всегда въ дурномъ расположеніи духа, внезапно начинаетъ рвать и метать. Онъ ничего не понимаетъ. Близкая канонада его злитъ, но единственнымъ логичнымъ выводомъ можетъ быть только то, что одна изъ дивизій, дѣйствительно, ведетъ бой.

Канонада усиливается. Орудія стрѣляютъ гдѣ-то въ 12 или 15 километрахъ отъ штаба. Благовѣщенскому становится ясно: канонада слишкомъ сильна для неожиданной стычки.

— Подать автомобиль! — крикливо приказываетъ онъ.

И въ тотъ моментъ, когда генералъ торопливо захлопываетъ дверцу, а адъютантъ садится рядомъ съ шоферомъ, тревожная мысль мелькаетъ въ головѣ его: «Четвертая дивизія одна... Шестнадцатая движется на западъ...»

— Слѣдуйте за мной, господа! — приказываетъ онъ офицерамъ и, выждавъ нѣкоторое время, пока вѣстовые подведутъ осѣдланныхъ коней, прибавляетъ: — Впередъ!

Автомобиль срывается съ мѣста. За нимъ въ густыхъ клубахъ пыли скачутъ галопомъ офицеры, скачутъ въ направленіи Гроссъ-Бессау, къ мѣсту разгорѣвшагося боя. Семь верстъ продолжается эта скачка прежде,

чѣмъ справа отъ дороги вырисовывается высокій холмъ, обѣщающій хорошій пунктъ для наблюденія за мѣстностью. Автомобиль генерала сворачиваетъ съ шоссе, пересѣкаетъ ж.-дор. линію и по плохой песчаной дорогѣ карабкается наверхъ. Благовѣщенскій вылѣзаетъ на вершинѣ Высоты 186, у маленькой деревушки Лабухъ.

Поспѣшно налаживается связь съ Бишофсбургомъ. Обливающіеся потомъ телефонисты протягиваютъ провода, устанавливаютъ аппараты. Въ большой бинокль Благовѣщенскій разсматриваетъ горизонтъ, видитъ передъ собой болото, за нимъ желѣзподорожную линію, затѣмъ густой лѣсъ, но не обнаруживаетъ ни одного солдата. На горизонтѣ зато происходитъ нѣчто ужасное. Онъ весь озаренъ вспышками шрапнелей, отъ огня которыхъ вся земля бьется какъ бы въ судорогахъ.

Онъ посылаетъ за лѣсъ офицеровъ. Хочетъ знать, что тамъ происходитъ. Вскорѣ начинаютъ поступать донесенія, но отрывочныя и съ большими промежутками.

Нарисовать истинную картину боя оказывается невозможнымъ. Свѣдѣнія противорѣчивы. Одинъ офицеръ доноситъ, что дивизія успѣшно ведетъ бой, другой — что начальникъ дивизіи совершенно потерялъ голову и губитъ свои войска «по куропаткински» — шлетъ одинъ полкъ и, когда тотъ оказывается выведеннымъ изъ строя — второй, на смѣну ему — третій и такъ далѣе... Только около половины пятаго дня удается выяснить, что четвертая дивизія дерется доблестно, несетъ ужасныя потери, но что долго она держаться не сможетъ...

Еще во время боя Благовѣщенскій, ожидая худшаго, послалъ офицера къ командиру сосѣдней, 16-ой, дивизіи съ приказаніемъ остановить эту дивизію. Повидимому, генералъ, подъ вліяніемъ неожиданнаго боя и не имѣя яснаго представленія о силѣ и цѣли противника, постепенно терялъ хладнокровіе. Едва только у него создалось впечатлѣніе, что бой 4-ой дивизіи протекаетъ для нея благополучно, онъ приказывалъ 16-ой дивизіи итти дальше на Алленштейнъ; когда же поступало какое-либо тревожное свѣдѣніе, онъ дивизію останавливалъ и поворачивалъ назадъ.

То, что разыгрывалось на дорогѣ въ Алленштейнъ, по которой шла 16-ая дивизія, не поддается никакому описанію. Одинъ изъ участниковъ похода разсказываетъ:

«Едва наша дивизія съ наступленіемъ разсвѣта двинулась изъ Бишофсбурга въ направленіи Алленштейна, едва только она растянулась по шоссе, какъ былъ полученъ приказъ остановиться. Битый часъ дивизія стояла на дорогѣ прежде, чѣмъ пришелъ новый приказъ — продолжать походъ. Мы шли опять часъ. Новый приказъ, — немедленно повернуть обратно, къ Бишофсбургу. Для исполненія этого приказа не оставалось другого выхода, какъ просто повернуть дивизію налѣво кругомъ и обратить арьергардъ въ авангардъ. Получилась дикая картина длинной колонны войскъ, впереди которой двигались обозы.

Съ сѣверо-востока мы отчетливо слышали канонаду, и то обстоятельство, что мы болтались на шоссе въ бездѣятельности въ то время, какъ наши товарищи дрались, создало очень нервное настроеніе, которое распространилось по всѣмъ частямъ.

Вечеромъ, когда мы находились уже недалеко отъ Бишофсбурга, положеніе стало очень сквернымъ. Солнце какъ разъ садилось, когда по всей колоннѣ пронесся дикій крикъ:

— Нѣмцы слѣва! Кавалерія!

Наши батареи немедленно съѣхали съ шоссе, стали на позицію на полѣ и попытались обнаружить непріятеля. Пѣхота залегла, открывъ безпорядочный огонь по всадникамъ, которыхъ никто не видѣлъ.

Начальникъ дивизіи генералъ фонъ Раухъ, при штабѣ котораго я находился, рѣшилъ немедленно вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ и нашей казачьей сотней поѣхать и посмотрѣть, — гдѣ же, въ концѣ концовъ, находится кавалерія? Полковникъ Энгель и я попытались его отговорить и склонить къ тому, чтобы попросту продолжать походъ, но Раухъ тѣмъ не менѣе поѣхалъ впередъ.

Едва мы перешли въ галопъ и достигли лѣса, въ которомъ, какъ намъ казалось, развернулся бой, какъ непріятельскія шрапнели стали рваться на шоссе. Генералъ фонъ Раухъ немедленно повернулъ. Мы ѣхали сначала шагомъ, придерживая лошадей, затѣмъ перешли на рысь и, наконецъ, въ галопъ, взявъ направленіе къ своимъ войскамъ. И вотъ случилось, что наши же солдаты начали обстрѣливать насъ, считая, очевидно, и штабъ, и казачью сотню за непріятельскую кавалерію, которую до сего момента никто не видѣлъ. Въ результатѣ — возникла паника.

Лошадь моя была убита. Я вылетѣлъ изъ сѣдла и упалъ въ канаву. Мимо меня галопомъ проносились всадники, лошади, потерявшія сѣдоковъ, обозныя повозки и двуколки. Солдаты дико кричали. Паника продолжалась около четверти часа, затѣмъ волненіе постепенно улеглось. Я пробѣжалъ около двухъ верстъ вдоль шоссе по направленію Бишофсбурга и наткнулся на начальника дивизіи, который пытался создать въ обозной колоннѣ какое-либо подобіе порядка. Шоссе было совершенно закупорено, и невозможно было продвинуться ни впередъ, ни назадъ.

Затѣмъ начальникъ дивизіи рѣшилъ поступить иначе. Раненый своими же въ руку, онъ приказалъ подать единственный автомобиль, имѣвшійся при дивизіи и, посадивъ рядомъ съ собой военнаго врача, поѣхалъ домой въ Бѣлостокъ».

*

Пока въ колоннѣ 16-ой дивизіи Благовѣщенскаго происходило замѣшательство, 4-я дивизія все еще выдерживала бой. Самъ Благовѣщенскій, который стоялъ на холмѣ все еще нерѣшительный и ничего не знающій, пытался путемъ безпрерывныхъ радіо-призывовъ обратиться за помощью къ сосѣднему корпусу, 13-му, умоляя генерала Клюева поспѣшить на мѣсто боя, такъ какъ его дивизія находится въ тяжеломъ положеніи. Телеграммы улетали въ эфиръ, но Благовѣщенскій не зналъ, что ихъ никто не можетъ прочесть. Станція Клюева принимала каждую телеграмму, но у него не было кода, чтобы расшифровать отчаянныя посланія Благовѣщенскаго.

Изъ часа въ часъ положеніе 4-ой дивизіи становилось все хуже. Макензенъ тѣснилъ ее все больше назадъ. Къ вечеру она уже находилась въ полномъ отступленіи, и тогда Благовѣщенскій рѣшилъ поѣхать навстрѣчу войскамъ, чтобы попытаться остановить ихъ.

Онъ сѣлъ въ автомобиль, приказавъ казачьей сотнѣ окружить себя со всѣхъ сторонъ, и когда эта группа выѣхала на новый холмъ, откуда открывался широкій видъ на шоссе, его глазамъ представилась картина отступавшей и разбитой дивизіи. . .

Благовѣщенскій поѣхалъ навстрѣчу бѣгущимъ войскамъ, и въ тотъ моментъ, когда солдаты его замѣтили, возникла новая паника, подобно

той, которая произошла на шоссе, когда 16-я дивизія испугалась несуществующей германской кавалеріи.

Автомобиль Благовѣщенскаго и его казаки были сильно обстрѣляны. Много было убито и ранено. Паника разросталась, и, что еще хуже — она захватила самого командира дивизіи. Благовѣщенскій повернулъ въ Бишофсбургъ, и оттуда отдалъ приказъ дивизіи отступать еще дальше на Ортельсбургъ, къ исходному пункту похода 4-й дивизіи.

ЗАБОТЫ ГИНДЕНБУРГА.

Вечеромъ, въ Лобау, Гинденбургъ и Людендорфъ подводятъ въ своей штабъ - квартирѣ итоги дня. Балансъ неудовлетворителенъ. Правофланговая группа 8-ой германской арміи, подчиненная генералу фонъ Франсуа, въ продолженіи дня, правда, вынудила Артамонова отступить на основныя позиціи, однако, ей не удалось, какъ это предусматривалъ приказъ, «опрокинуть противника». Русскіе попрежнему непоколебимо стояли въ глубокихъ окопахъ, готовые каждую минуту отразить новый натискъ нѣмцевъ.

Болѣе того: на правомъ флангѣ корпуса Франсуа собирались грозовыя тучи. Оберкомандо Ахтъ получило сообщеніе, что большія кавалерійскія массы русскихъ движутся въ обходъ германскаго фланга. Гинденбургу, правда, было еще неясно, слѣдуетъ-ли въ непосредственной близости за этой массой конницы и пѣхота, но тѣ донесенія, которыя были получены наканунѣ, тревожили его извѣстіемъ, что изъ Варшавы по желѣзной дорогѣ къ зонѣ сраженій приближаются сильныя подкрѣпленія. Но даже, если-бы эти подкрѣпленія находились еще далеко, а русская кавалерія рѣшила повторить налетъ, подобный тому, который былъ осуществленъ подъ Лаутенбургомъ, если бы она вторично ринулась въ тылъ группы Франсуа, положеніе создалось-бы очаянное. Если же вслѣдъ за этой кавалеріей двинулась масса русской пѣхоты и артиллерія, то...

При этой мысли Гинденбургъ разводилъ руками. Всему плану грозила гибель, 8-ая армія была-бы разбита.

Изъ этихъ соображеній, Гинденбургу пришлось перенести все вниманіе на свои фланги. Только отъ нихъ зависѣла удача операцій, осуществляя которыя, онъ надѣялся окружить русскихъ. Дѣйствія корпуса Шольца, поэтому, теперь становились второстепенными, и все вниманіе должно было быть перенесено на операціи группы Франсуа.

Глаза Гинденбурга и Людендорфа скользятъ по картѣ, слѣдуютъ по извилинамъ рѣкъ и дорогъ, выше, на сѣверъ, къ корпусамъ Макензена и Бэлова, гдѣ сложилась своеобразная обстановка. Здѣсь дивизіи Благовѣщенскаго были дѣйствительно «опрокинуты», но показанія плѣнныхъ были сбивчивыми, и Оберкомандо Ахтъ вовсе не представляло себѣ, что за безпорядокъ царилъ въ отступающихъ частяхъ русскаго генерала. Макензенъ и Бэловъ доносили, что непріятель отступилъ въ сравнительномъ порядкѣ, занявъ сильно укрѣпленныя позиціи, и что, по всей вѣроятности, онъ будетъ защищать ихъ до послѣдней капли крови.

Это сообщеніе еще болѣе усиливало тревогу германскихъ генераловъ, отъ которыхъ зависѣла участь Восточной Пруссіи и даже всей войны. За спинами полковъ Бэлова и Макензена, какъ выяснилось, не было больше никакихъ войскъ, кромѣ русскихъ, кромѣ Ренненкампфа. Въ противорѣчіи съ перехваченной радіограммой, топчущаяся на мѣстѣ армія Рен-

ненкампфа теперь шла значительно быстрѣе, чѣмъ на это разсчитывали нѣмцы. Фактически отъ тыла корпусовъ Макензена и Бэлова ее отдѣлялъ только одинъ переходъ.

...Впереди Благовѣщенскій, который, какъ предполагалось, встрѣтитъ попытку атаковать сильнымъ контръ-ударомъ, а сзади — корпуса Ренненкампфа и его несчетная кавалерія. Что же удивительнаго, что въ этотъ день Гинденбургъ былъ очень удрученъ, а Людендорфъ впослѣдствіи признавался, что нервы его готовы были сдать. Несмотря на это, оба генерала упорно проводили разъ намѣченный планъ, рѣшивъ итти ва-банкъ, —а чѣмъ это могло кончиться, знать должна была только судьба.

Коротко говоря, германское командованіе не могло терять ни секунды времени. Въ продолженіи слѣдующаго дня должно было совершиться рѣшительное: армія Самсонова должна быть, — и во что бы то ни стало, — разбита на голову, прежде чѣмъ къ полю битвы подоспѣетъ Ренненкампфъ, который, въ свою очередь, разбилъ-бы восьмую германскую армію.

ГВАРДІЯ ИДЕТЪ!

Въ продолженіи дня послѣдніе автомобили штаба второй арміи оставили Остроленку. Наконецъ - то командующій арміей могъ оказаться въ непосредственной близости къ своимъ войскамъ! Въ 4 часа дня послѣ продолжительной поѣздки, хотя отъ Остроленки до Нейденбурга всего 70 верстъ, онъ прибылъ въ свою новую штабъ-квартиру, устроенную въ домѣ нейденбургскаго ландрата, гдѣ офицеры ждали своего командира съ обѣдомъ, приготовленнымъ нѣмецкими руками.

Вмѣстѣ съ Самсоновымъ въ Нейденбургъ пріѣхалъ и англійскій военный атташе Ноксъ, который впослѣдствіи разсказывалъ, что въ этотъ день Самсоновъ былъ въ радостномъ и возбужденномъ настроеніи.

Атмосфера въ Нейденбургѣ сильно разнилась отъ атмосферы Остроленки. Здѣсь Самсоновъ слышалъ раздававшійся со всѣхъ сторонъ гулъ канонады. Онъ былъ при своихъ войскахъ и, — что его еще больше всего радовало, — войска находились въ дѣйствіи, причемъ, согласно имѣющимся свѣдѣніямъ, характеръ ихъ былъ болѣе или менѣе благополучнымъ. Теперь неопредѣленность, которая такъ мучила генерала, должна была исчезнуть, должно было, наконецъ, стать яснымъ, откуда-же наступаютъ германцы, съ востока, или съ сѣвера?

Вечеромъ, послѣ затянувшагося обѣда, Самсоновъ приступилъ къ выясненію обстановки. Его лѣвый фланговый корпусъ, корпусъ Артамонова, выдержалъ день тяжелыхъ боевъ и находился теперь, какъ уже указывалось, на основныхъ позиціяхъ у деревни Уздау. Самсоновъ вызвалъ Артамонова по телефону, и въ длительномъ разговорѣ выяснилъ, что Артамоновъ надѣется не только удержать позицію, но и перейти въ наступленіе, какъ только ему удастся подтянуть подкрѣпленія. О пятнадцатомъ корпусѣ Мартоса сообщалось, что этотъ корпусъ своими авангардами достигъ Хоэнштейна и, слѣдовательно, планомѣрно развиваетъ данную ему директиву. Примыкающій къ нему корпусъ Клюева, тринадцатый, сообщалъ, что онъ такъ же планомѣрно движется впередъ, и уже находится въ непосредственной близости отъ Алленштейна. Только на крайнемъ правомъ флангѣ, на участкѣ генерала Благовѣщенскаго, царила неясность. Свѣдѣнія оттуда не поступили, и Самсоновъ не могъ даже предполагать,

что въ тотъ моментъ, когда онъ спокойно изучаетъ карту, шестого корпуса, въ сущности, больше нѣтъ.

Не зналъ Самсоновъ и слѣдующаго: во-первыхъ, что подчиненная Мартосу вторая дивизія 23-го корпуса, которая предполагалась въ районѣ Гроссъ-Гардинена, пополудни потерпѣла сильное пораженіе и была отброшена; во-вторыхъ, что генералъ Благовѣщенскій совершенно потерялъ голову, и остатки его дивизій отступаютъ на Ортельсбургъ. Ему даже въ голову не могло придти, что одинъ изъ дивизіонныхъ командировъ, палецъ котораго былъ оторванъ пулей, несется въ Бѣлостокъ, оставивъ на произволъ судьбы свою истерзанную дивизію.

Въ тотъ часъ, когда Самсоновъ рѣшилъ отдохнуть, онъ, въ противоположность Гинденбургу, былъ спокоенъ. Ему казалось, что положеніе дѣлъ на фронтѣ второй арміи сравнительно благополучно. Правда, до сихъ поръ не было ясности, гдѣ-же въ концѣ концовъ находятся главныя массы непріятеля, но эта неопредѣленность искупалась удовлетвореніемъ, что почти всѣ корпуса достигли намѣченныхъ цѣлей.

Ночь съ 26 на 27 августа была темной. Тонкій серпъ нарождающагося мѣсяца скрылся за горизонтомъ, и августовскій мракъ разсѣивался только рѣдкими, проглядывающими между облаками звѣздами. Въ тяжеломъ, короткомъ снѣ лежали войска нѣмцевъ и русскихъ.

Рано утромъ, на разсвѣтѣ, Гинденбургъ и Людендорфъ покинули свою штабъ-квартиру въ Лобау и направились въ Гильгенбургъ, — мѣстечко на южномъ берегу большого озера Дамерау. Тамъ уже въ продолженіи ночи былъ приготовленъ для нихъ наблюдательный постъ, устроенный на небольшомъ возвышеніи. Откуда можно безпрепятственно наблюдать ходъ сраженія, которое должно было разыграться на фронтѣ корпусовъ Франсуа и Шольца.

Въ тотъ моментъ, когда оба генерала садились въ автомобиль, подошелъ офицеръ и передалъ телеграмму. Франсуа сообщалъ, что Уздау уже взята и «преслѣдованіе непріятеля происходитъ въ направленіи Нейденбурга».

Радостная новость была большого значенія. Понурый и потерявшій увѣренность Людендорфъ не могъ удержаться отъ тріумфальнаго возгласа — «Битва выиграна!»

Выиграна?

Черезъ три четверти часа оба генерала прибыли въ Гильгенбургъ и приникли къ окулярамъ дальномѣра. Зеркала трубы отразили красивый ландшафтъ. Въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ справа рѣченка Велле образовала живописныя извилины, поблескивая въ хаосѣ низенькихъ холмовъ. Дальше, на юго - востокъ, начинались обширные лѣса и слѣва отъ нихъ, гдѣ мѣстность становилась болѣе спокойной, взоръ преграждался цѣпью холмовъ, изъ которыхъ самый высокій, «Высота 220», скрывала Нейденбургъ. Тутъ и тамъ поблескивали въ лучахъ восходящаго солнца серебряныя пространства озеръ. Передъ ними разстилался ландшафтъ, усѣянный рощицами, постепенно карабкающимися вверхъ, вплоть до обширнаго открытаго плато, надъ которымъ доминировала высота 207. Тутъ то и находилось скопленіе домовъ роковой деревушки Уздау.

Видѣть ее, однако, было невозможно. Не изъ-за холмовъ, нѣтъ... «Высота 207», казалась, подлиннымъ вулканомъ, находящимся въ стадіи

изверженія. Земля кипѣла, вершина была окутана непроницаемымъ дымомъ, который медленно подымался къ небу.

И каково же было изумленіе обоихъ генераловъ, когда они установили, что этотъ феноменъ являлся результатомъ дѣйствія ихъ собственной артиллеріи, разставленной гигантскимъ полукругомъ вокругъ высотъ Уздау. Не больше и не меньше, какъ 112 орудій громили позиціи Артамонова. Германская артиллерія дѣйствовала со всей интенсивностью, выбрасывая тысячи и тысячи гранатъ всѣхъ калибровъ, но русскіе не оставались въ долгу и энергично отвѣчали на огонь батарей непріятеля.

— Что же происходило?

Людендорфъ поспѣшилъ къ телефону и потребовалъ спѣшно и немедленно генерала Франсуа къ аппарату. То, что онъ услышалъ, было поразительнымъ. Оказалось, что командиръ первой германской дивизіи заблудился въ предразсвѣтномъ туманѣ и принялъ совершенно незначительную деревушку за Уздау, взялъ ее и поспѣшилъ сообщить о своемъ громадномъ успѣхѣ по всѣмъ телефоннымъ линіямъ.

Нужно было исправлять ошибку. Франсуа, смущенный и яростный, заявилъ, что онъ концентрируетъ большинство своихъ силъ вокругъ настоящей Уздау и что непріятель вскорѣ будетъ одновременно охваченъ и съ востока, и съ сѣвера, и съ сѣверо-востока.

Хватитъ ли для этого удара силъ?

Возможно, но можетъ быть и нѣтъ.

Людендорфъ выдѣляетъ изъ корпуса Шольца 6 батальоновъ пѣхоты, 2 эскадрона и 2 батареи, даетъ этой ударной группѣ названіе бригады Шметтау и приказываетъ генералу того-же имени поддержать лѣвый флангъ группы Франсуа.

Уздау пылала, когда въ 11 час. утра Франсуа началъ генеральное наступленіе. Русскіе, искрошенные ураганнымъ огнемъ 112-орудій, оставили окопы и постепенно отошли на юго-востокъ.

На этотъ разъ «Орѣшекъ» позиціи былъ взятъ, и Франсуа могъ отдать приказъ своей первой дивизіи двинуться на Нейденбургъ.

И въ то время, когда наступленіе корпуса Франсуа удачно развивается, въ то время, какъ его хрипло кричащіе солдаты берутъ Уздау, тотъ же корпусъ оказывается подъ угрозой серьезной опасности, народившейся на флангѣ, — нѣтъ, не только на флангѣ генерала Франсуа, а на картѣ судьбы всей Восточной Пруссіи...

На полѣ битвы появляется неожиданно и внезапно готовящій ударъ правому флангу 8-ой германскій арміи мощный кулакъ новыхъ русскихъ войскъ, до сихъ поръ еще не фигурировавшихъ здѣсь. Съ неописуемымъ порывомъ на Франсуа устремляется отборное войско русскаго царя — гвардія, вѣрнѣе, третья гвардейская дивизія и первая стрѣлковая бригада. Кромѣ того, на Франсуа гикающей волной катится та кавалерійская дивизія, которая уже наканунѣ сѣяла тревогу во всей окрестности. И весь этотъ ураганъ русскихъ гвардейцевъ и кавалеристовъ ударяетъ по флангу Франсуа, опрокидываетъ пятую бригаду ландвера, бросаетъ ее на третью бригаду, не останавливается, бросаетъ третью бригаду на четвертую, перемѣшиваетъ все и вынуждаетъ до сихъ поръ стойкихъ солдатъ Франсуа къ паническому бѣгству.

Возникшій у нѣмцевъ безпорядокъ не замедлилъ превратиться въ панику. Часть пѣхоты удалось задержать только въ окрестностяхъ Хейн-

рихсдорфа, но «нѣкоторыя отступающія части были обнаружены еще болѣе далеко», какъ признаетъ Рейхсархивъ.

Паника распространилась глубоко въ тылъ перваго корпуса. Гинденбургъ послѣ взятія Уздау посѣтилъ наблюдательный пунктъ генерала Шольца у Фрегенау и вернулся въ свою штабъ-квартиру въ Лобау, словно для того, чтобы наблюдать непріятное зрѣлище бѣгущихъ войскъ, которыя запрудили всѣ улицы, устремляясь на западъ.

Генералъ Гофманъ, свидѣтель всего этого, разсказываетъ коротко:

— Въ Лобау мы встрѣтили обозъ перваго корпуса, который, къ нашему большому изумленію, произвелъ поворотъ «налѣво кругомъ» и ринулся къ сѣверу. Изумленный, я спросилъ начальника колонны, нѣкоего капитана Шнейдера, въ чемъ дѣло, и тотъ мнѣ объяснилъ, что получилъ приказъ двигаться на сѣверъ. Возвратившись въ свою канцелярію, я былъ вызванъ по телефону. Говорила станція Монтово. Начальникъ обозной колонны, подвозившей снаряды къ корпусу Франсуа, доложилъ: «Сюда, въ Монтово, прибѣжалъ второй батальонъ 4-го гренадерскаго полка. Онъ находится въ полномъ безпорядкѣ. Командиръ батальона говоритъ, что первый корпусъ совершенно разбитъ а двадцатый отступаетъ. Онъ сказалъ, что могъ спастись отъ катастрофы только путемъ самаго быстраго отступленія». На основаніи этихъ свѣдѣній, начальникъ колонны и приказалъ обозамъ повернуть и двинуться на сѣверъ». Я потребовалъ къ аппарату самого командира батальона и разнесъ его. Я отдалъ ему приказъ повернуть батальонъ и двигаться до тѣхъ поръ, покамѣстъ онъ не встрѣтитъ непріятеля».

Отъ Хейнрихсдорфа до Монтова по крайней мѣрѣ 30 километровъ. Батальонъ гренадеръ обладалъ довольно длинными ногами.

УСИЛІЯ ШОЛЬЦА И ПАССИВНОСТЬ РЕННЕНКАМПФА.

Извѣстіе о страшной опасности доходитъ до генерала Франсуа вскорѣ послѣ полученія имъ сообщенія о взятіи Уздау. Итакъ, всѣ планы генерала оказались опрокинутыми. Больше не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы придерживаться общей директивы Гинденбурга и двигаться дальше на востокъ, на Нейденбургъ, съ цѣлью охватить непріятеля. Русская гвардія нанесла такой сокрушающій ударъ германскому фронту, что, казалось, только чудо можетъ задѣлать ту трещину, которая образовалась въ немъ.

Къ счастью для Франсуа, многочисленныя донесенія, поступившія съ угрожаемаго участка фронта, дали ему возможность составить ясную и полную картину боя, что въ значительной степени облегчало его положеніе. Все, такимъ образомъ, зависѣло только отъ его распорядительности и отъ выдержки войскъ.

Франсуа поэтому прекратилъ натискъ на Артамонова, поспѣшивъ на помощь разгромленнымъ третьей, четвертой и пятой бригадамъ. Впрочемъ, другого выхода ему, въ сущности, и не оставалось. Необходимо было драться, не считаясь ни съ какими стратегическими соображеніями, а руководствуясь исключительно инстинктомъ самосохраненія. Соединившись съ бригадой Шметтау, Франсуа устремляется на гвардію и путемъ страшныхъ жертвъ локализируетъ опасность.

Въ разультатѣ этихъ боевъ командованію корпуса стало ясно, что рухнулъ весь планъ Гинденбурга. Фланговый ударъ, который готовился

имъ въ тылъ русскихъ, совершенно отпалъ. Точно такъ же исчезла надежда, что въ этотъ день удастся добиться рѣшительныхъ успѣховъ и критическая стадія битвы подъ Сольдау окажется позади. Русская гвардія смела не только три бригады, но и поставила подъ угрозу всѣ германскіе планы на восточномъ фронтѣ.

Хуже, однако, было то, что корпусъ Франсуа, до сихъ поръ такой активный, внезапно лишился иниціативы, причемъ всѣ данныя говорили за то, что и въ продолженіи слѣдующаго дня онъ вынужденъ будетъ оперировать не такъ, какъ захочетъ, а такъ, какъ къ тому его принудятъ русскіе.

Людендорфъ съ ужасомъ взиралъ на карту. Не лучше обстояло дѣло и на фронтѣ 20-го корпуса у Шольца. Его правый флангъ вынужденъ былъ затоптаться на мѣстѣ изъ-за неожиданнаго безпорядка, возникшаго на участкѣ его сосѣда, Франсуа. Центръ Шольца, вслѣдствіе невѣроятно упорныхъ атакъ русскихъ частей, едва удерживалъ позиціи и чѣмъ ближе надвигался вечеръ, тѣмъ сильнѣе становился русскій натискъ, тѣмъ потери германцевъ становились все больше, тѣмъ яснѣе вырисовывалась необходимость отступленія. На лѣвомъ флангѣ русскимъ удалось даже зайти въ тылъ и, чтобы избѣжать крушенія всего своего фронта, Шольцъ повернулъ третью резервную дивизію, спѣшно направивъ ее на угрожаемый участокъ сѣвернѣе Мюлена. Но эти подкрѣпленія оказались недостаточными, — Шольцу пришлось вырвать изъ центра и такъ уже колеблющагося фронта еще 37-ю дивизію и бросить ее туда же, чтобы хоть какъ-нибудь сохранить положеніе. Только подъ вечеръ ему съ большими усиліями удалось укрѣпиться, и 41-ая дивизія получила возможность окопаться между Янушкау и Мюлензе. Такимъ образомъ, къ вечеру Шольцъ немного вздохнулъ, и опасность прорыва фронта со стороны русскихъ была имъ ликвидирована.

Въ сравнительно прочномъ положеніи находились германцы на участкѣ фронта Бэлова и Макензена. Эти корпуса готовились вступить на слѣдующее утро въ тяжелый бой съ отступившими частями Благовѣщенскаго.

Въ теченіе дня неожиданно поступили извѣстія, что Благовѣщенскій отступаетъ въ полномъ безпорядкѣ и части его оторвались отъ германцевъ. Настроеніе въ германскихъ войскахъ быстро измѣнилось къ лучшему. Солдаты 176 пѣх. полка были посажены на пулеметныя двуколки, на передки орудій, на крестьянскія подводы и спѣшно брошены для преслѣдованія отступающихъ частей русскаго шестого корпуса. Германская пѣхота шла сверхъ-форсированнымъ маршемъ по дорогамъ, — то шагомъ, то бѣгомъ, — придерживаясь рукой за стремена кавалеристовъ.

И такъ какъ больше не было сомнѣній, что со стороны шестого корпуса сопротивленія ожидать нельзя, то освободился первый резервный корпусъ Бэлова, который можно было теперь отправить въ зону опасныхъ боевъ.

Короче говоря, положеніе германцевъ было, несмотря на отступленіе шестого корпуса, все же весьма опаснымъ и, приблизься въ этотъ моментъ Ренненкампфъ хоть на полъ-перехода, въ штабѣ Гинденбурга возникла-бы паника, и вся германская восьмая армія начала-бы безпорядочно отступать . . .

Но, увы, со стороны Ренненкампфа и въ теченіе этого дня нельзя было ожидать никакихъ крупныхъ наступательныхъ операцій. Развѣдка германцевъ доносила, что Ренненкампфъ лишь очень медленно продвига-

ется впередъ, и его авангарды едва-едва переправились черезъ Алле. Вслѣдствіе этого можно было съ увѣренностью предполагать, что и въ продолженіи слѣдующаго дня Ренненкампфъ не появится въ тылу германскихъ войскъ. Вотанъ берегъ полки Гинденбурга...

САМСОНОВЪ НАДѢЕТСЯ ИСПРАВИТЬ ОШИБКИ ПРЕДЫДУЩИХЪ ДНЕЙ.

Военное счастье, кажется, улыбается мнѣ, — думаетъ въ этотъ день генералъ Самсоновъ. Съ самаго ранняго утра онъ уже на ногахъ. Онъ стоитъ на крыльцѣ дома ландрата и собирается сѣсть въ автомобиль, чтобы ѣхать на фронтъ, непосредственно на передовыя позиціи. Впервые со дня начала войны онъ, наконецъ, можетъ стать во главѣ своей арміи, впервые онъ чувствуетъ себя полководцемъ.

Съ сѣвера доносится громъ канонады, — тамъ, какъ онъ знаетъ, кипитъ битва. И никто, да, никто теперь не можетъ запретить ему наблюдать за развитіемъ событій лично и управлять имъ такъ, какъ онъ это считаетъ нужнымъ.

Одна лишь неотвязчивая мысль тревожитъ генерала: удастся-ли исправить ошибки, которыя были допущены вначалѣ? удастся ли свести расходящіеся вѣеромъ корпуса въ одну мощную линію, которая, какъ мертвая петля, захлестнетъ армію Гинденбурга и задушитъ ее?

Бодрой рысью къ автомобилю подъѣзжаетъ казачій эскортъ. Самсоновъ не можетъ удержаться отъ улыбки при видѣ бравыхъ, быстро отдохнувшихъ казаковъ. Отдавъ честь сотнику, онъ привѣтливо киваетъ ему и занимаетъ мѣсто въ автомобилѣ. Шоферъ уже хочетъ поставить первую скорость, когда у дверцы автомобиля появляется Постовскій. Самсоновъ хмурится. Неужели снова бумаги изъ штаба, который никакъ не хочетъ отказаться отъ вмѣшательства въ операцій? Неужели придется покинуть автомобиль и снова остановиться передъ картами, слѣдить за пальцемъ Постовскаго, который будетъ притрагиваться къ точкамъ, изображающимъ селенія, теребить шнурокъ пенснэ и охлаждать сухими, стратегическими разсужденіями?

Но, къ счастью, въ рукахъ Постовскаго не видно никакихъ бумагъ.

— Вы долго будете въ отсутствіи, ваше превосходительство? — спрашиваетъ Самсонова его начальникъ штаба.

— Не знаю, все зависитъ отъ положенія на фронтѣ. Я поѣду сначала къ Мартосу, гдѣ, кажется, бой принимаетъ серьезный оборотъ.

— Ну, Мартосъ, пожалуй, не будетъ особенно любезнымъ. Онъ, очевидно, раздраженъ рѣшеніями штаба фронта и, какъ экспансивный человѣкъ, несомнѣнно, изольетъ всю свою горечь на васъ.

— Ну, врядъ-ли, — улыбается Самсоновъ. — Мартосъ боевой генералъ и во время сраженія не станетъ заниматься критикой. Для этого, если онъ сочтетъ нужнымъ, найдется время и попозже. До свиданія. Надѣюсь, что вы справитесь со всѣмъ, пока я буду отсутствовать.

Шоферъ даетъ газъ, и автомобиль Самсонова срывается съ мѣста, поднимая пыль, скрывающую казачій эскортъ. Постовскій нѣкоторое время въ задумчивости стоитъ на крыльцѣ и, почесавъ большимъ пальцемъ щеку, медленно поворачивается и входитъ въ домъ.

«Ну, если Самсоновъ думаетъ, что я приму какія-нибудь самостоятельныя рѣшенія, то онъ жестоко ошибается. Мнѣ вовсе не хочется на-

кликать на свою голову опалу Жилинскаго. Безъ совѣта Вялова — ни одного приказа!»

А Самсоновъ тѣмъ временемъ ѣдетъ на сѣверъ и чѣмъ дальше онъ удаляется отъ своего штаба, тѣмъ сильнѣе становится канонада слѣва отъ него. Когда автомобиль проѣзжаетъ Ваплицъ, Самсоновъ приказываетъ шоферу остановиться и, замѣтивъ штабного офицера, подзываетъ его:

— Вамъ извѣстно, гдѣ находится генералъ Мартосъ, капитанъ? — спрашиваетъ онъ.

— Генералъ Мартосъ долженъ быть около Надрау, ваше превосходительство, — отвѣчаетъ офицеръ.

— Благодарю васъ!

Автомобиль снова трогается, но ѣдетъ сначала не въ Надрау, а дальше по шоссе къ Хоенштейну, загибаетъ, не доѣзжая его, у Паульсгута, на востокъ, несясь къ имѣнію Кунхенгутъ.

Самсоновъ уже издали замѣтилъ большое возвышеніе, отмѣченное на картѣ, какъ «Высота 195». Достигнувъ подошвы холма, онъ покидаетъ автомобиль, садится на лошадь и во главѣ казаковъ въѣзжаетъ на вершину. Видъ съ холма, дѣйствительно, превосходный. Самсоновъ можетъ окинуть взоромъ мѣстность до самаго Мюлена и Клейнъ-Петцдорфа. Съ «Высоты 195» онъ впервые видитъ дѣйствительный бой, — видитъ, какъ его солдаты наступаютъ, наблюдаетъ, какъ нѣмцы очищаютъ одну позицію за другой...

А внизу, у основанія холма, кипитъ оживленіе. Войска спѣшатъ на фронтъ, съ грохотомъ тянется артиллерія, на рысяхъ идутъ кавалерійскіе отряды, медленно, въ тылъ, тянутся рѣдкія цѣпочки раненыхъ, — типичная картина большого боя.

Рядомъ съ холмомъ гремятъ батареи. Самсоновъ съ удовольствіемъ наблюдаетъ за дѣйствіемъ огня, замѣчаетъ ту точность, съ которой ложатся снаряды, и, оторвавшись отъ окуляровъ дальномѣра, спускается, чтобы лично поблагодарить командира за прекрасную работу артиллеристовъ. Затѣмъ онъ вновь поднимается на наблюдательный пунктъ и углубляется въ изученіе складывающейся обстановки.

*

Неподалеку отъ Надрау, на другомъ холмѣ, устроилъ свой наблюдательный пунктъ командиръ 15-го корпуса Мартосъ. Онъ съ той же внимательностью, какъ и Самсоновъ, слѣдитъ за развивающимся боемъ, но настроеніе у него другое, слегка злорадное. «Я былъ правъ, — думаетъ генералъ. — Пока штабъ фронта разсуждалъ о германскихъ войскахъ, угрожающихъ съ сѣвера, я наткнулся на нихъ именно на западѣ. Хотѣлъ-бы я сейчасъ поговорить съ Жилинскимъ, спросить его, что скажетъ онъ на эту картину!»

Мартосъ озабоченъ. Ему ясно, что находящійся противъ него непріятель значительно сильнѣе, чѣмъ его корпусъ, и что справиться съ нимъ будетъ очень трудно. Внимательно свѣряя съ картой поступающія донесенія и разглядывая мѣстность въ дальномѣръ, онъ неожиданно открываетъ весьма важное обстоятельство, — возможность нанести нѣмцамъ смертельный ударъ. Да, правда: противъ него стоитъ цѣлый корпусъ, но корпусъ изолированный, и если присмотрѣться къ его лѣвому флангу, то тамъ можно использовать средство, способное опрокинуть грознаго непріятеля.

Мартосъ правъ. Лѣвое крыло германскаго корпуса, дѣйствительно,

болтается въ воздухѣ. Если теперь удастся получить значительныя подкрѣпленія и бросить ихъ противъ этого крыла, тогда побѣда обезпечена, тогда будетъ использованъ шансъ, который рѣдко представляется въ обстановкѣ разыгравшагося сраженія.

Дѣйствовать надо быстро. У ногъ Мартоса стоитъ ящикъ полевого телефона.

— Вызовите Нейденбургъ, — приказываетъ онъ телефонисту.

И пока телефонистъ добивается соединенія, Мартосъ съ плохо скрытымъ злорадствомъ потираетъ руки, думая, какъ вскорѣ скажетъ въ трубку: «А кто оказался правъ, господа? Штабъ фронта или мы?» и какъ затѣмъ укажетъ, что изъ-за этой ошибки его корпусъ оказывается слишкомъ слабымъ для того, чтобы произвести ударъ во флангъ непріятеля и уничтожить его на мѣстѣ.

Соединеніе вскорѣ получено. Мартосъ беретъ трубку, — на другомъ концѣ провода — Постовскій.

— Будьте добры позвать къ аппарату командующаго арміей, — проситъ Мартосъ.

— Развѣ его превосходительство не у васъ? — спрашиваетъ Постовскій.

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ предлагаю вамъ поискать его гдѣ-нибудь поблизости отъ вашей стоянки.

Тонъ Постовскаго спокойный, даже равнодушный. Это взрываетъ Мартоса и заставляетъ его раскричаться.

— У меня нѣтъ времени, ваше превосходительство, чтобы въ самый рѣшительный моментъ сраженія гонять свои войска на поиски командующаго. Передо мной стоитъ другая задача, а именно — разбить непріятеля на голову, для чего представляется подходящій случай.

Постовскій, который по свойствамъ своего характера тоже не отличается сдержанностью, рѣзко обрываетъ Мартоса:

— Коротко говоря, — чѣмъ могу служить?

Мартосъ, овладѣвъ собой, мѣняетъ тонъ и, хоть неискренне, но доброжелательно объясняетъ начальнику штаба арміи открывающіеся шансы. Онъ проситъ немедленно распорядиться, чтобы корпусъ Клюева цѣликомъ и незамедлительно покинулъ Алленштейнъ, гдѣ онъ топчется совершенно безсмысленно, и форсированнымъ маршемъ двинулся на Хоэнштейнъ, съ тѣмъ, чтобы обрушиться на германскій флангъ.

— Подождите немного, — предлагаетъ Постовскій.

Въ трубкѣ слышно, какъ въ оперативной штаба арміи раздаются сначала шаги, затѣмъ гулкіе,неразборчивые голоса. Мартосъ представляетъ себѣ, какъ Постовскій подходитъ къ картѣ и за отсутствіемъ Самсонова, конечно, совѣщается съ Вяловымъ.

Такъ оно и происходитъ въ дѣйствительности. Постовскій, поправивъ пенснэ, нагибается надъ картой и объясняетъ Вялову, что требуетъ Мартосъ. Вяловъ пожимаетъ плечами.

— Мартосъ опять видитъ призраки, — саркастически говоритъ онъ. — Навѣрно, наткнулся на какія-нибудь слабыя германскія силы и теперь хочетъ во что бы то ни стало добиться мѣстнаго успѣха. Послать ему на помощь цѣлый корпусъ? Нѣтъ, ваше превосходительство, я на вашемъ мѣстѣ этого бы не дѣлалъ. Бригаду? — Пожалуй. Но корпусъ... Нѣтъ, нѣтъ.

Постовскій возвращается къ телефону и говоритъ:

— Нѣтъ, ваше превосходительство, вашу просьбу исполнить невозможно. Я не хотѣлъ-бы нарушать директиву, согласно которой Клюевъ движется на Алленштейнъ. Эту иниціативу, какъ вамъ должно быть извѣстно, мы очень цѣнимъ и...

— Что?... — кричитъ въ другомъ концѣ провода Мартосъ. — Повторите это еще разъ, ваше превосходительство! Я хочу запомнить ваши слова!

Теперь взрывается и Постовскій. Онъ теряетъ всякое самообладаніе. Недаромъ въ кругахъ варшавскаго гарнизона его окрестили кличкой «Сумасшедшій Мулла». Постовскій буквально бѣснуется и кричитъ, спрашивая, что думаетъ, въ концѣ концовъ, генералъ Мартосъ, — не представляетъ ли онъ себѣ, что вся война устроена иключительно для того, чтобы онъ имѣлъ постоянно возможности вмѣшиваться своими безсмысленными требованіями въ ходъ операцій, такъ тщательно разработанныхъ верховнымъ командованіемъ.

— Это ужъ слишкомъ, ваше превосходительство! — кричитъ Постовскій. — Все, что я могу сдѣлать, это — отдать приказаніе корпусу Клюева выдѣлить для содѣйствія вамъ бригаду.

— Бригаду?

— Да, цѣлую бригаду, только бригаду.

Когда телефонная трубка опускается на аппаратъ, покраснѣвшій Постовскій проводитъ платкомъ по лбу, поглядывая при этомъ немного испуганно на Вялова. Послѣдній говоритъ:

— Вы были великолѣпны, ваше превосходительство. Надо признаться, что для командованія арміи ваше присутствіе въ этотъ моментъ является счастьемъ. Вы уже сумѣете поговорить съ упрямыми господами!

Мартосъ, въ свою очередь, блѣдный отъ негодованія, думаетъ иначе: «Постовскій, видно, трясется отъ страха передъ ореоломъ Жилинскаго. Свинство. Неужели меня хотятъ вынудить къ дѣйствіямъ, идущимъ вразрѣзъ съ желаніями моихъ высшихъ командировъ для того, чтобы можно было-бы добиться успѣха? Неужели я долженъ дѣйствительно своевольничать?»

Послѣ нѣкотораго раздумья онъ рѣшаетъ отправить радіограмму Клюеву и проситъ его оказать помощь всѣмъ корпусомъ. Эта радіограмма порождаетъ страхъ среди офицеровъ штаба Мартоса. Генерала начинаютъ уговаривать аннулировать отосланную просьбу о помощи, указывая ему на ту опасность, которая возникнетъ въ томъ случаѣ, если измѣненіе направленія марша Клюева скажется катастрофически на дѣйствіяхъ арміи.

Военный судъ!.. — думаетъ Мартосъ. — Ну, пусть будетъ военный судъ! Пусть я сломаю себѣ шею, но зато тотъ нѣмецкій корпусъ, который стоитъ передо мной, больше не будетъ существовать!

Онъ отмахивается отъ офицеровъ, но продиктованныя испугомъ указанія становятся все настойчивѣе, — штабъ не желаетъ нарушать дисциплину.

И неизбѣжное случается. Черезъ полчаса Мартосъ шлетъ новую радіограмму Клюеву, въ которой сообщаетъ, что штабъ арміи, къ сожалѣнію, не соглашается на посылку подкрѣпленія въ видѣ цѣлаго корпуса,

не разрѣшаетъ использовать для предложенной операціи одну бригаду. Мартосъ проситъ при этомъ Клюева, чтобы посылка подкрѣпленій произошла по возможности быстро.

ЗАБЛУЖДЕНІЕ КЛЮЕВА.

Авангарды 13-го корпуса подходили къ Алленштейну безъ сопротивленія непріятеля, но командиръ его, Клюевъ съ утра находился въ озабоченномъ настроеніи. Развѣдка донесла, что не только въ Алленштейнѣ нѣтъ непріятеля, но что и во всей окрестности не замѣчено никакого слѣда его. Прислушиваясь къ канонадѣ, накатывающейся съ юга, Клюевъ думалъ: «Наконецъ-то выяснилось, что я и мой товарищъ Мартосъ были правы! Непріятель, дѣйствительно, находится на западѣ. Стоитъ-ли мнѣ задерживаться въ Алленштейнѣ и не лучше-ли повернуть, чтобы оказать Мартосу помощь? Отъ штаба арміи все равно, вѣдь, нѣтъ никакихъ оріентировочныхъ указаній...»

Но Клюевъ все-таки медлитъ, желая выждать, — какого-либо распоряженія, могущаго измѣнить прежде отданную директиву. Предусмотрительность генерала оказывается не напрасной, потому что вскорѣ ему передаютъ телеграмму Мартоса, въ которой тотъ сообщаетъ, что его корпусъ ведетъ тяжелый бой и проситъ помощи со стороны корпуса Клюева.

Генералъ готовъ уже отдать соотвѣтствующее распоряженіе, но новая мысль заставляетъ его нахмуриться. Онъ не знаетъ, что творится справа отъ его корпуса, что дѣлаетъ шестой корпусъ, Благовѣщенскаго. Можетъ статься, что этотъ корпусъ тоже ведетъ бой и можетъ быть впослѣдствіи окажется, что помощь его корпуса значительно болѣе важна для изолированно идущаго Благовѣщенскаго, нежели для Мартоса. Тѣмъ не менѣе, полученная телеграмма склоняетъ его къ тому, чтобы оказать помощь Мартосу.

Вскорѣ послѣ того, какъ соотвѣтствующіе приказы были уже разосланы, прибыла новая телеграмма, сообщающая, что штабъ арміи приказываетъ Клюеву выдѣлить для помощи Мартосу одну бригаду.

Быстро отмѣнивъ отданные приказы, Клюевъ приказалъ выдѣленной бригадѣ немедленно повернуть и форсированнымъ маршемъ двинуться на гулъ канонады.

Пополудни, когда Клюевъ, занявъ Алленштейнъ, сидѣлъ въ оперативной своей новой штабъ-квартиры, туда явились два летчика, молодые и сильно взволнованные. Клюевъ подводитъ ихъ къ столу, на которомъ наколоты карты, но летчики вынимаютъ свои карты и докладываютъ, что они поднялись въ 12 часовъ дня для того, чтобы изслѣдовать мѣстность между корпусомъ Клюева и корпусомъ Благовѣщенскаго. Отданный командиромъ авіоотряда приказъ они, однако, не исполнили до конца, потому что уже на полдорогѣ между Алленштейномъ и Бишофсбургомъ обнаружили на шоссе двѣ непріятельскія дивизіи, которыя быстро подвигались къ Аллейнштейну.

— Этого не можетъ быть! Вы, навѣрное, ошиблись, господа! — покачивая головой, говоритъ Клюевъ. — Я не сомнѣваюсь, что замѣченныя вами колонны являются частями корпуса Благовѣщенскаго.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, — противорѣчатъ поручики. — Мы убѣждены, что это не Благовѣщенскій, а нѣмцы.

— Не могу этому повѣрить, — попрежнему покачиваетъ головой

Клюевъ. — Какъ могутъ оказаться нѣмцы тамъ, гдѣ долженъ находиться Благовѣщенскій? Какъ могутъ они идти спокойно по мѣстности, занятой нашимъ шестымъ корпусомъ? Вѣдь если бы нѣмцы были тамъ, то вы, несомнѣнно, были-бы свидѣтелями сильнаго боя, а, согласно вашимъ показаніямъ, никакого боя въ этомъ районѣ нѣтъ, и колонны спокойно движутся на городъ. Ясно, что Благовѣщенскій, не встрѣчая сопротивленія, какъ и я, приближается къ указанному ему директивой пункту и вскорѣ состоится соединеніе нашихъ корпусовъ.

— И тѣмъ не менѣе, ваше превосходительство, мы всетаки настаиваемъ на томъ, что видѣли германскія колонны.

— Хорошо. Не будемъ спорить. Вы подымитесь снова и попытаетесь провѣрить ваши наблюденія. Въ случаѣ, если я окажусь правъ и замѣченныя вами колонны будутъ русскими, вы спуститесь и передадите генералу Благовѣщенскому письмо, въ которомъ я вкратцѣ изложу существующую обстановку. Если же это будутъ нѣмцы, вы, конечно, поспѣшите обратно.

Съ этими словами, Клюевъ присаживается и пишетъ Благовѣщенскому короткое письмо. Въ немъ, во избѣжаніе недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть при наступленіи темноты и повлечь за собой перестрѣлку между его корпусомъ и войсками Благовѣщенскаго, онъ указываетъ, что уже занялъ Алленштейнъ, но не знаетъ, сколько времени будетъ въ этомъ городѣ оставаться, такъ какъ не получаетъ директивъ отъ штаба арміи. Запечатавъ конвертъ и передавая письмо летчикамъ, Клюевъ прибавляетъ:

— Итакъ, вы передадите это письмо только въ томъ случаѣ, если никакихъ сомнѣній не будетъ, что движущіяся на Алленштейнъ колонны представляютъ собой русскія войска. При поломкѣ аппарата, или при малѣйшемъ колебаніи, вы это письмо уничтожите. Не думайте, что я, со своей стороны, не приму мѣръ къ выясненію принадлежности обнаруженныхъ вами колоннъ! Конная развѣдка будетъ немедленно выслана въ указанномъ вами направленіи.

Летчики отдаютъ честь, и короткое время спустя маленькій аэропланъ уносится въ сторону Бишофсбурга. Увы, съ этого момента летчики больше не имѣютъ возможности сообщить Клюеву о своихъ наблюденіяхъ. Едва только аэропланъ появляется надъ Вартенбургомъ, занятымъ войсками дивизіи Белова, какъ германскіе солдаты открываютъ сумасшедшую стрѣльбу по низко летящему аппарату. Со всѣхъ крышъ, со всѣхъ улицъ гремятъ выстрѣлы въ продолженіе пяти минутъ, и невѣроятное количество патроновъ оказывается выпущеннымъ въ воздухъ.

Но не напрасно!

Одна изъ тысячъ пуль пробиваетъ бензиновый бакъ аэроплана, и летчики вынуждены спуститься. Письмо они уничтожили, но оказались въ плѣну. Самоотверженные и храбрые, они отказались дать какія-либо свѣдѣнія о происходящемъ на русской сторонѣ.

Вечеромъ, когда Клюевъ сидѣлъ за ужиномъ, въ Алленштейнъ прискакалъ кавалерійскій разъѣздъ, высланный для опредѣленія принадлежности маршируюіцихъ колоннъ.

— Это нѣмцы, ваше превосходительство! — доложилъ начальникъ разъѣзда. — Мы были сильно обстрѣляны ими.

МАРТОСЪ РВЕТЪ И МЕЧЕТЪ.

Вскорѣ пополудни выдѣленная Клюевымъ для помощи Мартосу бригада прибываетъ въ Хоэнштейнъ. Командиръ бригады снабженъ предписаніемъ продвинуться черезъ Люттенвальде на Рейхенау, развернуть тамъ свои полки и начать наступленіе въ южномъ направленіи.

Увы, предписаніе осталось предписаніемъ... Бригада, очутившись въ лѣсахъ, заблудилась, и Мартосъ только по сильному артиллерійскому гулу, внезапно возникшему справа отъ него, могъ предположить, что части Клюева блуждаютъ гдѣ-то по сосѣдству и, можетъ быть, уже вступили въ бой.

Гдѣ бригада?

До вечера Мартосу не удается выяснить этого вопроса. Не было сомнѣнія въ одномъ: бригадные дозоры напоролись на нѣмцевъ, были жестоко обстрѣляны и вновь скрылись въ чащѣ лѣсовъ. Теперь, какъ это было очевидно, вспугнутые германцы сами нащупываютъ бригаду, посылая въ лѣсъ сотни снарядовъ, обстрѣливая мѣстность по площадямъ, въ надеждѣ, что не одна, такъ другая граната вслѣпую разорвется среди гущи русскихъ войскъ.

Шольцъ дѣйствительно нервничалъ. Онъ понялъ, что флангу его грозитъ новая опасность, но онъ, такъ же какъ и Мартосъ, не зналъ, гдѣ эта опасность находится и какова численность ея. Позже, когда уже трагедія на участкѣ Мартоса закончилась, выяснилось, что бригада заблудилась такъ, что послѣ нѣсколькихъ часовъ переходовъ по лѣснымъ дорогамъ вышла опять на Хоэнштейнъ...

▪

Солнце склоняется къ зениту, когда Мартоса просятъ къ телефону. Вызовъ отъ Постовскаго.

То, что слышитъ Мартосъ, заставляетъ его безсильно опустить трубку, поднять глаза къ небу и отпустить соленое слово.

Начальникъ штаба Мартоса, генералъ Мачуговскій, спрашиваетъ:

— Что случилось, ваше превосходительство?

Мартосъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ! Это уже верхъ безумія!

— Въ чемъ же дѣло?

Мартосъ кладетъ руку на плечо Мачуговскаго и тихо говоритъ:

— Представьте, что Постовскій приказываетъ мнѣ на разсвѣтѣ двинуться... ну, какъ бы вы думали, куда? На Алленштейнъ!

— Этого не можетъ быть!

— Убѣдитесь сами.

Мачуговскій беретъ трубку и проситъ Постовскаго повторить отданный приказъ, потому что Мартосъ, якобы, не разобралъ его. Услышавъ въ точности, что сообщилъ ему Постовскій, Мачуговскій возвращаетъ трубку Мартосу и, потрясенный, произноситъ:

— Дѣйствительно! Постовскій, кажется, сошелъ съ ума!...

Теперь говоритъ по телефону Мартосъ.

Его голосъ рѣзокъ, ирониченъ, онъ рѣшаетъ противопоставить судьбѣ свою силу и волю:

— Ваше превосходительство, — начинаетъ онъ, закипая. — Не можетъ быть, чтобы вы это говорили серьезно. Не могу же я оставить сильнаго непріятеля и побѣжать въ Алленштейнъ! Если вы настаиваете на вашемъ приказѣ, то я попрошу васъ отдать другой, нѣмцамъ, чтобы тѣ

были такъ любезны позволить мнѣ отправиться въ указанный вами пунктъ. Чертъ возьми! Если я послушаюсь вашего приказа, то нѣмцы настигнутъ меня, ударятъ съ тыла, свернутъ мой корпусъ, какъ рулетъ, разобьютъ его по полкамъ, по ротамъ, потому что я буду плестись длинной колбасой, которая не можетъ ни стрѣлять, ни разворачиваться.

Голосъ Постовскаго:

— Потрудитесь . . .

Мартосъ:

— Нѣтъ, потрудитесь теперь вы, ваше превосходительство, выслушать, что я вамъ говорю! Поступать надо наоборотъ! Не я долженъ спѣшить къ Клюеву, а Клюевъ долженъ спѣшить сюда, чтобы общими силами разбить моего противника. Тогда наша армія получитъ два свободныхъ корпуса, которымъ вы сможете распоряжаться какъ захотите. Раньше же, — ни одинъ мой солдатъ не тронется съ мѣста!

— Генералъ Мартосъ, вы забываетесь!

— Я настаиваю на своихъ послѣднихъ словахъ!

Наступаетъ пауза. Мартосъ ждетъ, что Постовскій отвѣтитъ ураганомъ бранныхъ словъ, но вмѣсто этого воспринимаетъ въ трубку какое-то перешептываніе. Ясно. — Постовскій совѣщается съ его porte malheur'омъ Вяловымъ. Наконецъ Постовскій повышаетъ голосъ и повелительно говоритъ:

— Мое распоряженіе остается въ силѣ. Въ соотвѣтствіи съ директивой штаба фронта пятнадцатый корпусъ завтра на разсвѣтѣ движется на Алленштейнъ.

Это ужъ слишкомъ для Мартоса. Онъ рветъ и мечетъ, говоритъ, что подобный приказъ можетъ отдать только пьяный батальонный писарь, или самоубійца, — кто угодно, но только не начальникъ штаба арміи.

Постовскій, крѣпясь, выслушиваетъ брань Мартоса и повторяетъ ледянымъ тономъ, который хуже всякаго оскорбленія:

— И все-таки вы отправитесь въ Алленштейнъ.

Пауза. Мартосъ внезапно становится блѣднымъ, какъ мертвецъ, рука его, держащая трубку, вздрагиваетъ, черты лица принимаютъ маску спокойствія и онъ говоритъ:

— Въ такомъ случаѣ, ваше превосходительство, прошу васъ отрѣшить меня отъ командованія. Мнѣ и въ голову не прійдетъ повторить приказъ, который я не могу назвать иначе, какъ чепухой. Я отказываюсь. Понимаете? Отказываюсь! Заявляю объ этомъ официально. Смѣстите меня, отдайте подъ судъ, но я вашего приказа не исполню!

Постовскій, очевидно, пугается. Голосъ его становится успокаивающимъ, онъ вкладываетъ въ него мягкія нотки, пытается прервать потокъ словъ возмущеннаго Мартоса, и, когда наступаетъ короткій моментъ молчанія, говоритъ:

— Хорошо, ваше превосходительство. Когда вернется генералъ Самсоновъ, я доложу ему о вашемъ заявленіи. Черезъ часъ, примѣрно, я сообщу вамъ отвѣтъ командующаго арміей....

ПОСЛѢДНІЙ ПРОБЛЕСКЪ НАДЕЖДЫ.

Генералъ Самсоновъ возвращается съ передовыхъ позицій въ прекрасномъ настроеніи, освѣженный, обожженный солнцемъ. То, что онъ видѣлъ на фронтѣ корпуса генерала Мартоса, заставляетъ его восхи-

щаться доблестью и выдержкой русскихъ войскъ и надѣяться, что и на участкахъ другихъ корпусовъ наблюдается та же отрадная картина.

Увы, генералъ не знаетъ, что творится въ корпусѣ Благовѣщенскаго, не знаетъ, что Артамоновъ, обезкураженный утратой позицій у Уздау, уже теряетъ голову, — начинаетъ быстро отступать, не давая при этомъ никакихъ свѣдѣній относительно истиннаго расположенія своихъ войскъ.

Быстрыми шагами Самсоновъ входитъ въ оперативную, срывая съ головы фуражку и бросая ее на столъ. Голосъ его увѣренъ, глаза блестятъ. Потирая руки, онъ подходитъ къ Постовскому и спрашиваетъ:

— Ну, каково общее положеніе? Какіе приказы мы можемъ приготовить на слѣдующій день?

— Свѣдѣнія изъ шестого и перваго корпусовъ не поступили, тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что они могутъ продолжать операцію, согласно первоначальной директивѣ, — отвѣчаетъ Постовскій.

— Да. Пусть корпусъ Благовѣщенскаго вмѣстѣ съ четвертой кавалерійской дивизіей двинется на Пассенгеймъ, окопается тамъ и сдѣлаетъ попытку держаться во что бы то ни стало. Корпусъ Артамонова обязанъ удержать Сольдау, двадцать третій корпусъ временно останется на мѣстѣ, сдерживая непріятеля, движущагося на Франкенау, а корпусъ Клюева пусть немедленно спѣшитъ на соединеніе съ корпусомъ Мартоса. Я подчиняю его Мартосу, который такъ успѣшно дѣйствуетъ, и пусть оба корпуса атакуютъ въ направленіи Хоенштейнъ — Гильгенбургъ — Лаутенбургъ съ тѣмъ, чтобы охватить непріятеля съ сѣвера и разрушить его соединеніе съ тыломъ.

На лицѣ Постовскаго отражается замѣшательство.

— Въ чемъ дѣло? — спрашиваетъ Самсоновъ.

— Гм... Вы хотите подчинить Клюева Мартосу? А знаете ли, ваше превосходительство, что генералъ Мартосъ отказывается исполнять приказы, которые я отдалъ ему во время вашего отсутствія?

— Не можетъ быть! — изумленно восклицаетъ Самсоновъ. — Что же за приказы отдали вы?

Постовскій, нервничая, поправляетъ пенснэ, склоняется надъ картой, какъ бы внимательно изучая ее и бормочетъ, не смотря на Самсонова.

— Въ соотвѣтствіи съ общей директивой штаба фронта я отдалъ Мартосу приказъ прекратить безсмысленную перепалку съ какими-то незначительными силами и двинуться завтра на разсвѣтѣ на Алленштейнъ. На это Мартосъ заявилъ мнѣ, что отказывается исполнить приказъ и проситъ освободить его отъ командованія корпусомъ.

— Да вы съ ума сошли! — хлопаетъ рукой по столу Самсоновъ. — Не можетъ быть, что бы вы отдали подобный приказъ!

Вмѣшивается Вяловъ:

— Ваше превосходительство, вы должны обратить вниманіе на слѣдующее: очевидно, генералъ Мартосъ ведетъ бой съ слабыми германскими силами, прибывшими на театръ военныхъ дѣйствій изъ крѣпости Торнъ. Штабъ фронта думаетъ, что это лишь демонстрація, проводимая Гинденбургомъ съ цѣлью ввести насъ въ заблужденіе. Передъ Мартосомъ ни въ коемъ случаѣ не могутъ стоять крупныя силы. По мнѣнію командующаго фронта, главныя силы непріятеля находятся на сѣверѣ.

— На сѣверѣ? Опять на сѣверѣ? — Самсоновъ теряетъ всякое самообладаніе. Онъ начинаетъ быстро прохаживаться по комнатѣ, громко

звеня шпорами, то закладывая руки за спину, то потирая ихъ. — На сѣверѣ? — повторяетъ онъ. — Боже мой, когда же штабъ фронта прозрѣетъ? Я только что вернулся съ участка Мартоса и собственными глазами видѣлъ, что онъ дерется съ большими, очень большими, можетъ быть, даже превосходными силами противника. Клюевъ долженъ немедленно спѣшить къ нему, и тогда побѣда на этомъ участкѣ фронта обезпечена.

— Мы отдали уже соотвѣтствующее распоряженіе... — говоритъ Постовскій.

— Какое?

— Мы выдѣлили для помощи Мартосу одну бригаду корпуса Клюева, которая, теперь, повидимому, уже достигла новаго мѣста назначенія.

— Почему только одну бригаду? Почему полумѣры, когда Алленштейнъ никѣмъ не защищается и никто Алленштейну не угрожаетъ?

Постовскій снимаетъ пенснэ и прячетъ его въ грудной карманъ тужурки:

— Я долженъ объяснить вамъ, ваше превосходительство, что союзники считаютъ весьма важнымъ моральное потрясеніе населенія восточной Пруссіи. Алленштейнъ, — городъ, насчитывающій около 40.000 жителей. Приближеніе нашихъ войскъ вспугнуло ихъ, и населеніе бѣжитъ теперь къ Берлину, сѣя панику и отчаянные слухи. Подумайте только, ваше превосходительство, — чуть ли не три четверти бѣжало! Слѣдовательно, около 30.000 испуганныхъ людей разсказываютъ всякіе ужасы, вселяя страхъ и недовѣріе въ души населенія Западной Пруссіи, порождая тамъ панику, внося дезорганизацію въ дѣйствія германскаго командованія, германскихъ гражданскихъ властей.

— Мнѣ это ясно, — соглашается Самсоновъ, — я знаю даже больше, что при появленіи авангарда Клюева жители Алленштейна бѣжали въ такой поспѣшности, что въ нѣкоторыхъ домахъ горѣлъ еще огонь въ плитахъ, а на сковородкахъ подгорала яичница. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что населеніе покинуло городъ за пять минутъ до появленія нашихъ солдатъ. Но этимъ, по моему, цѣль достигнута, и я не вижу абсолютно никакихъ причинъ къ тому, чтобы цѣпляться за Алленштейнъ, интересующій насъ только, какъ складъ запасовъ продовольствія. Объясните мнѣ, почему штабъ фронта настаиваетъ такъ упорно на концентраціи въ Алленштейнѣ столь крупныхъ силъ?

Постовскій вынужденъ развести руками. Онъ не можетъ дать яснаго, исчерпывающаго отвѣта на логичный вопросъ Самсонова. Переглянувшись съ Вяловымъ, онъ, понизивъ голосъ, говоритъ:

— Какъ вамъ извѣстно, ваше превосходительство, въ Волковыскѣ въ настоящее время находится великій князь. Онъ поспѣшилъ туда по полученіи отчаянныхъ телеграммъ, поступившихъ въ Барановичи отъ Палеолога, Бьюкенена, отъ Грея изъ Лондона и отъ Извольскаго изъ Парижа. Наступленіе германцевъ на западномъ фронтѣ развивается со стремительной быстротой. Еще недѣля, и армія Клука окажется передъ воротами Парижа. Положеніе столицы Франціи отчаянное. Французское правительство потеряло голову, Парижъ эвакуируется, изъ него уже вывезены запасы государственнаго банка, населеніе бѣжитъ, главныя силы фронта отрываются отъ арміи, которая должна защищать Парижъ. Образовывается разрывъ, — Франція наканунѣ гибели. Мы должны спасти ее, — это первопричина всѣхъ приказаній великаго князя.

Самсоновъ достаетъ носовой платокъ и вытираетъ выступившій на лбу потъ.

— Хорошо... Все это очень хорошо. Я понимаю и нисколько не протестую противъ того, что нашъ долгъ — спасти Францію. Но надо же принять во вниманіе тѣ жертвы, съ которыми все это дѣлается. Ихъ, полагаю, можно уменьшить. Мои солдаты голодны, нѣкоторые полки пять дней не получали горячей пищи, потери ужасны. Я своими глазами видѣлъ поля, усѣянныя трупами. Лучшіе полки государя гибнутъ какъ спѣлая рожь, срѣзаемая серпомъ. Мы пропитали своей кровью поля Восточной Пруссіи. Нельзя же упрямо переть туда, куда ведетъ разъ намѣченная дорога. Надо же сообразоваться съ обстоятельствами, а обстоятельства говорятъ за то, чтобы Алленштейнъ былъ оставленъ въ сторонѣ, и чтобы корпусъ Мартоса добился рѣшительнаго успѣха, который можетъ быть осуществленъ уже черезъ нѣсколько часовъ! Подумайте: армію, расходившуюся до сихъ поръ вѣеромъ, я стремлюсь свести въ непрерывную линію фронта, которая постепенно охватитъ всю германскую восьмую армію съ сѣвера и потопитъ ее въ озерахъ и трясинахъ. Вамъ вѣдь самимъ извѣстно, что тридцать два поѣзда, биткомъ набитыхъ германской пѣхотой и артиллеріей, несутся на нашъ фронтъ съ западнаго, откуда ихъ снялъ перепуганный Мольтке, что кромѣ того изъ Шлезвига двинуты 2 бригады ландштурма. Наша цѣль достигнута. Германское верховное командованіе въ Кобленцѣ уже растерялось и перебрасываетъ сюда 80.000 прекрасныхъ войскъ, не считая кавалеріи. Германскій фронтъ, угрожавшій Парижу, получаетъ брешь. Развѣ этого не достаточно?

— Но, ваше превосходительство, — вставляетъ Вяловъ, — если передъ фронтомъ Мартоса стоятъ дѣйствительно слабыя силы непріятеля, то развѣ можетъ случиться что-нибудь ужасное, если мы будемъ игнорировать ихъ и послушно исполнимъ директивы штаба фронта?

— Бросьте говорить ерунду, полковникъ! — Въ раздраженіи обрѣзаетъ Вялова Самсоновъ. — У васъ можетъ быть имѣются и связи, и вліяніе въ штабѣ фронта, но на этотъ разъ я говорю вамъ прямо и безъ обиняковъ: перестаньте думать мозгами Жилинскаго. Надѣюсь, что вы повѣрите мнѣ, если я скажу, — ибо кое-что я понимаю въ веденіи войны, — что по силѣ артиллерійскаго огня я умѣю опредѣлить приблизительныя силы противника. Я слышалъ канонаду въ расположеніи корпуса Мартоса, и поэтому заявляю вамъ: передъ нимъ стоитъ противникъ сильный!

И Самсоновъ, отбросивъ всякія опасенія по отношенію къ Вялову и, слѣдовательно, штабу фронта, описываетъ бой, происходящій на участкѣ Мартоса. Его слова отрывисты и повелительны. Его доказательства неопровержимы. Его прогнозы убѣдительны. Постовскій и Вяловъ внезапно начинаютъ прозрѣвать и понимать, что происходитъ на западѣ, и острая мысль, какъ молнія, пронизаетъ ихъ мозгъ: Боже мой! Куда же, въ концѣ концовъ, хочетъ послать насъ Жилинскій? Непріятель угрожаетъ нашему флангу, и если Мартосъ, дѣйствительно, исполнитъ приказъ, недавно переданный по телефону, и двинется на Алленштейнъ, то... то....

Изливъ всю желчь, накопившуюся въ теченіе послѣднихъ дней, Самсоновъ становится спокойнымъ. Онъ не скрываетъ радости, что впервые съ начала кампаніи его мысли едины съ мыслями сотрудниковъ штаба; онъ счастливъ, что бой, который ведетъ корпусъ Мартоса, наконецъ выяснилъ силы и намѣренія непріятеля. Предложенія, высказанныя имъ

въ началѣ разговора, излагаются на бумагѣ въ видѣ приказовъ и разсылаются по частямъ. И Самсоновъ, и Постовскій, и Вяловъ оперируютъ всѣми корпусами, какъ если бы они дѣйствительно имѣлись налицо, потому что, какъ было уже указано, ни одинъ изъ трехъ не зналъ, какая участь постигла Благовѣщенскаго и какая участь ждетъ Артамонова.

— А какъ же поступить съ распоряженіемъ, полученнымъ изъ штаба фронта относительно продвиженія Мартоса на Алленштейнъ? — спрашиваетъ Постовскій. — Надо же найти какой-нибудь выходъ изъ положенія.

— До разсвѣта еще далеко, — говоритъ Самсоновъ. — Посмотримъ, какой результатъ будутъ имѣть отданные приказы. Если задуманная мною операція будетъ развиваться удачно, мы всѣ втроемъ навалимся со всей энергіей на Жилинскаго и не остановимся ни передъ чѣмъ. И если тамъ, наверху, не сидятъ предатели, мы добьемся своего, добьемся побѣды и спасемъ не только Парижъ, но и самихъ себя.

Постовскій и Вяловъ поддакиваютъ. Полное единодушіе царитъ между ними и командующимъ арміей.

Послѣ этого Постовскій начинаетъ докладывать. Онъ разсказываетъ о томъ, что произошло во время отсутствія Самсонова, сѣтуя на Благовѣщенскаго, что отъ шестого корпуса до сихъ поръ не получено ни одной бумажки. Его сѣтованія, однако, балансируются высокопарными и пріятными донесеніями, которыя шлетъ Артамоновъ, утверждающій, что первый корпусъ «держится, какъ скала», что «солдаты дерутся, какъ львы» и такъ далѣе.

— Pas de nouvelles — bonnes nouvelles! — говоритъ Самсоновъ. — Благовѣщенскій, безъ сомнѣнія, дастъ о себѣ знать. Онъ не шлетъ донесеній, повидимому, потому, что на его участкѣ ничего не происходитъ, да и происходить не можетъ, такъ какъ на сѣверѣ непріятеля нѣтъ.

Вяловъ протягиваетъ послѣднее донесеніе Артамонова, говорящее о героическомъ поведеніи его войскъ, о чрезвычайной дисциплинѣ, проявленной ими, и непоколебимости занятыхъ имъ позицій.

— Обратите вниманіе, ваше превосходительство, — говоритъ онъ. — Генералъ Артамоновъ никогда не указываетъ истинное расположеніе своихъ войскъ.

— За это ему будетъ взбучка впослѣдствіи, — обѣщаетъ Самсоновъ, — но пока онъ дѣйствуетъ успѣшно, я не хочу пугать его. Общее положеніе корпуса намъ извѣстно, а вечернія донесенія, несомнѣнно, будутъ содержать перечисленіе достигнутыхъ цѣлей. Ясно одно: мысли Гинденбурга нами разгаданы по тѣмъ скуднымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются въ нашихъ рукахъ. По всей вѣроятности, его планъ состоитъ въ томъ, чтобы охватить русскій фронтъ съ запада, и опрокинуть насъ, но это ему не удалось. Если только мы успѣемъ наверстать потерянное время, все будетъ въ порядкѣ.

Вѣстовой докладываетъ, что поданъ обѣдъ. Самсоновъ только теперь замѣчаетъ, что онъ страшно голоденъ и, взявъ фуражку, предлагаетъ Постовскому и Вялову пройти въ столовую. Впервые за столомъ царитъ дружеская атмосфера. Всѣ трое оживленно разговариваютъ, совѣщаясь съ младшими офицерами, выслушивая всякія предположенія, мысли. — кажется, что прорвалась какая-то плотина, сдерживавшая до сихъ поръ всѣхъ штабъ-офицеровъ. Они говорятъ, перебивая другъ друга, развивая

инициативу, и въ этотъ моментъ кажется, что все упущенное будетъ исправлено, что вторая армія справится со своей задачей собственными силами.

А что будетъ тогда?

_О, тогда для Германіи будетъ ужасно... Восьмая германская армія перестанетъ существовать. Мольтке придется или торопливо добивать французовъ, открывъ русскимъ путь на Берлинъ, или же, сломя голову, гнать на восточный фронтъ корпусъ за корпусомъ, которые русскіе будутъ истреблять «по-куропаткински». Или придется образовать фронтъ вдоль Одера, такъ какъ только эта возможность позволитъ сконцентрировать въ одномъ мѣстѣ болѣе или менѣе крупныя силы, пользуясь временемъ, необходимымъ русскимъ для того, чтобы пройти пѣшкомъ изрядное разстояніе.

Но даже, если нѣмцы сумѣютъ организовать на Одерѣ сопротивленіе, операціи на западномъ фронтѣ будутъ совершенно дезорганизованы, а русскіе въ продолженіе этого времени будутъ получать все больше и больше подкрѣпленій, такъ какъ въ скоромъ времени ожидается прибытіе сибирскихъ полковъ, состоящихъ изъ прекрасныхъ солдатъ, мѣткихъ стрѣлковъ, спаянныхъ необыкновенной дисциплиной. Тогда...

...Да!.. тогда война будетъ проиграна германцами и проиграна въ какіе-нибудь два-три мѣсяца!.. Милліоны людей сохранятъ свою жизнь!

ДВА ЖЕСТОКИХЪ УДАРА.

Въ тотъ моментъ, когда вѣстовые разносятъ кофе, въ столовую входитъ ординарецъ, который наклоняется надъ ухомъ Вялова и что-то говоритъ. Вяловъ быстро поворачивается къ Самсонову и, улыбаясь, передаетъ:

— Наконецъ-то! Только что подъѣхалъ автомобиль съ офицерами изъ корпуса Благовѣщенскаго. Теперь мы узнаемъ все!

Самсоновъ, Постовскій и Вяловъ бросаютъ салфетки, встаютъ, направляясь въ оперативную, и когда ординарецъ распахиваетъ передъ ними дверь, по другую сторону порога уже стоитъ капитанъ генеральнаго штаба. Увидѣвъ командующаго арміей, онъ, поборовъ усталость, вытягивается, отдаетъ честь, склоняется надъ полевой сумкой и вынимаетъ спрятанный за картой конвертъ, который передаетъ Самсонову.

— Войдите и подкрѣпитесь, — предлагаетъ Самсоновъ капитану и подходитъ съ Постовскимъ къ окну, чтобы прочитать донесеніе Благовѣщенскаго. Спокойно вскрывъ конвертъ, такъ какъ никакихъ ужасныхъ извѣстій не ожидалось, онъ начинаетъ читать и по мѣрѣ того, какъ глаза его все больше приближаются къ нижнему краю листа, брови все выше, все изумленнѣе подымаются.

— Вы понимаете что-нибудь? — спрашиваетъ онъ Постовскаго, передавая ему донесеніе.

Постовскій, надѣвъ пенснэ, вполголоса читаетъ:

— «Шестой корпусъ доноситъ... потерялъ связь съ тринадцатымъ корпусомъ... мои войска смѣшались съ обозами, которые подъѣхали слишкомъ близко къ Бишофсбургу...»

— Бишофсбургъ? Причемъ тутъ Бишофсбургъ? — бормочетъ онъ.

— Будьте любезны послѣдовать за мной, — предлагаетъ Самсоновъ капитану, только что начавшему закусывать, и, сдѣлавъ знакъ Постов-

скому и Вялову, быстрыми шагами идетъ въ оперативную. Склонившись надъ картой, онъ спрашиваетъ капитана:

— Какимъ образомъ вашъ корпусъ въ Бишофсбургѣ? Вы же получили приказъ двигаться на Алленштейнъ и должны были начать походъ уже вчера съ ранняго утра. Чѣмъ вы занимаетесь, чортъ возьми, въ Бишофсбургѣ и что значитъ донесеніе вашего генерала, который сообщаетъ, что его войска перемѣшались съ обозомъ?

Капитанъ, очень блѣдный и явно переутомленный, опускаетъ голову и вполголоса говоритъ:

— Ваше превосходительство; генералъ Благовѣщенскій допустилъ въ донесеніи досадный пропускъ: его корпусъ опять въ Бишофсбургѣ.

— Опять? — единогласно восклицаютъ Самсоновъ, Постовскій и Вяловъ.

Капитанъ дополняетъ:

— Мы уже покинули Бишофсбургъ, ваше превосходительство, и шли на Алленштейнъ, но оказались втянутыми въ бой со свалившимся, какъ снѣгъ на голову, сильнымъ непріятелемъ.

Постовскій думаетъ: Боже мой, значитъ на сѣверѣ все-таки оказался непріятель...

— Съ сильнымъ непріятелемъ? — грозно допрашиваетъ Самсоновъ — Насколько сильнымъ, капитанъ?

— Мы взяли плѣнныхъ и по номерамъ полковъ установили, что по меньшей мѣрѣ два германскихъ корпуса обрушились на насъ.

— И тогда?..

Самсоновъ, перебиваетъ свою мысль и неожиданно кричитъ:

— Въ какомъ мѣстѣ оставили вы вашъ корпусной штабъ, капитанъ?

Силы явно оставляютъ посланца Благовѣщенскаго. Онъ опирается о столъ обѣими руками и еще тише произноситъ:

— Въ Щепанкенѣ.

— Въ Щепанкенѣ? Гдѣ это?

Вяловъ ищетъ Щепанкенъ сѣвернѣе Бишофсбурга, не находитъ его и проситъ капитана показать. Тотъ устало опускаетъ палецъ на карту и показываетъ мѣстонахожденіе мѣстечка.

— Такъ... — Самсоновъ безмолвно опускается на стулъ. — Ну, разскажите, что же тамъ происходитъ...

— Корпусъ генерала Благовѣщенскаго находится въ безпорядочномъ отступленіи, ваше превосходительство, — докладываетъ капитанъ. — Одинъ изъ дивизіонныхъ командировъ бросилъ войска и уѣхалъ на автомобилѣ въ Бѣлостокъ. Въ корпусѣ царитъ невообразимый хаосъ...

Рука Самсонова дрожитъ, когда онъ достаетъ папиросу. Ужасное совершилось. Корпусъ, которымъ онъ оперировалъ какъ боеспособнымъ, оказывается разбитымъ, бѣгущимъ. Весь съ такимъ трудомъ намѣченный планъ рушится...

Постовскій стоитъ по другую сторону стола, — плотно сжавъ губы, — высокій и сдержанный. Только ходящія подъ мускулами щекъ челюсти выдаютъ его волненіе. Онъ переводитъ глаза на Вялова, смотритъ на Самсонова, опускаетъ ихъ на карту и, быстро взглянувъ опять на Самсонова, произноситъ:

— Значитъ, непріятель все-таки на сѣверѣ...

Самсоновъ вскакиваетъ и ударяетъ ладонью по картѣ.

— Да, на сѣверѣ! И не только на сѣверѣ, но и на западѣ! Можете донести объ этомъ генералу Жилинскому! Всѣ мы ошибались! И онъ, и я, и вы! Но мы разгадали западный ударъ непріятеля, въ то время какъ штабъ фронта проспалъ сѣверный!

Самсоновъ обезсиленно опускается на стулъ и закрываетъ глаза ладонью. Что же дальше... Онъ проводитъ пальцами по глазамъ, какъ бы отгоняя назойливую мысль о грядущемъ несчастьи, и вопросительно смотритъ сначала на Постовскаго, затѣмъ на Вялова.

Тѣ молчатъ.

Съ глухимъ стономъ, едва сдерживая раздраженіе, Самсоновъ отбрасываетъ стулъ и склоняется надъ картой, затѣмъ выпрямляется, рѣзко приказываетъ созвать всѣхъ офицеровъ штаба и, когда въ группѣ входящихъ появляется фигура полковника Залѣсскаго, Самсоновъ манитъ его пальцемъ:

— Пойдите сюда, полковникъ, — и, бросивъ злобный взглядъ на Постовскаго и Вялова, прибавляетъ. — Этотъ человѣкъ, кавалеристъ, долженъ показать пѣхотной крысѣ Благовѣщенскому, что еще можно сдѣлать изъ его корпуса!

— Пишите, — приказываетъ онъ адъютанту и диктуетъ приказъ, согласно которому начальникъ штаба шестого корпуса смѣщается и можетъ убираться ко всѣмъ чертямъ. Съ этого момента стоящій передъ нимъ полковникъ Залѣсскій становится отвѣтственнымъ за судьбу бѣгущаго корпуса Благовѣщенскаго.

— Будьте любезны подойти къ картѣ, — предлагаетъ Самсоновъ Залѣсскому. — Полковникъ Вяловъ, потрудитесь доложить о положеніи шестого корпуса.

Вяловъ, испуганный рѣзкостью Самсонова, съеживается и вздрагивающимъ голосомъ объясняетъ, что ему извѣстно, повторяя, собственно говоря только то, что слышалъ отъ запыленнаго капитана.

— Довольно! — обрываетъ Самсоновъ. — Истинное положеніе вещей все равно можно будетъ узнать только на мѣстѣ. Возьмите автомобиль, Залѣсскій, и гоните со всѣхъ силъ къ корпусу. Приведите эту публику въ порядокъ. Прогоните вашего предшественника, если возможно, лично вонъ, и постарайтесь снова образовать фронтъ въ направленіи Пассенгейма, окопайтесь тамъ и держитесь до послѣдней возможности, пока не получите отъ меня новыхъ приказаній.

Затѣмъ, обернувшись къ вѣстнику несчастья, запыленному капитану, онъ подходитъ къ нему вплотную и говоритъ:

— Мнѣ очень жаль, что я долженъ измучить васъ въ конецъ. Однако, положеніе критическое, и я прошу васъ взять съ собой что хотите изъ вина и ѣды, но слѣдовать вмѣстѣ съ Залѣсскимъ. Будьте любезны поторопиться.

Изможденный капитанъ, превозмогая усталость, вытягивается и отдаетъ честь.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Я готовъ ѣхать немедленно.

Въ комнатѣ становится совершенно тихо. Всѣ присутствующіе подавлены громкимъ голосомъ Самсонова, чувствуютъ себя виноватыми, и въ то же самое время довольны тѣмъ, что здѣсь, въ домѣ ландрата, есть хотъ одинъ человѣкъ, который еще можетъ кричать и повелѣвать.

И въ этой наступившей тишинѣ, когда люди не знаютъ, что можно дѣлать и куда дѣвать руки, Самсоновъ, звеня шпорами, быстро проха-

живается вдоль комнаты, какъ-бы забывъ объ окружающемъ, погруженный въ думы, нахмурившійся. Постепенно рутина штабной работы осторожно поворачиваетъ колесо военнаго механизма, сотрудники Самсонова робко приступаютъ къ текущимъ дѣламъ, всецѣло погружаясь въ нихъ. Время отъ времени поступаетъ какое-нибудь донесеніе второстепеннаго значенія; Самсоновъ самъ читаетъ каждую бумажку и всякій разъ разочарованно бросаетъ ее на столъ Постовскому.

— Ничего! Ровно ничего успокоительнаго, ничего подбадривающаго!..

И Самсоновъ снова прохаживается по комнатѣ, то заложивъ руки за спину, то нервно куря, — думаетъ что, вслѣдствіе отступленія шестого корпуса, накатившійся съ сѣвера сильный противникъ все больше и больше заходитъ въ тылъ его арміи. Что случится, если полковнику Залѣсскому не удастся остановить корпусъ Благовѣщенскаго и образовать фронтъ?

Корявое положеніе, — думаетъ Самсоновъ. Два нѣмецкихъ корпуса противъ одного моего, потрепаннаго и бѣгущаго!

Впрочемъ, къ чему унывать. Пострадалъ въ концѣ концовъ только одинъ флангъ, лѣвый же, — Артамоновъ, — держится крѣпко и, хотя донесенія его напыщены, но тѣмъ не менѣе ободряющи. Если Артамоновъ, дѣйствительно, стоитъ какъ скала, то выходъ изъ положенія будетъ найденъ и операціи второй арміи въ худшемъ случаѣ только замедлятся.

Сообщить-ли объ этомъ Жилинскому? Катастрофическаго положенія шестого корпуса, вѣдь, все равно не утаишь. Впрочемъ, стоитъ-ли? Въ штабѣ фронта врядъ-ли сразу поймутъ дѣйствительное положеніе вещей и, можетъ быть, дадутъ такую директиву, что голова кругомъ пойдетъ.

Самсоновъ мнетъ въ пепельницѣ папиросу и прислушивается. За окномъ раздается шумъ подъѣзжающаго автомобиля. Генералъ подходитъ къ окну и видитъ, какъ изъ большой бельгійской «Минервы» выскакиваетъ офицеръ, котораго узнать нельзя, потому что на дворѣ уже темно.

Сердце Самсонова на мгновеніе останавливается. Онъ инстинктивно чувствуетъ, что этотъ офицеръ новый вѣстникъ зла, несущій новыя напасти.

Генералъ ступаетъ на середину комнаты, достаетъ новую папиросу и опять закуриваетъ. Онъ слышитъ быстрые шаги въ сѣняхъ, слышитъ какъ бряцаютъ винтовки вытянувшихся часовыхъ, какъ поворачивается ручка двери. Новый офицеръ связи стоитъ на порогѣ оперативной.

Сердце Самсонова на мгновеніе перестаетъ биться. Передъ нимъ полковникъ генеральнаго штаба Крымовъ, посланецъ дивизіи Душкевича.

Крымовъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Онъ запыленъ и усталъ, какъ только что уѣхавшій капитанъ штаба Благовѣщенскаго, но выправка его безукоризненна и честь, которую онъ отдаетъ, столь же подчеркнуто вѣжлива, какъ на парадѣ. Самсоновъ любитъ его, этого полковника, онъ чувствуетъ по отношенію къ нему какое-то особое довѣріе. Подойдя вплотную, онъ кладетъ руку на лѣвый погонъ Крымова и спрашиваетъ:

— Ну, что вы привезли?

— Неслыханное, ваше превосходительство, поистинѣ неслыханное! Корпусъ Артамонова отошелъ, безсмысленно и безполезно, на Сольдау, а генералъ Артамоновъ, передъ которымъ открывался громадный шансъ на лѣвомъ флангѣ, не только не использовалъ его, но приказалъ по совершенно непонятнымъ мнѣ причинамъ спѣшно отступать. Теперь, ваше превосходительство, Артамоновъ носится верхомъ вокругъ своихъ войскъ,

вноситъ еще большій безпорядокъ и не имѣетъ никакого представленія о томъ, что можно предпринять въ ближайшемъ будущемъ. Онъ довелъ офицеровъ и солдатъ нѣкоторыхъ частей до такого состоянія, что тѣ бросаются на непріятеля не потому, что это нужно, а потому, что честь и вѣрность знамени подстрекаютъ ихъ къ подобнымъ дѣйствіямъ. Эти части бросаются въ отчаянныя и безсмысленныя атаки и, конечно, сгораютъ въ огнѣ нѣмцевъ. Мнѣ стыдно докладывать объ этомъ, ваше превосходительство, но на лѣвомъ флангѣ нашей арміи — кабакъ!

— Такъ . . . — Самсоновъ садится на стулъ и, плотно сжавъ губы, ритмично начинаетъ похлопывать рукой по картѣ. Голосомъ, который не отражаетъ никакихъ чувствъ, онъ говоритъ Крымову:

— Вы навѣрно очень утомлены, мой другъ . . . Не могу ли я попросить васъ пройти въ сосѣднюю комнату . . . закусить . . . немного отдохнуть . . . Вы правы . . . Это стыдъ, это позоръ . . . Такія донесенія и . . .

Такъ же спокойно, какъ бы отсутствующе, онъ смотритъ на Постовскаго и Вялова и вполголоса, монотонно спрашиваетъ:

— Что вы скажете на это, господа?

И такъ какъ никто не отвѣчаетъ, онъ приказываетъ адъютанту:

— Пишите! . .

Адъютантъ записываетъ, — записываетъ медленно падающія одно за другимъ равнодушныя слова, въ которыхъ чувствуются усталость и безразличіе, такъ какъ отдаваемый приказъ только пылинка на фонѣ грандіозной наростающей катастрофы. Онъ записываетъ, что генералъ Артамоновъ смѣщается, а на его мѣсто назначается генералъ Душкевичъ. Когда послѣднее слово зафиксировано, Самсоновъ сквозь зубы спрашиваетъ Вялова:

— Возможно - ли уже теперь назначить военный судъ?

Вяловъ, потрясенный, тихо отвѣчаетъ:

— Не знаю, ваше превосходительство, врядъ - ли... При такихъ обстоятельствахъ...

Самсоновъ встаетъ:

— Прошу господъ офицеровъ подойти поближе къ столу. Необходимо отдать приказы на слѣдующій день.

Голосъ его опять рѣзокъ, опять повелителенъ, выдѣляясь на фонѣ общаго смущеннаго бормотанія. Штабъ арміи принимается за работу, и едва только она налаживается, какъ ординарецъ приноситъ послѣднее донесеніе Артамонова, которое гласитъ:

«Послѣ тяжелаго боя корпусъ удержалъ Сольдау. Непріятель стремится осуществить обходный маневръ, но мы его удержали. Связь нарушена, наши потери, особенно среди офицеровъ, очень большія. Настроеніе войскъ хорошее, дисциплина прекрасная. Подчиненныя мнѣ войска проявили исключительную выдержку, оставаясь свыше двухъ дней безъ теплой пищи и воды. Мнѣ представляется затруднительнымъ оперировать въ районѣ Сольдау большими войсковыми соединеніями. Удерживаю городъ своимъ авангардомъ, который составленъ изъ частей одиннадцати различныхъ полковъ, но для наступленія нуждаюсь въ свѣжихъ силахъ. Прибывшія пополненія понесли тяжелыя потери. Приведу части своего корпуса въ порядокъ и попытаюсь наступать».

Самсоновъ брезгливо отбрасываетъ лживое донесеніе Артамонова, въ

которомъ тотъ старается затушевать катастрофическій развалъ своихъ войскъ, и приступаетъ къ диктовкѣ приказа по первому корпусу:

«Первый корпусъ подъ командованіемъ ген. Душкевича обязанъ во что бы то ни стало удержать позиціи подъ Сольдау».

Подписавъ приказъ, онъ передаетъ его полковнику Крымову и прибавляетъ:

— Поѣзжайте, мой другъ, какъ можно скорѣе обратно, къ Артамонову и передайте приказъ Душкевичу.

— Но, ваше превосходительство, не можете - ли вы отдать болѣе подробный приказъ? У Артамонова творится чортъ знаетъ что такое.

Самсоновъ покачиваетъ головой.

— Вы же сами понимаете, дорогой мой, что это невозможно. На основаніи донесенія Артамонова у меня совершенно ложное представленіе о положеніи дѣлъ въ первомъ корпусѣ. Пусть Душкевичъ на мѣстѣ ознакомится съ обстановкой и немедленно мнѣ пришлетъ самый подробный рапортъ.

— Прощайте, желаю удачи, скажите Душкевичу, — здѣсь Самсоновъ иронически улыбается, — что я надѣюсь на него, какъ на скалу.

Крѣпко пожавъ руку Крымова, Самсоновъ отпускаетъ полковника, подходитъ къ окну, чтобы посмотрѣть, какъ тотъ садится въ автомобиль и уѣзжаетъ. Затѣмъ возвращается къ столу, глубоко засовываетъ руки въ карманы рейтузъ и диктуетъ очередное донесеніе штабу фронта.

«Первый корпусъ отступилъ безъ достаточныхъ къ тому основаній и находится въ районѣ Сольдау. Вслѣдствіе этого, я отрѣшилъ отъ командованія командира корпуса генерала Артамонова. Согласно послѣднимъ донесеніямъ, полученнымъ отъ шестого корпуса, корпусъ въ тринадцать часовъ находился около Щепанкена. Онъ отброшенъ туда послѣ тяжелыхъ боевъ, выдержанныхъ подъ Бишофсбургомъ».

— Немедленно передайте этотъ приказъ въ Волковыскъ, — распоряжается Самсоновъ и диктуетъ дальше:

«Первому корпусу: удерживать позиціи подъ Сольдау во что бы то ни стало.

Двадцать третьему корпусу. Второй дивизіи: Держаться, во что бы то ни стало, западнѣе Франкенау.

Пятнадцатому и тринадцатому корпусамъ: Обоимъ, подъ единымъ командованіемъ генерала Мартоса, энергично продвинуться на Гильгенбургъ и дальше, на Лаутенбургъ, съ цѣлью обойти непріятельскій флангъ и нарушить его связь съ тыломъ.

Шестому корпусу: Перейти въ районъ Пассенгейма».

28 августа

Теперь отъ кисти нашей руки, положенной на страницу, остались только три пальца... Мизинецъ, — шестой корпусъ Благовѣщенскаго, уже ампутированъ и въ счетъ не идетъ. Большой палецъ, — первый корпусъ Артамонова, — отступаетъ на Сольдау съ тѣмъ, чтобы пройти позже на Мушакенъ, повернуть рѣзко къ югу и черезъ Яново вернуться на русскую территорію.

Въ цѣлости остается только центръ арміи, наши три пальца: указательный — двадцать третій корпусъ Кондратовича, средній — пятнадцатый корпусъ Мартоса, и безымянный — тринадцатый корпусъ Клюева, ко-

торый стремится съ сѣвера, изъ Алленштейна, на юго-западъ, пытаясь слиться съ силами Мартоса.

Описываемый день — роковой. Къ вечеру его совершается рѣшеніе судьбы.

Но какъ начинается этотъ день! Заботами и тревогой для германскаго командованія. На разсвѣтѣ положеніе праваго крыла Гинденбурга отчаянное. Въ продолженіе утра дѣло выглядитъ такъ, какъ, если бы германская побѣда въ послѣднюю минуту грозила выскользнуть изъ рукъ командующаго восьмой арміей. Кажется, что къ вечеру и его, и Мольтке постигнетъ тяжелое разочарованіе, можетъ быть, рѣшительное пораженіе.

Въ продолженіи всего времени, пока солнце приближалось къ зениту, въ руки Гинденбурга попадали только извѣстія о несчастьяхъ. И только тогда, когда оно перевалило черезъ эту точку, и начало склоняться къ западу, картина рѣзко перемѣнилась, и Гинденбургъ могъ свободно вздохнуть.

Да, утро 28 августа было труднымъ для германскихъ войскъ. Было ясно, что добиться рѣшительнаго успѣха наканунѣ не удалось. Поставленная «Оберкомандо Ахтъ» цѣль, — окруженіе центра второй русской арміи XIII, XV корпусовъ и второй дивизіи XXIII корпуса, казалась трудно достижимой. Главнымъ препятствіемъ явился первый корпусъ Франсуа, на поддержку котораго Гинденбургъ и Людендорфъ не могли разсчитывать. Франсуа былъ прикованъ къ Сольдау тяжелыми боями съ арьергардами Артамонова. Вслѣдствіе этого для задуманной германцами операціи оставался свободнымъ только двадцатый корпусъ Шольца, усиленный частями ландвера и прибывшими пополненіями, которыя въ продолженіи истекшаго дня уже дрались съ нимъ плечо о плечо. Далѣе, Гинденбургъ располагалъ третьей резервной дивизіей генерала фонъ Моргена, не участвовавшей со дня битвы подъ Гумбиненомъ еще въ операціяхъ противъ второй русской арміи. Кромѣ того къ мѣсту рѣшительной битвы спѣшила ландверъ-дивизія фонъ деръ Гольца.

Собственно, эта дивизія должна была уже давно находиться на мѣстѣ, но русская кавалерія, нарушавшая правильную циркуляцію германскихъ поѣздовъ, задерживала переброску, и ей приходилось приближаться къ полю битвы окольными путями. Теперь, однако, она спѣшно выгружалась въ Остероде и Бизелленѣ.

Въ довершеніе всего Гинденбургъ, оставивъ попытку добить корпусъ Благовѣщенскаго, повернулъ корпуса Белова и Макензена, несмотря на то, что послѣдній рвалъ и металъ, не понимая, почему приказы Оберкомандо Ахтъ мѣняются съ такой быстротой и такъ противорѣчатъ другъ другу. Какъ бы то ни было, и эти два корпуса повернули на Алленштейнъ и должны были обрушиться на тылъ русской арміи, состоявшей всего лишь изъ двухъ съ половиной корпусовъ!

Если бы удалось то, о чемъ задумалъ Гинденбургъ, вокругъ корпусовъ Клюева и Мартоса замкнулось бы гигантское кольцо, изъ котораго нельзя было бы найти выхода. Дьявольскій планъ заключался въ томъ, чтобы въ первую очередь лишить русскихъ возможности отступленія на Нейденбургъ. Выполненіе этой задачи было поручено 41-й дивизіи двадцатаго корпуса, — дивизіи Зоннтага, — которая ночью должна была начать походъ съ юга на сѣверъ. Достигнувъ указанныхъ директивой Гинденбурга цѣлей, она должна была образовать барьеръ, о который вынуждены были бы разбиться русскіе полки, послѣ того, какъ ихъ опроки-

нула-бы надвигающаяся съ запада и съ сѣвера волна германскихъ войскъ. Въ случаѣ удачи этой операціи Самсонову оставался бы только одинъ выходъ — отступленіе на востокъ, но въ этомъ направленіи путь велъ черезъ непроходимые лѣса, бесчисленныя озера и болота и, что хуже всего, за этими препятствіями долженъ былъ подкарауливать корпусъ Макензена.

■

Въ семь часовъ утра нервничающій Гинденбургъ направляется на наблюдательный пунктъ въ Фрегенау, — околицу деревушки, расположенную неподалеку отъ Танненберга. Его значекъ командующаго арміей развѣвается въ воздухѣ недалеко отъ корпуснаго значка генерала фонъ Шольца. Густой туманъ покрываетъ мѣстность, и съ востока слышны тяжелые вздохи ожесточенной канонады.

Гинденбургъ смотритъ на часы. Дивизія Зоннтага, — сорокъ первая, — должна начать атаку первой, но командиръ ея не испытываетъ, повидимому, никакого энтузіазма для начала азартнаго маневра.

Только изъ боязни, какъ бы новый отказъ не обошелся дорого, наканунѣ онъ уклонился отъ исполненія предписаній. Зонтагъ двинулся впередъ, нехотя, наткнувшись сразу на сильное сопротивленіе корпуса Мартоса. И едва разсѣялся туманъ, какъ его дивизія оказалась отрѣзанной отъ тыла ураганнымъ огнемъ артиллеріи русскаго двадцать третьяго корпуса, расположившагося около Буякена. Въ 9 часовъ утра сорокъ первая дивизія перестала существовать. Она бѣжала, оставивъ на полѣ битвы тринадцать орудій и 2.400 человѣкъ убитыми и ранеными. Остатки спаслись только потому, что русскіе не предприняли достаточно энергичнаго преслѣдованія.

Итакъ, съ семи часовъ утра Гинденбургъ и Людендорфъ стоятъ на холмѣ вблизи околицы Фрегенау и ожидаютъ хорошихъ извѣстій отъ Зоннтага. Однако, этихъ извѣстій нѣтъ. Только оглушительная канонада раздается съ того мѣста, гдѣ произошла первая схватка, долженствующая въ продолженіе слѣдующихъ часовъ принять характеръ огромнаго боя.

Тѣмъ временемъ часы текутъ, и германскій генералъ фонъ Моргенъ на другомъ концѣ фронта, высоко на сѣверѣ, — тамъ, гдѣ въ бездѣйствіи стоитъ его дивизія, — теряетъ терпѣніе. На собственную отвѣтственность онъ отдаетъ приказъ своимъ резервистамъ наступать. Моргенъ увлекаетъ за собой сосѣднія дивизіи, но... увы, его порывъ разбивается о стѣну русскихъ.

Донесеніе о неудавшейся попыткѣ Моргена опрокинуть русскихъ подѣйствовало угнетающе на Гинденбурга. Нѣкоторое время спустя ему докладываютъ о другомъ неутѣшительномъ извѣстіи. Прибыла записка изъ дивизіи Зоннтага, въ которой сообщалось, что она разбита подъ Ваплицемъ наголову, напоровшись въ болотистой долинѣ на неожиданно вынырнувшихъ изъ тумана русскихъ. Серьезность положенія усугублялась тѣмъ что это извѣстіе запоздало. Въ тотъ моментъ, когда Гинденбургъ держалъ въ рукахъ роковую бумажку, дивизія Зоннтага уже больше часа находилась въ полномъ безпорядочномъ отступленіи. Единственно, на что онъ могъ надѣяться теперь, это — остановить ее между озеромъ Ковнаткенъ и обширнымъ болотомъ юго-восточнѣе Танненберга, но это и все... Сорокъ первая германская дивизія была выведена изъ строя.

Столь неожиданный отпоръ русскихъ опрокинулъ весь планъ Оберкомандо Ахтъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ожидалось рѣшеніе участи русской вто-

рой арміи, открывался свободный выходъ изъ подготовлявшагося гигантскаго кольца.

Пополудни, однако, германцамъ стало легче. Гинденбургъ получаетъ три сообщенія, которыя позволяютъ въ первый разъ оптимистически смотрѣть на исходъ сраженія. Франсуа занялъ Сольдау, и Артамоновъ, потерявъ голову, поспѣшно отступаетъ на Млаву, проявляя, однако, при этомъ большую личную храбрость. Онъ отступалъ послѣднимъ, пропуская мимо себя проходящія войска. Стоя въ своемъ генеральскомъ пальто на мосту черезъ рѣчку Сольдау, и распахнувъ красныя полы, онъ какъ будто искалъ смерти. Затѣмъ онъ перешелъ мостъ и остался съ ротой лейбъгвардіи Литовскаго полка, прикрывавшей его. Вмѣстѣ съ этой же ротой Артамоновъ перешелъ рѣку и остался на валу окопа, подвергнувшагося сильному обстрѣлу непріятельской артиллеріи. Уже выбыла треть роты; но Артамоновъ спокойно сидѣлъ, выжидая время, когда пора будетъ мостъ взрывать. Нѣкоторое время спустя онъ отдалъ приказъ взорвать мостъ, и рота стала отходить. Можетъ быть, этимъ онъ думалъ загладить неудачу своего корпуса. Можетъ быть своей смертью онъ хотѣлъ искупить гибель многихъ тысячъ русскихъ солдатъ. Но какъ бы то ни было, Артамоновъ, если и оказался недостаточно распорядительнымъ командиромъ, то во всякомъ случаѣ проявилъ исключительную личную храбрость.

Второе извѣстіе было отъ Зоннтага, сообщавшаго, что русскіе не преслѣдуютъ его, вслѣдствіе чего паника въ дивизіи постепенно исчезла. И наконецъ, третье извѣстіе о занятіи фонъ деръ Гольцемъ Хоенштейна, несмотря на то, что корпусъ Клюева устремляется въ его флангъ и тылъ.

Въ теченіе этого дня и русскіе, и германцы продолжаютъ драться ожесточенно и съ перемѣннымъ успѣхомъ. И только къ вечеру Мартосъ, изнывающій подъ напоромъ превосходныхъ силъ непріятеля, долженъ очистить свои позиціи и отступить въ южномъ направленіи. Потери его корпуса ужасны, но и нѣмцамъ этотъ день обходится дорого. Къ вечеру Хоенштейнъ представляетъ собой смѣсь разбитыхъ и утомленныхъ германскихъ полковъ.

Удастся - ли русскимъ ускользнуть изъ клещей Гинденбурга, удастсяли имъ пробиться на югъ?

Гинденбургъ и Людендорфъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы лишить центръ самсоновской арміи этого послѣдняго шанса. Они пытаются создать на югѣ новый барьеръ, который долженъ отрѣзать русскихъ отъ ихъ родной земли. Этотъ барьеръ долженъ протянуться отъ Нейденбурга до Вилленберга.

Хорошо... Барьеръ... Но какъ создать его!

Генералъ фонъ Франсуа долженъ, во что бы то ни стало, поспѣть туда.

Франсуа обезпечивъ свой тылъ со стороны Сольдау пятой Поммернской ландверъ-бригадой, стремится, имѣя впереди себя кавалерію и дозоры, форсированнымъ маршемъ на Нейденбургъ. Пополудни онъ своей второй дивизіей натыкается на части двадцать третьяго корпуса Кондратовича, но только къ вечеру ему удается оттѣснить своего упорнаго противника. Къ полуночи Франсуа можетъ дать своимъ войскамъ легкую передышку, занявъ Нейденбургъ, но его кавалерія неотступно продолжаетъ движеніе на востокъ, въ то время какъ бригада Мметтау, собирающаяся на слѣдующій день достигнуть расположеннаго въ тридцати пяти километрахъ Виленберга, тоже вливается въ Нейденбургъ.

Но что дѣлаютъ въ этотъ день корпуса Белова и Макензена?

Они маршируютъ, стремясь всецѣло охватить русскихъ. Беловъ, пробившись въ тылъ корпуса Клюева, ведетъ тяжелый бой на равнинѣ южнѣе Алленштейна, а Макензенъ форсированными маршами спѣшитъ восточнѣе его на соединеніе въ Вилленбергѣ съ бригадой Шметтау.

Въ этотъ вечеръ Людендорфъ телеграфируетъ въ Кобленцъ.

— По всей видимости, окруженіе второй русской арміи удалось.

ТЯЖЕЛЫЯ МИНУТЫ.

Трудную ночь пережилъ командующій второй русской арміи. Два жестокихъ удара судьбы — бѣгство корпуса Благовѣщенскаго и отступленіе Артамонова вызвали въ немъ сильное нервное напряженіе. Всю ночь проводитъ онъ въ длительномъ размышленіи. Угнетающія думы роятся въ его головѣ. Неудержимое желаніе возстановить утраченное, вернуть событія на сутки назадъ, терзаютъ его сердце.

О, этотъ ужасный «вѣеръ»! Еслибъ Самсоновъ былъ Іисусомъ Навиномъ, который умѣлъ останавливать время, и даже больше: еслибъ онъ могъ повернуть стрѣлку часовъ на два оборота назадъ, и зналъ то, что знаетъ теперь, — ни Благовѣщенскій, ни Артамоновъ не были-бы разбиты.

А теперь, — нѣмцы бьютъ его корпуса одинъ за другимъ, въ одиночку. Они, какъ коршуны, подкарауливаютъ свои жертвы, — оторвавшіеся отъ центра отдѣльныя части корпуса, — налетая и обрушиваясь на нихъ съ огромной силой и стремительностью. Уставшіе до изнеможенія русскіе солдаты не въ силахъ удержаться и вынуждены отступать. И отступая, они гибнутъ подъ непрерывнымъ обстрѣломъ непріятельскихъ войскъ.

Боже, какъ трудно все это переносить! Изъ пяти корпусовъ пѣхоты осталось цѣлыми только три, и даже не три, и всего лишь два съ половиной, потому что только часть корпуса Кондратовича примыкаетъ къ Мартосу и Клюеву. Да и на помощь со стороны кавалеріи не слѣдуетъ больше разсчитывать, такъ какъ она истощена переходами, и лошади плетутся чуть ли не медленнѣе людей.

И этими истощенными войсками Самсоновъ обязанъ пріостановить напоръ германцевъ, силы которыхъ, благодаря прибывающими изъ Шлезвига и съ французскаго фронта подкрѣпленіями, все время увеличиваются.

Что-же, на то онъ и командующій арміей, чтобы попытаться сдѣлать все возможное. За послѣдніе сутки «вѣеръ» прекратилъ свое существованіе. Его уцѣлѣвшіе корпуса отходятъ къ одной точкѣ, и то, что можно было предпринять въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія, сдѣлано. Остается одно: надѣяться на благосклонность Судьбы, на ея улыбку, на щедрый даръ покровителя войны — Марса.

Едва начинаетъ брезжить разсвѣтъ, Самсоновъ встаетъ и, тяжело ступая налитыми, какъ свинцомъ, ногами, подходитъ къ умывальнику и долго моетъ лицо, безнадежно пытаясь освѣжиться. Когда это средство не помогаетъ, онъ морщится, выпиваетъ полстакана коньяку, — вѣдь нельзя же въ концѣ концовъ въ такомъ состояніи руководить операціями! Живительная влага освѣжаетъ. Самсоновъ чувствуетъ, какъ его нервы успокаиваются, какъ пріятное тепло разливается по жиламъ. Онъ выпиваетъ еще полстакана и спускается внизъ, приказывая разбудить офицеровъ штаба. Онъ отдаетъ нужныя распоряженія, и когда изъ-за горизонта въ окна штаба врывается первый лучъ солнца, садится въ автомобиль.

На этотъ разъ Самсоновъ ѣдетъ къ Мартосу, который, несмотря на ранній часъ, уже стоитъ на своемъ наблюдательномъ пунктѣ, вблизи Надрау.

Но прежде, чѣмъ покинуть свою ставку, ген. Самсоновъ посылаетъ телеграмму Жилинскому, въ которой сообщаетъ объ исключительно серьезномъ положеніи своей арміи. Онъ доводитъ также до свѣдѣнія, что нѣкоторое время вынужденъ будетъ остаться безъ связи со ставкой главнокомандующаго, потому что его радіо-станція въ Нейденбургѣ находится подъ угрозой. Станцію, а также аппараты Юза приходится перенести въ мѣстечко, расположенное поближе къ границѣ, можетъ быть даже въ Яново.

Во время пути ген. Самсоновъ усиленно куритъ, откинувшись на подушки открытаго автомобиля. Въ его мозгу созрѣваетъ твердое рѣшеніе: онъ больше не будетъ внимать совѣтамъ сотрудниковъ своего штаба и не намѣренъ въ дальнѣйшемъ исполнять приказы Жилинскаго. Генералъ рѣшаетъ прислушиваться только къ тому, что будутъ сообщать генералы Клюевъ и Мартосъ. Истекшій день былъ достаточно яркой иллюстраціей того, какова цѣнность распоряженій Постовскаго и Вялова.

О, еслибы у него были сейчасъ потерянные первый и шестой корпуса! Эта мысль неотвязно терзаетъ Самсонова, заставляя его мрачно смотрѣть на будущее. Ему ясно теперь, что планъ Гинденбурга все-таки не былъ разгаданъ въ то время, какъ его планы были разложены на столѣ Людендорфа. Для германскаго командованія намѣренія русскихъ генераловъ были ясны, какъ простая химическая формула..

Какимъ образомъ непріятель былъ такъ хорошо освѣдомленъ?

Самсонову и въ голову не приходило, что какая-то невидимая рука направляетъ его телеграммы прямо въ нѣмецкіе штабы. Такой возможности онъ никакъ не могъ допустить.

И внезапно острая мысль пронизаетъ его мозгъ. Боже мой! Да гдѣ же Ренненкампфъ? Почему онъ не спѣшитъ сюда, гдѣ собралась вся восьмая германская армія? Почему онъ не торопится? — вѣдь, передъ нимъ нѣтъ больше никакого непріятеля!

Мысль о Ренненкампфѣ наполняетъ Самсонова раздраженіемъ. Неужели же этотъ генералъ ставитъ личную размолвку выше интересовъ родины ? Неужели онъ забылъ рукопожатіе, которымъ они офиціально обмѣнялись въ Знаменкѣ въ присутствіи великаго князя? Неужели Ренненкампфъ, добившись побѣды подъ Гумбиненомъ, стремится пораженіемъ Самсонова только оттѣнить свои успѣхи?

Если это такъ, то Ренненкампфъ плохой боевой товарищъ, и если со второй русской арміей случится то, о чемъ Самсонову не хочется думать, то это на вѣки вѣчные ляжетъ темнымъ пятномъ на совѣсть Ренненкампфа, на его имя, на всѣхъ его потомковъ... Исторія не станетъ искать оправданій, почему Ренненкампфъ не пошелъ на помощь. Она констатируетъ только, что онъ не пошелъ, что онъ не сдѣлалъ даже малѣйшей попытки приблизиться, и этого будетъ достаточно, чтобы заклеймить его на вѣки позоромъ.

*

Было, примѣрно, половина седьмого утра, когда въ сопровожденіи Постовскаго, . автомобиль Самсонова несся по направленію къ Едвабно. Въ Грюнфлисѣ ему навстрѣчу попался длинный обозъ крестьянскихъ подводъ съ ранеными. Самсоновъ приказалъ подводамъ

остановиться. Потрясенный печальной картиной, онъ вышелъ изъ автомобиля и началъ обходить повозки, пожимая солдатамъ руки, подбадривая ихъ. И когда онъ дошелъ до послѣдней телѣги, онъ замѣтилъ, что нѣсколько его офицеровъ собрались на полянкѣ вблизи дороги. Онъ приблизился къ группѣ и предложилъ офицерамъ свободно высказать свои мнѣнія. Всѣ сѣли и разложили на колѣняхъ карты. Большинство, въ особенности молодежь, пришло къ заключенію, что единственнымъ рѣшеніемъ можетъ быть только отступленіе, и отступленіе немедленное, на Яново.

— Нѣтъ, — категорически обрываетъ разсужденія молодежи Постовскій. — Мы не можемъ принять никакого рѣшенія прежде, чѣмъ не посовѣтуемся съ командиромъ пятнадцатаго корпуса, Мартосомъ.

Самсоновъ закусываетъ губу, но ничего не говоритъ. Съ этого момента онъ больше не считается съ возможной помощью Ренненкампфа. Вся его надежда сосредоточилась на тринадцатомъ корпусѣ Клюева, который, въ соотвѣтствіи съ его приказами, въ данный моментъ велъ энергичныя атаки на Хоэнштейнъ. Если бъ Клюеву удалось во время охватить съ сѣвера германскій флангъ, дѣйствующій противъ пятнадцатаго корпуса, то положеніе могло-бы измѣниться, и центръ непріятельскаго фронта, отрѣзанный отъ тыла, могъ быть уничтоженнымъ. Командующій второй русской арміей не былъ человѣкомъ, который оставляетъ попытки, прежде чѣмъ не используетъ послѣдній шансъ.

ВСТРѢЧА САМСОНОВА СЪ ПОЛК. НОКСОМЪ.

Здѣсь Самсонова засталъ полковникъ Ноксъ, который вмѣстѣ съ барономъ Штакельбергомъ прибылъ въ Млаву, въ надеждѣ застать поѣздъ Самсонова. Не обнаруживъ поѣзда, онъ на автомобилѣ рѣшилъ отправиться въ Нейденбургъ.

Въ это время къ мѣсту совѣщанія подъѣзжаетъ длинный рядъ автомобилей. Изъ одной машины выходитъ перетянутая ремнями высокая фигура въ хаки — военный наблюдатель Великобританіи, полковникъ Ноксъ, выѣхавшій изъ Млавы. Сопровождаемый маленькой группой русскихъ офицеровъ, онъ подходитъ къ сидящему на землѣ Самсонову.

Генералъ, углубленный въ изученіе обстановки, не замѣчаетъ сначала англичанина. Онъ продолжаетъ изученіе карты, развивая планы, которые, по его мнѣнію, можно было еще осуществить. Случайно поднявъ глаза, онъ неожиданно замѣчаетъ Нокса и встаетъ. Не обращая вниманія на то, что колѣни его рейтузъ запачканы землей, онъ подходитъ къ англичанину и протягиваетъ руку.

— Я радъ, и въ то же время огорченъ, что вы здѣсь, — говоритъ онъ Ноксу. — Отойдемъ немного въ сторону, я хочу вамъ кое-что сообщить.

Ноксъ внимательно всматривается въ переутомленное лицо генерала. Ему трудно узнать того пышащаго здоровьемъ человѣка, который нѣсколько дней тому назадъ покинулъ Остроленку. Самсоновъ осунулся, похудѣлъ, подъ глазами его черные круги, но фигура, попрежнему, прямая и, твердо упершись ногами въ землю, онъ стоитъ въ позѣ прекраснаго фронтоваго офицера.

— О, да, я вижу, что вы очень много работаете, — говоритъ Ноксъ.

— Да, я не пожелалъ бы вамъ теперь быть на нашемъ мѣстѣ.

— Я вижу.

Самсоновъ нѣкоторое время крѣпко потираетъ високъ, затѣмъ приказываетъ восьми казакамъ своего конвоя слѣзть и подать лошадей. Ноксъ натягиваетъ перчатку, собираясь ѣхать туда же, куда намѣревается Самсоновъ. Однако, генералъ подходитъ къ нему вплотную, беретъ за локоть и отводитъ еще дальше.

— Я долженъ сказать вамъ, полковникъ, — говоритъ онъ, — что положеніе весьма критическое. Мое мѣсто и мой долгъ заставляютъ меня оставаться съ арміей, вамъ же я совѣтую вернуться назадъ, пока еще къ этому представляется возможность.

Ноксъ подумалъ: «повидимому, все кончено. Мнѣ не остается ничего другого, какъ послать своему правительству печальную новость о гибели второй русской арміи, и, можетъ быть, о крушеніи всего наступленія русскаго сѣверо-западнаго фронта».

— Да, я думаю, вы совѣтуете справедливо, — киваетъ головой Ноксъ. — Но можетъ быть, вы можете дать мнѣ какія-нибудь объясненія?

— Послѣднее, что дошло до моего свѣдѣнія, — говоритъ Самсоновъ, — это, что первый корпусъ и вторая дивизія корпуса Кондратовича были вынуждены отступить. Лѣвый флангъ моей арміи, такимъ образомъ, сильно загнутъ назадъ, и разрывъ между частями открываетъ доступъ непріятелю въ тылъ.

— О, да. Это, дѣйствительно, очень плохо, — соглашается Ноксъ.

— Это было бы еще сносно, — перебиваетъ его Самсоновъ, — но вчера я получилъ извѣстіе, что мой шестой корпусъ отброшенъ назадъ и отступаетъ въ полномъ безпорядкѣ. Я уже приказалъ отправить въ тылъ въ Остроленку всѣ свои автомобили, и даже черезъ Вилленбергъ, потому что дорога Нейденбургъ - Млава уже находится подъ угрозой.

Ноксъ плотно сжимаетъ губы. Изъ спокойныхъ словъ генерала онъ понимаетъ, что наступленіе второй арміи закончилось неудачей.

— Что вы намѣреваетесь теперь дѣлать? — спрашиваетъ онъ.

— Чистосердечно признаюсь вамъ, — я не знаю, чего могу еще ожидать. Но что-бы ни случилось, это не измѣнитъ финала войны.

— Послѣ того, что вы сказали, — говоритъ Ноксъ, — мнѣ кажется, что мой долгъ — заключить контактъ со своимъ правительствомъ. Мнѣ кажется даже, что мое присутствіе въ Надрау можетъ вамъ мѣшать. Поэтому позвольте сказать до свиданія.

Самсоновъ крѣпко пожимаетъ Ноксу руку, желаетъ ему счастливаго пути, подзываетъ семь офицеровъ своего штаба, садится на коня, и маленькая группа верховыхъ, за которой слѣдуетъ остатокъ конвоя, быстро удаляется въ сѣверо-восточномъ направленіи.

Ноксъ подходитъ къ оставшимся офицерамъ штаба.

— Уэллъ, что можете вы сказать мнѣ для сообщенія Лондону?

Одинъ изъ молодыхъ офицеровъ печально улыбается и произноситъ:

— Нѣмцамъ сегодня повезло, ну, а намъ повезетъ когда-нибудь въ другой день.

— Да, я вѣрю это, но генералъ Самсоновъ не разсказалъ мнѣ, что было сдѣлано за послѣдніе часы.

Тотъ же офицеръ объясняетъ:

— Его превосходительство ѣдетъ къ пятнадцатому корпусу, потому что тотъ изнываетъ отъ голода и ужасныхъ потерь. Онъ думаетъ, что, несмотря на все это, несмотря на бои, которые безпрерывно трепали кор-

пусъ въ продолженіе четырехъ дней, именно на его участкѣ должна разыграться рѣшительная стадія битвы. Въ настоящее время въ Надрау стягивается все, что можетъ оказать германцамъ упорное сопротивленіе.

Ноксъ откланивается и выходитъ на дорогу, гдѣ его ждетъ длинная вереница автомобилей. Его машина шестая спереди. Ноксъ приказываетъ ѣхать въ Нейденбургъ, не зная даже, занятъ онъ уже нѣмцами, или нѣтъ. Отъ Нейденбурга до Вилленберга всѣ селенія, встрѣчающіяся по пути, были переполнены взволнованными жителями. Многіе крестьяне были верхомъ, и при появленіи автомобилей быстро отъѣзжали въ боковыя улицы. Бросалось въ глаза отсутствіе русскихъ патрулей, во всѣхъ деревушкахъ поддерживался какой-то странный порядокъ, происходила какая-то таинственная организаціонная работа. Только позже Ноксъ понялъ, что онъ наблюдалъ нерегулярную развѣдку германской арміи, составленную изъ мѣстныхъ жителей.

До Хоржеле шоссе было прекраснымъ, но послѣ того, какъ автомобили переѣхали русскую границу, пришлось впрячь лошадей, до того песчанна и трудна была дорога. Первыя три версты караванъ продвигался медленно. Ноксъ замѣтилъ высокій крестъ, у подножія котораго, преклонивъ колѣна, стояла группа молодыхъ польскихъ крестьянокъ въ пестрыхъ одеждахъ съ разноцвѣтными лентами. Онѣ пѣли какіе-то печальные духовные псалмы. Англичанинъ рѣшилъ, что польки просятъ Небо даровать имъ избавленіе отъ бѣдъ войны. . .

НА ВЫШКѢ МАРТОСА.

Около половины одиннадцатаго утра казачья сотня съ Самсоновымъ во главѣ останавливается у холма, на которомъ устроенъ наблюдательный пунктъ Мартоса. Здѣсь, словно желая наградить генерала за всѣ тяжелыя переживанія, судьба посылаетъ ему послѣдній, свѣтлый лучъ.

Едва група всадниковъ останавливается, какъ къ Самсонову подбѣгаетъ молодой офицеръ генеральнаго штаба, радостно улыбается и сообщаетъ: только что была на голову разбита сорокъ первая германская дивизія генерала Зоннтага и, понеся тяжелыя потери, въ безпорядкѣ отступаетъ.

Невольный вздохъ благодарности за улыбку судьбы вырывается изъ груди Самсонова. Онъ крѣпко жметъ руку радостному вѣстнику и, давъ шпоры коню, подымается на холмъ.

Навстрѣчу ему, тоже верхомъ, спускается Мартосъ. Крѣпкимъ рукопожатіемъ обмѣниваются генералы. Прямо и твердо смотрятъ они другъ другу въ глаза. Побѣда надъ сорокъ первой германской дивизіей наполняетъ ихъ сердца гордостью и надеждой на дальнѣйшій успѣхъ. И въ тотъ моментъ, когда руки генераловъ размыкаются, внизу на дорогѣ появляется длинная колонна германскихъ солдатъ, марширующая съ офицерами на мѣстахъ, но безъ оружія.

— Что такое? — спрашиваетъ Самсоновъ.

— Наши плѣнные, ваше превосходительство, — сто пятьдесятъ девятый германскій пѣхотный полкъ, взятый почти полностью.

Плѣнные... Такъ много!.. Здѣсь нервы Самсонова сдаютъ. Онъ легко трогаетъ шпоры своего коня, вплотную подъѣзжаетъ къ Мартосу, приподнимается на стременахъ и крѣпко обнимаетъ его. Дрожащимъ голосомъ, полнымъ признательности, Самсоновъ произноситъ:

— Вы, Мартосъ, единственный, который еще, можетъ быть, спасетъ насъ.

На вершинѣ холма Самсоновъ объясняетъ, что онъ рѣшилъ порвать связь съ Волковыскомъ, и его штабъ, Постовскій и Вяловъ, должны каждую минуту прибыть сюда. Онъ разсказываетъ Мартосу, что свернувъ свою радіо-станцію, снялъ аппараты Юза и тѣмъ самымъ обрѣзалъ телефонное сообщеніе съ Жилинскимъ, потому что его мѣсто теперь здѣсь, а не у телеграфныхъ аппаратовъ. Онъ хочетъ быть посреди своихъ войскъ, — въ томъ мѣстѣ, гдѣ неминуемо должна рѣшиться участь его арміи.

— Знаетъ - ли Жилинскій объ этомъ? — спрашиваетъ Мартосъ.

— Да, я сообщилъ въ Волковыскъ, что, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, у меня съ нимъ не будетъ связи. Надѣюсь, что по истеченіи извѣстнаго времени можно будетъ сообщить въ Волковыскъ что - нибудь хорошее.

Генералы замолкаютъ. Въ большіе бинокли разсматриваютъ они позиціи своихъ войскъ, вслушиваются въ оглушительный шумъ боя.

Мысли Мартоса, впрочемъ, на нѣсколько минутъ далеки отъ оперативныхъ предположеній. Онъ думаетъ совсѣмъ о другомъ, думаетъ, что Самсоновъ знаетъ, что дѣлаетъ, когда прерываетъ сношеніе съ Жилинскимъ. Ему пріятно, что Самсонову теперь ясна происходящая въ данный моментъ борьба за «быть или не быть» и въ этой борьбѣ не могутъ помочь ни Жилинскій, ни Постовскій. Здѣсь только велѣніе рока. И если это велѣніе благожелательно, то Самсоновъ используетъ его до конца, и тогда... опять заработаютъ его станціи безпроволочнаго телеграфа, его Юзы, его телефоны, и въ эфиръ по проволокамъ полетятъ радостныя вѣсти о гибели восьмой германской арміи! Если же несчастье,—ну, тогда Самсоновъ будетъ знать что дѣлать, и какъ поступить съ той маленькой вещью, которая прикрѣплена у него справа, на поясѣ походной амуниціи.

— Сядемъ, — предлагаетъ Самсоновъ и, вынувъ изъ полевой сумки карту, раскладываетъ ее на колѣняхъ. Оба генерала нѣкоторое время совѣщаются о возможностяхъ и намѣреніяхъ.

Въ данный моментъ ясно одно: выждать. Планъ окруженія противника съ помощью спѣшащаго къ Нардау корпуса Клюева требуетъ времени. Корпусъ Клюева долженъ первымъ начать дѣйствовать, долженъ поразить противника въ спину. Если это удастся, листокъ календаря можно будетъ сорвать съ легкимъ сердцемъ, потому что битва будетъ выиграна. Слѣдовательно, — выждать.

И генералы встаютъ, снова вслушиваются въ гулъ битвы, и обоимъ трудно сдержать свой темпераментъ, не приказать войскамъ броситься впередъ. Они вынуждены стоять на вершинѣ холма и ждать.

Донесенія, поступающія съ разныхъ участковъ фронта, въ общемъ удовлетворительны. Только изрѣдка Самсоновъ задумывается надъ тѣмъ, что можетъ твориться въ районѣ корпуса Клюева. Онъ постоянно отгоняетъ эту мысль, — не можетъ же быть, чтобы всегда и вездѣ было-бы только плохо! И когда Постовскій и Вяловъ появляются на вершинѣ холма, они застаютъ Самсонова спокойнымъ и замкнутымъ. Чувствуя себя здѣсь лишними, они отходятъ въ сторону и, остановившись поодаль, вполголоса переговариваются.

КРУШЕНІЕ.

Солнце подымается все выше. До этого мгновенія Самсоновъ могъ еще надѣяться. До полудня ждалъ онъ, что генералъ Клюевъ обойдетъ непріятеля съ фланга, и разгорѣвшійся бой къ вечеру закончится успѣхомъ русскаго оружія.

Полдень остался позади. Солнце перевалило черезъ зенитъ и начало постепенно склоняться къ западу. Внезапно офицеры штаба Самсонова услышали новый шумъ, гулъ новой битвы, гдѣ-то далеко, далеко на сѣверѣ, въ направленіи Хоэнштейна, — гулъ, который мощно и неуклонно наросталъ. Въ первое мгновеніе нервы Самсонова сдали, и слезы радости навернулись на его глаза. Онъ былъ убѣжденъ, что этотъ гулъ является ничѣмъ инымъ, какъ боемъ, который съ большимъ порывомъ началъ Клюевъ, несомнѣнно обрушившійся на флангъ непріятеля.

Бѣжали минуты, часы... Столь нетерпѣливо ожидаемыя донесенія отъ Клюева тѣмъ не менѣе не поступали. Самсоновъ посылалъ въ расположеніе корпуса Клюева офицеровъ, верховыхъ, но ни офицеры, ни солдаты не возвращались обратно.

И вотъ, Самсоновъ и Мартосъ стоятъ на холмѣ, смотрятъ на сѣверъ, гдѣ все сильнѣе и сильнѣе грохочутъ орудія, и имъ кажется, что этотъ гулъ даже приближается къ нимъ.

Оба становятся безпокойными, оба не знаютъ, что можно предпринять. Съ минуту Самсоновъ думаетъ, не нужно-ли ему поспѣшить къ мѣсту, гдѣ рѣшается судьба операціи, съ тѣмъ, чтобы, собственными глазами убѣдиться, что тамъ происходитъ, отдать нужныя распоряженія, если Клюевъ находится въ замѣшательствѣ?

И вдругъ...

Глаза Самсонова расширяются отъ ужаса. Онъ видитъ на дорогѣ, обтекающей съ сѣвера холмъ, бѣгущую массу солдатъ, бросающихъ въ канаву сумки, скатки, винтовки, — бѣгущихъ людей, — не колонну, не батальонъ, не полкъ, нѣтъ — словно стадо, объятое паникой, — свои собственныя войска!

Подавленное восклицаніе вырывается изъ груди Самсонова. Ошеломленный, онъ хватается за кобуру, разстегиваетъ ее, чтобы выхватить револьверъ, но прежде чѣмъ онъ успѣваетъ это сдѣлать, нѣсколько молодыхъ офицеровъ, безъ всякаго приказа съ его стороны, вскакиваютъ на лошадей вонзаютъ шпоры и галопомъ несутся навстрѣчу бѣгущимъ войскамъ.

— Стой! Сто-ой!

Офицеры кричатъ, пинками кулаковъ и ноженъ, ударами рукоятокъ револьверовъ, стараются остановить человѣческое стадо, вертятся среди него, и глаза ихъ читаютъ на погонахъ номера полковъ, принадлежащихъ къ одной изъ бригадъ Клюева, той бригадѣ, которая должна была нанести первый ударъ во флангъ непріятеля.

Да, это было бѣгство, ужасное бѣгство истощенныхъ, изголодавшихся людей, внезапно потерявшихъ стойкость нервовъ. Бросивъ на землю свою фуражку, Самсоновъ стоялъ на склонѣ холма, грозилъ кулакомъ, призывалъ солдатъ образумиться, но разстояніе было слишкомъ велико, чтобы солдаты могли разобрать его голосъ, понять, то, что имъ приказываетъ командующій арміей.

Лишь съ большимъ трудомъ удалось внести въ потокъ обезумѣвшихъ людей нѣкоторое успокоевіе. Выяснилось, что бригада Клюева, которая

должна была нанести фланговый ударъ, напоролась на западню, на давно подготовленную Гинденбургомъ преграду. Бригада была взята подъ ужасный артиллерійскій обстрѣлъ и буквально разстрѣляна.

Самсоновъ поспѣшилъ на вершину холма, подозвалъ къ себѣ перваго попавшагося подъ руку полковника генеральнаго штаба и приказалъ ему карьеромъ нестись къ Клюеву, чтобы узнать, каково положеніе остальныхъ полковъ на участкѣ тридцатаго корпуса, не осталось-ли у Клюева еще достаточно силы, чтобы все - таки завершить обходный маневръ.

Полковникъ умчался, а Самсоновъ, съ холма, крѣпко стиснувъ руки, наблюдалъ какъ по тыловымъ дорогамъ неслись тарахтящія обозныя повозки, какъ обозные нахлестывали обезумѣвшихъ лошадей, какъ распылялось имущество его арміи.

У подножія холма наросталъ хаосъ. Все перемѣшалось: повозки, кавалеристы, пѣхотинцы, санитарныя двуколки неслись безъ опредѣленной цѣли, — отъ солнца, на востокъ.

— Я остановлю этотъ кабакъ! — злобно, сквозь зубы, выкрикиваетъ Самсоновъ и, вырвавъ изъ кобуры револьверъ, спускается на дорогу, останавливается поперекъ ея.

— Стой! — кричитъ онъ мощнымъ голосомъ, покрывающимъ шумъ бѣгущихъ. Лѣвой рукой онъ хватаетъ за грудь то одного, то другого солдата, сталкиваетъ ихъ прочь съ дороги. Вокругъ него собирается группа взволнованныхъ офицеровъ, съ револьверами въ рукахъ, готовыхъ на все и повторяющихъ дѣйствія своего командира. Въ нѣсколько минутъ удается остановить батальонъ Нарвскаго полка и другой — Копорскаго. Самсоновъ подзываетъ ихъ офицеровъ и приказываетъ выстроить батальоны фронтомъ вдоль дороги. Среди копорцевъ и нарвцевъ быстро возстанавливается порядокъ, ихъ офицеры занимаютъ свои мѣста, потупивъ глаза, стыдясь происшедшаго. Батальоны стоятъ, ожидая, что Самсоновъ прикажетъ, но время для приказаній еще не наступило. Генералу все еще приходится бороться съ бѣгущимъ потокомъ, бранясь и увѣщевая. Онъ пытается остановить его, указываетъ, что бѣгущіе ведутъ себя позорно по отношенію къ знамени и родинѣ.

— Я самъ поведу васъ въ бой, если это будетъ необходимо! — кричитъ онъ охрипшимъ голосомъ.

И предоставивъ офицерамъ водворять порядокъ, онъ снова взбѣгаетъ на холмъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда возвращается посланный къ Клюеву полковникъ съ донесеніемъ:

— Командиръ тринадцатаго корпуса доноситъ, что онъ не можетъ выполнить боевой приказъ обойти нѣмцевъ, потому что нѣмцы сами атакуютъ его превосходными силами и онъ больше не располагаетъ свободой дѣйствія.

— Замѣтили - ли вы сами что - нибудь важное? — спрашиваетъ Самсоновъ.

— Да, ваше превосходительство: между нашими позиціями, — то-есть между расположеніемъ пятнадцатаго корпуса и корпусомъ Клюева, — уже движется сильная германская пѣхота....

Въ этотъ моментъ къ говорящимъ подходитъ Мартосъ, который слышитъ послѣднія слова. Поблѣднѣвъ, онъ прикладываетъ руку къ козырьку и прерывисто говоритъ:

— Въ такомъ случаѣ, ваше превосходительство, мнѣ кажется, намъ

пора отступать... Постараемся вырваться изъ этого чертовскаго котла, прежде, чѣмъ намъ будетъ нанесенъ смертельный ударъ.

Самсоновъ молчитъ. Потирая подбородокъ, онъ нѣкоторое время смотритъ на носки своихъ запыленныхъ сапогъ, затѣмъ переводитъ взоръ на выстроенные у подножія холма батальоны, обводитъ взоромъ затянутый дымомъ и пламенемъ горизонтъ, и обращается къ Постовскому, который стоитъ съ удрученнымъ выраженіемъ лица поодаль.

— Что скажете вы на это, Постовскій?

Постовскій угрюмо молчитъ. Тогда Самсоновъ дѣлаетъ знакъ кивкомъ головы Мартосу слѣдовать, и подходитъ къ Постовскому.

— Я предлагаю вамъ высказаться, — угрожающе говоритъ онъ своему начальнику штаба.

И вдругъ, въ тотъ моментъ, когда Самсонову нужна моральная поддержка, нужны ясные совѣты, когда требуется опора, Постовскій начинаетъ говорить дрожащимъ голосомъ, плаксиво, что отступать нельзя, — трудно, вѣдь, попросту оборвать бой, невозможно отряхнуть съ себя вцѣпившихся нѣмцевъ. Онъ заявляетъ, что наступилъ кризисъ, но что онъ еще не видитъ въ данный моментъ трагедіи. По его мнѣнію, не все еще погибло...

Но по мѣрѣ того, какъ онъ говоритъ, его голосъ крѣпнетъ и съ убѣжденіемъ прибавляетъ:

—Конечно, корпусъ Клюева ведетъ тяжелый бой, но на участкѣ корпуса Мартоса дѣла вовсе не стоятъ такъ плохо. Нельзя отрицать, конечно, что и корпусъ Матроса изнываетъ, но все можетъ перемѣниться. Отступленіе обоихъ корпусовъ было бы равнозначущимъ потерѣ сраженія.

Мартоса это взрываетъ и онъ кричитъ:

— Вы правы, ваше превосходительство, мы проиграли битву.

Онъ хочетъ еще прибавить, что въ концѣ концовъ во всемъ этомъ виноватъ Постовскій , виноватъ и Жилинскій, но, считая въ данную минуту безполезнымъ дѣлать укоры, только съ отчаяніемъ отмахивается рукой.

Чувствуя, что между двумя генералами наростаетъ ненависть, которая можетъ окончиться ужасной вспышкой, Самсоновъ приближается къ нимъ и вмѣшивается:

— Вы же знаете, Постовскій, какъ я внимательно прислушиваюсь къ вашимъ указаніямъ. И еще теперь я склоненъ выслушать ихъ съ полнымъ довѣріемъ. Примите во вниманіе, что приказъ объ отступленіи мы можемъ отдать въ любой моментъ, и при данной обстановкѣ многое зависитъ отъ того, будетъ ли онъ отданъ на пять минутъ раньше, или на пять минутъ позже. Выскажитесь, что вы думаете...

Возникаетъ оживленное совѣщаніе трехъ генераловъ, изъ которыхъ нервничаютъ только Мартосъ и Постовскій. Самсоновъ спокойно выслушиваетъ мнѣніе обоихъ, и въ концѣ концовъ присоединяется къ мнѣнію Постовскаго. Клюевъ долженъ, несмотря на все, еще разъ попытаться наступать, долженъ броситься впередъ, не щадя ни себя, ни своихъ солдатъ. И если этотъ послѣдній ударъ не удастся, тогда уже придется примириться съ худшимъ... Битва подъ Сольдау будетъ проиграна...

Снова подзывается полковникъ генеральнаго штаба, который уже разъ ѣздилъ къ Клюеву. Тотъ получаетъ приказаніе вторично направиться туда и сказать, что все, именно все зависитъ отъ того, опрокинетъ-ли Клюевъ нѣмцевъ, или нѣтъ.

И полковникъ опять уносится на гулъ битвы и скрывается за густыми клубами пыли. А Самсоновъ и его помощники стоятъ на холмѣ и вслушиваются въ перекатывающуюся, крѣпнущую канонаду, которая то вспыхиваетъ, то замираетъ на участкѣ тринадцатаго корпуса. Проходитъ добрый часъ, прежде чѣмъ полковникъ возвращается и доноситъ, что войска Клюева попрежнему ведутъ тяжелый бой, но продвинуться не могутъ, и что за счастье можно почитать, если Клюеву удастся вообще сдержать натискъ нѣмцевъ.

— Непріятель въ ужасномъ перевѣсѣ, ваше превосходительство, — заканчиваетъ полковникъ, — нѣмцы бросаются впередъ, какъ сумасшедшіе, словно понимая, что въ настоящее время борьба идетъ не на жизнь, а на смерть!

Мартосъ вторично и настойчиво обращается къ Самсонову:

— Мы должны быть готовы къ крушенію всѣхъ нашихъ надеждъ. Я все - таки предлагаю начать отступленіе на Хоржеле, на юго-востокъ.

Постовскій злобно взглядываетъ на Мартоса, но не произноситъ ничего.

— Нѣтъ, — говоритъ Самсоновъ, если ужъ отступать, то на Нейденбургъ, на югъ. Мы попытаемся удержать этотъ городъ.

— На югъ будетъ опасно, ваше превосходительство, — съ сомнѣніемъ говоритъ Мартосъ.

— Тѣмъ не менѣе попытаемся все-таки на югъ, — настаиваетъ Самсоновъ и предлагаетъ выписать необходимый приказъ.

И въ тотъ моментъ, когда адъютантъ начинаетъ записывать директиву отступленія, на холмъ вскарабкивается покрытый пылью мотоциклетистъ. Лицо его окровавленно, — несчастный повидимому, упалъ и сильно разбился, — онъ слѣзаетъ съ сѣдла, отираетъ рукавомъ съ лица кровавую грязь, подходитъ къ Самсонову, вытягивается и протягиваетъ конвертъ.

— Незадолго до того какъ свернулась радіо-станція въ Нейденбургѣ, была принята еще послѣдняя телеграмма отъ командующаго фронта, — докладываетъ онъ.

Самсоновъ нетерпѣливо вскрываетъ конвертъ и читаетъ:

«Командующему второй арміей:

Доблестныя войска ввѣренной вамъ арміи выдержали тяжелое испытаніе, которое выпало на ихъ долю во время боевъ 25, 26 и 27 августа. Я приказалъ генералу Ренненкампфу, который продвинулся уже до Гердауэна, войти съ вами въ кавалерійскую связь. Надѣюсь, что 29 августа вы, объединившись съ Ренненкампфомъ, отбросите непріятеля.

ЖИЛИНСКІЙ».

Самсоновъ съ досадой усмѣхается и вторично пробѣгаетъ ироническое посланіе судьбы. Мартосъ, замѣтившій странное выраженіе лица своего начальника, спрашиваетъ:

— Какія-нибудь непріятныя новости, ваше превосходительство?

— Хуже, — съ ноткой печали отвѣчаетъ Самсоновъ и передаетъ ему радіограмму,

Мартосъ со вздохомъ перечитываетъ строки и возвращаетъ бумажку. Самсоновъ методически разрываетъ ее на мелкіе куски, подымаетъ ладонь и слѣдитъ за тѣмъ, какъ вѣтеръ разноситъ посланіе Жилинскаго. И когда послѣдній кусочекъ улетаетъ съ ладони, онъ подходитъ къ офицерамъ своего штаба. Но едва ему удается произнести первое слово, какъ въ воздухѣ внезапно раздается рѣзкій визгъ, затѣмъ земля вздрагиваетъ отъ

удара, и въ нѣсколькихъ десяткахъ метрахъ отъ холма къ небу взлетаетъ мощный фонтанъ земли. Послѣ этого одинъ за другимъ по холму начинаютъ бить гранаты, долина и дорога начинаютъ кипѣть, въ воздухѣ вспыхиваютъ мягкія облачки шрапнельныхъ разрывовъ и на холмъ обрушивается цѣлый ливень снарядовъ.

Самсоновъ поднимаетъ бинокль, и видитъ, какъ по направленію къ дорогѣ катятся сѣрые человѣческіе ряды. Нѣмцы...

Нѣтъ, такъ просто они этого холма не возьмутъ!.. На мгновеніе Самсонову хочется стать во главѣ двухъ собранныхъ вдоль дороги батальоновъ, самому взять въ руки знамя какого-нибудь полка и погибнуть подъ огнемъ винтовочныхъ и пулеметныхъ выстрѣловъ. Онъ пытается внушить это инстинктивное желаніе каждому храброму солдату, и спокойными шагами спускается съ холма.

На полпути, навстрѣчу ему поднимается командиръ одного изъ бѣжавшихъ полковъ, запыленный, усталый, осунувшійся. Съ подлиннымъ страхомъ въ глазахъ онъ подноситъ руку къ козырьку и начинаетъ рапортовать что-то безсвязное. Самсоновъ смотритъ на несчастнаго командира, останавливается и глухо говоритъ:

— Вамъ, собственно говоря, надо было-бы сорвать погоны за такія дѣла, но, къ сожалѣнію, обстановка не даетъ времени для патетическихъ разжалованій. Во всякомъ случаѣ съ этого момента считайте, что вы больше не являетесь командиромъ вашего полка.

Замѣтивъ вблизи себя молодого подполковника саперныхъ войскъ, въ глазахъ котораго, какъ кажется Самсонову, горитъ преданность и отвага, онъ подзываетъ его и говоритъ:

— Возьмите оба собранныхъ тамъ, внизу, батальона и покажите, что можетъ сдѣлать молодежь. Смотрите: тамъ, впереди, непріятель. Онъ въ десять разъ сильнѣе васъ, но онъ не смѣетъ прорваться въ образующуюся брешь. Пусть нарвы и копорцы загладятъ свою вину! Пусть покажутъ, что они являются отпрысками тѣхъ солдатъ, которыми командовалъ Суворовъ! Впередъ!!

Радость вспыхиваетъ въ глазахъ подполковника. Поспѣшно отдавъ честь, онъ, придерживая лѣвой рукой ножны шашки и выхватывая на ходу изъ кобуры револьверъ, спѣшитъ къ обоимъ батальонамъ.

— Влѣво по линіи въ цѣпь! — на ходу кричитъ онъ. — За мной, впередъ, бѣгомъ, маршъ! Ура!!

Солдаты медленно и нехотя разсыпаются. Подполковникъ, не оборачиваясь на нихъ и увѣренный, что всѣ за нимъ слѣдуютъ, мѣняетъ направленіе и бѣжитъ навстрѣчу нѣмцамъ, — пять, десять, двадцать шаговъ. Затѣмъ онъ оборачивается и видитъ... что за нимъ не слѣдуетъ никто! Рѣзко повернувшись, онъ возвращается къ солдатамъ, хватаетъ одного за грудь и, наливаясь кровью, кричитъ:

— Трусы! Мерзавцы! Нѣмцевъ испугались? Впередъ, говорю я!!

Командиръ взвода, поручикъ съ землистымъ отъ переутомленія лицомъ, глухо говоритъ:

— Не только солдаты не могутъ, но и мы, полковникъ. Пять дней безъ ѣды, сутки безъ воды...

Въ этотъ моментъ передъ фронтомъ появляется Самсоновъ.

— Въ чемъ дѣло? — рѣзко спрашиваетъ онъ. — Почему вы не наступаете, какъ я это приказалъ, полковникъ?

— Одну минуту, ваше превосходительство, — торопливо отвѣчаетъ тотъ и, повысивъ до предѣла голосъ, хрипло кричитъ:

— За мной, ребята! Впередъ, бѣгомъ ,маршъ!

Онъ снова бросается впередъ, снова останавливается и видитъ, какъ солдаты угрюмо начинаютъ бросать на землю винтовки.

И когда фронтъ нарвцевъ и копорцевъ разстраивается, когда солдаты начинаютъ по одиночкѣ самовольно покидать строй, полковникъ понимаетъ, что люди измотаны въ конецъ, что съ ними ничего не предпримешь... Онъ поднимаетъ свой наганъ, смотритъ въ упоръ на Самсонова, вытягивается въ струнку и, глубоко вздохнувъ, нажимаетъ гашетку. Пуля пробиваетъ голову навылетъ, и подполковникъ, какъ снопъ, падаетъ передъ ногами командующаго арміей.

Фигура Самсонова, всегда такая прямая, въ это мгновенье въ первый разъ сутулится. Кажется, будто послѣднія силы покинули этого человѣка, на котораго невыносимымъ грузомъ навалились и отвѣтственность, и безпомощность. Снявъ фуражку и подставляя голову освѣжающимъ струямъ вѣтра, онъ тяжелыми шагами возвращается на стоянку штаба и тихимъ, разбитымъ голосомъ обращается къ безмолвствующимъ офицерамъ:

— Отправимся въ Нейденбургъ.

Мартосъ, оживившись, поспѣшно отдаетъ приказы: его корпусъ и корпусъ Клюева должны, наконецъ, начать отступленіе. Самсоновъ садится на коня и, не дожидаясь, пока приказы будутъ разосланы, киваетъ Мартосу головой, съѣзжая съ холма первымъ и намѣреваясь организовать подъ Нейденбургомъ сопротивленіе, прежде чѣмъ туда подойдутъ отступающіе корпуса. Мартосъ слѣдуетъ за нимъ нѣкоторое время спустя и нагоняетъ Самсонова по пути. Онъ видитъ пустой, открытый автомобиль съ замершимъ у руля шоферомъ, а немного позади на краю дороги сидящаго на травѣ Самсонова, охватившаго лицо руками.

Мартосъ подходитъ къ своему командиру. Тотъ тяжело поднимается и задумчиво говоритъ:

— Если намъ удастся во время сконцентрировать подъ Нейденбургомъ ваши корпуса, я, кажется, еще смогу повернуть дѣло къ лучшему.

Послѣ этого онъ крѣпко жметъ руку Мартосу и садится въ автомобиль. Шоферъ рывкомъ трогаетъ машину. Съ этого мгновенія генералу Самсонову больше не суждено увидѣть своего вѣрнаго боевого товарища, храбраго и рѣшительнаго генерала Мартоса...

ПРИКАЗЪ ЛЮДЕНДОРФА О ПРЕСЛѢДОВАНІИ.

Неспокойно было на холмѣ у Фрегенау, гдѣ у дальномѣра группировались Гинденбургъ, Людендорфъ и офицеры штаба Оберкомандо Ахтъ. Штабъ этотъ надѣялся, что побѣдоносныя германскія войска будутъ наступать съ развернутыми знаменами. Однако, битва затягивалась, и перспективы открывались отнюдь не блестящія. Сорокъ первая дивизія была разбита вдребезги. Бригада Унгера, застрявшая въ Мюленѣ, не выполнила боевого заданія. Связь съ тридцать седьмой дивизіей была прервана, и никто не зналъ, гдѣ эта дивизія находится. Только третья резервная дивизія могла донести о значительномъ успѣхѣ, но дивизія фонъ деръ Гольца, которая должна была соединиться съ нею въ Хоэнштейнѣ, дѣйствовала только въ половинѣ своего состава изъ-за страшнаго столкновенія поѣздовъ, загромоздившаго желѣзнодорожную линію и лишившаго дивизію подкрѣпленія. Въ силу этого, група Гольца находилась подъ сильной угрозой со стороны корпуса Клюева, и Людендорфъ не былъ

увѣренъ, поспѣетъ-ли во время корпусъ Белова, чтобы успѣть спасти Гольца отъ гибели.

Въ этой запутанной обстановкѣ Людендорфу показалось, что настало время дать арміи толчекъ, который породитъ новую вспышку энергіи. Поэтому въ половинѣ второго дня онъ отдалъ приказъ о преслѣдованіи, который мало отвѣчалъ дѣйствительной обстановкѣ:

«Непріятель въ паникѣ отступаетъ на юго-востокъ по линіи Хоэнштейнъ — Ваплицъ. Первый корпусъ долженъ образовать барьеръ и еще въ продолженіе текущаго дня достигнуть: первой дивизіей — Мушакена; второй дивизіей — Грюнфлиса; кавалеріей и командами самокатчиковъ, а также артиллеріей — Вилленберга. Двадцатый корпусъ покидаетъ позиціи озеро Ковнаткенъ — Хоэнштейнъ и преслѣдуетъ русскихъ въ направленіи Лана-Куркенъ. Преслѣдованіе будетъ продолжаться завтра съ самаго утра первымъ корпусомъ въ направленіи Вилленберга. Части, расположенныя у Сольдау, остаются на мѣстѣ».

Командиръ перваго германскаго корпуса Франсуа не считался, однако, съ варіантами приказовъ, исходившихъ отъ Оберкомандо Ахтъ. Наперекоръ желаніямъ Людендорфа онъ проталкивалъ свои полки къ Нейденбургу. Около трехъ часовъ дня его вторая дивизія достигла сѣверо-восточной части города и наткнулась тамъ на части двадцать третьяго корпуса и шестую кавалерійскую дивизію, расположенную у Ронцкена. Дивизія развернулась противъ этихъ частей, но, несмотря на свое количественное превосходство, сумѣла продвинуться всего только на нѣсколько сотъ метровъ.

Пылъ въ войскахъ строптиваго генерала Франсуа угасалъ. Вторая дивизія, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Рейхсархивъ, потеряла значительную часть своей активности. Предыдущіе бои и, въ особенности, столкновеніе утромъ 27 августа, когда русскіе атаковали ее во флангъ подъ Хейнрихсдорфомъ, сильно подточили ея силы..

Гинденбургъ тѣмъ временемъ рѣшилъ, что вечеромъ настала пора объѣхать тѣ части, которыя добились извѣстныхъ успѣховъ, и похвальными отзывами вдохнуть въ нихъ новую энергію. Предположивъ устроить на слѣдующій день свою штабъ-кватиру въ Остероде, онъ двинулся туда, намѣреваясь по дорогѣ задержаться въ Мюленѣ.

Такимъ образомъ, въ свѣтѣ вечерняго заката его автомобиль катился по дорогѣ, ведущей на Данненбергъ. Вслѣдъ за нимъ ѣхалъ его штабъ.

По дорогѣ неожиданно вокругъ автомобиля Гинденбурга возникло нѣчто невѣроятное. Съ адскимъ грохотомъ и шумомъ мимо него понеслись окутанные облаками пыли тяжелыя орудія, грохочущіе понтоны обозной повозки, запрудившія все шоссе.

Крики обезумѣлыхъ ѣздовыхъ и обозныхъ, которые нахлестывали объятыхъ паникой лошадей, смѣшивались въ невѣроятную какофонію.

— Русскіе! русскіе идутъ!!

Людендорфъ и офицеры его штаба, выхвативъ револьверы, выскочили изъ автомобилей, стараясь образовать поперекъ шоссе цѣпь. Угрожая оружіемъ и стрѣляя, выкрикивая угрожающія слова, они тщетно пытались остановить это повальное бѣгство. Долгое время на шоссе творилось нѣчто невообразимое. Повозки цѣплялись колесами, наѣзжая другъ на друга, падали задавленные люди, сбитыя съ ногъ лошади, — дикій крикъ стоялъ на нѣсколько километровъ въ окружности.

Но, когда постепенно волненіе утихло, то выяснилось, что паника

возникла изъ-за длинной колонны русскихъ плѣнныхъ, которая медленно продвигалась сквозь дымъ, покрывшiй поле битвы. Штыки окружавшихъ плѣнныхъ конвоировъ ярко блестѣли въ лучахъ заходящаго солнца. И эти отблески заставили нѣмцевъ подумать, что русскiе осуществили прорывъ, что они наступаютъ, неся съ собой гибель всѣмъ...

Вечеромъ того же дня Людендорфъ, достигнувъ Остероде, вызвалъ по телефону О. Х. Л. и донесъ Мольтке:

— Битва выиграна, и преслѣдованiе будетъ продолжаться, но окруженiе центра русской армiи, повидимому, не удастся.

Людендорфъ, однако, ошибался. Окруженiе удавалось. Макензенъ уже забрался глубоко въ тылъ армiи Самсонова, — забрался болѣе глубоко, чѣмъ это предполагало Оберкомандо Ахтъ, а Франсуа, вмѣсто того, чтобы идти на Лану, приближался къ Нейденбургу и Вилленбургу для соединенiя съ Макензеномъ и созданiя за спиной Самсонова непроходимаго барьера.

29 августа

На большей части русскаго фронта вечеромъ 28 августа бои затихли только очень поздно ночью и оба противника, изнеможденные непрерывными боями, рѣшили отдохнуть.

Корпусъ Клюева, который достигъ сѣвера и сѣверо - востока Хоэнштейна, намѣревался, несмотря на страшныя потери, на разсвѣтѣ предпринять новую атаку. Но уже вечеромъ прибылъ приказъ Самсонова, предписывающiй не дожидаться утра и немедленно начать отступленiе. Для генерала Клюева этотъ приказъ явился полной неожиданностью, такъ какъ, несмотря на неудачу одной изъ дивизiй, остальная часть корпуса твердо держалась на своихъ позицiяхъ. Все же онъ поднялъ свои войска въ три часа утра и двинулся въ направленiи Куркенъ - Яблонкенъ - Валлендорфъ и Хоржеле, оставивъ на мѣстѣ сильный арьергардъ.

Этотъ арьергардъ былъ атакованъ въ 6 часовъ утра тридцать седьмой германской дивизiей и дивизiей фонъ деръ Гольца. Несмотря на очевидное преимущество противника, русскiе храбро приняли бой, и въ самый разгаръ его оказались подъ перекрестнымъ огнемъ, такъ какъ въ тылъ имъ, со стороны Гризлинена, ударилъ первый германскiй резервный корпусъ. Противникъ былъ въ три раза сильнѣе. Арьергардъ Клюева понесъ ужасныя потери, тѣмъ не менѣе эта неравная борьба обошлась дорого первому германскому резервному корпусу и тридцать седьмой дивизiи. Около десяти часовъ утра русскiй отрядъ, въ виду численнаго перевѣса противника, вынужденъ былъ сдаться. Нѣмцы собрали первую кровавую жатву: нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, 7 орудiй и большое число обозныхъ повозокъ.

Ядро корпуса Клюева тѣмъ временемъ продвигалось по длинному и узкому перешейку между озерами, посреди котораго расположилась деревушка Шведерихъ. На разсвѣтѣ нѣмцы сосредоточили по этому перешейку ураганный огонь артиллерiи, который причинилъ русскимъ крупныя потери. Несмотря на этотъ ужасающiй огонь, имъ все-таки удалось ускользнуть на востокъ, вопреки усилiямъ третьей германской резервной дивизiи, которая старалась отрѣзать путь къ отступленiю.

*

Корпусъ Мартоса въ продолженiи ночи отступалъ на Орлау, двигаясь

южнѣе большого озера Маранзенъ и имѣя цѣлью Мушакенъ и Яново. Сорокъ первая германская дивизія Зоннтага должна была настигнуть его и послѣ ночного привала начала преслѣдованіе русскихъ. Эта дивизія, однако, находилась подъ впечатлѣніемъ ужаснаго удара, перенесеннаго наканунѣ, и продвигалась поэтому съ исключительной медленностью и осторожностью. Около Ланы дивизія Зоннтага наткнулась на русскія прикрытія, которыя оказали энергичное сопротивленіе, заставивъ ее остановиться въ продолженіе всего утра. Только около часу дня русскіе, очистивъ позиціи, стали отходить, обнаживъ флангъ тринадцатаго корпуса, но сорокъ первая дивизія больше не имѣла ни силъ, ни желанія использовать открывающійся шансъ. Она ограничилась занятіемъ Орлау, гдѣ расположилась на отдыхъ, пройдя всего на всего пятнадцать километровъ. Какъ бы то ни было, въ продолженіе второй половины истекшаго дня чаша вѣсовъ склонилась опредѣленно въ пользу нѣмцевъ. Въ этотъ день ихъ успѣхъ сталъ еще болѣе значительнымъ. Операціямъ суждено было закончиться гибелью окружаемыхъ русскихъ корпусовъ.

Планъ Гинденбурга удался, и когда наступила ночь, вокругъ тринадцатаго и пятнадцатаго русскихъ корпусовъ уже замкнулось кольцо... Правда, это кольцо не всюду было достаточно крѣпкимъ, во многихъ мѣстахъ оно было лишь едва намѣчено, встрѣчались и бреши, но главные пути отступленія русскихъ находились уже въ нѣмецкихъ рукахъ.

Особенно далеко въ тылъ забралась бригада Шметтау, покрывъ зъ одинъ переходъ тридцать пять километровъ, отдѣляющихъ Нейденбургъ отъ Вилленберга. Всего за двое сутокъ эта бригада, ведя бои, прошла шестьдесятъ километровъ

На западѣ отъ бригады Шметтау, между Вилленбергомъ и Нейденбургомъ, часть кольца образовывала первая дивизія корпуса Франсуа. Вторая дивизія этого корпуса преградила выходы изъ лѣса Яблонкенъ, смыкаясь на сѣверѣ съ сорокъ первой дивизіей, а къ югу, отъ Ваплица до Шведериха и Куркена, широко раскрытой дугой расположилась див. фонъ Моргена, за которой слѣдовалъ корпусъ Макензена, перерѣзавшій всѣ пути отступленія на востокъ.

Но это кольцо Гинденбурга завершилось еще болѣе важными мѣропріятіями, а именно тѣмъ, что къ вечеру 29 августа, на сѣверѣ уже стояли съ винтовками у ноги первый резервный корпусъ, тридцать седьмая дивизія корпуса Шольца, части ландвера и крѣпостныя войска, занявшія позиціи у Алленштейна, готовыя встрѣтить Ренненкампфа, если тотъ поспѣшитъ на помощь своему гибнущему товарищу.

САМСОНОВЪ ПЕРЕДАЕТЪ КОМАНДОВАНІЕ МАРТОСУ.

Мы оставили генерала Самсонова на краю дороги при наступленіи сумерекъ. Тамъ его засталъ генералъ Мартосъ, уѣхавшій послѣ короткаго разговора въ направленіи Нейденбурга. Самсоновъ же направился въ Орлау.

Тамъ онъ провелъ новую безсонную ночь, въ то время какъ его штабъ судорожно старался наладить связь съ разсѣянными частями. По приказанію Самсонова, въ продолженіе всей ночи офицеры штаба разсылали ординарцевъ, но никто изъ нихъ не могъ достигнуть указанныхъ частей, потому что вторая русская армія не была больше схематически расположенной массой, а представляла собою сборище перепутавшихся

частей. Войска шли походомъ, частью руководствуясь общими директивами, полученными раньше, частью руководимые импровизированными приказами своихъ командировъ, частью безъ всякихъ приказаній.

Было ясно, что врагъ окружилъ со всѣхъ сторонъ, но въ душахъ офицеровъ еще теплилась слабая надежда, что выходъ можетъ быть найденъ въ юго-восточномъ направленіи. Поэтому большинство полковъ шло по компасу, часто безъ дорогъ, прямо черезъ лѣса, теряя оріентировку и снова находя ее, шло подымаясь на холмы и спускаясь съ нихъ.

Но, когда уже казалось, что достигнута линія, за которой открывается путь къ свободѣ, они были встрѣчены огненной стѣной пулеметнаго огня . . .

■

Когда наступило утро, генералъ Самсоновъ потребовалъ автомобиль и поѣхалъ къ своимъ отступающимъ войскамъ. Штабъ его, состоящій изъ семи офицеровъ, былъ вмѣстѣ съ нимъ и было печально наблюдать, какъ переутомленные русскіе солдаты не поднимали уже головы, когда становилось извѣстно, что мимо нихъ проѣзжаетъ командующій.

Тѣмъ не менѣе Самсоновъ былъ полонъ рѣшимости продолжать сопротивленіе. Онъ надѣялся, что корпусъ Артамонова, нынѣ Душкевича, уже приведенъ въ порядокъ, что онъ успѣлъ отдохнуть. То же самое ожидалъ онъ и отъ остатковъ корпуса Благовѣщенскаго, которому приказалъ остановиться, и, если возможно, перейти въ наступленіе. Что же касалось корпусовъ Мартоса и Клюева, то . . . онъ былъ среди нихъ, видѣлъ, какъ они едва плелись усталые, разбитые, деморализованные.

Около полудня Самсоновъ со своимъ штабомъ находился около Орлау. Въ этотъ часъ у него была только одна мысль: онъ долженъ, онъ обязанъ сохранить для государя императора по возможности больше солдатъ, винтовокъ и орудій. Онъ долженъ спасти отъ катастрофы все, что еще возможно, и единственнымъ его стремленіемъ было вырваться изъ этого адскаго котла, собрать на русской территоріи свои разбитые корпуса и снова двинуться во главѣ ихъ на одолѣвающаго врага.

И чтобы спокойно провести въ жизнь это намѣреніе, онъ пишетъ приказъ, согласно которому генералъ Мартосъ назначается командующимъ этими идущими, вѣрнѣе, плетущимися, войсками, и долженъ вывести ихъ на Хоржеле и Яново. Тамъ, на русской землѣ, между этими двумя мѣстечками, Мартосъ долженъ остановиться, и тогда Самсоновъ снова примется за осуществленіе новаго, въ спокойной обстановкѣ подготовленнаго плана.

Этотъ приказъ Самсоновъ передалъ одному изъ своихъ офицеровъ, который долженъ былъ на автомобилѣ доставить его съ максимальной быстротой. Но офицеръ Мартоса больше не нашелъ. Поэтому онъ направился къ Клюеву, стоянка котораго была ему извѣстна.

Клюевъ былъ въ состояніи полной депрессіи. Его истощенныя войска уже начали отдѣльными частями сдаваться въ плѣнъ. Подобныя свѣдѣнія поступали все чаще, по мѣрѣ того, какъ войска Белова все сильнѣе обрушивались на его корпуса. Въ этотъ моментъ Клюевъ не могъ простить себѣ, что не повѣрилъ въ свое время донесеніямъ летчиковъ, которые сообщали, что на него движутся сильныя нѣмецкія части. Онъ думалъ тогда, что это Благовѣщенскій, но это не былъ Благовѣщенскій, это былъ Беловъ . . . И генералъ Клюевъ находилъ только единственное утѣшеніе въ томъ, что часть вины несетъ самъ ген. Самсоновъ, случайно

заставившій отклонить путь его корпуса къ югу-западу, благодаря чему Беловъ поразилъ его въ спину днемъ позже.

Принявъ приказъ Самсонова отъ офицера связи, Клюевъ долгое время не зналъ, что онъ долженъ предпринять для того, чтобы собрать разсѣянныя части второй русской арміи и планомѣрно вывести ихъ на родину. Тѣмъ не менѣе, Клюевъ, будучи рѣшительнымъ и настойчивымъ человѣкомъ, рѣшилъ попытаться осуществить поставленную передъ нимъ задачу.

Когда офицеръ, передавшій приказъ, возвратился къ стоянкѣ Самсонова, онъ случайно сталъ свидѣтелемъ трагическаго эпизода. По пути его автомобиль оказался среди колонны Каширскаго пѣхотнаго полка, который у деревни Шведерихъ былъ неожиданно окруженъ съ трехъ сторонъ врагомъ. Полкъ остановился посреди жестокаго огня и ждалъ, пока командиръ его оріентируется и рѣшитъ въ какомъ направленіи возможно будетъ пробиться. И пока командиръ, полковникъ Коховскій, не взирая на свистъ пуль, совѣщался съ офицерами, каширцы стояли неподвижно, съ винтовками «къ ногѣ», падая одинъ за другимъ, ранеными или убитыми, потому, что въ спѣшкѣ приказъ залечь не былъ отданъ.

Минуты въ этотъ моментъ равнялись часамъ. Но вотъ рѣшеніе было принято, и полковникъ Коховскій самъ громкимъ голосомъ отдаетъ команды, разворачивая полкъ въ цѣпь. Затѣмъ онъ принимаетъ изъ рукъ знаменщика полковое знамя, беретъ его въ лѣвую руку, высоко подымаетъ надъ головой, взмахиваетъ обнаженной шашкой и приказываетъ:

— За мной, ребята, съ Богомъ, ура!

И каширцы, обрадованные возможностью сдвинуться съ мѣста, бросаются съ громовымъ ура на ошеломленныхъ нѣмцевъ. Полковникъ Коховскій пробѣгаетъ нѣсколько сотъ шаговъ, падаетъ, пронзенный нѣсколькими пулями, и полотнище знамени на мгновеніе покрываетъ его. Въ слѣдующее же мгновеніе чья-то солдатская рука подхватываетъ древко и святыня каширцевъ снова полощется въ воздухѣ, увлекая за собой наступающихъ солдатъ.

Штыковой ударъ каширцевъ былъ ужасенъ и неудержимъ. Нѣмцы невольно разступились и выпустили полкъ, спасенный отъ плѣна доблестной гибелью его командира.

КАКЪ ГЕН. МАРТОСЪ ПОПАЛЪ ВЪ ПЛѢНЪ.

Офицеръ, который долженъ былъ передать приказъ Самсонова о томъ, что командованіе центромъ русской арміи временно передается Мартосу, не могъ найти его въ силу слѣдующихъ обстоятельствъ:

Наканунѣ вечеромъ, когда Мартосъ находился на пути въ Нейденбургъ, онъ узналъ, что этотъ городъ уже занятъ нѣмцами. Повернувъ обратно, онъ въ сопровожденіи своихъ офицеровъ блуждалъ въ продолженіе всего вечера, разыскивая подходящее мѣсто для ночевки.

Ночь была ужасной. Въ мозгу Мартоса неотвязчиво рисовались картины своихъ поспѣшно отступающихъ войскъ. Онѣ, какъ живыя, стояли передъ его глазами и не давали возможности хоть на мгновенье сомкнуть вѣки.

Съ наступленіемъ разсвѣта Мартосъ рѣшилъ найти новый пунктъ для наблюденія за мѣстностью съ тѣмъ, чтобы попытаться около него сконцентрировать свой корпусъ и развить новую планомѣрную операцію. Въ исполненіе своего плана, онъ, едва только начала заниматься заря, напра-

вился въ сопровожденіи казачьяго эскорта въ деревню, названіе которой не зналъ. Здѣсь онъ и его конвой попали въ сферу тяжелаго артиллерійскаго огня. Многіе казаки были убиты, часть, не выдержавъ разрывовъ гранатъ, сыпавшихся, какъ градъ, повернула лошадей и бросилась вразсыпную.

Мартосъ вышелъ изъ своего автомобиля, задержалъ пробѣгавшую мимо него лошадь, сѣлъ верхомъ и приказалъ двумъ бывшимъ съ нимъ офицерамъ и двумъ оставшимся казакамъ слѣдовать за нимъ.

Маленькая группа всадниковъ сдѣлала нѣсколько попытокъ проникнуть въ лѣсъ, но каждый разъ оказывалось, что опушки уже заняты нѣмцами, и куда ни направлялся маленькій отрядъ, его всюду встрѣчали ружейными и пулеметными выстрѣлами.

Мартосъ пришелъ къ заключенію, что на лошадяхъ они являются слишкомъ замѣтной цѣлью. Онъ приказалъ спѣшиться. Усталые, они побрели пѣшкомъ въ направленіи Янова, но и здѣсь, когда они шагали по лѣсной просѣкѣ, изъ кустовъ затарахтѣли германскіе пулеметы. Начальникъ штаба корпуса Мартоса генералъ Мачуговскій былъ убитъ наповалъ, другой офицеръ — раненъ.

Четыре человѣка блуждали по лѣсамъ весь день. До самаго вечера шли они по непомѣченнымъ на картахъ тропамъ.

Когда спустилась ночь, кони ихъ совершенно отказывались служить. Внезапно на опушкѣ лѣса вспыхнулъ германскій полевой прожекторъ, и ослѣпительный лучъ его освѣтилъ въ темнотѣ всадниковъ. Мартосъ приказалъ скакать къ противоположной опушкѣ, но, едва только кони приблизились къ первымъ кустамъ, какъ оттуда грянули винтовочные выстрѣлы. Лошадь Мартоса была убита. Самъ генералъ оказался выброшеннымъ изъ сѣдла и, прежде чѣмъ успѣлъ подняться, его грубо схватили торжествующіе нѣмецкіе солдаты.

Казалось, что въ этотъ моментъ жизнь Мартоса оборвется. Въ темнотѣ нѣмцы не могли разобрать, кто попался въ ихъ руки и, опьяненные боевымъ угаромъ, собирались уже прикончить плѣнника.

Въ это время раненый спутникъ Мартоса, капитанъ Федорчуковъ, крикнулъ по-нѣмецки.

— Это русскій генералъ!

Нѣмцы въ первое мгновенье растерялись, а затѣмъ стали вѣжливыми и предложили Мартосу слѣдовать за ними.

Такъ, въ темнотѣ, Мартосъ, Федорчуковъ и два казака прошли шаговъ триста, пока передъ ними не выросъ брустверъ свѣже-выкопанной треншей. Тамъ ихъ встрѣтилъ германскій офицеръ, который предложилъ Мартосу отдать шашку.

На слѣдующее утро ген. Мартоса перевезли въ Фрегенау. чтобы сутками позже представить Гинденбургу.

Свиданіе было драматическимъ. Мартосъ нѣкоторое время находился въ пустой комнатѣ подъ охраной часового. Затѣмъ раскрылась дверь, и изъ сосѣдней комнаты вышелъ Гинденбургъ, за нимъ Людендорфъ. Всѣ три генерала, двое германскихъ и одинъ русскій отдали честь. Гинденбургъ покрутилъ усъ и исподлобья посмотрѣлъ на Мартоса.

Людендорфъ заговорилъ по-русски, голосомъ рѣзкимъ, насмѣшливымъ:

— Въ чемъ заключалась собственно стратегія вашего прославленнаго генерала Самсонова? — спросилъ онъ.

— Разбить васъ, — просто и спокойно отвѣтилъ ген. Мартосъ.

Справа:

ПРОТИВНИКИ.

Генералъ фонъ Франсуа встрѣчаетъ только что взятаго въ плѣнъ командира XIII русскаго корпуса ген. Клюева. Ген. Клюевъ былъ доставленъ на мѣсто свиданія въ автомобилѣ Франсуа, о чемъ свидѣтельствуетъ развѣвающійся рядомъ съ сидѣньемъ шофера значекъ.

Слѣва.

МѢСТО, ГДѢ ЗАСТРѢЛИЛСЯ ГЕН. САМСОНОВЪ.

Неподалеку отъ импозантнаго памятника, воздвигнутаго германцами въ Танненбергѣ, въ лѣсу Каролиненхофа стоитъ скромный памятникъ ген. Самсонову, бывшему противнику Гинденбурга. Этотъ памятникъ построенъ нѣмцами какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ застрѣлился ген. Самсоновъ. Останки же славнаго генерала покоятся на кладбищѣ въ дер. Акимовкѣ, бывш. Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губ.

Слѣва.

РУССКІЕ ВЪ ИНСТЕРБУРГѢ.

Отступленіемъ войскъ Ренненкампфа изъ Восточной Пруссіи закончилась первая фаза Великой войны. Наступилъ перерывъ, и обѣ стороны — союзники и центральныя державы, — занялись собираніемъ силъ для новой схватки. На снимкѣ, сдѣланномъ вскорѣ послѣ вступленія русскихъ войскъ въ Инстербургъ, — парадъ на главной площади города.

ОБОРОНЯЮЩІЙСЯ ПАРИЖЪ.

Спѣшно согнанныя десятки тысячъ рабочихъ заняты устройствомъ на периферіи Парижа импровизированныхъ укрѣпленій и приведеніемъ въ состояніе боевой готовности уже построенныхъ ранѣе. На снимкѣ — устройство засѣки у Портъ Майо.

Людендорфъ вспыхнулъ и недовольно проворчалъ что-то неразборчивое.

Въ непріязненный разговоръ вмѣшался Гинденбургъ. Онъ, какъ и Людендорфъ, тоже говорилъ по-русски, но значительно хуже, и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Имѣете вы деньги? — спросилъ онъ.

— Да, ваше превосходительство, — отвѣтилъ Мартосъ. — У меня есть русскія кредитки.

— Ну, эти деньги теперь ничего не стоятъ, — попрежнему насмѣшливо заявилъ Людендорфъ.

Гинденбургъ строго сдвинулъ брови и посмотрѣлъ на своего начальника штаба, какъ бы предлагая ему замолчать.

— Вы были очень храбры, — сказалъ онъ одобрительно Мартосу. — Храбрый офицеръ долженъ сохранить свою саблю. Я буду приказать, что ваша сабля будетъ возвращена. Я желаю вамъ много счастья.

Гинденбургъ протянулъ руку. Мартосъ ее пожалъ. Людендорфъ ограничился тѣмъ, что отдалъ честь и, мотнувъ головой по направленію конвоира, приказалъ увести плѣннаго русскаго генерала.

Поведеніе Гинденбурга по отношенію къ Мартосу было рыцарскимъ, но оно, увы, выразилось только въ словахъ. Мартосъ такъ и не увидѣлъ своего золотого оружія, храбростью заработаннаго во время японской войны.

ВЪ ЛАБИРИНТѢ ЛѢСОВЪ И БОЛОТЪ.

Душнымъ было утро 29 августа. Мглистый туманъ, какъ тяжелая пелена, окуталъ поля и клубился въ лѣсахъ, словно не имѣя силы оторваться отъ пропитанной кровью земли. Солнце слабо пробивалось сквозь насыщенную сыростью атмосферу, и къ полудню температура повысилась настолько, что въ Орлау стало невыносимо жарко. Обозные, занятые погрузкой военнаго имущества, обливались потомъ. Понуро жевали лошади реквизированное сѣно, недосушенное, прѣлое, только что собранное на поляхъ.

Генералъ Самсоновъ покидалъ Орлау вмѣстѣ съ Постовскимъ, Вяловымъ, Филимоновымъ, начальникомъ оперативнаго отдѣленія Лебедевымъ и четырьмя младшими офицерами. Подъ нимъ была разбитая строевая лошадь съ неудобнымъ сѣдломъ, — личная лошадь Самсонова куда-то запропастилась и, несмотря на усиленные поиски денщика, ни она, ни вѣстовой не были обнаружены. Грузно сидѣлъ генералъ на чужомъ конѣ, отпустивъ поводья, склонивъ голову на грудь. Онъ ѣхалъ медленно среди своихъ сотрудниковъ, погруженный въ тяжелыя думы, ѣхалъ молча, старательно скрывая отъ другихъ свое угнетенное состояніе.

Самсоновъ былъ замѣтно усталымъ. Несмотря на всю силу воли, онъ все больше и больше горбился въ сѣдлѣ, пока, наконецъ, Филимоновъ не подъѣхалъ къ нему вплотную и предложилъ:

— Сядьте же лучше въ коляску, Александръ Васильевичъ. На васъ лица нѣтъ.

Самсоновъ упрямо отказывался послѣдовать этому совѣту. Желая показать свою выдержку, онъ коснулся шпорой коня, прибавилъ ходу и, преодолѣвая усталость, выпрямился.

Такъ, съ добрый часъ, онъ ѣхалъ по шоссе, обгоняя отступающую пѣхоту, объѣзжая уныло плетущіеся обозы и батареи. Усиліе, которымъ

Самсоновъ заставилъ себя выпрямляться, вскорѣ, однако, угасло, и онъ снова, грузно, мѣшковато сидѣлъ на конѣ, покачиваясь изъ стороны въ сторону.

— Нѣтъ, — рѣшительно сказалъ Филимоновъ. — Такъ больше не можетъ продолжаться, ваше превосходительство! Вы такъ устали. Сядьте же въ коляску.

— Вы правы . . . — устало согласился Самсоновъ и остановилъ коня. — Я, дѣйствительно, кажется достигъ границы силъ. Поищемъ коляску...

Офицеры спѣшились, наблюдая безконечный потокъ проходящихъ мимо нихъ войскъ и поджидая момента, когда въ средѣ ихъ появится какой-нибудь изъ реквизированныхъ экипажей.

— Стой! — крикнулъ Вяловъ и поднялъ руку, замѣтивъ жалкую разбитую пролетку, въ которой расположились истомленные солдаты, не выпускавшіе, однако, винтовокъ изъ рукъ.

Вожатый натянулъ возжи. Пара лошадей остановилась.

— Слѣзай! — властно приказалъ Вяловъ. — Выкинуть скарбъ. Быстро. Эта коляска нужна командующему.

Солдаты нехотя повиновались. Самсоновъ съ усиліемъ поднялся въ освобожденный экипажъ и приказалъ вожатому продолжать путь, ѣхать дальше на Мушакенъ и, если возможно, въ Яново.

Окруженный офицерами штаба, экипажъ тронулся. Первые десять километровъ были пройдены быстро и, казалось, ничто не помѣшаетъ достигнуть поставленной цѣли. Внезапно дорогу преградили остановившіеся отряды пѣхоты, которые либо безцѣльно топтались на мѣстѣ, либо лежали по канавамъ, подкошенные усталостью.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Вяловъ.

Послѣдовали безсвязные отвѣты. Одни солдаты говорили, что приказано остановиться и ждать. Другіе передавали, что предстоитъ бой, третьи заявляли, что объявлена дневка.

— Дневка? Что за дневка, когда нужно, какъ можно скорѣе достигнуть границы? — съ возмущеніемъ воскликнулъ Вяловъ. — Поручикъ, подите сюда, — крикнулъ онъ проходившему мимо запыленному офицеру. — Вамъ извѣстно что-нибудь?

Поручикъ устало поднялъ руку и показалъ на востокъ. Оттуда доносились перестрѣлка и рѣдкіе артиллерійскіе выстрѣлы.

— Повидимому, авангардъ пятнадцатаго корпуса, передвигаясь къ Мушакену наткнулся на непріятеля. Больше я ничего не знаю, полковникъ.

Вяловъ поблагодарилъ поручика и, давъ шпоры коню, поѣхалъ впередъ, чтобы выяснить обстановку. Короткое время спустя онъ вернулся и сказалъ Самсонову:

— Дѣло плохо, очень плохо, ваше превосходительство. Авангарды Клюева наткнулись на нѣмцевъ и были отброшены къ востоку. Теперь, если мы хотимъ избѣжать плѣна, намъ не остается другого выхода, какъ измѣнить направленіе и поѣхать по пути отступленія остатковъ корпуса Мартоса. Попробуемъ пробиться къ западу, на Вилленбергъ.

— Дѣлайте, какъ знаете, — махнулъ рукой Самсоновъ. — Мнѣ теперь все равно.

Вяловъ распорядился повернуть экипажъ и, приказавъ казачьему конвою слѣдовать за нимъ, двинулся въ другомъ направленіи. Пришлось съѣхать съ шоссе. Дорога стала ужасной, узкой, съ выбитыми колеями, по которымъ экипажъ тащился съ угнетающей медленностью.

Появился лѣсъ... Вяловъ на всякій случай выслалъ дозоры и, подождавъ, пока тѣ достигнутъ опушки, тронулся вслѣдъ, приказавъ конвою быть насторожѣ . Высокія деревья обступили маленькій отрядъ, когда тотъ въѣхалъ въ лѣсъ, но едва появился первый перекрестокъ, какъ гдѣ-то далеко впереди загремѣли выстрѣлы.

Отрядъ остановился.

— Ну, навѣрно опять напоролись на нѣмцевъ, — съ безнадежностью сказалъ Постовскій.

Такъ и оказалось. Къ коляскѣ галопомъ подскакало нѣсколько уцѣлѣвшихъ казаковъ, изъ которыхъ одинъ былъ раненъ.

— Нѣмцы, ваше превосходительство! — испуганно и почему-то шепотомъ доложили они Самсонову. — Много ихъ. Впереди кишитъ...

Самсоновъ выпрямился.

— Ну, живьемъ, я думаю, мы имъ не дадимся? — сказалъ онъ и, придержавшись рукой за козлы, поднялся оглядываясь. — Поѣдемъ по этой дорогѣ, — предложилъ онъ, указывая въ сторону, и перебивая свою мысль, спросилъ казака. — Много васъ побило?

— Да вотъ, ваше превосходительство, всѣ мы тутъ. Остальные полегли.

Самсоновъ покачалъ головой и приказалъ ѣхать. Нѣкоторое время экипажъ, переваливаясь, катился по песчаной дорогѣ. Невыносимая тряска еще больше утомляла генерала, силы котораго были истощены многими безсонными ночами и ужасными переживаніями.

— Дайте мнѣ коня, — приказалъ онъ, останавливая экипажъ.

— Вы же не можете ѣхать верхомъ, Александръ Васильевичъ, — запротестовалъ Филимоновъ.

— Дайте мнѣ коня, — упрямо повторилъ Самсоновъ. — Я кавалеристъ, и если ужъ суждено лишиться силъ, то я предпочитаю пережить это въ сѣдлѣ, а не въ экипажѣ.

Одинъ изъ офицеровъ конвоя уступилъ Самсонову свою лошадь, а самъ сѣлъ въ экипажъ, принявъ на себя охрану документовъ штаба, которые находились въ ней. Маленькій отрядъ снова двинулся впередъ по лѣсной просѣкѣ.

Но едва только кончился лѣсъ, и всадники авангарда появились на опушкѣ, какъ на нихъ снова посыпались ружейные выстрѣлы. Пришлось снова быстро повернуть.

Такъ, блуждая по лѣсу и все время натыкаясь на германскія заставы, отрядъ двигался то туда, то сюда, нащупывая мѣсто, гдѣ могла бы оказаться брешь и, наконецъ, подъ вечеръ онъ, какъ будто, нашелъ ее... Выѣхали на опушку... Открылся видъ примѣрно на три километра... Далеко впереди тянулось шоссе Нейденбургъ — Вилленбергъ. За нимъ, пересѣкая его, бѣжало полотно желѣзной дороги, огибающее Гроссъ Данкхеймъ и тоже стремящееся на Вилленбергъ. Прямо впереди передъ Самсоновымъ раскинулась деревушка Задекъ, казавшаяся вымершей. и никѣмъ незанятой.

Путь, повидимому, былъ свободенъ. Открылся, наконецъ, долгожданный шансъ прорваться на родину. Впередъ были высланы конные развѣдчики, за которыми на нѣкоторомъ разстояніи рысью шелъ маленькій отрядъ. Люди пріободрились, офицеры выпрямились въ сѣдлахъ, надежда на мгновенье наполнила усталыя души...

Но... лишь только первые всадники приблизились къ спасительной

дорогѣ, какъ сонная тишина ландшафта внезапно смѣнилась бѣшенной пулеметной трескотней.

Самсоновъ не растерялся.

— Стой-ой! — Громко крикнулъ онъ, вытянувъ руку. — Полковникъ Вяловъ: здѣсь мы должны пробиться во что бы то ни стало. Блуждать по мѣстности, которая кишитъ германцами, безсмысленно. Атакуйте!

Вяловъ взбрасываетъ руку къ козырьку, нѣкоторое время смотритъ въ упоръ на Самсонова, затѣмъ выхватываетъ изъ ноженъ шашку и, вращая ее надъ головой, кричитъ казакамъ:

— Слушай мою команду: строй фронтъ! Въ лаву, маршъ-маршъ!!

Въ одно мгновенье колонна конвоя перестраивается, разсыпается по равнинѣ и съ дикимъ гиканьемъ и визгомъ несется, опустивъ пики, или размахивая шашками, на засѣвшихъ въ ивнякѣ германцевъ.

Съ бьющимся сердцемъ Самсоновъ слѣдитъ за отчаянной атакой. На его глазахъ падаютъ кони, люди, — всадники вылетаютъ изъ сѣделъ, — нѣмецкіе пулеметы собираютъ обильную жатву. Онъ видитъ, какъ Вяловъ мчится впереди казаковъ, какъ онъ, низко, пригнувшись къ шеѣ коня, все сильнѣе и сильнѣе подается впередъ, какъ онъ на мгновенье оборачивается, съ ужасомъ замѣчая, что отъ отряда остались только жалкіе остатки.

— Назадъ! . . . — слышитъ онъ далекій голосъ Вялова и казаки, повернувъ, устремляются опять къ лѣсу.

Но не успѣваютъ первые всадники появиться между деревьевъ, какъ снова звучитъ голосъ Вялова: «строй фронтъ!», и снова уцѣлѣвшіе казаки съ гиканьемъ и визгомъ устремляются въ безнадежную атаку.

Эта жертва была, дѣйствительно, напрасной. Только немногіе и то, по большей части, раненые, вернулись назадъ, въ спасительный лѣсъ. Вяловъ, обливающійся потомъ, охрипшій и тяжело дышащій, угрюмо докладываетъ.

— Невозможно, ваше превосходительство. . .

Самсоновъ вздыхаетъ. . . Да, невозможно. Бросать третій разъ уцѣлѣвшую горсточку людей на пулеметы и залпы хорошо спрятанныхъ винтовокъ, это уже не геройство, а безуміе.

— Что-жъ, — съ грустью говоритъ онъ. — Вѣчная слава храбрымъ, но тѣ, кто живы, пусть попробуютъ еще спастись. Братцы! — обращается онъ къ казакамъ. — Спасибо вамъ за службу, но вы больше ничего не можете сдѣлать. Ступайте на всѣ четыре стороны, постарайтесь пробиться на родину, поѣзжайте по одиночкѣ, можетъ быть одному-другому изъ васъ удастся все-таки пробиться.

— Да ваше превосходительство, мы ужъ съ вами, — протестуютъ нѣсколько казаковъ.

— Не разсуждать! — повышаетъ голосъ Самсоновъ. — Вотъ эти два пусть остаются. Остальные же — прочь съ моихъ глазъ.

И, отдавъ честь казакамъ, онъ отпускаетъ ихъ на волю судьбы.

— Спѣшимся, — предложилъ онъ офицерамъ. — Верхомъ намъ все равно не пройти. Слишкомъ ужъ замѣтно.

Офицеры сошли на землю и, хлестнувъ коней, пустили ихъ тоже на волю.

— Надо уничтожить документы, — предложилъ Постовскій.

— Да, да, конечно, — согласился Самсоновъ. — Сдѣлайте это поскорѣе.

Ящики и чемоданы были выброшены изъ повозки. Торопливо бумаги были порваны и сожжены. На лѣсной полянѣ началось совѣщаніе.

Куда идти? Какъ лучше пробиваться? Группа бѣглецовъ была теперь очень маленькой: три генерала, три младшихъ офицера, денщикъ Самсонова и два казака.

Совѣщались недолго. Было рѣшено идти, пользуясь самыми густыми зарослями, удаляясь отъ дорогъ. Въ случаяхъ, когда на нихъ появятся селенія, идти сначала на Билленбергъ, а затѣмъ, не заходя въ городъ, повернуть на Хоржеле.

— Я предлагаю снять погоны, — тихо сказалъ Постовскій. — Мы и такъ уже являемся заманчивой добычей для нѣмцевъ. Къ чему же намъ облегчать имъ поимку? . .

Вяловъ съ негодованіемъ взглянулъ на Постовскаго, но Самсоновъ кивкомъ головы приказалъ ему не противорѣчить и первымъ отстегнулъ плечевые ремни. Свои золотые генеральскіе погоны онъ спряталъ въ грудной карманъ. Примѣру командующаго послѣдовали и остальные офицеры.

ОДИНОКІЙ ВЫСТРѢЛЪ.

Душная ночь застала на топкомъ болотѣ небольшую горсточку людей. Страшная усталость, полная моральная депрессія совершенно обезкуражили ихъ. Даже здоровенный, пышащій здоровьемъ денщикъ Самсонова, до послѣдняго мгновенья сохранявшій бодрость духа, теперь плелся въ хвостѣ маленькаго шествія, неся на плечѣ попону, съ которой онъ ни за что не хотѣлъ разстаться.

Впереди шелъ Вяловъ. Онъ какъ то автоматически сталъ руководителемъ группы и велъ ее, справляясь по единственной картѣ, по единственному компасу, имѣвшему, къ счастью, свѣтящуюся въ темнотѣ стрѣлку. Электрическій фонарикъ, которымъ онъ освѣщалъ карту, посылалъ все болѣе и болѣе слабые лучи. Батарейка выгорала. Вяловъ берегъ ее, но мѣстность была очень трудной. Приходилось переходить потоки, брести по зыбучимъ пескамъ, и, когда эти пески кончались, шагать по болотамъ, въ жижу которыхъ ноги уходили по колѣни и выше. Поэтому чуть ли не каждые пять минутъ приходилось освѣщать карту и тратить драгоцѣнную электрическую энергію, которую нечѣмъ было пополнить.

Останавливались часто. Приходилось подтягивать отставшихъ. Чтобы не потеряться, организовали перекличку:

— Генералъ Филимоновъ!

— Здѣсь...

— Полковникъ Лебедевъ!

— Здѣсь...

— Генералъ Самсоновъ!

— Здѣсь...

Такъ, медленно и тяжело брели утомленные офицеры, мучимые голодомъ, потому что въ теченіе двухъ дней во рту у нихъ не было ни крошки хлѣба.

Медленно тянулись часы. Нервы были напряжены до крайности, вниманіе настороженно до предѣла, а сердце билось при малѣйшемъ шумѣ...

Желаніе спастись, выйти изъ рокового кольца, было у всѣхъ одинаково сильно. Только оно помогало возрождать угасающую энергію и отгонять растущее отчаяніе...

— ...Генералъ Самсоновъ!..

Голосъ командующаго отвѣтилъ издалека. Онъ былъ хриплъ и слабъ. Силы его замѣтно убывали.

— Надо подождать его, — сказалъ Вяловъ подошедшему Лебедеву.

— Надо было-бы вообще отдохнуть, — отвѣтилъ тотъ. — Я самъ еле волочу ноги. Который часъ?

Вяловъ посмотрѣлъ на часы - браслетку. Свѣтящіяся стрѣлки показывали два часа ночи.

— Уже скоро разсвѣтъ, — уклончиво отвѣтилъ онъ Лебедеву, надѣясь этимъ подбодрить его.

Лебедевъ сѣлъ.

— Дѣлайте, что хотите, но дальше я идти не въ состояніи. Нужно передохнуть, — сказалъ онъ, опуская голову на руки.

Вяловъ промолчалъ и, полуобернувшись, началъ всматриваться въ темноту, откуда доносились медленные тяжелые шаги приближающагося Самсонова.

— Передохнемъ, ваше превосходительство? — спросилъ онъ, когда командующій арміи поровнялся съ нимъ.

— Да, кажется, это необходимо.

Подошли Филимоновъ, денщикъ и остальные офицеры.

— Положи для барина попону, — приказалъ Вяловъ денщику. И когда попона была разложена, прибавилъ: — Прилягте, ваше превосходительство, неизвѣстно, вѣдь, сколько намъ еще придется идти.

Самсоновъ покачалъ головой:

— Ложиться опасно. Мы обязательно заснемъ и насъ захватятъ врасплохъ...

— Да, — поддержалъ Самсонова Постовскій, — ложиться ни въ коемъ случаѣ нельзя.

— Но, вѣдь, это же не отдыхъ! — съ отчаяніемъ воскликнулъ Лебедевъ. — Если мы хотимъ выбраться изъ рокового кольца, намъ необходимо возстановить силы. Хоть часъ, но полежать надо.

— Необходимо, во что бы то ни стало, прилечь, — рѣшилъ Вяловъ. — Все равно мы долго не выдержимъ и рано или поздно повалимся на землю, обезсиленные походомъ.

— Совершенно правильно, — подхватилъ Постовскій, — но, чтобы насъ все-таки не захватили врасплохъ, предлагаю выставить караулъ.

— Но кто же въ состояніи выдержать хотя бы смѣну! — съ новымъ приступомъ отчаянія воскликнулъ Лебедевъ. — Я прямо заявляю, что нахожусь на границѣ силъ, и не берусь охранять васъ. Я чувствую, что засну сразу, какъ перестану двигаться.

— Довольно разговоровъ! — неожиданно рѣзко оборвалъ Лебедева Вяловъ. — Въ караулъ пойдетъ молодежь. Вотъ вы... и вы! — намѣтилъ онъ протянутымъ пальцемъ двухъ младшихъ офицеровъ. — Возьмите отъ казаковъ карабины и отправляйтесь въ первую смѣну. Мы укоротимъ ее. Всего по полчаса. Разводящимъ буду я самъ. Теперь — два съ четвертью; — въ два сорокъ пять я замѣню васъ казаками. Одинъ постъ я предлагаю устроить здѣсь, на краю поляны, откуда видно довольно далеко, а другой — на той просѣкѣ. Ну, ступайте.

Понуря головы, назначенные въ охраненіе офицеры приняли отъ казаковъ карабины и разошлись по указаннымъ мѣстамъ. Остальные бѣглецы безъ различія чиновъ повалились на разостланную попону и большинство немедленно заснуло.

Вяловъ воспользовался короткимъ приваломъ и отправился на раз-

вѣдку. Пробираясь ощупью между деревьями, онъ вышелъ на опушку лѣса и началъ разглядывать мѣстность, что было очень трудно, потому что тяжелыя облака закрыли звѣзды и вокругъ царилъ кромѣшный мракъ.

Но по сравненію съ темнотой, царствовавшей въ лѣсу, ночь на равнинѣ казалась болѣе свѣтлой, и Вялову по нѣкоторымъ признакамъ удалось опредѣлить, что группа бѣглецовъ находится неподалеку отъ дороги, ведущей на Вилленбергъ, въ двухъ километрахъ къ сѣверо-западу отъ деревни Гроссъ-Данкхеймъ.

— Будетъ гроза, — подумалъ онъ, замѣтивъ, что, несмотря на поздній часъ, ночь исключительно душная. И какъ бы въ подтвержденіе его мысли далеко на горизонтѣ вспыхнула зарница.

— Хорошо будетъ, если гроза разразится на разсвѣтѣ, — мелькнула мысль у Вялова. — Сильный ливень позволитъ, пожалуй, незамѣтно пробраться между нѣмцами. Онъ образуетъ завѣсу, испортитъ видимость, и тогда намъ не придется сидѣть весь день въ лѣсу безъ пищи, ожидая, пока слѣдующая ночь позволитъ намъ двигаться дальше...

Вяловъ повернулся и пошелъ обратно. Не доходя до отдыхающей группы, онъ наткнулся на офицера, который былъ назначенъ въ караулъ. Несчастный крѣпко спалъ и не проснулся даже тогда, когда полковникъ потрясъ его за плечо.

— Вставайте! — рѣзко приказалъ Вяловъ и снова сильно встряхнулъ офицера. Тотъ вздрогнулъ и, быстро вскочивъ, заметался, ничего не понимая.

— Простите . . . — могъ только прошептать онъ, сообразивъ, наконецъ, кто его разбудилъ.

Полковникъ махнулъ рукой:

— Отправляйтесь къ группѣ и ложитесь спать. Нѣтъ смысла караулить въ такомъ состояніи. Передайте о томъ же вашему товарищу...

И не дожидаясь, пока офицеръ пойдетъ къ другому часовому, онъ приблизился къ группѣ и бросился на попону рядомъ съ Самсоновымъ.

«Не спитъ», — подумалъ онъ, покосившись на неподвижную фигуру генерала, который лежалъ на спинѣ, заложивъ руки за голову.

Сонъ быстро одолѣвалъ Вялова, но въ тотъ моментъ, когда онъ собирался заснуть, кто-то вскочилъ и крикнулъ:

— Идутъ!!.

Вскочилъ и Вяловъ. Прислушался. Въ тишинѣ ночи ясно слышался шумъ проходящей по шоссе кавалеріи, двигавшейся, повидимому, на Нейденбургъ.

— Нѣмцы!..

— Тише!..

Теперь стояли всѣ, кромѣ денщика, который, опустившись на колѣни, сворачивалъ попону въ скатку.

— Надо идти...

— Куда же?

— Все равно... Только подальше отъ шоссе.

Говорили всѣ. Взволнованно, приглушенными голосами. Плѣна боялись, плѣна не хотѣли. Надѣялись на спасительную темноту, думали, что хоть въ послѣдніе часы, подъ покровомъ ея удастся пробиться къ своимъ.

Приходилось торопиться, хотя силы грозили окончательно изсякнуть. Пошли... Хлюпая по болоту, увязая въ немъ, растягиваясь во все болѣе длинную и рѣдкую цѣпь.

— Полковникъ Вяловъ!..
— Здѣсь.
— Генералъ Филимоновъ!
— Здѣсь.
Внезапно Самсоновъ сѣлъ. Силы оставили его.
— Встаньте, ваше превосходительство, — потрясъ его за плечо нагнавшій Филимоновъ.
— Оставьте меня, идите, — съ безразличіемъ махнулъ рукой Самсоновъ. — Я все равно больше не могу, и буду только обузой для васъ.
— Нѣтъ, — произнесъ Филимоновъ, — мы не оставимъ васъ. Вмѣстѣ все продѣлали, вмѣстѣ и пробьемся.
Самсоновъ взялъ себя въ руки. Собравъ всю силу воли, онъ устало поднялся на ноги и пошелъ впередъ, какъ автоматъ, съ безразличнымъ видомъ, какъ если-бы мысли его отсутствовали.

Соблюдая всевозможныя предосторожности, они шли долго, часто проваливаясь по поясъ въ трясину. Подъ прикрытіемъ лѣса добрались до шоссе, перебрались черезъ него. Затѣмъ спустились въ долину, собираясь пересѣчь желѣзнодорожное полотно, но пришлось идти въ бродъ черезъ рѣченку. Здѣсь полковникъ Лебедевъ споткнулся и упалъ. Лишился сознанія. Вяловъ разстегнулъ ему воротникъ мундира, облилъ ему грудь и голову водой, но Лебедевъ не приходилъ въ себя.

Нѣкоторое время постояли на мѣстѣ, надѣясь, что сознаніе вернется къ Лебедеву, но минуты бѣжали, полковникъ лежалъ неподвижно, въ глубокомъ обморокѣ.

— Ждать нельзя, — сказалъ Вяловъ. — За желѣзной дорогой, какъ мнѣ кажется, наши мытарства кончатся. Тамъ врядъ ли будутъ нѣмцы.. Идемте...

Слова Вялова казались обоснованными, и поэтому Лебедевъ былъ оставленъ на произволъ судьбы. Но погибнуть ему не было суждено. Онъ пришелъ въ себя нѣсколькими часами позже, когда сильный дождь освѣжилъ лицо. Съ трудомъ поднялся и добрался до хижины контрабандиста, скрытой отъ любопытнаго взора въ густой чащѣ лѣса. Случай навелъ полковника на это жилище, гдѣ оказался человѣкъ, котораго еще не коснулась ни война, ни страданія, — онъ жилъ попрежнему однимъ интересомъ — жаждой денегъ. За крупную сумму онъ сначала накормилъ полковника молокомъ и сухарями, а затѣмъ, давъ отдохнуть, перевелъ черезъ границу и передалъ русскому кавалерійскому разъѣзду...

Снова пошли. Выбрались изъ камышей, вскарабкались на желѣзнодорожную насыпь, быстро перебрались черезъ нее, взявъ направленіе на Каролиненгофъ, а затѣмъ вступили въ новый лѣсъ, смѣшанный, угрюмый, похожій на непроходимыя дебри.

Зарницы мелькали все чаще и чаще, помогая бѣглецамъ избѣгать препятствій. Гдѣ-то вдали глухо перекатывались раскаты грома. Печально и зловѣще вскрикивала сова...

Первымъ шелъ попрежнему Вяловъ. За нимъ Постовскій. Внезапно Постовскій сказалъ:

— Постойте, полковникъ, мнѣ кажется, за мной никто больше не идетъ.

*

Вяловъ остановился, прислушался. Дѣйствительно: шаговъ Самсонова, который шелъ за Постовскимъ, не было слышно.

— Подождемъ, пусть подтянутся, — сказалъ Постовскій.

Появился Филимоновъ... за нимъ денщикъ... остальные офицеры... казакъ...

Самсонова не было...

— Генералъ Самсоновъ!... — вполголоса позвалъ Вяловъ.

Только слабый шумъ вѣтра, предвѣстника приближающейся грозы былъ ему отвѣтомъ.

— Генералъ Самсоновъ! — уже громче повторилъ Постовскій, но отвѣтомъ ему опять былъ только вой вѣтра, который сильными порывами моталъ вершины деревьевъ.

— Александръ Ва-силь-е-вичъ! — приложивъ ладони ко рту, закричалъ Филимоновъ.

Тишина...

Шквалъ пронесся, душный воздухъ затихъ и деревья замерли, ожидая первыхъ капель дождя. Напряженно вслушиваясь, офицеры вглядывались въ темноту.

И вотъ въ этой зловѣщей паузѣ. гдѣ-то неподалеку, еле слышно и какъ-то удивительно спокойно, стукнулъ сухой, отрывистый, револьверный выстрѣлъ.

Испуганно вскрикнула сова. Голосъ ея хохотомъ раскатился по угрюмому лѣсу. Бѣглецы переглянулись. Поняли. Разсыпались, повернули назадъ, молча стали обыскивать часть только что пройденнаго пути. Денщикъ Самсонова внезапно закричалъ и бросился куда-то въ чащу, исчезъ...

— Баринъ!.. баринъ!.. ваше превосходительство!... — донесся его удаляющійся голосъ.

— Ступай назадъ, потеряешсья! — тревожно закричалъ Вяловъ.

Но денщикъ исчезъ, скрылся за деревьями съ тѣмъ, чтобы только черезъ десять дней появиться на родинѣ со своей неизмѣнной попоной, но безъ своего барина.

Забрезжилъ разсвѣтъ. Искать дальше стало опасно. Путь на родину былъ свободенъ, но съ каждымъ мгновеньемъ становилось свѣтлѣе, и германскій патруль могъ обнаружить бѣглецовъ.

Надо было спѣшить. Бѣглецовъ подгонялъ шумъ, — было слышно, какъ по шоссейной дорогѣ съ грохотомъ катились повозки германскаго обоза.

Молча, собравъ послѣдніе остатки силъ, офицеры вышли изъ лѣса и черезъ четверть часа уже были на дорогѣ, ведущей изъ Вилленберга на Хоржеле, откуда граница проходила всего лишь въ пяти верстахъ. И тогда, когда первыя крупныя капли дождя упали на изсохшую землю, бѣглецы увидѣли спокойно приближающійся къ нимъ и идущій въ полномъ порядкѣ русскій конный полкъ...

Спасены!...

У холоднаго, всегда такого спокойнаго и немного надменнаго Вялова, когда онъ поровнялся съ первыми всадниками, на глазахъ навернулись слезы.

— Дайте моимъ товарищамъ лошадей, ротмистръ, — сказалъ онъ ближайшему офицеру, сидящему на сытомъ, мокромъ конѣ. — Мы страшно устали...

АГОНІЯ АРМІИ.

На рыночной площади Нейденбурга необыкновенное оживленіе. Оставленный русскими городъ переполненъ германскими повозками, грохочу-

щими зарядными ящиками артиллеріи, содрогается отъ тяжелаго хода пыхтящихъ тракторовъ, влекущихъ за собой громоздкія орудія. Много бодрыхъ лицъ. Настроеніе среди перваго корпуса увѣренное. Солдаты знаютъ, что сопротивленіе противника сломлено, и въ дальнѣйшемъ имъ придется только преслѣдовать въ безпорядкѣ отступающихъ русскихъ.

Генералъ фонъ Франсуа выходитъ на площадь ровно въ половинѣ десятаго. Плацъ-комендантъ громкимъ голосомъ заставляетъ весь этотъ суетящійся муравейникъ, — солдатъ, лошадей и повозокъ, — остановиться, но Франсуа отмахивается рукой: не надо. Сопутствуемый своими офицерами штаба, онъ пробирается черезъ этотъ человѣческій хаосъ, намѣреваясь сѣсть въ автомобиль и перенести свой наблюдательный постъ куда-нибудь поближе къ арьергардамъ корпусовъ Клюева и Мартоса.

Внезапно на площади раздался шумъ приближающагося аэроплана. Лица солдатъ и офицеровъ поднимаются къ небу, ладони прикрываютъ щурящіеся отъ яркаго свѣта глаза, уши настораживаются.

За крышами домовъ его еще не видно. Будетъ ли это русскій, или нѣмецкій?

На всякій случай руки солдатъ щелкаютъ затворами, вводятъ въ стволы винтовокъ патроны. Пулеметчики поспѣшно снимаютъ съ двуколокъ свои смертоносныя орудія и устанавливаютъ ихъ дулами въ небо.

Моторъ жужжитъ надъ самой площадью. Руки, сжимающія винтовки, опускаютъ приклады на булыжникъ.

Свой. Маленькій Таубе съ двумя желѣзными крестами на крыльяхъ. Онъ описываетъ надъ площадью одинъ кругъ, второй, присматривается къ шевелящимся внизу людядъ, удостовѣряется, что это свои и выбрасываетъ черный комокъ, который черезъ мгновенье превращается въ красный грибъ. Внизу, качаясь изъ стороны въ сторону, болтается металлическій цилиндръ, съ длинными разноцвѣтными лентами.

Донесеніе летчика. Что можетъ оно содержать? Новый приказъ Гинденбурга, или же какія-нибудь непріятныя новости со стороны русскихъ?

Аэропланъ скрывается, а десятки людей бросаются на розыски парашюта, который исчезъ гдѣ-то за черепичатыми крышами домовъ.

Франсуа, занесшій было ногу на ступеньку автомобиля, захлопываетъ дверцу и ждетъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ его рукахъ оказывается завѣтный цилиндръ. Торопливо генералъ отвинчиваетъ крышку и вынимаетъ вырванный изъ полевой книжки листокъ, на которомъ, наспѣхъ, чернильнымъ карандашомъ наброcано:

«Доношу, что мною на дорогѣ Млава-Нейденбургъ обнаружена русская колонна всѣхъ родовъ оружія, движущаяся походнымъ порядкомъ на Нейденбургъ. Длина колонны, приблизительно тридцать шесть километровъ. Авангарды ея въ девять часовъ десять минутъ были всего въ шести километрахъ отъ города.»

Девять часовъ десять минутъ... Франсуа поспѣшно отодвигаетъ манжету и смотритъ на часы: девять часовъ тридцать пять. Почти полчаса прошло съ тѣхъ поръ, какъ летчикъ замѣтилъ неожиданно появившіяся на подступахъ къ городу свѣжія русскія части. Несомнѣнно, что это идетъ Сирелiусъ съ его гвардейцами, приближаются новыя армейскія части, посланныя Жилинскимъ для спасенія Самсонова.

Полчаса!... За это время русскіе, навѣрно, уже успѣли приблизиться на два-три километра. Каждую минуту можно ожидать, что ихъ снаряды начнутъ рваться надъ городомъ.

И не успѣваетъ генералъ Франсуа развить свою мысль до конца, какъ надъ рыночной площадью съ оглушительнымъ трескомъ разрывается первая русская шрапнель, за нею вторая, третья, — въ средѣ солдатъ возникаетъ невѣроятный переполохъ.

— Держите войска въ порядкѣ! — кричитъ Франсуа своему адъютанту. — Я бѣгу на телефонную станцію.

И Франсуа, обычно такой спокойный и разсудительный, особенно въ минуты опасности, буквально бѣжитъ со всѣхъ ногъ къ телефонному аппарату, спѣшно связывается съ Фрегенау и вызываетъ Гинденбурга.

Подъ грохотъ разрывовъ онъ кричитъ въ трубку:

— Алло, экселленцъ! Алло, здѣсь Франсуа! Доношу, что мой изолированный въ Нейденбургѣ корпусъ обстрѣливается артиллерійскимъ огнемъ, неожиданно появившихся новыхъ русскихъ частей.

— Не можетъ быть! — доносится изъ Фрегенау голосъ пораженнаго Гинденбурга.

— Это такъ, экселленцъ, сомнѣній нѣтъ, я только что получилъ донесеніе отъ летчика. Русскіе идутъ колонной въ тридцать шесть километровъ длиною. Чтобы удержать ихъ продвиженіе, мнѣ спѣшно необходимы подкрѣпленія..

— Сейчасъ я не могу вамъ дать ни одного полка, — уничтожающе сообщаетъ Гинденбургъ. — Держитесь, генералъ, держитесь сколько у васъ силъ хватитъ. Какъ только представится возможность, я пошлю вамъ все, что буду имѣть свободнаго. Всецѣло полагаюсь на вашу инипіативу.

Гинденбургъ вѣшаетъ трубку и въ тотъ же моментъ его подзываютъ къ другому аппарату. Оказывается, что не только корпусъ Франсуа подъ угрозой, но и другія составныя части германскаго кольца, которое съ такимъ трудомъ было создано съ цѣлью задушить два окруженныхъ русскихъ корпуса, внезапно оказались сами подъ угрозой. Командиры различныхъ частей доносятъ въ Фрегенау, что сильная русская кавалерія замѣчена движущейся на Лаутенбургъ, что шестой русскій корпусъ во всей своей силѣ выступилъ изъ Мышенца и уже угрожаетъ Ортельсбургу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тылу корпуса Макензена.

Сомнѣнія нѣтъ... Русскіе принимаютъ отчаянныя мѣры къ тому, чтобы разорвать нѣмецкое кольцо, осуществляютъ операцію большого масштаба...

Гинденбургъ не медля отбрасываетъ всѣ ранѣе разработанные планы. Перекинувшись скупыми фразами съ Людендорфомъ, онъ беретъ то одну, то другую телефонную трубку и взволнованно приказываетъ:

— Дивизіи фонъ деръ Гольца выступитъ немедленно изъ Хоенштейна на Нейденбургъ.

— Сорокъ первой дивизіи выступить изъ Орлау.

— Третьей резервной дивизіи выступить изъ Куркена...

— Бригада Унгера выступитъ изъ Ваплица.

Всѣ части должны спѣшить на помощь Франсуа, къ угрожаемому участку, но, увы, онѣ могутъ поспѣть туда только на слѣдующій день, тогда, когда Франсуа уже будетъ уничтоженъ.

Положеніе строптиваго генерала поистинѣ критическое: впереди него — остатки еще сохранившихъ боеспособность корпусовъ Мартоса и Клюева, позади — новый русскій корпусъ съ гвардейцами во главѣ. Его собственныя войска разбросаны вокругъ Нейденбурга маленькими отряда-

ми. По большей части всѣ они истощены непрерывными четырехдневными боями и не предполагаютъ той опасности, которая имъ грозитъ съ тыла.

А кавалерія?

Боже мой, кавалеріи достаточно, но ее нельзя использовать, потому что она слишкомъ далеко пробилась впередъ, а связь отсутствуетъ.

Франсуа, который не боялся ни непріятеля, ни своихъ начальниковъ, тѣмъ не менѣе сохранилъ спокойствіе даже при самыхъ запутанныхъ положеніяхъ. Въ тотъ моментъ, когда огонь русской артиллеріи, сосредоточенный по Нейденбургу, достигъ высшаго напряженія, а въ городѣ осталось всего два батальона пѣхоты и двѣ батареи, онъ не разсчитывая на помощь со стороны Гинденбурга, началъ осуществлять импровизированный планъ дѣйствій.

Устроивъ свою ставку посреди рыночной площади, забрасываемой шрапнелью, онъ спокойно, какъ если бы участвовалъ въ маневрахъ, приказалъ всѣ части его обѣихъ дивизій, сосредоточенныя въ районѣ Грегерсдорфа, двинуть къ Нейденбургу. Сольдау долженъ быть оставленъ пятой бригадой ландвера. Сконцентрировавъ въ одномъ мѣстѣ всѣ силы, онъ на слѣдующій день намѣренъ былъ продолжать наступленіе. До наступленія вечера онъ понемногу подтягиваетъ къ Нейденбургу семь батальоновъ пѣхоты и двадцать батарей артиллеріи, изъ которыхъ восемь составлены изъ гаубицъ самыхъ тяжелыхъ калибровъ.

Эти силы, энергично поддержанныя съ обѣихъ фланговъ мощной артиллеріей, до вечера удерживаютъ позиціи. Но вотъ въ лучахъ заходящаго солнца отъ земли отрываются гигантскія фигуры русскихъ гвардейцевъ. Они бросаются въ неудержимую штыковую атаку, выбиваютъ германцевъ изъ окоповъ и занимаютъ Нейденбургъ.

Кажется, — все рухнуло, и участь бригады Зоннтага ожидаетъ также корпусъ Франсуа. Но вотъ, вечеромъ 30 августа, ординарецъ на загнанной лошади привозитъ сообщеніе Гинденбурга, что въ распоряженіе Франсуа отправляются сильныя покрѣпленія и генералу предлагается заранѣе разработать планъ ихъ размѣщенія для предстоящей концентрированной атаки, назначенной на завтра.

Всю ночь по шоссе и проселочнымъ дорогамъ, бѣгущимъ къ Нейденбургу, съ грохотомъ и бряцаньемъ катятся колонны германскихъ подкрѣпленій. Всю ночь идутъ солдаты, зная, что отъ ихъ удара зависитъ участь битвы подъ Сольдау. Всю ночь не спитъ Франсуа, разрабатывая инструкціи и приказанія, надѣясь, что его операціи увѣнчаются успѣхомъ.

И едва 31 августа взошла заря, какъ Франсуа даетъ приказъ къ наступленію. Его войска трогаются, осторожно приближаясь къ Нейденбургу. Они безъ боя занимаютъ пригородъ, рыночную площадь и... не находятъ въ городѣ никого.

Гдѣ-же русскіе? Куда дѣвался авангардъ этой мощной колонны, который навелъ такую панику на штабъ Франсуа и ставку Оберкомандо Ахтъ?

Лишь много времени спустя выясняется это странное явленіе. Оказывается, что командиръ третьей гвардейской дивизіи генералъ Сиреліусъ, занявъ Нейденбургъ, нашелъ тамъ многочисленныхъ русскихъ раненыхъ плѣнныхъ, которыхъ Франсуа, покидая городъ, не успѣлъ эвакуировать. Всѣ раненые, какъ солдаты, такъ и офицеры, принадлежали къ корпусамъ Клюева и Мартоса и единогласно утверждали, что оба эти корпуса уже погибли. Больше того. Всѣ были увѣрены, что Франсуа оставилъ Нейденбургъ лишь на нѣсколько часовъ, отправившись навстрѣчу очень

сильнымъ подкрѣпленіямъ, будто бы посланнымъ Гинденбургомъ на выручку Нейденбурга.

Слухи и разсказы были потрясающими. . Сирелiусъ, не имѣвшій достаточной оріентировки, рѣшилъ, что слишкомъ опасно оставаться въ Нейденбургѣ и приказалъ очистить городъ. Еще позже оказалось, что онъ только предупредилъ приказъ, отданный Жилинскимъ, которому ясно стало, что армія Самсонова наканунѣ полной гибели. Онъ приказалъ первому и шестому корпусамъ и гвардейской дивизіи Сирелiуса очистить Нейденбургъ и отступать на югъ. Этотъ приказъ попалъ въ руки Сирелiуса, однако, позже. Остатки арміи Самсонова, такимъ образомъ, лишились помощи въ тотъ моментъ, когда еще было возможно кое-что спасти.

И вотъ въ необъятныхъ лѣсахъ Кальтенборна, лѣсахъ, растущихъ на топкихъ болотахъ, разыгралась трагедія 100.000 человѣкъ, — трагедія, закончившаяся гибелью пятнадцатаго и тринадцатаго корпусовъ и вынудившая командира ихъ, генерала Клюева, отдать саблю своему противнику, строптивому генералу фонъ Франсуа...

Весь день окруженные въ болотахъ русскіе отчаянно отбивались отъ насѣдавшихъ германцевъ. Весь день люди, безъ пищи, воды и патроновъ, бросались въ отчаянныя атаки на все тѣснѣе и тѣснѣе сжимающееся кольцо. Всюду, куда ни устремлялись роты и батольоны, ихъ встрѣчала огненная стѣна винтовокъ, пулеметовъ и легкихъ орудій, бьющихъ на картечь. Изъ полковъ на свободу пробивались только взводы, изъ дивизій отдѣльные, рѣдкіе батальоны. Лишь горсточка людей увидѣла свою родину, все остальное погибло или было взято въ плѣнъ.

Недаромъ Гинденбургъ, по окончаніи битвы подъ Сольдау, заказалъ въ церкви Алленштейна торжественое молебствіе. Въ руки восьмой германской арміи попали небывалые трофеи — девяносто тысячъ плѣнныхъ, триста пятьдесятъ орудій и тринадцать генераловъ, пожертвованныхъ Россіей во имя спасенія Парижа.

Въ лѣсахъ Кальтенборна нѣсколько дней продолжался кошмаръ. Уже замолкли выстрѣлы, но надъ болотами изъ часа въ часъ раздавались слабѣющіе стоны и крики погружающихся въ трясину людей, ржаніе гибнувшихъ лошадей, вопли и германцевъ и русскихъ, тонущихъ иногда въ трясинѣ на разстояніи метра другъ отъ друга.

Послѣдній бой былъ не только бойней. но и ужасомъ. Нѣмцы стрѣляли въ нѣмцевъ, русскіе стрѣляли въ русскихъ. Часами блуждали потерянныя части по лабиринтамъ лѣсовъ, чтобы, напоровшись на притаившагося врага, погибнуть въ огнѣ ожесточенныхъ залповъ.

Армія Самсонова погибла, но цѣль была достигнута. Тридцать два эшелона войскъ, снятыхъ съ французскаго фронта — восемьдесятъ тынуждался въ нихъ. Два перебрасываемыхъ пѣхотныхъ корпуса и одна сячъ человѣкъ, — приближались къ Вислѣ, хотя Гинденбургъ уже не кавалерійская дивизія были сняты германцами какъ разъ съ того участка, гдѣ недѣлей позже, во время битвы на Марнѣ, прорвались англійскія дивизіи маршала Френча и полки французскаго генерала Франшэ д'Эсперэ, отрѣзавшіе армію Клука отъ арміи Бюлова и заставившіе весь германскій западный фронтъ отойти на рѣку Энъ и окопаться на позиціяхъ, покинуть которыя имъ не суждено было въ теченіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ.

Вторая русская армія, принеся тяжелую кровавую жертву, исполнила свой долгъ передъ родиной и союзниками.

А Ренненкампфъ?

Недѣлей позже онъ, несмотря на полученныя сильныя подкрѣпленія, вынужденъ былъ въ день побѣды на Марнѣ покинуть поля восточной Пруссіи, оставивъ на нихъ еще тридцать тысячъ русскихъ солдатъ.

А между тѣмъ Людендорфъ когда-то угрюмо сказалъ:

— Ренненкампфу стоило только приблизиться, и мы были бы разбиты.

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОНЪ.

Два дня спустя, когда закончилась великая трагедія подъ Сольдау, по лѣсамъ и болотамъ разсыпались нѣмецкія рабочія команды, занявшіяся уборкой десятковъ тысячъ труповъ, своихъ и русскихъ. Трупы были снесены въ одно мѣсто и похоронены въ огромныхъ братскихъ могилахъ. На опушкѣ лѣса у Каролиненгофа, въ семи верстахъ къ юго-западу отъ Вилленберга и въ двухъ верстахъ къ сѣверо-западу отъ озера Пивницъ, германскіе рабочіе нашли среди орѣшника тѣло пожилого русскаго офицера безъ погонъ.

Никому не пришло въ голову посмотрѣть въ грудной карманъ мундира, никто не обнаружилъ тамъ золотыхъ погонъ...

Но одинъ изъ чиновъ команды, мѣстный дровосѣкъ, замѣтилъ на шеѣ золотую цѣпочку. Украдкой потянувъ ее, онъ вытащилъ изъ-подъ воротника мундира золотой овальный медальонъ, въ которомъ были двѣ фотографіи:: бодро глядящаго генерала съ надвое расчесанной аккуратной бородкой и полной красивой дамы съ причесанными по модѣ волосами. Маленькая золотая вещица понравилась дровосѣку и онъ сунулъ ее въ карманъ, кстати, отяжелѣвшій отъ обилія русскихъ и нѣмецкихъ денегъ, золотыхъ имперіаловъ и часовъ.

Тѣло подняли. Снесли на сборное мѣсто, въ сосѣдній лѣсокъ, прилегающій къ деревнѣ Гроссъ Данкхеймъ. Тамъ тѣло офицера было похоронено отдѣльно, рядомъ съ братской могилой солдатъ корпуса Мартоса. Кто-то сдѣлалъ лютеранскій крестъ и неловкой рукой написалъ, — «здѣсь лежитъ неизвѣстный русскій офицеръ, павшій за свою родину».

А годомъ позже, въ октябрѣ 1915 года, въ Германію прибыла миссія Краснаго Креста. Среди сестеръ милосердія была красивая, полная дама, изъ подъ косынки которой выбивались чудесные, гладко причесанные волосы. Эта дама долго объѣзжала деревни и хутора Восточной Пруссіи. разспрашивая, не знаетъ ли кто-нибудь мѣсто, гдѣ похороненъ генералъ Самсоновъ.

Замзоноффъ? Тотъ, который чуть не разбилъ Гинденбурга? Развѣ онъ убитъ?

Нѣтъ, этого мѣста никто не знаетъ...

И вотъ, случайно, — совершенно случайно, — госпожа Самсонова набрела на хижину дровосѣка. Было холодно, хотѣлось поѣсть, обогрѣться. Дровосѣкъ принялъ русскую сестру милосердія и за большія деньги взялся ее накормить. И пока готовилась скудная, даже по военному времени, закуска, дама разговорилась съ нѣмцемъ. Послѣдній разсказалъ подробно о томъ, какъ онъ случайно наткнулся на тѣло русскаго офицера. Факты совпадали, и вотъ, на заскорузлой рукѣ пожилого дровосѣка сверкнулъ маленькій овальный кусочекъ золота. Путеводный медальонъ.

Пошли... Сквозь моросящій октябрьскій дождь, борясь съ вѣтромъ. Въ оголенныхъ кустахъ орѣшника нашли маленькій поросшій блеклой тра-

вой холмикъ, покосившійся крестъ съ нѣмецкой надписью. Послѣ долгихъ хлопотъ добились разрѣшенія вырыть тѣло и отвезти его на родину...

Нашлись люди, которые пришли съ лопатами. Тѣло пожилого офицера, похороненное безъ гроба, еще разъ увидѣло свѣтъ сѣраго, плачущаго неба. Оно хорошо сохранилось — повидимому, въ почвѣ было много кремнистыхъ кислотъ, — и чуть-чуть выше праваго виска виднѣлось немного обожженное по краямъ круглое отверстіе отъ револьверной пули...

Переложили въ свинцовый гробъ. Запаяли. Увезли въ родную Акимовку, въ Херсонскую губернію, гдѣ у старенькой церковки устроенъ фамильный склепъ. Похоронили вторично, подъ печальные напѣвы вѣчной памяти.

Лежитъ ли еще тамъ генералъ Самсоновъ? Ухаживаетъ ли кто-нибудь за его могилой или уже ходитъ надъ ней пыхтящій тракторъ?

Неизвѣстно. Такія вѣсти рѣдко приходятъ изъ страны, живущей своей жизнью.

Извѣстно зато другое. На опушкѣ лѣса у фермы Каролиненгофъ бредущій среди кустовъ путникъ внезапно наталкивается на усѣченную пирамиду, сложенную изъ крупныхъ валуновъ. Этотъ скромный памятникъ, воздвигнутый неподалеку отъ громадной каменной братской могилы, которая, какъ замокъ, возвышается у Танненберга и гдѣ спитъ вѣчнымъ сномъ германскій фельдмаршалъ Гинденбургъ, охраняемый тысячами душъ своихъ соратниковъ, сложенъ руками бывшихъ враговъ. Въ него вдѣлана металлическая доска съ краткой надписью:

«Генералъ Самсоновъ, противникъ Гинденбурга въ битвѣ подъ Танненбергомъ. 30. 8. 1914»...

Часть третья

Отхлынувшая волна

Затихнетъ шумъ великой битвы,
Но не замолкнутъ никогда
О павшихъ воинахъ молитвы
И слава ратнаго труда . . .

Мы покинули Францію въ тотъ критическій моментъ, когда германскія арміи неудержимымъ потокомъ подходили къ Парижу. 29 августа сѣверный флангъ германскаго фронта уже началъ проявлять признаки флангового маневра, стремясь свернуть французскій фронтъ и прижать его къ югу. Парижъ оказался подъ угрозой взятія его нѣмцами. Правительство начало лихорадочную эвакуацію города. Изъ банка Франціи стали вывозить золотой запасъ. Тысячи парижанъ покидали столицу.

Но хуже всего было то, что французская армія въ нѣкоторыхъ частяхъ своего фронта стала небоеспособной. Разбитые у Ле Като англичане не могли оправиться отъ страшнаго удара и неудержимо катились на востокъ, стремясь найти мѣсто, гдѣ можно было бы немного передохнуть и, воспользовавшись нѣкоторымъ спокойствіемъ, привести въ порядокъ обезкровленные полки. Армія генерала Ланрезака, отступавшая южнѣе англичанъ, находилась въ столь же плачевномъ состояніи, при чемъ угроза изоляціи отъ остального французскаго фронта стала для нея реальной опасностью.

Главнокомандующій французской арміей Жоффръ уяснилъ, что весь планъ войны, такъ наз. планъ номеръ семнадцать, тщательно разработанный въ годы мира, рухнулъ. Нужно было искать новыхъ точекъ сопротивленія и, найдя ихъ, выиграть время для того, чтобы успѣть перегруппировать войска. Въ главномъ штабѣ французской арміи лихорадочно работали офицеры, намѣчая новую естественную позицію между рѣками Марной, Іонной и Сеной для оказанія нѣмцамъ новаго отпора.

Жоффръ былъ готовъ пожертвовать Парижемъ. Надѣясь лишь на благоволеніе судьбы, онъ, на всякій случай, создалъ отдѣльную армію въ сто тысячъ человѣкъ, на обязанности которой было, если возможно, удержать нѣмцевъ отъ захвата Парижа. Эта армія, довѣренная генералу Монури, подчиненному въ свою очередь, военному губернатору Парижа, ген. Гальени, — разсматривалась, какъ обреченная.

Въ эти трагическіе дни Франція взывала о помощи. Телеграмма за телеграммой летѣли въ Петербургъ съ просьбой произвести энергичное наступленіе на Германію, чтобы отвлечь вниманіе нѣмцевъ отъ западнаго фронта и вынудить ихъ ослабить натискъ на Францію.

Эта цѣль была достигнута. Русскіе, пожертвовавъ арміей Самсонова, дѣйствительно, внесли панику въ дѣйствія германскаго верховнаго командованія, и въ тотъ моментъ, когда Жоффръ былъ вынужденъ отдать приказъ объ эвакуаціи своей ставки изъ Витри ле Франсуа въ Баръ сюръ Объ, нѣмцы сняли съ западнаго, французскаго фронта два корпуса, перебросивъ ихъ на русскій.

Въ первое время Жоффръ объ этомъ рѣшеніи ничего не зналъ и дѣйствовалъ, какъ если бы противъ него стояла германская армія въ полной силѣ. Но недѣлей позже отсутствіе этихъ корпусовъ на германскомъ фронтѣ сыграло рѣшающую роль. Первая германская армія фонъ Клука оторвалась отъ второй арміи Бюлова и оказалась подъ угрозой окруженія. Въ огромную брешь, защищаемую лишь слабыми германскими кавалерійскими частями, ринулись отдохнувшія дивизіи англичанъ и французскіе полки генерала Франше д'Эспере, которые могли съ легкостью осуществить задачу уничтоженія арміи Клука.

И вотъ, чтобы спасти ее, потерявшій голову Мольтке приказываетъ всему германскому фронту отступить отъ Марны и остановиться на рѣкѣ Энъ, съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, возстановить расшатавшійся фронтъ и дать истомленнымъ полкамъ маленькую передышку.

Эта передышка явилась роковой для Германіи. На Энъ германцы застряли на четыре года. Маневренная война превратилась въ позиціонную, въ борьбу на истощеніе. Лишь въ 1918 году Людендорфу удалось осуществить грандіозное наступленіе, которое было послѣдней вспышкой энергіи, разбившейся о резервы «маленькаго маршала» Фоша. Это наступленіе, извѣстное, какъ битва на Соммѣ или Вторая Марна, показало, что наступаетъ новый періодъ затяжной войны, котораго Германія уже больше не могла пережить.

И вотъ, мы возвращаемся во Францію въ тотъ моментъ, когда судьба этой страны и судьба всей войны колебалась на остріѣ меча.

29 августа

ФРЕНЧЪ ВОЗБУЖДАЕТЪ ВОЛНЕНІЕ И ВЪ ЛОНДОНѢ.

СНОВА собрались на чрезвычайное засѣданіе министры и генералы Англіи. Всѣ, за исключеніемъ военнаго министра, который задержался, толпятся уже въ кабинетѣ министръ-президента, на Доунингъ-стритъ 10.

Ждутъ.

Безъ Китченера засѣданіе невозможно. Онъ, безусловно, въ военныхъ вопросахъ самый важный человѣкъ въ Англіи. Съ момента начала войны лихорадочно работаетъ, создаетъ небывалую для страны армію. Теперь, въ воскресенье, 30 августа, ему очень трудно оторваться отъ дѣлъ, но онъ прекрасно знаетъ, что идти пора, и, какъ всякій военный, онъ не привыкъ опаздывать.

Въ кабинетѣ сдержанное жужжаніе голосовъ. Министры въ полголоса обсуждаютъ положеніе. На лицахъ отражается плохо скрытыя горечь и неудовольствіе. Развѣ это не позоръ, что первые джентльмены могущественнѣйшаго государства знаютъ о событіяхъ на фронтѣ не больше, чѣмъ уличный газетчикъ?

Да, лордъ Китченеръ по своей обязанности информируетъ ихъ каждое утро, но, когда военный министръ докладываетъ своимъ рѣзкимъ, скрипучимъ и, словно рубящимъ голосомъ, временами посматривая, чуть презрительно, изъ-подъ своихъ насупленныхъ густыхъ бровей на собраніе, — въ концѣ концовъ оказывается, что во время доклада было довольно много произнесено, но ничего не сказано.

Министръ финансовъ Давидъ Ллойдъ Джорджъ съ большимъ вниманіемъ прислушивается къ словамъ и мнѣніямъ своихъ коллегъ. Онъ необыкновенно молчаливъ сегодня, но внезапно все же заражается общимъ настроеніемъ и вмѣшивается въ общій разговоръ.

— Джентльмены, если вы желаете знать правду о Франціи, мнѣ кажется, я могу въ этомъ отношеніи удовлетворить ваше любопытство.

Лукаво взглянувъ на серьезныя лица министровъ, онъ добавляетъ:

— Правда, это будетъ ничто иное, какъ отрывокъ изъ «Таймса». Послушайте, что говоритъ этотъ негодный журналистъ, который осмѣлился обойти красный карандашъ военнаго цензора. Вотъ: «Какъ сообщаетъ

нашъ спеціальный корреспондентъ въ Булони, согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ, нѣмцы, подъ звуки оркестровъ, вошли въ Амьенъ».

Ллойдъ Джорджъ долженъ прервать чтеніе этого отрывка. Голоса, полные удивленія и негодованія, прерываютъ его.

Въ Амьенъ? Но, вѣдь, этотъ городъ находится глубоко въ официальномъ тылу британской королевской арміи!

Не успѣло еще исчезнуть съ лицъ собравшихся удивленіе, смѣшанное съ тревогой, какъ въ дверяхъ появился Китченеръ. Онъ привѣтствуетъ собравшихся сухимъ наклоненіемъ головы. Ледяное молчаніе является отвѣтомъ. Слѣдуютъ такіе-же скупые, официальные поклоны.

А затѣмъ, — градъ вопросовъ:

— Господа министры, повидимому, черпаютъ информацію изъ газетъ?

— Развѣ назначеніе военнаго министра состоитъ только въ томъ, чтобы хранить тайны?

Это скандалъ!..

На усталомъ,съ отпечаткомъ многихъ безсонныхъ ночей, лицѣ Китченера, не вздрагиваетъ ни одинъ мускулъ. Молчаливо и внимательно прислушивается онъ къ тому, что говорится. Когда, двѣ недѣли тому назадъ, Френчъ отправлялся со своими войсками во Францію, онъ, Китченеръ, предупреждалъ, что линія фронта будетъ, можетъ быть, въ теченіе извѣстнаго времени постоянно отодвигаться къ западу. Онъ предупреждалъ также, что нѣмцы пройдутъ черезъ Бельгію сѣвернымъ путемъ, и для него поэтому не сюрпризъ, что англійская армія, прежде чѣмъ успѣла опомниться, оказалась вовлеченной въ бои и, разбитая, принуждена отступать.

Китченеръ еще разъ внимательно смотритъ на лица окружающихъ его людей. Нѣтъ. Среди нихъ поистинѣ не имѣется ни одного человѣка, смыслящаго хотя бы поверхностно въ стратегіи. Эти лица не имѣютъ права сѣтовать на то, что онъ каждое утро бросалъ уклончивыя подачки. У Китченера слишкомъ большой грузъ на плечахъ и онъ не долженъ и не въ состояніи тратить драгоцѣнное время на то, чтобы часами разсуждать съ профанами.

Безъ всякаго вступленія, онъ говоритъ:

— Я получилъ телеграмму отъ Френча. Маршалъ оттянулъ свои войска съ фронта. Онъ хочетъ остановиться за Сеной.

Волненіе въ комнатѣ все усиливается и вызываетъ страхъ.

Какъ? За Сену? Развѣ это не означаетъ сдачи Парижа? Можетъ быть, война уже вообще проиграна?

На Китченера сыпятся безчисленныя нападки. Развѣ онъ не могъ ничего сдѣлать, чтобы предупредить принятое Френчемъ рѣшеніе?

Китченеръ пожимаетъ плечами. Онъ уже отвѣтилъ, телеграфно же, Френчу, умоляя его взять отданный приказъ обратно. Напрасно. Френчъ отвѣтилъ, что войска переутомлены и нуждаются въ отдыхѣ. Но главное то, что Френчъ потерялъ довѣріе къ французамъ. Онъ вовсе не собирается уничтожить армію его величества во славу Жоффра. Англія будетъ нуждаться въ арміи, когда будутъ подписывать миръ.

Министры, окружающіе Китченера, сразу становятся мягче. Въ отвѣтѣ Френча есть что-то родное, чисто англійское, понятное имъ.

Нѣтъ. Конечно, нѣтъ! Англійская армія не должна быть принесена въ жертву иностраннымъ интересамъ.

Такъ-ли это?

Китченеръ испытующе смотритъ на министровъ.

И тѣ внезапно вспоминаютъ, что армія-то ушла изъ метрополіи не во

имя англійскихъ, а общихъ интересовъ, и что безъ французской арміи даже самая прекрасная въ мірѣ англійская будетъ беззащитна противъ сѣрой лавины кайзера.

Этого достаточно. Сэфти фэрстъ. Френчъ не имѣетъ права осуществить отданный имъ приказъ. Онъ долженъ помочь отстоять Парижъ, хотя бы его пришлось къ этому принудить.

Отпечатокъ глубокой рѣшимости ложится на лица министровъ.

— Отъ имени кабинета, сэръ, предлагаемъ вамъ немедленно вторично телеграфировать маршалу Френчу съ настоятельнымъ требованіемъ оказать дѣйствительную поддержку французской арміи. Онъ обязанъ аннулировать свой приказъ, — говоритъ премьеръ, Асквитъ.

Въ полночь кабинетъ собирается на новое совѣщаніе. Китченера спрашиваютъ, къ чему привели его переговоры. Тотъ пожимаетъ плечами. Френчъ только что отвѣтилъ, что въ Лондонѣ не могутъ правильно оцѣнивать обстановку. Онъ, Френчъ, остается при своемъ мнѣніи.

И прежде, чѣмъ остальные министры успѣваютъ приступить къ дальнѣйшему обсужденію вопросовъ и предложеній, встаетъ Асквитъ. Его голосъ, пропитанный искренними нотами, звучитъ мягко. Онъ обращается къ Китченеру:

— Милордъ: въ продолженіе послѣднихъ четырехъ недѣль между мной и вами существовали нѣкоторыя разногласія. Теперь, по моему мнѣнію, не время вдаваться въ анализъ ихъ. Дѣло союзниковъ въ опасности. Мнѣ кажется, что единственнымъ человѣкомъ, который можетъ устранить эту опасность, являетесь вы. Отъ имени кабинета я прошу васъ: поѣзжайте незамедлительно во Францію и переговорите съ Френчемъ лично. Въ этотъ часъ все зависитъ отъ васъ, лордъ Китченеръ.

Взглядъ Китченера въ тотъ моментъ, когда онъ встрѣчается взоромъ съ глазами премьера похожъ на молнію. Эта искра въ одно мгновеніе расплавляетъ тотъ ледъ, который существовалъ между нимъ и кабинетомъ. Военный министръ чувствуетъ приливъ искренняго чувства симпатіи и прощенія вины тѣмъ, которые въ продолженіе послѣдняго времени доставляли ему столько непріятностей. Онъ встаетъ, отвѣшиваетъ поклонъ и говоритъ:

— Конечно, я поѣду, сэръ. Я прибуду во Францію еще текущей почью.

На лицѣ Асквита добрая, немного старческая улыбка.

— Министры благодарятъ васъ, милордъ, — говоритъ онъ и обращается къ Черчилю: — Вы, конечно, понимаете, сэръ, насколько важна миссія лорда Китченера? Надѣюсь, что вы предоставите въ его распоряженіе самый быстроходный изъ вашихъ крейсеровъ.

30 августа

ПОСЛѢДНЯЯ телеграмма Френча была прочитана ровно, въ полночь. Въ 12.30 шестидесяти четырехлѣтній военный министръ покинулъ Доунингъ-стритъ и поспѣшилъ домой, чтобы захватить нужныя вещи. Въ 1.30 экстренный поѣздъ отбываетъ съ вокзала. Въ три часа ночи стройный корпусъ быстроходнаго крейсера уходитъ изъ покрытой шапкой предразсвѣтнаго тумана гавани Дувра. Въ командирской каютѣ этого крейсера крѣпко спитъ фельдмаршалъ лордъ Китченеръ. Солдатъ долженъ всегда хорошо выспаться передъ боемъ. Особенно, если этотъ бой долженъ быть рѣшительнымъ.

Въ то же утро, 30 августа, военный министръ Франціи Мильеранъ ѣдетъ къ англійскому послу въ Парижѣ. Съ часу на часъ ожидается прибытіе Китченера.

Этотъ визитъ заранѣе предусмотрѣнъ. Послѣ свиданія Жоффра съ Френчемъ, когда послѣдній категорически отказался оказать французамъ помощь въ нужный день, президентъ Пуанкарэ обратился къ англійскому правительству съ просьбой вмѣшаться въ конфликтъ и добиться согласованія военныхъ операцій французской и англійской армій. Въ нотѣ между прочимъ указывалось, что въ случаѣ, если не удастся сдвинуть Френча съ занятой имъ позиціи, обстоятельства и событія могутъ принять катастрофическій характеръ.

Когда Мильеранъ пріѣхалъ въ англійское посольство, Френчъ уже былъ тамъ. Онъ былъ раздраженъ вынужденнымъ отсутствіемъ изъ арміи, которая въ настоящій моментъ вела арьергардные бои, и сразу же при появленіи министра обрушился на него съ градомъ упрековъ по адресу французскаго командованія и правительства. Особенно сильны были нападки Френча на Жоффра, приказы котораго, по мнѣнію англійскаго маршала, были не только не исполнимы, но часто и противорѣчивы. Теоріи его не примѣнимы на практикѣ, а самъ Жоффръ вообще не годится для занимаемаго имъ поста. Что же касается французскаго правительства, то оно, по мнѣнію Френча, потакаетъ противорѣчивымъ распоряженіямъ Жоффра, ни въ чемъ не освѣдомлено и меньше всего знаетъ о томъ, въ какомъ положеніи находится союзная англійская армія.

Мильеранъ спокойно выслушиваетъ все, что говоритъ Френчъ. Занимая оборонительную позицію, онъ выжидаетъ осторожно и терпѣливо, пока Френчъ въ своихъ обвиненіяхъ и нападкахъ не подберется къ концу.

Френчъ не принадлежитъ къ числу краснорѣчивыхъ людей. Еще въ меньшей мѣрѣ онъ обладаетъ даромъ аргументаціи, и поэтому стремится къ своей цѣли не ловкимъ построеніемъ рѣчи, а шумомъ и непреклоннымъ апломбомъ. Мильеранъ же мастеръ слова и, опираясь на свою феноменальную память, выдвигаетъ одинъ за другимъ такіе аргументы, которые позволяютъ ему быть лидеромъ диспута.

Онъ соглашается на все. И на нападки Френча по адресу командованія, и на атаку противъ правительства, — на все. Но, какъ бы невзначай, онъ указываетъ на даты, на цифры, которыя въ корректной, любезной формѣ, однимъ дуновеніемъ опрокидываютъ апломбъ Френча, всю его шумную рѣчь, оставляя англичанина, однако, въ увѣренности, что именно онъ ведетъ разговоръ.

Поведеніе Мильерана понятно. Въ противоположность Френчу онъ видитъ, что не въ риторическомъ успѣхѣ таится важность сегодняшнихъ переговоровъ. Надо добиться единенія, и это — самое главное.

Мильеранъ выжидаетъ. Каждую минуту должно прибыть его подкрѣпленіе, его резервъ — лордъ Китченеръ офъ Хартумъ, побѣдитель Омдурмана, бывшаго сирдара египетской арміи, побѣдитель буровъ, главнокомандующій индійской арміей, человѣкъ съ насупленнымъ лицомъ бульдога, густыми черными усами и бровями.

И когда этотъ резервъ появляется, Мильеранъ, послѣ обмѣна привѣтствіями, вдругъ, со всей пылкостью патріота, обрушивается на Френча. Въ присутствіи Китченера онъ защищаетъ правительство и командованіе и однимъ ударомъ выбиваетъ маршала изъ его позицій.

Китченера нельзя причислить къ закадычнымъ друзьямъ французовъ, но все же онъ съ восхищеніемъ наблюдаетъ за успѣхомъ своего француз-

скаго коллеги, чувствуя, что тотъ въ сущности уже исполнилъ добрую половину его, Китченера, миссіи; теперь англійскому министру надлежитъ только добить строптиваго маршала.

При разговорѣ двухъ отвѣтственныхъ англичанъ присутствуютъ французы. Діалогъ на чужомъ языкѣ для нихъ понятенъ лишь частично, но тонъ и темпъ разговора не оставляютъ сомнѣнія, что Китченеръ уговариваетъ, а Френчъ упирается.

Лица французовъ постепенно принимаютъ каменное, замкнутое выраженіе. Если англійскія дивизіи попрежнему останутся въ тылу фронта, тщательно разсчитанный планъ Жоффра будетъ напраснымъ жестомъ.

Френчъ съ подозрѣніемъ посматриваетъ на Китченера, видя въ немъ соперника, замѣстителя, своего преемника.

— Нѣтъ и нѣтъ. Я остаюсь при своемъ мнѣніи, — отклоняетъ онъ всѣ попытки Китченера склонить его къ аннулированію приказа.

Вѣрность союзникамъ. Уваженіе къ договорамъ. Судьба войны. Отвѣтственность передъ исторіей. Будущее, какимъ оно окажется, если Парижъ будетъ сданъ.

Все это подробно и убѣдительно освѣщаетъ Китченеръ, апеллируя къ чести маршала, но тотъ упрямо и неизмѣнно твердитъ одно:

— Тамъ, въ Лондонѣ, въ канцеляріяхъ министровъ не могутъ знать истиннаго положенія вещей. Только я, который, въ теченіе послѣднихъ дней, неотступно находился при войскахъ, могу знать на что они способны.

Въ сущности, Френчъ правъ, и Китченеръ это учитываетъ. Но что значитъ правильная точка зрѣнія, если Парижъ можетъ оказаться во власти нѣмцевъ? Вѣдь тогда будетъ дѣйствительно все равно, растрепанали англійская армія или сохранила она свою боеспособность!

Китченеръ отходитъ къ окну. Смотритъ на опустѣвшія улицы города. О, Китченеръ отлично знаетъ, что за паническое впечатлѣніе произвели на населеніе ложные слухи о нѣмецкихъ уланахъ, появившихся въ предмѣстьяхъ Парижа. Министръ смотритъ на великолѣпную панораму развернувшихся передъ нимъ дворцовъ и широкихъ улицъ и думаетъ:

«Неужели по этимъ прекраснымъ улицамъ, дней черезъ семь или восемь, зазвучатъ сапоги потсдамскихъ гвардейцевъ? Неужели это случится только потому, что какой-то англійскій генералъ потерялъ власть надъ своими нервами?»

Китченеръ рѣзко поворачивается къ ожидающимъ его реплики участникамъ совѣщанія. Онъ извиняется жестомъ передъ французами и обращается къ своему соотечественнику:

— Я попрошу васъ, сэръ, на нѣсколько конфиденціальныхъ словъ въ сосѣднюю комнату.

Френчъ озадаченъ. Не было ли въ тонѣ Китченера приказанія или, можетъ быть, больше того, — угрозы?

Едва замѣтно пожавъ плечами, онъ слѣдуетъ за министромъ въ смежный съ заломъ совѣщанія маленькій и тѣсный кабинетъ. Дверь на полчаса затворяется. Въ теченіе этого времени два генерала заняты серьезной бесѣдой.

По истеченіи томительныхъ минутъ ожиданія, дверь снова распахивается и на порогѣ появляется англійскій главнокомандующій, на лицѣ котораго замѣтны ясные слѣды упорной борьбы. Самъ же онъ молчаливъ и весь ушелъ въ себя.

Напряженіе и нетерпѣніе французовъ достигаютъ высшей точки. Они внимательно слѣдятъ за каждымъ жестомъ, за каждымъ поступкомъ, какъ Китченера, такъ и Френча, и особенно настораживаются въ тотъ моментъ, когда Френчъ беретъ трубку телефона, требуя экстреннаго соединенія со своей штабъ-квартирой.

Въ трубку начинаютъ падать роковыя слова. Въ эту минуту съ сердца французовъ падаетъ давящій камень... Скупо и раздраженно Френчъ диктуетъ приказъ:

«Войска не остаются на Сенѣ. Отданный приказъ аннулировать. Англійская армія немедленно занимаетъ позиціи на линіи огня. Она перенимаетъ участокъ къ востоку отъ Парижа. Все.»

*

Врядъ ли узнаютъ наши потомки о томъ, что говорили между собой англійскіе генералы. Ни въ одномъ изъ многочисленныхъ дневниковъ и воспоминаній о великой войнѣ нѣтъ указаній относительно того, какимъ образомъ Китченеръ добился согласія Френча. Убѣдилъ-ли онъ его? Угрожалъ ли ему? Заявилъ ли со всей присущей рѣзкостью, что лишитъ командованія въ случаѣ ослушанія?

Никто, кромѣ нихъ, не знаетъ о томъ, что произошло въ маленькомъ, тѣсномъ кабинетѣ...

А между тѣмъ, послѣ этого свиданія, начиная съ 6 сентября, англійская армія въ медленномъ, но неуклонномъ наступленіи вдвигается, какъ клинъ, между двумя, тоже наступающими арміями Клука и Бюлова. Съ этого момента вниманіе германскаго верховнаго командованія было, какъ магнитомъ, приковано къ этому пробѣлу въ германскомъ фронтѣ, о которомъ сообщилъ 9 сентября офицеръ особыхъ порученій при О. Х. Л., полковникъ-лейтенантъ Хенчъ.

Этотъ офицеръ слышитъ разрывы англійскихъ гранатъ, и сердце его сжимается отъ заботы и страха. Около полудня 9 сентября, онъ, послѣ долгихъ споровъ съ командующимъ I германской арміей фонъ Клукомъ, отдаетъ приказъ объ отступленіи. Клукъ, стоящій всего въ одномъ переходѣ отъ Парижа, Клукъ, уланы котораго видятъ уже Булонь и Севръ, Клукъ, отъ разъѣздовъ котораго до центра Парижа всего какихъ нибудь 10—15 километровъ, — внезапно поворачиваетъ налѣво кругомъ!

Блестящее нѣмецкое наступленіе пріостанавливается — оно рушится... Нѣмцы начинаютъ катиться назадъ и останавливаются на линіи Зигфрида, въ которой нѣмецкія арміи отсиживались четыре года, топчась на мѣстѣ и жертвуя цѣлыми дивизіями за обладаніе 100—200 метровъ земли.

■

Недѣлю спустя послѣ описаннаго только что эпизода, завѣдующій отдѣломъ печати при англійскомъ военномъ министерствѣ передаетъ Китченеру написанный имъ проектъ обзора положенія дѣлъ на западномъ фронтѣ. Въ этомъ проектѣ битва на Марнѣ названа «большимъ успѣхомъ» союзныхъ армій. Китченеръ внимательно изучаетъ проектъ и зачеркиваетъ два слова. Рѣшительными нажимами пера онъ вписываетъ, —

— Рѣшительная побѣда.

Завѣдующій бюро, зная, что министръ очень остороженъ въ своихъ выраженіяхъ, пытается возразить, напоминая, что г-нъ министръ самъ считаетъ, что война продлится еще много лѣтъ, но Китченеръ рѣшительно вручаетъ ему прочитанный документъ и приказываетъ:

— Опубликуйте это. Я не отрицаю, что война продлится еще три года, но нѣмцы ее уже проиграли...

ПРАВИТЕЛЬСТВО ДОЛЖНО ОСТАВИТЬ ПАРИЖЪ!

Намъ невозможно оставить генерала Ланрезака, который, несмотря на разногласія съ Жоффромъ, добился первой кратковременной побѣды надъ нѣмцами. Засѣвъ въ своей штабъ-квартирѣ въ Лаонѣ, онъ рѣшилъ лучше погибнуть, чѣмъ двинуться куда-либо ранѣе, чѣмъ изъ Витри ле Франсуа придетъ новый приказъ. Его армія вцѣпилась въ отвоеванную отъ нѣмцевъ землю, имѣя возможность продвинуться еще дальше, но слѣва, слѣва! — Боже мой, опасность возрастаетъ. Тамъ ежеминутно можетъ появиться непріятель, и Ланрезакъ съ тревогой ждетъ телефоннаго вызова съ роковой фразой: «авангарды Клука въ виду нашихъ заставъ».

Генералъ накаленъ. Еще вчера просилъ онъ у ставки приказовъ, но сегодня, въ это прекрасное, солнечное утро, онъ не имѣетъ никакихъ распоряженій изъ Витри.

— Дайте мнѣ Витри! — приказываетъ онъ телефонисту.

— Витри невозможно добиться, монъ женераль, — неизмѣнно отвѣчаетъ телефонистъ, многіе часы потратившій на безуспѣшныя соединенія.

Наконецъ, около десяти часовъ утра радостный возгласъ:

— Витри насъ слушаетъ, г-нъ генералъ!

Ланрезакъ съ лихорадочной поспѣшностью беретъ трубку и узнаетъ невѣроятную вещь: приказъ объ отступленіи былъ отданъ въ субботу вечеромъ.

Гдѣ же онъ? Ланрезакъ ничего не имѣетъ!

Онъ требуетъ къ аппарату самого Жоффра. Гнѣвное и раздраженное объясненіе. Жоффръ самъ взволнованъ. Упрекаетъ Ланрезака. Главнокомандующій озабоченъ исходомъ неожиданнаго событія.

Съ трескомъ падаетъ трубка на ящикъ. Быстро застегивая воротникъ мундира, Ланрезакъ почти бѣгомъ отправляется въ оперативную комнату.

— Всѣхъ господъ офицеровъ немедленно ко мнѣ. Всѣхъ ординарцевъ для устнаго приказа!

Распоряженія сыпятся буквально на ходу. Сложный и тонкій механизмъ оповѣщенія войсковыхъ частей приходитъ въ лихорадочное движеніе. По фронту арміи, черезъ связи, начинаютъ перекликаться мѣдные горны. Сигнальщики трубятъ отступленіе. Изъ мѣловой земли выростаютъ измазанные, покрытые пылью съ ногъ до головы, обросшіе бородами солдаты, — армія Ланрезака въ послѣдній моментъ отрывается отъ врага, въ послѣднюю минуту выскальзываетъ изъ цѣпкихъ клещей Бюлова и фонъ Клука.

А въ это время въ Парижѣ хаосъ, не меньшій, чѣмъ на фронтѣ. Въ этотъ воскресный день не было ничего праздничнаго на улицахъ города.

Кучки людей. Возбужденные голоса. Слухи, слухи, слухи, — одинъ страшнѣе другого. Кажется, что люди ждутъ явнаго проявленія перста судьбы, огненныхъ словъ «мене текелъ фаресъ», которыя должны появиться на небѣ въ послѣдній часъ столицы.

Въ Елисейскомъ дворцѣ, въ кабинетѣ президента рєпублики, засѣдаетъ совѣтъ министровъ. Внезапно, посреди пылкихъ и возбужденныхъ рѣчей, Мильеранъ требуетъ слова.

Звонокъ. Шумъ кое-какъ замолкаетъ.

Мильеранъ говоритъ громко, увѣренно и спокойно, но говоритъ вещи, которыя приводятъ къ новому взрыву разгоряченныхъ чувствъ. Онъ сообщаетъ, что только что говорилъ съ Жоффромъ, что положеніе на фронтѣ неожиданно измѣнилось къ худшему.

Это никого не удивляетъ. Къ этому привыкли. Но вотъ Мильеранъ дѣлаетъ прыжокъ въ сторону и безъ обиняковъ заявляетъ:

— Правительство должно оставить Парижъ!

Что такое?

Нѣкоторые министры отъ неожиданности привстаютъ. Пуанкарэ откидывается въ креслѣ.

— Нѣтъ, — говоритъ онъ и трясетъ головой. — Нѣтъ, господинъ Мильеранъ. Правительство никогда не оставитъ Парижа! Если кто-либо изъ членовъ правительства захочетъ выѣхать, то развѣ что на фронтъ. Это можетъ поднять духъ войскъ, и такъ далѣе, но бѣжать изъ Парижа? Нѣтъ, господинъ Мильеранъ, еще разъ нѣтъ!

Пуанкарэ смотритъ на Вивіани, будучи въ полной увѣренности, что со стороны премьера ему будетъ оказана поддержка. Однако, Вивіани упорно разглядываетъ лежащій передъ нимъ чистый листъ бумаги и ритмично постукиваетъ карандашомъ по сукну стола.

— Ваше мнѣніе, господинъ министръ - президентъ?

— Мое мнѣніе... Видите ли, мнѣ кажется, что генералъ Жоффръ лучше знаетъ о дѣйствительномъ положеніи вещей.

Пуанкарэ:

— О!

Мильеранъ:

— Долженъ добавить: по мнѣнію генерала Жоффра, присутствіе въ Парижѣ правительства особенно настойчиво побуждаетъ нѣмцевъ стремиться занять этотъ городъ. Правительство въ столицѣ, это — магнитъ для нѣмецкихъ генераловъ. Плѣненіемъ правительства они надѣются нанести столь сильный моральный ударъ, что капитуляція Франціи будетъ неизбѣжна. Подумайте только, мессье, что будетъ, если нѣмцы обойдутъ Парижъ съ запада, перерѣжутъ всѣ желѣзнодорожные и шоссейные пути! Мы будемъ, какъ въ мышеловкѣ!

Мильеранъ повышаетъ голосъ:

— Господа, когда вы не желаете принять во вниманіе предложенія главнокомандующаго, ваши мнѣніе и образъ дѣйствій нелогичны и необоснованы. Вы, требующіе отъ солдатъ дисциплины, должны сами эту дисциплину хранить и ей подчиняться. Правительство должно эвакуироваться на югъ.

Пуанкарэ, этотъ постоянно уравновѣшенный и благовоспитанный человѣкъ, не въ состояніи удержаться. Съ покраснѣвшимъ лицомъ онъ вскакиваетъ и кричитъ:

— А французскій народъ въ это время будетъ съ полнымъ правомъ обвинять насъ, что правительство составлено изъ трусовъ, которые при появленіи перваго нѣмецкаго улана бѣжали изъ города! Подумайте, что случится, когда народъ узнаетъ, что мы бросили Парижъ! Причины - то нашей эвакуаціи будутъ, вѣдь, народу неизвѣстны!

Одинъ изъ министровъ, Думергъ, встаетъ также, обводитъ присутствующихъ серьезнымъ взоромъ и произноситъ:

— Господинъ президентъ! Иногда долгъ члена правительства заставляетъ сносить кличку труса. Иногда болѣе мужественнымъ оказывается выставить свое имя на позоръ толпы, чѣмъ пожертвовать своей жизнью.

Молчаніе.

Слова Думерга производятъ сильное впечатлѣніе. Даже Пуанкарэ чувствуетъ въ этихъ фразахъ правду.

Но предложеніе Мильерана сложно, деликатно, трудно исполнимо, и

въ кабинетѣ разгораются пренія. Мнѣнія дѣлятся пополамъ. Нуженъ Соломонъ. Имъ будетъ Гальени. Защитникъ Парижа, генералъ, которому довѣряютъ, можетъ быть, даже больше, чѣмъ Жоффру. Вызванный по прямому проводу, онъ немедленно является на засѣданіе кабинета.

— Да, я знаю, что Жоффръ проситъ правительство выѣхать изъ Парижа, — говоритъ Гальени. — Больше того. Я только что говорилъ съ нимъ, и не скажу, что Парижъ защищенъ такъ, какъ мы этого хотѣли бы.

Объ этомъ выступленіи Гальени самъ Пуанкарэ впослѣдствіи въ своихъ воспоминаніяхъ передаетъ слѣдующимъ образомъ.

«Онъ говорилъ съ ясностью, силой и экспресіей. Выступленіе произвело на собравшихся глубокое впечатлѣніе. Высокій, стройный, гибкій, съ пронизывающимъ взоромъ, прячущимся за тщательно протертыми стеклами пенснэ, онъ импонировалъ своей мужественностью, силою, яснымъ и опредѣленнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности. Онъ говорилъ, что укрѣпленія Парижа недостаточны, что упущенія генерала Мишеля можно наверстать не раньше какъ черезъ 8—10 дней, но даже и въ этомъ случаѣ, тяжелая артиллерія, которой располагаютъ нѣмцы, сотретъ крѣпость съ лица земли. Правительство должно покинуть Парижъ».

Въ этомъ мѣстѣ рѣчь Гальени обрывается. Присутствующіе прислушиваются къ рѣдкому въ тѣ времена звуку, — жужжанію аэроплана.

ЛЕЙТЕНАНТЪ ФОНЪ ХИДДЕССЕНЪ.

Маленькая дѣвочка, игравшая въ Люксембургскомъ саду, отъ неожиданнаго шума присѣла на кучу песка. Было ей лѣтъ пять или шесть. Жужжаніе тоже привлекло ея вниманіе, и она инстинктивно посмотрѣла на небо.

— Мама! Смотри, какая большая стрекоза! Большая и серебряная!

Шумъ мотора привлекъ вниманіе и взрослыхъ.

— Гдѣ? Гдѣ?

— Вонъ, тамъ, и надъ церковью!

Садовый сторожъ, пожилой старикъ въ огромныхъ бархатныхъ панталонахъ и сабо, возившійся у розъ, крикнулъ:

— Это «Таубе»!

Таубе! Быстроходные нѣмецкіе аэропланы тѣхъ временъ, — лучшее, что дала въ августѣ 1914 года авіація.

Вся площадь Люксембургскаго сада покрылась поднятыми къ небу лицами. Нѣмцы впервые отважились летать надъ городомъ. Улицы Латинскаго квартала замерли также. Остановились фіакры, рѣдкіе такси. Съ площадокъ автобусовъ десятки и сотни людей смотрѣли въ небо.

Таубе надъ Парижемъ!

Внезапно въ ярко - голубомъ небѣ появился рой бѣлыхъ бабочекъ, начавшій вскорѣ спускаться все ниже, превращаясь въ листки, разсыпаясь тысячами прокламацій по зелени газоновъ, крышамъ и улицамъ. Жадныя руки расхватали ихъ въ одинъ моментъ, любознательные глаза впились въ жирно отпечатанныя французскія строчки.

«Граждане! Германская армія стоитъ передъ воротами Парижа. Вамъ не остается ничего другого, какъ сдаться.»

Лейтенантъ фонъ Хиддессенъ.»

Да, тамъ, наверху, въ небѣ, сидѣлъ лейтенантъ фонъ Хиддессенъ, молодой германскій летчикъ, одинъ изъ первыхъ сдавшихъ экзаменъ

на военнаго пилота. Товарищи его утверждали, что онъ умѣетъ летать даже на сигарныхъ коробкахъ. На своемъ бипланѣ «Желтый песъ» онъ доставилъ первую въ Германіи воздушную почту, 20.000 открытокъ изъ Франкфурта - на - Майнѣ въ Дармштадтъ. Дефекты мотора, паденія и тысячи другихъ аварій не мѣшали ему летать. Развѣ полетъ надъ обреченнымъ городомъ, не имѣвшимъ даже приличной зенитной артиллеріи, могъ испугать такого молодца?

Но кромѣ снабженія французовъ информаціонной литературой, молодому лейтенанту была поручена болѣе важная задача. Когда послѣдній пакетъ тонкихъ бумажекъ скрылся гдѣ-то позади аэроплана, лицо пилота стало серьезнымъ. Онъ справляется по картѣ и находитъ на ней красные кружки. Вокзалъ. Водокачка. Арсеналъ. Министерство.

Взглядъ въ прицѣльную трубку:

— 21 . . . 22 . . . 23 . . .

Нажимъ педали. Визгъ.

Еще разъ нажимъ педали.

Стальныя капли уносятся внизъ.

И тогда . . .

У министровъ въ Елисейскомъ дворцѣ замираетъ дыханіе. Изъ-за окна доносится глухой, сильный взрывъ.

Три секунды, — и второй еще болѣе сильный ударъ содрогаетъ зеркальныя окна.

Нѣмецкая артиллерія?

Не можетъ быть.

Гальени телефонируетъ. Въ полицейскій комиссаріатъ восьмого округа, седьмого, девятаго.

Въ чемъ дѣло?

— Успокойтесь, господа. Это былъ нѣмецкій аэропланъ. Сбросилъ бомбы и прокламаціи надъ Латинскимъ кварталомъ.

И засѣданіе продолжается. Взрывы бомбъ помогаютъ Жоффру. Передъ лицомъ реальной опасности правительство выноситъ резолюцію переѣхать въ Бордо, но день и часъ еще не опредѣляется. Разстаться съ столицей трудно.

А когда министры расходятся, въ головѣ у каждаго вертится назойливый вопросъ:

— Какъ будетъ реагировать населеніе?

НОВОЕ ИМЯ ВЫХОДИТЪ НА ПЕРВЫЙ ПЛАНЪ.

Съ десятокъ офицеровъ генеральнаго штаба, ближайшіе сотрудники Жоффра, собрались рано утромъ въ рабочемъ кабинетѣ главнокомандующаго. Только что прибыло извѣстіе, что Ланрезаку съ большимъ трудомъ удалось вырваться изъ цѣпкихъ клещей двухъ нѣмецкихъ армій — маневръ, который нельзя было иначе разсматривать, какъ слѣдствіе пораженія. Извѣстіе объ этой печальной операціи было только что послано въ спальню Жоффра.

Французскіе офицеры удручены. Тихо, вполголоса переговариваются они. Съ опаской высказываютъ сомнѣніе относительно возможности побѣды надъ Германіей.

Нѣтъ! Сомнѣваться въ ней они не имѣютъ права, и поэтому быстро мѣняютъ тему и переходятъ на вопросы о подкрѣпленіяхъ, желѣзныхъ дорогахъ и будущей судьбѣ арміи Ланрезака.

— Меня поражаютъ нервы нашего главнокомандующаго, — говоритъ одинъ полковникъ - лейтенантъ. — Вчера онъ пошелъ спать въ часъ ночи, теперь же уже безъ четверти восемь утра, а его все еще нѣтъ. Я бы не могъ спать по семь часовъ въ сутки, если бы руководилъ самой большой войной въ исторіи!

— Да, — соглашается одинъ изъ его товарищей. — Генералъ можетъ похвастаться крѣпкими нервами. Забавно, однако, что онъ запирается на ночь, какъ стыдливая дѣвица!

— Что-жъ! Сонъ у него, дѣйствительно, молодой. Представьте, какъ-то на дняхъ я долженъ былъ передать ему на подпись срочное донесеніе. На мой стукъ онъ открылъ сразу, подписалъ бумагу, сунулъ мнѣ обратно карандашъ и щелкнулъ ключомъ. Пройдя коридоръ, я внезапно вспомнилъ, что нужно еще кое о чемъ спросить. Вернулся. Хотѣлъ уже постучать, какъ слышу, что нашъ главнокомандующій уже похрапываетъ! За тотъ срокъ, который мнѣ понадобился для того, чтобы пройти 20—30 шаговъ, онъ уже успѣлъ дойти до дна нирваны Морфея!

Офицеры смѣются, но одинъ голосъ, голосъ майора Бурьэ, звучитъ раздраженно:

— Мнѣ кажется, что тутъ нѣтъ ничего смѣшного. Какъ можно такъ спокойно и долго спать, если съ фронта прибываютъ извѣстія одно страшнѣе другого? Если бы я былъ на мѣстѣ генерала, то лежалъ бы всю ночь съ открытыми глазами, думая о судьбѣ моихъ армій...

Маленькая, но желѣзная рука ложится на плечо говорящаго:

— Поэтому то вамъ и не поручатъ никогда судьбу французской арміи, дорогой Бурьэ! — говоритъ насмѣшливый, немного скрипучій голосъ. — Солдатъ долженъ умѣть спать. Наполеонъ, къ примѣру, спалъ иногда сутки напролетъ, если ему этого хотѣлось. Когда же онъ лишился сна, то проигралъ Ватерлоо! Такъ-то, мой другъ.

Взрывъ хохота явился отвѣтомъ на слова низкорослаго, худощаваго генерала съ изумительной военной выправкой и въ формѣ, сшитой строго по уставу. Этого генерала зовутъ Фошемъ. Генералъ Фошъ, имя, мало кому извѣстное.

Бурье криво усмѣхается и отвѣчаетъ:

— Если все дѣло во снѣ, то я постараюсь приблизиться къ Наполеону. Тѣмъ не менѣе, мнѣ было бы очень любопытно узнать, какъ отнесутся къ этому въ военномъ министерствѣ. Въ ставкѣ же, у насъ, это, повидимому, пройдетъ незамѣченнымъ.

— Господа офицеры!

Вся группа бесѣдующихъ офицеровъ вздрагиваетъ и замираетъ смирно. Лица поворачиваются вправо, къ двери, въ которой появляется сѣдоусый, полный генералъ, самое важное лицо во Франціи, — главнокомандующій арміями Жозефъ - Жакъ - Цезарь Жоффръ.

Гладко выбритый, тщательно, но мѣшковато одѣтый, этотъ немного грузный и полный старикъ мелкими шагами подходитъ къ столу и опирается обѣими руками на карту. Спокойнымъ, но сверлящимъ взоромъ онъ осматриваетъ собравшихся и выдерживаетъ паузу, которая не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

— Генералъ Ланрезакъ, — начинаетъ Жоффръ, — дѣйствовалъ своевольно. Несмотря на мои опредѣленные приказы, онъ предпринялъ на свою отвѣтственность маневръ, который едва не стоилъ существованія его арміи. Далѣе, генералъ Ланрезакъ не смогъ, въ силу вновь сложившихся обстоятельствъ, удержать указанныя мною позиціи на Самбрѣ и

рѣшился на дальнѣйшее отступленіе. Вслѣдствіе этого я лишаю генерала Ланрезака командованія. Съ сегодняшняго дня его армію принимаетъ генералъ Франшэ д'Эсперэ.

Снова пауза. Офицеры молчатъ потупившись. Еще одна жертва нѣмецкой лавины!...

Жоффръ продолжаетъ. Голосъ его теперь значительно рѣзче:

— Считаю необходимымъ прибавить еще слѣдующее: тѣ господа офицеры, которые принесли мнѣ послѣднее извѣстіе съ фронта арміи генерала Ланрезака и которыхъ я поставилъ въ предварительную извѣстность о моемъ желаніи отстранить этого генерала, сочли за нужное указать мнѣ на извѣстную опасность, возникающую изъ этой отставки. Эти лица упомянули, также, между прочимъ, что отстраненіе генерала Ланрезака является тридцать третьимъ случаемъ лишенія высшаго офицера занимаемой имъ должности. Кромѣ того, господа офицеры обратили мое вниманіе и на то, что генералъ Ланрезакъ имѣлъ достаточныя основательныя причины, чтобы поступать такъ, какъ онъ сдѣлалъ.

Господа офицеры! Я уже имѣлъ случай указать, и повторяю теперь снова, что подобныя заявленія я отказываюсь понимать. Франція переживаетъ слишкомъ серьезный моментъ для того, чтобы можно было, въ эти трагическіе дни, когда рѣшается ея судьба, заниматься теоріей и практикой. Мы не можемъ, какъ на маневрахъ, подвергать доскональному изученію причины, почему генералъ Ланрезакъ отступилъ и имѣлъ ли онъ право такъ дѣйствовать. Я нуждаюсь въ чувствѣ у в ѣ р е н н о с т и въ томъ, что мои приказы исполняются, а солдаты должны знать, что въ случаѣ пораженія командиры несутъ полную отвѣтственность, причемъ виновники, кромѣ того, должны быть подвергнуты безжалостному наказанію. Если поступать иначе, то ни солдаты, ни главнокомандующій не будутъ имѣть увѣренности въ побѣдѣ. Мы же — побѣдимъ! Въ этомъ я убѣжденъ больше, чѣмъ когда бы то ни было. Надѣюсь, вы поняли меня, господа офицеры.

Десять лѣтъ спустя послѣ описываемаго эпизода, военные историки устанавливаютъ, что генералъ Жоффръ поступилъ несправедливо по отношенію къ генералу Ланрезаку и что опальный генералъ въ тяжелый моментъ поступилъ именно такъ, какъ этого требуютъ тактика и стратегія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительныя дѣйствія Жоффра по отношенію къ подчиненнымъ ему высшимъ офицерамъ, значительно укрѣпили довѣріе солдатъ къ своему начальству. Жоффръ, дѣйствительно, въ продолженіи періода войны, извѣстнаго подъ именемъ «Битвой на Марнѣ», отрѣшилъ отъ командованія 45 генераловъ, изъ которыхъ лишь три или пять были дѣйствительно виновны, но мудрая солдатская поговорка утверждаетъ, что не надо бояться ошибокъ, если желаешь добиться чего - нибудь большого.

Но вернемся къ эпизоду.

— Въ силу послѣднихъ событій на фронтѣ, — говоритъ Жоффръ, — мы оказываемся не въ состояніи осуществить предусмотрѣнныя послѣднимъ приказомъ отъ 25 августа операціи. Мы вынуждены радикально все измѣнить, и поэтому сопротивленіе на предусмотрѣнной нами линіи, такимъ образомъ, отпадаетъ. Я, въ сотрудничествѣ съ господами офицерами оперативнаго отдѣла, изготовлю приказы для новаго обширнаго и планомѣрнаго отступленія, и надѣюсь, что присутствующіе поймутъ цѣлесообразность моихъ распоряженій и никто изъ нихъ не повѣситъ носъ и не испугается въ результатѣ создавшейся новой обстановки. Положеніе тяжелое, но оно предоставляетъ намъ цѣлый рядъ возможностей.

Маршевая способность нѣмцевъ оказалась самой большой неожиданностью въ современной войнѣ, но чѣмъ дальше продвигаются нѣмцы впередъ, тѣмъ больше будетъ слабѣть напоръ ихъ арміи. Потери, съ одной стороны, и усталость, съ другой, — не могутъ не оказать вліянія на темпъ ихъ операцій. Принимая во вниманіе эти соображенія, мы приложимъ всѣ усилія къ тому, чтобы увеличить эти потери. Мы оторвемся отъ нихъ, и это возможно сдѣлать, такъ какъ наши желѣзныя дороги въ лучшемъ состояніи, чѣмъ тѣ, которыя остались на завоеванной непріятелемъ территоріи. Мы соберемся снова на Сенѣ, чтобы съ новыми силами ударить по сильно порѣдѣвшимъ рядамъ врага.

Господа офицеры! Побѣда будетъ нашей! Вѣрьте въ это и вѣрьте во Францію!

Для будущей операціи оказалось выгоднымъ раздѣлить на двое нашу пятую армію и создать изъ корпусовъ ея лѣваго крыла новую, девятую армію. Въ тотъ моментъ, пока я говорилъ, я колебался, кому поручить командованіе этой арміей...

Жоффръ замолкаетъ и скользитъ взоромъ по ряду стоящихъ передъ нимъ офицеровъ, по этимъ одухотвореннымъ и умнымъ лицамъ. Машинально онъ покачиваетъ головой.

Нѣтъ, одной одухотворенностью и умомъ арміей руководить нельзя. Нужна кромѣ того воля, сильная, непреклонная воля, твердая, какъ сталь, неумолимая, какъ девятый валъ...

Внезапно взглядъ Жоффра останавливается на одномъ генералѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ не произноситъ ни одного слова, весь погруженый въ свои думы.

«Да, — рѣшаетъ главнокомандующій про себя, — мой выборъ будетъ правильнымъ. Это какъ разъ тотъ человѣкъ, въ которомъ армія нуждается.»

И онъ говоритъ:

— Я рѣшилъ поручить командованіе девятой арміей генералу Фошу. Генералъ, я поздравляю васъ съ назначеніемъ на столь высокій и отвѣтственный постъ и надѣюсь, что вы оправдаете полностью мое довѣріе. Я вѣрю въ ваши тактическія и стратегическія способности и отъ души желаю удачи въ будущихъ тяжелыхъ операціяхъ. Благодарю васъ, господа офицеры!

Такимъ образомъ, Фошъ, будущій маршалъ Франціи, будущій главнокомандующій всѣми союзными силами западнаго фронта и человѣкъ, побѣдоносно окончившій войну, былъ выдвинутъ на руководящій постъ человѣкомъ, не переставшимъ вѣрить въ побѣду, неутомимо объѣзжавшимъ фронтъ и оказывавшимся тамъ, гдѣ нужна была моральная поддержка, новый толчекъ, разносъ или одобреніе, — человѣкомъ, чьи стратегическія способности въ первыя недѣли войны, казалось, были не на высотѣ.

Вотъ мнѣніе нѣмцевъ о Жоффрѣ:

«Въ дни мира онъ со своимъ генеральнымъ штабомъ выработалъ изумительный планъ номеръ 17, который долженъ былъ привести Францію черезъ четыре недѣли къ блестящей побѣдѣ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Но что осталось отъ этого плана? Искусство фланговаго обхода и стремительный характеръ наступленія германцевъ опрокинули все вверхъ дномъ. Французы и англичане, въ продолженіи недѣль, отступаютъ...

Тѣмъ не менѣе, генералъ Жоффръ доказываетъ, что для солдата су-

ществуютъ вещи, которыя гораздо важнѣе, чѣмъ вычисленія и циркули. Даже в самые мрачные часы генералъ Жоффръ не теряетъ своей вѣры и своей воли къ побѣдѣ. Нервы важнѣе, чѣмъ планы, и эта старая мудрость подтверждается въ эти дни.»

31 августа

ВЪ этотъ день судьба французской арміи зависѣла отъ одного единственнаго моста, моста въ Байи, соединяющаго сѣверо-западный берегъ Уазы съ юго-восточнымъ. Судьба, однако, захотѣла, чтобы Фортуна на сей разъ улыбнулась французамъ.

Англійская армія имѣла приказъ взорвать этотъ мостъ при отступленіи. На эту тему говорили по телефону лично Жоффръ и Френчъ. Маршалъ обѣщалъ Жоффру, что онъ самъ убѣдится въ исполненіи этого порученія. Но въ этотъ день максимальной депрессіи Френча и его арміи случилось невозможное. Мостъ остался цѣлъ. Ни одинъ камень, ни одинъ желѣзный прутъ не былъ погнутъ или поцарапанъ. Мостъ Байи гордо и величественно, широкимъ полотномъ, соединялъ оба берега трудно переходимой рѣки.

Стратегически мостъ былъ важенъ потому, что помѣщался позади лѣваго фланга арміи Ланрезака, совершенно открытаго, благодаря неудержимому отступленію англичанъ.

Внезапно у моста появляется идущій изъ Шони и Нойона германскій кавалерійскій корпусъ подъ командой одного изъ высшихъ и самыхъ выдающихся нѣмецкихъ генераловъ, фонъ деръ Марвица.. Задачей этого корпуса было догнать уходящихъ англичанъ, атаковать и окончательно уничтожить ихъ.

Первые разъѣзды нѣмцевъ поднялись вверхъ по теченію Уазы и, къ своему удивленію, обнаружили совершенно невредимый мостъ. Быстро проскакавъ на другой берегъ, начальникъ разъѣзда отправилъ спѣшное донесеніе о состояніи моста фонъ деръ Марвицу. Ускореннымъ аллюромъ кавалерійскій корпусъ достигъ Байи и переправился.

Въ это время штабъ первой арміи фонъ Клука, произведя воздушную развѣдку, выяснилъ, что лѣвое крыло Ланрезака виситъ въ воздухѣ. Въ тотъ моментъ, когда корпусъ фонъ деръ Марвица переходилъ на другой берегъ, ему было послано по безпроволочному телеграфу приказаніе, оставить англичанъ въ покоѣ, свернуть къ востоку и атаковать Ланрезака съ тыла.

Радіограмма была перехвачена французами. Жоффръ немедленно разослалъ цѣлый отрядъ конныхъ ординарцевъ и мотоциклистовъ съ предупрежденіемъ Ланрезаку. Ординарцы во время успѣли достигнуть штаба его арміи..

Когда фонъ деръ Марвицъ подошелъ къ тылу Ланрезака, онъ встрѣтилъ готовыя къ бою войска. Благодаря случайности, рейдъ германской кавалеріи не удался, и Ланрезакъ благополучно вывелъ свою армію, которой грозило полное окруженіе.

*

Полковникъ - лейтенантъ запаса Германъ Лоришъ, продѣлавшій походъ на Парижъ вмѣстѣ съ пѣхотнымъ полкомъ, входившимъ въ составъ арміи Клука, пишетъ въ своемъ дневникѣ:

«Сегодня, 31 августа, наша первая армія получила приказъ дви-

ФЕРДИНАНДЪ ФОШЪ (1851—1929).

Командующій IX французской арміей во время битвы на Марнѣ. Съ 1918 года главнокомандующій объединенными союзными силами Западнаго фронта.

Внизу справа:

ПЕРВЫЕ ПЛѢННЫЕ.

Еще нѣсколько часовъ тому назадъ люди, изображенные на снимкѣ, съ ожесточеніемъ дрались на берегахъ Марны. Но вотъ бой конченъ, свирѣпый врагъ сталъ несчастнымъ плѣнникомъ, и французскій паулю искренне предлагаетъ ему утолить жажду глоткомъ добраго вина.

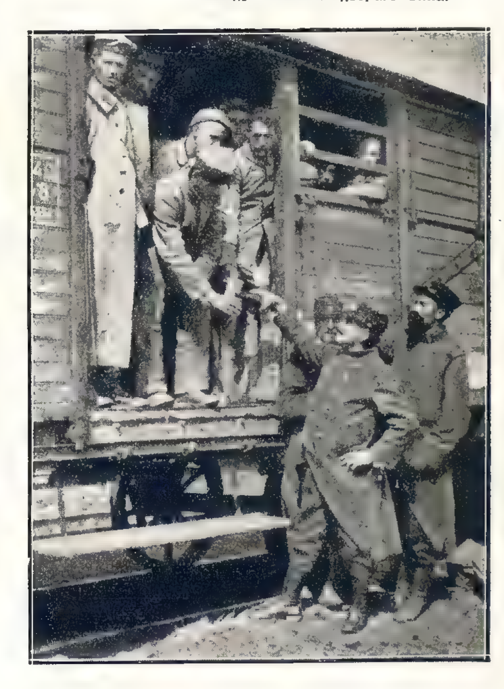
ПОСЛѢДНІЙ ПАРОХОДЪ...

Эвакуація Бельгіи передъ лицомъ наступающаго врага протекала при весьма трагическихъ обстоятельствахъ. На набережныхъ разыгрывались душераздирающія сцены, когда переполненный пароходъ покидалъ пристань. На снимкѣ — англійскій солдатъ прекращаетъ доступъ бѣженцевъ на переполненный пароходъ

ГЕН. МОНУРИ,

командующій VI Особой французской арміей, получившій трудную задачу — оказать послѣднее сопротивленіе приближающимся къ Парижу германскимъ войскамъ.

ВЪ ОККУПИРОВАННОМЪ БРЮССЕЛѢ.

Снимокъ сдѣланъ въ тотъ моментъ, когда авангардъ германской арміи, устремляющійся черезъ Бельгію на Парижъ, миновалъ столицу Бельгіи, оставивъ на рыночной площади свои обозы. Мы видимъ, что мелкіе торговцы, несмотря на оккупацію столицы германцами, продолжали продавать свои товары.

НѢМЦЫ ВЪ БРЮССЕЛѢ.

Несмотря на героическое сопротивленіе маленькой бельгійской арміи, германскія войска прошли Бельгію въ 20 дней. На снимкѣ — бивуакъ пѣхоты Эйнема въ Брюсселѣ.

нуться на югъ. Вчера же было получено извѣстіе о большой побѣдѣ нашей второй арміи, одержанной подъ Сенъ Кантеномъ. Намъ, слѣдовательно, выпадала честь завершить пораженіе непріятеля. Въ приказѣ говорилось, что наши войска должны форсированными маршами достичь Марны и перейти ее, чтобы оттѣснить преслѣдуемую армію и, если это возможно, даже окружить. Вмѣстѣ съ этимъ приказомъ для нашей арміи начался періодъ, наполненный непрерывными походами подъ давящимъ зноемъ поздняго лѣта. Мы должны были перебросить нашу армію въ теченіе шести дней изъ района Амьена въ районъ Куломіэ, южнѣе Марны. т. е. къ юго - востоку отъ Парижа!

«Приказъ ставилъ нашимъ уже и безъ того утомленнымъ непрерывными боями войскамъ громадныя требованія. Обозы съ продовольствіемъ и полевыя хлѣбопекарни не поспѣвали. Намъ приходилось заботиться объ ѣдѣ самимъ, что часто было весьма затруднительно и сопряжено съ большими неудобствами. Не хватало, главнымъ образомъ, хлѣба. Квартиры — ихъ правильнѣе было бы назвать биваками, — представляли изъ себя тѣсныя помѣщенія, сплошь набитыя людьми. Часто это были просто на просто открытые со всѣхъ сторонъ сараи, хлѣвы, конюшни или заѣзжіе дворы.

«Выдержка нашихъ солдатъ заслуживаетъ самой безграничной похвалы. Даже тогда, когда ихъ ноги были растерты въ кровь, а пояса приходилось затягивать на послѣднюю дырку, настроеніе было образцовое. Несмотря на потрепанный боями видъ и густую щетину, покрывавшую ихъ лица, они не теряли своего неисчерпаемаго юмора и жизнерадостности.

«Между прочимъ, главное командованіе принимало мѣры къ тому, чтобы по возможности смягчить для мѣстнаго населенія тяготы войны, и въ своихъ распоряженіяхъ оно заходило, пожалуй, слишкомъ далеко. Такъ, напримѣръ, ни одинъ роздыхъ не могъ быть назначенъ на территоріи поселка: войска должны были располагаться внѣ предѣловъ его, въ открытомъ полѣ, а отряды водоносовъ имѣли право заходить въ селенья только подъ командой офицера. То же самое относилось и къ отрядамъ, отправлявшимся на реквизиціи. Ни одинъ изъ нихъ не могъ быть безъ офицера.»

1 сентября

Въ старинномъ родовомъ замкѣ, расположенномъ неподалеку отъ Баръ сюръ Объ, вечеромъ этого дня зажгли восковыя свѣчи въ серебряныхъ шандалахъ. Квартирмейстеръ ставки генерала Жоффра попросилъ сѣдовласаго старика съ породистымъ лицомъ не устраивать никакихъ встрѣчъ, мотивируя это тѣмъ, что генералъ очень занятъ, страшно усталъ, и, кромѣ того, ему предстоитъ еще не мало работы.

Незамѣтно спустилась ночь. Замокъ задремалъ, какъ таинственное средневѣковое видѣніе, и только въ нѣсколькихъ окнахъ перваго этажа мягко мерцалъ слабый свѣтъ. На террасѣ въ плетеномъ креслѣ сидѣлъ одинокій старый слуга. Онъ смотрѣлъ на просторный покрытый росой газонъ, въ капляхъ котораго, неожиданными брильянтовыми искрами, время отъ времени отражалась луна. Прямо передъ нимъ, посрединѣ газона, экзотическимъ силуэтомъ поднималась большая пальма, такая странная въ этой мѣстности.

Вдругъ раздался приближающійся шумъ автомобилей. По большимъ

желѣзнымъ воротамъ, украшеннымъ гербами и гриффонами, скользнули мертвенно блѣдныя блики ацетиленовыхъ фонарей. Слуга поспѣшно поднялся, слегка дернулъ за веревку колокола и торопливо сбѣжалъ по ступенямъ терассы, застегивая на ходу пуговицы ливреи. Въ дверяхъ замка появился хозяинъ. За нимъ стояли два лакея съ зажженными канделябрами въ рукахъ.

У террасы остановился длинный рядъ автомобилей, изъ которыхъ вышло нѣсколько молчаливыхъ офицеровъ, поспѣшившихъ къ средней машинѣ. Въ ней сидѣлъ, закутавшись въ шинель съ поднятымъ капюшономъ, генералъ Жоффръ. Когда онъ поднялся и сбросилъ шинель, отъ нея поднялась туча пыли, особенно замѣтная въ бѣлыхъ лучахъ автомобильныхъ прожекторовъ. Медленно и съ усиліемъ главнокомандующій покинулъ свой автомобиль и, выслушавъ краткое «добро пожаловать» хозяина, пожалъ ему руку и прошелъ въ замокъ.

Въ просторной комнатѣ, обставленной дорогой и старинной мебелью, на лакированномъ столикѣ стояли ваза съ фруктами, вода со льдомъ и въ плоской, изящно сплетенной карзинѣ нѣсколько разнообразныхъ бутылокъ вина. Одна изъ бутылокъ была покрыта паутиной.

Жоффръ бросилъ на шелковое кресло шпагу, бинокль и полевую сумку, выбросилъ изъ кармана заряженный автоматическій пистолетъ и отпустилъ слугу. Подождавъ, пока отъѣдутъ автомобили со штабными офицерами, онъ подошелъ къ окну, чтобы осмотрѣть окрестность. Присутствіе большой пальмы тоже бросилось ему въ глаза.

Стоялъ онъ долго, облокотившись рукой о раму и барабаня пальцами по стеклу. Думы смѣняли одна другую, и глубокія складки набѣгали на его, обычно гладкій, лобъ. Мелодичный бой часовъ вывелъ генерала изъ размышленій. Вздохнувъ, онъ одернулъ рукава мундира, вернулся къ столику, не разбирая, взялъ одну изъ лежащихъ въ корзинѣ бутылокъ и налилъ полъ стакана.

Пламя свѣчей нервно подергивалось. Углы комнаты тонули во мракѣ. Только теперь Жоффръ замѣтилъ, что стѣны были завѣшаны прекрасными картинами въ тяжелыхъ золотыхъ рамахъ. Между ними висѣли шпаги, старинное оружіе, пистолеты и кривые ятаганы, — повидимому, родовое оружіе владѣльцевъ замка. Допивъ второй стаканъ, Жоффръ разстегнулъ нѣсколько пуговицъ мундира и подошелъ къ одной изъ картинъ, висѣвшей какъ разъ у разгорающагося камина. Она изображала бой подъ Аустерлицемъ. На первомъ планѣ гарцевалъ на бѣлой лошади Наполеонъ. Солнце Аустерлица играло на золотѣ и галунахъ императорской гвардіи.

По другую сторону камина тотъ же императоръ смотрѣлъ на битву подъ Маренго. Онъ ѣхалъ между рядами солдатъ, ликующе привѣтствовавшихъ своего коронованнаго командира. Рядомъ съ этой картиной висѣла третья, гдѣ Наполеонъ, пересѣкая Альпы, сидѣлъ верхомъ на мулѣ, собираясь развернуть свои побѣдоносныя знамена въ долинѣ По.

Жоффръ сталъ прохаживаться изъ угла въ уголъ. Тяжелыя мысли всецѣло захватили его. Въ эту минуту онъ вспомнилъ о томъ непріятномъ часѣ, когда пришлось покидать Витри ле Франсуа и ѣхать между рядами столпившихся на улицахъ городка молчаливыхъ жителей. Всѣ они знали, что главнокомандующій долженъ перенести ставку, потому что нѣмцы подошли слишкомъ близко, угрожая ежечасно появиться на улицахъ Витри.

Слѣдуя по шоссе, онъ былъ свидѣтелемъ мрачной картины ухода

гражданскаго населенія. На всемъ пути отъ Витри до поворота на Баръ сюръ Объ онъ обгонялъ безконечныя вереницы бѣженцевъ, — людей съ баулами на плечахъ, со скарбомъ, кое-какъ наваленнымъ на крестьянскія подводы. Онъ проѣзжалъ мимо неисчислимыхъ стадъ похудѣвшаго скота, которыя гнали унылые поселяне въ синихъ блузахъ и лохматые, всѣ въ репейникахъ, зло тявкающіе псы.

Горестная, унылая картина. Дороги были такъ полны бѣженцами, что идущія имъ навстрѣчу колонны военныхъ пополненій, обозы и полевые лазареты, не могли ни остановить, ни пробить этотъ потокъ и вынуждены были итти по полямъ склонившейся пшеницы, по огородамъ, по клумбамъ пышныхъ цвѣтовъ...

ДАЛЬШЕ МЫ НЕ ПОЙДЕМЪ.

Явились Бертело и Белэнъ. Штабъ успѣлъ кое-какъ устроиться. Опять въ школѣ. Телефонная сѣть почти въ порядкѣ. Часть разговоровъ, правда, идетъ пока по линіямъ министерства почтъ и телеграфовъ, но до школы недалеко; можно пройти пѣшкомъ.

И вотъ Жоффръ снова надъ картами, — жужжатъ арифмометры, шагаютъ по линіямъ дорогъ и рѣкъ циркули, отъ города до города пробѣгаютъ пунктиры, линіи, катятся колесики масштабныхъ инструментовъ.

— Герцогъ Вюртембергскій, — докладываетъ Бертело, — будучи сильно потрепанъ 27 числа на Мэзѣ арміей Лангля, вынужденъ былъ обратиться за помощью къ своему сосѣду справа, — фонъ Хаузену. Въ отвѣтъ на призывъ герцога, фонъ Хаузенъ свернулъ на югъ, бросивъ свои войска на группу Фоша. Подобная же картина имѣла мѣсто и на крайнемъ правомъ флангѣ нѣмцевъ. Клукъ, перейдя со своей первой арміей Сомму, получилъ, какъ вы уже это знаете, монъ женераль, отъ Бюлова радіограмму съ настоятельной просьбой поспѣшить и напасть на лѣвый флангъ Ланрезака, только что выдержавшаго тяжелый бой подъ Гизомъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ нашей развѣдки, Клукъ внялъ призыву Бюлова, и его арміи въ настоящее время спѣшно направляются на югъ, въ направленіи Нойона и Компьеня.

— А какъ относится къ этому неожиданному маневру германская ставка? — спрашиваетъ Жоффръ. — Имѣются ли у насъ и по данному вопросу точныя свѣдѣнія?

— Да, монъ женераль, — отвѣчаетъ за Бертело Белэнъ, — Мольтке согласенъ съ этимъ маневромъ, который, хотя и не былъ отмѣченъ штабомъ, но былъ предусмотрѣнъ еще въ приказѣ отъ 27 августа.

Начались обсужденія. Часть офицеровъ стояла за то, чтобы перейти Марну и задержаться на ея южномъ берегу, поставивъ себѣ цѣлью не допустить дальнѣйшаго продвиженія врага. Жоффръ сомнѣвался, будетъ ли эта линія обороны достаточно удалена отъ мѣста происходящихъ въ настоящее время боевъ, и будетъ ли армія имѣть достаточно времени, чтобы приготовиться къ сопротивленію. По его мнѣнію, осторожнѣе было бы — ускорить темпъ отступленія и, достигнувъ береговъ Сены, укрѣпиться тамъ. Въ такомъ случаѣ фронтъ принялъ бы линію круто изогнутой дуги, идущей отъ Вердена на Баръ ле Дюкъ и оттуда на Арси сюръ Объ, чтобы упереться въ Сену около Ромійи. Организовать сопротивленіе на этой линіи вполнѣ возможно, если, конечно, крѣпости Верденъ, Туль, Эпиналь и Бельфоръ сумѣютъ притянуть къ себѣ большое количество осаждающихъ нѣмцевъ.

Споры за и противъ разгораются съ необыкновенной пылкостью. Жоффръ внимательно прислушивается къ мнѣніямъ спорящихъ, мысленно соглашается съ одними, отвергаетъ мнѣніе другихъ, мѣняетъ собственные планы и, въ концѣ концовъ, вставъ, начинаетъ диктовать общій приказъ № 4, предписывающій продолжать отступленіе.

«Первое: несмотря на тактическіе успѣхи, достигнутые третьей, четвертой и пятой арміи въ районѣ Мэзъ и Гизы, и въ виду произведеннаго непріятелемъ фланговаго движенія по отношенію къ пятой арміи и недостаточной поддержки англійскихъ войскъ и шестой арміи, — мы вынуждены повернуть весь фронтъ къ югу, опираясь на правое крыло. Какъ только пятая армія избѣгнетъ опасности окруженія, которая возникла на ея лѣвомъ флангѣ, третья, четвертая и пятая арміи возобновятъ наступленіе.

«Второе: Отступленіе въ теченіе извѣстнаго времени заставитъ арміи двигаться въ направленіи съ сѣвера на югъ. Пятая арміи ни при какихъ условіяхъ не должна позволить непріятелю захватить ея лѣвое крыло; остальныя арміи, менѣе истощенныя походами, могутъ остановиться, дать бой непріятелю и использовать каждый случай для нанесенія ему чувствительнаго удара.

«Движеніе армій должно быть таково, чтобы фланговое прикрытіе ихъ сосѣдей нигдѣ не нарушалось. Командующіе арміями обязаны сообщать свои намѣренія и свои приказы.

«Третье: линіи, опредѣляющія зоны похода отдѣльныхъ армій, слѣдующія:

«Между пятой и четвертой арміями (группа Фоша) дорога Реймсъ — Эпернэ (для четвертой арміи). Дорога Монморъ — Сезаннъ — Ромійи (для пятой арміи).

«Между четвертой и пятой арміями: дорога Граппрэ — Сентъ Менегульдъ — Ревиньи (для четвертой арміи).

«Въ зонѣ, отведенной четвертой арміи, группа (армія) генерала Фоша будетъ находиться въ постоянной связи съ пятой арміей, а просвѣтъ между этой группой и главными силами четвертой арміи, будетъ охраняться седьмой и девятой кавалерійскими дивизіями, выдѣляемыми изъ четвертой арміи и поддержанными пѣхотными частями той же арміи. (Седьмая кавалерійская дивизія, принадлежащая къ составу третьей арміи на основаніи этого приказа остается въ ея распоряженіи).

«Третья армія произведетъ приказанный ей маневръ и будетъ защищать высоту Мэзы.

«Четвертое: рекомендуется имѣть постоянно въ виду послѣдній предѣлъ линіи отступленія, но не является необходимымъ съ нимъ считаться, какъ только арміи займутъ слѣдующія позиціи:

«Заново сформированный кавалерійскій корпусъ позади Сэны, къ югу отъ Брэй.

«Пятая армія позади Сены къ югу отъ Ноханъ сюръ Сэнъ.

«Четвертая армія (группа Фоша) позади р. Объ къ югу отъ Аръ сюръ Объ. (Армія Фоша получаетъ наименованіе Девятой арміи).

«Третья армія къ сѣверу отъ Баръ ле Дюкъ.

«Третья армія къ этому времени будетъ усилена резервными дивизіями (54-ой, 65-ой, 67-ой, 75-ой) и оставитъ высоты Мэзы для того, чтобы принять участіе въ общемъ наступленіи.

«Если обстоятельства позволятъ, часть первой и второй армій будутъ своевременно привлечены къ участію въ наступленіи. Возможно, нако-

нецъ, что часть войскъ, защищающихъ укрѣпленный лагерь Парижъ, приметъ участіе въ общей операціи.»

Жоффръ подписываетъ приказъ, и его скрѣпляетъ генералъ-майоръ Белэнъ. Внѣшне главнокомандующій былъ спокоенъ, но въ душѣ его происходила настоящая буря. Въ этотъ моментъ ему казалось, что Парижъ уже обреченъ. Больше всего волновала его судьба новосозданной арміи Монури, которой ничего другого не оставалось, какъ снова погрузиться въ вагоны и, оставивъ позиціи, отправиться къ Парижу. Отступленіе французской арміи носило столь спѣшный характеръ, что Амьенъ оказался внѣ стратегическихъ разсчетовъ, и войска, находившіяся тамъ, были подвержены неизбѣжному риску окруженія.

А Жоффръ не любилъ рисковать. Онъ отвергалъ мысль оставить въ тылу наступающихъ нѣмцевъ амьенскую группу, которая могла причинить плану Мольтке неисчислимыя бѣды. Онъ предпочелъ оттянуть ее къ еще не совсѣмъ спаяннымъ частямъ, которыя должны были участвовать въ защитѣ столицы. Монури суждено было остаться составной частью фронта.

РОКОВОЙ ЗАМОКЪ.

Разбитый физически и морально, Жоффръ возвращается въ свою роскошную комнату. Вопреки привычкѣ, онъ не можетъ заснуть, и даже доброе старое вино въ изящныхъ плетенныхъ корзиночкахъ безсильно справиться съ переутомленными нервами. Жоффръ долго ходитъ по мягкимъ коврамъ, прислушиваясь къ звукамъ ночи, врывающимся въ распахнутое настежь окно.

Его вниманіе привлекаетъ осторожный скрипъ ступеней. Жоффръ подходитъ къ двери и, пріоткрывъ ее, заглядываетъ въ холлъ. По широкой, дугой идущей лѣстницѣ, осторожно, съ зажженнымъ канделябромъ въ подрагивающей рукѣ, поднимается пожилой, благообразный старикъ. Хозяинъ.

— Простите, генералъ, что я побезпокоилъ васъ, — тихо и вѣжливо говоритъ онъ. — Я слышалъ ваши безпокойные шаги и подумалъ, не могу ли я быть вамъ чѣмъ-либо полезенъ.

— Благодарю васъ, я доволенъ всѣмъ.

— Можетъ быть вы проголодались? Я прикажу слугамъ принести чего-нибудь горячаго.

— Нѣтъ, спасибо, мнѣ не хочется ѣсть. Вы меня обрадуете, если окажете мнѣ удовольствіе провести нѣкоторое время со мной за стаканомъ вина у камина.

Владѣлецъ замка полупоклономъ выражаетъ свое согласіе и направляется за Жоффромъ въ его комнату. Съ полчаса хозяинъ и главнокомандующій сидятъ молча. Время отъ времени они отхлебываютъ немного вина и наблюдаютъ за потрескивающимся каминомъ. Внезапно хозяинъ спрашиваетъ: :

— Скажите, генералъ, правду: въ безопасности ли мой замокъ? Каково положеніе на фронтѣ?

— Очень прошу васъ не говорить со мной о военныхъ дѣлахъ, — отвѣчаетъ Жоффръ. — Когда занятъ ими въ теченіе многихъ дней подрядъ, повѣрьте, они не доставляютъ радости во время частной бесѣды. Могу

васъ завѣрить, что опасности вашему прекрасному помѣстью еще не угрожаетъ и, надѣюсь, угрожать не будетъ.

— Благодарю васъ и прошу прощенія, если былъ нескромнымъ.

— О, это мнѣ такъ понятно! Скажите: откуда у васъ эта прекрасная галлерея? Кто изъ вашего рода былъ такимъ поклонникомъ героической эпохи нашего славнаго императора?

Старикъ беретъ свой кандилябръ и подходитъ то къ одной, то къ другой картинѣ, освѣщая ихъ.

— Вы видите, — говоритъ онъ, — что здѣсь собраны только свидѣтельства побѣды французскаго оружія? А знаете почему?

— Изъ патріотизма, конечно!

— Не только. Видите ли, въ 1814 году въ этомъ замкѣ жили русскій царь Александръ и его союзникъ король прусскій. Мой отецъ, свидѣтель пораженія Великой Арміи, счелъ это за дурное предзнаменованіе, считая, что замокъ отнынѣ станетъ резиденціей всѣхъ, кто стремится захватить Парижъ. Чтобы отогнать, если позволите такъ выразиться, «злыхъ духовъ», онъ началъ собирать свидѣтельства славы нашего оружія. Въ другихъ комнатахъ вы найдете много картинъ, относящихся къ прочимъ эпохамъ военной исторіи Франціи.

Жоффръ невольно улыбается:

— И что же: эта художественная маскотта помогаетъ?

Старикъ совершенно серьезно, вѣря въ свои слова, отвѣчаетъ.

— Вы конечно, можете улыбаться, генералъ, но она помогаетъ. Въ 1871 году въ моемъ замкѣ не было не одного пруссака. Я лично продолжаю пополнять эту коллекцію и, надѣюсь, текущая война дастъ тоже мнѣ много запечатлѣнныхъ на полотнѣ эпизодовъ. А вы? Надѣетесь ли вы, генералъ?

Жоффръ насупливаетъ брови и съ убѣжденіемъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я не надѣюсь, дорогой хозяинъ. Я вѣрю въ это!

Мысль главнокомандующаго только на одно мгновеніе останавливается на неудачахъ его арміи. Она быстро перескакиваетъ на ближайшее будущее, когда начнетъ осуществляться задуманный планъ контръ-наступленія. Жоффръ не молодой человѣкъ, не увлекающійся. Онъ отлично понимаетъ, какую важную роль въ дѣлѣ веденія войны играетъ время. Счастье не можетъ безконечно улыбаться одной сторонѣ. Должна-же когда - нибудь экспансивность француза восторжествовать надъ методичностью нѣмца.

Старикъ встаетъ:

— Я не буду задерживать васъ, генералъ. Уже поздно, а вы, какъ я слышалъ, обычно стараетесь удаляться на покой своевременно.

— Вы правы, но сегодня, увы, даже моя привычка оставила меня. Благодарю васъ за сердечный пріемъ и визитъ и желаю покойной ночи.

— Желаю и вамъ того же, генералъ.

Жоффръ смотритъ на часы-браслетку и, зѣвнувъ, отвѣчаетъ:

— Изъ этого, пожалуй, ничего не выйдетъ. Не стоитъ ложиться. Я лучше пройдусь по вашему дивному парку.

Старикъ, отвѣсивъ поклонъ, поднимается къ себѣ, а главнокомандующій выходитъ въ садъ и долго прохаживается по отсырѣвшему отъ росы гравію, такъ громко поскрипывающему въ тишинѣ ночи. До разсвѣта ходитъ онъ, заложивъ руки за спину и помахивая гибкимъ стекомъ. Иногда онъ останавливается, бормочетъ что-то себѣ подъ носъ и быстро чертитъ на землѣ извилистыя линіи, прямоугольники и стрѣлки, затѣмъ

идетъ дальше, чтобы снова вернуться къ рисунку и дополнить его, стеревъ ногой ту или иную стрѣлку и перемѣнивъ ея направленіе съ востока на сѣверъ. За этой работой застаетъ его только что прибывшій изъ Парижа офицеръ связи, привезшій важный пакетъ отъ Мильерана.

Въ свѣтѣ зарождающагося дня Жоффръ вскрываетъ конвертъ и внимательно читаетъ длинный документъ, въ которомъ военный министръ ставитъ въ извѣстность главнокомандующаго о договорѣ съ маршаломъ Френчемъ.

«Поздно, поздно взялся за умъ этотъ англичанинъ» — говоритъ про себя Жоффръ — и прибавляетъ громко, обращаясь къ офицеру: — Что же вы стоите «смирно», мой другъ. Ступайте и отдохните. Около полудня вы отвезете мой отвѣтъ и послѣднія донесенія.

2 сентября

О. Х. Л.

Главнокомандующій — командующимъ арміями.

Офиціально. Внѣ очереди. Секретно. № 1431.

Намѣреніемъ Верховнаго Командованія является — отрѣзать французскую армію отъ Парижа съ юго-востока. Первая армія будетъ слѣдовать за Второй походными колоннами и будетъ обезпечивать флангъ всѣхъ армій.

Кавалеріи первой арміи надлежитъ появиться передъ Парижемъ и разрушить желѣзныя дороги, ведущія къ городу.

(Радіограмма О. Х. Л. 2/IX 1914 г.).

По примѣру французской, и германская ставка перемѣнила свою квартиру. Въ настоящее время она находится въ столицѣ Люксембурга, городѣ того же названія, устроившись въ маленькомъ кирпичномъ школьномъ домикѣ. Оттуда Мольтке шлетъ на сѣверъ, западъ и югъ свои лаконичныя и рѣшительныя радіограммы.

Германскія арміи внезапно перестали расходиться вѣеромъ, готовясь двинуться внизъ, на югъ, взять Парижъ и, словно взмахомъ гигантскаго серпа, срѣзать и уничтожить арміи французовъ и ихъ союзниковъ.

Таковъ былъ планъ, и такъ приказывалъ Мольтке, но Клукъ, двинувшись на юго - востокъ, не остановился, не вступилъ въ «кильватерный строй» арміи кн. Бюлова, а продолжалъ свой маршъ на Парижъ, оставаясь самой близкой къ городу арміей. 1 сентября онъ перешелъ Уазу, столкнувшись тамъ съ англичанами, окопавшимися къ югу отъ Компьени. Онъ моментально опрокинулъ врага, обративъ его въ безпорядочное бѣгство и, ошибочно считая своего непріятеля окончательно уничтоженнымъ, двинулся дальше, еще больше ускоривъ темпъ своего наступленія.

Теперь онъ стремился войти въ контактъ съ лѣвымъ крыломъ арміи Ланрезака (такъ мы ее будемъ называть) и этимъ завершить маневръ, который ему былъ предложенъ Бюловымъ 31 августа. Продвигаясь въ направленіи Марны между Шато Тьери и Дормансомъ, то есть по мѣстности, гдѣ, согласно съ донесеніями нѣмецкой развѣдки, полки Ланрезака находились въ безпорядочномъ отступленіи, Клукъ быстро развивалъ свою операцію и къ вечеру описываемаго нами дня достигъ Марны у Шато Тьери.

Бюловъ тѣмъ временемъ задержался сначала передъ ла Фэромъ и, нѣсколько позже, передъ Реймсомъ. Вечеромъ 2 сентября, когда лѣвое крыло фонъ Кулка уже опиралось на Марну, армія фонъ Бюлова едва достигла рѣки Вэль. Поэтому, днемъ позже Бюлову пришлось отдать при-

казъ о форсированномъ наступленіи, чтобы перейти Марну между Шато Тьери и Шатійономъ.

Этотъ фактъ характеренъ тѣмъ, что онъ иллюстрируетъ, насколько запаздывали приказы Мольтке, требовавшаго отъ Клука, чтобы онъ шелъ въ хвостѣ Бюлова. Въ дѣйствительности картина представлялась обратной: Клукъ выдвинулся далеко впередъ, а Бюловъ тощился гдѣ - то далеко позади.

Тѣмъ не менѣе Клукъ не былъ смущенъ создавшимся положеніемъ, возникшимъ благодаря недозволенному маневрированію его соперника. Больше того. На слѣдующій день онъ направился съ главными силами по направленію къ Мо и Нижнему Урку, продолжая свой маршъ на Сену, надѣясь окончательно окружить и уничтожить армію Ланрезака, по слѣдамъ которой наступалъ Бюловъ.

ЕЛИСЕЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ ЭВАКУИРУЕТСЯ.

Во всѣхъ залахъ, коридорахъ и комнатахъ Елисейскаго дворца усиленно работаетъ цѣлый батальонъ рабочихъ. Гобелены, картины, драгоцѣнныя бра исчезаютъ съ обтянутыхъ шелкомъ стѣнъ. Вездѣ сворачиваютъ громадные ковры, перевязывая ихъ бичевками и устанавливая высокими колоннами въ углахъ. Ящики, корзины, деревянныя клѣтки и опять ящики, ящики, ящики...

Повсюду стукъ молотковъ. Запахъ керосина, которымъ разводятъ сажу, чтобы вывести ловкими руками и написать «осторожно, стекло».

Лихорадочная, молчаливая, угнетающая работа.

Президентъ Пуанкарэ необыкновенно оживленъ. Онъ появляется то тутъ, то тамъ, даетъ указанія, проситъ быть поосторожнѣе, помогаетъ уложить самыя хрупкія вещи и бросается къ своей необъятной библіотекѣ, которую невозможно увезти цѣликомъ.

Снова и снова скользитъ онъ глазами по полкамъ, по рядамъ книгъ, вынимаетъ какой-нибудь новый, цѣнный томъ и собственноручно опускаетъ его въ очередной ящикъ, въ которомъ плотными слоями, поблескивая золотомъ корешковъ, улеглись десятки другихъ.

Возбужденъ и любимецъ президента — сіамскій котъ. Онъ, какъ вѣрная собака, ходитъ за своимъ встревоженнымъ хозяиномъ, мяукаетъ, пытается приткнуться то здѣсь, то тамъ, но его отовсюду гонятъ, онъ вездѣ мѣшаетъ, его заставляютъ озлобленно шипѣть.

Елисейскій дворецъ эвакуируется. Даже въ кабинетѣ президента, гдѣ по столамъ разложены государственныя бумаги, кипитъ работа. Нѣсколько человѣкъ мучаются надъ огромнымъ гобеленомъ, который закрываетъ всю стѣну. Одинъ уголъ уже отдѣленъ и свѣшивается безпомощной воронкой, люди берутся за другой, но ихъ останавливаетъ приказаніе:

— Прекратите работу и выйдите. Васъ позовутъ.

Значитъ пришли министры. Весь кабинетъ въ полномъ составѣ. Ихъ вводитъ самъ президентъ республики.

Необычная декорація для государственной работы: полуснятый гобеленъ, заваленный пакетами и связками бумагъ полъ, картины, снятыя съ крюковъ, но еще не упакованныя, свернутые ковры въ углу — вотъ обстановка, въ какой собирается на послѣднее совѣщаніе кабинетъ.

Это засѣданіе непріятное. Со всѣхъ сторонъ жалобы, недоразумѣнія, обиженные и раздраженные вопросы, которые долженъ урегулировать президентъ. Подъ заглушенные плотно притворенной дверью удары молотковъ, ему, между прочимъ, приходится рѣшать неожиданный, но ставшій очень актуальнымъ, вопросъ. Женскій.

прочимъ, въ средѣ оппозиціонерокъ оказалась даже супруга президента
Да, дамы доставили не мало хлопотъ кабинету министровъ! Между
государства. Мадамъ Пуанкарэ.

Выясняется, что зачинщицей является супруга министра - президента, г-жа Вивіани. Она позвонила г-жѣ Пуанкарэ, желая спросить, что можно взять для отъѣзда въ Бордо. Г-жа Пуанкарэ отвѣтила, что она вовсе и не думаетъ покидать Парижъ, а останется въ столицѣ, чтобы работать въ Красномъ Крестѣ. На это г-жа Вивіани категорически заявила своему мужу, что, въ такомъ случаѣ, и она не поѣдетъ, не желая чтобы люди впослѣдствіи говорили — г-жа Вивіани трусиха, а супруга президента — героиня, остававшаяся до послѣдней минуты на своемъ посту.

Разговоръ двухъ дамъ быстро распространился въ правительственныхъ сферахъ, и вотъ кабинетъ министровъ сталъ лицомъ къ лицу съ настоящей забастовкой: ни одна жена не захотѣла слушаться своего мужа, ни одна изъ нихъ не пожелала ѣхать въ Бордо!

Всѣ рѣшили стать сестрами милосердія, сидѣлками или дамами-патронессами.

Создалось глупое положеніе. Мужья бѣгутъ, дамы остаются. Сколько основаній для пересудовъ и сплетенъ!

Вивіани требуетъ постановленія, да, офиціальнаго постановленія кабинета министровъ о томъ, что жены обязаны послѣдовать за своими мужьями.

И постановленіе выносится:

«Супругѣ господина президента республики, а также всѣмъ супругамъ членовъ правительства предписывается безоговорочно покинуть столицу Франціи въ томъ же поѣздѣ, въ которомъ правительство эвакуируется въ Бордо».

Конфликъ разрѣшенъ приложеніемъ государственной печати. Министры переходятъ къ очереднымъ дѣламъ. Подписываются прокламаціи, воззванія.

Къ населенію Парижа.

Къ арміи.

Къ населенію Франціи.

Требуется полное сохраненіе спокойствія, объясняются причины, почему правительство оставляетъ Парижъ.

Снова и снова приказы и распоряженія. Пуанкарэ еле успѣваетъ подписывать предлагаемыя ему бумаги.

А въ это время новый германскій аэропланъ появляется надъ крышами Парижа. Въ раскрытыя окна доносятся первые звуки войны, встревоженное потрескиваніе пулеметовъ, разставленныхъ на всѣхъ возвышенныхъ точкахъ города. Кабинетъ президента наполняется инфернальнымъ шумомъ. Лопочатъ пулеметы Елисейскаго дворца. Глухіе разрывы бомбъ. Шумъ и крики изъ сосѣднихъ комнатъ. Мечутся перепуганные рабочіе. Министры крѣпче впиваются руками въ ручки креселъ. Распахивается дверь, и блѣдный, какъ смерть, слуга истерическимъ голосомъ кричитъ:

— Аэропланы, господинъ президентъ! — хотя этотъ фактъ для всѣхъ очевиденъ.

Пуанкарэ, прекрасно владѣющій собой, раздраженно отмахивается рукой и подписываетъ очередной манифестъ. Онъ капитанъ корабля. Не имѣетъ права бѣжать, спасаться. Онъ можетъ только погибнуть на своемъ посту.

То ли отъ шума пропеллера, то ли отъ пулеметнаго огня, но въ открытое окно президентскаго дворца влетаетъ испуганный воробей. Маленькая птичка мечется по разгромленной комнатѣ и забивается между составленными на полу картинами. Прыжокъ, и сіамскій котъ устремляется въ щель между рамами.

— Ахъ, негодникъ! — восклицаетъ президентъ и бросается за котомъ. — Не смѣй гоняться за птицами! Сколько разъ долженъ я тебѣ это говорить!

Взъерошенный котъ, сначала за хвостъ, а потомъ за тѣло извлекается изъ подъ рамъ. Рука президента гладитъ его голову, награждая нѣжными шлепками. Воробей, чирикнувъ, устремляется снова въ окно и исчезаетъ.

Пуанкарэ, съ котомъ въ рукахъ, подходитъ къ окну и спокойно смотритъ, какъ въ синемъ небѣ кружатся хищныя стальныя птицы съ черными желѣзными крестами на причудливо изогнутыхъ крыльяхъ голубя.

ЗУАВЫ, АФРИКАНСКІЕ СТРѢЛКИ И СПАГИ...

Вечеръ второго сентября, какъ и многіе предыдущіе, былъ на рѣдкость яснымъ. Съ наступленіемъ темноты небо усѣялось такими яркими звѣздами, что, неметря на не восшедшую еще луну, онѣ освѣщали городъ.

Какъ средство противоаэропланной защиты, во всемъ Парижѣ были потушены огни. Площади, бульвары казались теперь мрачными. Дома и словно вымершіе рестораны не бросали на асфальтъ ни одной желтой полоски. Полицейскіе патрули зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы были плотно задернуты занавѣски, чтобы ни одинъ лучъ не прорывался наружу.

Улицы, однако не были пусты. Парижане, хоть и пріумолкшіе, сидѣли на обычныхъ мѣстахъ террасъ кафэ, обмѣниваясь мнѣніями, передавая очередныя сплетни. О фронтѣ говорилось много, очень много, но дѣйствительнаго положенія не зналъ никто. Строга была военная цензура.

Общее мнѣніе было, однако, оптимистическимъ. Долго такъ продолжаться не можетъ. Англичанъ прибываетъ все больше и больше. Русскіе мобилизуютъ милліонъ за милліономъ, скоро ихъ арміи вновь ринутся на Восточную Пруссію, на Галицію и Буковину. Французская армія потрепана, да, но она еще не разбита — придетъ же наконецъ, день, когда ея солдаты, истоптавшіе въ свое время почти всю Европу, сумѣютъ показать, что не дешево отдаютъ землю свою!

Мнѣнія, предположенія, увѣренность, надежды.

И вдругъ, когда доморощенные политики, болтуны и серьезные люди начали понемногу тянуться на покой, надъ городомъ нависъ необычный шумъ. Тысячи людей бросились къ краямъ тротуаровъ, образовавъ непрерывныя шпалеры.

Звучалъ тяжелый шагъ батальоновъ. Бряцало оружіе. Тарахтѣли колеса. Звонко цокали поблескивающія копыта конницы. Шумъ начался у Орлеанскихъ Воротъ и покатился къ центру города. Поспѣшными толпами парижане покидали дома, устремляясь на улицу. Молча стояли они, наблюдая мистически-красивую картину.

Мимо нихъ, такъ же молчаливо, проходили полкъ за полкомъ. 45 Алжирская бригада, еще одна бригада, еще войска.

Черезъ Парижъ шли 27.000 человѣкъ, шли устало, орудія артиллеріи

были запряжены понурыми мулами, кавалеристы, по большей части въ спѣшенномъ состоянiи, вели своихъ коней въ поводу.

Обозы, хлѣбопекарни, санитарныя двуколки.

Радiостанцiи, понтоны, подрывники съ буравами, топориками и лопатами.

Офицеры верхомъ, офицеры пѣшкомъ, неуклюжiе автомобили.

Парижане стояли толпой и смотрѣли. Война маршемъ шла черезъ ихъ городъ... Это не были блестящiе, выравненные полки парижскаго гарнизона, которые парадировали въ день 14 iюля у Трiумфальной Арки подъ рѣзкiе звуки горновъ и корнетъ-а-пистоновъ, подъ команду лихо гарцующихъ съ блестящими обнаженными шпагами генераловъ. Это шли люди, приплывшiе откуда - то изъ глубинъ таинственнаго Алжира, люди, пришедшiе спасать Парижъ, сердце своей родины.

Впечатлѣнiе было колоссальное. Молчаливой, грузной и темной массой шли эти 27.000 человѣкъ сначала по авеню д'Орлэанъ, затѣмъ по улицѣ Данфэръ-Рошро, по бульвару Сенъ Мишель, дю Палэ, де Себастополь, де Страсбуръ. Черезъ весь городъ прошли они. Съ юга, къ сѣверо-востоку. Пѣхотинцы, тирайеры, зуавы, линейная пѣхота, кавалерiя, шассеръ д'Африкъ, спаги и артиллерiя...

Всюду, гдѣ проходила эта ощетинившаяся штыками змѣя, распахивались окна, на улицу свѣшивались головы.

А колонна идетъ и идетъ... Когда настанетъ разсвѣтъ, она будетъ продолжать свое движенiе къ сѣверо-востоку—далеко за периферiю города, въ направленiи Экуэна, къ сѣверо-восточной линiи парижскихъ укрѣпленiй. Но пока надъ Парижемъ ночь, дивная, похожая на темно-синiй холодный хрусталь, сентябрьская ночь.

Изъ двора Елисейскаго дворца выѣзжаютъ два автомобиля. Въ первомъ — госпожа Пуанкарэ съ камеристкой, сiамскимъ котомъ и маленькой собачкой — гриффономъ, подаркомъ королевы бельгiйцевъ. Президентъ же, вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ, ѣдетъ во второй машинѣ.

Автомобили съ потушенными фонарями скользятъ по направленiю къ вокзалу Отей, расположенному на окраинѣ. Тамъ не горитъ ни одинъ огонь. По лѣстницамъ приходится подниматься при свѣтѣ электрическихъ фонариковъ. Вотъ и поѣздъ. Громадный локомотивъ, тоже съ потушенными прожекторами, тяжело дышетъ около перрона. За нимъ — два салонъ - вагона, три спальныхъ и вагонъ - ресторанъ.

Министры и ихъ жены уже въ сборѣ Тутъ же ихъ ближайшiе помощники, представители вѣдомства, дипломаты и слуги. Поодаль отъ общей группы, впереди локомотива, тамъ гдѣ кончается уже навѣсъ платформы, стоятъ военный министръ Мильеранъ и военный губернаторъ Парижа генералъ Гальени.

— Правительство сдѣлало все, что было въ силахъ, генералъ, — говоритъ Мильеранъ. — Въ ваше распоряженiе предоставленъ максимумъ свободныхъ войскъ. Если городъ придется защищать, мнѣ остается только отъ души пожелать успѣха.

— Благодарю, — пожимаетъ руку Гальени, — я обѣщаю вамъ исполнить свой долгъ до конца.

— Но если городъ придется все-таки отдать, помните: всѣ мосты взорвать. Уличные бои въ размѣрахъ самаго большого ожесточеннаго сраженiя. Взрывайте, если вамъ понадобится цѣлые дома. Разрушайте памятники. Если боши ворвутся въ городъ, они должны получить пустыню и застрять въ ней. Ни одного трофея въ руки бошей!

— Вы выражаете словами мои собственныя намѣренія, г-нъ министръ.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія и еще разъ, — всякой удачи.

— На всякій случай, — прощайте, г-нъ министръ.

Мильеранъ и Гальени еще разъ крѣпко пожимаютъ руки и нѣкоторое время не опускаютъ ихъ. Локомотивъ даетъ короткій свистокъ. Мильеранъ внезапно обнимаетъ Гальени и крѣпко прижимаетъ генерала къ своей груди. Уже стоя на ступенькѣ движущагося вагона, онъ продолжаетъ смотрѣть на исчезающую въ темнотѣ фигуру Гальени. Потомъ, войдя на площадку, вынимаетъ изъ грудного кармана бѣлый шелковый платокъ и, нѣсколько разъ кашлянувъ, прикладываетъ его къ губамъ. Поѣздъ набираетъ скорости, уносясь въ Бордо.

А въ своемъ купэ, Пуанкарэ раскрываетъ свой дневникъ и, отмѣчая событія дня, заноситъ:

«Мы уѣзжаемъ. Сжимается сердце. Мой взоръ не можетъ оторваться отъ неясныхъ очертаній спящаго города».

2 сентября

Командующій Первой арміей — Главнокомандующему.

Офиціально. Спѣшно. Секретно. № 420.

Первая Армія переходитъ Марну. Признаки деморализаціи противника. Наши головныя части переправились черезъ Марну въ районѣ Ла Фертэ — Шато Тьери. Французы заворачиваютъ фронтъ на югъ, опираясь на свое восточное крыло. Англичане къ сѣверу отъ Куломье. Завтра первая армія продолжитъ наступленіе по ту сторону Марны въ направленіи Ребэ — Монмирай.

Клукъ.

(Перехваченная радіограмма Клуке отъ 3 сентября 1914 г.).

Солнце взошло надъ обреченнымъ Парижемъ. Близилась осень, но казалось, что не сентябрь стоитъ надъ Европой, а знойный іюль. На окраинахъ Парижа засыхаютъ спиленные платаны, вершинами своими обращенные на востокъ, — засѣки противъ приближающейся германской кавалеріи. Тамъ, въ районахъ, прилегающихъ къ устарѣвшимъ парижскимъ укрѣпленіямъ съ выложенными бѣлымъ кирпичомъ глубочайшими рвами, съ желѣзными ершами, злобно топорщащимися въ сторону грядущаго непріятеля, съ валами, бастіонами, траверсами и казематами, десятки тысячъ обливающихся потомъ рабочихъ въ теченіе семи сутокъ, не прерывая, копаютъ землю, бросаютъ камни, колятъ дерево и крошатъ кирпичъ.

Постороннему наблюдателю, — частному лицу, туристу, — покажется невѣроятнымъ, что крѣпость Парижъ устарѣла. Рвы ея, — теперь засыпанные и сравненные съ землей, — были такъ глубоки, что у заглядывавшихъ туда, кружилась голова. Стѣны, толщиной въ двѣ-три сажени, казались неприступными для самой тяжелой артиллеріи, а волчьи ямы, рогатки и тщательно скрытые фугасы, могли, казалось, остановить даже отчаянную по храбрости конницу Мюрата.

А между тѣмъ, все это было старо, технически несовершенно...

*

Едва только начинаетъ припекать взошедшее солнце, какъ изъ воротъ Дома Инвалидовъ выходятъ человѣкъ 200 усталыхъ журналистовъ, редакторовъ, представителей иностранныхъ телеграфныхъ агентуръ, про-

работавшихъ всю ночь напролетъ. Всю ночь выслушивали они указанія и объясненія сотрудниковъ Гальени, готовили статьи, замѣтки, заголовки, носили ихъ въ цензуру, передѣлывали, сокращали, растягивали — готовили тотъ матеріалъ, который, хотя и съ опозданіемъ, но долженъ былъ все-же появиться на страницахъ парижскихъ утреннихъ газетъ и въ прессѣ всего міра.

Поспѣшно устремились «газетчики» въ свои редакціи, конторы и на работающія съ перегрузкой телеграфныя и телефонныя станціи. Заработали пишущія машины, перья, линотипы, по всѣмъ этажамъ редакцій забѣгали разсыльные, затрещали звонки.

Никогда еще въ исторіи не работали такъ на-спѣхъ типографіи. Никогда не вращались такъ быстро валы ротаціонныхъ машинъ. Черезъ два часа по улицамъ столицы бѣлымъ роемъ разлетѣлись сотни и новыя сотни тысячъ экземпляровъ свѣжеотпечатанныхъ листовъ, сообщавшихъ съ осторожностью и расчетомъ на психологію массъ, что правительство покинуло Парижъ, что нѣмцы стоятъ у воротъ города.

Правду, наконецъ, нужно было открыть, но надо было затушевать весь ея ужасъ. Поэтому правительственное коммюнике, сообщая о поспѣшномъ отступленіи дерущихся на сѣверѣ Франціи войскъ, тутъ же прибавляло, что это является обдуманнымъ стратегическимъ маневромъ. Но и эта правда, широкимъ потокомъ хлынувшая въ квартиры города, обдала холоднымъ ужасомъ населеніе его.

Клукъ у воротъ Парижа! Правительство въ Бордо!

Что будетъ съ нами?

Дѣло обстояло скверно. Большинство населенія считалось съ тѣмъ, что черезъ нѣсколько часовъ нѣмцы появятся въ сѣверо - восточныхъ предмѣстьяхъ Парижа. Клукъ дошелъ, — это было ясно для каждаго.

1871-ый годъ?

Да, можетъ быть — и, пожалуй, навѣрно. Съ часу на часъ можно ожидать на улицахъ столицы начала кровавой борьбы.

Нейтральные корреспонденты, — американцы, испанцы, итальянцы, аргентинцы, осадили телеграфы, захватили кабели и провода. Условными фразами, черезъ Альпы, Пиренеи и Океанъ летѣли страница за страницей извѣстія о полномъ пораженіи арміи, о деморализаціи ея, о бѣгствѣ правительства и Банка Франціи. Журналисты зарабатывали въ этотъ день бѣшеныя деньги, потому что каждая строка содержала въ себѣ сенсацію.

А на рекламныхъ столбахъ расклеивались другія сенсаціи — скромныя маленькія афишки, отпечатанныя жирнымъ шрифтомъ, краткія, но пугающія больше газетъ, подтверждающія правильность опубликованной информаціи.

«Военное правительство Парижа.
Армія Парижа, граждане Парижа!
Я получилъ приказъ защищать Парижъ отъ врага.
Этотъ приказъ я выполню до конца.

ГАЛЬЕНИ,
военный губернаторъ Парижа и
командующій Парижской арміей.»

Не успѣли просохнуть расклеенныя на разсвѣтѣ афишки, какъ на улицахъ города появились разсыпающіяся колонны женщинъ съ новыми пачками еще меньшихъ, но еще болѣе пугающихъ листковъ. Ими желѣзнодорожное управленіе парижскаго узла сообщало, что оно будетъ отправлять на югъ и западъ Франціи поѣзда внѣ всякаго расписанія, съ промежутками, время которыхъ будетъ доведено до минимума.

Улицы были еще пусты, только рѣдкіе прохожіе, не занятые на военныхъ фбарикахъ, спѣшили по своимъ дѣламъ, и все было уже готово ко времени пробужденія города...

БѢГСТВО.

Столица проснулась раньше, чѣмъ обыкновенно. Страшные слухи, передаваемые прислугой и прибѣжавшими съ окраинъ отдѣльными жителями столицы, съ быстротой горящей пороховой нити поползли по Парижу. Призракъ войны остановился на порогѣ жилищъ.

— Нѣмцы идутъ!

— Клукъ у воротъ города!

— Гальени будетъ защищать столицу до послѣдняго человѣка!

И когда произносились эти фразы, французамъ вспомнились всѣ ужасы, выдуманные о нѣмцахъ.

Уланы, нанизывающіе на пики дѣтей.

Офицеры - егеря, жгущіе для своего удовольствія замки и поселки.

Баварскіе стрѣлки, перебрасывающіе окровавленныхъ французскихъ дѣвушекъ изъ роты въ роту.

Бельгійскіе примѣры...

Даже самые благоразумные изъ французовъ задумывались надъ тѣмъ, что станетъ съ ихъ женами, дочерьми, сыновьями и, наконецъ, съ ними самими, когда озвѣрѣлые уланы Клука ворвутся въ городъ; что произойдетъ, если французская армія, дѣйствительно, начнетъ защищать Парижъ.

Къ кому идти? У кого спросить совѣта?

Правительство бѣжало. Трусы, предатели!

А можетъ быть такъ надо?

Всѣ сбиты съ толку. Слухи, слухи, слухи. Очевидцы. Уланы въ Булони! Уланы въ Севрѣ! Уланы въ Булонскомъ лѣсу!

Паника.

Въ лихорадочной поспѣшности, въ дикомъ ужасѣ, банкиры, торговцы, ремесленники и рабочіе достаютъ свои чемоданы, баулы, потрепанные картонки. Безъ разбора бросаютъ они туда одежду, суютъ наспѣхъ захваченное въ чуланахъ продовольствіе.

Только бы хватило на первые дни...

Люди выбѣгаютъ на улицы. Нанять такси, фіакръ, фургонъ, чтобы доѣхать до ближайшаго вокзала, — все равно до какого, — лишь бы вырваться изъ обреченнаго города на югъ или на востокъ!

Но фіакровъ нѣтъ, шоферовъ нѣтъ. Всѣ, въ одинъ голосъ:

— Занятъ.

— Нанятъ.

— Въ Ліонъ.

— Въ Марсель.

— Въ Ниццу, Вентимигли, Андаи.

— Увы, месье, маркизъ Виллакоблэ нанялъ меня до Рима.

Рождается новая профессія. Носильщики.

— На Западный вокзалъ, месье? Двадцать франковъ.

— Вы съ ума сошли?

— До свиданья, месье.

— Постойте. Вотъ вамъ деньги.

— Благодарю, но теперь я хочу двадцать пять. Пять за оскорбленіе.

— Получайте.

Люди въ блузахъ, фуфайкахъ, въ каскеткахъ и безъ нихъ, несутъ неловко увязанные баулы къ гаръ д'Орсэ, де Ліонъ, гаръ дю Сюдъ. Несутъ по два - три километра, зарабатываютъ по 150—200 золотыхъ франковъ въ день. Къ нимъ скоро присоединяются болѣе прилично одѣтые горожане.

— Двѣсти франковъ! Подумай, Жанъ, — двѣсти франковъ! Бѣжать всегда успѣемъ. — Идемъ!

Спекуляція растетъ, деньги теряютъ стоимость. Хлѣбъ уже пять франковъ кило, а его у булочниковъ сколько угодно.

Люди бросаются къ банкамъ. Въ послѣднюю минуту надо взять все, до единаго сантима. Но передъ дверьми банка волнующаяся толпа, а на дверяхъ плакатъ:

«Закрыто.»

«Закрыто» — и только. Не объяснено ни почему, ни когда откроютъ. Денегъ получить нельзя.

Бѣгомъ, назадъ, нельзя терять времени. Какъ-нибудь надо обойтись. Не громить же теперь...

Въ Парижѣ съ каждой минутой увеличивается потокъ бѣглецовъ. Вотъ уже полны улицы отъ тротуара до тротуара, никто не прячется, никто не стыдится несуразныхъ пакетовъ при изящномъ костюмѣ, всѣ спѣшатъ, лишь бы попасть первыми.

На вокзалахъ нѣчто ужасное. Горы вещей. Потерянныя дѣти. Тысячныя толпы. Увѣшанные людьми вагоны, раздавленные, убитые, сорвавшіеся, искалѣченные. Поѣзда отходятъ каждыя 15 минутъ. Вагоны набиты отъ пола до потолка. Люди стоятъ тѣсно, какъ папиросы въ туго набитомъ кожаномъ портсигарѣ На плечахъ у нихъ дѣти. Въ сердцахъ ужасъ....

— Когда же уйдетъ поѣздъ?

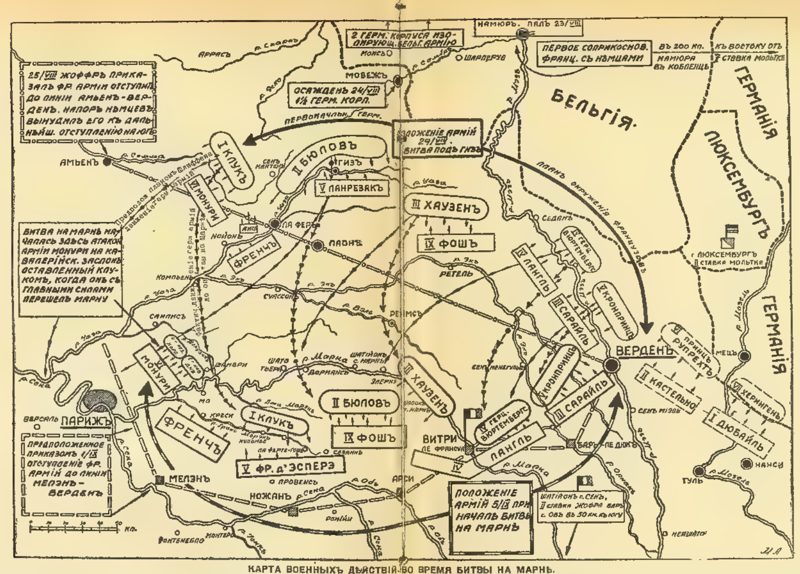
— Уйдетъ ли вообще?

Нѣтъ, парижане, этотъ поѣздъ уже не можетъ уйти. Уланы Клука на этотъ разъ, дѣйствительно, существуютъ. Подрывными патронами они уже разворотили рельсы того пути, по которому вы собрались ѣхать. Спѣшите на другой вокзалъ, тамъ, можетъ быть, повезетъ...

И люди выбираются изъ вагоновъ, въ которыхъ съ такимъ трудомъ добились права стоять, спѣшатъ, теряя вещи, къ другимъ платформамъ, къ другимъ вокзаламъ, машутъ на все рукой, рѣшаются идти пѣшкомъ до первой деревни, чтобы нанять тамъ крестьянскую подводу...

Часъ за часомъ, вплоть до самой ночи, и много дней спустя, на вокзалахъ одна и та же картина унынія, ожиданія, паники. Парижъ разбѣгается. Люди напрасно дежурятъ сутками въ безконечныхъ очередяхъ отъ входа до платформы, продвигаясь впередъ медленными толчками, шагъ за шагомъ, но шагомъ не больше человѣческой ступни.

Уже покинули городъ частные, еще не реквизированные военнымъ министерствомъ, автомобили, за рулями которыхъ сидятъ сами владѣльцы. Уѣхали фургоны, ландо и легкіе кабріолеты, заваленные корзинами и че-

КАРТА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ НА МАРНѢ.

Въ день объявленія войны Франціи, германскія арміи начали сосредотачиваться вдоль Рейна. Слѣдуя съ сѣвера на югъ, онѣ были расположены слѣдующимъ образомъ. **Первая** (фонъ Клука) въ районѣ Аахена. Въ нее входили II, III, IV, IX и XI армейскіе корпуса и, позже, IV резервный корпусъ. **Вторая** (фонъ Бюлова) — южнѣе Аахена. Она состояла изъ гвардейскаго корпуса, гвардейскаго резервнаго корпуса, VII и X армейскихъ корпусовъ и VII и X армейскихъ резервныхъ корпусовъ. **Третья** — (фонъ Хаусена) — въ районѣ Мальмеди. Въ нее входили: XII и XIX армейскіе корпуса. **Пятая** (кронпринца Вильгельма) — въ районѣ Саарбрюкенъ - Люксембургъ. Она состояла изъ: V, VI, XIII и XVI армейскихъ корпусовъ и V и XI резервныхъ армейскихъ корпусовъ. **Шестая** (принца Рупрехта Баварскаго) въ Лотарингіи. Она состояла изъ: I, II и III баварскихъ армейскихъ корпусовъ, I баварскаго резервнаго корпуса и одного дивизіона баварской кавалеріи. **Седьмая** (фонъ Херингена) — у Страсбурга. Въ нее входили.

моданами, какъ крестьянскія двуколки, а по улицамъ все еще носятся въ паникѣ люди не успѣвшіе бѣжать.

— Алло! Ауто!

— Занятъ.

— Алло! Ауто!

— Месье?

— Въ Бордо.

— 5.000 франковъ.

— Безуміе!

— 3.000 франковъ задатка и вашъ бензинъ.

— Получите.

Да. Въ эти дни парижане платили за разбитое такси 3.000 франковъ до Нормандіи и отъ 5.000 до 6.000 франковъ до Ліона, Авиньона или Марсели. Платили, не скупясь, не ворча, зная, что жизнь дороже денегъ. Тѣ, кто могъ платить...

Но если Парижъ выглядитъ панически, то дороги, ведущія отъ него къ югу и западу, представляютъ картину истиннаго бѣдствія. Летящіе въ сѣрой пыли автомобили. Ландо и экипажи на резиновыхъ шинахъ, ландо, въ которыхъ сидятъ цѣлыя семьи, съ зонтиками, болонками и клѣтками съ попугаями, ландо, въ которыхъ нещадно кричатъ дѣти и мечутся растерянныя матери. Много такихъ ландо валяется уже по канавамъ, потому что колеса ихъ не выдержали и разсыпались, а ѣдущіе сзади оттащили поломанныя повозки съ дороги, освобождая ее для движенія.

Самую же печальную картину представляютъ собой тѣ люди, у которыхъ нѣтъ ни автомобиля, ни желѣзнодорожнаго билета. Эти вынуждены шагать пѣшкомъ, задыхаясь отъ пыли, изнывая отъ зноя и жажды, сгибаясь подъ тяжестью тюковъ.

Цѣлыя семьи. Пожилой отецъ, мать, нѣсколько дѣтей, идутъ истинными изгнанниками, обливаясь потомъ, молча, сосредоточенно, подчинившись судьбѣ, забывъ злобу, отчаяніе и протестъ. Многіе тащатъ за собой телѣжки съ вещами, на которыхъ сидятъ дѣти. Другіе толкаютъ

XIV и XV армейскіе корпуса и XIV армейскій резервный корпусъ. На правомъ **(сѣверномъ)** флангѣ германскаго фронта развернулась кавалерія: **Первый** корпусъ фонъ Рихтгофена, состоявшій изъ перваго дивизіона гвардейской кавалеріи и **второй** — фонъ деръ Марвица, въ который входили II, IV и IX кав. дивизіи.

Французскія арміи построились въ обратномъ порядкѣ нумераціи: Вдоль французской границы противъ Люксембурга и Бельгіи расположились (слѣдуя опять таки съ сѣвера на югъ): **Пятая** армія Ланрезака, (позже разбитая на двѣ части, причемъ группой, сохранившей номеръ арміи, командовать сталъ Франше д'Эсперэ, а другой, получившей названіе девятой арміи — Фошъ). **Четвертая** — Лангля. **Третья** — Серайля, **Вторая** — Кастельно и **Первая** — Дюбайля. Позже приказомъ Жоффра была сформирована дополнительная **(Шестая)** армія, командиромъ которой былъ назначенъ Монури. Эта армія получила особую задачу — защищать Парижъ внѣ зависимости отъ операцій остальныхъ армій фронта.

1 августа 1914 г. VIII герм. корпусъ вторгся въ Люксембургъ. 4 августа противъ бельгійской крѣпости Льежъ двинулись усиленныя кавалеріей и артиллеріей двѣ герм. пѣхотныя бригады подъ командованіемъ ген. фонъ Эммихъ. Вслѣдъ за ними въ Бельгію вторглись VII, IX и X герм. армейскіе корпуса.

Оккупировавъ въ продолженіе трехъ недѣль южную Бельгію, германцы только подъ Намюромъ встрѣтились съ первыми французскими войсками. Будучи болѣе готовыми къ войнѣ, нежели французы, они быстро оттѣснили французскій фронтъ, стремясь обойти его съ сѣвернаго фланга, свернуть и прижать къ Швейцаріи. 25 августа Жоффръ оказался вынужденнымъ отказаться отъ выработаннаго во время предшествовавшихъ войнѣ лѣтъ плана номеръ 17 и, оставивъ на произволъ судьбы форты первой линіи, отступилъ на линію Амьенъ — Верденъ, показанную на схемѣ пунктиромъ. Благодаря этому маневру,

передъ собой тачки, съ наваленными на нихъ самыми ненужными вещами.

Квартиры выползли наружу всей своей интимностью, — вы видите матрацы, засаленныя подушки, кастрюли, керосинки, архаическіе граммофоны съ розовыми и голубыми петуніями рупоровъ, пальмы, убитыя электричествомъ...

Потокъ течетъ черезъ деревни и городки, ближайшіе къ Парижу. Растерянно стоятъ у своихъ дверей мѣстные жители, когда первыя волны человѣческаго потока достигаютъ ихъ мѣстъ. Изъ дома въ домъ, изъ поселка въ поселокъ летятъ слухи, вѣсти, совѣты. Разбѣгающійся Парижъ заражаетъ собой провинцію. Во всѣхъ дворахъ крики, суета, спѣшно нагружаемыя повозки.

— Нѣмцы идутъ!

Человѣческій потокъ растетъ съ быстротой лавины. Мэры теряютъ головы. Врачи переполненныхъ госпиталей мечутся въ поискахъ новыхъ и новыхъ коекъ. Священники не успѣваютъ переходить отъ одной свѣжей могилы къ другой. Не только Парижъ, а вся нація пришла въ движеніе, встала на колеса, покатилась въ разныя стороны, не зная ни конечной цѣли пути, ни конца его, теряясь въ будущемъ.

Командиры воинскихъ частей рвутъ и мечутъ. Сегодня приказы особенно строги. Время надо соблюдать точно, а тутъ переполненныя отъ края до края дороги, противъ теченія которыхъ нѣтъ возможности двигаться.

И вотъ полки идутъ навстрѣчу потоку бѣженцевъ, разминая ногами разбросанный повсюду скарбъ.

Дороги, расходящіяся отъ Парижа, похожи на пути отступающей арміи.

Трупы, вещи, обломки, мусоръ, канавы, полныя отсталыми, изможденными штатскими и выбившимися изъ силъ солдатами.

...За дни бѣгства изъ одного только Парижа ушло свыше 800.000 человѣкъ. Въ столицѣ Франціи встрѣчались дома безъ единаго обита-

---

онъ не только сокращалъ линію фронта, но и опирался, хотя на устарѣвшія, но все еще достаточно грозныя крѣпости.

Армія англичанъ, состоявшая подъ командованіемъ маршала Френча, находилась при началѣ военныхъ дѣйствій на крайнемъ сѣверномъ флангѣ французовъ. Позже, съ появленіемъ арміи Монури, она оказалась между ней и арміей Франше д'Эсперэ. Какъ видно изъ проведенныхъ на схемѣ стрѣльчатыхъ линій, наступленіе герм. армій развивалось также съ уклоненіемъ отъ плана Шлиффена — Мольтке, причемъ германское командованіе сознательно оставляло Парижъ въ сторонѣ, сворачивая путь армій къ югу, намѣреваясь сперва покончить съ французскими войсками въ открытомъ полѣ и послѣ того лишь обратиться на Парижъ, который, въ сущности, былъ беззащитенъ.

Планъ Жоффра, утвержденный 25 августа, оказался недостаточнымъ. Французской арміи пришлось избрать новую оборонительную линію Парижъ — Мелэнъ — Ножанъ — Арси — Витри ле Франсуа — Баръ ле Дюкъ — Верденъ. Эта линія показана на схемѣ обыкновеннымъ пунктиромъ. На сѣверномъ отрѣзкѣ этого новаго фронта разыгралось рѣшительное столкновеніе, извѣстное какъ битва на Марнѣ. Отступавшіе до сихъ поръ англичане, вошли, какъ клинъ, между арміями Бюлова и Клука. Поддержанные полками Франше д'Эсперэ, они грозили отрѣзать армію Клука отъ арміи Бюлова и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ остального герм. фронта. Уполномоченный герм. ставки полк. Хенчъ, прибывъ на мѣсто боевъ, увидѣлъ опасность въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ существовала. Онъ распорядился начать общее отступленіе германскихъ войскъ. Битва на Марнѣ, въ силу этого паническаго приказа, была выиграна французами вслѣдствіе отката всего герм. фронта къ исходнымъ позиціямъ, расположеннымъ почти у самой французской границы. Парижъ избавился отъ опасности быть оккупированнымъ арміей фонъ Клука.

теля. Цѣлые пригороды опустѣли. Особенно на сѣверо - востокѣ, откуда ждали нѣмцевъ.

Былъ, къ примѣру, и другой городъ, — Экюэнъ, — въ которомъ остались только престарѣлый священникъ и четыре старухи. Брошенный на произволъ судьбы, некормленный скотъ жалобно мычалъ въ стойлахъ, по которымъ гулялъ сквознякъ.

ГЕНЕРАЛЪ КЛУКЪ ПОВЕРНУЛЪ.

Генералъ Гальени, единственный носитель власти въ Парижѣ, спалъ послѣ отъѣзда правительства республики какихъ-нибудь два или три часа. На разсвѣтѣ онъ снова на ногахъ, и поспѣшно выходитъ изъ Дома Инвалидовъ.

Его ждетъ дежурный автомобиль. Приказъ шоферу:

— Поѣзжайте въ Экюэнъ. Какъ можно, скорѣе.

Гальени садится въ машину, которая быстро трогается.

Едва только центръ города остается позади, какъ Гальени приказываетъ снова:

— Скорѣе!

Шоферъ прибавляетъ ходу, но вскорѣ долженъ уменьшить его, потому что по дорогѣ бредутъ многочисленные военные отряды и тянутся обозы. Когда Гальени опять требуетъ ускорить ходъ, шофферъ, полуобернувшись, отвѣчаетъ:

— Невозможно, монъ женералъ. Дорога забита людьми. Я могу задавить . . .

Генералъ, рѣзко:

— Сегодня во Франціи человѣческая жизнь ничего не стоитъ. Я приказываю вамъ ѣхать со всей возможной скоростью.

И автомобиль мчится, какъ машина спасательной команды. Непрерывно звучитъ его стрекочущій, какъ гигантскій кузнечикъ, сигналъ, бѣшено трепещетъ флажокъ на вибрирующемъ стальномъ прутѣ. Мимо него непрерывной цѣпью проносятся спящіе въ канавахъ солдаты, разбросанная домашняя утварь бѣженцевъ, устало бредущія роты, батальоны и полки.

Экюэнъ.

Гальени выскакиваетъ изъ автомобиля и сразу направляется на линію укрѣпленій. Въ наскоро вырытыхъ окопахъ опять совершенно измученные солдаты. Рапортуютъ не менѣе истощенные офицеры. Сопутствуемый нѣсколькими офицерами штаба, генералъ быстро проходитъ часть боевого участка и спускается въ блиндажъ. Тамъ онъ выслушиваетъ рапортъ начальника участка.

— Части арміи Монури прибыли на мѣста. Два корпуса. Очень подвижная часть, составленная изъ полковъ дѣйствительной службы. Участокъ фронта вьется въ тѣсномъ примыканіи къ сѣверному и сѣверо - восточному секторамъ Парижа. Правое крыло участка достигаетъ Дамартэна.

Гальени со своей стороны сообщаетъ:

— Югъ, юго - западъ и юго - востокъ Парижа защищаются территоріальными войсками. Эти войска несутъ, главнымъ образомъ, охранную службу внутри крѣпости, на улицахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Боевая сила ихъ ничтожна. Съ этимъ вы, какъ начальникъ участка, должны считаться — и полагаться вы должны исключительно на свои два корпуса.

Выдѣляйте изъ нихъ сколько хотите резервовъ, но не ждите таковыхъ отъ меня.

— Монъ женераль, — отвѣчаетъ начальникъ участка, — часть моихъ войскъ была сначала послана въ Амьенъ и, не успѣвъ тамъ отдохнуть, переброшена на эти позиціи. Солдаты очень истощены. Другая часть переведена съ фронта, она хорошо обстрѣляна, но, какъ и первая, утомлена продолжительными походами. Обозы и колонны со снаряженіемъ отстали, настроеніе подавленное. Я обращаю ваше вниманіе на это обстоятельство, монъ женераль.

Начинается докладъ о положеніи непріятеля. Этотъ докладъ носитъ такой характеръ, что генералъ Гальени впадаетъ въ настроеніе, которое граничило бы съ отчаяніемъ, не будь онъ поистинѣ отважнымъ офицеромъ. Не нужно быть пессимистомъ, чтобы отчетливо видѣть приближеніе несчастья.

Тѣмъ временемъ первая германская армія подъ командой фонъ Клука все ближе и ближе подходила къ Парижу. Ея крайній правый флангъ занялъ уже Шантійи, кавалерія же стояла передъ Люзаршемъ.

А Люзаршъ находится всего на всего въ 10 километрахъ отъ периферіи французской столицы! Десять километровъ отъ пояса укрѣпленій! Десять километровъ впереди Экюэна, будущаго поля брани защитнкиовъ столицы!

Два часа походнымъ порядкомъ.

Десять минутъ ѣзды на автомобилѣ.

Часъ хода конницы на рысяхъ.

Вотъ гдѣ стояли германскіе кавалеристы въ солнечное утро третьяго сентября!

За этими кавалеристами, справа отъ нихъ, выливаясь изъ Шантійи, шла германская пѣхота и артиллерія. Оттуда линія фронта арміи Клука бѣжала черезъ Санлисъ, черезъ Эрменонвильскій лѣсъ, къ Нантэй. Всѣ наступающія войска шли фронтомъ на сѣверо - восточный секторъ Парижа, выдвинутыя кавалерійскія заставы арміи Монури уже вели перестрѣлку съ авангардами пѣхоты Клука.

На помощь прочихъ армій онъ не могъ разсчитывать. Гальени зналъ, что каждая изъ нихъ вела бои съ насѣдающимъ непріятелемъ, непрерывно отступая къ Сенѣ. Надо было признать: Клукъ надвигался съ превосходными силами, съ войсками, которыя вѣрили въ побѣду и находились подъ умѣлымъ командованіемъ. Выставленная же противъ него французская армія была въ подавленномъ настроеніи, сидѣла въ плохихъ, и наспѣхъ вырытыхъ окопахъ.

Таково было положеніе, тѣмъ не менѣе, генералъ Гальени и не думалъ отступать. Онъ былъ умнымъ человѣкомъ и зналъ, что сраженія выиграть не можетъ, но былъ готовымъ лучше умереть, чѣмъ сдать столицу безъ сопротивленія.

Весь подъ впечатлѣніемъ видѣннаго, Гальени прощается, не посвящая никого въ свои мысли. Онъ садится въ автомобиль, и шофферъ, помня приказъ, мчитъ его обратно въ Парижъ, съ отчаянной храбростью срѣзая повороты.

Навстрѣчу идетъ батальонъ. Онъ разсыпается въ стороны передъ несущимся автомобилемъ, но одинъ солдатъ не успѣваетъ во время отступить. Автомобиль крыломъ подбрасываетъ его въ воздухъ, и черезъ мгновеніе на краю шоссе лежитъ первый распластавшійся трупъ солдата

арміи Монури. Шоферъ машинально хватается за тормаза, автомобиль начинаетъ бросать, но —

— Дальше! — кричитъ Гальени, — не задерживайтесь!

И въ головѣ шофера звучатъ слова: «Сегодня во Франціи человѣческая жизнь ничего не стоитъ.»

Газу...

▪

Въ Парижѣ автомобиль останавливается передъ американскимъ посольствомъ. Гальени принимаютъ тотчасъ же. Онъ желаетъ представиться послу, какъ высшій представитель власти въ столицѣ. Посолъ предлагаетъ ему принять парижанъ подъ защиту американскаго флага, въ случаѣ, если городъ будетъ занятъ нѣмцами. Онъ вступитъ въ переговоры съ нѣмецкимъ командованіемъ, едва только Клукъ войдетъ въ городъ. Гальени думаетъ, что въ этотъ моментъ его самого уже не будетъ въ живыхъ. Генералъ долго и искренне благодаритъ посла.

Изъ американскаго посольства Гальени ѣдетъ въ свой штабъ, устроившійся въ гимназіи Викторъ Дюрюи. Городская комендатура осталась въ Домѣ Инвалидовъ.

Здѣсь его ожидаютъ скверныя извѣстія. Черезъ посредство офицера связи генералъ Жоффръ прислалъ ему копію приказовъ, отданныхъ въ этотъ день арміямъ фронта. Изъ этихъ приказовъ ген. Гальени узнаетъ, что фронтъ откатывается до линіи Сена — Объ. Положеніе, однако, таково, что является сомнительнымъ, можно ли будетъ оторваться отъ непріятеля и укрѣпиться на новыхъ позиціяхъ. Далѣе, изъ приказовъ выясняется, что Гальени и его армія разсматриваются, какъ уже погибшіе, и Гальени не остается ничего другого, какъ подготовить послѣдній актъ защиты Парижа, во время котораго ему придется своей смертью покрыть честь французовъ.

Нѣтъ даже проблеска надежды...

Едва Гальени покончилъ съ чтеніемъ приказовъ Жоффра, какъ изъ Экюэна стали поступать свѣдѣнія, собранныя отъ идущихъ по направленію къ столицѣ бѣженцевъ. Изъ нихъ выяснялось, что колонны Клука уже находятся въ стадіи концентричнаго наступленія.

Вечеромъ идущіе развернутымъ строемъ батальоны встанутъ передъ защитниками Парижа. Вечеромъ первыя нѣмецкія тяжелыя гранаты обрушатся на беззащитную столицу. Вечеромъ, въ лучшемъ случаѣ, завтра, армія Монури будетъ опрокинута.

Будь, что будетъ, но вечеромъ Гальени дастъ бой, — послѣдній, несомнѣнной жертвой котораго будетъ онъ самъ.

Генералъ опускаетъ голову на руки. Невѣроятная тяжесть пригибаетъ его. Ему кажется, что принявъ на себя отвѣтственность за судьбу Парижа, онъ взвалилъ на свои плечи всю Францію. Много было тяжелыхъ моментовъ въ его жизни, но такого...

Въ продолженіи всего послѣобѣденнаго времени Гальени попрежнему сидитъ въ своей комнатѣ въ гимназіи Викторъ Дюрюи и съ безпокойствомъ ждетъ извѣстія о томъ, что врагъ подошелъ вплотную къ линіямъ защитниковъ. Но вмѣсто этого непрерывно поступаютъ бумаги второстепеннаго значенія, такія ненужныя въ этотъ рѣшительный моментъ. Время бѣжитъ, несмотря на напряженную работу, исключительно медленно. Бьетъ три часа, четыре, пять, а изъ Экюэна попрежнему нѣтъ роковыхъ новостей.

Гальени кажется, что его нервы не выдержатъ. Онъ встаетъ и на-

чинаетъ шагать изъ угла въ уголъ, то засовывая руки глубоко въ карманы галифэ, то нервно потирая ихъ. Окурокъ за окуркомъ заполняютъ пепельницу.

Шесть часовъ. Стрѣлки подходятъ къ 6,15. Половина седьмого.

Стукъ въ дверь.

— Войдите.

Адъютантъ. Нерѣшительно, вздрагивающей рукой, протягиваетъ онъ листокъ.

— Что у васъ тамъ такое?

Адъютантъ отдаетъ листокъ, недоумѣвающе пожимая плечами.

Гальени беретъ бумагу двумя пальцами. Необыкновенно долго смотритъ на строки. Машинально поправляетъ пенсне.

Внезапно, не выпуская бумаги изъ рукъ, онъ съ силой ударяетъ по столу кулакомъ и восклицаетъ:

— Но это же невозможно, капитанъ!

Адъютантъ разводитъ руками.

— Лейтенантъ авіаціи Ватто, — читаетъ вслухъ Гальени, — сообщаетъ начальнику, что, по его наблюденіямъ, правое крыло германской арміи, наступавшее до сихъ поръ на Парижъ, измѣнило направленіе и въ настоящее время идетъ походнымъ порядкомъ по эрменонвильской дорогѣ на Мо. Такимъ образомъ, армія Клука удаляется отъ Парижа.

Почти бѣгомъ Гальени достигаетъ двери, рывкомъ отворяетъ ее и, еще на ходу, кричитъ своему начальнику штаба:

— Соедините меня немедленно съ аэродромомъ. Потребуйте самого лейтенанта Ватто къ аппарату. Что за фантазіи разсказываетъ онъ!

Вызовъ по прямому проводу. Ватто, — удача, — тутъ же, рядомъ съ командиромъ эскадрильи. Онъ утверждаетъ, что его свѣдѣнія правильны. Въ доказательство ссылается на двухъ своихъ товарищей, которые летѣли рядомъ. Тѣ видѣли то же самое: длинныя, безконечныя колонны пѣхоты, артиллеріи и обозовъ уходящихъ отъ Парижа нѣмцевъ...

— Я, монъ женералъ, самъ не хотѣлъ вѣрить глазамъ, — разсказываетъ Ватто. — Снизился до самоубійственной высоты. Буквально пробрилъ эрменонвильскую дорогу, леталъ надъ Мо вдоль и поперекъ, — сомнѣній нѣтъ. Клукъ уходитъ.

— Передайте трубку вашему командиру, — приказываетъ Гальени.

Въ мембранѣ квакаетъ густой басъ:

— Ватто? Одинъ изъ лучшихъ летчиковъ. Кадровый офицеръ. Развѣдчикъ съ первыхъ дней войны. Ошибиться не можетъ.

Гальени медленно опускаетъ трубку, затѣмъ беретъ за плечи своего начальника штаба и спрашиваетъ:

— Вы вѣрите въ чудеса, генералъ?

Не менѣе потрясенный начальникъ штаба отвѣчаетъ:

— Война полна случайностей, монъ женералъ, но въ данномъ случаѣ мы дѣйствительно переживаемъ чудо!

— Звоните въ Баръ сюръ Объ. Требуйте самого главнокомандующаго!

Прямые провода дѣйствуютъ безъ отказа. Чрезъ одну - двѣ минуты въ мембранѣ недовѣрчивый, радостный и, словно смущенный, голосъ Жоффра.

— Говорю я, Гальени: въ войнѣ такихъ случаевъ не бываетъ! Вы слышите, — не бываетъ!

ПОЧЕМУ?

Вотъ какъ объясняютъ неожиданный поворотъ Клука нѣмцы:

Рѣшеніе было принято ставкой германскаго главнокомандующаго въ Люксембургѣ и штабомъ командующаго первой германской арміей.

Почему?

Теперь документы, относящіеся къ событіямъ августа - сентября 1914 года, доступны для изученія каждому. На основаніи ихъ можно съ достовѣрностью установить, гдѣ въ тѣ критическія минуты находилась французская армія и какую силу она изъ себя представляла. Только послѣ войны всѣмъ стало извѣстно, что Парижъ тогда былъ объятъ паникой и что армія Монури ожидала боя, выиграть который она не разсчитывала.

Но тогда? Въ 1914 году?

Развѣдку, почти цѣликомъ, велъ кавалерія, такъ какъ воздушная, въ началѣ войны, изъ-за недостатка аппаратовъ, поставлена была слабо. Къ донесеніямъ летчиковъ въ штабахъ относились скептически. Наконецъ, проникновеніе развѣдки въ тылъ противника было, относительно, очень ограниченнымъ, и въ довершеніе всего, агентурная служба работала у нѣмцевъ, въ тотъ періодъ, исключительно плохо. На это обстоятельство указываетъ Гинденбургъ, констатирующій въ своихъ воспоминаніяхъ полный провалъ столь необходимаго для каждой арміи аппарата.

Въ германскихъ штабахъ никто не зналъ истиннаго положенія французовъ. Не знали, что Жоффръ рѣшилъ задержаться только по ту сторону Сены, не знали, что французы считали невозможнымъ отстоять Парижъ. Въ равной мѣрѣ, у Мольтке и его штаба не было никакихъ данныхъ, чтобы установить, что бои, которые вели въ эти дни его вторая и третья арміи, носили характеръ только обыкновенныхъ боевъ съ французскими арьергардами.

Военное счастье отвернулось отъ нѣмцевъ, и въ то же время возникъ вопросъ о томъ, что могло произойти, если бы нѣмцы дѣйствовали не вслѣпую. Этотъ вопросъ вызвалъ бурную полемику въ послѣвоенной германской военной литературѣ, полемику, которая не прекратилась до сихъ поръ и стала одной изъ излюбленныхъ темъ споровъ между военными спеціалистами.

Долженъ ли былъ Клукъ идти дальше или обязанъ былъ исполнить приказъ штаба фронта и повернуть?

Почему германская армія прекратила наступленіе на Парижъ? Почему Клукъ въ полдень 3 сентября, вмѣсто того, чтобы идти на югъ, повернулъ къ юго-востоку?

Эти вопросы будутъ обсуждаться не только нашимъ поколѣніемъ, но и столѣтіями позже...

Рѣшеніе, принятое Клукомъ, соотвѣтствовало приказу, отданному ставкой Мольтке, а О. Х. Л. приняло его по слѣдующимъ соображеніямъ:

Какъ предусматривалъ планъ Шлиффена, германскій фронтъ, своимъ правымъ крыломъ, т. е. 1-я армія Клука, 2-я Бюлова и 3-я Хаузена, — долженъ былъ очистить сѣверную Францію отъ французскихъ войскъ и отбросить ихъ въ среднюю Францію. Фронтъ германской арміи, вслѣдствіе этого, принималъ форму угла, который, заворачиваясь, гналъ всю французскую армію къ югу, къ морю, или же къ швейцарской границѣ. Перейдя ее, французы должны были бы разоружиться и интернироваться. На этой идеѣ были основаны всѣ операціи 1914 года.

Одновременно предполагалось вести обходные маневры съ такой быстротой, которая заставила бы французовъ принимать бои съ ведущими наступленіе германскими арміями.

Что планъ этотъ не удался — для штаба Мольтке было ясно.

Въ своемъ тылу французы попрежнему сохранили свободу маневрированія и попрежнему могли перебрасывать свои войска. Быстрота отступленія, упущенная нѣмцами изъ виду, была французскимъ командованіемъ принята въ разсчетъ.

По даннымъ, имѣвшимся въ штабѣ Мольтке на третье сентября, нѣмцы предполагали, что французская армія успѣла перестроиться и готова въ любой моментъ перейти въ контръ-наступленіе. Они рѣшили, что осуществилось то, чего они больше всего опасались, т. е. концентрація главныхъ французскихъ силъ на правомъ флангѣ ихъ фронта.

Эта концентрація была подсказана Жоффру основами стратегіи, требующей, въ подобныхъ случаяхъ, сокрушительнаго удара во флангъ непріятеля.

Парижъ, дѣйствительно, находился непосредственно на флангѣ наступающей германской арміи. Штабъ Мольтке допускалъ, что, въ случаѣ наступленія Клука на Парижъ, французы воспользуются своей хорошо развитой желѣзнодорожной сѣтью въ тылу, перебросятъ подкрѣпленія, обходя Парижъ, и сомнувъ армію Клука. Вмѣстѣ съ тѣмъ О. Х. Л. не знало, что Парижъ защищается только истощенной походами арміей Монури, которая сидѣла въ наспѣхъ вырытыхъ окопахъ.

Поэтому первая германская армія была оттянута отъ Парижа къ Мо съ тѣмъ, чтобы принять на себя охрану праваго фланга фронта отъ неожиданно появившихся изъ-за Парижа крупныхъ французскихъ силъ. Армія Клука должна была отступить «въ обратномъ построеніи» и слѣдовать за второй арміей Бюлова, въ то время, какъ остальныя германскія арміи должны были нанести сокрушающій ударъ всему французскому фронту.

Провести-же первую армію сквозь Парижъ, городъ, какъ предполагалось, занятый большими французскими силами, О. Х. Л. не желало, опасаясь, что Клукъ увязнетъ тамъ, обнаживъ тѣмъ самымъ правое крыло фронта, который, ослабленный исключеніемъ изъ операцій всей первой арміи, станетъ объектомъ немедленнаго флангового нападенія французовъ и англичанъ. Согласно этимъ соображеніямъ, Клукъ долженъ былъ образовать заслонъ противъ Парижа и взять его только послѣ того, какъ Жоффръ будетъ разбитъ на голову.

Въ этомъ пунктѣ таилась, повидимому, главная ошибка нѣмцевъ.

■

Ко всему сказанному надо прибавить преувеличенную осторожность Мольтке, на котораго, въ силу его удаленности отъ фронта, всякое затрудненіе германскихъ войскъ дѣйствовало гораздо сильнѣе, чѣмъ донесенія объ успѣхахъ. Какъ мы увидимъ позже, Мольтке за эту излишнюю осторожность жестоко поплатился.

Въ этотъ критическій день, передъ битвой на Марнѣ, Жоффръ впервые могъ вздохнуть съ облегченіемъ. Хотя опасность еще не миновала, но почувствовалось колебаніе противной стороны, и стало ясно, что въ операціяхъ германскаго фронта произошелъ сдвигъ, какая-то перемѣна плана. Въ тотъ моментъ, когда Клукъ, достигнувъ самой южной точки своего наступленія, внезапно повернулъ обратно, главнокомандую-

щій французской арміи понялъ, что пришло время дать рѣшительный бой.

Прежде всего Жоффръ провѣрилъ моральное состояніе войскъ, сильно потрепанныхъ во время непрерывнаго отступленія. Это было вопросомъ первостепенной важности. Окажись въ построенномъ Жоффромъ планѣ какая нибудь, хотя бы и единственная, неувязка, предполагаемый успѣхъ неминуемо долженъ былъ обратиться въ непоправимую катастрофу.

Были запрошены Фошъ и Франше д'Эсперэ, подѣлившіе между собой армію Ланрезака. Оба генерала, находившіеся на разстояніи 75—110 километровъ отъ ставки, сообщили по телефону, что подчиненныя имъ войска приведены въ относительный порядокъ — и положиться на нихъ можно. Въ этотъ день девятая армія Фоша являлась еще правымъ крыломъ арміи Франше д'Эсперэ, и, такимъ образомъ, самая отвѣтственная часть французскаго фронта давала удовлетворительный отвѣтъ.

Жоффръ получилъ увѣренность, что французская армія готова для новаго сверхчеловѣческаго напряженія. Духъ ея не былъ сломленъ. Помня, что «промедленіе времени смерти невозвратной подобно», онъ въ тотъ же день, въ 10 часовъ вечера, отдаетъ историческій приказъ номеръ шесть:

1. Исключительно отъ насъ зависитъ использовать выгодное для насъ положеніе первой германской арміи и сконцентрировать противъ нея силы союзныхъ армій нашего лѣваго крыла.

Всю подготовку приказываю закончить въ теченіе дня 5 сентября, и 6 сентября атаковать противника.

2. Въ продолженіи 5 сентября приказываю принять слѣдующія мѣры:

а) Шестой арміи приготовиться къ переходу Урка между Лиси сюръ Уркъ и Майенъ Мюльтіенъ въ общемъ направленіи на Шато Тьери.

Всѣ свободныя кавалерійскія части, находящіяся въ районѣ шестой арміи, подчиняются генералу Монури.

б) Англійская армія занимаетъ позиціи на участкѣ Шанжи—Куломье фронтомъ къ востоку. Она будетъ атаковать въ направленіи Монмирайля.

в) Пятая армія, прикрывая лѣвый флангъ, займетъ позиціи на линіи Кюртасонъ — Этернэ — Сезаннъ. Она атакуетъ въ общемъ направленіи съ юга на сѣверъ. Второй кавалерійскій корпусъ держитъ связь между англійской арміей и пятой арміей.

г) Девятая армія прикрываетъ правый флангъ пятой арміи, защищая южныя границы болотъ Сентъ Гонъ. Часть силъ должна быть выдѣлена для охраны плато Сезаннъ.

3. Перечисленнымъ арміямъ приказываю начать наступленіе утромъ 6 сентября.

Жоффръ.

Въ моментъ подписанія приказа, Жоффръ манипулировалъ одной неизвѣстной величиной. Ею являлась англійская армія. Она сильно пострадала во время отступленія, и маршалъ Френчъ одно время имѣлъ отъ своего правительства инструкціи сохранить оставшіяся силы, хотя бы цѣной снятія арміи съ фронта. Какъ мы уже упоминали, нужно было личное вмѣшательство лорда Китченера, чтобы удержать армію на ея позиціяхъ и обезпечить французской арміи активную поддержку англичанъ.

Четвертаго сентября этотъ вопросъ вставалъ во всей остротѣ, и Гальени, съ вѣдома ставки Жоффра, пытался выяснить, согласенъ ли Френчъ

перейти въ наступленіе. Отвѣтъ, однако, несмотря на обѣщаніе, данное въ присутствіи Китченера. былъ уклончивый. Френчъ ссылался, какъ и всегда, на то, что его армія во время отступленія вела непрерывные бои на протяженіи 100—120 километровъ, неся ужасныя потери, и такъ далѣе.

Жоффръ не имѣлъ власти надъ англичанами и не могъ приказывать Френчу, но если бы Френчъ остался при своемъ рѣшеніи, то французскій фронтъ, съ такимъ трудомъ возстановленный, развалился бы опять, что, по мнѣнію Жоффра, повело бы на этотъ разъ къ непоправимой катастрофѣ.

ЦЕНТРЪ ВНИМАНІЯ — ГАЛЬЕНИ.

Пульсъ — сто!

Вотъ какими словами можно назвать тотъ темпъ, который развилъ штабъ Гальени къ вечеру 3 сентября.

Виной тому было донесеніе летчика лейтенанта Ватто.

Гальени немедленно приказалъ нѣсколькимъ кавалерійскимъ эскадронамъ произвести самую тщательную развѣдку, ибо онъ никакъ не могъ освоиться съ мыслью, что Клукъ повернулъ, до того былъ непонятенъ, съ военной точки зрѣнія, этотъ маневръ.

И вотъ, всю ночь напролетъ, въ районѣ Экюэна рыщутъ эскадроны Монури, пытаясь обнаружить германскую кавалерію, артиллерію и пѣхоту, но находятъ только первую. Предусмотрительный Клукъ умѣло разставилъ сторожевое охраненіе, которое вводило въ заблужденіе французскую конницу. Куда бы не направлялась она, всюду ее встрѣчалъ уничтожающій огонь спѣшенной германской кавалеріи, всюду было видно, что непріятель налицо, но кто стрѣляетъ и сколько стрѣлковъ — этого не зналъ ни одинъ изъ начальниковъ разъѣздовъ.

Такъ прошла для французовъ вся ночь, — между радостными надеждами и самыми черными предположеніями. Въ штабѣ никто не спалъ въ эти часы, никто не смѣлъ забѣжать на нѣсколько минутъ домой, такъ какъ никто не зналъ, — что случится въ ближайшія минуты.

Ночь, — самый злѣйшій врагъ военачальниковъ, — облекла фронтъ покровомъ тайны...

Но на утро!

Едва начало свѣтать, какъ прибыли новые эскадроны Монури.

Уже ночью были розданы по кавалерійскимъ полкамъ приказы, опредѣляющіе направленіе движенія. Прибывшіе въ глубокой темнотѣ офицеры связи сообщили командирамъ полковъ, что на этотъ разъ приказы носятъ исключительно отвѣтственный характеръ. Они прибавили отъ имени Гальени, что кавалерія должна въ теченіе первыхъ же утреннихъ часовъ выяснить истинное положеніе дѣлъ у непріятеля. Чего бы это не стоило! Не щадить ни коней, ни всадниковъ!

Ушелъ Клукъ, чортъ возьми, или нѣтъ?

Гальени не можетъ успокоиться. Чуть свѣтъ, онъ лично ѣдетъ на аэродромъ. Приказываетъ собрать въ ангарѣ всѣхъ летчиковъ. Пылкой и краткой рѣчью онъ зажигаетъ сердца молодыхъ лейтенантовъ, призываетъ ихъ пожертвовать своей жизнью, летѣть, хотя бы цѣпляясь колесами за землю, но узнать, гдѣ Клукъ, каково его точное направленіе.

Возгласы «вивъ ла Франсъ!» прерываются ревомъ нѣсколькихъ десятковъ моторовъ — и, въ тотъ моментъ, когда, по обыкновенію, бѣшено

несущійся, автомобиль Гальени покидаетъ аэродромъ, отъ поля отрываются легкіе аппараты и уносятся на сѣверо - востокъ, дополнять развѣдку кавалеріи.

Гальени снова въ гимназіи Викторъ Дюрюи. Въ комнатахъ теперь жарко отъ солнца, жарко отъ волненія, отъ напряженныхъ до крайности нервовъ. Все готово, все расписано, надо начать двигаться, а двигаться еще нельзя!

О! Это пытка для тѣхъ, кто отвѣчаетъ за судьбу войны!

А отвѣчаетъ за нее въ данную минуту военный губернаторъ Парижа, командующій парижской арміей, — Гальени.

И онъ снова засаживаетъ своихъ офицеровъ за уже законченную работу, развиваетъ планы все дальше и дальше, исходя изъ того, что свѣдѣнія лейтенанта Ватто правильныя, — старается предусмотрѣть операціи на долгій промежутокъ времени впередъ, чтобы въ будущемъ не терять времени на размышленія.

Рѣшено:

Если Ватто не ошибся, Гальени развернетъ всѣ свои силы на сѣверѣ. Обрушится въ восточномъ направленіи на флангъ Клука. Тотъ оставилъ тамъ, несомнѣнно, только слабые заслоны, которые будутъ сметены концентрированнымъ ударомъ, смѣшаны со своимъ ядромъ, и тогда . . .

Да, тогда вся судьба германскаго фронта окажется подъ медленно и тяжело опускающимся молотомъ судьбы!

О, армія Монури теперь больше не обреченная! Ея операція привлечетъ вниманіе всего французскаго фронта! Теперь стоитъ поддержать ее! Поддержать всѣми французскими арміями, поддержать англичанами!

9 часовъ утра. Первый летчикъ:

«Германскія колонны движутся на Мо».

Девятъ часовъ пять минутъ. 9.10 . . . 9.17 . . . 9.22 . . .

Тѣ же свѣдѣнія.

9.35 общая сводка съ аэродрома.

Лейтенантъ Ватто былъ правъ! Впередъ!

Въ большомъ залѣ школы стоятъ всѣ офицеры штаба. Они наготовѣ. Большинство въ полной походной формѣ. Кто знаетъ, куда сейчасъ придется летѣть, бѣжать, скакать?

9.52. Общая сводка кавалерійской дивизіи.

Десять часовъ двѣ минуты. Офицеръ развѣдки вручаетъ Гальени карту, на которой точно отмѣчены всѣ обнаруженныя развѣдкой боевыя группы Клука и его колонны.

Въ десять часовъ двѣ минуты, четвертаго августа 1914 года, Гальени знаетъ, что Парижъ спасенъ. Онъ растроганно обнимаетъ своего начальника штаба. У того слезы на глазахъ. Впервые послѣ мѣсяца войны ясно, что германская армія идетъ навстрѣчу гибели, стремится въ искусно разставленную ловушку.

— Звоните! — приказываетъ Гальени.

Начальникъ штаба беретъ телефонную трубку. Линія на Варъ сюръ Объ резервирована для Парижа. Жоффръ такъ же, какъ и Гальени, съ нетерпѣніемъ ждетъ результатовъ развѣдки. Онъ отвѣчаетъ немедленно.

—Мы наступаемъ! — потерявъ волю надъ своими нервами, кричитъ въ трубку начальникъ штаба Гальени. — Мы наступаемъ, независимо отъ того, поддержатъ ли насъ прочія арміи или нѣтъ. Да здравствуетъ Франція!

На другомъ концѣ провода звучитъ покашливаніе, какъ будто вздохъ, затѣмъ хрипловатый голосъ:

— Наступать? Да, да... Но какъ съ англичанами?

— Все такъ же, но Богъ съ ними! Мы идемъ впередъ.

— Нѣтъ, не Богъ съ ними! Мы должны имѣть не частичный успѣхъ, а полный. Понимаете? Полный! Поворотъ Клука долженъ стать могилой для германскихъ надеждъ на побѣдоносную войну! Пусть Гальени не оставляетъ маршала Френча въ покоѣ. Онъ долженъ добиться, чтобы англичане, какъ клинъ, врѣзались между первой и второй германскими арміями! Вы слышите меня? Какъ клинъ!

Начальникъ штаба вѣшаетъ трубку. Въ залѣ уже гудѣнье голосовъ. Внѣшне безпорядочное движеніе. Уходятъ, убѣгаютъ поодиночкѣ, группами. Прибываютъ новыя лица, полковники, лейтенанты, капитаны.

Генералъ Монури.

Онъ взволнованъ до высшаго предѣла. Хочетъ немедленно войти въ соприкосновеніе съ Клукомъ, немедленно начать бой, разбить нѣмцевъ, но Гальени уже холоденъ, разсчетливъ, какъ всегда.

Нѣтъ. Пока — только концентрація. Концентрація большихъ массъ. Не торопясь. Не надо утомлять солдатъ. Клукъ не уйдетъ. Онъ уже не можетъ уйти. Цѣнные часы имъ потеряны, даже если онъ повернетъ назадъ. Каждое его движеніе будетъ извѣстно французамъ, въ каждой точкѣ его встрѣтитъ стрѣлокъ.

— Главнокомандующій требуетъ англичанъ? — полупрезрительно бросаетъ Монури.

— Да, — отвѣчаетъ Гальени, — и мы поѣдемъ за ними, но времени терять будемъ не много. Если Френчъ станетъ упираться, мы передадимъ его на расправу самому главнокомандующему. Намъ, вѣдь, каждая минута дорога.

— Ѣдемъ.

И вотъ по улицамъ Парижа снова несется клекочущій ястребомъ автомобиль со значкомъ командующаго парижской арміей. Когда онъ останавливается въ Мелэнѣ, передъ штабъ - квартирой Френча, изъ радіатора машины густо валитъ паръ.

Но Френча нѣтъ. Гальени и Монури ждутъ. Они обходятъ штабъ вокругъ, заглядываютъ въ домикъ, гдѣ живетъ англійскій главнокомандующій, возвращаются. Встрѣчаютъ нѣсколькихъ англійскихъ офицеровъ, входятъ въ штабъ. Телефонируютъ въ Парижъ, — нѣтъ ли новостей?

Все въ порядкѣ. Армія Монури развертывается съ образцовой быстротой.

Но въ Меленѣ не такъ. Проходитъ часъ, проходятъ два, — Френча нѣтъ. Наконецъ, его находятъ при французскихъ войскахъ, но ждать его возвращенія нѣтъ смысла.

Въ теченіе третьяго часа Гальени и Монури объясняютъ англичанамъ блестящія возможности, просятъ ихъ подѣйствовать на маршала въ смыслѣ перехода въ наступленіе, и англичане зажигаются, обѣщаютъ всю свою поддержку. Оба французскихъ генерала уѣзжаютъ въ Парижъ съ нѣкоторой увѣренностью, что на этотъ разъ маршалъ Френчъ выйдетъ изъ спячки.

Три съ половиной цѣнныхъ часа были потеряны съ опасностью повредить задуманной операціи...

ОПЯТЬ СОЮЗНИКИ, КОТОРЫХЪ НУЖНО УГОВАРИВАТЬ.

Въ большомъ залѣ замка Баръ сюръ Объ необычная атмосфера.

Огромный столъ, покрытый туго накрахмаленной скатертью. Гигантскія корзины, ломящіяся отъ румяныхъ фруктовъ — даръ благодатнаго юга. Изысканныя вина. Дорогой севрскій фарфоръ. Старинное серебро.

Ставка Жоффра даетъ парадный обѣдъ въ честь японской военной миссіи. Въ залѣ стоитъ сдержанный гулъ голосовъ, мелькаютъ походныя и блестящія формы, еще не уступившія окончательно свои позиціи международному хаки, въ которое облечется нѣсколько мѣсяцевъ спустя весь земной шаръ.

Группы офицеровъ оживленно разговариваютъ. Настроеніе повышенное, радостное, — визитъ японцевъ совпадаетъ съ наступленіемъ перелома. Всѣ полны надеждъ, строятъ планы, открыто говорятъ о предстоящемъ наступленіи, и тѣ, кто исполняютъ обязанности хозяевъ при низкорослыхъ, желтолицыхъ японскихъ полковникахъ и генералахъ, томятся этимъ офиціальнымъ положеніемъ и невольно прислушиваются къ возбужденнымъ голосамъ соотечественниковъ, мыслями и душой присутствуя среди нихъ.

Жоффръ еще не пріѣхалъ. Онъ, встававшій изъ-за рабочаго стола уже нѣсколько разъ, все не можетъ оставить работу. Звонитъ Парижъ, вызываетъ Булонь сюръ Мэръ, требуетъ къ аппарату Бордо и еще разъ Бордо.

Только что говорилъ Гальени. Сообщалъ, что Френча не засталъ, но, англичане, по его мнѣнію, на этотъ разъ окажутся хорошими боевыми товарищами. Ссылался на отсутствіе времени, просилъ ставку принять на себя переговоры съ Френчемъ. Вслѣдъ за нимъ телефонировали Франшэ д'Эсперэ и Фошъ. Подтверждали, что къ наступленію готовы.

Въ повышенномъ настроеніи, въ хорошемъ расположеніи духа, Жоффръ ѣдетъ въ замокъ. Его встрѣчаютъ улыбающіяся лица, блестящія глаза, въ которыхъ свѣтятся надежда и гордость за своего верховнаго начальника. Представляютъ офицеровъ японской миссіи, крошечныхъ даже по сравненію съ французами.

Движутся стулья. Вѣстовые изъ бывшихъ офиціантовъ лучшихъ парижскихъ ресторановъ, ступая неслышными шагами, разливаютъ вино. Тосты за Францію. Тосты за Японію. Здравицы русскому царю, британскому королю, главамъ всѣхъ союзныхъ государствъ.

Японцы увѣрены въ побѣдѣ справедливой стороны.

Французы увѣрены въ побѣдоносномъ успѣхѣ союзнаго оружія.

Представители Англіи завѣряютъ.

Представители Россіи клянутся до послѣдней капли...

Хоръ трубачей играетъ гимны. Марсельезу, японскій, Боже царя храни.

Снова встаетъ Жоффръ. Обращается къ желтымъ лицамъ, застывшимъ въ безконечно вѣжливой, непроницаемой улыбкѣ. Говоритъ громко, съ пафосомъ, вѣрой въ свои слова. Японская армія извѣстна своей доблестью. Духъ самураевъ и такъ далѣе. Франція наканунѣ рѣшительныхъ, блестящихъ событій, но эти событія еще не означаютъ окончанія великой войны народовъ. Нужно единеніе союзниковъ, общая борьба за общее дѣло. Нужны солдаты, много солдатъ, нужны японскіе солдаты.

Можетъ ли микадо дать свои войска, и сколько? Когда можно разсчитывать на первые транспорты изъ Нагасаки?

Отвѣчаютъ японцы. Въ порядкѣ старшинства. Много вѣжливыхъ, живописныхъ словъ. Руки у сердецъ, поклоны, завѣренія.

Резюмэ: микадо обо всѣхъ желаніяхъ союзниковъ узнаетъ. Кабинетъ министровъ въ Токіо всѣ требованія французскаго главнокомандующаго обсудитъ. Парламентъ несомнѣнно утвердитъ ассигновки на транспортъ войскъ. Да, японскіе солдаты храбры, они уже расправились съ германской концессіей въ Кіао-Чао.

Результатъ?

Много сказано и нечего не высказано. Жоффру ясно: на этихъ желтолицыхъ офицеровъ - самураевъ, лишенныхъ души и чувствъ, Франціи разсчитывать нечего. Врядъ ли Парижъ увидитъ на своихъ улицахъ японскихъ солдатъ и офицеровъ, кромѣ принадлежащихъ къ военной миссіи, посольству или лазарету.

Ему жаль потеряннаго времени, жаль даже дорого стоящаго обѣда, ему ясно, что Японія преслѣдуетъ только свои эгоистическія цѣли, что она дальше Кіао-Чао никуда не пойдетъ, предпочитая торговать съ воюющими націями и ссужать ихъ военными займами по бѣшенымъ процентамъ.

Но Жоффръ французъ. Онъ любезенъ не менѣе японцевъ, и даетъ имъ понять, что восхищенъ закончившейся бесѣдой.

Когда же его автомобиль отъѣзжаетъ отъ террасы, наполненной провожающими военными, онъ, закуривая сигаретку, косо смотритъ на притихшаго адъютанта и бросаетъ крѣпкое, солдатское:

— Мэрдъ!

А въ штабѣ, едва только онъ входитъ въ свой кабинетъ, встрѣча съ представителями союзной миссіи немедленно вывѣтривается изъ головы. Новыя бумаги, новыя заботы цѣлой горой уже ожидаютъ разрѣшенія.

Франше д'Эсперэ, прислалъ съ ординарцемъ детально разработанные планы наступленія. Жоффръ тщательно изучаетъ ихъ и видитъ, что успѣхъ обезпеченъ лишь въ томъ случаѣ, если англичане тронутся съ мѣста. Они обязаны прикрыть лѣвый флангъ д'Эсперэ, въ противномъ случаѣ тотъ оказывается подъ неизбѣжнымъ ударомъ нѣмцевъ, и прорывъ будетъ налицо.

Снова вызовъ изъ Парижа. Снова Гальени. Очередной рапортъ. На парижскомъ фронтѣ безъ перемѣнъ. Концентрація арміи Монури заканчивается. По окончаніи разговора Жоффръ оборачивается къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ и, улыбаясь, съ облегченіемъ, говоритъ:

— Теперь колебаній больше быть не можетъ. On se battera a la Marne. Мы будемъ драться на Марнѣ.

Въ комнатѣ поднимается оживленный говоръ. Работа на мгновеніе забывается. Каждый, чувствуя, что Жоффръ говоритъ неофиціально, спѣшитъ высказать свои личныя соображенія. Выразить увѣренность, что на этотъ разъ побѣда озаритъ трехцвѣтныя полотнища французскихъ знаменъ.

И, какъ разъ тогда, когда Жофръ хочетъ прервать бесѣду строгимъ «не время, господа, за работу», снова гудитъ вызовъ телефона, прямымъ проводомъ соединяющаго Баръ сюръ Объ съ Парижемъ.

Гальени. Онъ говоритъ поспѣшно и громко, такъ, что его слова почти слышны присутствующимъ. Жоффръ слушаетъ долго, глядя сосре-

доточеннымъ, словно стеклояннымъ взоромъ на чернильницу, впитывая въ себя потокъ возмущенныхъ и взволнованныхъ словъ. Когда же Гальени замолкаетъ и ждетъ отвѣта, онъ говоритъ тихо, но отчетливо и съ разстановкой:

— Какъ бы то ни было, Гальени, но мы атакуемъ. Завтра, шестого сентября, не позже и не раньше, какъ было предусмотрѣно приказами.

Затѣмъ онъ медленно опускаетъ трубку, даетъ отбой и говоритъ, не смотря ни на кого, но обращаясь ко всѣмъ:

— Маршалъ Френчъ только что довелъ до свѣдѣнія генерала Гальени, что онъ не только не намѣренъ наступать, но, вообще, собирается снять свою армію съ фронта.

Одинъ изъ офицеровъ со злобой швыряетъ на полъ шпагу. Жоффръ на минуту строго взглянулъ на несдержаннаго лейтенанта и снова погружается въ работу.

5 сентября

Командующій Второй Арміей — Главнокомандующему. Офиціально. Срочно. Секретно. № 317.

Вечеромъ сего дня Вторая армія достигла Фонтенеля, къ сѣверо - востоку отъ Монмирайля (двѣ группы шифровки невозможно разобрать). Кажется маловѣроятнымъ, что непріятель отважится на рѣшительный бой въ этомъ мѣстѣ. Повидимому, онъ предпочтетъ перебросить всѣ свободныя силы къ Парижу, съ тѣмъ, чтобы, сосредоточивъ ихъ на сѣверо - востокѣ отъ города, начать наступленіе оттуда намъ во флангѣ. Только что вернувшіеся съ развѣдки летчики доносятъ объ оживленномъ движеніи эшелоновъ непріятеля по желѣзнымъ дорогамъ въ раіонахъ Ромійи и Ножанъ. Поѣзда движутся по направленію къ востоку. **Бюловъ.**

(Перехваченная радіограмма отъ 5 сентября 1914, 20 час 00 мин.)

Въ эпиграфѣ къ описанію истекшаго дня мы привели радіограмму, посланную Клуку въ 7 часовъ вечера изъ Люксембурга.

«... Первая и Вторая арміи остаются фронтомъ къ Парижу. Первая — между Марной и Уазой, Вторая — между Марной и Сеной.»

Этотъ приказъ былъ переданъ Клуку только въ 5 часовъ утра 5 сентября. Онъ прочелъ его съ изумленіемъ.

О. Х. Л. приказывало ему быть между Уазой и Марной тогда, когда онъ почти достигъ Сены, когда онъ готовъ былъ завершить побѣдой успѣшную операцію, начатую Бюловымъ противъ арміи Ланрезака!

О, этотъ день обѣщалъ быть трагичнымъ для Клука. Надо было, пересиливъ себя, свои стремленія, поступить въ соотвѣтствіи съ требованіями дисциплины,

Появляется новое лицо, вѣстникъ несчастья, полковникъ-лейтенантъ службы развѣдки Хенчъ, облеченный огромными полномочіями О. Х. Л.

Этотъ Хенчъ сообщилъ Клуку, что французы концентрируютъ около Парижа большія силы и что германскія Первая и Вторая арміи встрѣтятъ сопротивленіе ново-созданной французской арміи Монури!

Въ тотъ же день Люксембургъ разсылаетъ по эфиру новый боевой приказъ:

«Непріятелю удалось избѣжать окруженія нашими первой и второй арміями и, пользуясь выдѣленными войсковыми группами, наладить связь съ Парижемъ. Донесенія и информа-

ЧУДО АРТИЛЛЕРІЙСКОЙ ТЕХНИКИ 1914 ГОДА.

Знаменитая сорокадвухсантиметровая мортира Круппа, одна изъ многихъ, при посовременные форты Бельгіи. Появленіе на театрѣ военныхъ дѣйствій орудій столь мощныхъ, явилось для союзниковъ полной неожиданностью. Даже самые сильные англійскіе сверхъ-дредноуты того времени были вооружены тридцатипятисантиметровыми орудіями, что казалось по тѣмъ временамъ необычайнымъ усовершенствованіемъ. Въ 1918 г. германцы вновь удивили свѣтъ, построивъ дальнобойное орудіе, обстрѣливавшее Парижъ изъ лѣса Крепи, т. е. съ разстоянія въ 128 километровъ, По окончаніи войны «Берта» (такъ была прозвана эта чудесная пушка), была расплавлена, а чертежи спрятаны такъ, что до сихъ поръ не знаютъ, гдѣ они находятся.

НАКАНУНѢ БИТВЫ НА МАРНѢ.

Первые раненые минуютъ околицу французской деревушки. Люди еще не привыкли къ войнѣ. Бородатый ополченецъ съ ужасомъ вглядывается въ провозимое мимо него искалѣченное тѣло.

ЭРИКЪ ФОНЪ ФАЛЬКЕНХАЙНЪ (1861—1922).

Военный министръ Германіи до сентября 1914 года, Фалькенхайнъ былъ однимъ изъ немногихъ военныхъ, предупреждавшихъ кайзера и его правительство объ опасности, которая возникала для Германіи въ случаѣ ея вступленія въ войну съ Франціей и Россіей одновременно. Назначенный на мѣсто Мольтке сразу послѣ битвы на Марнѣ, онъ официально занялъ постъ начальника генеральнаго штаба только въ ноябрѣ. Смѣна генераловъ тщательно скрывалась отъ войскъ во избѣжанія подрыва авторитета руководителей военными операціями, т. к. отступленіе отъ Парижа вызвало въ средѣ германскихъ солдатъ опасные пересуды.

ція, полученная изъ авторитетныхъ источниковъ, указываютъ, что непріятель перевозитъ войска къ западу отъ линіи Туръ — Бельфоръ и что онъ продолжаетъ оттягивать свои войска въ районахъ третьей и пятой нашихъ армій.

Такимъ образомъ оттѣсненіе всѣхъ французскихъ армій къ швейцарской границѣ становится невозможнымъ. Считается необходимымъ выждать, пока непріятель, стремясь защитить свою столицу, стянетъ туда значительныя силы, чтобы создать угрозу нашему флангу, и займетъ новое расположеніе.

Первая и вторая арміи вынуждены, слѣдовательно, сохранить свое положеніе фронтомъ къ востоку отъ Парижа. Ихъ задача поддерживать другъ друга во всѣхъ случаяхъ попытокъ непріятеля перейти въ наступленіе.

Четвертая и пятая арміи находятся попрежнему въ соприкосновеніи съ сильнымъ противникомъ. Онѣ должны продолжать тѣснить непріятеля на юго-востокъ. Такимъ образомъ, дефилэ Мозеля становится свободнымъ для шестой арміи. Въ настоящее время невозможно предвидѣть, удастся ли шестой и седьмой арміямъ отбросить крупныя соединенія противника на швейцарскую территорію.

Шестая и седьмая арміи обязаны энергично продолжать нападать на своего противника и, какъ только станетъ возможнымъ, атаковать въ направленіи Мозеля, между Тулемъ и Эпиналемъ, постоянно прикрываясь отъ этихъ двухъ укрѣпленныхъ городовъ.

Третья армія идетъ походнымъ порядкомъ въ направленіи Тройэ — Вандевръ. Въ зависимости отъ обстоятельствъ эта армія получитъ приказаніе либо оказать поддержку первой или второй арміи на Сенѣ на западѣ, либо принять участіе въ бою на нашемъ лѣвомъ флангѣ къ югу и юго-западу.

Въ дополненіе — приказъ его Величества:

1. Первая и вторая арміи остаются фронтомъ къ Парижу, съ тѣмъ, чтобы, наступая, пресѣчь всякую попытку непріятеля къ вылазкѣ. Первая армія — между Уазой и Марной (переправа черезъ Марну внизъ по теченію отъ Шато Тьери должна быть удержана), вторая армія между Марной и Сеной (Важно овладѣть переправой черезъ Сену между Ножанъ и Тьери). Рекомендуется держать арміи на значительномъ разстояніи отъ Парижа, чтобы сохранить свободу маневрированія.

Задача второго кавалерійскаго корпуса заключается въ наблюденіи за фронтомъ къ сѣверу отъ Парижа, между Марной и нижней Сеной, и въ развѣдкѣ мѣстности между Соммой и нижней Сеной. Глубокая развѣдка поручается воздушнымъ эскадрильямъ первой арміи.

Первый кавалерійскій корпусъ будетъ вести развѣдку къ югу отъ Парижа между Марной и Сеной, внизъ по теченію отъ Парижа. Онъ изслѣдуетъ районъ Каэна, Аленсона, Ле Манса, Турса и Буржэ и будетъ имѣть въ помощь воздушную развѣдку.

Второй кавалерійскій корпусъ долженъ разрушить же-

лѣзныя дороги, ведущія въ Парижъ, по возможности, близко къ Парижу.

2. Вторая армія продолжаетъ движеніе въ направленіи Тройе — Вандэвръ. Она получаетъ кавалерійскую дивизію, выдѣленную изъ перваго кавалерійскаго корпуса, которая должна изслѣдовать районъ противъ линіи Невэръ-ле Брэсо, пользуясь, если необходимо, аэропланами.

3. Четвертая и пятая арміи быстрымъ продвиженіемъ къ юго-западу должны открыть проходъ для шестой и седьмой армій; правое крыло четвертой арміи у Витри ле Франсуа и Монтьерандэ, а правое крыло пятой арміи у Ревиньи — Стенвиль — Морлэ. Пятая армія приметъ на себя прикрытіе отъ укрѣпленныхъ позицій вдоль Мэзъ. Это крыло должно взять штурмомъ форты Тройонъ, Парошъ и лагерь Ромэнъ. Четвертый кавалерійскій корпусъ остается въ распоряженіи пятой арміи и будетъ производить развѣдку передъ фронтами четвертой и пятой армій въ направленіи линіи Дижонъ — Безансонъ — Бельфоръ. Онъ будетъ также информировать четвертую армію.

4. Задача четвертой и седьмой армій остается безъ измѣненія.

Мольтке.»

Фонъ Клукъ только теперь понялъ положеніе, въ которое попала его армія. Однако, онъ думалъ, что въ его распоряженіи достаточно времени, чтобы успѣшно встать на позиціи къ сѣверу отъ Марны, гдѣ онъ оставилъ одинъ единственный армейскій корпусъ, усиленный одной кавалерійской дивизіей.

Но ночью 5 сентября, къ его величайшему удивленію, въ его штабъ-квартиру въ Ребэ было доставлено донесеніе, что заслонъ, оставленный имъ къ сѣверу отъ Марны, только что былъ отброшенъ превосходными силами противника!

Битва на Марнѣ началась, явившись полной неожиданностью для первой германской арміи.

ТЕПЕРЬ, СОБСТВЕННО ГОВОРЯ, ПОРА.

Сѣрый туманъ тяжелыми каплями садится на поникшія вѣтви деревьевъ. Предразсвѣтная мгла въ это сырое утро настолько непроницаема, что долина передъ замкомъ Баръ сюръ Объ превратилась въ молочное озеро, изъ котораго причудливыми силуэтами торчатъ верхушки буковъ.

Парные часовые передъ воротами замка ежатся. До смѣны уже недалеко, имъ надоѣло тихо переговариваться, и часовые теперь ждутъ, съ нетерпѣніемъ поглядывая на двери домика, гдѣ находится караульное помѣщеніе. Каждую минуту онѣ должны раствориться и выпустить разводящаго, шагающаго впереди такихъ же ежащихся и позѣвывающихъ солдатъ.

Внезапно одинъ изъ часовыхъ настораживается. Слышно, какъ гдѣ-то въ глубинѣ парка съ визгомъ распахиваются двери гаража, раздается пофыркиваніе мотора, затѣмъ скрежещутъ скорости — и, похрустывая шинами по сырому гравію, къ террасѣ замка подъѣзжаетъ автомобиль.

— Хэ, Жанъ, слышишь? Нашъ старикъ опять куда то собирается,

— настороженно говоритъ одинъ изъ часовыхъ и машинально поправляетъ поясъ.

— Война «кусаетъ» его хуже всякой блохи. Не хотѣлъ бы я быть на его мѣстѣ, сакреномъ...

— Гляди въ оба...

Часовые взбрасываютъ лебели и берутъ на караулъ. Головы ихъ поворачиваются къ воротамъ. Теперь они статуи, молчаливыя и подтянутыя. Поѣдая глазами ссутулившуюся фигуру въ черной шинели - пелеринѣ, они пропускаютъ автомобиль главнокомандующаго, въ которомъ, кромѣ Жоффра, сидятъ нѣсколько офицеровъ штаба и, рядомъ съ шоферомъ, адъютантъ.

Автомобиль идетъ быстро. Привязанная позади его корзина свидѣтельствуетъ, что путь предстоитъ длинный, а частые гудки и поспѣшность позволяютъ догадываться, что цѣль поѣздки весьма важная и спѣшная.

Такъ оно и есть. Солнце уже давно взошло, разогнало туманъ, высушило пыльныя дороги, а автомобиль, не останавливаясь нигдѣ, продолжаетъ нестись, доведя скорость до предѣла, зависящаго только отъ состоянія дорогъ.

Жоффръ сидитъ откинувшись, часто и нервно пощипывая усъ. Лицо его блѣдно, осунулось, постарѣло. Съ момента отъѣзда изъ Баръ сюръ Объ, онъ молчитъ, молчатъ и его спутники.

А если Жоффръ молчитъ, значитъ, что - то не въ порядкѣ.

Мелэнъ, маленькій городъ, вблизи котораго въ замкѣ Во де Пениль разбилъ свою ставку другой главнокомандующій, маршалъ Френчъ, еще далекъ. Туда стремится Жоффръ, рѣшившій самымъ энергичнымъ вмѣшательствомъ устранить препятствіе, грозящее разрушить съ такимъ трудомъ построенные планы.

А планы эти поистинѣ важные. Жоффръ увѣренъ, что насталъ моментъ, когда однимъ ударомъ можно произвести поворотъ въ войнѣ. Онъ не только принялъ предложеніе Гальени бросить армію Монури въ наступленіе, но и сильно развилъ его. Двинуться долженъ не только Монури, нѣтъ, весь фронтъ долженъ придти въ движеніе, всѣ дивизіи центра должны атаковать! Армія кайзера должна быть размолота, какъ между двумя гигантскими жерновами.

Тѣмъ болѣе уничтожающимъ былъ отвѣтъ Френча, который передалъ его черезъ своего офицера связи:

— Французы слишкомъ часто мѣняютъ свои планы. До сихъ поръ я прислушивался къ ихъ совѣтамъ, въ результатѣ чего моя армія оказалась въ ужасномъ состояніи. Довольно. Они больше не могутъ требовать, чтобы я опять примкнулъ къ новому измѣненію ихъ плана. Я долженъ основательно взвѣсить всѣ обстоятельства и временно отказаться отъ участія въ новомъ наступленіи.

Неужели все наступленіе, имѣющее необыкновенные шансы на успѣхъ, должно разбиться объ упорство англійскаго маршала? Жоффръ, получивъ извѣстіе изъ Во де Пениль, видѣлъ только одну возможность: лично отправиться туда и съ глазу на глазъ постараться переубѣдить Френча.

Уже больше полутора сотъ километровъ осталось позади автомобиля, но Мелэнъ попрежнему далекъ. Ѣхать становится все труднѣе. Дороги забиты войсками, и автомобиль все чаще долженъ останавливаться, чтобы пропустить какой - нибудь безконечный обозъ, медленно тянущійся полкъ или артиллерійскую батарею. Движеніе войскъ становится все сильнѣе

и сильнѣе и наконецъ, несмотря на крики и брань адъютанта, машина застреваетъ окончательно. Справа и слѣва отъ нея, въ тучахъ пыли, грохочатъ фургоны, санитарныя двуколки, топочетъ кавалерія, бредутъ вспотѣвшіе, разстегнувшіе всѣ пуговицы солдаты.

Опытнымъ взглядомъ сѣдоки автомобиля опредѣляютъ, что задержка будетъ, по меньшей мѣрѣ, на полъ часа. Неподалеку впереди со звонками опустились шлагбаумы желѣзнодорожнаго переѣзда, шоссе пересѣчено, и по рельсамъ съ грохотомъ и свистомъ несется длинный поѣздъ, биткомъ набитый войсками.

Мелькаетъ послѣдній вагонъ, но шлагбаумы не поднимаются. Новый поѣздъ двинется вслѣдъ первому, за нимъ третій, четвертый... Пополненія для арміи Монури спѣшатъ на усиленіе парижской арміи.

Передъ шлагбаумомъ разлилось человѣческое озеро. Не примѣнить ли главнокомандующему силу своего авторитета для того, чтобы проложить путь автомобилю? Остановиться ли тутъ и потерять драгоцѣнныя полчаса, тогда, когда въ Во ле Пениль должна рѣшиться судьба наступленія?

Жоффръ рѣшаетъ: ни одинъ поѣздъ не долженъ запоздать, ни одинъ полковой командиръ не сможетъ впослѣдствіи сослаться на то, что не поспѣлъ во время потому, что его задержалъ главнокомандующій. Поэтому Жоффръ рѣшительно открываетъ дверцу автомобиля, выходитъ и говоритъ своимъ спутникамъ:

— Ну что же: если путь забитъ, — позавтракаемъ.

И Жоффръ правъ. Солдатъ долженъ не только умѣть воевать, но и долженъ знать время, когда необходимо поѣсть.

Часомъ позже Жоффръ у Френча. Онъ еле-еле говоритъ по англійски, маршалъ же совсѣмъ не знаетъ французскаго языка. Переводчикомъ назначаютъ англичанина, генерала Вильсона. Какимъ неудобнымъ и громоздкимъ способомъ Жоффръ вынужденъ убѣждать своего собесѣдника! Но онъ говоритъ оживленно, подробно и убѣдительно, излагая подробно стратегическую обстановку.

Френчъ слушаетъ немного высокомѣрно, говоритъ мало, часто пожимаетъ плечами, — маршалъ потерялъ всякое довѣріе къ французамъ. Жоффръ, однако, не сдается:

— Французская армія завтра будетъ драться, маршалъ, — говоритъ онъ. — Она будетъ драться внѣ зависимости отъ того, поддержитъ ли ее союзная англійская армія или нѣтъ. Мы приняли непоколебимое рѣшеніе и отъ него не уклонимся, хотя бы намъ всѣмъ пришлось умереть. Я и мои солдаты останемся вѣрными присягѣ и знаменамъ.

— Вамъ извѣстно, генералъ, — отвѣчаетъ черезъ переводчика Френчъ, что четыре дня тому назадъ я, въ присутствіи лорда Китченера, обѣщалъ не уводить своей арміи съ фронта. Это обѣщаніе я сдержалъ, но большаго сдѣлать не могу.

Какъ старая, заигранная, не разъ слышанная граммофонная пластинка, звучитъ разсказъ объ истощеніи англійской арміи, о страшныхъ потеряхъ, которыя понесла она въ продолженіе девятидневныхъ непрерывныхъ боевъ.

Жоффръ пропускаетъ эту часть разговора мимо ушей. Онъ снова и снова объясняетъ, насколько выгодна для союзниковъ позиція, занятая теперь германской арміей, указываетъ на то, что будущая битва можетъ обратиться въ рѣшительную.

— Мнѣ кажется, — заканчиваетъ Жоффръ, — что германское командованіе допустило какую-то ошибку. Было бы непростительно съ нашей стороны сдѣлать такую же и упустить столь рѣдкій шансъ.

— Маршалъ говоритъ, — холодно переводитъ генералъ Вильсонъ, — что онъ всетаки вынужденъ придерживаться уже отданныхъ приказовъ. Онъ не отказывается поддержать наступленіе позже, но ни въ коемъ случаѣ не теперь. Англійская армія нуждается въ отдыхѣ.

Терпѣніе Жоффра истощается. Покраснѣвъ, онъ ударяетъ ладонью по столу и восклицаетъ:

— Да понимаете ли вы, какую отвѣтственность вы берете на себя, маршалъ? Честь британской королевской арміи ставится вами на карту!

Френчъ, такъ же спокойно, какъ до сихъ поръ, выслушиваетъ эти слова. Онъ еще не понимаетъ ихъ. Вильсонъ дѣловито, не повышая голоса, точно переводитъ сказанное Жоффромъ. На послѣднихъ словахъ онъ запинается, произноситъ ихъ въ полголоса, покашливая.

И вотъ наступаетъ переломъ. Френчъ задѣтъ за живое. Его лицо наливается кровью, онъ вскакиваетъ, теряетъ свое британское хладнокровіе.

Жоффръ съ опаской взглядываетъ на него. Какъ поступитъ теперь Френчъ? Оскорбится? Прерветъ переговоры? Выйдетъ? Появится ли неисправимая трещина между союзниками?

Но нѣтъ. Выстрѣлъ былъ направленъ мѣтко и попалъ въ цѣль. Самолюбіе Френча жестоко задѣто, и по тому, что Френчъ остается въ комнатѣ, видно, что бой Жоффромъ выигранъ.

Долго царитъ тишина. Только шаги Френча гулко звучатъ по паркету. Жоффръ, барабаня пальцами по столу, терпѣливо ждетъ отвѣта. Онъ не мѣшаетъ Френчу думать.

Шаги прекратились. Френчъ подходитъ къ столу. Онъ машинально беретъ въ руки папку, перелистываетъ ее не читая бумагъ, захлопываетъ, ставитъ ребромъ на столъ и говоритъ раздѣльно, обращаясь къ Вильсону: I will do all I possibly can.

Теперь чередъ Жоффра выждать, пока Вильсонъ сдѣлаетъ слова понятными. Тотъ переводитъ:

— Маршалъ сообщаетъ вамъ, генералъ, что онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее.

— Долженъ ли я это понять, какъ согласіе маршала принять участіе въ общемъ наступленіи?

— Да. Маршалъ говоритъ, что все въ порядкѣ, и онъ отдастъ на шестое сентября соотвѣтствующіе приказы.

Жоффръ облегченно вздыхаетъ. Френчъ протягиваетъ ему руку. Улыбается. Глаза маршала улыбаются тоже, показывая, что онъ не въ претензіи на Жоффра за его рѣзкія слова. Крѣпкое рукопожатіе скрѣпляетъ договоръ двухъ военачальниковъ.

Вносятъ крѣпкое кофе. А когда Жоффръ уѣзжаетъ, маршалъ Френчъ долго стоитъ на дорогѣ и машетъ рукой Жоффру, съ которымъ у него до сихъ поръ было столько недоразумѣній.

■

А въ тотъ моментъ, когда поддержка англичанъ была обезпечена, въ 75 километрахъ къ сѣверу раздались уже первые выстрѣлы перваго боя битвы на Марнѣ. Начался первый эпизодъ гигантской схватки полутора милліоновъ вооруженныхъ людей.

Армія Монури, заходящая во флангъ германскому фронту, достигла долины рѣки Уркъ и превратила его въ необозримый лагерь. Составленныя въ пирамиды ружья длинными цѣпями уходили къ горизонту. Конница, пѣхота, артиллерія, обозы заняли нѣсколько квадратныхъ километровъ заливныхъ луговъ, откуда армія, послѣ короткаго роздыха, должна была начать растекаться и занять указанныя общимъ приказомъ позиціи. Въ ночь съ пятаго на шестое сентября должно было начаться наступленіе, но объ этомъ знали только старшіе начальники. Солдаты же спокойно, словно дѣло происходило на маневрахъ, ѣли изъ своихъ котелковъ обѣдъ.

И этотъ обѣдъ оказался причиной, по которой битва на Марнѣ началась на нѣсколько часовъ раньше, чѣмъ это предполагалось. Откинутыя крышки походныхъ кухонь и дымящіяся трубы ихъ привлекли вниманіе нѣмцевъ.

— Французы идутъ! — донесли дозоры и развѣдчики.

Въ оставленномъ Клукомъ заслонѣ поднялось движеніе. Выкатились на позиціи батареи, полѣзли на деревья наблюдатели, зашевелились спрятавшіеся въ лѣсахъ отряды конницы и пѣхоты.

Но не успѣла упасть первая нѣмецкая граната, какъ лѣсъ закипѣлъ отъ разрывовъ французскихъ снарядовъ, и по стволамъ деревьевъ запрыгала, какъ проливной дождь, шрапнель.

Армія Монури, только что обѣдавшая, первой напала на заслонъ арміи генерала Клука...

6 сентября

О. Х. Л. Главнокомандующій — всѣмъ командующимъ арміями. Офиціально. Срочно. Секретно. № 1608.

Согласно съ перехваченной сегодня шифрованной телеграммой противника, рѣшительное наступленіе всѣхъ французскихъ армій назначено на завтра. МОЛЬТКЕ.

БИТВА на Марнѣ началась въ полдень 5 сентября 1914 года. На западномъ фронтѣ огромнаго по своему протяженію фронта шестая французская армія Монури атаковала четвертый германскій резервный корпусъ, являющійся крайнимъ правымъ флангомъ арміи фонъ Клука. Сраженіе разыгралось между Уркомъ и Марной, примѣрно въ шести километрахъ къ сѣверу отъ Мо. Нѣмцы были немедленно отброшены за рѣку Теруаннъ, одинъ изъ сѣверныхъ притоковъ Марны.

Генералъ Клукъ тотчасъ понялъ всю опасность, вставшую на пути продвиженія германскаго фронта къ Сенѣ. Съ рѣшительностью, которая дѣлаетъ честь его вѣрѣ въ выносливость войскъ и техническую мощь штаба, онъ пошелъ на быстрое измѣненіе линіи своего участка фронта. Онъ приказалъ второму и четвертому армейскимъ корпусамъ, какъ находившимся въ непосредственной близости къ полю битвы, немедленно повернуть и форсированнымъ маршемъ достичь сѣверныхъ районовъ Марны. Цѣлью этого маневра было удлинить правый флангъ четвертаго корпуса и охватить, такимъ образомъ, атаковавшія его силы французовъ.

Шестого сентября Клукъ думалъ, что начатый маневръ удастся провести безъ помощи двухъ другихъ корпусовъ, составлявшихъ его лѣвое крыло. Утромъ описываемаго дня эти два корпуса, развернутые къ югу, вошли въ соприкосновеніе съ правымъ крыломъ арміи фонъ Бюлова, ко-

торая вела бой съ правымъ крыломъ арміи Франше д'Эсперэ и лѣвымъ флангомъ девятой арміи Фоша.

Въ то же время нѣмецкія четвертая и пятая арміи, находившіяся подъ командованіемъ герцога Вюртембергскаго и кронпринца, были атакованы четвертой арміей Лангля и третьей арміей Серайля. Въ этотъ день третья германская армія фонъ Хаузена приняла два отчаянныхъ призыва о помощи: генералъ Бюловъ просилъ поддержать его лѣвое крыло, а герцогъ Вюртембергскій правое.

Во время наступленія, армія Хаузена имѣла одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ. Она должна была не только вести тяжелые бои, продвигая свой фронтъ къ западу, но и оказывать непрерывную поддержку своимъ сосѣдямъ справа и слѣва. 6 сентября фонъ Хаузенъ раздѣлилъ свои лучшія силы на двѣ части, пославъ одну группу на поддержку Бюлова, который велъ трудный бой къ востоку отъ болотъ Сентъ-Гонъ, а другую на помощь герцогу Вюртембергскому, оперировавшему къ востоку отъ Витри ле Франсуа.

ОПЯТЬ «БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО»!

Штабъ-квартира Монури находится въ Ле Рэнси. Армія его ведетъ горячій бой съ цѣпляющимися за каждую точку нѣмцами. Рѣка Уръ является естественной линіей, опредѣляющей фронтъ.

Въ штабѣ радостное настроеніе. Бравые пуалю Монури шагъ за шагомъ продвигаются впередъ, все больше и больше родной земли освобождаютъ отъ вторгшагося врага. На сѣверномъ отрѣзѣ фронта арміи, чуть-чуть позади его, на тщательно выбранныхъ позиціяхъ, хорошо защищенныхъ отъ взоровъ непріятельскихъ летчиковъ, находится первый французскій кавалерійскій корпусъ, армейская кавалерія и 8 пѣхотная дивизія.

Эти войска на чеку. Отъ нихъ, отъ ихъ атаки, зависитъ участь битвы. Едва только нѣмецкій фронтъ зашатается, они должны прорваться, зайти глубоко въ тылъ первой германской арміи, занять всѣ дороги, — короче говоря, завершить окруженіе корпусовъ Клука. Таково намѣреніе Жоффра.

Донесенія, прибывающія въ штабъ Монури, гдѣ находится и поспѣшившій сюда Гальени, становятся часъ отъ часу отраднѣе. Первая германская армія уже поколебалась, не вся, правда, но четвертый корпусъ генерала Хонау — несомнѣнно. Наступитъ моментъ, котораго Гальени и Монури ждутъ съ нетерпѣніемъ: когда колебаніе перейдетъ въ развалъ, и корпусъ германцевъ побѣжитъ, очищая большіе районы, тогда первый французскій кавалерійскій корпусъ и 8 французская дивизія ринутся впередъ.

И тогда . . .

Да! Тогда!...

Но какъ обстоитъ дѣло съ остальными французскими арміями? Какъ англичане и тѣ французскія боевыя группы, которыя дѣйствуютъ непосредственно противъ Клука? Отступаетъ ли Клукъ и тамъ? Не начать ли уже теперь обходный маневръ?

Чортъ возьми: Гальени много бы далъ въ настоящій моментъ, что бы узнать истинное положеніе дѣлъ на всемъ фронтѣ арміи Клука!

Девять часовъ утра. Отъ Жоффра еще никакихъ извѣстій. Что французскія арміи крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ иниціативу въ

районахъ Вердена, Туля и Эпиналя — это ясно. Но англичане.... англичане! Продвигаются ли они съ достаточной быстротой впередъ?

Съ тѣхъ поръ какъ лейтенантъ Ватто принесъ радостное извѣстіе о поворотѣ арміи Клука и его отходѣ отъ Парижа, донесенія летчиковъ-наблюдателей пользуются въ штабахъ французской арміи большимъ уваженіемъ. Но можно ли вѣрить имъ теперь?

Да, можно.

Поступаетъ первый рапортъ. Второй. Третій. Всѣ, какъ одинъ, приносятъ вѣсть:

«Сильная перегруппировка войскъ въ районѣ расположенія первой германской арміи. Замѣчены колонны, выдѣленныя изъ фронта первой арміи, быстро движущіяся къ сѣверо-западу съ несомнѣннымъ намѣреніемъ преградить путь арміи Монури».

Нѣсколько корпусовъ?

Да.

Сакре номъ! Это означаетъ, что передъ Монури скоро выраститъ армія, которая численностью будетъ превосходить его войска! Неужели придется отказаться отъ обходнаго маневра?

Увы, въ такомъ случаѣ, да. Тогда будетъ только одна забота — какъ удержать разъ отбитыя отъ нѣмцевъ позиціи...

Гальени и Монури въ смущеніи. Какимъ образомъ Клукъ безъ всякихъ предосторожностей снимаетъ съ фронта свои лучшіе корпуса и бросаетъ ихъ на Монури, въ тотъ моментъ когда на него каждую минуту могутъ обрушиться англичане?

Новое донесеніе воздушной развѣдки: правый флангъ арміи Монури не прикрытъ.

Правый флангъ не прикрытъ? Но вѣдь это чистый абсурдъ! Тамъ, вѣдь, стоятъ англичане! Правда, нѣсколько позади, но все-таки англичане, которые, согласно обѣщанію Френча, пытаются продвинуться впередъ и скоро должны выравняться съ общей линіей французскаго фронта!

Летчикъ поясняетъ: да, англичане обнаружены, но они движутся чертовски медленно и очень трудно опредѣлить срокъ, когда ихъ армія соприкоснется съ расположеніемъ Монури.

Ахъ такъ? .. Ну, это еще не бѣда. Можно исправить.

Телефонный вызовъ отъ Жоффра. Слава Богу. Наконецъ-то можно выяснить все. Гальени самъ беретъ трубку. Говоритъ съ главнокомандующимъ.

— Что за свѣдѣнія я получаю? Гдѣ, въ концѣ концовъ, англичане? Только что воздушная развѣдка донесла, что нѣмцы снимаютъ съ каждаго отрѣза фронта ихъ первой арміи войска цѣлыми корпусами! Я не могу себѣ этого объяснить.

— Гальени, — сумрачно говоритъ Жоффръ. — Не горячитесь и не бросайте трубки. У насъ съ вами опять хлопоты и доставляетъ намъ ихъ — Френчъ!

— Не можетъ быть! Послѣ вашего вчерашняго съ нимъ разговора?

— Вотъ именно. Представьте, что англичане не могутъ наступать, потому что ихъ лѣвый флангъ не защищенъ.

— Это же зависитъ отъ нихъ самихъ! Френчу достаточно продвинуться на нѣсколько километровъ впередъ, чтобы онъ вошелъ въ соприкосновеніе съ моимъ лѣвымъ флангомъ.

— Френчъ не желаетъ рисковать. Онъ требуетъ, чтобы вы, для при-

крытія его фланга, послали свои войска. Понимаете? Отряды изъ арміи Монури должны заполнить разрывъ. Френчъ настаиваетъ на этомъ. Въ противномъ случаѣ онъ вообще отказывается идти впередъ.

— Боже мой! Чего же стоитъ то обѣщаніе, которымъ вы заручились вчера?

По голосу слышно, что Жоффръ отвѣчаетъ съ ироніей:

— Френчъ, увы, формально правъ. Онъ, видите ли, обѣщалъ мнѣ «сдѣлать все, что въ его силахъ», но лѣвый флангъ его арміи открытъ и силы, слѣдовательно, нѣтъ. Онъ не самоубійца.

Гальени полонъ отчаянія. Быстро и горячась, онъ докладываетъ Жоффру, что въ такомъ случаѣ его операціи лишаются возможности быть произведенными одновременно, ему приходится выдѣлить для связи съ англичанами тѣ резервы, которые были приготовлены для обходнаго движенія, что для быстраго заполненія разрыва придется пожертвовать укрытой въ резервѣ 8-ой пѣхотной дивизіей.

Ничего не подѣлаешь... Жоффръ приказываетъ поступить такъ, какъ этого требуетъ Френчъ.

Гальени безсильно опускаетъ трубку. Надо отправить на югъ ту дивизію, которая была спрятана въ лѣсахъ для маневра окруженія? Хорошо. Но справится ли онъ съ возложенной на него, сложной операціей при помощи одного только кавалерійскаго корпуса?

Доблестный защитникъ Парижа полонъ самыхъ мрачныхъ предчувствій.

*

Полдень.

Положеніе безъ измѣненій. Восьмая французская дивизія ушла на югъ, въ прикрытіе фланга англичанъ. На армію Монури надвигается второй поммернскій корпусъ Клука. Въ данный моментъ нельзя даже и думать о томъ, чтобы начать операцію окруженія.

Наоборотъ!

Надо самому опасаться этого, и Гальени приказываетъ слегка вогнуть свой правый флангъ. Пусть поммернцы влѣзутъ въ образовавшійся мѣшокъ. Вторымъ приказомъ Гальени предлагаетъ Монури «сбросить корпусъ нѣмцевъ въ Марну, едва только тотъ залѣзетъ въ мѣшокъ достаточно глубоко.»

Бой между Уркомъ и Марной въ полномъ разгарѣ. Арміи Клука приходится все туже и туже. Теперь уже южные корпуса его оттѣсняются французами и, хотя поммернцевъ и не удастся сбросить въ Марну, но отступленіе нѣмцевъ налицо.

Исходъ зависитъ теперь отъ англичанъ. Гальени шлетъ телеграмму за телеграммой, сообщая, что ихъ флангъ теперь защищенъ, что онъ со всѣмъ нетерпѣніемъ ожидаетъ участія Френча въ большомъ наступленіи, что только тогда, когда все вниманіе нѣмцевъ будетъ привлечено къ фронту, онъ сможетъ бросить свои кавалерійскія части въ обходъ.

Но отъ Френча отвѣта нѣтъ.

Жоффръ волнуется. Въ помощь Гальени онъ, вмѣсто телеграммъ, шлетъ къ Френчу офицеровъ. Отвѣты маршала полны новыхъ извиненій. Теперь онъ хочетъ обезпечить свой другой флангъ, и изъ арміи Франше д'Эсперэ выдѣляются части для удовлетворенія его требованій.

Въ четыре часа дня наступленіе англичанъ еще не началось. Положеніе французовъ становится, въ силу этого, даже угрожающимъ, потому

что разрывъ между арміей Монури и остальнымъ французскимъ фронтомъ принялъ очень широкіе размѣры. Въ 4.30 французская ставка телеграфируетъ Френчу, что теперь онъ долженъ, наконецъ, начать наступленіе, потому что фланги его обезпечены и противъ него находятся только кавалерійскія дивизіи фонъ деръ Марвица. Вся нѣмецкая пѣхота, которая съ начала войны была постояннымъ противникомъ англичанъ, ушла для оказанія сопротивленія энергично наступающему Монури.

Отвѣтъ Френча: онъ сначала убѣдится, насколько сообщаемыя французской ставкой свѣдѣнія правильны и вышлетъ съ этой цѣлью летчиковъ.

Подъ-вечеръ воздушная развѣдка доноситъ Френчу, что свѣдѣнія изъ Баръ сюръ Объ правильны.

И вотъ тогда, когда англійская армія застрахована отъ неожиданностей, она выходитъ изъ каталептическаго состоянія. Френчъ лично пріѣзжаетъ на поле битвы. Его войска быстро занимаютъ исходныя позиціи, откуда завтра они со всей энергіей пойдутъ въ атаку. Уклончивости въ отвѣтахъ больше нѣтъ. Френчъ вѣритъ въ успѣхъ, его приказанія коротки и категоричны, его армія отнынѣ безъ всякихъ увиливаній начинаетъ рѣшительное наступленіе, которое, какъ клинъ, должно расколоть сѣверную часть германскаго фронта.

Завтра — рѣшительный день. Всѣ французскія арміи словно приготовились къ тигровому прыжку. Въ лѣсу Нантэй-ле-Одоэнъ притаился роковой для Клука кавалерійскій корпусъ...

7 сентября

Командующій первой германской арміей — главнокомандующему. Офиціально. Срочно. Секретно. № 500.

11 час. 15 мин.

Вмѣшательство третьяго и девятаго корпусовъ въ бой на р. Уркъ необходимо въ порядкѣ спѣшности. Непріятель усиливается самымъ тревожнымъ образомъ. Прошу немедленно двинуть эти два корпуса походнымъ порядкомъ въ направленіи Фертэ Милонъ и Круи.

КЛУКЪ.

СЕДЬМОГО сентября битва приняла ужасные размѣры. Фронтъ, вдоль котораго гремѣли орудія, непрестанно тарахтѣли пулеметы и частой дробью разсыпались выстрѣлы сотенъ тысячъ винтовокъ, простирался почти на триста километровъ. На западѣ (къ сѣверо-востоку отъ Парижа) Клукъ встрѣтилъ въ лицѣ Монури значительно болѣе сильнаго противника, чѣмъ онъ предполагалъ. Поэтому двумъ корпусамъ, занимавшимъ позиціи на его лѣвомъ крылѣ къ сѣверу отъ Марны, было приказано спѣшно отправиться въ направленіе р. Уркъ. Ихъ выходъ изъ линіи фронта немедленно обнажилъ правое крыло арміи Бюлова.

Такимъ образомъ, въ фронтѣ германскихъ армій образовался огромный разрывъ. Вся армія Клука вступила въ бой къ сѣверу отъ Марны, въ то время какъ армія Бюлова съ трудомъ отбивалась отъ французовъ къ югу отъ этой рѣки, а открытая мѣстность между этими двумя арміями охранялась только тонкой цѣпочкой кавалеріи фонъ деръ Марвица.

Ночью шестого сентября англійская армія и лѣвое крыло арміи Франшэ д'Эсперэ, наступая въ направленіи рѣки Гранъ Морэнъ, отбросили назадъ этотъ хрупкій барьеръ и на слѣдующій день перешли рѣку, угрожая обходомъ арміи Бюлова.

Новая угроза заставила Бюлова оттянуть назадъ свое правое крыло

и перейти къ оборонительной тактикѣ. Отступленіе Бюлова было настолько значительно, что даже успѣхъ Клука, вынудившаго къ отступленію лѣвое крыло арміи Монури, получившее подкрѣпленіе въ видѣ цѣлаго корпуса, не могъ уравновѣсить понесенной нѣмцами неудачи, которая все время увеличивалась.

ТАКСИ.

Ночь.

Кромѣшная темень лежитъ между врагами. Въ данный моментъ до полуночи не хватаетъ всего нѣсколькихъ минутъ.

Въ школѣ, гдѣ генералъ Гальени устроилъ свой штабъ, царитъ полная тишина. Никакихъ сообщеній съ фронта. Никакихъ операцій.

Свѣтъ горитъ только въ рѣдкихъ классахъ, въ томъ числѣ и тамъ, гдѣ, склонившись надъ картами, сидятъ Гальени и его начальникъ штаба.

Что принесетъ день, который только - только начинается? Оборону? Наступленіе?

Вся надежда Франціи сосредоточена въ данный моментъ на одной точкѣ. На генералѣ Сордэ, кавалерійскій корпусъ котораго стоитъ въ лѣсу Нантэй ле Одоэнъ, готовый ринуться въ тылъ нѣмцевъ.

Какъ поступать въ дальнѣйшемъ? Время рѣшительныхъ дѣйствій наступило. До сихъ поръ вся иниціатива находилась въ рукахъ нѣмцевъ, которые диктовали свою волю командирамъ французскихъ армій, но теперь это время прошло, и Гальени считаетъ, что, несмотря на посылку для связи съ англичанами восьмой дивизіи, Сордэ, со своими всадниками, справится съ возложенной на него задачей, тѣмъ болѣе, что измѣнившаяся обстановка застаетъ его кавалеристовъ немного позади нѣмецкаго фронта.

Онъ киваетъ головой, и начальникъ штаба быстро выписываетъ приказъ. Дивизія Сордэ должна на разсвѣтѣ начать обходный маневръ, и, достигнувъ крайней восточной точки фронта, напасть съ тыла на Клука.

Завинтивъ самопишущее перо, Гальени встаетъ и, пряча его на ходу въ грудной карманъ, быстро выходитъ. Встрепенувшійся отъ сна вѣстовой поспѣшно подаетъ генералу шинель, еще не просохшую отъ случайнаго ливня.

Изъ темнаго вестибюля, гдѣ мерцаетъ единственная тусклая лампочка, Гальени выходитъ на такую же темную улицу, по которой бродятъ лишь рѣдкіе патрули военной милиціи.

— Автомобиль команданта! — кричитъ въ темноту вѣстовой.

Въ рядѣ автомобилей начинается движеніе. Тихо переговаривавшіеся шоферы разбѣгаются по своимъ машинамъ и замираютъ «смирно». Одна изъ открытыхъ машинъ быстро подкатываетъ къ подъѣзду.

Гальени снова несется въ ночь. Сотая, — двухсотая, несчетная поѣздкѣ въ бѣшеномъ темпѣ, когда каждый километръ таитъ въ себѣ опасность катастрофы.

Гальени неподвиженъ. Онъ не сидитъ, какъ обычно, откинувшись на кожаныя подушки, а нагнулся впередъ, крѣпко сиснувъ пальцы облокотившихся о колѣни рукъ. Жребій брошенъ. Дѣло теперь не въ томъ, чтобы отбить у врага столько то и столько земли или уступить ему новыя территоріи, а въ томъ, можно ли нанести ему, вообще, рѣшительное пораженіе.

Автомобиль быстро достигаетъ Парижа и останавливается передъ школой Виктора. Съ прiѣздомъ Гальени, штабъ военнаго губернатора Парижа приходитъ въ лихорадочное движенiе. Во всѣхъ комнатахъ начинаютъ щелкать электрическiе выключатели, звенѣть звонки, стучать поспѣшные шаги, шуршать бумаги. Появляются застегивающiеся на ходу офицеры, на щекахъ которыхъ красныя полосы отъ подушекъ.

— За работу! Сегодня рѣшительный день!

И работа кипитъ. Щелкаютъ штепселя телефонной станцiи, носятся ординарцы, вѣстовые, на всѣхъ столахъ дымится кофе, разносится по комнатамъ коньякъ.

— За работу! За работу! Сегодня рѣшительный день!

Поступаютъ телеграммы, телефонограммы, донесенiя, тарахтятъ мотоциклетки, верещатъ клаксонами автомобили, — штабъ Гальени, какъ сердце, толчками посылающее кровь во всѣ уголки тѣла, шлетъ приказъ за приказомъ, распоряженiе за распоряженiемъ, — въ армiю, въ корпусъ, въ полкъ, батальонъ, роту.

Депеша: срочно, спѣшно, секретно. Прибываетъ посланная Жоффромъ на усиленiе армiи Монури седьмая пѣхотная дивизiя, снятая съ Эльзасскаго фронта.

Новая телеграмма: Срочно, спѣшно, секретно. Въ дивизiи столько то штыковъ, столько то офицеровъ, не хватаетъ того-то и того-то. Гальени можетъ распоряжаться ею, какъ желаетъ.

О! Теперь съ его сердца спадаетъ половина заботъ! Вотъ гдѣ достойная замѣна ушедшимъ для связи съ англичанами пѣхотинцамъ!

Гальени ясно: прибывающая дивизiя должна быть въ спѣшномъ порядкѣ переброшена въ районъ расположенiя кавалерiйскаго корпуса Сордэ.

О, теперь можно не волноваться за участь Сордэ, отправившагося въ тылъ Клука! Если этотъ генералъ будетъ опираться на свѣжую пѣхоту, успѣхъ обходнаго маневра обезпеченъ.

Но какъ перебросить эту дивизiю къ нему? Черезъ часъ долженъ прибыть первый эшелонъ изъ Аргоннъ, за нимъ, черезъ короткiе промежутки — остальные. Какъ перебросить дивизiю въ теченiе нѣсколькихъ дорогихъ часовъ, которыя даритъ ночь, на 50 километровъ, съ тѣмъ, чтобы къ разсвѣту, когда начнется рѣшительная битва, всѣ аргонцы были бы на мѣстахъ? Гдѣ взять грузовики, которые давно реквизированы и разосланы изъ Парижа по всѣмъ участкамъ небывалаго въ исторiи фронта.

Пятьдесятъ километровъ...

Послать дивизiю походнымъ порядкомъ?

Да... но если даже ее гнать бичами, изъ солдатъ не выколотишь больше шести километровъ въ часъ.

Пятьдесятъ на шесть — восемь съ чѣмъ-то. Сейчасъ около двухъ часовъ ночи. Восемь и два — десять. Десять часовъ утра. На пять часовъ позже разсвѣта! Немыслимо. Слишкомъ поздно.

Вотъ, положенiе, которое создано самимъ сатаной. Налицо войска, прекрасныя свѣжiя войска, но они запоздаютъ...

Что предпринять?

Весь штабъ Гальени ломаетъ голову. Желѣзная дорога? Но всѣ пути забиты, повсюду застряли воинскiе, товарные и пассажирскiе по-

ѣзда, а по нѣсколькимъ, еще сравнительно сохранившимся, путямъ, катятся безчисленные поѣзда съ бѣженцами.

Желѣзныя дороги въ счетъ не идутъ. Кромѣ того, здѣсь, въ штабѣ, нельзя даже опредѣлить, съ какой скоростью воинскіе эшелоны могутъ быть продвинуты по нимъ. Можетъ быть взорванъ путь, можетъ быть, не будетъ паровозовъ, можетъ быть, придется набирать топливо.

Автомобили? Откуда же ихъ взять? Объ автомобиляхъ даже и не думали, когда какой-то капитанъ штаба внезапно восклицаетъ:

— Такси! Автобусы! Боже мой, въ Парижѣ, вѣдь, достаточно такси!

Едва только произнесены эти слова, какъ уже звонятъ телефоны:

— Комендантуру! Домъ Инвалидовъ! Почему не отвѣчаетъ комендатура? Спятъ тамъ, что-ли, чортъ возьми?

— Алло! Алло! Слушайте: дайте мнѣ немедленно начальника транспортнаго отдѣла комендатуры! Быстро!

— Но, Боже мой, мосье, что случилось? Я же самъ у аппарата.

— Ладно. Карандашъ и бумага у васъ подъ рукой? Пишите: приказъ военнаго губернатора Парижа. Объявить тревогу по всей парижской полиціи. Реквизировать всѣ такси и автобусы. Вышлите всю полицію на улицы. Обыщите всѣ гаражи. Намъ нужны 1.200 такси и всѣ автобусы. Сборный пунктъ передъ Эколь Милитэръ. Записали? Помните: полная тайна. Вы отвѣчаете головой за быстрое и добросовѣстное исполненіе приказа. Знайте: завтра вы — мертвый человѣкъ, если дѣло не пойдетъ, какъ по маслу.

— Я понимаю васъ. А что дѣлать, когда такси будутъ передъ военнымъ училищемъ?

— Разбейте ихъ на группы по сто такси въ каждой. Немедленно высылайте въ предмѣстье Ганьи. Тамъ будутъ уже офицеры, которые позаботятся о дальнѣйшемъ. Ясно?

— Да.

Нѣсколькими минутами позже изъ всѣхъ полицейскихъ участковъ Парижа высыпаются ажаны. Подъ командой высшихъ чиновъ они останавливаютъ всѣ проѣзжающіе по улицамъ такси, выбрасываютъ пассажировъ, срываютъ номера. Въ гаражахъ и на квартирахъ шоферовъ паника. Сонныхъ людей безжалостно выкидываютъ изъ постелей, не даютъ даже времени захватить что-либо поѣсть.

— Тамъ ужъ получите! — звучитъ суровое обѣщаніе.

Подъ охраной полицейскихъ на перекресткахъ улицъ уже цѣлыя горы автомобильныхъ номеровъ. По нимъ, позже, можно будетъ установить, кто изъ шоферовъ или владѣльцевъ ослушался приказа.

И вотъ съ полицейскими на переднихъ сидѣньяхъ такси длинными вереницами тянутся на площадь военнаго училища. Тамъ уже булькаетъ бензинъ, хлещутъ ремни, которыми привязываютъ запасные бидоны, суетятся темныя фигуры полицейскихъ надзирателей, выравнивающихъ машины, отсчитывающихъ сотни.

Первая группа автомобилей стремительно уносится въ темноту. Шоферы съ полной силой жмутъ на акселераторы.

Первая сотня.

Вторая сотня.

Автобусы.

Третья сотня, четвертая, шестая...

*

Ганьи, маленькая станція подъ Парижемъ, погружена въ сонъ. Полная тишина окружаетъ зданіе съ черепитчатой крышей. Внутри изрѣдка тикаетъ телеграфъ — и около него дежуритъ самъ начальникъ станціи, пожилой человѣкъ, уже уставшій отъ жизни и, еще больше, отъ войны.

Внезапно шумъ приближающагося автомобиля заставляетъ его встрепенуться. Поправивъ воротникъ, начальникъ станціи выглядываетъ въ окно и видитъ, какъ у подъѣзда останавливается автомобиль, изъ котораго выскакиваютъ нѣсколько офицеровъ. Одинъ изъ нихъ подбѣгаетъ къ окну и спрашиваетъ озадаченнаго начальника станціи:

— Что: поѣзда уже прибыли?

Тотъ понимаетъ не сразу:

— Какіе поѣзда, мосье?

— Да воинскіе, чортъ возьми!

— Нѣтъ, монъ капитенъ, на моей станціи никакіе воинскіе поѣзда еще не останавливались.

— Проведите насъ на телеграфъ.

И вотъ стучитъ морзе, вызываетъ ближайшую станцію, слѣдующую...

Эшелоны приближаются. Они совсѣмъ близко. Черезъ нѣсколько минутъ головной эшелонъ подойдетъ къ станціи Ганьи.

Старый начальникъ станціи совершенно растерялся. Онъ нервно застегиваетъ и разстегиваетъ пуговицы своего мундира, безпрерывно козыряетъ, старается быть предупредительнымъ, толковымъ, но изъ этого мало что получается, и онъ больше путается подъ ногами, чѣмъ помогаетъ.

Въ темнотѣ зарождается гулъ. Мелькаетъ лучъ притушеннаго прожектора.

И вотъ, на этой тихой станціи воздухъ внезапно начинаетъ вздрагивать и трястись отъ грохота и гула, къ платформамъ подлетаетъ длинный поѣздъ, который влекутъ два мощныхъ локомотива. Въ то же время жужжитъ и шумитъ съ другой стороны станціи, — на маленькой площади передъ ней собираются первые прибывшіе изъ Парижа такси.

Десять, двадцать, восемьдесятъ, сто...

За ними какой-то недостроенный грузовикъ, въ ящикъ котораго наспѣхъ набросаны ремонтные инструменты, и опять — десять, двадцать, сто . . .

Прибывшіе изъ Парижа офицеры уже разсѣялись по платформѣ. Они кричатъ:

— Гдѣ комендантъ поѣзда?

— Me voila!

И прежде, чѣмъ поѣздъ успѣваетъ остановиться, съ подножки вагона спрыгиваетъ моложавый полковникъ, за нимъ поспѣшно нѣсколько генераловъ. Со стукомъ и дребезжаніемъ распахиваются двери пассажирскихъ вагоновъ, переполненныхъ солдатами. Отлетаютъ борты платформъ, на которыхъ зловѣщими чудовищами вырисовываются очертанія укрытыхъ брезентами тяжелыхъ орудій. Топотъ подбитыхъ гвоздями сапогъ, лязгъ желѣза, скрипъ дерева, грохотъ колесъ, крики, команда, бряцаніе оружія, — изъ вагоновъ, на перронъ, сотнями высыпаютъ пѣхотинцы, подъ ударами прикладовъ разлетается деревянный барьеръ, и коневоды, одергивая взметывающихъ головы артиллерійскихъ лошадей, выводятъ упряжки на газонъ тщательно выхоленнаго сквера.

— Станови-ись!

— Первый взводъ въ авто!
— Второй взводъ въ авто!
— Третій взводъ!..

Въ тѣсныя, дряхлыя парижскія такси съ откинутыми крышами набивается столько солдатъ, сколько можетъ держаться. Нѣсколько лишнихъ прилѣпляются къ крыльямъ или умѣщаются на подножкахъ.

— Пошелъ!.

Сначала медленно, затѣмъ, все прибавляя скорости, отъѣзжаетъ первая сотня такси. Въ первомъ автомобилѣ сидитъ офицеръ штаба Гальени и нѣсколько генераловъ — полковыхъ командировъ. Начальникъ дивизіи со своимъ начальникомъ штаба уже нѣсколько минутъ тому назадъ унесся впередъ на совѣщаніе съ генераломъ Сордэ.

Нагружено 500 автомобилей... 800... Вся тысяча... Наконецъ, — требуемое количество — 1.200 такси. Нѣкоторые шоферы забыли остановить свои счетчики, которые показываютъ уже 80, 90 100 франковъ. Безъ фонарей, безъ сигналовъ, мчатся на фронтъ солдаты, переставшіе стрѣлять въ Аргоннахъ для того, чтобы открыть убійственный огонь на Марнѣ.

Въ штабѣ Гальени знаютъ обо всемъ. Пѣхота отправлена на фронтъ. Артиллерія выгружена и на рысяхъ идетъ въ лѣсъ. Лошадей гонятъ во всю, не жалѣя, — Богъ съ ними, — пусть падутъ, — сегодня отъ нѣмцевъ добудутъ много новыхъ!..

Но развѣ нѣмцы не подозрѣваютъ о томъ кулакѣ, который сжимается, чтобы разметать ихъ арміи? Развѣ не знаютъ они, что цѣлая дивизія спѣшитъ на помощь Монури, намѣреваясь ударить въ глубокій тылъ ихъ доблестнаго Клука?

Нѣтъ. Нѣмцы не знаютъ, что заготовленъ цѣлый кавалерійскій корпусъ, не знаютъ они и того, что всѣ такси Парижа реквизированы. Сейчасъ ночь, летчики ничего не могутъ развѣдать, а шпіоны ихъ работаютъ въ началѣ войны страшно медленно.

Но Клукъ умѣетъ читать карты и знаетъ гдѣ, примѣрно, стоитъ его непріятель. Въ штабѣ его не спятъ, и всѣ на чеку. Клукъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что фланги его въ опасности, и вотъ, — какъ со стороны французовъ, такъ и со стороны нѣмцевъ, — къ опасному участку фронта спѣшатъ колонны солдатъ въ сѣрыхъ шинеляхъ. Впереди артиллерія всѣхъ калибровъ, за ней въ томъ порядкѣ, въ какомъ приказъ снималъ части съ береговъ Марны, — полки пѣхоты.

Навстрѣчу пополненіямъ Монури идетъ четвертый германскій корпусъ, идетъ обратно по тому же пути, по которому шелъ на югъ два дня тому назадъ.

Путь тотъ же, но разница большая. Раньше онъ былъ покрытъ въ двое сутокъ, — сегодня нѣмцы возвратились на свои прежнія позиціи въ продолженіе одной ночи. Лихое достиженіе.

ПО ТУ СТОРОНУ ФРОНТА.

Объ этомъ исключительномъ по выдержкѣ маршѣ разсказываетъ германскій оберлейтенатъ Лоришъ, выдержки изъ воспоминаній котораго мы уже приводили:

«Ровно въ $9\frac{1}{2}$ часовъ вечера капитанъ рапортовалъ командиру батальона о прибытіи роты, которая въ этотъ моментъ стояла, построившись

вдоль края дороги. Полная луна освѣщаетъ заспанныя угрюмыя лица солдатъ, мало обрадованныхъ тѣмъ, что ихъ потревожили среди сна.

Начинается ночной походъ, подобнаго которому мы еще не переживали.

Солдаты маршируютъ молчаливо, въ полуснѣ. Каждый вспоминаетъ только что оставленное сухое соломенное ложе.

Куда ведетъ путь?

Никто не ломаетъ надъ этимъ головы. Люди привыкли, чтобы ихъ бросали то туда, то сюда.

И вотъ, все дальше удаляемся мы отъ бивака. Къ нашей колоннѣ непрестанно прибавляются новые отряды, которые выходятъ изъ селеній, лежащихъ по пути.

Колонна шагаетъ, какъ автоматъ. Всѣ составныя части ея работаютъ безукоризненно, но отсутствуетъ главное качество, присущее всякому живому существу, — сознаніе. Единственно, что замѣчаютъ солдаты: — путь проходитъ по знакомой мѣстности. Вотъ покрытыя лѣсомъ горы, вотъ извилины рѣки, а вотъ несомнѣнно, Пти Морэнъ!..

Но какъ ночь измѣнила мѣстность! Луна словно таинственнымъ покрываломъ облекла очертанія предметовъ. Вьющаяся внизу рѣка стала моремъ, лѣса словно кутаются въ саванъ.

Меня охватываетъ торжественное настроеніе. Вспоминаются слова Маттіаса Клаудіуса:

Луна взошла, и звѣзды блещутъ
На небѣ темномъ и прозрачномъ.
Какъ теменъ лѣсъ! Въ немъ не трепещетъ
Ни листъ, ни жизнь. Въ трущобѣ мрачной
Не видно шелковыхъ полянъ —
Ихъ скрылъ расплывшійся туманъ...

Передо мною ѣдетъ капитанъ. Онъ наклонился немного впередъ, взоръ устремленъ на шею лошади. Я дѣлаю замѣчаніе относительно красоты ночи. Капитанъ киваетъ и бурчитъ:

— Увы, я слишкомъ усталъ и поэтому не впечатлителенъ.

Онъ выражаетъ мысль большинства. Вскорѣ и изъ меня испаряется всякое поэтическое чувство.

Все дальше и дальше шагаемъ мы. Все механичнѣе работаютъ ноги. Едва только раздается свистокъ и объявляется роздыхъ, мушкетеры, какъ снопы, валятся въ канаву, сохраняя построеніе, и крѣпко прижимая къ себѣ винтовку.

Новый свистокъ. Уснувшіе на десять минутъ люди подымаются и бредутъ дальше.

Изрѣдка попадаются селенія, темныя, уснувшія въ этой дивной, теплой осенней ночи. Двери и ставни заперты. Выбѣленныя стѣны яркими пятнами выдѣляются на фонѣ темной листвы. Какъ видѣнія, тянутся мимо насъ подобныя картины, уплывая назадъ, чтобы смѣниться новыми. То, что мы проходимъ черезъ маленькій городокъ, ступаемъ черезъ мостъ, который переходитъ въ поднимающуюся дорогу, ускользаетъ отъ нашего вниманія.

А между тѣмъ это былъ мостъ черезъ Марну.

Все дальше и дальше двигаемся мы. Капитанъ внезапно оборачивается и говоритъ:

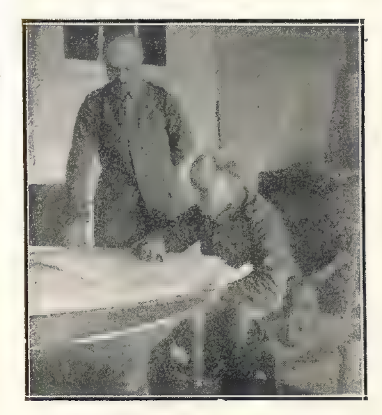
ЖЕНЩИНЫ СМѢНЯЮТЪ МУЖЧИНЪ.

Францiя съ самыхъ первыхъ дней войны мобилизовала всѣ резервы, и къ сентябрю 1914 г., первой оказалась вынуждена замѣнить мужской трудъ женскимъ. Четыре года спустя, женщины-кондукторши уже никого не удивляли, т. к. всѣ государства должны были послѣдовать примѣру Францiи.

СЭРЪ ДЖОНЪ ФРЕНЧЪ (1852—1925).

Маршалъ Англiи и командующiй экспедицiоннымъ корпусомъ во время битвы на Марнѣ. Д. Френчъ въ своихъ операцiяхъ отличался исключительной осторожностью, энергично дѣйствуя только въ тѣхъ случаяхъ, когда его корпусъ былъ максимально обезпеченъ поддержкой французовъ.

ГЕОРГЪ ФОНЪ ДЕРЪ МАРВИТЦЪ (1856—1929).

Въ креслѣ — одинъ изъ наиболѣе выдающихся германскихъ кавалерiйскихъ генераловъ, корпусъ котораго поддерживалъ связь между армiями Клука и Бюлова.

ЗУАВЫ ѢДУТЪ НА ФРОНТЪ.

Внизу справа.

Въ первые мѣсяцы войны во всѣхъ государствахъ замѣчался необыкновенный подъемъ. Проходящiя войска забрасывались цвѣтами, на станцiяхъ солдатъ кормили шоколадомъ, угощали папиросами и поили кофе и чаемъ. Гражданское населенiе, безъ всякаго къ тому принужденiя, содѣйствовало поддержанiю воинскаго духа, и солдаты 1914 года ѣхали на войну, какъ на праздникъ. Насколько иной была картина въ 1918 году! Голодное населенiе, разнузданные солдаты, которыхъ больше боялись, чѣмъ любили. На фронтъ ѣхали съ проклятiемъ, въ тылъ же, — съ жаждой крови тѣхъ, кто сумѣлъ не попасть въ окопы.

ЛИКЪ ВОЙНЫ.

Чтобы замедлить продвиженіе преслѣдовавшихъ германскихъ войскъ, французскія войска, отступавшія къ Марнѣ, разрушали на своемъ пути всѣ средства сообщенія. На снимкѣ — мостъ черезъ Марну въ Ланьи, взорванный французскими саперами.

ОПУСТѢВШІЙ СУАССОНЪ.

Типичная картина въ прифронтовомъ городѣ. Нѣсколько труповъ, одиноко плетущійся солдатъ и ни одного обитателя. Въ началѣ войны страхъ передъ наступающими германцами былъ до того великъ, что французы толпами покидали насиженныя мѣста.

— Узнаете имѣніе? Это вѣдь Дюизи, гдѣ мы отдыхали нѣсколько дней тому назадъ...

— Точно такъ, господинъ капитанъ, мы идемъ какъ разъ по тому пути, по которому шли наканунѣ.

Кромѣ насъ, никто не обращаетъ вниманія на дорогу. Въ головѣ только одна мысль: долго такъ продолжаться не можетъ; нѣсколько часовъ сна намъ все-таки дадутъ...

Полузакрытыя глаза солдатъ начинаютъ блестѣть. Приближается разсвѣтъ. И вдругъ раздается долгожданный возгласъ:

— Часъ роздыха! Получай кофе!

Колонна валится въ канаву. Большинство немедленно засыпаетъ, но вокругъ походныхъ кухонь все же собирается большое число людей.

Глотокъ горячаго кофе, и сонъ подкашиваетъ ноги. Закатывающаяся луна смотритъ на бивакъ. Ряды неподвижныхъ тѣлъ. Линіи ружейныхъ пирамидъ. Ранцы подъ головами. Рѣдкій подбросилъ подъ себя охапку нарванной травы, — большинство спитъ на сырой, холодной землѣ. Только тяжелый храпъ рокочетъ надъ спящей массой тысячъ людей.

Снова слова команды. По неподвижной массѣ проходитъ толчекъ.

Рѣдкія ругательства.

— Встать!..

— Въ ружье!

Нѣсколько пинковъ, короткая суматоха и новыя, отрывистыя слова:

— На пле—чо! Шагомъ маршъ! Вольно...

И мы снова идемъ все дальше, дальше, дальше...

Послѣ роздыха всѣмъ ясно: обо снѣ лучше не думать. Все равно не дадутъ. Эта мысль и наступившее утро подбадриваютъ людей. Солдаты подтягиваются, и, если ноги и волочатся едва-едва, то духъ въ порядкѣ, глаза яснѣе — и будущее заставляетъ задуматься.

Мы слышимъ уже отдаленное ворчаніе орудій. Селенія, по которымъ приходится проходить, теперь кишатъ войсками. Бѣлые флаги съ красными крестами колышатся на домахъ, въ которыхъ устроены полевые лазареты. Мы сворачиваемъ съ шоссе на проселочную дорогу. Орудійный гулъ прямо передъ нами.

Справа и слѣва на полѣ лежатъ цѣпи прибывшихъ раньше частей. Тамъ перевязываютъ раненыхъ. Мы чувствуемъ: цѣль достигнута и скоро придетъ нашъ чередъ.

Сейчасъ около десяти часовъ утра, а покрыто 45 километровъ!..»

ГАЛЛЮЦИНАЦІИ.

Утро седьмого сентября поднимается изъ тумана, рѣчныхъ долинъ, низинъ и луговъ... Солнце пробиваетъ молочную пелену и начинаетъ припекать — выдастся жаркій день! Палящій зной разольется по мѣстности, гдѣ должна рѣшиться судьба сраженія...

Планъ Жоффра на этотъ день:

Середина французскаго фронта и его правое крыло должны сохранить свои позиціи. Всѣ свободныя силы концентрируются противъ Клука, находящагося на крайнемъ лѣвомъ крылѣ французовъ, и праваго фланга второй нѣмецкой арміи, которая примыкаетъ къ арміи Клука. Англичане поведутъ наступленіе на стыкъ второй германской арміи и арміи Клука.

Здѣсь, какъ установила развѣдка, самое уязвимое мѣсто нѣмцевъ, защищенное лишь слабыми кавалерійскими частями фонъ деръ Марвица. Англичане, пробившись между двумя нѣмецкими арміями, должны повернуть къ сѣверо - востоку, съ тѣмъ, чтобы охватить лѣвый флангъ Клука. Армія Монури атакуетъ Клука въ лобъ, и, въ завершеніе операціи, броситъ въ обходъ его праваго фланга кавалерію Сордэ и доставленную на автомобиляхъ 7 пѣхотную дивизію.

А вечеромъ...

Къ вечеру побѣда должна быть во французскихъ рукахъ !

Весь день шелъ тяжелый бой. Гремѣли орудія, сотнями падали раненые и убитые. Весь день Клукъ метался въ тискахъ, отчаянно защищая каждую пядь земли. Энергичному генералу, видѣвшему уже въ бинокль предмѣстья Парижа, ни за что не хотѣлось отступить. Весь свой геній, всю энергію, всю выносливость своихъ солдатъ поставилъ онъ на карту и, надо отдать справедливость, сражался съ рѣдкимъ упорствомъ и умѣніемъ.

Къ вечеру бой не далъ еще рѣшительныхъ результатовъ, но равновѣсіе было уже нарушено. Успѣхъ склонялся на сторону французовъ. Если бы дѣйствія англичанъ были болѣе энергичны, можетъ быть, въ тотъ же вечеръ участь праваго крыла нѣмецкаго фронта была бы рѣшена. Но Френчъ велъ себя исключительно осторожно и, продвигаясь впередъ, избѣгалъ возможности оторваться флангами отъ французовъ, хотя болѣе рѣшительными дѣйствіями онъ могъ бы превратить положеніе Клука изъ опаснаго въ критическое.

Въ штабѣ Монури царитъ оживленная дѣятельность. Обходный маневръ успѣшно развивается, и Гальени, прибывшій въ штабъ и сидящій вмѣстѣ съ подчиненнымъ ему командующимъ арміей, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій.

Время отъ времени въ ихъ комнату входятъ ординарцы и приносятъ послѣднія извѣстія съ разныхъ участковъ фронта.

Ничего особеннаго. Бой развивается нормально, нѣмцы поддаются и тутъ и тамъ, но окончательно выбить ихъ съ занятыхъ позицій пока не удается.

Гальени читаетъ донесенія съ большимъ хладнокровіемъ. Онъ знаетъ, что въ обходъ, кромѣ Сордэ, пошла седьмая дивизія — крупное соединеніе всѣхъ родовъ оружія, — близокъ моментъ, когда въ тылу Клука загрохочутъ французскія пушки.

Гальени смотритъ на часы. Сордэ долженъ уже имѣть стычки съ фланговыми охраненіями противника. Можетъ быть, Сордэ удастся даже захватить самого Клука, устроившаго свою ставку въ Ла Фертэ-Милонъ, цѣли рейда кавалерійской дивизіи...

Жаль, что донесенія Сордэ не могутъ поступить теперь! Врядъ ли ординарцы прискачутъ раньше ночи, а вся телефонная и телеграфная связь разрушена противникомъ.

Гммъ... Сордэ, пожалуй, приступитъ къ атакѣ главныхъ силъ Клука часа черезъ четыре. Можно вообразить, что за паника поднимется у нѣмцевъ, когда на ихъ обозы и колонны съ продовольствіемъ и амуниціей обрушатся французскіе кавалеристы! Это будетъ концомъ первой арміи кайзера. Весь германскій фронтъ долженъ будетъ отойти отъ Марны, на югѣ освободятся французскіе полки, которые немедленно будутъ переброшены на сѣверъ, — поѣзда подъ парами и только ждутъ этого момента!

Коротко говоря: отъ генерала Сордэ зависитъ участь гигантской битвы.

Въ свѣтѣ догорающаго дня, черезъ лѣсистые холмы долины Урка, прямо на Ла Фертэ-Милонъ идутъ эскадроны корпуса Сордэ. Вслѣдъ за ними, отставъ на значительное разстояніе, движется мощная колонна пѣхоты. Конница избѣгаетъ шоссе Нантей — Бецъ — Марэ, чтобы не всполошить преждевременно противника, направляясь по пыльнымъ проселочнымъ дорогамъ, изрѣдка наталкиваясь на слабые дозоры и заставы, которые немедленно сметаются и уничтожаются рѣшительной атакой холоднымъ оружіемъ. Такія стычки длятся всего нѣсколько минутъ, и конница продолжаетъ свой молчаливый рейдъ...

Идутъ перемѣннымъ аллюромъ. То рысью, то шагомъ, не торопясь. Такъ можно пройти сотни километровъ и остаться свѣжимъ до конца.

И вотъ конница идетъ, — идетъ такъ, какъ, можетъ быть, въ будущихъ войнахъ не придется больше ходить: стройными эскадронами, по лѣсамъ, полямъ, лѣснымъ тропамъ, долинамъ и холмамъ, среди замѣчательно красивой мѣстности, еще не тронутой дыханіемъ войны. Генералъ Сордэ ѣдетъ вмѣстѣ съ авангардомъ. Онъ, какъ маршалъ временъ Наполеона, окруженъ лихо сидящими на коняхъ офицерами штаба. Генералъ невѣроятно усталъ, но сидитъ выпрямившись, и ни одно движеніе мускуловъ лица не выдаетъ того, что въ продолженіи послѣднихъ дней онъ пережилъ сильную трепку нервовъ. Замѣтно только, что онъ молчаливъ и смотритъ все время передъ собой.

Какъ у нѣмцевъ фонъ деръ Марвицъ, Сордэ считается у французовъ однимъ изъ самыхъ выдающихся генераловъ - кавалеристовъ. Дѣйствія его всегда рѣшительны, раздумывать Сордэ не любитъ, предпочитая лучше нести отвѣтственность за ошибку, чѣмъ упустить шансъ. Именно изъ-за этихъ качествъ его назначили начальникомъ столь отвѣтственной экспедиціи, въ которой его корпусъ можетъ или погибнуть, или дать Франціи блестящую побѣду.

Наступаютъ сумерки, а конница Сордэ все еще продолжаетъ свой обходный маневръ. Теперь уже можно съ точностью вычислить, когда голова колонны достигнетъ Ла Фертэ. Сордэ попрежнему молчитъ, но офицеры его штаба уже перешептываются, поднимаютъ полевыя сумки, чаще и чаще справляются по картѣ о разстояніяхъ, направленіяхъ, названіяхъ поселковъ, номерахъ эскадроновъ и полковъ.

— Интересно, — говоритъ одинъ капитанъ, — знаетъ ли Клукъ, что мы идемъ и не удралъ ли онъ уже?

— О, какой это былъ бы огромный моральный эффектъ,,—замѣчаетъ ѣдущій рядомъ съ нимъ командиръ головного эскадрона, — взять въ плѣнъ человѣка, который навелъ ужасъ на Парижъ, — что я говорю, — на всю Францію !

— Англію и Россію !— подхватываетъ молоденькій лейтенантъ. — Какъ далеко мы отъ Фертэ, монъ капитэнъ?

— Сейчасъ половина восьмого, — отвѣчаетъ капитанъ, — и, если мы не напоремся на сильный заслонъ, то черезъ три часа ворвемся въ Ла Фертэ.

— Ухъ, удалось бы! — радостно восклицаетъ лейтенантъ. — Вотъ-то переполохъ будетъ! Воображаю, какъ побѣгутъ эти нѣмецкія штабныя крысы со своимъ бульдогомъ — Клукомъ во главѣ!

— Ну, ну, молодой человѣкъ, — осаживаетъ капитанъ. — Не забывайте, что я тоже штабная крыса!

— Простите, — извиняется, покраснѣвъ, лейтенантъ, но даже краска смущенія не въ силахъ нарушить его радостное настроеніе.

Разговоръ перебрасывается на другую тему. Общее вниманіе привлекаетъ пожилой полковникъ, начальникъ развѣдки.

— Послушайте, господа, я нѣсколько разъ обращался къ генералу, — говоритъ онъ, — и каждый разъ не получалъ ни слова въ отвѣтъ!

— Генералъ, навѣрно, не разслышалъ.

— Что вы! Вы же знаете мой голосъ! Въ жизни я не былъ въ такомъ затрудненіи, какъ сейчасъ, когда вынужденъ объясняться съ вами шопотомъ!

Полковникъ притрагивается шпорой къ гнѣдому боку своей кобылы, и, увеличивъ рысь, равняется съ генераломъ Сордэ. Офицеры видятъ, какъ полковникъ что-то говоритъ, прикладываетъ руку къ козырьку, говоритъ снова и опять козыряетъ. Затѣмъ, недоумѣнно пожавъ плечами, онъ въ послѣдній разъ отдаетъ честь и возвращается къ группѣ своихъ спутниковъ.

— Ничего не понимаю! Вы же видѣли, что я три раза спрашивалъ у Сордэ который часъ, какъ я объяснялъ, что у меня часы остановились.

— Ну, и?

— Генералъ не отвѣтилъ!

Сигналъ шашкой «вниманіе» прерываетъ разговоръ. Нѣсколько офицеровъ галопомъ возвращаются на свои мѣста.

Колонна начинаетъ уменьшаться. На каждомъ перекресткѣ какой-нибудь эскадронъ сворачиваетъ то вправо, то влѣво. Корпусъ Сордэ превращается въ распахнутый вѣеръ, который все ближе и ближе, волной, сѣющей гибель, надвигается на Ла Фертэ.

Становится темно. Сордэ внезапно останавливаетъ своего коня, спрыгиваетъ на лугъ и начинаетъ ходить по травѣ взадъ и впередъ, жадно куря сигарету. Эскадроны идутъ мимо него, но Сордэ не обращаетъ на нихъ вниманія, продолжая безпокойно ходить вдоль дороги.

Вдругъ, вдали, такъ далеко, что нельзя даже указать направленія, раздается ружейный выстрѣлъ. Генералъ прислушивается, — звучитъ второй. Затѣмъ наступаетъ тишина. Старый полковникъ подъѣзжаетъ къ генералу и говоритъ:

— Генералъ, не угодно ли вамъ будетъ сѣсть въ сѣдло? Ла Фертэ уже близко, а наше мѣсто въ головѣ авангарда. Могутъ потребоваться распоряженія...

— Распоряженія?

— Да, да, конечно!

Сордэ поспѣшно садится на коня и скачетъ къ головѣ колонны. Офицеры, мимо которыхъ онъ проѣзжаетъ, замѣчаютъ, что лицо генерала необыкновенно блѣдное, осунувшееся, какъ у покойника.

Что случилось съ Сордэ? Еще сегодня утромъ онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи, товарищески шутилъ со своими офицерами, поздравлялъ съ рейдомъ, желалъ имъ захватить Клука въ плѣнъ, а теперь...

Вотъ тебѣ разъ! Происходитъ, дѣйствительно, нѣчто странное. Посереди густого лѣса, гдѣ, казалось бы, не могло быть ни одной души, рѣзко хлопаетъ новый винтовочный выстрѣлъ. Сордэ даетъ своему коню шпоры и выносится одинъ на опушку. Только на лугу догоняютъ его

начальникъ оперативнаго отдѣла и полковникъ развѣдки. Они видятъ, что генералъ смотритъ на противолежащій холмъ, который еле-еле различается на фонѣ темнаго, еще не озареннаго луной, неба.

Снова выстрѣлъ. Съ сѣвера.

Кто стрѣляетъ съ сѣвера?

Выстрѣлъ. Съ юга. Поднимается зарево.

Генералъ Сордэ сидитъ на конѣ, какъ статуя. Прислушивается. Проходятъ минуты, — вокругъ генерала собрался уже весь его штабъ, — но Сордэ попрежнему неподвижно смотритъ на одну точку горизонта.

Начальникъ оперативнаго отдѣла дѣлаетъ попытку указать, что остановка въ данномъ мѣстѣ недопустима, предлагаетъ выслать дополнительные разъѣзды, но всѣ эти слова остаются безъ отвѣта.

Внезапно Сордэ говоритъ:

— Мы должны вернуться.

— Вернуться?

— Да, — приказываетъ генералъ. — Я приказываю повернуть корпусъ назадъ.

— Но, монъ женераль...

— Молчать! — гнѣвно кричитъ Сордэ. — Я говорю, назадъ! Развѣ вы не видите, что мы стремимся къ гибели? Съ сѣвера стрѣляютъ, съ юга стрѣляютъ, — это пѣхотныя винтовки! Развѣ вы не разбираете ихъ по звуку? Это пѣхотныя винтовки, говорю я вамъ, и мы, слѣдовательно, окружены! Скорѣй назадъ, пока не поздно!

Генералъ рѣзко поворачиваетъ коня и хочетъ скакать, но начальникъ оперативнаго отдѣла преграждаетъ ему путь корпусомъ своей лошади.

— Монъ женераль! — кричитъ онъ, — вы не имѣете права отдавать такое приказаніе! Отъ нашего рейда зависитъ участь всего наступленія! Мы обязаны принять бой!

Кричитъ и Сордэ.

— Дайте мнѣ дорогу, полковникъ! Корпусъ отступаетъ. Ординарцы, впередъ! Примите приказаніе: приказъ по корпусу: всѣ дивизіи немедленно поворачиваютъ и идутъ въ обратномъ направленіи.

И съ этими словами заслуженный и доблестный генералъ Сордэ, кавалеръ многихъ орденовъ за храбрость, толкнувъ лошадь начальника оперативнаго отдѣла, пускается галопомъ назадъ, по той дорогѣ, по которой онъ привелъ свою конницу къ Ла Фертэ...

СУМАТОХА ВЪ ШТАБѢ МОНУРИ.

Ночь спустилась надъ штабомъ Особой арміи. Монури — командующій арміей — и Гальени сидятъ у стола при свѣтѣ керосиновой лампы и взволнованно ведутъ разговоръ. Оба въ недоумѣніи. Отъ Сордэ до сихъ поръ никакихъ извѣстій, а между тѣмъ, вотъ уже два часа, какъ въ Нантэй выѣхалъ капитанъ, офицеръ для особыхъ порученій, посланный узнать, — что же случилось, въ концѣ концовъ, съ кавалеріей?

Минуту за минутой отсчитываютъ часы, но Гальени и Монури все еще въ неизвѣстности. Быстрые шаги въ коридорѣ заставляютъ ихъ привстать.

Въ комнату вбѣгаетъ запыленный капитанъ. Охрипшимъ отъ волне-

нія голосомъ онъ рапортуетъ объ исполненномъ порученіи и бросаетъ на столъ запечатанный конвертъ.

— Генералъ Сордэ, — поспѣшно прибавляетъ капитанъ, — прервалъ свой рейдъ. Онъ лично и его штабъ уже находятся въ Нантэй. Квартирьеры также. Седьмая пѣхотная дивизія, разумѣется, тоже прекратила походъ.

Гальсни словно окаменѣлъ. Монури подходитъ къ нему и конфиденціально, пониженнымъ голосомъ, спрашиваетъ:

— Можетъ быть вы, генералъ, отдали Сордэ, помимо меня, секретныя приказанія?

— Я?! — съ возмущеніемъ восклицаетъ Гальени, — я не отдалъ ни одного приказа, который не былъ бы извѣстенъ вамъ, генералъ!

Монури приказываетъ:

— Капитанъ, разскажите намъ всѣ обстоятельства дѣла. Можетъ быть, Сордэ былъ разбитъ, отброшенъ непріятелемъ? Но вѣдь это же немыслимая вещь, чтобы въ районѣ, по которому продвигался Сордэ, были какія-нибудь крупныя непріятельскія силы.

Капитанъ разводитъ руками и отвѣчаетъ:

— Я не знаю, что, въ сущности, произошло. Генералъ Сордэ меня не принялъ. Какъ я узналъ, генералъ Сордэ уже легъ спать!

— Что за бабьи сказки! — съ возмущеніемъ восклицаетъ Гальени и, отстранивъ капитана, быстрыми шагами спѣшитъ въ комнату телефонистовъ. — Дайте мнѣ, какъ хотите, и во что бы то ни стало, Нантэй. Немедленно, какъ только получите соединеніе, вызовите меня. Срочный разговоръ. Понимаете?

Телефонисты киваютъ, но прежде, чѣмъ Гальени покидаетъ комнату, его уже зовутъ къ коммутатору.

— Нантей на проводѣ, монъ женераль! Вызываетъ самъ!

— Переведите въ мой кабинетъ.

— Слушаюсь!

Гальени бѣгомъ возвращается въ свою комнату и торопливо поднимаетъ трубку.

— Позовите немедленно генерала Сордэ! — потерявъ всякую власть надъ нервами, кричитъ онъ. — Если нужно, принесите его вмѣстѣ съ кроватью !

Голосъ въ телефонѣ хочетъ что-то объяснить, но Гальени стучитъ по столу кулакомъ и приказываетъ.

— Безъ разговоровъ! Дайте мнѣ къ трубкѣ самого Сордэ, иначе вы мнѣ отвѣтите!!!

Въ микрофонѣ наступаетъ тишина и слышно, какъ далеко, въ Нантэй, по деревянному полу стучитъ множество каблуковъ, раздаются неразборчивые голоса.

Короткое время спустя, генералъ Сордэ, пѣшкомъ, пересѣкаетъ площадь, направляясь къ телефонной станціи. Онъ еще въ полной формѣ и даже бинокль виситъ на ремнѣ. Вмѣсто того, чтобы спать, онъ все время сидѣлъ передъ столомъ, о чемъ-то думая.

Съ другого конца провода на него сыплется потокъ разъяренныхъ словъ. Гальени хочетъ знать тутъ же, на мѣстѣ, почему Сордэ, чортъ побери, прервалъ свой рейдъ.

— Объясните же мнѣ, наконецъ, почему вы отступили, генералъ? — кричитъ Гальени. — Что случилось? Васъ разбили? Васъ окружили?

Въ Нантэй Сордэ спокойно облокачивается на столъ и говоритъ:

— Наступать больше не было никакой возможности... Никакой возможности...

— Но почему, mon Dieu.

— Не было воды для лошадей. Вы слышите меня, монъ женераль? Не было воды... Воды...

Гальени стихаетъ. Онъ вынимаетъ платокъ и вытираетъ лобъ. Говоритъ теперь съ Сордэ мягко, какъ съ ребенкомъ, уговариваетъ. Да иначе и быть не можетъ.

Генералъ, который несетъ подобную чушь, не можетъ отвѣчать за свой разсудокъ... Нервы и палящее солнце сломили храбраго, заслуженнаго генерала Сордэ...

— Бѣдный Сордэ!..

Въ штабѣ подавлены, но Гальени уже во власти новыхъ мыслей.

— За работу! Въ Нантэй поѣдете вы, вы, вы... и вы! Собирайтесь немедленно! Кто старшій въ моемъ штабѣ?

— Генералъ Биду.

— Примите корпусъ Сордэ, генералъ. Распоряжайтесь по вашему усмотрѣнію, но черезъ часъ корпусъ долженъ выступить въ первоначальномъ направленіи. Вы догоните его въ автомобилѣ. Попробуемъ наверстать потерянное!

Когда часы бьютъ полночь, Гальени безсильно откидывается на спинку стараго, потрепаннаго клеенчатаго кресла... Снова чудо на Марнѣ... Но чудо нынѣ благожелательное врагу. То, что случилось съ Сордэ, назвать иначе, какъ чудомъ, нельзя. Это помогаетъ Клуку... Всѣ усилія дня свелись на-нѣтъ... Клукъ не только избавился отъ клещей французовъ, но и нанесъ жестокій ударъ корпусамъ Монури...

*

Мы мало касались до сихъ поръ Мольтке, начальника штаба германской арміи, руководителя гигантской операціи, противника Жоффра. Заглянемъ на минуту въ маленькій школьный домикъ въ Люксембургѣ, гдѣ онъ, при свѣтѣ керосиновой лампы, пишетъ письмо своей супругѣ:

Люксембургъ, 7 сентября 1914 года.

Сегодня все должно рѣшиться. Наша армія отъ Эльзаса до Парижа, начиная со вчерашняго дня, ведетъ жестокій бой. Если бы я могъ цѣной своей жизни купить побѣду, я бы эту жизнь отдалъ съ той же радостью, съ какой это дѣлаютъ тысячи нашихъ солдатъ. Что за потоки крови пролились уже! Что за безпредѣльное горе разлилось надъ тысячами неизвѣстныхъ, чьи дома и имущество стали жертвой огня! Меня охватываетъ ужасъ, когда я думаю о томъ, что являюсь отвѣтственнымъ за все это, а между тѣмъ я не могу иначе поступать...

8 сентября

Командующій второй арміей — Командующему третьей.
8 сентября, 11 час. 45 мин.
Официально, внѣ очереди, № 801, секретно.

Первая гвардейская дивизія уже въ Фэрь Шампенуазѣ. Требуются энергичныя дѣйствія со стороны третьей гвардейской дивизіи, правое крыло которой въ... (двѣ группѣ шифровки неразборчивы). Непріятель пытается обойти правое крыло второй арміи. Я не имѣю больше резервовъ. Повторяю: не имѣю резервовъ.

Бюловъ.

(Перехваченная радіограмма командующаго второй германской арміей).

Восьмого сентября операціи на всемъ французскомъ фронтѣ вступили въ рѣшительную фазу.

Въ западномъ секторѣ Клукъ совершенно очистилъ территорію къ югу отъ Марны, полностью оторвавшись отъ арміи Бюлова. Всѣ его усилія были направлены теперь противъ арміи Монури, которую онъ пытался сбить мощными контръ-атаками.

Нѣмцы дорого заплатили за разъединеніе своихъ первой и второй армій. Въ районѣ между ними начали побѣдоносное наступленіе англичане и главныя силы французской пятой арміи Франшэ д'Эсперэ. Въ данный день союзныя силы достигли плато между Марной и рѣкой Пти Морэнъ (Пти Морэнъ — притокъ Марны, вьющійся къ сѣверу отъ Гранъ Морэнъ).

Восьмого сентября Бюловъ потерялъ всякую надежду получить для своего праваго крыла помощь со стороны Клука, который, несмотря на приказанія ставки главнокомандующаго, проводилъ изолированную операцію, ведя безнадежный бой къ сѣверу отъ Марны и медленно отступая на сѣверо - востокъ.

Командующій второй арміей Бюловъ попытался исправить создавшееся положеніе энергичными дѣйствіями. Онъ бросилъ свой центръ и лѣвое крыло, поддержанное правымъ крыломъ сосѣдней, третьей, арміи фонъ Хаузена, противъ девятой арміи Фоша. Правое крыло и центръ арміи Фоша были постепенно оттѣснены къ югу отъ Сентъ Гондскихъ болотъ.

Это было блестящимъ усиліемъ Бюлова, проведеннымъ съ большимъ искусствомъ, но не достигшимъ цѣли. Ему не удалось сломить замѣчательной рѣшимости Фоша, планы котораго не ковались на полѣ проиграннаго боя. Фошъ оцѣнилъ обстановку въ ея дѣйствительномъ освѣщеніи— и въ тотъ же вечеръ, когда его армію постигло пораженіе, телеграфировалъ Жоффру, что «положеніе блестяще».

Далѣе, къ востоку, четвертая и пятая германская арміи не были въ состояніи добиться значительныхъ преимуществъ противъ четвертой арміи Лангля и третьей арміи Сарайля. Обѣ арміи нѣмцевъ вели тяжелый бой и были сильно тѣснимы.

Вечеромъ восьмого сентября Жоффръ почувствовалъ приближеніе побѣды. Онъ послалъ корпусамъ лѣваго крыла и центра приказъ произвести перегруппировку. Маршала Френча Жоффръ попросилъ какъ можно скорѣе перейти Марну съ тѣмъ, чтобы создать угрозу для тыла Клука. Въ то же время Франшэ д'Эсперэ, примкнувъ со своей арміей къ англичанемъ, долженъ былъ тронуться впередъ своимъ лѣвымъ крыломъ, на-

правляясь прямо на сѣверъ и двигаясь вдоль Марны. Своимъ правымъ крыломъ Франшэ д'Эсперэ былъ обязанъ помочь Фошу возстановить утраченное положеніе.

Изъ сказаннаго видно, что Жоффръ опять измѣнилъ свои планы. Французская армія начала битву на Марнѣ съ намѣреніемъ обойти правый флангъ германской первой арміи, окружить ее и уничтожить, но маневръ Клука, бросившаго всѣ свои силы на уничтоженіе арміи Монури, открылъ гигантскую брешь между первой и второй нѣмецкими арміями, не воспользоваться которой было бы для французовъ непростительной ошибкой. Брошенные въ эту брешь англичане и полки Франшэ д'Эсперэ, несмотря на сильное истощеніе солдатъ, великолѣпно справились съ возложенной на нихъ задачей. Жоффръ, находившійся неотступно у телефона, лично руководилъ операціей.

Нѣмцы начали понимать, что игра безвозвратно проиграна. На четвертый день сраженія они начали общее отступленіе. Вечеромъ 8 сентября въ ставку фонъ Бюлова, находившуюся въ Монморѣ, что къ югозападу отъ Эпернэ, прибылъ полковникъ - лейтенантъ Хенчъ, посланный Мольтке въ различные штабы армій съ тѣмъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ обстановкой. Этотъ офицеръ былъ снабженъ самыми широкими полномочіями, имѣя право распоряжаться отъ имени германскаго главнаго штаба.

Бюловъ въ весьма мрачныхъ краскахъ обрисовалъ Хенчу обстановку: его армія была сильно истощена непрерывнымъ напряженіемъ силъ, ея боеспособность очень упала вслѣдствіе сильныхъ потерь. Онъ жаловался также на дѣйствія Клука, который велъ свою армію въ направленіи рѣки Уркъ, не заботясь о своей самой главной обязанности — прикрывать правый флангъ германской второй арміи,—благодаря чему французы получили возможность оттѣснить его правое крыло и заставить идти въ лобъ армій Монури и Френча, неся ужасныя потери, причиняемыя огнемъ союзной артиллеріи.

Хенчъ и Бюловъ согласились на томъ, что только отступленіе можетъ спасти армію Клука отъ гибели.

«АРМІЯ ПРОДОЛЖАЕТЪ ДРАТЬСЯ!»

Автомобиль Фоша, командующаго вновь-сформированной девятой французской арміи, проносится въ бѣшеномъ темпѣ по узкимъ улицамъ Планси — городка, въ скромной гостиницѣ котораго Фошъ устроилъ свой штабъ. Рѣдкіе жители вопросительно смотрятъ вслѣдъ:

Какъ обстоитъ дѣло на полѣ битвѣ?

Не пора ли уже удирать?

Канонада приближается все больше. Безконечная вереница раненыхъ — за послѣдніе дни ихъ провозятъ черезъ городъ въ ужасающемъ количествѣ, — сегодня, казалось, заполнила всѣ дома, всѣ квартиры Планси. Куда ни глянь, — вездѣ флаги Краснаго Креста. Можно ли довѣриться арміи, которая несетъ столь большія потери?

Фошъ только что вернулся съ объѣзда участка фронта, занимаемаго его арміей. Онъ выскакиваетъ изъ автомобиля и быстрыми шагами взбѣгаетъ по ступенямъ, ведущимъ къ двери гостиницы. За нимъ слѣдуютъ двое офицеровъ. Пройдя темный холлъ, Фошъ, какъ былъ, въ шинели и аммуниціи, рывкомъ распахиваетъ дверь оперативнаго отдѣ-

ла и подходитъ къ столу, на которомъ расположена огромная карта. Окружавшіе столъ офицеры переводятъ глаза на своего командира.

Фошъ не говоритъ ни слова. Сдвинувъ кэпи большимъ пальцемъ на затылокъ, онъ стоитъ передъ столомъ, слегка разставивъ ноги, и ритмически ударяетъ по разбросаннымъ бумагамъ стэкомъ. Изрѣдка онъ притрагивается кожаной петлей къ какой-нибудь фишкѣ и слегка передвигаетъ ее впередъ или назадъ.

У Фоша резервовъ больше нѣтъ...

Открывается дверь. Входитъ дежурный офицеръ:

— Генералиссимусъ ждетъ вашего рапорта, монъ женералъ, — докладываетъ онъ Фошу.

— Рапорта? — Фошъ, не отрывая глазъ отъ карты, только поправляетъ кэпи и продолжаетъ: — А какимъ кажется вамъ наше положеніе, майоръ?

Майоръ Меревиль въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ покашливаетъ:

— Я бы не хотѣлъ употреблять слово «катастрофа», генералъ...

Майоръ слегка потираетъ рукой щетину два дня не бритой бороды, — картины, замѣченныя во время объѣзда фронта, встаютъ передъ его глазами: армія Фоша занимаетъ центральное положеніе въ той битвѣ, которая бушуетъ вотъ уже нѣсколько дней. Во французскомъ наступленіи ей была поручена одна изъ самыхъ отвѣтственныхъ задачъ — второй прорывъ. Но что получилось? Вотъ уже два дня армію безпрерывно отбрасываютъ назадъ. Вотъ уже два дня, какъ французскимъ солдатамъ не удается даже укрѣпить, какъ слѣдуетъ, своихъ позицій. А потери... Съ содроганіемъ приходится просматривать безконечные списки жертвъ...

Майоръ Меревиль вспоминаетъ сцену, которую пришлось наблюдать въ дальномѣрную трубу наблюдательнаго пункта одной изъ батарей. Наступали нѣмцы. Прусская гвардія и саксонцы. Передъ ними непролазной грядой стояли столбы взметываемой артиллеріей земли. Разрывы гранатъ порой совершенно скрывали отъ взора наблюдателя стройные цѣпи сѣрыхъ мундировъ и, когда наступало затишье, вмѣсто первыхъ цѣпей брели жалкія отдѣльныя группы людей, за которыми выростали новые ряды полковъ и батальоновъ, шедшихъ открыто, во весь ростъ.

Линіи французскихъ окоповъ кипѣли. Въ воздухъ летѣли трупы, живые люди, винтовки, земля, балки. Нѣмецкая артиллерія, не желая допустить срыва атаки, била по французскимъ окопамъ, поражая въ то же время своихъ. Стоялъ адъ, воздухъ ревѣлъ отъ милліоновъ осколковъ, земля дрожала отъ залповъ своей и вражеской артиллеріи. Когда замолкалъ грохотъ бомбардировки, раздавалось кратковременное «хурра» нѣмцевъ, трещали разрозненные выстрѣлы французовъ, смолкали, на мѣстѣ разбитыхъ окоповъ чудилось какое-то судорожное движеніе, представлялась глазамъ невидимая штыковая борьба, — и вдругъ все поле позади окоповъ покрывалось красными штанами и измазанными синими шинелями... Солдаты арміи Фоша не выдерживали натиска прусской гвардіи, поддержанной сильной артиллеріей, и бросались бѣжать.

Майоръ Меревиль говоритъ:

— Нашъ бой, повидимому, проигранъ. Надо его прекратить.

Но Фошъ смотритъ остро, немного презрительно.

— Потерянная битва, — говоритъ онъ, — это такая битва, которую **считаютъ** потерянной. Господинъ майоръ! Армія Фоша продолжаетъ драться.

Фошъ оборачивается къ одному изъ своихъ спутниковъ, полковнику-лейтенанту Вейгану, своему ученику, которому шесть лѣтъ спустя, суждено подарить Польшѣ второе чудо, — чудо на Вислѣ, когда слышащая выстрѣлы артиллеріи Тухачевскаго Варшава и Сулеювекъ, занятый уже большевиками, оказываются неожиданно освобожденными отъ врага поспѣшившимъ на помощь полякамъ моложавымъ генераломъ.

— Сдѣлаемъ разборъ положенія, — предлагаетъ Вейгану Фошъ.

Вырисовывается скелетъ будущаго рапорта Жоффру:

На участкѣ арміи Фоша всѣ французскія попытки прорыва закончились ничѣмъ. Наоборотъ, пришлось уступить значительное количество защищаемой территоріи. Наступленіе арміи Монури также провалилось. Съ необъяснимой быстротой Клукъ повернулъ свои уходившія на югъ дивизіи и бросилъ ихъ снова на сѣверъ, навстрѣчу Монури. Тотъ, желавшій окружить Клука, теперь самъ оказался передъ лицомъ опасности быть окруженнымъ. Остается послѣдній шансъ, чтобы выиграть битву на Марнѣ — прорваться черезъ брешь между первой и второй арміями. Это, кажется, удастся.

Фошъ говоритъ:

— Если мы обрисуемъ главнокомандующему наше положеніе въ его дѣйствительномъ видѣ, онъ можетъ упасть духомъ. Пораженіе арміи Фоша вслѣдъ за пораженіемъ арміи Монури, можетъ повлечь за собой пораженіе всѣхъ французскихъ армій. Я не имѣю права скрывать отъ главнокомандующаго правды, но я могу не лишить его надежды, что моя армія не прекратитъ боя еще день, два, — до тѣхъ поръ, пока не выяснится участь сраженія...

Фошъ нѣкоторое время думаетъ, затѣмъ манитъ пальцемъ адъютанта, показываетъ ему на стулъ и приказываетъ:

— Пишите: «Донесеніе командующаго девятой арміи главнокомандующему»: «Мое правое крыло тѣснится нѣмцами. Центръ отступаетъ. Я лишенъ возможности двигаться, но положеніе великолѣпно и я наступаю!»

Фошъ, произнося два послѣднихъ слова, сильно ударяетъ стэкомъ по столу. Затѣмъ приказываетъ:

— Эту депешу благоволите отправить немедленно, какъ обыкновенную телеграмму.

Затѣмъ, обращаясь къ Вейгану, спрашиваетъ:

— Какъ велики наши потери за послѣдніе три дня?

Тотъ нѣкоторое время молчитъ, повидимому, складывая цифры и отвѣчаетъ:

— Потери въ отдѣльныхъ корпусахъ различны, но, въ общемъ, надо полагать, что наша армія растаяла наполовину.

Фошъ хмурится:

— Наполовину? Это очень много. Это гораздо больше, чѣмъ я опасался. Все равно. Это не измѣнитъ моего намѣренія. Завтра мы атакуемъ вновь. Запишите воззваніе къ войскамъ:

И лаконически, какъ всегда, Фошъ диктуетъ:

«Храбрые солдаты девятой арміи! Близка награда за ваше напряженіе. Нѣмцы наканунѣ израсходованія своихъ силъ. У нихъ больше

нѣтъ резервовъ, а полки перемѣшались. Германское высшее командованіе не знаетъ истиннаго положенія вещей. Мы ошеломили его неожиданнымъ наступленіемъ. Часъ расплаты наступилъ. Теперь дѣло идетъ о величіи и чести нашей родины. Теперь пора приложить всю силу къ тому, чтобы потрясенный врагъ побѣжалъ. Успѣхъ ждетъ того, кто можетъ больше выдерживать!»

СНОВА КОМАНДА: «КОРПУСУ ПОВЕРНУТЬ НАЗАДЪ!»

За часъ до разсвѣта Жоффръ ведетъ съ Гальени, телефонный разговоръ. Онъ хочетъ знать, какая судьба постигла корпусъ Сордэ.

— Первый кавалерійскій корпусъ повернулъ, — сообщаетъ Гальени. — Генералъ Сордэ, повидимому, помѣшавшійся въ разсудкѣ, смѣщенъ. Генералъ Биду, новый командиръ корпуса, снова двинулъ его въ тылъ Клука, но на этотъ разъ корпусъ идетъ уже на утомленныхъ лошадяхъ. Что вы думаете по этому поводу, монъ женераль?

Жоффръ нѣкоторое время размышляетъ, не отходя отъ аппарата. Затѣмъ приказываетъ:

— Отдайте приказъ восьмой пѣхотной дивизіи, такъ безсмысленно посланной на прикрытіе фланга англичанъ, немедленно вернуться на свои прежнія позиціи, на сѣверъ. Пусть эта дивизія поддержитъ рейдъ конницы.

Гальени кладетъ трубку съ надеждой, что фронтъ нѣмцевъ удастся все-таки поколебать. Англичане съ часу на часъ должны войти въ брешь между Бюловымъ и Клукомъ, нѣмцы должны будутъ бросить противъ нихъ большія силы, и тогда обходный маневръ перваго кавалерійскаго корпуса, седьмой и восьмой пѣхотныхъ дивизій несомнѣнно сможетъ уничтожить армію Клука...

Около полудня посланныя въ обходъ французскія войска уже въ тылу нѣмцевъ. Въ штабѣ Гальени все больше растетъ увѣренность въ побѣдѣ. Въ полдень-же англичане увѣренно вступаютъ въ брешь между второй и первой германскими арміями. Френчъ проникся увѣренностью въ успѣхѣ французскаго рѣшительнаго наступленія и дѣйствуетъ теперь энергично. Его задача облегчается тѣмъ, что повсюду онъ наталкивается лишь на ничтожныя силы противника.

Вечеромъ положеніе на фронтѣ близко къ разрѣшенію. Первый французскій кавалерійскій корпусъ уже глубоко въ нѣмецкомъ тылу. Избѣгая главныхъ дорогъ, онъ пробрался въ районъ, расположенный съ сѣверо-востоку отъ Ла Фертэ Милонъ, штабъ - квартиры Клука.

Но не только съ сѣвера грозитъ нѣмцамъ опасность!

Съ юга на рысяхъ идутъ новые конные полки генерала Биду. Эта конница героическимъ ударомъ прорвалась сквозь нѣмецкій заслонъ и теперь катится на Ла Фертэ-Милонъ, часто переходя на галопъ.

Еще минута, — и Клукъ будетъ взятъ въ плѣнъ! Передъ французскими кавалеристами виднѣется уже нѣмецкій военный аэродромъ, заставленный аппаратами, вокругъ которыхъ возятся монтеры. Сигналъ къ атакѣ, и всадники карьеромъ несутся на разбѣгающихся летчиковъ.

Въ тотъ же моментъ вблизи аэродрома появляется вереница автомобилей: Клукъ со своими офицерами возвращается съ объѣзда фронта!

— Стой!

Клукъ во главѣ своихъ офицеровъ и конвоя бросается къ ближайшей естественной позиціи, разсыпаетъ своихъ спутниковъ въ цѣпь.

Французы увидѣли его. Нѣсколько эскадроновъ круто поворачиваютъ, и несутся во весь опоръ на командующаго первой германской арміей. Навстрѣчу всадникамъ гремятъ винтовочные и револьверные выстрѣлы. Ближе, ближе взметывающіе копыта кони, уже летятъ черезъ голову, выпадаютъ изъ сѣделъ убитые и раненые французскіе кавалеристы, ясно слышенъ французскій боевой кличъ, видны лица, блестящіе клинки палашей, — выстрѣлы защитниковъ Клука сливаются въ одно съ пистолетными выстрѣлами ихъ командующаго.

Клукъ по всѣмъ даннымъ обреченъ, но, увы, онъ оказывается только случайной приманкой. Съ озвѣрѣлымъ и мощнымъ крикомъ «хурра!» изъ лѣса уже бѣжитъ сломя голову первый германскій полкъ, расположеннаго по близости девятаго армейскаго корпуса! За нимъ, ощетинившись штыками, второй, третій, скачутъ по полю двуколки пулеметчиковъ, мѣстность мгновенно покрывается залегшими цѣпями, трескъ ружейныхъ выстрѣловъ сливается въ единый ревъ, лопочатъ, захлебываясь, пулеметы, и на французскую кавалерію обрушивается цѣлый ливень пуль.

Снова и снова бросаетъ французскій генералъ свои эскадроны въ атаку, спѣшиваетъ всадниковъ, ведетъ планомѣрное наступленіе, но перевѣсъ нѣмцевъ огромный, его часть окружена, эскадроны перестрѣляны или забраны въ плѣнъ...

Такъ въ нѣсколько короткихъ минутъ рухнула попытка французовъ захватить Ла Фертэ-Милонъ съ юга, такъ погибли нѣсколько тысячъ лучшихъ, отважныхъ до безумія, французскихъ кавалеристовъ.

1914 годъ, открывающій новую эру войнъ, заканчивался жуткокрасивыми картинами блестящихъ конныхъ атакъ добраго стараго времени. Исторія великой войны знаетъ много примѣровъ бѣшеной скачки французской, русской и венгерской кавалерій противъ проволоки, артиллеріи и смертоноснаго пулеметнаго огня...

▪

Въ то же самое время движеніе сѣверной конной группы открыто нѣмцами. Генералъ Биду видитъ, что вокругъ него скапливаются огромныя германскія силы. Если онъ не желаетъ безсмысленно погубить свой корпусъ, надо отступить, вернуться.

Но генералъ Биду упоренъ также, какъ въ свое время Сордэ. Онъ идетъ впередъ, идетъ до тѣхъ поръ, пока опасность не становится вполнѣ реальной. Подъ вечеръ разъѣзды доносятъ:

— Въ нашемъ тылу, между нами и Парижемъ, обнаружена германская кавалерійская дивизія!

— Къ сѣверо-западу отъ насъ, немного позади, мы натолкнулись на сильную пѣхотную часть, численностью, примѣрно, въ двѣ бригады!

— Съ юга, въ направленіи на насъ движется сильная колонна германскихъ войскъ разныхъ родовъ оружія.

Западъ... Сѣверо-западъ... Югъ...

Съ востока же — Ла Фертэ!

Что дѣлать? Полное окруженіе налицо. Принять безполезный бой? Выжидать, пока подойдетъ спѣшащая далеко позади корпуса французская пѣхота?

Это было бы, съ точки зрѣнія стратегіи, безуміемъ. До тѣхъ поръ, пока рейдъ корпуса былъ для нѣмцевъ тайной, онъ могъ породить панику, и даже превосходящій силами непріятель ничего не могъ съ нимъ

бы сдѣлать. Но какъ только нѣмцы обнаружили корпусъ, оставалась только одна возможность: непродолжительный и героическій бой, а послѣ него смерть и плѣнъ...

И генералъ Биду приказываетъ:

— Корпусу повернуть назадъ, атаковать встрѣчныя части непріятеля и пробиться во что бы то ни стало.

МЫ ВЪ ПОСЛѢДНІЙ РАЗЪ РАЗГОВАРИВАЕМЪ СЪ ЛОРИШЕМЪ.

Весь день отъ Вердена до Парижа гремятъ орудія, рвутся шрапнели и гранаты, падаютъ убитыми и ранеными десятки тысячъ людей. Глинистая земля словно кипитъ, горизонтъ затянутъ пеленой порохового дыма, весь воздухъ пропитанъ запахомъ сѣры и крови. Сотни полковъ, тысячи батальоновъ бросаются другъ на друга въ штыки; но, не добѣжавъ, залегаютъ и разсыпаются оглушительнымъ трескомъ милліоновъ выстрѣловъ. Горы снарядовъ и разстрѣлянныхъ гильзъ будутъ собраны послѣ битвы на Марнѣ, — вагонами, поѣздами, посланы обратно на фабрики для переработки расплавленія, набивки... Еще большія горы поломаннаго оружія, разбитыхъ лафетовъ, орудійныхъ тѣлъ, пробитыхъ щитовъ посыпятся въ жерла плавильныхъ печей, чтобы стать новыми пушками, новыми пулеметами и винтовками. И послѣ того, какъ всѣ эти горы будутъ убраны и увезены въ тылъ, на полѣ битвы на Марнѣ останется 90.000 маленькихъ холмиковъ, подъ которыми будутъ спать вѣчнымъ сномъ убитые германскіе и французскіе солдаты и офицеры.

Поговоримъ съ однимъ изъ уцѣлѣвшихъ, намъ уже знакомымъ оберлейтенантомъ Лоришемъ, дравшимся противъ арміи Монури:

— Вдругъ скачетъ капитанъ, — разсказываетъ онъ про день восьмого сентября, — слѣзаетъ, бросаетъ поводья на руки вѣстового.

— Оберлейтенантъ Лоришъ! — приказываетъ онъ. — Разверните первые два отдѣленія на 150 метровъ и примкните къ третьей ротѣ.

Капитанъ отводитъ меня въ сторону и, указывая направленіе, говоритъ :

— Когда вы перевалите черезъ эту высоту, то, по всей вѣроятности, окажетесь подъ огнемъ, — тихо говоритъ онъ. — Будутъ потери, но это не должно васъ останавливать, сегодня мы, во что бы то ни стало, должны идти только впередъ!

— Слушаюсь, господинъ капитанъ.

Оцѣпенѣніе и усталость немедленно проходятъ. Надвигающаяся опасность предстоящаго боя подтягиваетъ нервы. Моя стрѣлковая цѣпь быстро продвигается впередъ.

На вершинѣ холма лопаются первыя гранаты. Намъ уже знакомъ ихъ пламенный взметъ, грохотъ разрыва, дыханіе жара, вой и визгъ осколковъ.

— Впередъ!

Сзади, спереди и вокругъ насъ, разлетается тяжелая сталь, прыгаютъ комья земли, мгновенно вырастаютъ дымящіяся воронки, но мы пробираемся сквозь эту свистопляску и вскорѣ, у Этавиньи, выходимъ на пологій спускъ.

На нѣкоторое время мы въ безопасности. Выемка дороги дѣлитъ холмъ на двѣ равныя половины.

— Ложись!

Вынимаю бинокль. Едва только успѣваю прильнуть глазами къ окулярамъ, какъ въ 20—30 шагахъ отъ насъ, съ ужасающимъ трескомъ и грохотомъ, взрывается цѣлый букетъ гранатъ. Мои люди шарахаются въ сторону.

Къ намъ пробирается капитанъ. Дѣлаетъ вмѣстѣ со мной наблюденія. Вслѣдъ за нимъ появляется ординарецъ.

— Приказъ по батальону, хэрръ капитенъ! Ваша часть идетъ впередъ, не обращая вниманія на потери.

Капитанъ отвѣчаетъ только:

— Да... тутъ ничѣмъ не поможешь...

Я слышу крики упавшихъ духомъ солдатъ, но моя команда подхлестываетъ ихъ. Мы идемъ снова впередъ по мѣстности, по которой, какъ дождь, сыпятся гранаты.

Внезапно — тишина. Непріятельская артиллерія перестала стрѣлять. Мы дѣлаемъ перебѣжку, и теперь насъ прикрываетъ отъ непріятельскаго ружейнаго огня удачная складка мѣстности.

Первые убитые французы. Одинъ въ агоніи вгрызся зубами въ землю. У другого, изъ разжимающейся восковой руки на нашихъ глазахъ выскальзываетъ винтовка и съ бряцаніемъ падаетъ на траву.

Кричатъ раненые:

— Пить, пить! Воды!

Нѣкоторые изъ моихъ ребятъ отдаютъ имъ свои фляги.

Дальше. Широкая дорога дугой бѣжитъ по холму. Шоссе Аси-Бецъ. Мы опять притаиваемся къ выемкѣ.

Теперь насъ больше. Ко мнѣ присоединяется остатокъ взвода, а изъ другого присылаютъ нѣсколько звеньевъ для пополненія.

Снова:

— Встать! Маршъ-маршъ!

Мы получаемъ полную порцію страха.

Залегли. На брюквенномъ полѣ.

— Тзі—у! Тзі—у! — визжатъ пули.

Наши винтовки грохочатъ. Можно хорошо различить разницу въ тонѣ нашихъ и французскихъ выстрѣловъ. Наши бьютъ крѣпкимъ, рѣзкимъ ударомъ, французскіе лебели щелкаютъ, какъ бичи.

Вскрикъ. Стоны. Гулъ артиллеріи.

Взметывается земля. Здѣсь. Тамъ. Прямо передъ нами. Крики команды. Опять стоны.

Мы кое-какъ вскарабкались поближе къ вершинѣ холма. Слѣва, гдѣ естественныя прикрытія это позволяли, наши солдаты уже на вершинѣ.

Но, кажется, ихъ обходятъ?

Все равно. Вокругъ меня брызжутъ землей безчисленныя гранаты, и цѣпи сильно порѣдѣли.

Теперь огонь плещетъ намъ прямо въ лицо, но непріятеля мы не видимъ. Положеніе чертовское. Я рѣшаю исправить его отчаянной перебѣжкой. Уже отдана команда, какъ сзади набѣгаетъ новая группа солдатъ, посланныхъ изъ резерва.

— Приказъ капитана: не двигаться дальше!

— Невозможно! Не могу же я здѣсь оставаться!

Новый вскрикъ. Это поваленъ одинъ изъ новоприбывшихъ, который не нашелъ себѣ мѣста въ сомкнувшейся стрѣлковой цѣпи. Новое удовольствіе! Раненый начинаетъ кричать такъ, что выматываетъ всю душу.

— Это Карлъ Мендель, господинъ лейтенантъ, — говоритъ сосѣдній солдатъ.

Тзі—у! Тзі—у!

Одна пуля визжитъ на волосокъ отъ моей фуражки. Раненый Мендель вскрикиваетъ съ новой силой.

— Ему еще разъ попало, господинъ лейтенантъ.

Нѣтъ, здѣсь оставаться нельзя.

— Вста—ать! Впередъ, бѣгомъ, — ма—аршъ!

Что такое?

Приказъ вернуться.

Повсюду вокругъ насъ клубятся бѣлые облачки шрапнелей. Сначала надъ гребнемъ холма, затѣмъ все ближе и ближе. Вотъ они висятъ уже надъ сосѣдней ротой. Мои люди испуганно кричатъ. Нужно быстрое рѣшеніе. На полоборота влѣво видны два громадныхъ омета соломы. За ними, поросшая ивой, тянется не то канава, не то дорога. Какая то жидкая цѣпь уже лежитъ тамъ.

Туда.

Въ два пріема я перебрасываю взводъ влѣво.

— Маршъ—маршъ!

Это звучитъ, какъ спасеніе. Каждый бѣжитъ, сколько силъ хватаетъ. Бросаемся на землю за ометами. Отдышались. Затѣмъ, или согнувшись въ три погибели, или ползкомъ на брюхѣ добираемся до канавы и валимся въ нее.

Взводы перестраиваются заново. Каждый унтеръ-офицеръ получаетъ по 15—20 человѣкъ.

И вотъ, съ нашей стороны начинается оживленный ружейный огонь. по непріятелю, который прекрасно виденъ, по его наспѣхъ вырытымъ окопамъ, по врагу, до котораго какихъ нибудь 400 метровъ. Офицеры и фельфебеля берутъ винтовки своихъ убитыхъ сосѣдей.

Посреди воя гранатъ и визга пуль у меня мелькаетъ мысль:

— Гдѣ капитанъ?

Спрашиваю нѣсколькихъ людей.

— Онъ раненъ. Лежитъ позади насъ.

Другой знаетъ больше:

— Онъ былъ раненъ въ руку и дѣлалъ себѣ перевязку. Въ это время ему попало въ грудь и убило.

Печальная вѣсть. Изъ недѣли въ недѣлю жили мы вмѣстѣ, привыкли другъ къ другу, — а вотъ теперь онъ мертвъ... Славный парень, — еще сутки тому назадъ онъ былъ душой маленькаго торжества...

Но много думать некогда. Мы представляемъ изъ себя прекрасную цѣль, и пройдетъ немного времени, какъ насъ нащупаетъ непріятельская артиллерія.

Назадъ?

Противъ этого протестуетъ солдатская гордость. Правда, справа, нѣкоторые здорово потрепанные взводы пытаются уже уползти прочь, но около нихъ появляется стоящій во весь ростъ офицеръ и гонитъ ихъ обратно.

Нѣтъ! Я не отступлю! Вотъ бы пойти впередъ, хотя бы это стоило жизни! Въ такихъ положеніяхъ всякое движеніе легче, чѣмъ неподвижность.

Нашъ противникъ кусается. Двое его пулеметчиковъ подползли чуть

ли не вплотную и косятъ насъ слѣва. Мои люди становятся безпокойными. Меня забираетъ злоба.

Вице-фельдфебель, лежащій рядомъ со мной, сжимаетъ кулакъ:

— Надо идти впередъ, господинъ лейтенантъ. Мы ужъ доберемся до нихъ.

Слѣва отъ насъ какіе-то солдаты бросаются впередъ. Мое рѣшеніе созрѣло.

— Вста—ать! Впередъ! Маршъ—маршъ!

Я бѣгу самъ, но за мной слѣдуютъ лишь немногіе.

Что я? Поспѣшилъ? Поняли ли меня мои люди? Можетъ быть, нѣтъ?

— Въ прикрытіе!

Я не успѣлъ пробѣжать много. Хочу позвать остальныхъ Поворачиваю голову. Вскрикиваю:

— А!

Подбѣгаетъ какой-то ефрейторъ. У правой ключицы у меня красно отъ крови. Изъ уха течетъ горячая струя.

■

Вечеромъ того же дня Гальени знаетъ, что обходъ Клука не удался, армія Монури отъ наступленія должна перейти къ оборонительной тактикѣ, и снова надо думать объ оборонѣ Парижа страшно утомленными и потрепанными войсками.

Тяжело на душѣ у Гальени. Изъ военачальника, который былъ увѣренъ въ побѣдѣ надъ врагомъ въ открытомъ полѣ, онъ превратился въ генерала, которому остается погибнуть вмѣстѣ съ Парижемъ, если города не удастся отстоять.

Вся надежда теперь на англичанъ. Если они успѣли ворваться въ брешь между первой и второй германскими арміями, то Клукъ изъ побѣдителя превратится въ побѣжденнаго, и весь нѣмецкій фронтъ покатится тогда назадъ...

■

Въ тотъ же вечеръ, въ 200 километрахъ отъ Гальени сидитъ другой озабоченный человѣкъ, Мольтке, который пишетъ женѣ письмо:

«Я могу лишь съ трудомъ выразить ту безграничную тяжесть, которая легла на меня, ту отвѣтственность, которая угнетаетъ. Великая схватка на всемъ фронтѣ до сихъ поръ не пришла къ разрѣшенію. Въ данный моментъ дѣло идетъ объ оправданіи тѣхъ жертвъ, которыя были до сихъ поръ принесены, или безцѣльномъ уничтоженіи ихъ результатовъ. Было бы ужаснымъ, если бы онѣ не принесли рѣшительный успѣхъ... Напряженіе послѣднихъ дней, отсутствіе извѣстій изъ отдаленныхъ армій, сознаніе, что все поставлено на карту, превосходитъ человѣческія силы.

Ужасныя трудности нашего положенія часто стоятъ передо мной какъ черная, кажущаяся непроницаемой, стѣна. Сегодня вечеромъ съ фронта получены болѣе успокоительныя извѣстія. Дай Богъ, чтобы нашими слитыми воедино войсками мы добились успѣха. Гвардейскій корпусъ снова вынесъ тяжелый бой, — онъ растаялъ почти до половины своего состава.

Тяжелое выпало время, и тѣ жертвы, которыя потребовала до сихъ поръ война, будутъ приноситься и въ дальнѣйшемъ. Весь міръ сговорился противъ насъ и выглядитъ такъ, какъ будто бы всѣ націи желаютъ только одного: уничтоженія Германіи. Тѣ немногія государства, которыя оста-

лись нейтральными, относятся къ намъ недоброжелательно. У Германіи больше нѣтъ друзей, она живетъ одиноко, предоставленная сама себѣ.

Отъ сегодняшнихъ событій зависитъ, останемся ли мы здѣсь. Во всякомъ случаѣ пробудемъ тутъ не долго. Кайзеръ долженъ ѣхать во внутрь Франціи; онъ долженъ быть тамъ же, гдѣ находится его армія...»

9 сентября

Командующій Второй арміей — Командиру второго кавалерійскаго корпуса.

Офиціально. Срочно. Секретно. Безъ номера. 15 час. 15 м.

Ставка главнокомандующаго приказываетъ отступить: первой арміи на Суасонъ, второй арміи на Сепъ Кантенъ де Марэ. Формируется новая армія. Бюловъ.

(Перехваченная французами радіограмма отъ 9 сентября 1914 года.)

КОНЕЦЪ?

УТРОМЪ девятаго сентября положеніе арміи Монури, отказавшейся отъ попытки обойти армію Клука, было очень тяжелымъ. Монури отступалъ.

Затѣмъ стало еще хуже. Армія поддалась паникѣ и побѣжала.

Двѣ бригады ландвера, освободившіяся отъ осады сдавшагося Мобежа. и, какъ лавина, скатившіяся съ лѣсистыхъ высотъ сѣверо - запада, стали причиной паники французовъ.

Гальени уже съ разсвѣта былъ на ногахъ. Его автомобиль несся по направленію къ парижскимъ укрѣпленіямъ — послѣднему оплоту отступавшей арміи Монури. Стѣны и рвы Столицы Міра должны были спасти ее отъ окончательнаго уничтоженія.

Въ это утро Гальени можно было видѣть то тутъ, то тамъ. Онъ расхаживалъ среди лихорадочно работающихъ рабочихъ, размахивалъ стэкомъ и взвѣшивалъ мельчайшія возможности обороны такой устарѣвшей крѣпости. Часто генералъ останавливался и прислушивался. Канонада становилась все слышнѣе, все отчетливѣе.

Сомнѣнія быть не могло; Клукъ, не задерживаясь, во второй разъ быстро надвигался на Парижъ.

Что дѣлать? Оставить Парижъ на произволъ судьбы? Оттянуть армію Монури или заставить ее погибнуть передъ воротами Парижа?

Гальени звонитъ въ Баръ сюръ Объ. Обсуждаетъ съ Жоффромъ общее положеніе фронта.

Оказывается, что вообще оно вовсе не такъ катастрофично, какъ на парижскомъ секторѣ. Арміи, стоящія противъ второй и третьей германскихъ, констатируютъ успѣхъ за успѣхомъ. Мало того: брешь между второй и первой германскими арміями увеличилась, и англичане, какъ клинъ, вгоняемый мощнымъ молотомъ, неудержимо углубляются въ тылъ Клука и Бюлова, увлекая за собой вливающіеся въ брешь полки французовъ. Около полудня эта операція союзниковъ должна быть закончена, флангъ Клука будетъ обойденъ, его армія окончательно отдѣлена отъ Бюлова, — и германскій фронтъ будетъ прорванъ!

Генералъ Гальени съ облегченіемъ вздыхаетъ. Парижъ можетъ быть

спасенъ, нѣмцы разбиты на голову, — надо, слѣдовательно, держаться во что бы то ни стало.

Часы проходятъ. Между тѣмъ свѣдѣнія съ фронта арміи Монури становятся все плачевнѣе. Нѣкоторые полки уже бѣгутъ, — не оттянуть ли все-таки всю армію?.

Нѣтъ, нѣтъ! Надо держаться!

До какихъ же поръ?

Можетъ быть день, можетъ быть нѣсколько часовъ, можетъ быть нѣсколько минутъ...

Надо держаться!

И батареи Монури, истекая кровью, мѣняя чуть ли не каждый часъ позиціи, все бьютъ и бьютъ по солдатамъ Клука, являя дрогнувшей пѣхотѣ французовъ примѣръ исключительнаго мужества.

Армія Монури смята, поколеблена, но отчаянными усиліями воли ея командира цѣпляется за каждый холмъ, за каждую кромку земли.

Монури у телефона:

— Монъ женераль! — дрожащимъ голосомъ, но стараясь быть спокойнымъ, говоритъ онъ. — Я несу необыкновенныя потери. Меня преслѣдуетъ мысль, не лучше ли все-таки пожалѣть нашихъ солдатъ и отойти на линію фортификацій? ..

Гальени глухо:

— Дорогой Монури: та же мысль мучаетъ и меня, но намъ надо держаться, — держаться во что бы то ни стало. Англичане и д'Эсперэ каждую минуту должны принести облегченіе.

Монури со вздохомъ:

— Я сдѣлаю все возможное...

— Знаю, и уже теперь благодарю васъ и вашихъ солдатъ, генералъ...

— Нѣтъ ли у васъ все-таки какихъ либо войскъ въ Парижѣ, Гальени? Моя армія совершенно истекла кровью.

Теперь вздыхаетъ Гальени:

— Увы, Монури, я послалъ вамъ все, что имѣлъ. Въ Парижѣ нѣтъ ни одного солдата, который не находился бы на пути къ фронту.

— Нельзя ли добиться подкрѣпленій отъ Жоффра? Хоть полкъ, хоть батальонъ, хоть батарею артиллеріи!

— Невозможно! Единственно, что я могу вамъ предложить, это — парижская полиція.

— Полиція! — восклицаетъ Монури съ негодованіемъ, но затѣмъ прибавляетъ съ сомнѣніемъ. — Кто знаетъ, монъ женераль, можетъ быть въ послѣднюю минуту намъ придется воспользоваться и полиціей, но попытаюсь еще разъ, постараюсь подбодрить солдатъ, играя на ихъ самолюбіи. Можетъ быть, полки, которые въ настоящее время совершенно растрепаны и неспособны къ бою, постыдятся отступать, зная, что полицейскіе могутъ драться не хуже ихъ.

— Держитесь, Монури, заклинаю васъ, держитесь до послѣдняго! Мы должны выдержать этотъ бой!

Часы бѣгутъ... Гальени нервно ходитъ по садику, разбитому передъ школой, гдѣ работаетъ его штабъ, и безконечное число разъ подходитъ къ распахнутому окну. Отдавать приказанія теперь невозможно, нужно только выждать, во что выльются уже отданныя.

— Нѣтъ ли новыхъ донесеній? — въ сотый разъ спрашиваетъ онъ и каждый разъ слышитъ отвѣтъ:

— Одну минуту, монъ женераль. Какъ разъ поступаетъ новая телеграмма.

А телеграммы сыпятся дождемъ. Просто удивительно, какъ успѣваетъ справляться телеграфъ съ депешами отъ Жоффра, Френча, отъ Франше д'Эсперэ, Монури, отъ его дивизій, полковъ, батальоновъ и даже отдѣльныхъ ротъ!

Гальени у телефона. Его требуетъ Жоффръ.

— Англичане идутъ во всю, — сообщаетъ онъ, — но Клукъ все время въ движеніи, и очень можетъ быть, что обойти его флангъ засвѣтло не удастся. Два корпуса англичанъ, правда, перешли уже Марну, но третій корпусъ, отъ удара котораго зависитъ все, постоянно задерживается мелкими боями.

Тутъ нервы Гальени не выдерживаютъ. Онъ тяжело опускается на грубо сколоченую садовую скамейку, упирается локтями въ колѣни и, спрятавъ лицо въ руки, побѣлѣвшими пальцами стискивая скулы, издаетъ глухой стонъ...

ЧУДО НА МАРНѢ.

Конецъ... Если при этомъ положеніи что-нибудь можетъ помочь, то только лишь зажженный факелъ, брошенный въ самую гущу германской арміи. Онъ долженъ пролетѣть сквозь брешь между Клукомъ и Бюловымъ, посѣять панику, заставить ихъ штабы потерять голову...

Къ вечеру Гальени ясно: на улицахъ Парижа разыграется рѣшительный бой, и пылающіе дома будутъ освѣщать схватку двухъ народовъ. И одинъ, защищающій свою родину на развалинахъ столицы, будетъ жертвой.

Гальени теряетъ власть надъ своими нервами. Онъ вызываетъ по телефону Монури, Жоффра, опять Монури, читаетъ донесенія, немедленно пишетъ отвѣты, какъ загнанный звѣрь носится то по садику, то по комнатѣ, склоняется надъ картами, пишетъ, перечеркиваетъ, рветъ бумагу.

Донесенія съ парижскаго фронта поступаютъ съ необыкновенной быстротой, въ ужасномъ сумбурѣ и въ такомъ количествѣ, что разобраться въ нихъ нѣтъ больше никакой возможности. Въ душу Гальени закрадывается чувство необъяснимой пустоты, и онъ невольно вспоминаетъ русскаго генерала Самсонова, который долгіе часы бродилъ по полю проигранной битвы прежде, чѣмъ покончить съ собой выстрѣломъ изъ револьвера.

Все было напрасно... и планы Жоффра, и жертвы русскихъ, и наступленіе Френча, поведшаго, наконецъ, впередъ свою растрепанную армію, все...

Конецъ...

И вдругъ, въ потокъ донесеній, какъ свѣжая струя воздуха послѣ грозы, врывается радіограмма. За ней телеграмма. Телефонограмма. Ординарецъ на мотоциклетѣ. Всадникъ. Одинъ. Другой. Третій.

Со всѣхъ сторонъ, перегоняя одно другое, летятъ донесенія:

— Нѣмцы исчезли съ поля битвы!

Съ генераломъ Монури, вдругъ, теряется связь. Онъ гдѣ - то тамъ, впереди, при своихъ войскахъ. Въ штабѣ Гальени останавливается вся-

кая работа. Ликованіе смѣняетъ уныніе. Глаза блестятъ, уста готовы кричать «ура!».

Битва на Марнѣ выиграна! Нѣмцы отступаютъ!

Можетъ ли это быть? Не ошибка ли? Не новый ли маневръ отважнаго Клука?

Гальени добивается соединенія съ однимъ изъ высшихъ артиллерійскихъ офицеровъ арміи Монури.

— Да, монъ женераль! — радостно подтверждаетъ тотъ. — Я вынужденъ былъ отдать своей артиллеріи приказъ прекратить огонь, потому, что нигдѣ нельзя было обнаружить непріятеля!

Гальени съ той же радостью, но все еще съ опасливымъ недовѣріемъ, буквально кричитъ въ трубку:

— Но, генералъ! Это вѣдь противорѣчитъ всякому смыслу! Не провалились же нѣмцы сквозь землю! Какъ можно исчезнуть съ поля битвы, когда мы, понимаете, мы разбиты! Вѣдь Клукъ можетъ уничтожить насъ каждый моментъ!

— Да, насъ, монъ женераль, но не нашъ фронтъ! — слышится отвѣтъ.

Въ три часа дня генералъ Монури торжественно доноситъ Гальени, что на участкѣ его арміи непріятеля больше нѣтъ.

Гальени, блѣдный, какъ смерть, медленно и осторожно кладетъ телефонную трубку и тихо произноситъ:

— Это — чудо на Марнѣ.

И въ то же мгновеніе по всей Франціи начинаетъ работать телеграфъ, трещатъ, гудятъ и звонятъ телефоны.

— Нѣмцы ушли!

Жоффръ вытираетъ внезапно выступившій потъ. Украдкой, полуотвернувшись, словно стыдясь за свою слабость, присутствующихъ офицеровъ, онъ осѣняетъ себя широкимъ крестомъ.

Донесенія развѣдчиковъ. Летчиковъ. Справки отъ мѣстныхъ жителей. Десятки, сотни, — нѣтъ, — тысячи свидѣтельствъ, подтверждаютъ радостную вѣсть.

Сомнѣнія нѣтъ. Врагъ отступилъ.

И вотъ, въ полдень, девятаго сентября 1914 года, Франція облегченно вздыхаетъ. Битва, нѣсколько дней бушевавшая на протяженіи 300 километровъ кончилась, и войска съ ликованіемъ устремляются вслѣдъ откатывающемуся врагу...

10 сентября

ОШИБОЧНО было бы представлять битву на Марнѣ какъ единое цѣлое. Грандіозная схватка народовъ, кончившаяся такъ трагично для Германіи, составилась изъ серіи исключительно тяжелыхъ боевъ, разыгравшихся въ долинахъ Урка, Гранъ Морэна, Пти Морэна и Орнэна. Соприкосновеніе противниковъ часто нарушалось, и обстановка часто и столь рѣзко измѣнялась, что французы на первыхъ порахъ не отдавали себѣ даже отчета въ важности начатаго нѣмцами обширнаго стратегическаго отступленія. Повторяя слова извѣстнаго англійскаго военнаго критика и эксперта Лиддль Харта, можно авторитетно заявить, что французы были столь же поражены своей побѣдой, какъ нѣмцы пораженіемъ.

Мольтке ищетъ виновника.

Имъ является фонъ Клукъ!

И вотъ, на этого генерала, проведшаго возложенное на него порученіе съ исключительной доблестью, низвергается опала, — нѣтъ, больше того, — униженіе. Вмѣсто того, чтобы отрѣшить Клука отъ командованія и замѣнить его, въ случаѣ виновности, другимъ генераломъ, Мольтке подчиняетъ его командующему второй арміей, генералу фонъ Бюлову.

Худшаго наказанія быть не могло. Бюловъ и Клукъ неизмѣнно были конкуррентами въ области стратегіи и тактики. Въ своихъ дѣйствіяхъ они всегда старались затмить одинъ другого.

Сквозь эфиръ понеслась телеграмма. Она была перехвачена французами, но недостаточно хорошо понята въ свое время.

> Генералъ, командующій Второй арміей — генералу, командующему Первой арміей.
>
> Офиціально. Внѣ очереди. Только для адресата. (Номеръ затушеванъ).
>
> 10 сентября 14 часовъ.
>
> Первая армія подчинена мнѣ. Гдѣ находится она десятаго сентября? Спѣшно сообщите ея расположенія и данныя относительно силъ противника, расположеннаго противъ нея. Когда будетъ Первая армія въ состояніи возобновить наступленіе? Я требую немедленнаго отвѣта.
>
> **Бюловъ.**

Едва только была расшифрована перехваченная радіограмма, какъ всѣ французскія радіо-станціи были приведены въ состояніе тревоги. Операторы лихорадочно нащупываютъ носящіяся въ эфирѣ волны, стремясь перехватить отвѣтъ, могущій выяснить стратегическое положеніе арміи Клука и ея матеріальное состояніе.

Но Клукъ, очевидно, охваченъ дурнымъ настроеніемъ духа и даетъ почувствовать это Бюлову тѣмъ, что отвѣтъ, затребованный немедленно, посылается имъ только четыре часа спустя.

> Генералъ, командующій Первой арміей — командующему Второй арміей.
>
> Офиціально. Срочно. Секретно. № 214.
>
> 10 сентября 18 часовъ 10 минутъ.
>
> Первая армія отступила сегодня до опушки лѣса Виллеръ Коттерэ. Никакихъ признаковъ непріятеля къ востоку отъ Уркъ. До настоящаго времени непріятель продолжаетъ выходить изъ Шато Тьери. **Моя армія сильно утомлена и приведена въ безпорядокъ** пятидневными непрерывными боями и **отданнымъ приказомъ къ отступленію.** Она не будетъ готова къ наступленію по меньшей мѣрѣ до 12 сентября.
>
> **Клукъ.**

Въ приведенной радіограммѣ чувствуется желаніе уколоть. Бюловъ, какъ извѣстно, началъ отступленіе первымъ. Только благодаря этому, Хенчъ склонилъ Клука послѣдовать за нимъ. Клукъ, не упускающій ни одной возможности въ веденіи военныхъ операцій, не упускаетъ ихъ и тогда, когда можетъ насолить своему сопернику. Поэтому онъ телеграфируетъ подчеркивая, что «армія приведена въ безпорядокъ отданнымъ приказомъ къ отступленію».

Этотъ документъ освобождаетъ Клука отъ всякой отвѣтственности передъ исторіей за начатое имъ отступленіе, ибо врядъ ли можно себѣ представить,

чтобы кто нибудь, находящiйся въ подчиненномъ положенiи, взялъ на себя смѣлость указывать своему вновь назначенному начальнику на факты, не соотвѣтствующiе дѣйствительности.

ЗАМИНКА СЪ 15-ЫМЪ АРМЕЙСКИМЪ КОРПУСОМЪ.

Другая телеграмма, перехваченная французами 10 сентября, обращаетъ наше вниманiе на событiе исключительной важности.

Германскiй главный штабъ съ нетерпѣнiемъ ожидалъ прибытiя подкрѣпленiй въ видѣ пятнадцатаго армейскаго корпуса, который, былъ превосходно вооруженъ и укомплектованъ свѣжими солдатами. Корпусъ этотъ могъ, по мнѣнiю авторитетовъ, съ легкостью возстановить поколебленное положенiе германскаго фронта и, больше того, обернуть его въ пользу Мольтке.

Между прочимъ, этотъ корпусъ исчезъ самымъ таинственнымъ образомъ съ фронта — и исторiя его исчезновенiя слѣдующая: въ описываемый день онъ находился на территорiи Бельгiи, занятый ликвидацiей героической вылазки бельгiйской армiи, осажденной въ Антверпенѣ.

Благодаря дѣйствiямъ этого корпуса, выясняется, что въ рѣшенiи великой битвы на Марнѣ принимали участiе даже бельгiйцы, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая телеграмма:

Главнокомандующiй — всѣмъ командующимъ армiями 10 сентября 14 часовъ 5 минутъ.

Офицiально. Секретно. Внѣ очереди. № 1225.

Вылазка изъ Антверпена въ направленiи Брюсселя и Лувена, а также желѣзнодорожное крушенiе у Монса задерживаютъ прибытiе 15 армейскаго корпуса.

Мольтке.

Эта телеграмма разбила послѣднiя надежды командующихъ германскими армiями на возможность прiостановки отступленiя. Злой рокъ преслѣдовалъ Мольтке. Положенiе его стало шаткимъ.

На слѣдующiй день, 11 сентября, онъ, приведенный въ отчаянiе фатальнымъ стеченiемъ обстоятельствъ, отдаетъ приказы уже не отъ своего собственнаго имени, а отъ имени кайзера.

Возникаетъ вопросъ: не вмѣшался ли кайзеръ въ военныя операцiи?

Мы находимъ отвѣтъ:

Главнокомандующiй — всѣмъ командующимъ армiями 11 сентября. 7 часовъ 45 минутъ.

Офицiально. Срочно. Секретно. № 1341.

Его величество приказываетъ: Вторая армiя отступаетъ за р. Вэль, опираясь лѣвымъ флангомъ на Тюизи. Первая армiя продолжаетъ получать приказанiя отъ Второй армiи. Третья армiя, сохраняя связь со Второй армiей, удерживаетъ линiю Мурмелонъ ле Пети — Франшевиль сюръ Муавръ. Четвертая армiя сохраняетъ соприкосновенiе съ Третьей армiей къ сѣверу отъ канала, соединяющаго Марну съ Рейномъ, вплоть до района Ревиньи. Пятая армiя остается на занятыхъ позицiяхъ. Пятый корпусъ и главные резервы Метца предназначаются для атаки фортовъ Тройонъ, ле Парошъ, Канъ де Ромэнъ (одну группу нельзя расшифровать). Позицiи, занятыя армiями, должны быть укрѣплены и удержаны.

Мольтке.

Приведенная телеграмма имѣетъ двойное значеніе. Во первыхъ, она дала сигналъ къ началу позиціонной войны — и арміи начали зарываться въ землю, — а во-вторыхъ, она оказалась послѣднимъ документомъ, подписаннымъ Мольтке. 13 сентября утромъ кайзеръ рѣшилъ уволить его и замѣнить генераломъ Фалькенгайномъ.

— Съ меня хватитъ, — воскликнулъ Вильгельмъ II, — этого безсильнаго старика, который заставилъ меня потерять Парижъ!

ЭХО УМОЛКШАГО БОЯ

Во время кампаніи 1914 года германское главное командованіе не потерпѣло на Марнѣ неудачи! — восклицаетъ сынъ кайзера, кронпринцъ Фридрихъ Вильгельмъ, въ части своихъ воспоминаній, посвященной битвѣ на Марнѣ. Трагическія событія, послѣдовавшія вслѣдъ за удивительными германскими побѣдами, произошли, по его мнѣнію, по винѣ только тѣхъ нѣсколькихъ лицъ, которыя, будучи призванными осуществить рѣшительный маневръ, оказались не на высотѣ положенія. Возлагая всю отвѣтственность на Мольтке, кронпринцъ пишетъ, что «врожденная неспособность руководителя явилась причиной постигшей германскую армію судьбы», но это, по его мнѣнію, не являлось еще проваломъ системы.

— Вожди рождаются. Ихъ не назначаютъ, — говоритъ старая пословица.

По этой формулѣ появился графъ Шлиффенъ, тотъ гигантъ германской стратегической мысли, который создалъ планъ кампаніи на западномъ фронтѣ, перешедшій къ его преемнику, Мольтке младшему, столь расточительно обошедшемуся съ полученнымъ наслѣдствомъ. Тѣмъ не менѣе, оба, какъ Мольтке, такъ и Шлиффенъ были продуктами одной и той же системы.

Ошибка германскаго главнаго командованія называется многими авторитетами проваломъ всей «чертовски старой системы», и одинъ изъ достойнѣйшихъ столповъ Германіи довоеннаго и военнаго времени, — генеральный штабъ, — оказался, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, не на высотѣ потому, что эти люди не сумѣли увидѣть разницу между системой и личностями. Любой хорошій планъ можетъ оказаться испорченнымъ неумѣлымъ осуществленіемъ.

Отвѣтственность за гигантскую трагедію нѣмцевъ на Марнѣ всецѣло падаетъ на Мольтке. Онъ такъ мало вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, что остался въ маленькомъ красномъ кирпичномъ домикѣ въ Люксембургѣ, откуда онъ не могъ даже поддерживать постоянный контактъ съ дѣйствующей арміей.

Мольтке былъ абсолютно неспособенъ изобрѣтать тѣ «вдохновляющіе боевые кличи», которые, по завѣщанію Шлиффена, «абсолютно необходимы для современнаго Александра Македонскаго». Онъ не умѣлъ пользоваться тѣми фразами, которыя бросалъ въ свою армію его противникъ Жоффръ, его приказы дѣйствовали на германскую армію скорѣе, какъ звуки похороннаго марша. Мольтке, какъ онъ самъ въ этомъ признавался, «смертельно ненавидѣлъ всякія ура-чувства» и, что было еще болѣе непростительно для военачальника, страдалъ недооцѣнкой моральныхъ факторовъ, столь важныхъ при веденіи современной войны.

Въ 1906 году, послѣ выхода въ отставку Шлиффена, кайзера Виль-

гельма часто упрекали въ томъ, что онъ остановилъ свой выборъ на Мольтке младшемъ. Сплетня утверждаетъ, что Вильгельмъ, изъ чванства, хотѣлъ имѣть рядомъ съ собой какого нибудь Мольтке потому, что его отецъ располагалъ услугами Мольтке старшаго, дяди младшаго, бывшаго блестящимъ начальникомъ штаба въ побѣдоносныхъ войнахъ 1864, 1866, 1870 и 1871 годовъ.

Это, конечно, неправда. Кайзеръ избралъ Мольтке потому, что онъ не былъ придворнымъ и умѣлъ разговаривать съ нимъ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ. Кайзеръ и Мольтке были друзьями. Мольтке пользовался полнымъ довѣріемъ Вильгельма, а безграничное довѣріе императора къ своему военачальнику во время войны играетъ огромную роль.

Говорилось также, что Мольтке съ самаго начала просилъ Вильгельма не назначать его начальникомъ штаба потому, что, будто-бы, чувствовалъ свою непригодность къ этому посту. Кронпринцъ въ своихъ воспоминаніяхъ рѣшительно отвергаетъ и эту сплетню, ссылаясь на личную освѣдомленность. Онъ утверждаетъ, что Мольтке только выдвинулъ рядъ требованій, которыя были необходимы для успѣшной дѣятельности. Эти требованія только укрѣпили довѣріе кайзера къ его начальнику штаба и были безоговорочно приняты. Вильгельмъ, верховный вождь арміи, вовсе не желалъ имѣть въ своемъ распоряженіи куклу.

Хотя выборъ кайзера палъ на Мольтке, тѣмъ не менѣе, въ германскихъ военныхъ кругахъ считали, что въ средѣ генералитета было нѣсколько лицъ, которыя больше подходили для поста начальника штаба. Особенно часто называлось имя фельдмаршала фонъ деръ Гольца. Кронпринцъ, напримѣръ, думаетъ, что фонъ деръ Гольцъ былъ способнѣе Мольтке, но между нимъ и кайзеромъ не существовало такой взаимной откровенности, какой могъ похвастаться Мольтке. Фонъ деръ Гольцъ самъ радостно привѣтствовалъ назначеніе Мольтке.

Старый Шлиффенъ врядъ ли рекомендовалъ Мольтке въ качествѣ своего преемника. Не потому, впрочемъ, что считалъ его неспособнымъ. По причинѣ своего незауряднаго здоровья и полной сохранности духовныхъ силъ, несмотря на преклонный возрастъ, онъ думалъ, что сможетъ еще въ продолженіи долгаго времени руководить генеральнымъ штабомъ. Шлиффенъ родился въ 1833 году и умеръ въ 1913. Онъ вышелъ въ отставку 73 лѣтъ — изъ-за преклоннаго возраста.

Что же въ концѣ концовъ произошло на нѣмецкой сторонѣ?

Клукъ повернулъ свои полки обратно?

Въ этотъ день война велась по секундомѣру. Часы? — Нѣтъ! — минуты играли роль, стойкость одного единственнаго батальона могла приблизить побѣду, временная слабость его, наоборотъ, вызвать катастрофу.

Сѣверное крыло, — какъ союзнаго, такъ и нѣмецкаго фронта, — кипѣло. Всю ночь происходили лихорадочныя перегруппировки, всю ночь, напрягаясь, шли солдаты, — шли къ сѣверу, западу, востоку, смѣшивались, разъединялись и снова сливались въ общій фронтъ, повинуясь нервнымъ и лаконическимъ приказамъ.

Клукъ едва ли спалъ въ эту ночь. Событія на фронтѣ, молчаніе Люксембурга, ворчаніе его сосѣда Бюлова и, наконецъ, пережитая опасность неожиданнаго плѣненія во время перестрѣлки, — все напрягало существо до послѣдняго предѣла, заставляло прыгать мысли, отгонять сонъ

Едва лишь начинаетъ брезжить разсвѣтъ, какъ въ сотрясаемомъ ар-

тиллерійской канонадой Ла Фертэ Милонъ начинается оживленное движеніе. Клукъ хочетъ быть еще ближе къ фронтовымъ событіямъ и переноситъ свой значекъ дальше на юго-западъ, — въ Марэй. Длинная колонна автомобилей несется по забитому войсками шоссе и въ 9.30 утра, когда душный зной уже заставляетъ лица обливаться потомъ, останавливается передъ очищеннымъ квартирьерами домикомъ.

Работа закипаетъ сразу. На сдвинутыхъ столахъ разстилаются карты, офицеры, не снимая амуниціи, склоняются надъ ними. Клукъ занимаетъ отдѣльную комнату и погружается въ груду прибывшихъ въ Марэй раньше него запечатанныхъ пакетовъ — рапорты, копіи приказовъ и донесенія развѣдки.

— Жарко... — говоритъ онъ, разстегивая воротникъ мундира, и обращается къ адъютанту: — будте любезны открыть окно.

Вмѣстѣ съ ароматной струей воздуха въ комнату врывается грохотъ ожесточенной канонады, крѣпнущей съ каждой минутой. Поднявъ воспаленные глаза къ потолку, Клукъ, задумавшись, вполголоса говоритъ:

— Ну вотъ, капитанъ, мы дошли до воротъ Парижа.... Откроются ли они передъ нами или намъ придется взламывать ихъ?

Адъютантъ, тоже усталый, но дисциплинированный и поэтому выпрямившійся, увѣренно говоритъ:

— Если мы прошли нѣсколько сотъ километровъ, экселленцъ, то послѣдніе жалкіе полтора десятка врядъ ли могутъ быть препятствіемъ. Вѣдь городъ безъ власти, экселленцъ, безъ правительства, съ наполовину разбѣжавшимся населеніемъ. Тамъ уже теперь, навѣрно, паника!

— Вы правы только отчасти, капитанъ. Гражданской власти въ Парижѣ нѣтъ, я съ этимъ согласенъ, но тамъ имѣется еще хотя и разбитый, но еще не уничтоженный Гальени, а у того, въ свою очередь, его правая рука — Монури. Хотя оба эти генерала мои противники и наши враги, но слѣдуетъ отдать должное ихъ распорядительности. Повѣрьте мнѣ, капитанъ, сразу послѣ занятія Парижа я съ радостью верну имъ шпаги.... А теперь... будьте любезны позвать ко мнѣ начальника штаба.

Капитанъ выходитъ, и минутой позже въ комнатѣ Клука стоитъ страшно уставшій, но такъ же, какъ и Клукъ, крѣпящійся генералъ-майоръ Куль.

Клукъ говоритъ не садясь, показывая рукой на кучу нераспечатанныхъ пакетовъ:

— Прежде, чѣмъ я начну копаться въ этомъ ворохѣ донесеній, скажите мнѣ, каковы ваши послѣдѣнія свѣдѣнія, дорогой Куль.

Начальникъ штаба отвѣчаетъ быстро, увѣренно, и его умное лицо оживляется:

— Группа Кваста, то-есть шестой корпусъ, 6-ая дивизія, нѣсколько батальоновъ ландвера и 4 кавалерійская дивизія выступили въ обходъ Нантэй ле Одуэнъ. Его правый флангъ движется южнѣе Крепи анъ Валуа, черезъ Буа дю Руа.

— Успѣшно?

— Квастъ до сихъ поръ не жаловался на задержки.

— Прекрасно. Дальше?

— У Монури, повидимому, нѣтъ больше резервовъ. Бригада Лепеля только у дороги Санлисъ — Нантэй ле Одуэнъ натолкнулась на непріятеля. Согласно донесеніямъ летчиковъ, всѣ дороги въ районѣ Санлисъ — Шантійи — Крэй — Компьенъ, свободны отъ французскихъ войскъ.

— Еще лучше. А каковы дѣла на нашемъ южномъ фронтѣ?

— На югѣ не столь благополучно, экселленцъ. Намъ придется вмѣшаться въ операціи. Бюловъ уже со вчерашняго дня загнулъ сѣверный флангъ своей второй арміи, отступивъ до Фонтенелля, и два часа тому назадъ сообщилъ, что вынужденъ будетъ продолжить отходъ, попытавшись удержаться на линіи Марна — ле Тультъ.

— Не можетъ ли ему помочь Марвицъ?

— Марвица самого тѣснятъ, экселленцъ. Его первый кавалерійскій корпусъ отходитъ частью черезъ Коднэ анъ Бріэ, частью черезъ Марну назадъ, на востокъ.

— Гмъ... — рука Клука крѣпко сжимаетъ гладко выбритый волевой подбородокъ. — Благодарю васъ, мой другъ. Ступайте теперь къ нашимъ картамъ и посмотрите, что мы можемъ предпринять на югѣ. Какъ только я покончу съ этой грудой, я приду въ оперативную. Поторопите, пожалуйста, службу связи. У меня все еще нѣтъ телеграфа.

Командующій первой германской арміей по-пріятельски протягиваетъ руку своему начальнику штаба. Между обоими наблюдается необыкновенное единодушіе, ни разу не нарушенное за все время небывалаго въ исторіи похода. Куль съ полупоклономъ отвѣчаетъ на рукопожатіе и выходитъ. Въ дверяхъ онъ задерживается, чтобы дать дорогу телеграфистамъ, вносящимъ въ комнату Клука тяжелые ящики. Когда онъ на мгновеніе оборачивается, то видитъ, что Клукъ уже опустилъ отяжелѣвшую голову на руку со вздувшимися жилами и внимательно читаетъ вскрытые пакеты донесеній.

«Однако, у «старика» воли и силъ, повидимому, безгранично много», — думаетъ онъ, подавляя зѣвокъ, и, войдя въ наполненную офицерами оперативную, громко приказываетъ первому попавшемуся вѣстовому:

— Кофе мнѣ! Крѣпкаго, французскаго, завоеваннаго и горячаго, какъ адъ. Живо!

*

Часомъ позже. Битва на Марнѣ принимаетъ катастрофически быстрый темпъ. Грохотъ канонады достигаетъ апогея, и донесенія сыпятся съ невѣроятной быстротой.

Десять часовъ утра:

Летчики. Ординарцы. Офицеры связи. Тарахтѣніе подъѣзжающихъ и уносящихся автомобилей.

— Экселленцъ....

— Благодарю васъ. Эту бумагу — Марвицу. Эту — Квасту. Срочно. Спѣшно. Секретно....

Гудятъ телефоны, тикаютъ телеграфные аппараты. Кррашшшъ! — съ верхушекъ антеннъ полевыхъ радіо-станцій срываются короткіе, бьющіе, какъ хлысты, приказы.

10.10.

Летчики... Ординарцы....

— Экселленцъ.... На дорогѣ... шоссе... переправѣ... замѣчены колонны французскихъ войскъ...

— Доложите генералу Кулю. Благодарю васъ...

Десять съ четвертью.

Подъ окнами дробный шагъ пѣхоты, идущей не въ ногу. Бренчаніе цѣпей, рѣдкое ржанье мучимыхъ жаждой коней. Грохотъ проходящей тяжелой артиллеріи.

Десять двадцать....

Марвицъ доноситъ:

— Англичане энергично наступаютъ. Авангарды Френча переправились черезъ Марну у Нантэй и Шарли...

Въ одиннадцать часовъ эта телеграмма въ рукахъ Клука. Минутой позже Куль опять въ комнатѣ командующаго и предлагаетъ:

— Наше лѣвое крыло, то есть группа фонъ Липсингена, должно загнуть до линіи Круи — Куломбъ, лѣвѣе Нижняго Урка.

— Этого мало, Куль. Пошлите туда спѣшно пятую пѣхотную дивизію. Она еще въ Троси?

— Да, экселленцъ.

— Гоните ее въ направленіи Дюизи. Солдаты ея, навѣрно, свѣжіе, они вѣдь не принимали участія въ послѣднихъ бояхъ. Пусть остановятъ англичанъ во что бы то ни стало. Френчъ на Марнѣ! Это же ужасно, Куль! Между мной и Бюловымъ, значитъ, вгоняется клинъ!

— Да, экселленцъ. Клинъ, и, хуже всего, что брешь между нами растетъ изъ-за того, что флангъ второй арміи все больше сворачивается.

— Не вѣшать голову, мой другъ! Мы остановимъ Френча такъ же, какъ разбили и неожиданнаго Монури. Пишите телеграфный приказъ: Спѣшно. Секретно. Номеръ. Девятаго, девятаго, четырнадцатаго. Одиннадцать часовъ 20 минутъ. Троси....

Маленькій листокъ бумаги уносится на радіостанцію.

— Идемте въ оперативную, — предлагаетъ Клукъ. — Мы этотъ клинъ затупимъ. Послѣдніе часы огромнаго похода должны заставить нашихъ солдатъ проявить еще немного выдержки. Какъ вы думаете? Можемъ ли мы еще маневрировать? Хватитъ ли у насъ силъ?

Куль, на ходу киваетъ:

— Солдаты полумертвы отъ переходовъ, но они знаютъ, что сегодня судьба войны колеблется на остріѣ меча. Они пойдутъ, куда надо.

Въ оперативной, низко склонившись надъ картами, Клукъ и его начальникъ штаба внимательно изучаютъ долину Урка, измѣряютъ разстояніе между опасными мѣстами фронта, пропустившаго англичанъ, и, почти одновременно, рѣшаютъ:

— Конница Марвица, занимающая позиціи у Фертэ су Жуаръ, будучи усилена новыми частями, должна нанести Френчу сокрушающій ударъ. Клинъ будетъ ликвидированъ конницей и свѣжими силами пятой дивизіи.

Клукъ выпрямляется:

— Я не буду отрывать васъ отъ оперативной работы, Куль, и напишу приказы самъ. Разработайте всѣ детали и немедленно принесите мнѣ. Я подчиню пятую дивизію Марвицу, дамъ ему на помощь еще одну бригаду, — Крэвеля, — и посмотримъ тогда, что будутъ дѣлать англичане на своихъ понтонныхъ мостахъ черезъ Марну, когда наши кавалеристы погонятъ ихъ обратно. Нѣтъ, Куль, я не вѣрю въ опасность! Мы ликвидируемъ ее и войдемъ въ Парижъ.

— Да, экселленцъ, — съ увѣренностью поддерживаетъ своего начальника фонъ Куль. — Френчъ будетъ пораженъ, встрѣтивъ на другомъ берегу новую боевую — и такую свѣжую группу войскъ. Я думаю, что черезъ нѣсколько часовъ кампанія будетъ выиграна. Вѣдь, и у Френча резервовъ больше нѣтъ!

Клукъ уходитъ. Въ своей комнатѣ онъ поспѣшно набрасываетъ приказъ и въ 12.45 получаетъ отъ Крэвеля первое донесеніе:

«Атакую. Ударная группа между ла Фертэ Милонъ и Крэпи анъ Валуа успѣшно продвигается впередъ.»

Клукъ вздыхаетъ... Опасность уменьшается.

— Дайте мнѣ штабъ второй арміи, — приказываетъ онъ телефонисту.

— Яволь, экселленцъ, штабъ второй арміи....

Гудятъ провода. Гулко бьютъ орудія, заставляя чайную ложечку вздрагивать въ стаканѣ съ чернымъ кофе. Ставка Бюлова отзывается. У аппарата начальникъ штаба.

— Наше положеніе? — спрашиваетъ искаженный передачей голосъ, звучащій словно изъ потусторонняго міра, — оно не плохо, экселленцъ. Судя по послѣднимъ свѣдѣніямъ, изъ долины Урка намъ больше не придется отводить войска.

Клукъ радостно, съ размаху бросаетъ телефонную трубку на ящикъ. Глаза его вспыхиваютъ новой энергіей, усталость исчезаетъ. Благопріятныя извѣстія подхлестываютъ, и онъ готовъ спѣшить въ оперативную, чтобы вмѣстѣ съ Кулемъ разработать дальнѣйшія детали наступленія.

Глотокъ кофе, другой.... Генералъ внезапно ощущаетъ острую жажду и торопливо допиваетъ стаканъ. Вытеревъ губы платкомъ, онъ поправляетъ воротникъ, намѣреваясь идти въ оперативную, когда передъ нимъ выростаетъ вытянувшійся солдатъ.

— Что такое?

— Срочная радіограмма, экселленцъ!

Клукъ разрываетъ конвертъ. Смотритъ на часы и дѣлаетъ отмѣтку на квитанціи. Тринадцать часовъ....

Тринадцать....

«Командующій второй арміей — командующему первой. Летчики доносятъ о замѣченныхъ въ 9 часовъ утра четырехъ длинныхъ колоннахъ непріятельскихъ войскъ, движущихся на Нантэй, Ситри, Паванъ и Ножанъ д'Артуръ. Вторая армія продолжаетъ отступленіе. Правый флангъ отходитъ на Дамери. Бюловъ.»

Рука Клука безсильно опускается. Изъ-за этого отступленія Бюлова разрывъ между его арміей и второй становится зіяющимъ, достигая уже разстоянія между Эпернэ и Шато Тьери, т. е. образуя пустоту, въ которой можетъ помѣститься цѣлая армія!

Брешь? Да, но, чортъ возьми, ею Клука не такъ легко испугать. Положеніе первой арміи, внѣ всякихъ сомнѣній, выгодное, даже если принять во вниманіе отступленіе Бюлова. Марвицъ развиваетъ маневръ благополучно. Флангъ обезпеченъ хорошо. Тамъ, вѣдь, и пятая бригада, и Крэвель, и батальоны ландштурма....

Нѣтъ! Клукъ не послѣдуетъ примѣру Бюлова, ставшаго почему то вдругъ ужасно осторожнымъ и предпочитающаго отступать прежде, чѣмъ испытать силу оружія надъ какими-то паршивыми четырьмя колоннами усталыхъ и деморализованныхъ солдатъ.

Въ оперативную! Первая армія наступаетъ!

Клукъ быстро пересѣкаетъ комнату, распахиваетъ дверь и останавливается на порогѣ. Онъ видитъ передъ собой почему-то вытянувшихся офицеровъ, поблѣднѣвшаго и покусывающаго губы Куля, который встрѣтившись съ вопросительнымъ взоромъ командира, опускаетъ вѣки, — ви-

дитъ въ оперативной еще одного офицера, тоже вытянувшагося, самоувѣреннаго, бѣлобрысаго, гладко подстриженнаго, съ кошачьими ухватками.

— Что случилось? — невольно вырывается у Клука.

Офицеръ съ кошачьими повадками подходитъ къ нему, вытягивается еще больше, отдаетъ честь и рапортуетъ:

— Полковникъ - лейтенантъ Хенчъ, офицеръ для особыхъ порученій ставки верховнаго главнокомандующаго. Вотъ мои полномочія, экселленцъ.

Клукъ, ничего не понимая, принимаетъ сложенный вчетверо плотный листъ бумаги, въ верхнемъ углу котораго написано чернильнымъ карандашомъ: «читалъ, Бюловъ». Адресъ полномочій — «всѣмъ командирамъ армій» поражаетъ его. Подпись «Мольтке» еще больше. Въ полной тишинѣ онъ пробѣгаетъ отбитыя на пишущей машинкѣ строчки и, только дойдя до послѣдней, понимаетъ, что передъ нимъ стоитъ офицеръ, облеченный исключительными полномочіями, могущій распорядиться его арміей по своему усмотрѣнію.

Предчувствуя недоброе, Клукъ морщится и, складывая бумагу, спрашиваетъ Хенча:

— Чего же О. Х. Л. желаетъ отъ меня?

— Немедленнаго и благополучнаго отступленія, экселленцъ....

— Что-о-о? — лицо Клука, блѣдное и покрытое мелкими капельками пота, наливается кровью.

— Ставка требуетъ, чтобы вы немедленно отдали распоряженія къ общему отступленію ввѣренной вамъ арміи, экселленцъ! — невозмутимо повторяетъ Хенчъ.

— И объ этомъ вы разговаривали съ моимъ начальникомъ штаба?

— Объ этомъ, — спокойно вставляетъ генералъ-майоръ Куль, словно опасаясь, что Хенчъ не признается.

— И это слышали всѣ присутствующіе?

— Да, — ледянымъ голосомъ подтверждаетъ Куль.

— Почему же вы не потрудились раньше явиться ко мнѣ, господинъ полковникъ? — внѣ себя отъ гнѣва выпаливаетъ Клукъ, вплотную приближаясь къ оторопѣвшему Хенчу. — Что взбрело вамъ на умъ болтать о такихъ важныхъ вещахъ вслухъ, если вы обязаны были сообщить мнѣ объ этомъ конфиденціально. Къ кому вы ѣхали?

— Къ вамъ, экселленцъ....

— Такъ почему же вы разговариваете раньше съ подчиненными мнѣ офицерами?

Къ несчастью для Хенча, немного оторопѣвшаго отъ такого наскока, отвѣта не находится, и Клукъ, раздраженный послѣдней радіограммой Бюлова, рѣшаетъ сорвать на Хенчѣ накопившуюся за послѣдніе напряженные дни злобу.

— Что вы, вообще, воображаете, полковникъ? Не думаете ли вы, что наступающія арміи, ведущія тяжелые бои, могутъ просто-напросто повернуть «налѣво кругомъ» и спокойно пойти домой, оставляя въ своемъ тылу непоколебленнаго непріятеля? Этого не представляетъ себѣ даже гимназистъ, господинъ полковникъ!

— Однако, вашъ сосѣдъ, генералъ Бюловъ, это осуществилъ! — неожиданно мѣняетъ тонъ Хенчъ. — Его армія со вчерашняго дня ведетъ планомѣрное отступленіе на заранѣе подготовленныя позиціи.

— Откуда вы это знаете?

— Я прямо отъ командующаго второй арміи. Вы же видѣли его подпись на моей довѣренности, экселленцъ.

Вспыхиваетъ горячій споръ. Хенчъ горячится. Клукъ рветъ и мечетъ. Куль возмущенъ. Въ комнатѣ поднимается крикъ, Клукъ хлопаетъ ладонью по столу, Хенчъ крикливо противорѣчитъ — и это раздражаетъ Куля.

— Мы не сумасшедшіе, чтобы осуществлять идіотскіе приказы! — кричитъ онъ.

— Вы не смѣете уклоняться отъ исполненія ихъ! — брыжжетъ пѣной Хенчъ.

— Не забывайтесь, полковникъ! — осаживаетъ Клукъ. — Мнѣ еще никто не смогъ бросить упрека, что я не былъ исполнителенъ.

Споръ переходитъ въ перебранку, затягивается. Въ комнату робко входятъ офицеры, на стукъ которыхъ никто не отвѣчалъ.

— Спѣшное донесеніе, экселленцъ.

— Давайте сюда...

Клукъ сосредотачивается, отдаетъ приказъ и нетерпѣливымъ жестомъ отпускаетъ офицера, чтобы выслушать донесеніе другого.

Такъ, въ паузы между руководствомъ боемъ Клукъ и Куль въ ожесточенномъ спорѣ, отбиваются отъ Хенча, побѣждающаго ихъ авторитетомъ неопровержимой довѣренности.

Голоса уже хриплы. За дверью жмутся офицеры, блѣдные, любопытные, усталые...

Чѣмъ это все кончится?

Прощай, Парижъ!...

Хенчъ собираетъ послѣдніе козыри своей аргументаціи и, выждавъ паузы, наожиданно, но спокойно произноситъ.

— Какъ желаете, экселенцъ. Я свое дѣло сдѣлалъ, до вашего свѣдѣнія довелъ всѣ свои соображенія — и большаго прибавить не могу. Помните, однако, экселленцъ, что вашъ сосѣдъ, Бюловъ, уже отходитъ, и съ каждой минутой разстояніе между вами и имъ возрастаетъ. Можете ли вы поручиться, что ваша армія уцѣлѣетъ, когда на нее обрушатся всѣ силы, которыя раньше тѣснили Бюлова?

Внутри Клука что-то обрывается. Усталымъ жестомъ онъ достаетъ платокъ и отираетъ лобъ. Все... Парижъ... наступленіе... напряженіе воли и мысли, — все кружится и пляшетъ передъ глазами генерала, который полъ-часа тому назадъ былъ увѣренъ, что война на западномъ фронтѣ близится къ быстрому и побѣдоносному концу. Къ чему были всѣ напряженія, всѣ безумные марши, когда солдаты падали по пути, стремясь достигнуть намѣченной приказомъ цѣли во время?!

— Выйдите всѣ, кромѣ начальника штаба, — приказываетъ онъ офицерамъ.

Комната пустѣетъ. Клукъ подходитъ къ окну и закрываетъ его. Не зная, что можетъ сказать Хенчъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не желаетъ, чтобы кто-нибудь объ этомъ зналъ, кромѣ него и Куля. Вернувшись къ столу, онъ вынимаетъ сигару и, не зажигая ее, вертитъ въ рукахъ.

— Потрудитесь объяснить мотивы, согласно которымъ вы считаете необходимымъ начать отступленіе моей арміи, — предлагаетъ онъ, успокоившись, Хенчу.

— Не вашей, экселленцъ, — поправляетъ тотъ, — а всѣхъ армій.

— Всѣхъ? — Клукъ криво улыбается. — Не многаго ли вы желаете, полковникъ?

— Нѣтъ! — увѣренно парируетъ тотъ. — Когда я проѣзжалъ по участку между вашей арміей и арміей его превосходительства генерала Бюлова, то изъ автомобиля слышалъ исключительно сильную канонаду въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, казалось бы, не должно было бы быть непріятеля. Ясно, что между вами и второй арміей образовывается огромный прорывъ.

— Не говорите мнѣ о томъ, что я уже давно знаю, — обрываетъ Клукъ. — Мною и моимъ начальникомъ штаба уже приняты мѣры къ обезпеченію фланга. Свѣдѣнія объ успѣшности этихъ мѣръ уже поступили отъ начальниковъ отдѣльныхъ частей.

— Дѣло не въ томъ, экселленцъ. Не только ваше, но общее положеніе фронта внушаетъ опасенія. Пятая армія заклинилась у Вердена, шестая и седьмая застряли у Нанси и Эпиналя. Отступленіе второй арміи, увы, вызвано необходимостью, и остановить ея отходъ нельзя. Примите во вниманіе, экселленцъ, что правый флангъ ея — седьмой корпусъ, — не отступилъ, а былъ оттѣсненъ! Вслѣдствіе этого приходится оттянуть сосѣднія съ ней арміи — третью на Шалонъ, а четвертую и пятую — черезъ Клермонъ анъ Аргоннъ на Верденъ. Остается, слѣдовательно, только первая армія... ваша...

— И что вы предлагаете?

Полковникъ Хенчъ беретъ изъ руки генерала-майора Куля палочку угля и рисуетъ на картѣ пути предполагаемаго отступленія первой арміи.

— Она должна собраться у Сенъ-Кантена. Туда стягивается новая армія, и операцію можно будетъ начать снова.

Теперь взрывается Куль:

— Снова!?. Да представляете-ли вы себѣ, что говорите, господинъ полковникъ? Всѣ части нашей первой арміи перемѣшаны, войска совершенно измотаны, вы предлагаете форсированное отступленіе и даже не спрашиваете, могутъ ли наши солдаты его вынести!

Хенчъ пожимаетъ плечами.

— Этотъ вопросъ не входитъ въ мою компетенцію. Я конечно, сожалѣю, что долженъ нарушить ваши планы, генералъ, но кромѣ отступленія другого выхода нѣтъ. Положеніе остальныхъ армій заставляетъ меня думать, что, въ противномъ случаѣ, весь фронтъ станетъ жертвой небывалой въ исторіи военной катастрофы...

— Вы приказываете? — вызывающе спрашиваетъ Клукъ.

— Я... — Хенчъ на мгновеніе заминается... — Я только основываюсь на тѣхъ полномочіяхъ, которыя предоставляютъ мнѣ право отвести назадъ даже весь фронтъ, если это понадобится. Послѣ васъ я поѣду къ кронпринцу и потребую того же самаго.

— Кронпринцъ васъ выгонитъ! — съ убѣжденіемъ говоритъ Клукъ. — Не забывайте, полковникъ, что онъ сынъ кайзера и можетъ дѣйствовать гораздо независимѣе, чѣмъ я.

— Пользуясь тѣмъ, что вы не можете меня выгнать, экселленцъ, — ехидно говоритъ Хенчъ и протягиваетъ палецъ по направленію довѣренности, — я попрошу васъ сдѣлать помѣтку, что вы эту довѣренность читали, какъ вашъ сосѣдъ... Бюловъ....

— Помѣтку? Пожалуйста! — гнѣвно восклицаетъ Клукъ и, ломая карандашъ, ставитъ подъ подписью Бюлова каракулю «ф. К.». — Но, въ такомъ случаѣ, я попрошу и васъ расписаться. Нѣтъ! Написать насто-

ящій протоколъ, который скрѣпитъ мой начальникъ штаба: Потрудитесь, полковникъ, записать вотъ на этомъ листѣ бумаги всѣ тѣ соображенія, которыя вы только что такъ логично изложили.

Хенчъ, выразивъ офиціальнымъ поклономъ головы согласіе, садится и, вынувъ самопишущее перо, начинаетъ писать то, что высказалъ десять минутъ тому назадъ.

Клукъ и генералъ-майоръ Куль молча слѣдятъ за движеніемъ пера. Въ ихъ головахъ неотступно бьется мысль, — а что, если отказаться, если использовать всѣ шансы, войти въ Парижъ, даже если бы имъ грозилъ полевой судъ? Развѣ побѣдителей судятъ?

— Куль! Вѣдь армія Монури завтра перестанетъ существовать!

— Да... да... экселленцъ, — почти стономъ вырывается изъ груди начальникъ штаба, присутствующаго при крушеніи всѣхъ надеждъ, всѣхъ плановъ, при аннулированіи всѣхъ напряженій... — Но если мы... если мы опять самовольно... какъ позавчера...

— Не будемъ лучше говорить! — обрываетъ его Клукъ. — Мы вѣдь останемся безъ снарядовъ и хлѣба, намъ некуда будетъ дѣвать раненыхъ и, кромѣ того, мы не авантюристы!

— Да!... — Поднимаетъ голову Куль. — Вы правы, экселленцъ, мы не авантюристы, а прусскіе солдаты. Наше дѣло не разсуждать, а повиноваться.

Воцаряется тишина. Въ комнатѣ душно до невыносимости. Перо Хенча быстро скользитъ по гладкой бумагѣ, аккуратными строчками покрывая бѣлизну ея. Клукъ и его начальникъ штаба, затаивъ дыханіе, слѣдятъ за тѣмъ, какъ рождается документъ, снимающій съ нихъ всякую отвѣтственность передъ исторіей.

— Готово! — говоритъ Хенчъ. и встаетъ, помахивая подсыхающимъ листомъ. — Васъ это удовлетворитъ, экселленцъ?

Сначала документъ прочитывается Клукомъ, затѣмъ фонъ Кулемъ. Оба генерала переглядываются и молча ставятъ подъ подписью Хенча свои, свидѣтельскія.

— Вамъ нужна копія? — спрашиваетъ фонъ Куль.

— Нѣтъ, впрочемъ, да, на всякій случай...

И когда копія съ рокового приказа снята и завѣрена печатями и подписями, Клукъ сухо прощается первымъ:

— Благодарю васъ, полковникъ, вы свободны.

Хенчъ суетливо беретъ фуражку и перчатки и, хотя его никто не спрашиваетъ, куда онъ собирается направиться, говоритъ:

— Теперь я поѣду въ штабъ кронпринца...

Бѣдный Хенчъ... Въ то время онъ не зналъ, насколько правъ былъ фонъ Клукъ, не зналъ, что нѣсколькими часами позже рубящій съ плеча кронпринцъ встрѣтитъ его не только холодно, но и насмѣшливо, и прямо заявитъ:

— Мнѣ и въ голову не придетъ слушаться вашихъ приказаній, полковникъ, а на ваши полномочія мнѣ въ высшей степени наплевать. Моя армія не двинется съ мѣста, пока вы не привезете приказа, подписаннаго самимъ кайзеромъ. Поэтому рекомендую вамъ, пока я не выгналъ васъ вмѣстѣ съ вашими фантастическими планами, добровольно возвратиться въ Люксембургъ, къ этой старой развалинѣ, Мольтке!

■

Два часа дня. Клукъ, въ легкой шинели, несмотря на жару, ходитъ по комнатѣ. Адъютантъ склонился надъ полевой книжкой и записываетъ:

— Положеніе второй арміи вынуждаетъ ее къ отходу за Марну, обходя Эпернэ съ обѣихъ сторонъ... Согласно приказу верховнаго командованія, первая армія, для прикрытія фланга общаго фронта, отходитъ въ общемъ направленіи на Суассонъ... У Сенъ Кантена будетъ стянута новая армія... Отходъ первой арміи начнется уже сегодня... Лѣвое крыло — группа генерала фонъ Линсингена, включая группу генерала фонъ Лохоу, — должно, вслѣдствіе указаннаго, отойти за линію Монтиньи л'Алье — Брюметцъ. Группа генерала Сикстъ фонъ Арнима примыкаетъ къ ея движенію, сообразуясь съ обстоятельствами боевой обстановки, и отступаетъ до Антійи — Марэй. Наступленіе группы генерала фонъ Кваста останавливается и возобновляется лишь постольку, поскольку это необходимо для отрыва отъ непріятеля, причемъ такъ, чтобы соединеніе съ остальными арміями было возможно... фонъ Клукъ.

А въ восемь часовъ вечера тотъ же Клукъ, понурый и угрюмый, стоялъ у распахнутаго окна темной комнаты. Мимо него безъ пѣсенъ, согбенныя усталостью и покрытыя пылью, проходили безконечныя колонны войскъ. Мрачнымъ былъ видъ кавалеріи, шедшей шагомъ въ свѣтѣ пропитанныхъ коптящей смолой обрѣзковъ канатовъ, замѣнявшихъ факелы. Глухо грохотали по густой пыли колеса сотенъ обозныхъ повозокъ и пулеметныхъ двуколокъ, катящихся къ границѣ родины.

Ни слова команды не проносилось надъ молчаливой рѣкой десятковъ тысячъ людей, въ душахъ которыхъ затаилось тупое озлобленіе передъ рухнувшими надеждами на заслуженный отдыхъ, отчаяніе отъ напраснаго сверхчеловѣческаго напряженія, страхъ за будущее, сознаніе, что война затягивается. Необыкновенный подъемъ смѣнился столь же безпредѣльнымъ уныніемъ и... упорствомъ.

Клукъ вздохнулъ. Ему жаль было своихъ солдатъ, — жаль самого себя, жаль ушедшихъ надеждъ. Позади него скрипнула дверь и снопъ свѣта керосиновой лампы ворвался въ комнату, изъ которой уже вынесены всѣ вещи.

— Пора ѣхать, экселленцъ, — глухо произнесъ одѣтый по походному Куль.

— Сейчасъ... — Клукъ провелъ рукой по лицу и прибавилъ: — Намъ вѣдь надо отдать еще приказы на десятое число...

— Но вѣдь это мы успѣемъ сдѣлать по прибытіи въ ла Фертэ Милонъ...

— Нѣтъ! Я хочу, наконецъ, выспаться. Надо кончить черную работу здѣсь, въ этомъ роковомъ Марэй.

— Въ такомъ случаѣ, поторопимся, экселленцъ. Офицеры уже убираютъ карты.

Оба генерала покидаютъ пустую, темную комнату и входятъ въ сосѣднюю, гдѣ торопящіеся денщики и вѣстовые увязываютъ чемоданы, прячутъ инструменты и выносятъ ящики.

Клукъ диктуетъ:

«Правое крыло арміи въ продолженіе сегодняшняго дня вело побѣдоносное наступленіе въ направленіе Нантэй ле Одуэнъ. На лѣвомъ флангѣ 2-ой кавалерійскій корпусъ, вмѣстѣ съ 5-ой пѣхотной дивизіей, наступалъ въ направленіи Нантэй сюръ Марнъ — Ножанъ л'Арто. По приказу верховнаго командованія, первая армія отводится въ направленіи Суас-

сона и далѣе, западнѣе рѣки Энъ, съ тѣмъ, чтобы прикрывать правое крыло всего фронта. Вторая армія отступаетъ по обѣ стороны Эпернэ.

Я выражаю войскамъ первой арміи свою глубочайшую признательность за проявленное самопожертвованіе и необыкновенные успѣхи во время наступленія....»

Онъ склоняется надъ картой и, не глядя на записывающаго приказъ адъютанта, глухимъ голосомъ диктуетъ цѣли похода отдѣльныхъ частей на слѣдующій день, заканчивая:

«....непріятеля необходимо удерживать, разрушая переправы черезъ Верхній Уркъ и оставляя сильные арьергарды. 18-ый саперный полкъ надлежитъ выслать впередъ, на Энъ, по возможности, посадивъ на повозки. Для приведенія въ порядокъ частей, завтра будутъ приняты соотвѣтствующія мѣры... Ставка командующаго арміей сегодня въ Ла Фертэ Милонъ... Туда, въ семь часовъ утра, прислать офицеровъ связи и ординарцевъ... фонъ Клукъ...»

■

А въ то же самое время въ двадцати километрахъ отъ Клука, въ Экюэнѣ, тоже въ скудно освѣщенной комнатѣ, у стола стоитъ другой, тоже усталый, но болѣе бодрый генералъ въ черномъ мундирѣ расшитомъ шелковыми черными трессами. Монури.

— Въ продолженіе пяти сутокъ шестая армія дралась безпрерывно и безъ отдыха противъ многочисленнаго врага, храбрость котораго была особенно велика въ результатѣ послѣднихъ успѣховъ. Битва была тяжелой. Кровавыя потери, напряженія и лишенія, въ смыслѣ отдыха и продовольствія, превзошли всякое представленіе. Вы вынесли все съ непоколебимостью, силой и выдержкой, для описанія которыхъ не хватаетъ словъ, чтобы выразить все ихъ достоинство. Товарищи! Вашъ командиръ потребовалъ отъ васъ большаго, чѣмъ того требуетъ долгъ. Вы исполнили его свыше всѣхъ границъ возможности. Благодаря вашей храбрости, побѣда украсила наши знамена. Теперь, когда вы имѣете это удовлетвореніе, — держите его! Если мнѣ удалось содѣйствовать этому, то я сторицей вознагражденъ за всю свою долголѣтнюю службу честью вести такихъ героевъ, какъ вы! Съ искренней растроганностью я выражаю вамъ свою благодарность за ваше самопожертвованіе, тѣмъ болѣе, что я благодарю васъ за осуществленіе той цѣли къ которой были устремлены въ продолженіе 44 лѣтъ всѣ мои помыслы и силы: месть за 1870-ый годъ. Спасибо вамъ, бойцы шестой арміи!

ПОСЛѢДНІЕ БОИ НА МАРНѢ.

Чудо на Марнѣ?

Нѣмцы называютъ событія девятаго сентября рокомъ.

Офиціальный трудъ, изданный германскимъ архивомъ великой войны, въ одной изъ рубрикъ, посвященныхъ битвѣ на Марнѣ, говоритъ, между прочимъ:

«Инициатива германскихъ командующихъ арміями и отвѣтственныхъ генераловъ, добросовѣстная работа всѣхъ командировъ, вплоть до отдѣленныхъ, и отвага войскъ проявились въ столь большой мѣрѣ, что битва на западѣ въ ея отвѣтственныхъ мѣстахъ закончилось побѣдой германскаго оружія. Именно, благодаря качествамъ войскъ, Германіи удалось добиться побѣды на Марнѣ, и даже въ послѣднюю минуту, несмотря на

колебанія и блужданія въ потемкахъ, достичь великой цѣли германскаго операціоннаго плана.

И вотъ, когда цѣль была достигнута, германское верховное командованіе теряетъ внезапно хладнокровіе, царившее тамъ до сихъ поръ, и вмѣшивается трагическимъ образомъ въ битву!»

Приговоръ суровъ. Вмѣшательство въ битву, о которомъ архивъ говоритъ, произошло въ формѣ посылки полковника - лейтенанта Хенча въ районъ дѣйствующихъ армій. Хенчъ, какъ извѣстно, обнаруживъ разрывъ между первой и второй арміями, въ которомъ англичане могли развить большую операцію, связаную съ непоправимой для германскаго фронта угрозой окруженія, остановилъ наступленіе армій и приказалъ имъ отойти.

Вотъ, что написалъ Мольтке въ день отступленія своей супругѣ:

Люксембургъ, 9 сентября, 1914 г.

«Дѣла плохи. Бои къ востоку отъ Парижа будутъ для насъ неудачными. Одна изъ нашихъ армій должна отступить, другія вынуждены будутъ за ней послѣдовать. Начатый съ такими надеждами походъ обратится въ безнадежное предпріятіе. Я вынужденъ переносить то, что происходитъ — и, вмѣстѣ со своей родиной, буду держаться или паду. Мы должны задохнуться въ борьбѣ съ Востокомъ и Западомъ — сколь иначе выглядѣло все, когда мы, нѣсколько недѣль тому назадъ, блестяще начали кампанію! Теперь слѣдуетъ горькое разочарованіе — и, Богъ знаетъ, сколько намъ придется заплатить за то, что мы разрушили.

Кампанія нами не проиграна, какъ до сихъ поръ и французами. Разница только въ томъ, что французскій порывъ, который началъ спадать, теперь мощно вспыхнулъ. Я опасаюсь теперь, что нашъ народъ, привыкшій до сихъ поръ къ побѣдамъ, едва ли сможетъ перенести это несчастье...»

*

Десятаго сентября, когда вернувшійся въ Люксембургъ Хенчъ обрисовалъ Мольтке дѣйствительное положеніе на фронтѣ, тотъ рѣшился на общее отступленіе германскихъ армій. Спѣшно разработанный планъ базировался на поворотѣ всего праваго крыла фронта вокругъ арміи кронпринца.

Одиннадцатаго сентября, послѣ полученія сообщенія отъ Бюлова о томъ, что существуетъ большая опасность прорыва войскъ союзниковъ въ зону третьей арміи фонъ Хаузена, — маневръ, который долженъ былъ поставить въ весьма затруднительное положеніе тылъ четвертой и пятой германскихъ армій, — Мольтке сосредоточилъ всѣ нити командованія въ своихъ рукахъ и немедленно предпринялъ объѣздъ всѣхъ армій.

Онъ встрѣтилъ повсюду замѣшательство, споры и недовольство его руководствомъ. Несмотря ни на что, онъ продолжалъ отдавать приказанія и отвелъ арміи центра и лѣваго крыла, то есть третью, четвертую и пятую, на линію, идущую отъ Тюизи, черезъ Сюиппъ къ Сентъ Менегульдъ. По мнѣнію Жоффра, этотъ маневръ являлся очевиднымъ признаніемъ общаго пораженія нѣмцевъ.

Возвратившись въ Люксембургъ ночью 11 сентября, Мольтке немедленно легъ спать. Двумя днями позже онъ былъ замѣненъ генераломъ фонъ Фалькенгайномъ, бывшимъ до сихъ поръ военнымъ министромъ. Фалькенгайнъ принялъ на себя обязаности начальника штаба верхов-

наго командованія немедленно, но официально — только въ ноябрѣ 1914 года. Германское военное министерство объясняетъ расхожденіе датъ тѣмъ, что было нежелательно подрывать авторитетъ лица, занимающаго постъ руководителя войны. Смѣщеніе одного начальника штаба немедленно вслѣдъ за неудачей и назначеніе на его мѣсто другого могло повлечь за собой недовѣріе солдатъ и младшихъ офицеровъ къ главному командованію вообще.

Битва на Марнѣ спасла союзниковъ. Столица Франціи не была взята, а сама Франція избавлена отъ позорнаго пораженія.

Сцены 1870 года, когда Бисмаркъ и Мольтке старшій продиктовали условія мира въ Версальскомъ дворцѣ, не повторились.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Жоффръ констатируетъ, что французскіе войска терпѣливо перенесли всѣ тяготы долгаго отступленія, и, когда наступилъ моментъ для атаки, бросились впередъ съ большимъ порывомъ. Тамъ же мы находимъ указніе, что весь планъ войны, выработаный Германіей, базировался на быстромъ истребленіи французской арміи съ тѣмъ, чтобы имперія кайзера могла бросить максимумъ своихъ силъ противъ Россіи. Поэтому ударъ Германіи по Франціи осуществился съ помощью 700.000 солдатъ, которые въ продолженіе четырехъ — пяти недѣль подошли къ самымъ воротамъ Парижа. Тамъ, пятаго сентября, германская лавина была остановлена контръ - атакой французовъ — и въ продолженіе девяти дней отброшена на сто пятьдесятъ километровъ назадъ.

*

Подходящій моментъ для возобновленія французскаго наступленія представился пятаго сентября пополудни. Клукъ, перемѣной направленія марша и походомъ на югъ отъ Марны, подставилъ свой флангъ подъ ударъ арміи Монури, существованіе которой не было извѣстно Клуку. Онъ не хотѣлъ сначала вѣрить, что вечеромъ пятаго сентября его заслоны были смяты превосходными силами противника.

По мнѣнію Жоффра, Клукъ сдѣлалъ двѣ ошибки: онъ потерялъ связь съ сосѣдней второй арміей и недооцѣнилъ силы французовъ на его правомъ флангѣ въ то время, какъ союзная армія была размѣщена такимъ образомъ, что могла воспользоваться обѣими ошибками своего противника. Жоффръ сконцентрировалъ атаки на правомъ крылѣ Клука, которое только что перешло Теруаннъ, одинъ изъ сѣверныхъ притоковъ Марны, и отбросилъ его обратно за рѣку. Чтобы избѣжать загиба своего фланга, Клукъ былъ вынужденъ повернуть свою армію, расположенную фронтомъ съ востока на западъ, на участкѣ, длиною, примѣрно, въ 45 километровъ, и поставить ее фронтомъ почти съ сѣвера на югъ.

Вотъ это то и явилось причиной образованія между нимъ и Бюловымъ огромной бреши, въ которую устремился со своими полками Франше д'Эсперэ и маленькая, но хорошо снабженная и обученная англійская армія. Энергично вогнанный клинъ потрясъ германскій фронтъ болѣе, чѣмъ на 150 километровъ, и вынудилъ его къ отступленію.

Какъ уже говорилось, брешь защищалась только слабой цѣпью кавалеріи фонъ доръ Марвица, и пока Франше д'Эсперэ и англичане тѣснили Марвица, Монури со своей оправившейся шестой арміей попытался загнуть правый, т. е. сѣверный флангъ Клука. Чтобы помѣшать французской попыткѣ прорыва и обхода Клука арміей Монури, германское командованіе отдало приказъ общаго отступленія съ тѣмъ, чтобы

снова слить арміи и сосредоточить ихъ на болѣе короткомъ фронтѣ далеко къ сѣверу отъ Марны.

Десятаго сентября, — пять дней спустя послѣ начала битвы, — Жоффръ узналъ о быстромъ отступленіи Бюлова и, вслѣдъ за нимъ, Клука, которые уводили свои войска форсированнымъ маршемъ. Отданные генералиссимусомъ приказы должны были обратить германское отступленіе въ катастрофу. Генералъ Монури, который получилъ подкрѣпленія въ видѣ цѣлаго армейскаго корпуса, переброшеннаго изъ Лотарингіи, долженъ былъ вновь приложить всѣ силы къ тому, чтобы загнуть правый флангъ Клука, Франше д'Эсперэ и Френчъ усилить напоръ въ бреши между Клукомъ и Бюловымъ, а Фошъ со своей девятой арміей и Лангль съ четвертой обязаны были атаковать центръ германскаго фронта, то есть арміи фонъ Хаузена и герцога Вюртембергскаго.

Этотъ маневръ не только лишилъ Клука возможности получить подкрѣпленія, но и расширилъ брешь между нимъ и Бюловымъ, вынудивъ его прорываться черезъ фронтъ, образованный Монури и Френчемъ. Здѣсь сильный огонь англо - французской артиллеріи причинилъ ему ужасныя потери.

Въ то время, какъ германское отступленіе развивалось на западномъ крылѣ 200 - километроваго фронта, генералъ Сарайль, опирающійся на Верденъ, произвелъ стремительное наступленіе на армію кронпринца. Бой разгорѣлся на всемъ протяженіи фронта и лишилъ нѣмцевъ возможности перебрасывать подкрѣпленія на самыя опасныя мѣста.

Отступленіе Клука, начатое подъ ураганнымъ огнемъ и стоившее неисчислимыхъ жертвъ, тѣмъ не менѣе, какъ это признаютъ даже его противники, было осуществлено съ исключительнымъ искусствомъ. Преслѣдованіе велось французами вяло. Жоффръ объясняетъ это отсутствіемъ мостовъ, взорванныхъ нѣмцами при отступленіи, и отчаяннымъ состояніемъ дорогъ, сплошь изрытыхъ воронками. Французская артиллерія все больше и больше отставала, войска были истощены непрерывными шестидневными боями, при чемъ въ продолженіе этого времени не было ни одной ночи, когда они могли мало - мальски отдохнуть.

Германское отступленіе окончилось постепенно, между 14 и 16 сентября. Арміи отошли, въ общемъ, въ полномъ порядкѣ. Это утвержденіе въ особенности относится къ арміямъ германскаго лѣваго крыла, которыя были удалены отъ центра главныхъ боевъ — Парижа. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія Жоффра, понявшаго, что, несмотря на 150 - километровое отступленіе и большія потери, духъ германской арміи не былъ сломленъ. — и она готова оказать сопротивленіе на новыхъ позиціяхъ, которыя приготовлялись къ сѣверу отъ рѣкъ Энъ и Вэль, а также между рѣками Сюиппъ и Мэзъ. Изъ восточной Пруссіи въ германскую армію западнаго фронта начали прибывать пополненія.

Несмотря на самыя отчаянныя усилія, попытки Монури обойти правое крыло Клука потерпѣли неудачу. Главныя силы Монури были остановлены Клукомъ, усиленнымъ заново сформированной седьмой германской арміей подъ командой фонъ Хэрингена. Главный бой произошелъ на плоскогоріи между Энъ и Уазой, причемъ нѣмцы разгадали задуманный Монури маневръ и дрались съ небывалымъ ожесточеніемъ. Потери обѣихъ сторонъ были ужасающими.

Отъ Уазы на западѣ, къ Мэзъ на востокѣ — и даже дальше, сквозь Лотарингію и Вогезы, до самой швейцарской границы три милліона лю-

дей, стоящихъ другъ противъ друга, постепенно уравновѣшивали фронтъ длиною больше, чѣмъ 400 километровъ. Жоффръ поэтому рѣшилъ перебросить на свой слабый лѣвый флангъ всѣ войска, которыя можно было бы снять съ мало опасныхъ участковъ или оттуда, гдѣ наступило затишье. Его намѣреніемъ было охватить сѣверный флангъ нѣмцевъ обширнымъ обходнымъ маневромъ.

Необходимыя для маневра силы были немедленно организованы къ сѣверу отъ Уазы. Туда были посланы: вторая армія подъ командой Кастельно, снятая съ лотарингскаго фронта, и двѣ новыхъ арміи: десятая подъ командой Монури и восьмая подъ командой д'Юрбаля.

Генералъ фонъ Фалькенгайнъ, новый главнокомандующій германскими арміями, въ то же самое время задумалъ схожій съ планомъ Жоффра маневръ. Какъ и его противникъ, онъ снялъ съ обезпеченныхъ участковъ войсковыя единицы и бросилъ ихъ въ сѣверо - западномъ направленіи, къ морю. Свое правое крыло онъ усилилъ второй арміей Бюлова, шестой арміей принца Рупрехта и четвертой арміей герцога Вюртембергскаго.

Битва распространялась къ сѣверу со скоростью лѣсного пожара. «Гонка къ морю» началась.

«Гонка» образовалась сама по себѣ, вслѣдствіе того, что каждый изъ противниковъ стремился обойти сѣверный флангъ своего врага, благодаря чему кривая битвы спиралями устремлялась все больше и больше къ сѣверу, пока, наконецъ, не уперлась въ море.

Въ концѣ концовъ, создалось положеніе, при которомъ каждая воюющая сторона сконцентрировала между Уазой и моремъ половину всей своей пѣхоты и поголовно всю кавалерію. Постепенно битва ослабѣла, и бои стали все болѣе и болѣе рѣдкими, часто случайными.

Въ это время англійская армія получила сильныя подкрѣпленія и могла дѣятельно участвовать въ послѣдней фазѣ битвы на Марнѣ. Въ первыхъ числахъ октября приступила къ реальнымъ операціямъ и возстановленная бельгійская армія. Она была выведена изъ Антверпена, гдѣ ей грозило полное уничтоженіе.

Въ продолженіи «гонки къ морю» фронтъ безостановочно колебался. Это объяснялось тѣмъ, что каждая сторона бросало въ бой свѣжія силы, по мѣрѣ прибытія ихъ на фронтъ. Получался эффектъ охапки хвороста брошенной въ умирающее пламя.

Самый ожесточенный бой разыгрался во Фландріи между серединой октября и серединой ноября. Въ продолженіе этого промежутка времени, нѣмцы пытались пробиться къ берегу моря и овладѣть Дюнкирхеномъ и Калэ. Въ этой операціи они пользовались особенно многочисленными войсками, составленными, по большей части, изъ заново сформированныхъ корпусовъ. Во время трагическихъ фландрскихъ боевъ, союзники, со своей стороны, бросали въ дѣло войска всѣхъ родовъ оружія. Тутъ были и моряки, и индусы, и черные полки французскихъ колоній. Въ этотъ періодъ войны бородатые запасные дрались плечомъ къ плечу съ безусыми юнцами.

Достигнуть намѣченной цѣли германцамъ не удалось. Къ серединѣ ноября обѣ стороны прекратили генеральный бой. Оба противника были истощены, и ихъ запасы амуниціи приходили къ концу. Фронтъ стабилизировался между Уазой и Сѣвернымъ моремъ такъ же, какъ полтора мѣсяца тому назадъ онъ стабилизировался между Уазой и Швейцаріей.

Такимъ образомъ, оказалось, что осенью 1914 года германскія арміи

были разбросаны по фронту свыше 700 километровъ длиной. Онѣ зарылись въ землю, спрятавшись за непроходимыми проволочными загражденіями. Это были тѣ же самыя войска, которыя въ августѣ начали блестящую кампанію, надѣясь въ теченіе одного — двухъ мѣсяцевъ уничтожить французскую армію.

Зимой война на западномъ фронтѣ замерла. Она превратилась въ осадную. Впервые за всю исторію военнаго дѣла фронтъ оказался укрѣпленнымъ, какъ до сихъ поръ укрѣплялись только большія крѣпости, вродѣ Намюра, Льежа, Вердена и Метца. Чтобы прорваться сквозь такой фронтъ, требовались невѣроятныя приготовленія.

Въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ въ этой осадной войнѣ ни одна сторона на западномъ фронтѣ не добилась рѣшительнаго успѣха. Въ 1915 году методъ войны измѣнился и перешелъ въ видъ войны на истощеніе. Союзники теперь получили огромное преимущество надъ своимъ врагомъ, такъ какъ германцы стали лицомъ къ лицу съ противникомъ, который былъ повелителемъ морей и получалъ помощь изъ различныхъ частей англійской имперіи и французскихъ колоній.

Какъ уже указывалось, стабилизація фронта началась осенью 1914 года. Для страны, которая въ своихъ военныхъ планахъ базировалась на быстрой побѣдѣ надъ противникомъ, эта стабилизація оказалась самымъ ужаснымъ врагомъ. Воспоминанія различныхъ выдающихся германцевъ, опубликованныя послѣ окончанія войны, включая въ число ихъ мемуары гроссадмирала Тирпица, указываютъ на то, что впродолженіи войны въ ихъ странѣ было достаточное количество людей, которые понимали, что если Германія еще не проиграла войны, то выиграть ее уже больше не можетъ.

Осенью 1914 года союзники немедленно приступили къ увеличенію своихъ силъ. Что касается Франціи, то она съ самаго начала вооруженнаго конфликта бросилась въ войну со всѣми своими рессурсами. Виды на будущее у нея были слабые. Все концентрировалось исключительно на поддержаніи численности людского состава на томъ уровнѣ, который былъ достигнутъ уже въ началѣ войны, на развитіи военной промышленности. Англія въ началѣ войны была представлена на фронтѣ только полдюжиной пѣхотныхъ дивизій. Съ момента же стабилизаціи, Англія, благодаря энергичной дѣятельности лорда Китченера, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ стала посылать на фронтъ все новыя и новыя дивизіи. Къ концу войны, противъ Германіи на западномъ фронтѣ стояло шестьдесятъ англійскихъ дивизій.

Для поддержанія огромнаго фронта, образовавшагося послѣ битвы на Марнѣ, германское командованіе было вынуждено держать на западѣ большинство своихъ силъ. Обезпечивая себя тамъ, оно, тѣмъ самымъ, лишало себя возможности добиться рѣшительныхъ побѣдъ на другихъ фронтахъ.

То, что случилось въ 1915 году на русскомъ фронтѣ, лучше всего доказываетъ это утвержденіе.

Фалькенгайнъ рѣшился на большое наступленіе противъ русскихъ. Цѣлью его было — оживить австро - венгерскую армію, которая проявляла признаки преждевременнаго развала. Гинденбургъ и Людендорфъ, престижъ которыхъ, благодаря достигнутымъ на восточномъ фронтѣ успѣхамъ, очень поднялся, руководили этой большой операціей. Попытка бы-

ла удачной, и Россія потеряла огромныя территоріи, несчетное количество снаряженія и внушительное число плѣнными.

Тѣмъ не менѣе, побѣда не была рѣшительной. Фалькенгайнъ, вынужденный оставить главныя свои силы на западномъ фронтѣ, не могъ располагать достаточнымъ количествомъ людей — и въ результатѣ брусиловское наступленіе уравновѣсило его успѣхи. Тогда то и выяснилось, что Германія въ продолженіе всей войны страдала отъ послѣдствій битвы на Марнѣ...

Былъ, впрочемъ, моментъ, когда Центральныя державы увидѣли проблескъ надежды. Это было въ 1917 году, когда русскіе солдаты, изъ-за вспыхнувшей революціи, побросали оружіе. Въ этотъ моментъ Германія и ея союзники увидѣли, что половина окружавшей ихъ стѣны рухнула.

Но этотъ безславный успѣхъ пришелъ слишкомъ поздно. Къ Антантѣ примкнула Америка.

Германское верховное командованіе снова стало лицомъ къ лицу съ трагической задачей, которая требовала быстраго разрѣшенія. Союзники, дравшіеся противъ Германіи на западномъ фронтѣ, должны были быть разбиты прежде, чѣмъ къ нимъ на помощь поспѣютъ молодые и свѣжіе американскіе солдаты.

Въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ 1918 года Гинденбургъ и Люденлорфъ пытались осуществить задуманный планъ, начавъ битву на Соммѣ. Они потерпѣли неудачу. Ихъ напоръ во второй разъ былъ остановленъ почти передъ самыми воротами Парижа. Дѣло союзниковъ, которое въ 1914 году было спасено битвой на Марнѣ, увѣнчалось окончательной побѣдой четыре года спустя въ битвѣ, вошедшей въ исторію, какъ «Вторая битва на **Марнѣ**».

*

Первыми повернули обозы... За сутки до начала общаго отступленія германскихъ армій безконечными колоннами по дорогамъ, пройденнымъ съ такимъ трудомъ и напряженіемъ, потянулись обозныя повозки. Если бы это отступленіе началось въ 1918 году, армія не выдержала бы ни физическаго, ни моральнаго напряженія. Она перебила бы своихъ офицеровъ, выкинула красные флаги и развалилась, устремляясь вразбродъ на родину, сѣя ненависть, месть и смерть тѣмъ, кто повиненъ былъ въ крушеніи. Но этотъ Обратный Путь былъ осуществленъ въ 1914 году, когда дисциплина и патріотизмъ не были еще расшатаны...

Десятаго сентября германскій фронтъ сталъ сворачиваться. Армія повернули налѣво—кругомъ и двинулись назадъ, жертвуя своей артиллеріей. Пѣхота шла понуро, но упрямо, пользуясь тѣмъ, что ни французы, ни англичане не успѣли еще отдышаться послѣ титанической схватки и столь же медленно плелись вслѣдъ побѣжденнымъ, но не разбитымъ корпусамъ кайзера.

Отступленіе было осуществлено великолѣпно. Это признаютъ всѣ военные авторитеты. Нѣкоторыя заминки, наблюдавшіяся на первыхъ порахъ, вскорѣ были изжиты, и германская пѣхота потекла на востокъ столь же методично, какъ она текла на западъ. Обреченныя батареи, какъ злые псы, огрызались въ ея тылу, самокатчики и кавалеристы дрались у переправъ, задерживая преслѣдователей, и только изрѣдка случалось, что французскіе канониры нащупывали арьергарды германцевъ и наносили имъ ощутительный уронъ.

Тѣмъ временемъ канонада подъ Парижемъ постепенно утихала. Еще вечеромъ десятаго сентября можно было видѣть на темномъ горизонтѣ вспышки стрѣляющихъ вдали мортиръ, сутками позже ихъ можно было только слышать, а черезъ 72 часа лишь изрѣдка раздавалась отдаленное ворчанье какого нибудь особенно тяжелаго орудія, смертоносный вздохъ котораго доносился попутнымъ вѣтромъ.

Послѣдній выстрѣлъ битвы раздался, однако, не на Марнѣ, а въ 2.000 километрахъ отъ нея, въ Восточной Пруссіи, на берегахъ Алле. Тамъ непоколебимой плотиной остановился Ренненкампфъ, получившій подкрѣпленія — первыя боевыя соединенія 10-ой арміи — сибирскіе и туркестанскіе полки, которые русское командованіе спѣшно стягивало къ Бобру. Тамъ, отъ Лыка до Куришъ-Гаффа, фронтомъ въ сто километровъ протянулись заготовленые окопы, залегли 216 русскихъ батальоновъ, стали на позиціи 720 орудій.

Ренненкампфъ, не избавившій армію Самсонова отъ гибели своевременнымъ наступленіемъ, ждалъ теперь самъ наступленія, но не своего, а непріятельскаго. Сидя за столомъ «Дессауеръ Хофа» и выслушивая здравицы, которыя произносились въ честь его, побѣдителя подъ Гумбиненомъ, онъ думалъ:

— Самсоновъ разбитъ Да. Но Гинденбургъ выдохся! Теперь я разобью его такъ, какъ онъ разбилъ моего сосѣда.

Такъ думалъ Ренненкампфъ, но дѣло обстояло иначе...

Усталые полки Гинденбурга трое сутокъ отсыпались и отлеживались послѣ драмы подъ Сольдау. Недѣлей позже, отдохнувъ, получивъ подкрѣпленія и новые запасы аммуниціи, они стояли противъ Ренненкампфа, тѣмъ же фронтомъ, — отъ Лыка до Лабіау.

И вотъ, мы видимъ: на югѣ нашего стараго знакомаго, строптиваго генерала Франсуа, по лѣвую руку отъ него — Макензена, далѣе — резервистовъ Моргена, ландштурмистовъ фонъ деръ Гольца, полки Белова, бригаду Шметтау...

Больше того!

Мы видимъ новыя части: корпусъ гвардейцевъ и корпусъ армейской пѣхоты, снятые съ французскаго фронта, поспѣшно выгруженные и спѣшно влитые въ германскій фронтъ, — и, еще того больше, — закопченныхъ французскимъ порохомъ саксонскихъ кавалеристовъ, теперь рыщущихъ по привольнымъ полямъ Восточной Пруссіи.

190 батальоновъ и 1.200 орудій! Колоссальная стѣна, готовящаяся обрушиться на сибиряковъ и великороссовъ!

Несмотря на нерѣшительность и отсутствіе иниціативы, ген. Ренненкампфъ былъ не изъ трусливыхъ. Спокойно, вѣря въ свои войска и благоволящую Судьбу, онъ поджидаетъ наката войскъ Гинденбурга, зная, что великій князь не оставитъ его, что на помощь прибудутъ новые резервы, а Гродненская группа уже надвигается со стороны Осовца и Сувалокъ.

Ренненкампфъ спокоенъ, но рѣющіе въ эфирѣ радіограммы, — новые роковые точка — тире, тире — точка — точка, все же нервируютъ его, особенно, когда съ вершинъ германскихъ антеннъ начинаютъ срываться лживыя телеграммы:

— Энская дивизія занимаетъ селеніе...

— Бригада Иксъ — въ распоряженіе коменданта крѣпости Кенигсбергъ...

— Полкъ... батальонъ... эскадронъ... батарея — идутъ на усиленіе Моргена, Шольца, Франсуа...

Офицеры Ренненкампфа дешифрируютъ:

— Нѣмцы получаютъ подкрѣпленія!

— Все новыя и новыя, ваше превосходительство!

Густыя брови генерала сходятся. Гм... Это уже не 190 батальоновъ, это уже...

Гнѣвно бросая салфетку на столъ, генералъ встаетъ и, оглушая всѣхъ осаживаніемъ, идетъ въ оперативную, склоняется надъ картами...

Гудитъ телефонный вызовъ, тикаетъ прямой проводъ телеграфа, Инстербургъ вызываетъ Барановичи, и по мѣдному нерву несутся безпокойныя слова:

— Атаковать? — Нѣтъ, ваше высочество. Я полагаю, лучше выждать, пока обстановка выяснится.

И пока обстановка выясняется, Гинденбургъ и Людендорфъ тоже склоняются надъ картами, ходятъ циркулями по извилинамъ дорогъ, свѣряютъ счетъ циркульныхъ шаговъ съ часами, наносятъ на карты цвѣтныя стрѣлы, квадраты, дуги, флажки, испещряютъ извилистыя линіи цифрами и засѣчками — въ оперативной «Оберкомандо Ахтъ», какъ въ лабораторіи, подготовляется, разсчитывается и заранѣе разыгрывается будущій бой.

— А что мы сдѣлаемъ, если русскіе поступятъ такъ? Если Ренненкампфъ, если Аліевъ?...

Людендорфъ баситъ:

— Тогда, экселленцъ, Шольцъ поворачиваетъ такъ, Франсуа идетъ сюда и... erste Kolonne marschiert... zweite Kolonne marschiert...

Фишки переставляются, знаки стираются или перечеркиваются, — «Оберкомандо Ахтъ» не хочетъ, не можетъ сталкиваться со случайностями...

...Когда 4 сентября восьмая германская армія приходитъ въ движеніе, командиры ея корпусовъ и бригадъ располагаютъ заготовленными на 48 часовъ впередъ приказами. Реннекампфъ же, вѣрный принципу, что les gros bataillons ont toujours raison, собираетъ главныя силы въ кулакъ между Алленбургомъ и Норденбургомъ.

И вотъ разыгрывается послѣдній актъ трагедіи, завершающій Битву на Марнѣ: пораженіе арміи Ренненкампфа, извѣстное, какъ сраженіе на на Мазурскихъ озерахъ.

Южнѣе Франсуа, съ разрывомъ у Лыка, стоитъ 3-я резервная дивизія фонъ Моргена, первая столкнувшаяся съ русской Гродненской группой, которая движется отъ Граева. Седьмого сентября авангардъ этой группы достигаетъ Бялы, опрокидываетъ полки ландвера фонъ деръ Гольца и начинаетъ сворачивать нѣмецкій фронтъ на сѣверъ, стремясь облегчить лѣвый флангъ Ренненкампфа. Три дня проходятъ, пока Моргенъ справляется съ этой опасностью, три дня грохочатъ южнѣе Ренненкампфа орудія и льется кровь людей, стремящихся прорваться съ нему на помощь. Въ то же время вспыхиваетъ бой по всему фронту и два дня

бьется Франсуа, прежде чѣмъ ему удается сломить при помощи своей мощной артиллеріи бревенчатые накаты русскихъ окоповъ. Трое сутокъ полыхаетъ разгорѣвшійся пожаръ боя отъ Балтійскаго моря до Лыка — и только 10 сентября задуманное кольцо Гинденбурга принимаетъ видъ подковы, — начинаетъ сжимать армію Ренненкампфа.

10-го сентября германскіе гвардейцы и карабинеры бьются уже у Гольдапа. Льетъ проливной дождь. За сѣрой сѣткой струй не видно горизонта. И русскіе, и нѣмцы жмутся къ брустверамъ окоповъ по колѣно и выше въ водѣ. Упавшіе раненые захлебываются въ лужахъ, тѣмъ не менѣе бой не ослабѣваетъ.

Больше того!

Одиннадцатаго сентября происходитъ нѣчто неожиданное для Гинденбурга:

Четвертый русскій корпусъ, по личной иниціативѣ его командира Аліева, осуществляетъ съ необыкновеннымъ порывомъ ураганную контръатаку и опрокидываетъ 11-ый германскій корпусъ!

— Какъ же мы это не предвидѣли, экселленцъ?

— Гм...

Гинденбургъ озабоченъ. Людендорфъ рветъ и мечетъ. Тонко задуманый планъ рушится — окружаемый съ юга флангъ первой русской арміи вдругъ становится окружающимъ!

Verfluchte Russen!

Но брань не помогаетъ и надо спѣшно исправлять положеніе, а исправлять нечѣмъ. Вѣдь всѣ подкрѣпленія, посылаемыя въ «корпусъ Энъ» и «бригаду Иксъ» существуютъ только въ радіограммахъ!

Неужели Ренненкампфъ окажется правъ въ своихъ разсужденіяхъ? Въ своей осторожности? Въ своемъ паралитическомъ маршѣ на помощь Самсонову?

Въ ставкѣ «Оберкомандо Ахтъ» отчаяніе. Успѣхъ русскихъ распространяется къ сѣверу, огромныя воинскія соединенія дерутся съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ, штыки скрещиваются, скрежещатъ, мощное «ура» гремитъ въ непроходимыхъ лѣсахъ ,скрывающихъ противника, — еще минута, и даже гвардейцы французскаго фронта не смогутъ спасти арміи Гинденбурга.

И вдругъ...

Да, вдругъ.

Въ тотъ же день, одиннадцатаго сентября, генералъ Орановскій, начальникъ штаба сѣверо - западнаго фронта, принимаетъ изъ рукъ дежурнаго телеграфиста ленту:

«Ковно... Номеръ... Часъ... Минуты... Командующій первой арміей — командующему фронтомъ... Въ долинѣ Роминты обнаружены крупныя непріятельскія кавалерійскія силы тчк первая армія отходитъ на Ковно тчк Реннекампфъ.»

Ковно? Телеграмма изъ Ковно?

— Отъ Ренненкампфа? Но, Орановскій, у васъ галлюцинаціи!

Орановскій, однако, призраковъ не видитъ. Онъ спѣшитъ въ оперативную и телеграфируетъ:

«Срочно. Секретно. Волковыскъ. Номеръ. Часъ. Минуты. Верховному главнокомандующему. Я только что получилъ отъ Ренненкампфа изъ Ковно телеграмму, въ которой онъ сообщаетъ, что прибылъ туда. Это новость почти невѣроятная, но, судя по его поведенію, въ продолженіе двухъ послѣднихъ дней, я склоненъ этому вѣрить. Орановскій.»

Странное стеченіе обстоятельствъ!

Трое сутокъ тому назадъ Гальени воскликнулъ «это невозможно, такихъ вещей на войнѣ не бываетъ», а Монури приказалъ своей артиллеріи перестать стрѣлять, потому что передъ нимъ не было больше врага. Клукъ, неожиданно, словно сквозь землю провалился и, какъ это только позже выяснилось, повернулъ назадъ. То же самое случилось и въ восточной Пруссіи, когда Ренненкампфъ, ложно оцѣнившій опасность, въ которой находился его южный флангъ, внезапно покинулъ поле битвы, даже инстинктомъ не чувствуя, что онъ былъ за пять минутъ до полной побѣды!

Вѣрить этому ни въ штабѣ фронта, ни въ ставкѣ главнокомандующаго сначала не хотѣли. Несомнѣнно не разъ сорвались тамъ такія слова, какъ «этого на войнѣ не бываетъ» — но это было.

А сутками позже командующій сѣверо - западнымъ фронтомъ Жилинскій усиливаетъ въ Барановичахъ смятеніе новой телеграммой:

— Потерявшій хладнокровіе Ренненкампфъ потерялъ связь со своими корпусами. На мой вопросъ: «отдали ли вы войскамъ приказъ отступать?», я получилъ отъ штаба первой арміи отвѣтъ, что никакого приказа отдано не было. Ренненкампфъ объятъ паникой и врядъ ли можетъ исполнять свои обязанности . . .

И вотъ тогда, когда у Гинденбурга въ резервѣ не было больше ни одного солдата, когда Людендорфъ метался отъ одного плана къ другому, отбрасывая всѣ и хватаясь за новые, когда пораженіемъ восьмой германской арміи можно было отплатить за гибель арміи Самсонова, Ренненкампфъ выпустилъ шансъ изъ рукъ, заставивъ 30.000 русскихъ солдатъ сдаться въ плѣнъ, родину — потерять 40.000 молодыхъ жизней, а армію лишиться еще ста пятидесяти орудій . . .

Полны чудесъ были первые сорокъ дней великой войны, чудесъ непонятныхъ и для русскихъ, и для французовъ. Было чудо на Марнѣ, случилось и чудо на Мазурскихъ озерахъ, но чудо, ясное, для одного человѣка — генерала Ренненкампфа: когда Гинденбургъ, памятуя, что лучшей защитой является наступленіе, двинулъ свои войска впередъ, тѣ прокричали свое «хурра» напрасно. Русскіе окопы были пусты, солдатъ генерала Ренненкампфа на поляхъ восточной Пруссіи больше не было. Они вернулись за свою границу, и крѣпостныя ворота закрылись за остатками полковъ . . .

■

Мы беремъ послѣдній аккордъ. Раздвинутымъ до предѣла рейсфедеромъ, подводимъ подъ Битвой на Марнѣ толстую, кровавую черту.

Мы должны сдѣлать это, потому что на берегахъ Марны родилась новая эра.

Во время послѣдовавшихъ четырехъ лѣтъ войны измѣнялась психологія народовъ, мѣнялись души отдѣльныхъ людей. Результатъ этихъ четырехъ лѣтъ наблюдаемъ мы, уцѣлѣвшіе отъ бойни, отъ эпидемій, отъ

голода и террора... Теперь мы видимъ новую жизнь, новыя привычки, новые взгляды на все и... повтореніе ошибокъ прошлаго.

Итогъ Марны, —

печальный.

Къ последнему дню битвы, смертью храбрыхъ пали: 21.000 французовъ, 24.000 англичанъ, 40.000 германцевъ и 90.000 русскихъ.

Ранено было: 122.000 французовъ, 51.000 англичанъ, 173.000 германцевъ и 110.000 русскихъ.

Больно было тѣмъ, которые стояли съ обнаженными головами передъ Тріумфальной Аркой Парижа въ день подписанія Версальскаго договора 28 іюня 1919 года и не видѣли бѣло-сине-краснаго флага страны, отдавшей за дѣло союзниковъ своихъ лучшихъ солдатъ, лучшихъ сыновей родины, и потерявшихъ, въ конечномъ результатѣ, родину вообще. Больно было сознавать, что Россія полностью исполнила свой долгъ, сдержала обѣщаніе, данное французамъ и англичанамъ, пожертвовала двумя арміями, чтобы спасти сердце прекрасной Франціи, — Парижъ, когда ей это было меньше всего выгодно и нужно. Больно было смотрѣть, какъ четыре года спустя бывшіе союзники расхватывали русскій флотъ, топили или интернировали его съ тѣмъ, чтобы никогда не вернуть его законному владѣльцу, чтобы ослабить чѣмъ можно и какъ возможно свою могущественную сестру по оружію.

Сотни тысячъ могилъ покрыли вслѣдъ за битвой на Марнѣ горы, долины и холмы Европы. Подъ Верденомъ, Аррасомъ, Изонцо, Варшавой, Ригой и Галлиполи разстилаются необъятныя поля деревянныхъ крестовъ. Тѣнистыя деревья поднялись уже надъ ними...

Но это не все.

Многимъ памятны милліоны искалѣченныхъ, больныхъ и разоренныхъ, эти призраки, напоминающіе до сихъ поръ улицамъ блистательныхъ столицъ объ озаренныхъ мрачнымъ пламенемъ гримасахъ войны. Жуткія революціи, безчеловѣчный терроръ потрясли страны, содрогавшіяся въ борьбѣ идей. Многіе читающіе эти строки помнятъ годы, когда фунтъ чернаго хлѣба стоилъ больше женской чести, больше золота или алмаза, больше всякаго идеала. Многіе научились понимать, что люди равны въ своихъ страстяхъ и страданьяхъ, что всѣмъ солдатамъ равно тяжко умирать, что, — въ концѣ концовъ, — враги вчера — друзья сегодня, а послѣзавтра — вновь враги, что нѣтъ смысла стремиться къ новому, потому, что все въ результатѣ успокаивается на старомъ.

И вотъ, чтобы тѣ, кто всего этого не знаетъ, и кому прочитанное ново, поняли, что войнами ничего не измѣняется, что идетъ вѣтеръ къ югу и возвращается къ сѣверу, ходитъ вѣтеръ и возвращается на круги своя, мы закончимъ Битву на Марнѣ словами:

Война — буря, которая носится надъ океаномъ, поднимаетъ волны, порождаетъ пѣну, сокрушаетъ скалы и измельчиваетъ ихъ. Пока дробится скала, кажется, что происходитъ что-то новое, но вотъ скалы больше нѣтъ, вмѣсто нея янтарный песокъ, а дальше... дальше опять возвышается скала, скала новая и, въ то же время, старая по своему существу, и волна снова дробитъ ее...

Вы не согласны?

Вспомните, какъ думали люди въ 1918 году, и за какiе идеалы бились они.

А теперь?

Опять армiи...

Флоты...

Тайные сговоры и переговоры...

Гитлеръ... Муссолини...

И единственное, что можетъ оправдать схватки народовъ, это — разъ данное слово, которое было выгравировано русскими на золотомъ кубкѣ, переданномъ Николаемъ Николаевичемъ французскому президенту Пуанкарэ, когда тотъ гостилъ въ послѣднiй разъ въ блистательномъ Санктъ-Петербургѣ:

— Объединенные для славы, спаянные смертью.... Это — долгъ солдата, это удѣлъ храбрецовъ...

КОНЕЦЪ.

12 мая 1938 г.

Библіографія:

Rudolph von Wehrt.
„Tannenberg"
„Die Deutschen kommen"

Winston Churchill.
„Weltkrisis 1911—1914"

Ген. проф. Н. Н. Головинъ.
«Изъ исторіи кампаніи 1914 г.» т. I.

Мих. Лемке.
«250 дней въ царской ставкѣ».

Robert Boucard.
„Les secrets du G. Q. G."

Col. Argueyrolles.
„Le cup de dès de Tannenberg"
„Bis hierher und nicht weiter!"

Herm. Stegemann.
„Geschichte des Krieges"
"The two battles on the Marne"

Gen. A. von Kluck.
„Der Marsch auf Paris und die Schlacht am Ourcq"

Frankfurter Illustrierte Zeitung 1937.
„Fürstenhöfe und Hauptquartiere"

Gringoire 1937.

К

